

Заглавие

**История Кабардино-Балкарской
АССР с древнейших времен до
Великой Октябрьской
Социалистической революции**

Подзаголовочные данные и сведения об ответственности

Страна и место издания

Россия, Москва;

Издатели: **«Наука»**

Период издания

1967

Периодичность:

Том 1-2

Примечание

Место хранения оригинала, шифр

**ФГУ " Российская государственная библиотека "
Б 67-38/81; Б 67-38/83**

трафарет содержания рулона

заглавие	История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции
хронологический охват материалов на рулоне	1967, Т. 1
приложения	
отсутствуют след. номера (стр.)	
оригинал плохо читается (№ журн. и стр.)	Бумага желтая, отдельные страницы отреставрированы;
неправильный переплёт (№ журн. и стр.)	

**ИСТОРИЯ
КАБАРДИНО-
БАЛКАРСКОЙ
АССР**

**С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ**

**В ДВУХ
ТОМАХ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО-НАУКА · МОСКВА · 1967

D $\frac{67-38}{81}$

История
ИСТОРИЯ

$\frac{811-16}{2}$

КАБАРДИНО-
БАЛКАРСКОЙ
АССР

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТОМ
1

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА · МОСКВА · 1967

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

Т. Х. КУМЫКОВ
(главный редактор),
З. В. АНЧАБАДЗЕ,
В. К. ГАРДАНОВ,
А. В. ФАДЕЕВ,
А. Х. КАСУМОВ,
Г. Х. МАМБЕТОВ,
Х. И. ХУТУЕВ

2
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
8. СР
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1967 г. — 81742

2015128973

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кабардино-Балкарская Автономная Советская Социалистическая Республика расположена в Центральном Предкавказье и административно входит в состав РСФСР.

Кабардино-Балкария — республика многонациональная. На ее территории, составляющей 12,5 тыс. кв. км, проживают представители почти всех народов СССР, в том числе 190 300 человек (45,3%) кабардинцев, 162 600 (38,7%) русских, 34 100 (8,1%) балкарцев, 8400 (2%) украинцев, 6400 (1,5%) осетин, 2200 (0,5%) горских евреев и 16 100 (3,9%) представителей других национальностей. На 1 января 1967 г. население республики составляло свыше 530 000 человек.

«История Кабардино-Балкарской АССР» — это история многовековой дружбы и братства близких по территории, обычаям и психологии кабардинцев и балкарцев с другими народами Страны Советов. Более четырехсот лет прошло с того времени, как кабардинцы добровольно соединили свою судьбу с судьбой русского народа. Вместе с русским и другими народами нашей великой страны кабардинцы и балкарцы прошли через века, совместно отстаивали священную землю предков от многочисленных иноземных захватчиков, боролись за социальное и национальное освобождение, вместе боролись против царизма, за победу Советской власти. Эта борьба полна примеров самоотверженности и героизма, она интернациональна по своему характеру и воспитывает у трудящихся любовь к отечеству, вдохновляет их на созидательный труд во имя построения коммунизма.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла перед народами Кабардино-Балкарии, как и всей страны, неограниченные возможности экономического, политического и культурного развития. В 1921 г. была создана Кабардинская автономная область. В 1922 г. получили автономию балкарцы и образовалась Кабардино-Балкарская автономная область, преобразованная в 1936 г. в Кабардино-Балкарскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Строительство нового общества вызывало к жизни веками дремавшее народное творчество. Росла активность трудящихся в общественной, хозяйственной и культурной жизни. Кабардино-Балкария меняла свое лицо. Из отсталой аграрной области она превратилась в высокоразвитую индустриально-аграрную республику. Возникли десятки и сотни современных заводов и фабрик. Организованы колхозы и совхозы, оснащенные мощной сельскохозяйственной техникой. Край, где до Великого Октября грамотность среди кабардинцев составляла 2%, а среди балкарцев 0,9%, стал краем сплошной грамотности. В республике имеются сотни средних учебных заведений, университет, три института, культурно-просветительные учреждения и учреждения народного здравоохранения. На базе богатых минеральных источников открыты санатории, лечебницы, дома отдыха.

За успехи в развитии социалистического сельского хозяйства Кабардино-Балкария одной из первых в СССР в 1934 г. удостоилась высшей награды — ордена Ленина. Второй орденом Ленина она получила в 1957 г. в ознаменование четырехсотлетия добровольного присоединения Кабарды к России за достижения в развитии народного хозяйства и социалистической культуры.

Советская историческая наука за полстолетия достигла значительных успехов в изучении истории народов Кабардино-Балкарии. Ряд важнейших проблем решался на научных сессиях, написаны монографические исследования, осуществлены публикации документов. Однако до сих пор не было полного, систематизирующего труда по истории народов Кабардино-Балкарии. Настоящее двухтомное издание, выпускаемое к пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции — первая попытка осветить основные этапы исторического развития народов Кабардино-Балкарии с древнейших времен до наших дней. Издание не претендует на исчерпывающее решение всех актуальных проблем истории Кабардино-Балкарской АССР.

Двухтомная «История Кабардино-Балкарской АССР» подготовлена Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом. В ее создании принимали участие и сотрудники Института истории, этнографии и археологии Академии наук СССР, Института истории Академии наук Грузинской ССР, Музея этнографии народов СССР и др. Авторский коллектив и редакционная коллегия, приносят глубокую благодарность всем учреждениям и ученым, которые прислали свои отзывы и приняли участие в обсуждении настоящего издания.

ВВЕДЕНИЕ

Кабардинцы и балкарцы — основные национальности современной Кабардино-Балкарской АССР — являются древнейшими жителями Северного Кавказа. Предки многих народов Северного Кавказа, в том числе кабардинцев и балкарцев, обитали в районе от Прикубанья до Дагестана с неолитической эпохи. Представляя собой почти единый антропологический тип, они обладали сходной материальной культурой и говорили на близких языках кавказского корня. В эпоху раннего железного века начинается трансформация местного (кавказского) этнического ядра. Этот процесс формирования современных народов Северного Кавказа завершается в период средневековья.

Исторические судьбы кабардинцев и балкарцев тесно связаны с историческими судьбами соседних народов. Поэтому при освещении древнего периода авторы данного тома сочли необходимым несколько расширить состав материалов, посвященных истории сарматов и алан, болгар и кипчаков, синдов и меотов и т. д. Территориально изложение древнего периода охватывает весь Северо-Западный Кавказ, где в далеком прошлом обитали предки кабардинцев, и Центральное Предкавказье, где жили предки балкарцев и карачаевцев. Это дало возможность показать, что древняя культура Северного Кавказа является общим достоянием кабардинцев, балкарцев, адыгейцев, карачаевцев, черкесов, осетин, чеченцев и ингушей.

Кавказ был ареной многочисленных передвижений разных этнических групп. Здесь сохранились остатки культур различных эпох и народов, органически вошедшие в культуру кабардинцев, балкарцев и др. История Кавказа тесно связана с историей древнего Востока, Греции и Рима.

Историческое развитие у адыгов и балкаро-карачаевцев шло по линии поступательного движения через родовой и феодальный строй, имевшие свои особенности.

В V в. до н. э. синды, являющиеся одним из предков современных кабардинцев, адыгейцев и черкесов, создали раннее

рабовладельческое государство, которое сыграло известную роль в истории Северного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа. Но другие предки адыгов (дандарии, псесы, фатен и т. д.) так же, как и предки балкарцев, не прошли стадию рабовладения. Рабство у них имело патриархальную форму.

Время распада родового строя, зарождения и установления феодализма у кабардинцев и балкарцев относится примерно к IV—XIV вв. Становление и развитие феодализма в Кабарде и Балкарии протекало в сложных внешнеполитических условиях. Нашествия гузнов, хазар, монголов и, наконец, крымских татар сильно тормозили развитие экономики и культуры. Но несмотря на это, именно в этот период завершается процесс консолидации кабардинского и балкарского народов.

С XV в. начинается период феодальной раздробленности, продолжавшейся до 20-х годов XIX в. На этом этапе важнейшим событием в жизни Кабарды и Балкарии явилось добровольное присоединение Кабарды к России, имевшее историческое значение не только в судьбах этих двух народов, но и в судьбах всех братских народов Северного Кавказа. Под влиянием России здесь ускорилось развитие производительных сил и товарно-денежных отношений. В XVIII — первой половине XIX в. наблюдается влияние передовой России на развитие общественной мысли в Кабарде и Балкарии. На протяжении почти трех столетий кабардинский и балкарский народы вели героическую борьбу против крымских, турецких, персидских и иных завоевателей, пользуясь поддержкой России.

С середины XVIII в. царизм начал открыто вмешиваться в общественно-политическую жизнь Кабарды. От политики заигрывания с ее феодальной верхушкой царское правительство переходит к открытой завоевательской и угнетательской политике. Грубый произвол и насилие, чинимые царскими чиновниками по отношению к местному населению, вызывали резкий протест с его стороны. Борьба кабардинского и балкарского народов против местной знати сочеталась с их антиколониальной борьбой. Подрывная деятельность иностранных государств, стремившихся в своих целях использовать усиление антиколониальной борьбы и оторвать Кабарду и Балкарию от России, не привела к желаемым для них результатам.

В 60-х годах XIX в. в Кабарде и Балкарии, как и на всем Северном Кавказе, проводится ряд социальных реформ, которые ускорили переход экономики Кабарды и Балкарии на рельсы капиталистического развития. В дальнейшем, в период перерастания капитализма в империализм, экономика Кабарды и Балкарии постепенно втягивается в орбиту всероссийского рынка, нивелируются местные особенности, капитализм начинает проникать во все отрасли хозяйства, складывается сельская буржуазия. Вместе с тем происходят серьезные сдвиги и в разви-

тии культуры кабардинского и балкарского народов, появляются местная интеллигенция, светские школы.

Яркой страницей в истории кабардинского и балкарского народов является совместная революционная борьба с русским рабочим классом и крестьянством за ликвидацию крепостнического и капиталистического гнета.

Первый том «Истории Кабардино-Балкарской АССР», охватывающий период с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, имеет богатую источниковедческую базу. Основными источниками для характеристики древнейшей и средневековой истории кабардинцев и балкарцев являются сохранившиеся памятники материальной культуры, открытые археологами. Они в сочетании с ценнейшими сведениями, сообщаемыми в трудах греческого историка Геродота, географов Страбона и Птолея и других авторов, позволяют восстановить территорию древних адыгских племен, процесс становления классового общества на Западном и Центральном Кавказе.

Много интересных сведений по различным вопросам истории адыгских и других народов Северного Кавказа содержатся в трудах византийских историков Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного, арабских энциклопедистов ал-Масуди и Ибн-Русте. В энциклопедии Масуди «Мурудж аз-захаб» собраны интересные данные о социально-экономических отношениях адыгских племен, об их отношениях с аланами, народами Малой Азии и другими. Ценные данные по истории народов Западного и Центрального Кавказа имеются и в анонимном труде персского географа второй половины X в. «Худуд ал-алам», в армянской географии Моисея Хоренского, у грузинского географа Вахушти и в грузинской летописи.

Большую ценность для изучения истории адыгов в XII—XV вв. представляют труды итальянских писателей И. Барбаро, Г. Интериано и др. Полезные сведения по истории XVII в. сообщает в своих трудах турецкий путешественник и дипломат Эвлий Челеби.

Древняя и средневековая история адыгов и балкаро-карачаевцев нашла свое отражение и в обычном праве, и в фольклоре этих народов. Особенно ценный материал содержится в нартекском эпосе. В нем прослеживаются многие стороны общественно-экономической жизни древних адыгов и балкарцев с момента зарождения родовых отношений и до возникновения феодального уклада. Устное народное творчество кабардинцев и балкарцев дает богатый материал для изучения социальных и политических проблем, связанных с развитием феодальных и капиталистических отношений, связей с другими народами, борьбы с иностранными завоевателями, развития революционной и антиколониальной борьбы.

Начиная с XVI в. основными становятся русские источники. Особую группу среди них составляют русские летописные известия о народах Северного Кавказа. Здесь отражены русско-кабардинские связи, начиная со времени Святослава до Ивана Грозного, имеются сведения о первых кабардино-черкесских посольствах в Москву в 1552 г. и о последующих связях Кабарды с Россией в 60—70-е годы XVI в.

Ценным источником при написании «Истории Кабардино-Балкарской АССР» служили «Акты Кавказской археографической комиссии», отчеты начальников Терской области, главнокомандующих Кавказской армией, наместников на Кавказе, труды «Терско-Кубанской сословной» и Абрамовской землеустроительной комиссий, сборник архивных документов, изданный С. А. Белокуровым, а также различные статистические сборники и справочники, издававшиеся в ту пору, и периодическая печать.

Богатый материал представлен в сборниках архивных документов «Крестьянская реформа в Кабарде», «Обычное право кабардинцев», «Кабардино-русские отношения», «Материалы по истории Балкарии» и др. Широко использованы и документы, хранящиеся в архивах Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Орджоникидзе, Нальчика и других городов. Используются интересные материалы иностранных путешественников XVII—XVIII вв., а также записи русских офицеров, побывавших на Северном Кавказе (А. Олеария, К. Главани, М. Пейсонеля, И. Г. Гербера, П. С. Потемкина, Я. Рейнегса, И. А. Гюльденштедта, П. С. Палласа и др.).

Более глубокое изучение истории Кабарды и Балкарии начинается с XIX в., в связи с усилением экспансии царизма на Северном Кавказе. В это время появились записки И. П. Дельпоццо и князя И. В. Шаховского, работа С. М. Броневского, являющиеся наиболее ранними и полными описаниями кабардинцев и носящие характер источника.

Большой вклад в изучение истории и этнографии адыгских народов внесли как труды местных авторов Ш. Ногмова («История адыгейского народа»), Хан-Гирея («Записки о Черкесии» и др.) и Д. С. Кадзокова, так и работы К. Ф. Сталя, Л. Я. Люлье, Н. И. Карлгофа, И. Л. Дебу и др. Приводя интересные материалы о быте и общественном строе черкесов, они высказывают ряд важных соображений о происхождении адыгских народов, об их социальном и политическом строе. При написании данного тома использованы капитальные труды Н. Ф. Дубровина, М. М. Ковалевского, Ф. И. Леонтовича, П. Г. Буткова, В. Ф. Миллера и других, созданные ими в 60—80-х годах XIX в.

Большую помощь в освещении социально-экономического развития Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX в. оказали работы О. В. Маргграфа, Г. А. Вертепова, А. С. Пира-

лова, Е. Д. Максимова, Н. П. Тульчинского, Н. Д. Гапбова, а также местных авторов А. Ардасенева, В. Н. Кудашева и М. Абаева.

Во второй половине XIX — начале XX в. Северный Кавказ, в том числе Кабарда и Балкария, постепенно втягивались в орбиту российской экономической системы, в горской деревне более ускоренными темпами развивались товарно-денежные отношения. Глубоко научное, марксистское освещение этот вопрос получил в трудах В. И. Ленина, широко использованных авторами тома.

Из краткого обзора дореволюционной литературы видно, что буржуазно-дворянская историография накопила определенный материал по истории Кабарды и Балкарии. Она поставила вопрос о феодализме в Кабарде и Балкарии, но решение его оказалось непосильным для дворянско-буржуазной науки. В лучшем случае ее представители ограничивались поверхностным изучением социально-экономической жизни кабардинцев и балкарцев с точки зрения буржуазных или дворянских правовых норм.

С установлением Советской власти историческая наука в Кабардино-Балкарии вступила в новую фазу развития. Если дореволюционные авторы почти не затрагивали вопросы истории революционной борьбы крестьянства, то теперь эта проблема стала одной из ведущих. В 1921 г. была издана работа Б. Э. Калмыкова «Революционное движение в Кабарде». В 1922 г. из Москвы в Кабардино-Балкарию приехала группа специалистов с целью изучения истории и экономики края. Результаты экспедиции были обобщены и опубликованы в 1928—1929 гг. в «Трудах по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды».

Открытие Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института (1926 г.) и Кабардино-Балкарского государственного педагогического института (1932 г.) способствовало дальнейшему развитию исторической науки в Кабардино-Балкарии.

Особенно интенсивная разработка проблем истории республики началась в послевоенный период. Большой вклад в это дело внесли профессоры Е. И. Крупнов, С. К. Бушуев, Н. А. Смирнов, А. В. Фадеев, Е. Н. Кушева, Г. А. Кокпиев, В. К. Гарданов, Л. И. Лавров и сотрудник Музея народов СССР Е. Н. Студенецкая.

История кабардинцев и балкарцев нашла марксистское освещение и в работах местных авторов Х. Г. Берикетова, Ч. Э. Карданова, Т. Х. Кумыкова, И. Ф. Мужева, Г. Х. Мамбетова, Н. Х. Тхамокова, И. В. Трескова, М. М. Цораева, А. И. Щеголева, Т. Т. Шпковой, А. Т. Шортанова.

До последнего времени не было ясности в вопросе о времени становления и утверждения феодализма у адыгов, происхожде-

нии балкарцев и карачаевцев. В 1959 г. в Нальчике была созвана специальная научная сессия, посвященная обсуждению важной проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев. Выводы сессии, что балкарцы и карачаевцы — древние народы Северного Кавказа, имели большой политический и научный резонанс.

Благодаря исследованиям А. А. Иессена, С. Н. Замятина, П. Г. Акритаса, Е. П. Алексеевой и Н. В. Анфимова, в особенности Е. И. Крупнова археологический раздел в истории Кабардино-Балкарии получил сравнительно лучшее освещение, чем период раннего средневековья. Новейшие достижения советской археологической науки на Северном Кавказе изложены в книге Е. И. Крупнова, удостоенной Ленинской премии.

Новым этапом в развитии и становлении исторической науки в Кабардино-Балкарии был выход в свет в 1957 г. «Истории Кабарды» и «Очерков истории балкарского народа», являющихся первыми обобщающими трудами по истории кабардинского и балкарского народов.

Таким образом, первый том «Истории Кабардино-Балкарской АССР» создан на основе большого количества выявленных и изученных архивных и литературных источников. Он является итогом многолетнего творческого труда значительного коллектива ученых.

Главы первого тома написали доктора исторических наук, профессора З. В. Анчабадзе, В. К. Гарданов, Е. И. Крупнов, Т. Х. Кумыков (руководитель авторского коллектива), Е. Н. Кушева, Л. И. Лавров, М. С. Тотоев, А. В. Фадеев, доктор филологических наук, профессор И. В. Тресков, кандидаты исторических наук Т. Д. Боцвадзе, Г. И. Ионе, В. П. Крикунов, В. А. Кузнецов, Г. Х. Мамбетов, И. Ф. Мужев, Т. Т. Шикова, кандидат искусствоведения А. Т. Шортанов, кандидат филологических наук А. Ю. Бозиев, кандидат педагогических наук И. П. Копачев, старший научный сотрудник Музея этнографии народов СССР Е. Н. Студенецкая, научный сотрудник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института М. М. Цораев.

В редактировании IV и V глав участвовала Е. П. Алексеева, IV главы — В. А. Кузнецов. Подготовка тома к изданию осуществлена Г. Х. Мамбетовым.

**РАЗДЕЛ
ПЕРВЫЙ**

•

**Первобытнообщинный
строй
и зарождение
классового общества
на территории
северо-западного
Кавказа
и Кабардино-Балкарской
АССР**

•

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЕРВОБЫТНОГО СТРОЯ

1. КАМЕННЫЙ ВЕК И ЭНЕОЛИТ. (ДОРОДОВОЕ ОБЩЕСТВО. МАТРИАРХАЛЬНАЯ РОДОВАЯ ОБЩИНА.)

Кавказ был заселен людьми с древнейших времен. Каменные орудия, обнаруженные здесь во многих местах, являются наиболее ранними из найденных на территории СССР. Они

Древнейшие люди
на Кавказе

относятся к эпохе нижнего палеолита и представлены шелльскими и ашельскими ручными рубилами, отщепами и пластинами, сделанными из кремня, обсидиана и базальта. Люди, изготовлявшие эти орудия, жили небольшими ордами, или «стадами». Это была древнейшая форма общественной жизни человека. Пещерные стоянки и орудия, относящиеся к следующему этапу развития человека — к среднему и верхнему палеолиту, обнаружены в Закавказье, а в последние годы — почти во всех районах Северного Кавказа.

Ближайшие к Кабардино-Балкарии палеолитические памятники найдены в Северной Осетии (на Лысой горе близ г. Орджоникидзе), в Краснодарском крае (у станиц Саратовской, Смоленской и Бакинской близ Майкопа, в бассейне Лабы, на Фортепьянке и др.), а также близ станицы Ильской на Кубани. Эти памятники отражают последовательное развитие местной культуры, когда в борьбе с суровой природой человек уже сделал величайшее открытие — научился добывать огонь и успешно пользоваться им. Огонь во много раз увеличил его силы в борьбе с природой.

Живя на речной террасе под открытым небом, обитатели Ильской стоянки имели жилища типа шалашей, занимались охотой и собирательством. Люди жили тогда еще родовыми ордами (эндогамными коммунами), в которых все братья и сестры могли быть мужьями и женами друг друга. В нартском эпосе адыгов и осетин сохранились отзвуки былого существования на Кавказе группового брака и кровнородственной семьи.

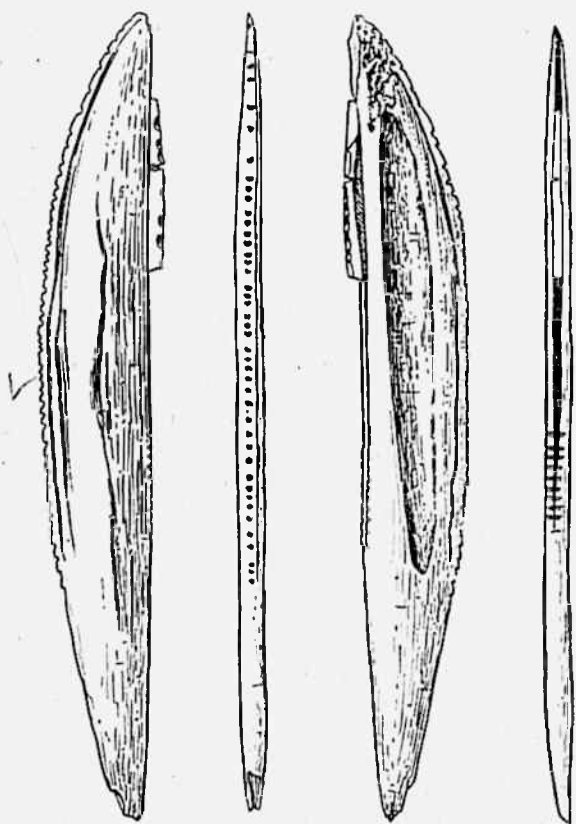
Через эту ступень общественного развития прошло все человечество на заре своей истории. К этому времени уже сложилась членораздельная речь.

Период существования раннеродового общества на территории Кабардино - Балкарии представлен каменным орудием, найденным в 1954 г. в Баксанском ущелье около сел. Лашкуты, и материалами из самого нижнего слоя в гроте Сосруко. Они служат доказательством заселения территории Кабардино - Балкарской АССР палеолитическим человеком.

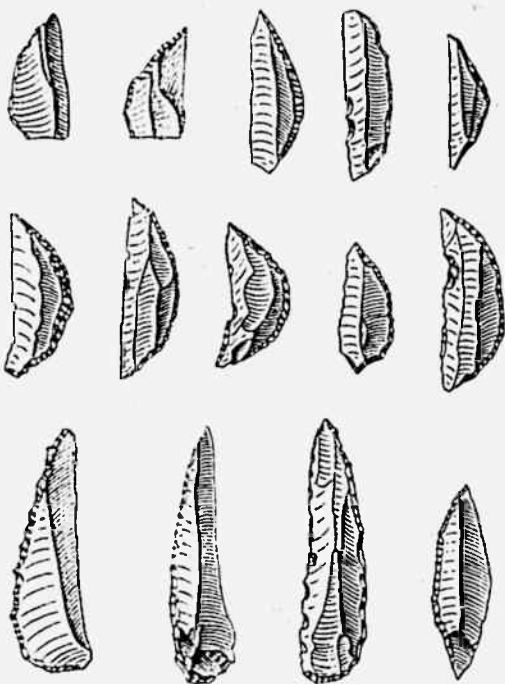
Следующий период в развитии человечества — мезолит — является переходным от палеолита к неолиту, или новокаменному веку.

Мезолитические памятники на Кавказе изучены слабо. Поэтому большое значение для древнейшей истории всего Кавказа этого периода имеет исследование в 1955—1957 гг. первобытных стоянок человека в Баксанском ущелье. Раскопки стоянки в гроте Сосруко доказали, что он заселялся человеком неоднократно с конца верхнего палеолита. Здесь отложился мощный культурный слой, отражающий жизнь человеческого коллектива каменного века на протяжении 10—12 тыс. лет, еще до знакомства его с гончарным делом. Кремневый наконечник стрелы, костяные ножи, дротики, кости диких животных (олени, кабана и косули) указывают на значительную роль охоты в хозяйстве обитателей грота. Практиковалось в то время также собирательство плодов и моллюсков. В этот период люди жили уже матриархальными родовыми общинами, связанными между собой постоянным коллективным трудом и кровнородственными узами.

В 1924 г. на размытой древней стоянке на р. Кенже, близ Нальчика, были обнаружены каменные (кремневые и обсидиан-

Костяной нож с пазом для вставки каменных пластинок (мезолитическая стоянка грота Сосруко близ сел. Лашкуты)

Кремневые орудия из мезолитического слоя грота Сосруко

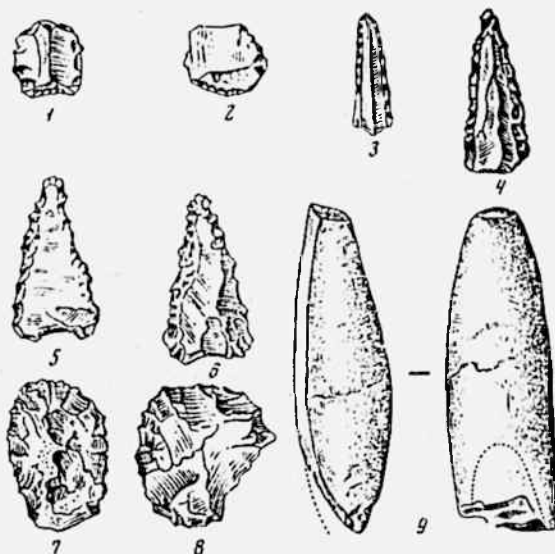
и. э. Здесь обнаружены шлифованные каменные топоры, долота, скребки, ножи, обломок просверленный булавки, небольшие терки и различные песты и терочки. Здесь найдена также первая, еще грубая, глиняная посуда. Она обожжена слабо, так как обжиг производился на костре или в открытой яме, где получить высокую температуру нельзя. Однако дно у сосудов было уже плоским, а край горла слегка отогнут наружу. Впервые на керамике прослеживается зарождение маленьких ручек, или ушек, получивших широкое распространение на Кавказе позднее. Очень интересен фрагмент схематизированной глиняной статуэтки в виде овальной человеческой головы. При сопоставлении этого фрагмента с известными статуэтками трипольской культуры Украины, а также с некоторыми энеолитическими статуэтками Кавказа, например с дагестанской статуэткой, можно проследить зарождавшиеся связи местного общества с другими племенами. На Агубековском поселении были найдены также остатки полуземлянки и кости дикой свиньи. Очевидно, обитатели поселения вели охотничье-собираческое хозяйство.

Довольно близким Агубековскому поселению, но знаменующим новый этап местной истории — энеолитический, т. е. переход от камня к металлу, является могильник, обнаруженный в 1923 г. в западной части Нальчика. Небольшая холмообраз-

новые) осколки с явными следами обработки, относящиеся уже к раннему докерамическому неолиту. Подобные каменные орудия найдены и в верхних слоях гротов Сосруко, Сос и Кала-Тюбю, близ сел. Верхний Чегем. Они служили вкладышами, которыми оснащались костяные или деревянные орудия труда и орудия.

О быте населения в период позднего неолита не только Кабардино-Балкарии, но всего центрального района Северного Кавказа можно судить по материалам, найденным недалеко от Нальчика, на Агубековском поселении, относящемся к рубежу IV—III тысячелетий до

ная насыпь могильника прикрывала около 200 погребений. Это — родовое или родо-племенное кладбище. Большинство скелетов было окрашено красной охрой, которой в древности посыпали погребенных, приписывая ей священные функции огня как очистительной силы. Погребальный инвентарь имел неолитический облик, но обладал уже кремнем, а не обсидиан. Здесь обнаружены обломки архаичной глиняной посуды, костяные кольца, пластинки из клыков кабана, каменная булава и браслеты, вырезанные из мергеля.

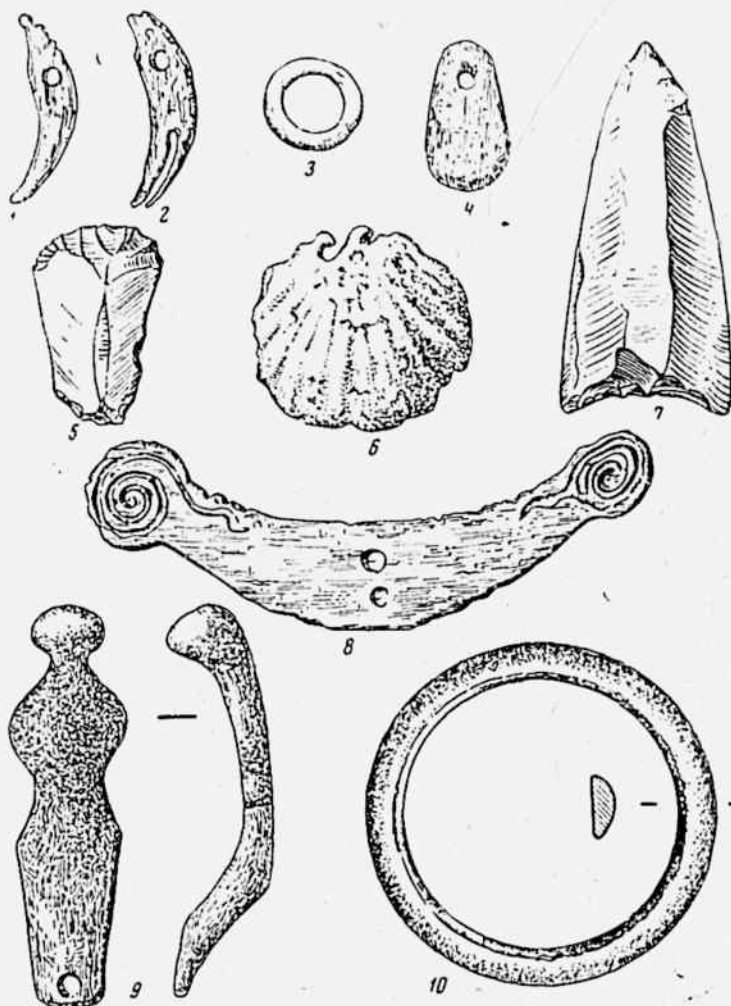
Неолитические орудия

1, 2 — микролитические скребки (стоянка на р. Кенже); 3 — 8 — кремневые проколки, наконечники стрел и скребки (Агубековское поселение); 9 — кремневый топор (Агубековское поселение)

Для датировки могильника решающее значение имеет маленькое медное колечко — первый предмет из металла, встреченный в столь ранних памятниках Северного Кавказа. Оно, как и сердоликовые, мраморные и пастовые бусы, явно привозное (скорее всего из Закавказья или Передней Азии). Это указывает на связь местного населения с обществом, знакомым с металлом. Могильный инвентарь содержит уже признаки, позднее ставшие присущими культурам эпохи ранней бронзы: скорченное положение погребенных, применение при захоронении охры, привозные украшения, присутствие металла. Время существования Нальчикского могильника — вторая четверть — середина III тысячелетия до н. э.

Таким образом, между Нальчикским могильником и Агубековским поселением не было большого хронологического разрыва.

Все эти материалы позволяют дать социально-экономическую и историко-культурную характеристику жителей, обитавших на территории Кабардино-Балкарии 5 тыс. лет назад. Довольно редкое население этого периода занимало отлогие склоны долин в предгорных районах. Жилищами служили полуземлянки, хижины, стены которых состояли из плетней, обмазанных глиной и снаружи засыпанных землей. Основой хозяйства была охота, с заметными признаками земледелия и скотоводства. Охота, как

Инвентарь Нальчикского могильника

1, 2, 4 — подвески из зубов животных; 3 — костяное кольцо; 5 — кремневый скребок; 6 — просверленная раковина; 7 — наконечник стрелы; 8 — пластинка из клыка кабана с изображением змеи; 9 — каменная статуэтка; 10 — каменный браслет

и начальное скотоводство, была делом мужчин, собирательство и выросшее из него мотыжное земледелие — обязанностью женщин и детей.

Изготовление глиняной посуды также лежало на женщинах. Сферы мужского и женского труда были четко разграничены, и эта форма поло-возрастного разделения труда закреплялась всевозможными запретами. Работа сопровождалась различными обрядами, за выполнением которых строго следили старики. Они по преимуществу несли общественные функции (старейшин и жрецов).

Древнее население Кабарды и Балкарии, как и сопредельных территорий Северного Кавказа, в то время жило уже развитым

матриархально-родовым строем. Экономической значимостью женских занятий (собираательство, особенно домашнее производство, мотыжное земледелие) определялось и положение женщины в семье и обществе. Женщина была не только равна мужчине, но нередко занимала и более высокое положение в общественной жизни.

**Расцвет
матрилокального
рода**

Глиняные фигурки с Агубековского поселения и из Нальчикского могильника, сходные с женскими статуэтками древнейших культур Старого Света, представляют собой одно из вещественных отражений стадии матриархата, когда материнское родство являлось основой родо-племенной организации. Как известно, сущность материнского рода наглядно выражается в семейно-брачных и родовых порядках. Вопросы происхождения, принадлежность к той или иной родо-племенной группе, счет родства устанавливаются по материнской линии. Имущество умерших остается в материнском роде; муж часто переходит в род жены. Самым авторитетным лицом для детей является не отец, а дядя по матери. Вместе с тем в начале энеолитической эпохи возникает парная семья, что доказывается наличием в Нальчикском могильнике совместных захоронений мужчины и женщины.

При коллективном в то время производстве (охоте, собираательстве, а позднее и мотыжном земледелии) коллективной была и собственность на основные орудия труда и производства. Существовавшее индивидуальное производство лишь дополняло коллективное. Здесь не было места господству и угнетению.

**Общественное
разделение
труда**

На этом же этапе «низшей ступени варварства» развивается и общественное разделение труда, которое уже давно выступает в специализированном домашнем производстве, а также в форме междуобщинного и межплеменного обмена. Обычно оно обусловлено особенностями природных условий, облегчающих развитие производства той или иной продукции сверх собственных нужд определенного рода или племени. Так, обмен кремнем или обсидианом для изготовления орудий и оружия возник еще в III тысячелетии до н. э. На это указывает поразительное сходство обсидиана, из которого сделаны орудия, находимые в районах Северо-Западного Прикаспия, с сортами обсидиана из Баксанского ущелья. Кусок горного хрусталя из Марипольского могильника, каменные браслеты из Криволучья (Поволжье) и украшения из морских раковин были доставлены, очевидно, с Кавказа, который имел связи с Передней Азией. Медные бляшки из Верхне-Акбашского кургана были привезены, по-видимому, из Закавказья, где металлические (медно-мышьяковые) изделия изготовлялись уже в III тысячелетии до н. э.

Не только об обмене, но и о культурной общности можно судить по каменным браслетам и другим предметам из нальчикских могил.

Изучение энеолитических и последующих памятников Кавказа проясняет важный вопрос об определенной культурной общности памятников Прикубанья, Пятигорья, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и даже Грузии. Весьма вероятно, что эта общность объясняется этнической близостью древнего населения всех этих районов, поскольку современные антропологи признают принадлежность к единому антропологическому (кавказскому) типу всех народов Северного Кавказа, от Прикубанья до Дагестана, а также Грузии, относящихся к единой кавказской языковой семье.

Древнейшие религиозные представления

При крайне низком уровне развития производительных сил люди были еще беспомощны в борьбе с силами природы. Поэтому все непонятные явления они объясняли вмешательством сверхъестественных сил. Еще в палеолите возникли зачатки первобытной религии. К этому же времени на Кавказе уже сложился обычай хоронить умерших с вещами, окружавшими человека при жизни: в могилу родича клали орудия труда, украшения, оружие и пищу. Так создавался культ предков, доживший у народов Кавказа почти до современности.

С верованиями в разных духов, добрых и злых, различных родовых божеств-предков (тотемов), иногда в виде птиц и животных, в разных покровителей охоты, урожая и т. д. зарождаются разнообразные колдовские обряды. Посредниками между воображаемыми духами и рядовыми членами рода были жрецы (колдуны). Например, перед охотой и после удачной охоты, которая тогда имела общественный характер, жрецы совершали моления и гадания, сопровождавшиеся иногда сложными церемониями и массовыми жертвоприношениями. И не случайно в шальчикских погребениях наблюдается обилие различных поделок из клыков кабана и зубов оленя. Олень и кабан, вероятно, были тотемами определенных родовых групп.

2. БРОНЗОВЫЙ ВЕК. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАТРИАРХАЛЬНОГО РОДА (СЕРЕДИНА III — КОНЕЦ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.)

Время существования Налчикского могильника является заключительной фазой неолита и самой ранней эпохой металла, когда на Кавказе создавались предпосылки для наступления века меди и бронзы. Развитие человеческого общества в эпоху меди и бронзы достигло такой ступени, когда основной общественно-хозяйственной единицей становится патриархальная семейная община (род) во главе со своим родоначальником — патри-

Возникновение патриархата

ка меди и бронзы достигло такой ступени, когда основной общественно-хозяйственной единицей становится патриархальная семейная община (род) во главе со своим родоначальником — патри-

архом. В основе каждого такого рода находится все та же парная семья, возникшая еще при матриархате.

Именно в это время возникает первое крупное общественное разделение труда, когда выделяются отдельные племена, занимающиеся скотоводством (в Прикубанье) и преимущественно земледелием (в Кабардино-Балкарии и в восточных районах края).

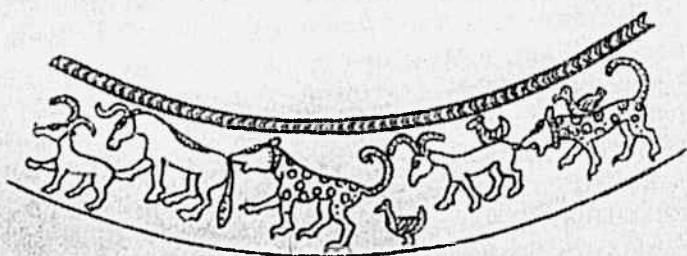
Почти все признаки, характерные для этого периода, хорошо прослеживаются по памятникам Кабардино-Балкарии и всего Северного Кавказа середины III—II тысячелетия до н. э.

С возникновением патриархального рода стало развиваться имущественное неравенство.

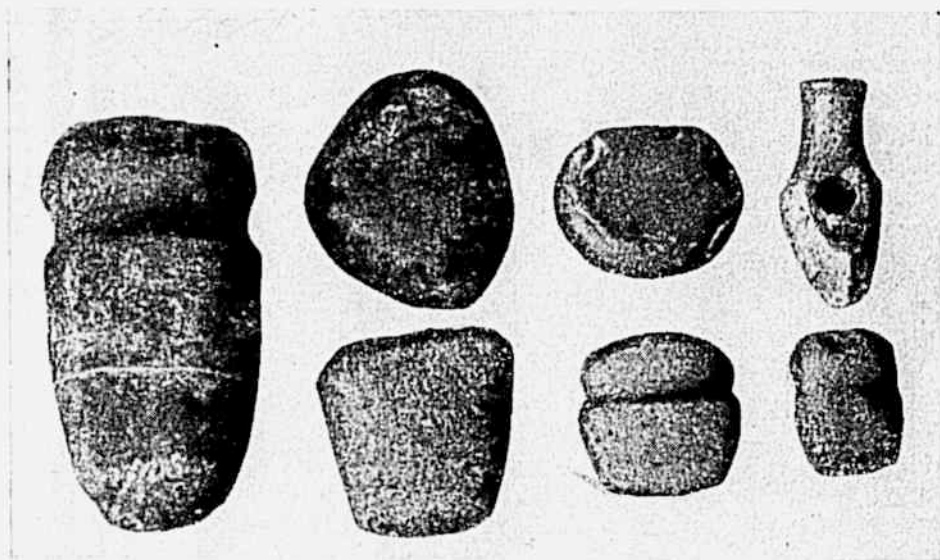
Майкопская культура

Выдающимся явлением в древней материальной культуре всего Кавказа, свидетельствующим о значительном накоплении, очевидно, награбленных в различных войнах богатств в руках родо-племенной верхушки, является Майкопский курган, раскопанный в 1897 г. Его высота достигала почти 11 м, основание было окружено кольцом из камня, а в центре находилась огромная яма. Ее стены были обшиты деревом, дно устлано мелким булыжником. Могилу покрывал деревянный накат. Деревянными же перегородками она была разделена на три неравные части. Мужской скелет находился в большой камере, в меньших камерах были женские захоронения. Тот факт, что основное — мужское — погребение сопровождалось женскими, указывает на наличие патриархальных отношений. Погребенные лежали в скорченном положении и были сильно окрашены красной охрой. Здесь был, очевидно, похоронен вождь племени. Кости погребенного были усеяны золотыми украшениями. В погребении найдены 68 золотых штампованных фигурок львов, 19 изображений быков, 38 штампованных колец, 2 золотые ленты, 10 двойных пятилепестковых розеток (от диадемы), золотые серьги, бляшки, множество золотых, серебряных, бирюзовых и сердоликовых бус, пронизей и других украшений. Интересны остатки балдахина в виде шестиметровых трубок, украшенных двумя золотыми и четырьмя серебряными фигурками быков. Из 17 сосудов два были золотые, один каменный и 14 серебряных. Обнаружены также кремневые наконечники стрел, каменный топор и 10 медных кованых орудий. В двух женских могилах были золотые бусы и серьги, а также хозяйственная утварь — медные котлы, ведро и сосуды.

В настоящее время известно уже несколько десятков памятников на Северном Кавказе, принадлежащих древней и яркой майкопской культуре. Для нее характерны: 1) каменные наконечники стрел треугольной и асимметричной формы, вкладыши, полированные и даже сверленные топоры; 2) медные кованые проушные топоры, клинья, кинжалы, ножи без черенков и др.;

Серебряные сосуды из Майкопского кургана

Каменные орудия. Долинское поселение

3) глиняные сосуды красно-охристого цвета округлых форм (со слабо отогнутым краем), иногда украшенные нарезным и жемчужным орнаментами; 4) подкурганные захоронения, скорченное положение погребенных, окраска охрой, окружение курганов каменными кольцами, камешное дно могилы и преобладание южной ориентации погребенных в Прикубанье и произвольное — в восточных районах.

Значительное число памятников майкопской культуры выявлено в Кабардино-Балкарии. Майкопские поселения раскопаны в Адыгее (Мешоко и др.), а курганы и поселения майкопской культуры открыты и исследованы в последние годы в Чечено-Ингушетии.

В Кабардино-Балкарии майкопскую культуру представляют основные подкурганные захоронения у селений Старый Лескен и Старый Урух, а также находки у селений Гунделен, Верхний Акбаш, Заюково и др.

Для суждения о хозяйственной деятельности племен майкопской культуры, живших на территории Кабардино-Балкарии, большое значение имеют материалы из мест древних поселений (Долинское, поселения по Чегему и Баксану). Такие материалы показывают, что люди в то время жили в прямоугольных плетенных из хвороста хижинах, стены которых обмазывались глиной (турлучных). Пол в них был глинобитный. Внутри жилищ находились печи или очаги в виде ям (закавказские тандыры). В очажных ямах и вблизи них обнаружены особые глиняные подставки в виде «рогатых кирпичей» со сквозными от-

верстиями, служившие для укрепления вертелов («шампури») при поджаривании мяса.

Люди пользовались стрелами с кремневыми наконечниками, скребками, резцами, серпами и ножами с вкладышами, каменными мотыгами и зернотерками. Среди домашних животных были бык и коза.

Как двухслойный памятник, Долинское поселение является важным хронологически связующим звеном между Майкопским курганом и дольменными гробницами Новосвободной. Первый сейчас датируется 2500—2400 гг., последние — 2300—2000 гг. до н. э.

В настоящее время установлено, что граница распространения майкопской культуры, существовавшей с середины III до самого начала II тысячелетия до н. э., простиралась от Приазовья до Дагестана. Памятники этой культуры, обнаруженные на территории Кабардино-Балкарии, по существу оказываются важнейшими звеньями, связывающими ранее не объединенные ни территориально, ни хронологически группы памятников.

Можно предположить наличие определенного этнического родства носителей этой культуры.

Скотоводство,
земледелие
и другие занятия

Судя по местонахождению памятников майкопской культуры, древнейшие обитатели Северного Кавказа — далекие предшественники адыгских племенных групп, балкарцев и других народностей Северного Кавказа — населяли наиболее плодородные долины предгорной зоны края — бассейны Кубани и Терека. Жили они сравнительно небольшими родовыми поселками, размерами не более современных горных селений. Основой их хозяйства стали земледелие и скотоводство.

В Прикубанье господствовало животноводство, на территории же нынешней Кабардино-Балкарии, видимо, преобладало земледелие. Почву обрабатывали женщины при помощи каменных и роговых мотыг, а еще раньше палками-копалками. Можно предположить, что к предшествующей поре и относятся происхождение донные сохранившиеся в кабардинском языке корневых односложных слов, как *бжы*, что означает «пика, копье, палка с заостренным концом для обработки земли»; *хъэ* — ячмень, являющийся древнейшим культурным злаком Кавказа. Интересен факт сохранения в кабардинском языке таких односложных слов, как *мы* — дикое яблоко, кислица (плод), *зэ* — кизил, *дэ* — орех (плод), *дзэ* — зерно злака, *щы* — земля, почва и др. Таких древних односложных, или моносиллабических, слов в кабардино-черкесском языке около четырехсот.

Довольно высокого уровня достигло керамическое производство. По-прежнему слабым, однако, оставался обжиг. Но для изготовления посуды частично уже применялся примитивный гончарный круг. Были достигнуты крупные успехи в обработке

Глиняная посуда эпохи бронзы

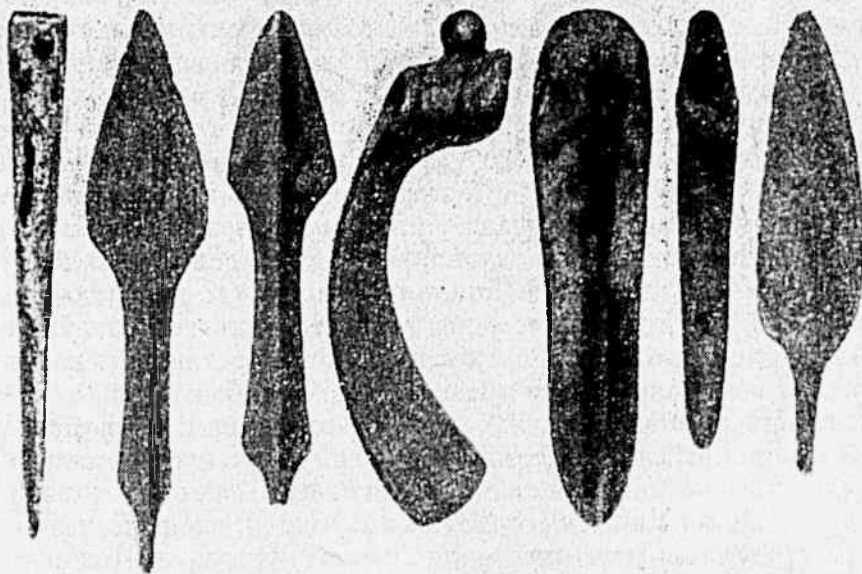
камня. Наконечники стрел поражают почти ювелирной техникой отделки. Широкое распространение по всему Предкавказью получили однотипные наконечники стрел асимметричной формы с выступающим шипом. Это свидетельствует о специализации производства. Но самым крупным достижением явилась обработка металла.

Начало местной металлургии

К концу III тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе, в том числе и в Кабардино-Балкарии, существовало уже самостоятельное металлургическое производство. Использовались как местные руды, так и, возможно, закавказские (Биттибулах и Джульфа). Совершенно одинаковый орнамент на глиняной посуде и на медных изделиях неоспоримо доказывает их местное производство. Это не переходный период от камня к металлу, а эпоха ранней бронзы.

Известно, что адыгские языки очень древние и архаичные. Любопытно, что в кабардино-черкесском словаре отсутствуют первичные, односложные слова-корни, отражающие обработку металлов. Все соответствующие термины являются производными. Таковы названия металлов: *гъуаплъэ* — красная медь (*гъуэ* — значит «рыжая»), *бзэку* — олово, *домбеакъ* — бронза (сплав), *бдзамцлэ* — свинец, *гъуицл* — железо и т. д.

Как видно, предки современных адыгских и других народов только в конце процесса образования односложной корневой лек-

Предметы вооружения эпохи ранней бронзы

ски познакомились с употреблением цветных металлов и обогатили свой язык более сложными, уже производными словами.

Техника изготовления орудий проста. Такие вещи, как топоры, крюки, мотыги, отливали в глиняных формах, сделанных по восковой модели. Плоские же орудия — долота, ножи, кинжалы — после отливки дополнительно проковывались.

Связи с другими народами

Весь древнекавказский мир, начиная с III тысячелетия до н. э., был связан в своем культурном развитии с Передней, Малой Азией и Средиземноморьем, не говоря уже о Юго-Восточной Европе. В установлении этих связей немалая роль принадлежит населению Северного Кавказа, который был важным звеном, связывающим через Закавказье южные районы наших степей с культурами Древнего Востока. В этот период Кавказ был ведущим культурным очагом Восточной Европы.

Ранний расцвет культур медно-бронзового века на Северном Кавказе находился в прямой зависимости от связей местного общества с народами древнего культурного мира. Блестящему развитию этих культур способствовало и то, что на самом Кавказе очень рано были открыты и начали использоваться богатые месторождения цветных металлов.

О широких связях древнего населения Северо-Западного Кавказа и Кабардино-Балкарии со странами Древнего Востока свидетельствуют привозные вещи. Из месопотамских и мало-

азнатских центров привозили золотые и серебряные сосуды с изображением львов и пантер. Древнейшие сердоликовые бусы из курганов Майкопа, Новосвободной, Горячеводска, Соломенки и других пунктов Северного Кавказа имеют иранское и даже индийское происхождение, бусы из бирюзы — также из Ирана. Бусы из Старомышастовского кургана, сделанные из ляпис-лазури, — среднеазиатского и афганистанского происхождения (Бадахшан), а украшения из особого камня — так называемой «морской пенки» — малоазиатского происхождения (из Анатолии). Наконец, серебряные биконические бусы из дольменов станицы Новосвободной, несомненно, были привезены из Передней Азии, где они и в камне, и в металле представлены во многихкладах и комплексах из древнего Ура и Вавилона.

Северный Кавказ имел глубокие связи с северными районами нашей страны. Из прикубанского металлургического очага экспортировалась мышьяковистая и никелевая медь не только в северные районы Украины вплоть до Приднепровья, но и в юго-западные районы бытования трипольской культуры. Подавляющее большинство металлических изделий так называемой ямной и катакомбной культур южнорусских степей сделано из мышьяковистой меди кубанской группы. Ряд металлических предметов трипольской культуры дает такой же состав сплава, а долото из Усатовского кургана позднего Триполья, топор из Веремы и, наконец, последние находки вислобушного, проушиного топоров из сел Ходосовичи и Стрелица (Белоруссия) указывают на импорт их с Кавказа. Вывоз мог быть как готовыми изделиями, так и в слитках. Кавказ в древности был ведущим металлургическим центром нашей страны.

Уровень социально-экономического развития населения Кавказа уже в эпоху ранней бронзы был достаточно высоким.

Локальные группы памятников II тысячелетия до н. э. Вещественные источники развитого бронзового века позволяют хотя бы в общих чертах наметить хронологические и локальные группы памятников II тысячелетия до н. э. В это время они уже различаются и особенностью могильного инвентаря, и типами погребальных сооружений. Так, в прямой связи с проникновением в древности западнокавказских этнических элементов на север в верховьях бассейна р. Кубани (по рекам Белой и Лаббе) в первой половине II тысячелетия до н. э. возникают коллективные захоронения в дольменах. Дольмены Северо-Западного Кавказа являются лишь поздней разновидностью более древних западногрузинских «мегалитических» памятников из грубых и чрезвычайно мощных каменных плит. Очевидно, Абхазия является основным районом, из которого распространилась дольменная культура на Кубани. Глубокая связь Прикубанья с районами Абхазии нашла свое отражение и в лингвистических, и в фольклорных материалах

абхазо-адыгского массива. Встречаясь в Прикубанье в качестве пережиточных форм вплоть до раннего средневековья, дольменнообразные погребальные сооружения указывают на устойчивость глубокой традиции в адыгской культуре Северо-Западного Кавказа.

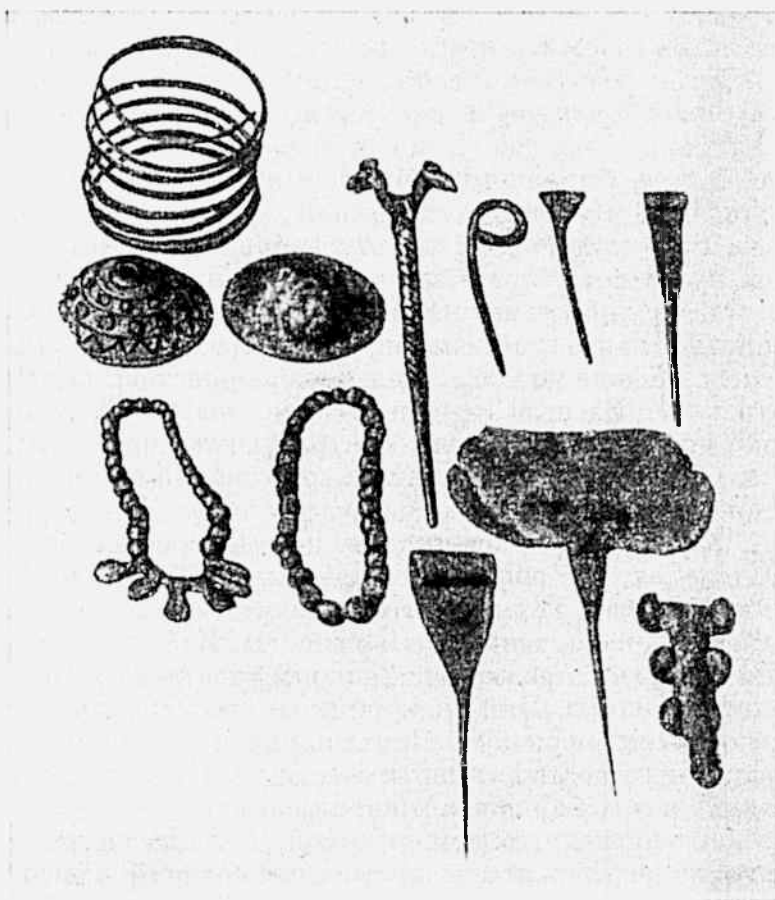
Еще более обширная группа памятников, также впервые выявленная на Кубани и названная «среднекубанской», возникла на базе майкопской культуры, не без влияния и катакомбной культуры более северных степных районов нашей страны. Эта группа памятников имеет столь же широкое распространение, как и майкопская, и охватывает бассейны Кубани и Терека, доходя до Дагестана. Теперь она называется «северокавказской». Из этой группы особое значение приобретает кабардино-пятигорская группа центрального варианта. Самыми обычными типами погребальных сооружений этой культуры являются курганы.

**Местные племена
эпохи бронзы
(II тысячелетие
до н. э.)**

Памятники культуры средней бронзы, хорошо представлены в Кабардино-Балкарии, в Пятигорье, в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. В Кабардино-Балкарии пока они известны преимущественно в степных и предгорных районах республики. Это подкурганные погребения у станиц Солдатской, Пришибской, г. Прохладного и особенно многочисленные группы курганов в окрестностях г. Нальчика, в местности «Садки» и в Кабардинском парке.

Материалы, датируемые серединой II тысячелетия до н. э., известны из погребений в окрестностях селений Заюково, Каменноостекское и др. Культура средней бронзы представлена в них погребениями в каменных ящиках и даже в своеобразных склепах — коллективных усыпальницах. Типичным для средней бронзы Центрального Кавказа оказывается не только скорченное, но и вытянутое положение костяков, иногда и не окрашенных красной краской; характерны также каменные сверленные топоры кабардино-пятигорского типа, парадные бронзовые массивные булавы с навершиями (Т-образные, волнообразные, рогообразные и др.), бронзовые украшения, привозные пастовые бусы и разнообразная керамика.

Особенно богат памятниками и случайными находками Нальчикский район (окрестности Нальчика и местности «Советская дача», «Садки» и др.). Интересны находки каменных топоров и бронзовых булавок из окрестностей селений Урух, Верхний Акбаш, Бороково, Эбенецер, по бассейнам рек Чегема, Баксана, Малки и из Хуламского ущелья. Эти памятники (в основном не выходящие за пределы Кабардино-Пятигорья и Дигории) отражают бытование здесь особой племенной группы с культурой, которая датируется второй половиной II тысячелетия до н. э.

Предметы украшения (селения Козбурун III, Чегем II, Куба)

В этот период уже завершается хозяйственное освоение высокогорных районов, обусловленное развитием металлургии и потребностями растущего животноводства. С приручением овцы, а затем и лошади (около середины II тысячелетия до н. э.) ведущей формой хозяйства в отдельных районах края стало овцеводство. Можно сказать, что уже во II тысячелетии до н. э. на Северном Кавказе стал складываться тот общекавказский «яйлажный», или «кошевой», тип отгонного скотоводства (с сезонным перегонном овечьих стад с горных пастбищ в степи и обратно), который сохранился здесь до наших дней.

В это время все отрасли домашнего производства по-прежнему находились в руках женщин.

Крупных достижений местные племена добились в технике добычи и обработке цветных металлов. Исключительное богатство металлических изделий этого времени убеждает в значительном объеме металлопроизводства. Древние мастера

умели уже не только ковать, но и плавить металлические сплавы в специальных горнах, доводя температуру до тысяч градусов. Впервые появляются прочные бронзовые изделия из сплава меди с сурьмой и даже с оловом, которое привозилось из стран Древнего Востока. Появились более совершенные бронзовые и серебряные предметы, отлитые по восковым моделям в глиняных формах. Именно во II тысячелетии до н. э. районы Северного Кавказа стали крупнейшими очагами древнего металлопроизводства.

**Оживление связей
с Юго-Восточной
Европой**

Общий экономический подъем (особенно развитие местной металлургии) стал столь значительным, что обеспечил экспорт кавказских металлургических изделий. По-прежнему поддерживались тесные взаимосвязи и с Закавказьем, культурно и этнически уже давно связанным с Северным Кавказом.

Но в данный период более рельефно выступают элементы межплеменного обмена, указывающие на его северное направление. Обмен северокавказских племен со степняками становится регулярным. Племена обменивались металлом, скотом, зерном, солью. Эквивалентом обмена служил скот. Такие типичные для северокавказской культуры украшения II тысячелетия до н. э., как бронзовые булавки с волютообразным навершием, доходили даже до районов современной Мордовской АССР.

Носители ямной и катакомбной культур южнорусских степей не только получали металл с Центрального Кавказа, но под воздействием северокавказских металлургических центров развивали собственную металлургию меди.

**Большая
патриархальная
семья**

Рост производительных сил, развитие скотоводства и земледелия на Северном Кавказе в эпоху средней бронзы вызвали соответствующие изменения и в общественных формах жизни и быта. Они же определили и новое разделение труда между племенами. Сравнительные этнографические данные позволяют предполагать сохранение родовой экзогамии. Но теперь женщина стала переходить в род мужа (патрилокальный брак) и счет родства стал вестись уже по мужской линии. Это была одна из самых радикальных революций, пережитых человечеством¹. Давно возникшая парная семья постепенно превратилась в большую патриархальную семью. Все дела вершил совет старейшин, стоявший во главе отдельных родов. Каждое племя имело выборного вождя, авторитет и роль которого особенно возрастали во время военных походов.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 59.

Возросшая продуктивность основных видов хозяйства привела к общему росту благосостояния всего общества, но наряду с богатыми имелись и бедные роды. В основе хозяйства патриархальной большой семьи численностью в несколько десятков человек лежала коллективная собственность на землю, скот и основные орудия производства. В индивидуальном владении находились только вещи личного пользования, а производство и потребление осуществлялись еще коллективно.

**Религиозные
представления
людей эпохи бронзы**

Характеризуя религиозные представления северокавказских обществ этого времени, можно констатировать первобытнокосмические воззрения с наличием солнечного культа. Возникнув еще в предшествующую эпоху, подобные культы получили теперь широкое распространение. Это нашло отражение в каменных кольцах, окружавших курганы, во многих бронзовых украшениях и даже в глиняной посуде. Многочисленные круглые бронзовые бляшки и подвески, покрытые сложным шнуровым или змеевидным орнаментом, являлись символом солнца, небесного свода и т. п. Особенно много их в памятниках Кабардино-Балкарии. Подобные бляшки носились с магическими целями, их клали и в могилу.

Первобытная магия получила более широкое распространение, как и тотемизм. С развитием патриархальных отношений появились и новые формы первобытных религиозных представлений — культы природы и особенно культ предков и домашнего очага, доживший у народов Северного Кавказа почти до современности.

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ И ЗАРОЖДЕНИЕ КЛАССОВОГО НЕРАВЕНСТВА

1. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ И КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н. Э.)

Локальные особенности культур в разных районах Северного Кавказа получили еще большее развитие при переходе к раннежелезному веку. В Кабардино-Балкарии начало этого периода датируется рубежом II и I тысячелетий до н. э. Подъем хозяйства у местных племен предшествующего этапа сопровождался повышением производства как средств и орудий труда, так и продуктов питания. По заключению Энгельса, это приводит обычно к такому «периоду, во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху, — эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора»¹.

Значение железа
в истории
человечества

Появляется пашенное земледелие; заметно совершенствуется домашнее производство, создаются предпосылки для отделения ремесла от земледелия; возникает производство не только для себя, но и для обмена; усиливается имущественное неравенство, появляется патриархальное рабство и, наконец, возникают предпосылки для образования уже классового общества — «родовой строй превращается в свою противоположность»².

Все эти признаки прослеживаются и при изучении соответствующих материалов из Кабардино-Балкарии и северо-западных районов Северного Кавказа переходной поры от бронзы к железу. Эта эпоха является одной из самых блестящих страниц во всей древней истории Кавказа и в том числе Кабарды и Балкарии, Черкесии и Адыгеи. Существенная ее особен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 162—163.

² Там же, стр. 164.

ность — появление первых племенных объединений и ранних государственных образований на территории нашей страны. В этот период на историческую арену выступают отдаленные предки народов Кавказа, в том числе кабардинцев и балкарцев (киммерийцев, скифов, савроматов, синдов, меотов, урартов, керкетов, сарматов и др.).

Наиболее ощутимые истоки культуры современных народов Северного Кавказа, в том числе и Кабардино-Балкарнии, можно видеть в тех крупных этнокультурных образованиях, которые стали оформляться здесь в I тысячелетии. Только с I тысячелетия до н. э. история Северного Кавказа начинает освещаться и письменными документами.

Ведущими источниками, рисующими культуру Центрального и Северо-Западного Кавказа этой эпохи, служат многочисленные погребальные памятники и случайные находки кобанской и прикубанской культур. Обе культуры расцвели на использовании меднорудной базы Северного Кавказа и формально характеризуют последний этап медно-бронзового века на этой территории, но их носители знали уже железо.

Кобанская культура Кобанская культура получила свое название от осетинского селения Кобан, у которого в 1869 г. был открыт первый могильник этой культуры. Неповторимое своеобразие богатого ассортимента оригинальных бронзовых предметов кобанской культуры еще в XIX в. принесло ей мировую известность.

Характерной формой погребального сооружения кобанской культуры является прямоугольная могила из каменных плит и булыжников (каменный ящик). Умершего хоронили в скорченном положении на боку. Для погребального инвентаря типично огромное количество бронзовых предметов: бляшки, браслеты, ожерелья, фибулы (застежки) и крупные стержневые булавки, пластинчатые пояса, массивные пряжки, чрезвычайно оригинальной формы топоры и разнотипные клижалы. С умершими клали также множество разнообразных привесок в виде птиц и животных, глиняную, а нередко и бронзовую посуду.

Кобанская культура больше всего отражает особенности культуры горных районов Кавказа, но спорадически, особенно в поздний период, встречается в предгорных и даже в степных районах края. Восточнее Северной Осетии эта культура прослеживается в горной и предгорной зонах Чечено-Ингушетии, вплоть до Дагестана. Здесь она соприкасается с синхронной ей культурой Северо-Восточного Кавказа — каякентско-хорочосевской. Много памятников кобанской культуры имеется и в Кабардино-Балкарнии (ущелье Малки, Чегема, Баксана и др.).

В Прикубанье выделен особый культурный очаг обработки цветных металлов, одновременный и очень сходный с кобанским производственным районом. Этот очаг и являлся базой

развития в Прикубанье особой культуры конца бронзового и начала железного века. Генетически связанная с культурой предшествующей эпохи, она была связана в своем развитии с древней культурой Осетии, Абхазии и Западной Грузии.

Прикубанская культура

Отдельные предметы кобанской и прикубанской культур сходны с бронзой Западной Грузии (древней Колхиды), в частности Абхазии. Это внешнее сходство порождено тесными взаимосвязями этих культур и даже общностью более глубоких истоков их. В погребальном же обряде, керамике, типах топоров, поясных пряжек и других украшениях прослеживается большое различие. Разница проявляется и в отсутствии на Северном Кавказе типичных для Колхиды бронзовых мотыжек, сечек-ножей и топоров «цалди».

Таким образом в I тысячелетии до н. э. на территории Северного Кавказа намечились три крупные области, населенные племенами — носителями определенных форм материальной культуры: 1) восточная Чечня и Дагестан на Северо-Восточном Кавказе — каякентско-хорочоевская культура; 2) Чечено-Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Пятигорье и Карачаево-Черкесия в Центральном Предкавказье — кобанская культура и 3) территория от бассейна Кубани до Черноморского побережья на Северо-Западном Кавказе — прикубанская культура.

Памятники кобанской культуры в Кабардино-Балкарии

К начальному этапу кобанской культуры (с рубежа II—I тысячелетий до н. э. до первой половины VII в. до н. э.) относятся могильники и поселения Кабардино-Балкарии в окрестностях селений Верхний Баксан, Гунделен, Герпегеж, Каменномостское, Советское, Куба, Заюково и др. Здесь известны грунтовые могильники, состоящие из более крупных каменных могил, чем это наблюдается, скажем, в Северной Осетии. Эти памятники являются глубокой подосновой для развития местной культуры, связанной с культурой будущего балкарского народа. В предгорных же районах нередки случаи проникновения и степной формы погребальных сооружений — курганной насыпи. Сочетанием обеих форм погребальных сооружений отличается, например, могильник в сел. Каменномостском и в других местах. Здесь обнаружены бронзовые кобанские топоры, прямоугольные поясные пряжки, бронзовые кинжалы, браслеты со спиральными концами, разнообразны булавки, шейные гривны, фибулы и множество бронзовых украшений раннего типа. Но керамика в отличие от специфически кобанской несколько иная: более крупных форм и с шахматной орнаментацией.

Глиняные сосуды кобанского периода

Огромное значение для экономической характеристики родового общества этого времени имеют поселения и городища, открытые в Кабардино-Балкарии в последнее время. На них найдены кости домашних и диких животных, множество обломков лощеной и орнаментированной керамики. Археологические материалы показывают, что горные районы Балкарии в I тысячелетии до н. э. были уже заселены древними племенами, которые позднее стали одним из основных компонентов в сложении и балкарского народа.

Скотоводство,
земледелие, охота

Ведущей формой хозяйства кобанцев было овцеводство. Горные районы края, богатые великолепными лугами и пастбищами, прекрасно удовлетворяли его потребности. Рогатый скот, особенно мелкий, обеспечивал жителей всем необходимым: мясом, молоком, шерстью и кожей для одежды и обуви. Поэтому понятно, что в натуральном хозяйстве древнего общества Северного Кавказа животноводство занимало главное место.

Оживление хозяйственных связей между населением степей и гор вызвало массовое разведение мелкого рогатого скота. Для обеспечения его кормами кавказские племена, начиная со II тысячелетия до н. э., стали все шире использовать сезонный отгон стад на зиму в равнинные и степные районы Кавказа. Так из

простого пастушеского скотоводства оно постепенно превратилось в отгонное, «кошевое».

С отгонной формой скотоводства связывается и усиление роли коня как средства передвижения. О роли коневодства в хозяйстве древнего населения Кабардино-Балкарии и западных районов Северного Кавказа говорят не только многочисленные изображения лошади в кобанской бронзе, но и чрезвычайно многообразие различной конской упряжки. Таким образом, можно смело говорить о развитии коневодства в Кабарде и на Северном Кавказе с самого начала I тысячелетия до н. э.

Вторым по значению видом хозяйства у местных племен было земледелие. В это время на смену древним составным деревянным серпам пришли бронзовые серпы. Мотыжное земледелие заменялось плужным.

Охота уже не имела прежнего значения, но еще была распространена в среде горского населения. На это указывают находимые в кобанских могилах многочисленные бронзовые фигурки оленя, медведя, тура, птиц и др. Очевидно, уже существовали божества — покровители охоты. Наряду с каменными наконечники стрел теперь стали делать из кости, бронзы, а позднее из железа. На охоте иногда применяли пращу с круглыми каменными ядрищами.

Расцвет металлургии.
Гончарство
и ткачество

Конец бронзового века и переход к железу характеризовался самыми крупными успехами кавказского населения в области металлургии меди, в обработке цветных металлов, а позднее в получении сыродутного железа. Увеличившаяся разработка и добыча местных меднорудных и других ископаемых (мышьяка, свинца, серебра, сурьмы и цинка) обеспечили резкий подъем хозяйства. Древние пахты известны во многих пунктах Кабардино-Балкарии. Облегченный процесс литья из сложных сплавов бронзы окончательно вытеснил прежнюю холодную ковку металла. Все металлические изделия изготовлялись теперь уже из высококачественной бронзы, сплавляемой из меди с примесью от 3 до 12% привозного олова или его местных заменителей.

Широкий ассортимент бронзовых орудий труда, оружия и украшений производился мастерами в особых мастерских. Такая мастерская известна в горной Балкарии на горе Алмалы-Кая.

Появилась и сложная техника гравировки при помощи первых железных инструментов и даже инкрустация железом топоров и поясных пряжек. Это были первые вестники железа на территории Кабардино-Балкарии и на Северном Кавказе. Только позднее, не ранее IX—VIII вв. до н. э., из железа стали делать оружие и орудия труда.

Разумеется, изготовлением таких высококачественных орудий труда и украшений занимались особые мастера, металлур-

*Бронзовая ваза (жемталинский клад
VIII в. до н. э.)*

гп-литейщики. Но они не порвали еще связи ни с родом, ни с основными формами хозяйства — скотоводством и земледелием.

Так на территории Кабардино-Балкарии и на Северном Кавказе в начале I тысячелетия до н. э. складывались экономические предпосылки для второго крупного общественного разделения труда — когда ремесло отделилось от земледелия, что произошло здесь позднее.

Кроме уже перечисленных основных занятий, было развито гончарство и ткачество, без которых немислима была жизнь общества того времени.

Керамические изделия этого периода (горшки, чаши, кружки и миски) отличались разнообразием форм и довольно высоким качеством. Делались они из глины с примесью песка и хорошо обжигались в глубоких ямах. Поверхность их тщательно залащивалась и покрывалась нарезными рисунками геометрических форм. Гончарное дело в это время могло быть и мужским занятием, когда определенные члены отдельных родов вырабатывали продукцию не только для своего рода, но и в обмен в пределах своей племенной зоны.

Что же касается ткацкого дела, то, как и раньше, изготовление грубошерстных тканей являлось обязанностью женщин. Шерсть служила основным материалом для одежды, а частично для обуви (ноговицы) и изделий для хозяйственных нужд (мешки, «хурджины» и пр.).

2. ПЕРИОД ВОЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ НА ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

На этом этапе общественного развития, при полном господстве патриархальных отношений, быстро возрастали богатства, принадлежавшие уже не всему роду, а отдельным имущественно обособляющимся патриархальным семьям. Погребальный инвентарь середины I тысячелетия до н. э. свидетельствует о росте имущественного неравенства. Накопление богатств происходит теперь уже внутри отдельных семей, во главе которых стоят

Выделение
малой семьи

вожди, жрецы, мастера, скотоводы. Из большой патриархальной семьи выделяется малая семья, которая становится воплощением зарождающейся частной собственности. Устанавливается наследование имущества. Постепенно имущественное неравенство превращается в зачатки социального. Это был новый этап в истории уже распадающихся первобытных обществ Северного Кавказа с общественным строем так называемой «военной демократии» в его начальной стадии.

«Непрекращающийся рост производства, а вместе с ним и производительности труда, повышал ценность рабочей силы человека, рабство, на предыдущей ступени развития только возникавшее и носившее спорадический характер, становится теперь существенной составной частью общественной системы»¹. Появляется патриархальное рабство и на Северном Кавказе, так как и здесь назревает потребность в чужой рабочей силе. Обычно эту силу доставляли военные набеги и грабительские походы, реже — закабаление одного рода другим из-за невыполнения договорных обязательств. Письменные документы говорят о наличии рабов и даже работорговли у кавказских племен.

Первоначально, в условиях родового строя, рабы не подвергались жестокой эксплуатации. Они были на положении младших членов патриархальных семей. К этому времени, очевидно, относится появление термина *унаут* у адыгов. В унаутов превращали пленных, захваченных во время набегов. Они являлись безраздельной собственностью хозяина. Их эксплуатировали в хозяйстве, а чаще продавали. Унаутки несли самую черную работу по дому. Их можно было продать, подарить и убить. Только позднее унауту разрешалось отделиться, обзавестись земельным участком, семьей. Он получал уже некоторые права, как самый младший член большой семьи. Участвуя в производстве, такие рабы в период патриархального рабства увеличивали богатства своих хозяев, тем самым повышая их социально-экономическую значимость.

Рост плотности населения вынуждал к более тесному сплочению племен. Союз родственных племен становился необходимостью, вместе с тем делается необходимым и слияние их территорий в одну общую территорию всего народа. Характеризуя период военной демократии, Ф. Энгельс писал: «Военный вождь народа... становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни». И далее:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 163.

«Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»¹.

Все это раскалывало родовую общину на две группы — богатых и бедных — и способствовало зарождению родовой аристократии. Так выделяются «старшие» — богатые и наиболее многочисленные роды и фамилии и «младшие» — малочисленные. Накопление же богатств (скот, металл и пр.) в условиях развивающейся частной семейной собственности, естественно, служило объектом вожделений соседних племен, стремившихся к насильственному их захвату. Все это приводило к активизации межплеменных сношений и мирных и военного характера.

Межплеменные
и международные
связи

Широкое межплеменные связи лучше всего иллюстрируются наделиями из металла. Кобанская бронза, найденная в Предкавказье, Поволжье, Подонье, под Воронежом, на Харьковщине, Полтавщине, Киевщине и даже в Крыму, и, наоборот, оружие и украшения степного типа, встреченные в районах Кавказа, свидетельствуют, что население Северного Кавказа общалось с племенами и народами Юго-Восточной Европы.

Известно множество фактов, подтверждающих связи жителей Северного Кавказа с населением Закавказья и даже Передней Азии. Из Дигории происходят бронзовые ассирийские или урартские шлемы. В ряде мест горного Кавказа были найдены кинжалы, топоры и украшения колхидского и центральнозакавказского типа. Характер многих образцов кобанского прикладного искусства (поясные пряжки и др.) говорит о влиянии месопотамского искусства и всего малоазнатского культурного мира. Особенно же тесно Северный Кавказ был связан с Южным, судя по обильным находкам кобанской бронзы в Закавказье (Мусспери, Варташен, Лечхуми и др.) и типологической близости ряда вещей. Таковы, например, бронзовые удила и псалми из сел. Каменномостского и из Ксанского ущелья. Важной иллюстрацией этих связей является одинаковая форма рукоятей от железных мечей из знаменитого Казбекского клада VI в. до н. э. и из могильника у сел. Нижний Чегем. Такие шедевры древнеиранской торевтики, как серебряная чаша с арамейской надписью из того же клада и фигурка барана из сел. Казбеги, по-видимому, попали на Кавказ из ахеменидского Ирана.

Единство кавказских областей в какой-то степени определялось и той культурной ролью, какую играло государство Урарту в первой половине I тысячелетия до н. э. в Закавказье.

Другим фактором, обусловившим связанность исторических судеб племен и народов Кавказа, Северного Причерноморья и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 164.

Передней Азии, явилось появление на указанной территории киммерийцев, а позднее — скифов.

Киммерийцы — древнейшее население степного Причерноморья, а отчасти и Северо-Западного Кавказа. Часть киммерийцев была сосредоточена и господствовала в пределах Керченского и Таманского полуостровов. Исходной территорией походов киммерийцев было Северо-Восточное Причерноморье. Из Приазовья вдоль восточного побережья Черного моря проходила Меотско-Колхидская дорога, по которой киммерийцы проходили в Закавказье и страны древнего Востока.

Киммерийцы
и элементы
их культуры
на Северном Кавказе

Признаками киммерийской культуры являются бронзовые плоские топоры и кельты (особые топоры со втулкой), короткие бронзовые мечи, кинжалы и ножи с перехватом у стержня, втульчатые копья, бронзовые серпы с запнутой рукоятью, первые удила, медная клепаная посуда, ряд бронзовых украшений и первые железные предметы (пожи).

В Прикубанье найдено много предметов степных типов, схожих с киммерийскими. Это бронзовые кельты и серпы, наконечники втульчатых копий, ножи, кинжалы и прочие предметы.

Из находок, сделанных в более восточных районах, включая и Кабардино-Балкарию, отметим: бронзовый кинжал из сел. Курп, два бронзовых кельта, бронзовые серпы из могильника под горою Бык (около Пятигорска) и, наконец, крупные клады бронзовых вещей, найденные у станиц Бекешевской и Боргустанской, состоящие из топоров, бронзовых тесел, серпов, наконечников копий и кельтов. Некоторые типы глиняной посуды из могильников Кабардино-Балкарии и Пятигорья, а также образцы керамики, украшенные нарезными геометрическими узорами, имеют сходство с киммерийской посудой. Общие черты прослеживаются и в изготовлении металлической посуды.

Скифы

Основным посредником в установлении контакта племен Кавказа и прилегающих к нему с севера районов с народами Передней Азии, кроме киммерийцев, были скифы. Если киммерийцы вторгались в Закавказье и Малую Азию через восточное побережье Черного моря, то скифы — главным образом по западному побережью Каспийского моря, т. е. через Дербентский проход. Памятники скифской культуры найдены и на Северном Кавказе, в частности в районах, прилегающих к древним перевальным проходам в Закавказье.

Скифские племена составляли основную массу населения Северного Причерноморья с VII по III в. до н. э. Это были оседлые и кочевые племена южнорусских степей, относящиеся к североиранской языковой группе народов древнего мира.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СМЕРТНОСТИ
С. Р.
МАРГА ГИ И КИЛЛА
1967 г.

Скифы выработали оригинальные формы материальной культуры. Наиболее распространенным видом оружия у них был малый составной лук со стрелами, имевшими втульчатые бронзовые наконечники. Кроме того, на вооружении скифов были копья, дротики и особенно типичные для них железные короткие мечи или кинжалы с перекрестьем (акинаки).

Соприкасаясь со многими народами и племенами древнего мира, иногда разрушая целые государства, скифы способствовали распространению новой военной техники и одновременно сыграли свою роль в переоформлении культуры многих областей, в том числе и Кавказа. Достаточно указать на факты взаимосвязей скифских племен с предками адыгов — синдами, чтобы понять все значение скифской проблемы для истории Кабардино-Балкарии и Кавказа. В так называемый скифский период история всего Кавказа оказалась наиболее связанной с древней историей нашей Родины.

**Второй этап
развития
кобанской культуры**

Большое число «скифондных» (по своему культурному облику) поселений, могильников, курганов и масса отдельных вещей известны из предгорных и равнинных районов Ставропольщины, в Кабардино-Балкарии, в Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и даже в Дагестане. Появление скифских элементов в материальной культуре Центрального Кавказа приходится на VII—VI вв. до н. э. и знаменует второй этап развития местной культуры, придавая ей смешанный характер. Основная часть инвентаря этих памятников и в бронзе, и в керамике сохранила черты более раннего этапа кобанской, а западнее — прикубанской культуры. Другая же часть характеризуется чертами скифской культуры.

На территории Кабардино-Балкарии этот второй этап кобанской культуры представлен многочисленными памятниками в окрестностях Нальчика и Прохладного, а также селений Аушигер, Вольный Аул, Гунделен, Заюково, Каменноостское, в бассейнах рек Баксан и Чегем и в других местах. В вещевых комплексах с этих мест обычны бронзовые и железные наконечники скифских стрел, железные акинаки, удила и бляшки от конского набора, выработанные в скифском стиле. Погребения совершены преимущественно в грунте и курганах. Появляется иногда западная (характерная для скифов) ориентировка и почти вытянутое положение погребенных.

**Элементы скифской
культуры
на территории
Кабардино-Балкарии**

Среди памятников раннескифского времени на территории Кабардино-Балкарии наиболее древними являются захоронения в каменных ящиках у сел. Каменноостского. Здесь в одной из могил, в которой была похоронена женщина, найдены большое бронзовое зеркало с ручкой, заканчивающейся бараньей головой, бронзовые браслеты и серь-

ги, фбулы, бусы, бронзовые щипчики, короткий и прямой железный меч, бронзовая цепочка и бронзовый наконечник стрелы.

Под ногами женщины была большая глиняная миска и огромный лощеный грушевидный сосуд. В сосуде оказалась небольшая черная лощеная чарка с ручкой. Бронзовое зеркало так называемого «ольвийского» типа датирует захоронение в этой могиле VII—VI вв. до н. э. Здесь местные вещи сочетаются со скифскими.

На окраине сел. Шалущка в 1927 г. были раскопаны курганы с великолепными наборами конской сбруи, оружия и украшений. Особенно выделяются золотая биконическая серьга и различные наконечники скифских стрел V—IV вв. до н. э. Биконические серьги, несомненно, являются продукцией местного производства. Уникальна бронзовая подвеска, оформленная в скифском «зверином» стиле. Очевидно, к VI в. до н. э. относится инвентарь бескурганного погребения, вскрытого в 1928 г. у сел. Чегем I.

Комплекс включает бронзовый кобанский браслет, булавку и набор бронзовых, стеклянных и пастовых бус и подвесок. У сел. Советского были найдены наборы оружия, украшений и посуды.

Все эти данные свидетельствуют об определенном этапе в истории местной культуры, связанном со скифами и родственными им племенами — савроматами. Это дало повод некоторым исследователям именовать этот период даже «кобано-скифским».

Оседлость местного населения

Обитатели древних поселений (культурные слои которых содержат скифские элементы) жили оседло. Большинство поселений были небольшими, открытыми, без специальных оборонительных валов, но с очень разумным использованием в целях обороны рельефа местности. Они располагались на старых пойменных речных террасах. Обитатели этих родовых поселков занимались скотоводством. На многих из них, возможно под давлением сарматских племен, с IV—III вв. до н. э. жизнь нарушается и даже прерывается.

В VII—IV вв. до н. э. под воздействием скифов происходит изменение ископно местной кавказской среды, что знаменует новый этап в ее социально-экономическом развитии. Этот период одновременно характеризуется и значительным оживлением хозяйственно-культурных связей местного общества с народами Закавказья и племенами Поволжья, Подонья, Крыма и Украины, обусловленных дальнейшим ростом хозяйства у кавказских племен (развитием скотоводства, земледелия и возросшим использованием полезных ископаемых).

Установлению связей между народами разных районов и даже стран в значительной степени способствовали и походы скифов через Кавказ, а также связанные с ними передвижения различных племен, что составляет одну из особенностей исторического процесса на всем юго-востоке современной территории Европейской части СССР в I тысячелетии до н. э. Скифы были и первыми распространителями иранской речи на Кавказе.

Скифы, видимо, сыграли определенную роль в оформлении смешанного состава культуры Северного Кавказа. Вполне возможно, что в далеких скифских походах участвовали и местные племена Северного Кавказа, доказательствами чему могут служить явно привозные вещи, находимые в горах Кавказа (ассирийские и урартские бронзовые шлемы, закавказское оружие, предметы конского убранства из Закавказья и Скифии и различные стеклянные многоцветные бусы и украшения, а также амулеты из голубой египетской пасты из городов Восточного Средиземноморья и из греческих колоний Восточного Причерноморья).

Культура

Вступив на ту же ступень общественного развития, что и окружающие их племена, в целях войны организуемые в мощные племенные союзы, северокавказские племена жили одной культурной жизнью со всем культурным миром Закавказья, Причерноморья и Юго-Восточной Европы. Смещения, ассимиляции и стирания племенных отличий, происходившие в это время, привели к созданию основ для образования новой общественной формы — народности, что произошло в период средневековья.

Для народной идеологии этого периода характерны старые, но еще более осложненные религиозные представления: одухотворение сил природы и различные культы, связанные с охотой, ремеслами, культ предков — покровителей домашнего очага и старый культ плодородия. В основе этих верований лежат как более древние, тотемистические представления, так и присущие уже новым формам общественной жизни. Особое развитие получает жречество, становящееся влиятельной силой в распадающемся родовом коллективе.

Для народной идеологии этого периода характерны старые, но еще более осложненные религиозные представления: одухотворение сил природы и различные культы, связанные с охотой, ремеслами, культ предков — покровителей домашнего очага и старый культ плодородия. В основе этих верований лежат как более древние, тотемистические представления, так и присущие уже новым формам общественной жизни. Особое развитие получает жречество, становящееся влиятельной силой в распадающемся родовом коллективе.

В эту чрезвычайно бурную эпоху, изобиловавшую героическими делами и героическими подвигами племен Северного Кавказа и длившуюся до раздробления их на отдельные группы племен, зародилась эпическая песня, складывались основные циклы героического нартского эпоса, формировались основные начала быта и искусства древних северокавказских племен. Проявлениями народной героики являются героические былины, героический эпос и песни о героях. Так возник знаменитый нартский эпос и у адыгских народов. Можно думать, что именно в раннежелезном веке возник цикл сказаний о нартах — кузнецах Тлепше и Айнере. Цикл Тлепша — это гимн железнному веку, «веку топора и меча».

Раннежелезный век в истории Кабардино-Балкарии и всего Северного Кавказа ознаменовался ростом скотоводческого хозяйства, окончательным распадом патриархально-родовых отношений, созданием этнических массивов предпосылок к отделению ремесла от земледелия и образованию основ будущих северокавказских народностей.

Племена, населявшие районы Центрального и Северо-Западного Кавказа, представляли некогда единую часть общекавказской языковой семьи, или кавказского субстрата. Только последующие исторические события — включение в некогда единую кавказскую этническую среду инородных для Кавказа иранских (скифских, а позднее сарматских и аланских), а еще позднее тюркоязычных элементов — нарушили это единство и способствовали образованию в центральной части Кавказа осетинского (иранского) и балкаро-карачаевского (тюркоязычного) массивов.

Население же Северо-Западного Кавказа в своей основе осталось прежним, сугубо кавказским по языку. Здесь исторический процесс завершился сложением другого мощного этнического массива Северного Кавказа — адыго-черкесо-кабардинского, древние предшественники которого — меоты, синды, керкеты, псессы, зихи и другие хорошо известны по свидетельствам античных авторов. Эти племена и народности и явились далекими предками нынешних адыгейцев, черкесов и кабардинцев.

3. САРМАТЫ И АЛАНЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

Начиная с III в. до н. э. из степей Подонья и Поволжья, с прежней савроматской территории, начинается движение на юг и запад грозных сарматских племенных объединений в лице сираков. Успех их продвижения определялся не только количественным составом сарматских полчищ, но и превосходством их средств войны. Сарматы, как и скифы, были великолепные конники, но главным оружием у них были не луки и стрелы, а длинные мечи и огромные тяжелые копья. Значительная часть сираков осела в Предкавказье и Прикубанье и частично смешалась с синдо-меотским населением края.

В связи с широким распространением сарматской волны, захлестнувшей все районы Предкавказья, материальная культура этих районов в последние столетия до нашей эры подверглась известной нивелировке. Сохраняя самобытные черты, особенно в керамике, она обогащается типами сарматского оружия и украшений.

Покрытые дремучими лесами нагорные районы Кабардино-Балкарии оказались в стороне от первой волны сарматской эк-

спансии. Сираки освоили лишь северные, степные пространства края. Они оставили курганные погребения (у сел. Этоко), совершенные в прямоугольных могильных ямах, в которых покойники положены в вытянутом положении головой на запад. В могилах найдена типично сарматская керамика, бараньи тушки, разбитые зеркала.

Грунтовые захоронения в более южных районах республики представляют собой могильники, оставленные местным населением, почти не испытавшим сарматского влияния. Сарматидные предметы здесь почти отсутствуют. Сам погребальный обряд и набор вещей доказывают близость этих памятников синхронным меотским объектам Прикубанья.

**Ранние аланы
на территории
Кабардино-Балкарии**

Положение заметно меняется с I в. н. э., когда в Предкавказье появляются энергичные сарматские племена — аланы. Они захватили значительную часть прежних си-

рацких владений и, широко рассеявшись в Предкавказье (от Прикубанья до Дагестана), резко усилили натиск на предгорья, населенные аборигенами. Аланские погребальные камеры (катакомбы) I—IV вв. н. э. известны в Кабардино-Балкарии в районе Мало-Кабардинской оросительной системы и у г. Нальчика. В них найдены многочисленные зеркала, браслеты, богатые ожерелья из опала, амулеты из египетской пасты и другие предметы, очень характерные для захватчиков.

В курганных погребениях I—II вв. н. э. у сел. Этоко были захоронены, очевидно, представители других сарматских племен, неаланских (в узких ямах с южной ориентировкой и небогатым инвентарем, с глиняными сосудами).

Продвижение сармато-алан к устьям горных ущелий всюду сопровождалось интенсивным внедрением элементов сарматской культуры. Сарматские вещи I—II вв. н. э. найдены у сел. Вольный Аул и в других пунктах. Еще больше вещей сарматского типа первых веков нашей эры найдено в ущельях.

К этому же периоду следует отнести и некоторые поселения и городища с сарматскими культурными слоями, например древнее поселение у сел. Заюково.

Сохранились следы проникновения сарматских этнических элементов в адыго-кабардинскую среду и в фольклоре. Свидетельствуя об этом, Ш. Б. Ногмов в «Истории адыгейского народа» писал: «Еще осталось в памяти народной, что некоторые фамилии вели свой род от сарматов и потому носят название шармат».

Таким образом, в силу широкой сарматизации северокавказских районов местные культуры последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры оказались тесно взаимосвязанными и как бы сnivelированными сарматским влиянием. Заняв в свое время значительное место в истории Юга нашей страны и Се-

верного Кавказа, сарматские, а позднее и аланские этнические компоненты в разной степени участвовали даже в этногенетическом процессе формирования ряда пародов Юга нашей страны, в том числе и Кавказа.

В последние столетия до нашей эры обострились взаимоотношения Боспора, в том числе и Прикубанья, с Римом. В I в. до н. э. Боспорское царство подчинялось понтийскому царю Митридату VI Эвпатору, возглавившему войну с Римом. Приазовье и Прикубанье стали одной из основных экономических баз военной мощи Митридата, а синдо-меотские племена и народности оказались его активными союзниками. Эта борьба закончилась поражением и гибелью Митридата.

**Стойкость
адыгского этноса**

Последующий кризис рабовладельческой системы античного мира, усугубленный нашествием варваров, коснулся также Боспора и вызвал его упадок. Но основной состав местного населения Северо-Западного Кавказа — синдо-меотский — и в трудных условиях гуннского нашествия не только сохранил особенности своей древней самобытной культуры и свой язык, но и продолжал их развивать.

СИНДСКОЕ РАННЕРАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО V—IV вв. ДО Н. Э.

1. ХОЗЯЙСТВО

В V в. до н. э. в истории древнеадыгских племен произошло значительное событие — сложилось Синдское раннерабовладельческое государство — одно из древнейших государственных образований на территории СССР. На историю синдов большое влияние оказала греческая колонизация северо-восточного побережья Черного моря.

Греки издавна знали Северное Причерноморье, но его усиленное освоение ими было начато в VII в. до н. э., когда они стали создавать здесь свои торговые фактории, разраставшиеся и превращавшиеся в античные города-государства.

Скифские и синдо-меотские общества в рассматриваемое время вступили в эпоху «военной демократии», для которой характерно выделение богатой родо-племенной верхушки, нуждавшейся в предметах роскоши и высококачественной продукции греческих городов. С другой стороны, земледельческо-скотоводческие районы Северного Причерноморья могли постоянно снабжать как греческие колонии, так и саму Грецию сельскохозяйственными продуктами. Видимо, не последнюю роль в интересах греков на Черном море играло и его богатство рыбой.

Греческие колонии (Пантикапей, Гермонасса, Фанагория), основанные вокруг Боспора Киммерийского (Керченский пролив), с самого начала оказались в окружении местных племен скифов, живших в Крыму, и синдо-меотских племен Северо-Западного Кавказа. Скифская и синдская знать, заинтересованная в торговле как в средстве обогащения, благожелательно отнеслась к появлению греческих колоний.

Синды, как и остальные меоты, относятся к числу тех древних племен, на основе которых в раннем средневековье сформировался адыгский этнический массив. Генетическая связь между

меотами и адыгами (в том числе и кабардинцами) в настоящее время общепризнана. Синды были, как сообщают Страбон и Псевдо-Арриан, одним из меотских племен. Они занимали весь

Территория синдов
и их хозяйство

Таманский полуостров, а на востоке их территория доходила до современного хутора Красно-Батарейного Краснодарского края, где имеется крупное пограничное городище с системой укреплений. От этого городища граница Синдики направлялась к Анапской долине, достигая начала Главного Кавказского хребта. Соседями синдов были родственные им меотские племена дандариев, фатеев, псессов. За исключением синдов, все остальные древнеадыгские меотские племена (фатеев, дандариев, псессов), населявшие Северо-Западный Кавказ, в то время переживали период военной демократии. Их экономика и культура отличались от экономики и культуры синдов, в частности это относится и к характеру поселений.

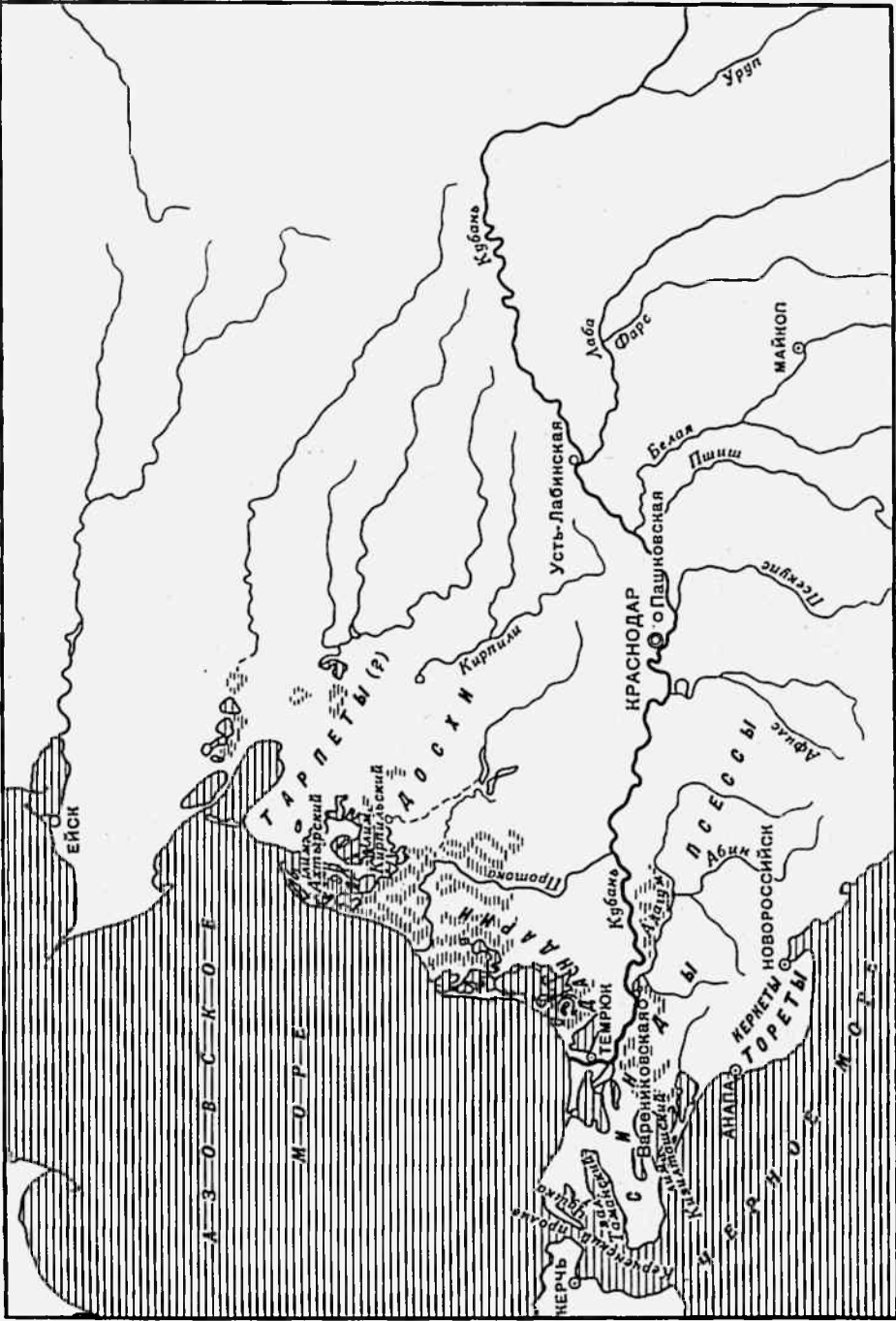
Основной отраслью экономики Синдики было земледелие, развитое в Прикубанье с глубокой древности. Можно полагать, что в середине I тысячелетия до н. э. земледелие было уже плужным, о чем косвенно говорят значительные для того времени масштабы хлебного экспорта: по словам Демосфена, он достигал 40 тыс. медимнов (25 тыс. тонн).

Во время раскопок археологических памятников эллинистического времени в Прикубанье обнаружены железные серпы, мотыги, мельничные жернова, а также многочисленные зерновые ямы. Основными возделываемыми культурами являлись мягкая пшеница, ячмень и просо, бывшие одним из главных продуктов питания синдо-меотских племен.

Относительно развитое пахотное земледелие служило экономической базой для ускоренного развития социальных отношений и оформления классового общества в Синдике. Важное значение имело и скотоводство. Основой синдского стада был рогатый скот, составлявший треть стада. В меньшем количестве разводили мелкий рогатый скот, свиней. Скот в основном был мелкопородным. Некоторое значение в домашнем хозяйстве синдов имело птицеводство. Большую роль в жизни меотов и синдов играла лошадь.

У синдов и меотов, живших на берегах Керченского пролива и Меотиды (Азовского моря), существовало развитое рыболовство. Богатство Меотиды рыбой было широко известно в античном мире, и значительное количество рыбы из Боспора шло на экспорт. По-видимому, синды также экспортировали рыбу, хотя много ее потребляли сами.

Среди видов ремесленного производства на первом месте стояло гончарное дело. Производилось много высококачественной посуды, в формах и технологии изготовления которой сказывается античное влияние. Другим важным видом ремесла

Карта расселения синдо-меотских племен

Синдики было кузнечное производство. Изготавливались железные орудия, оружие, различные вещи хозяйственного обихода. Следует также сказать о строительном искусстве синдов, воздвигавших крепостные стены, башни и крупные жилые здания. Значительное место в домашнем производстве занимало ткачество, обработка и выделка кож, а также костерезное ремесло.

Большое значение в экономике Синдики имела торговля с Хиосом, Аттикой, Фасосом, Геркалеей, Синопой, Херсонесом и даже Афинами. Ввозилась греческая посуда, терракотовые фигурки, богатые женские украшения и прочие предметы ювелирного искусства и роскоши. В очень больших размерах ввозилось вино, о чем свидетельствует огромное количество находимых при раскопках амфор. Но имеются серьезные основания говорить и о местном, синдском виноградарстве и виноделии.

2. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ. ГОРОДА

В 480 г. до н. э. боспорские античные города объединились под властью Археанактидов, образовав Боспорское государство. Оно вступило с синдами в тесные экономические, культурные

Развитие
социальных
отношений

и политические связи и оказало большое влияние на их дальнейшее историческое развитие. С возникновением Боспорского государства производительные силы

и социальный строй синдов быстро прогрессировали. Стимулирующим фактором этого прогресса была развивавшаяся между синдами и греками торговля.

Очень важной статьей синдской торговли был хлеб, которым плодородное Прикубанье было богато. Возможно, что синды выступали посредниками в торговле между греками и более глубинными меотскими племенами. В результате этого в руках синдской родо-племенной верхушки накапливались значительные материальные ценности, появилась частная собственность, начало оформляться классовое общество.

Процессу классовобразования способствовали также и военные столкновения синдов со скифами и другими соседними племенами, в результате чего постоянно пополнялся контингент рабов, часть которых продавалась грекам.

Во главе общества стояла превращавшаяся в рабовладельцев племенная знать, разбогатевшая на торговле. Отдельные выходцы из синдской знати вели даже торговые операции в Афинах. Сын богатого боспорского вельможи Сопея — по происхождению синда и приближенного боспорского царя Сатира (ум. в 389 г.) — ездил по поручению своего отца в Афины по торговым делам.

Дифференциация синдского общества шла по пути формирования рабовладельческого общества. Синдская знать распо-

лагала немалым числом рабов. Основную же массу населения составляли зависимые от племенной знати рядовые общинники — земледельцы и скотоводы, которые, по-видимому, также подвергались закабалению. Таковы возможные пути формирования классового общества у синдов.

Города

Выгодное географическое положение способствовало появлению городов, возникших как культурно-экономические центры из древних поселений. К числу наиболее изученных и значительных городов относится Семьбратнее городище в низовьях Кубани. С запада и востока этот город был укреплен рвами. Его окружали мощные крепостные стены с башнями. Высота стен в древности достигала 6 м, из города на стену вели каменные лестницы. Рядовые жилища города представляли собой небольшие турлучные постройки. Наряду с ними имелись монументальные каменные здания — жилища синдской знати. Этот город считается столицей Синдики, возможно, что здесь была резиденция синдского царя. Город возник в конце VI в. до н. э., в начале IV в. до н. э. он был разрушен. Возможно, что его опустошение связано с войной, организованной меотской царицей Тиргатао против Синдики. Однако вскоре жизнь в городе возобновилась и продолжалась до II в. до н. э.

Второй большой синдский город находился у современного хутора Батарейного, на р. Адагум, и был, по-видимому, крупным пограничным укреплением Синдики. Его окружали каменные стены, рвы и валы. Недалеко от Анапы, у современной станицы Раевской, находился еще один большой город, сопоставляемый некоторыми учеными с синдской Аборакой. Он занимал высокий берег речки Мисхаго и был укреплен крепостной стеной с башнями по углам. С южной стороны в город вели ворота, защищенные башней. Возник он в IV в. до н. э.

Известен еще один синдский город — Горгиппия, возникший (на месте теперешней Анапы) в V в. до н. э. из синдского поселения, именовавшегося греками «Синдской гаванью». Страбон даже называет Горгиппию «столицей Синдов». Площадь Горгиппии достигала около 20 га, период расцвета города — IV—III вв. до н. э. Через горгиппский порт в основном шел в Боспор и материковую Грецию синдо-меотский экспорт.

Население городов Синдики, особенно прибрежных, было смешанным и состояло из синдов и греков. Естественно, что именно в них наиболее сильно сказывалось культурное влияние греков на местное население и наиболее интенсивно происходил процесс эллинизации.

Синдское государство Мы не знаем, когда и как начало оформляться государственное образование синдов. В целом данный процесс относится ко второй половине V в. до н. э., когда экономическое и политическое положение

Синдики значительно усилилось и синды, постоянно испытывавшие боспорское влияние, сами стали оказывать усилившееся влияние на Боспор. Наиболее ярким выражением синдобоспорских связей явился переворот 438 г. до н. э., в результате которого власть на Боспоре захватила династия Спартокидов, происходившая, по мнению ряда ученых, из синдской знати.

Возможно, что переход государственной власти к местной династии был реакцией на агрессию Афин в 40—30-е годы V в. до н. э., стремившихся подчинить Боспор. В результате перехода власти к Спартокидам синдо-меотские племена, обладавшие значительными военными силами, оказались ближайшими союзниками боспорцев, что содействовало дальнейшему политическому сближению Синдики и Боспора и укреплению их политических и экономических связей.

В последней четверти V в. до н. э. в Синдике началась собственная чеканка монет. Образцом для синдских монет послужили греческие монеты, но синдская чеканка отличается творческой переработкой образцов и внесением оригинальных местных элементов. На монетах изображался Геракл, популярный в Синдике, сова, голова коня, грифона, хлебное зерно. Чеканились монеты из серебра, но место чеканки неизвестно.

Наличие у синдов собственной денежной системы — очень важный факт, свидетельствующий о появлении классового рабовладельческого общества и государства в Синдике, ибо «родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством»¹.

Синдский царь, правивший в конце V—начале IV в. до н. э., носил греческое имя Гекатей. Боспорский тиран Сатир находился с Гекатеем в союзнических и родственных отношениях, о чем сохранился интересный рассказ греческого писателя Поллена. Суть этого рассказа сводится к следующему. Меотянка Тиргатао вышла замуж за Гекатея, но вскоре он был низложен с престола. С помощью Сатира Гекатей вернулся на престол, причем Сатир (видимо, стремясь упрочить свое влияние на Синдику) выдал за него свою дочь. Посаженная в крепость Тиргатао бежала, обманув стражу, и скрылась у племени иксоматов, где жили ее родственники. Отсюда она сумела поднять на борьбу с Сатиром и Гекатеем меотские племена, опустошавшие Синдику набегами. Энергичная и отважная меотянка Тиргатао добилась успеха в этой борьбе. Цари Боспора и Синдики были вынуждены искать мира и дать в заложники сына Сатира — Метродора. Через некоторое время война возобновилась и прекратилась лишь тогда, когда сын умершего Сатира Горгипп явился к Тиргатао и ценою богатейших даров прекратил борьбу.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 111.

Возможно, что эта неудачная война была одной из причин конца Синдского государства. Небольшое и непрочное, окруженное враждебно настроенными меотскими племенами, оно постепенно было подчинено Боспором и вошло в его состав в качестве основной территории так называемого Азиатского Боспора (т. е. азиатской части Боспорского царства). Формальное присоединение Синдикки к Боспору произошло во второй четверти IV в. до н. э. В это время азиатской частью Боспора правил брат Левкона — Горгипп. В связи с вхождением Синдикки в состав Боспорского царства прекратилась и чеканка синдских монет.

Эллинизированные синдские цари, имевшие брачные связи с боспорской династией, и синдская знать, богатевшая на торговле с боспорскими городами, довольно легко пошли на присоединение к Боспору. Вследствие присоединения Синдикки экономическая база Боспора значительно расширилась и укрепилась, Боспорское государство вступило в полосу своего наивысшего расцвета (IV в. до н. э.).

3. КУЛЬТУРА И БЫТ СИНДОВ И ДРУГИХ ДРЕВНИХ АДЫГОВ

Вблизи большинства городов Синдикки открыты могильники — некрополи. Из них лучше изучены крупные курганы у Семибратнего городища (V—IV вв. до н. э.) и некрополь Коро-

кондамы (у мыса Тузлы), обладающие погребальным обрядом и материальной культурой синдсов чертами, довольно характерными для синдских погребений вообще. Синды обычно хоронили знать под большими

курганскими насыпями, со специально убитыми лошадьми, призванными сопровождать покойного в потусторонний мир (чего нет у греков), а представителей остальной свободной массы населения — в обычных грунтовых ямах. Специфически синдской чертой считается сооружение сырцовых гробниц, известных не только в Семибратних курганах и Тузлинском некрополе, но и в других частях Таманского полуострова. В некоторых синдских курганах найдены жертвенные костры со следами тризны, обнесенные сырцовой оградой, или костры, устроенные на возвышениях из сырцовых кирпичей.

Материальную культуру синдского общества в известной степени характеризует погребальный инвентарь. В курганах, принадлежащих знати, он богат и многообразен. Так, в Семибратних курганах найдены глиняная, золотая, серебряная и бронзовая посуда, золотые и серебряные украшения, предметы вооружения, бронзовые и железные украшения от конской узда, много вещей греческого производства.

Погребения рядовых синдов в некрополе Тузлы сопровождались многочисленной керамикой (в том числе и греческой), вооружением, а в женских погребениях наряду с посудой встречаются бронзовые украшения, зеркала, пряслица. В целом материальная культура Синдики отражает глубокую эллинизацию и активное взаимодействие с греческой культурой.

Религия

В сложных языческих религиозных представлениях синдов наиболее ярким был земледельческий культ. Еще в догреческую эпоху на Таманском полуострове он существовал в виде верховного женского божества — покровительницы земледелия и плодородия. В кургане Карагодеуашх близ г. Крымска (IV в. до н. э.) найдена золотая треугольная пластина от женского головного убора, украшенная рельефами в три яруса. В нижнем ярусе изображена ритуальная сцена, в центре которой помещена верховная богиня в длинной рубашке; на голове у нее убор конической формы, в руках ритуальный сосуд — ритон. На серебряном ритоне из сел. Мерчанское Крымского района Краснодарского края имеется еще одно изображение богини плодородия. Здесь богиня-мать изображена сидящей в кресле.

Специалисты-искусствоведы оба вышеописанных памятника считают произведениями местного синдского прикладного искусства.

После возникновения греческих городов на Таманском полуострове распространяется греческий земледельческий культ Деметры, Коры и других женских божеств, олицетворяющих плодородную силу природы. Эти греческие богини были столь родственны великому женскому божеству, почитавшемуся жителями Таманского полуострова и Прикубанья, что произошло довольно быстрое слияние эллинских и местных культов в один женский земледельческий культ. Вероятно, по этой причине в синдских городищах появляются терракоты, изображающие богиню Деметру (Семибратнее городище). Но наиболее ярко синкретизм местного и греческого культа выразился в слиянии синдского верховного женского божества с культом ионийской богини Афродиты Апатуры, позднее — Афродиты Урании (т. е. Небесной), простирающей свою власть уже не только на землю, но и на небо и море. Этот синкретический земледельческий культ великой богини, органически впитавший в себя как греческие, так и местные синдские черты, занимал первостепенное место в идеологии синдского общества не только в V—IV вв. до н. э., но и значительно позже. Афродита стала общим кумиром как боспорских греков, так и синдо-меотских племен Прикубанья.

Земледельческий культ плодородия, бывший основным и наиболее развитым культом синдов, прямо указывает на важ-

нейшую роль земледелия в жизни синд-меотского населения Тамани и Прикубанья.

Формы брака. Род Род, как известно, старше семьи. Эпос «Нарты» и адыге хабээ — неписанный свод обычаев — совершенно не знают беспорядочных брачных отношений. Но древнеадыгский фольклор сохранил следы существования кровнородственной семьи — первой фазы группового брака, когда братья и сестры состояли во взаимном половом общении. Об этом свидетельствует сохранившееся в адыгском фольклоре причитание девушки-сестры, отказавшейся выходить замуж за брата. Содержание этого причитания таково. Зимняя стужа, на дворе свирепствует мороз. На дворе — она, сестра. В теплой сакле сидит мать, отец, сестра и брат девушки. Девушка просит:

Золотая мать моя,
Красное золотце,
Открой дверь,пусти меня,
Гибну я от холода.

Мать отвечает:

Назови гуашей, свекрухой,
Я открою дверь.

Девушка отказывается назвать свою мать гуашей и обращается с такой же просьбой к отцу. Отец отвечает:

Назови меня свекром,
Я открою дверь.

Она умоляет родную сестру открыть дверь. Сестра отвечает:

Назови меня золовушкай,
Я открою дверь.

Сестра отказывается назвать брата мужем.

Этот факт говорит о том, что древнеадыгская семья прошла определенную историческую стадию еще задолго до образования семьи, исключая взаимное половое общение родителей и детей. В нартском же эпосе уже отсутствуют мотивы кровнородственной семьи, но здесь нередко мы встречаемся с мотивами полнандрическими (многомужества) и полигиническими (многоженства). В целом в эпосе наблюдается относительная свобода общения полов, связанная, по-видимому, с переходным периодом образования парной семьи.

Как видно из сказаний о Сатаней и ряда других сказаний нартского эпоса, древнеадыгская семья знала многомужество, но доминирующим все же являлось многоженство. Это можно объяснить тем, что основное ядро эпоса создавалось при родо-

вом строе, когда материнское право уже начало уступать отцовскому и семейные отношения стали в основном базироваться на парном браке. Но, будучи предшественником моногамной семьи, парный брак оставлял значительную половую свободу мужчине, лишая постепенно этой свободы женщину. Когда в эпосе речь идет о моногамной семье, в которой женщина имеет одного мужа, мужчины в большинстве случаев продолжают иметь несколько жен, что видно из сказаний о языческих божествах Тхаголедже, Тлепше и др.

В партской среде род является экзогамным, запрещавшим брак внутри рода, между ближайшими родственниками, а само племя партское — эндогамным, разрешавшим брачные союзы внутри племени. Вот почему партские герои вынуждены совершать дальние походы в поисках невесты.

Экономической единицей в партском эпосе, а следовательно, в древнеадыгской семье, выступает не семья, а род в целом. Род решает весь комплекс хозяйственных вопросов. Численное и материальное укрепление рода вызвали его распад на большие материнские семьи. Во главе семьи стояла старшая женщина. Эта форма семьи в адыгской среде очень наглядно иллюстрируется женскими образами эпоса — Сатаней, Уарсар, Адюх, Малечитх. Без активного участия женщины в партском эпосе не решается ни один домашний или хозяйственный вопрос. Большая материнская семья адыгов знала переход мужа в род жены, вначале — без хозяйственного объединения, а позже — с имущественным и хозяйственным слиянием.

Искусство

В древнем фольклоре адыгов сохранилось большое количество обрядовых, свадебных, календарных и культовых песен, здравий (хох-алгыш) и напевов и речитативов символично-магического значения. Особое место занимали древнейшие песни и здравия, посвященные хлебопашеству и скотоводству. В цикле трудовых песен и музыкальных речитативов (праздник окота, выгон отары, стрижка овец и др.) ярко выражен ритмический рисунок трудового процесса. Все жанры музыкально-поэтического творчества адыго-кабардинцев находили в этих празднествах свое самобытное выражение, заключавшееся не столько в художественно-эстетическом, сколько в ритуально-магическом комплексе воздействия на людей.

У древних кабардинцев и балкарцев широкое распространение имели и культовые церемонии, посвященные отдельным языческим божествам и покровителям животного и растительного мира, а также всякие обряды, связанные с рождением и смертью, свадьбой, излечением больных, освящением святых урочищ. Празднества, устраиваемые в честь богов с жертвоприношениями, сопровождалась песнями, пляской, ритуально-обрядовым комплексом хох и алгыш — обращением в форме оды к

различным божествам и покровителям, причем, по представлениям древних, хох-алгыш имел магическое значение.

Пением, музыкальным речитативом или стихами оформлялись и всякого рода заклинания и причитания, к которым прибегали при тяжелых заболеваниях, для «спасения новорожденного от дурного глаза» и т. д.

В древней музыке адыгов и балкарцев заметны элементы звукоподражания птицам и животным. Звукоподражательный колорит создавался применением как смычковых, так и других инструментов.

Среди древних культов и символических обрядов особое место занимало лицедейство — *ажагафэ* (танец козла). Ни одно народное представление, связанное с земледельческим календарем и животноводством, не обходилось без ажагафэ. Культ этот относится к древнейшим верованиям предков кабардинцев, и, по-видимому, образ самого ажагафэ некогда связывался с представлением об умирающем и воскресающем божестве.

Древнейшее ядро адыгских и балкарских сказочных сюжетов составляют мотивы о животных и амазонках, сказки и легенды, в которых много мифологической условности. Сказочные образы чрезмерно преувеличены, в сказках доминируют сверхъестественные существа.

Нартский эпос Нартский эпос — величественный памятник эпической культуры адыго-кабардинцев, черкесов, адыгейцев, абхазов, осетин, вейнахов и балкар-карачаевцев. Он начал создаваться в глубокой древности — около 3 тыс. лет назад. Эпос «Нарты» дает нам возможность проследить общественный строй адыгов и балкарцев, начиная с зарождения у них родовых отношений с последующим напластованием мотивов рабовладельческого и даже феодального уклада жизни.

Наиболее архаичным мотивом нартского эпоса является мотив матриархата. Классическим представителем материнско-родовой организации в эпосе выступает «мать всех нартов» Сатаней. Все дела, как хозяйственные, так и ратные, в нартском роде совершаются лишь по ее совету и наставлениям. Она — организующее начало «всех нартских доблестей». По ее настоянию нарты выступают в поход; она подсказывает им, как спасти «тхаголеджево зерно».

Черты матриархальной организации рода прослеживаются и в других женских образах эпоса — Адиюх, Шхацфицы, а в сказаниях о Малечпых уже явственны следы образования парной семьи, последовавшей за групповой брачной системой, мотивы которой сохранились в отдельных фрагментах «Нартпады».

В эпосе ясно прослеживается разложение первобытнообщинного строя, падение матриархата, на смену которому приходит

патриархальный уклад жизни, наконец, говорится о появлении имущественного неравенства, о борьбе рода с «чувыками из сыромятной кожи против рода с чувьяками из сафьяновой кожи». Все общественные, хозяйственные, а также и военные дела нартское племя решало на своем совете — *хасе*. На нем могли присутствовать все, «кто способен был на ноги надеть чувьяки и поднять меч», и каждый имел право держать слово.

Этот древнедемократический порядок публичной власти постепенно сводился на нет старейшинами рода. Появляются на хасе знатные, «славы достойные», именитые нарты. Могучими патриархальными вождями выступают и адыгские *Насрэнжь-аклэ* (Насрен Борода) и балкаро-карачаевский Урузмек.

На хасе теперь собираются только воины, мужчины. Они вершат делами. И когда «мать нартского рода» Сатаней, явившись на хасе, просит родовитых нартов ввести в круг хасе «низкороденного» Сосруко, то один из нартов отвечает ей:

Матерей мы уважаем,
Но богатырей на хасе
Не зовем по просьбе женщины.

Здесь явственно выступает тема падения Сатаней, матриархальных устоев первобытного родового строя.

Тема неравенства в нартском эпосе обнаруживается уже в цикле о Сосруко. Нарты отказывают в приглашении его на хасе по той причине, что он еще «безусый, безвестный» и по происхождению «пастуший сын».

Имущественное и социальное расслоение нартского общества прослеживается и в других сказаниях, но с особой силой оно подчеркивается в циклах, посвященных адыгскому Шауаю и балкаро-карачаевскому Кара-Шауаю, а также в сказах о сражениях Сосруко против горделивого Джилахстана. В этих сказаниях уже выступают нарты, имеющие огромное количество скота, большие табуны коней, отары овец и «золотом вышитые черкески».

Место действия нартского эпоса локализируется районами рек Псыжь (Кубань) и Индыл (Волга), Таманько (Таманский полуостров), Черным и Каспийским морями. Копья, аркан, лук и меч — оружие нартских героев. Материальный мир, а не поле брани — сквозная тема всего эпоса. В эпосе часто говорится о скотоводстве, хлебопашестве, добыче руды, производстве орудий труда. Основным мотивом большинства циклов является труд, борьба с силами природы, носителями зла — великанами, любовь к родной земле, бесстрашие в борьбе с иноземными захватчиками.

Особое место в эпосе занимают сказы о кузнечном ремесле, легендарных Тлепше и Дабече — первых нартских кузнецах.

Они делают первый серп, молот, наковальню, соху, они же куют мечи, шлемы, налокотники, наконечники стрел, ножницы и т. п.

Из земледельческих культур главенствует просо, из которого нарты изготавливают *пасту* — крутую кашу, просяные лепешки, а также кабардинское *махъсымэ* и балкарское *сыра* — национальные напитки.

Несмотря на некоторую сказочно-мифологическую условность и заметное наслоение мотивов более поздних общественно-экономических формаций, нартский эпос в целом повествует о патриархально-родовом строе, о смене матриархата патриархатом, о его высшей ступени развития — военной демократии, когда исподволь уже происходит разложение основных устоев этого строя.

Нартский эпос — новое качественное явление, новый этап в художественном развитии народнопоэтического творчества предков адыгского, абхазского, осетинского, балкарского народов, мощное поэтическое пробуждение народного самосознания, истории народа, когда она была еще преданием и когда в фантастических образах, «в которых первоначально отражались только таинственные силы природы», постепенно начали проступать общественные мотивы, а фантастические герои стали приобретать реальные черты представителей исторических сил¹.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1957, стр. 299.

РАЗДЕЛ
ВТОРОЙ

•

**Зарождение
и
становление
феодалных
отношений
в
Кабарде и Балкарии
(IV—XV вв.)**

•

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У АДЫГОВ (IV—XII вв.)

1. ХОЗЯЙСТВО

В последней трети IV в. н. э. в Предкавказье из Азии вторглись полчища кочевников гуннов. Гунны разбили готов и алан и около 370 г. разгромили Боспорское царство.

Земледелие
и животноводство

Судьба синдо-меотов, обитавших между Азовским морем, устьем Дона и нижним течением Кубани, выясняется при исследовании меотских городищ на этой территории. Все они в IV в. оказываются заброшенными. Очевидно, гунны их разорили, и жители, спасаясь от гибели или рабства, бежали в Закубанье. Здесь, в лесостепной полосе, возникают новые укрепленные поселения.

После гуннского нашествия в письменных источниках не встречается ни одного достоверного упоминания о синдах, ас-пургианнах, пессах, псессах, досах, фатеях, дандарах и других меотских племенах, обитавших до этого восточнее Азовского моря и в причерноморской части левобережья р. Кубани. Само же название «меоты» с этого времени навсегда исчезает.

Разложение рабовладельческого хозяйства и упадок торговли в причерноморских и приазовских городах Боспорского царства и последовавшее затем нашествие гуннов тяжело отразились на экономике адыгов. Потеря плодородных земель на правом берегу Кубани привела к резкому сокращению посевных и пастбищных площадей. На месте земледельческих поселений синдо-меотов теперь оказались кочевья пришельцев. Гунны захватили богатые рыболовные угодья Приазовья и степных рек Прикубанья, а это отрицательно сказалось на хозяйстве адыгов, в котором рыболовство играло значительную роль. Наблюдался и упадок ремесел, вызванный общим ухудшением экономических условий и нарушением связей с соседями.

Но на рубеже IV—V вв. Боспор (бывший Паитикапей, нынешняя Керчь) снова становится важным торгово-ремесленным центром. Правда, теперь этот и другие города бывшего Боспорского царства находились под властью алаано-гуинского племенного союза. В них вырос процент негреческого населения, они все более теряли свой греческий облик.

С IV в. н. э. адыги стали селиться по левому берегу р. Кубани, на запад от р. Лабы, а также на Черноморском побережье. На юго-западе по Черноморскому побережью они граничили с племенами, из которых позже сложилась абхазская народность, на юго-востоке, за р. Лабой, — с аланами, на севере, за Кубанью, — с кочевниками гунами (утургурами), а также с болгарами, аланами и с конца VII в. — с хазарами.

После гуинского нашествия земледелие на правом берегу Кубани было в значительной мере вытеснено кочевым скотоводством. У закубанских же адыгов оно по-прежнему оставалось главным занятием. Кроме мягкой пшеницы, проса и бобовых культур, известных адыгам еще с античных времен, они выращивали лен и, по-видимому, овес.

Немаловажную роль играло и скотоводство. В равнинных районах разводили преимущественно крупный рогатый скот, а в горах — овец и коз. Возможно, к этому же времени относится выведение новой породы лошадей, которая позже получила название кабардинской.

Рыболовство и охота. Промыслы

Рыболовство у адыгов в раннем средневековье потеряло свое прежнее значение, хотя в некоторых районах оно все еще было значительным. Рыбацкие селища этого времени археологи нашли на Таманском полуострове. По словам Феофана, жившего во второй половине VIII и в начале IX в., у берегов Керченского пролива «ловят мурзулию и другую рыбу», а в Кубани («Куфис») ловят рыбу, которая называется «койст». Большие рыболовные крючки найдены при раскопках Борисовского могильника (у Геленджика) в погребениях VI—IX вв.

Некоторую роль в хозяйстве адыгов играла охота. Об этом свидетельствуют найденные в погребениях клыки диких кабанов, изделия из кости разных животных. Кроме того, до недавнего прошлого у адыгов бытовали перожитки культа охотничьего божества *Мэзыгъэ*.

Большого развития достигло кузнечное производство, выделившееся в самостоятельное ремесло. К периоду раннего средневековья принадлежат найденные на территории адыгов топоры, серпы, рыболовные крючки, надочажные цепи, ножи, наконечники стрел и копий, удила, стремяна, кинжалы и сабли. Большая часть этих предметов, несомненно, была изготовлена адыгскими кузнецами. Частые находки глиняной посуды в погребениях раннего средневековья позволяют говорить

о существовании у адыгов в тот период развитого гончарного производства.

Арабский географ Масуди (ум. в 956 г.) писал об адыгах, что они выделяли полотняную матерью, называемую «тала», отличавшуюся тонкостью и прочностью и высоко ценившуюся на внешнем рынке. Таким образом, домашний ткацкий промысел достиг у адыгов в раннем средневековье уровни мелкого товарного производства. Адыги знали также обработку шерсти и кож, деревообработку и производство изделий из кости. Промыслы эти существовали почти в каждом хозяйстве и предназначались для удовлетворения в основном личных потребностей; видимо, только часть продукции этих промыслов поступала на рынок.

Торговля

Торговые связи были широки и многосторонни. В адыгских могильниках встречаются инкрустированные металлические украшения, изготовленные в приморских городах Тамани и Крыма, металлические сосуды из сасанидского Ирана, предметы так называемой салтово-маяцкой культуры, византийские и грузинские изделия и древнерусская посуда.

Адыги, говорит Масуди, носили «румскую (т. е. византийскую. — *Ред.*) парчу, пурпур и иные виды шелковых материй, затканых золотом».

Кроме дорогих тканей, поступавших главным образом из Византии и Ирана, предметами импорта являлись: азовская соль, дагестанские и иранские кольчуги, племы и холодное оружие, дорогая византийская посуда, византийские, грузинские и древнерусские предметы христианского культа (металлические кресты, иконы и пр.). За исключением соли, импорт состоял из предметов роскоши и культа и служил в основном для удовлетворения запросов племенной знати. Крестьяне редко пользовались покупными вещами, изготавливая все необходимое в собственном хозяйстве.

В адыгском экспорте при натуральном характере хозяйства наибольшее значение имели рабы. Им обычно становились военнопленные, для захвата которых племенная знать совершала частые набеги на соседние племена. Сбыт рабов в Византию и другие страны, очевидно, составлял одну из наиболее прибыльных статей дохода. Крестьяне, не имевшие рабов, в случае нужды продавали дочерей.

На внешний рынок поступали также излишки продукции животноводства, земледелия и охоты (шерстяные и кожевенные изделия, меха, хлеб и т. д.).

Если в античное время внешний обмен совершался главным образом через греческих купцов, то теперь сами адыги часто предпринимали торговые поездки в чужие земли. Они часто посещали Тмутаракань и Трапезунд.

2. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Развитие торговли у адыгов в эпоху раннего средневековья привело к росту производительных сил. Непизбежный при этом рост прибавочного продукта вызывал углубление имущественного неравенства. Это отразилось на погребальном инвентаре захоронений. В некоторых мужских погребениях того времени из оружия найдены только нож да

**Выделение
феодализирующей
знати**

несколько стрел, а в других, кроме сабли, стрел и кинжала, имеются дорогие кольчуги и шлемы. В погребениях второй половины I тысячелетия н. э. на Кубани значительно уменьшается число золотых изделий. Своего рода «обеднение» погребений объясняется тем, что материальные ценности, став товаром, перестали быть неотчуждаемым имуществом их владельца и после его смерти не попадали в могильник, а переходили в руки наследников.

Таким образом, «обеднение» могил говорит скорее о прогрессе адыгской экономики, чем об ее упадке.

Адыги в X в. не имели общего царя, но у отдельных племен были свои князья. Возможно, адыгом был северокавказский князь Бер, который в 957 г. совершил поход в Закавказье и потерпел поражение от армян под г. Карсом. Бесспорно адыгом был «князь касожский Редедя», погибший в единоборстве с Мстиславом Храбрым, князем тмутараканским и черниговским, в 1022 г. В начале XIII в. в г. Матрике, т. е. Тмутаракани, правил зихский, т. е. адыгский, князь, о богатстве которого можно судить по тому, что он содержал около 100 жен.

Ярко отразилось социальное и имущественное расслоение в Убинском адыгском могильнике X—XIV вв. Одна шестая часть погребений этого могильника (53 захоронения) вовсе не имела инвентаря. В 18 погребениях был очень богатый инвентарь, в том числе золотые и серебряные изделия, дорогие ткани, стеклянные бокалы и др. Остальные погребения, с обычным инвентарем (в том числе с предметами вооружения), по-видимому, принадлежали свободным воинам-общинникам. Причем, судя по количеству обнаруженных в них предметов, имущественное положение свободных общинников не было совершенно одинаковым. 77 погребений этой группы оказались гораздо беднее находками, чем остальные.

**Адыгская сельская
община и углубление
неравенства в ней**

Непрекращавшиеся переселения племен подрывали территориальную целостность рода и увеличивали значение соседских связей между неродственными семьями. Если отличительной чертой рода в период его господства была коллективная собственность на средства производства, то для сельской общины характерно сочетание коллективной собст-

венности (например, на пастбища, лесные угодья и т. д.) с частной собственностью (на скот, пашни, усадьбу и т. д.). Племя из объединения родов все больше превращалось в объединение территориальных сельских общин.

Адыгская сельская община обозначалась словом *къуажэ* (по-кабардински) или *къуаджэ* (по-адыгейски). Сельские общины именовались по названиям рек, урочищ или по именам отдельных родов или лиц, игравших в них видную роль. Об одном таком зихском селении Хамух упоминал и Константин Багрянородный.

Существование частной собственности в сельской общине создавало условия для углубления имущественного неравенства ее членов. Старшины, стоявшие во главе общины, постепенно превращались в наследственную знать, а рядовые общинники — в зависимых крестьян.

Рассматриваемый период у аыгов характеризуется переходом от первобытнообщинного строя с рабовладельческим укладом к феодальному обществу. Род как производственное целое уже не существовал, хотя и сохранил еще за собой большую роль как общественная организация, состоящая из больших патриархальных семей, ведущих обособленное хозяйство.

В раннем средневековье у адыгов, кроме племенной знати и свободных общинников, были и рабы (унауты). Естественно, рабов имели главным образом представители племенной знати. Ценность военнопленного заключалась в первую очередь в возможности его продажи. Поэтому помимо использования рабов в производстве, у адыгов существовала развитая работорговля.

Совокупность сельских общин составляла племя. Племена были независимы и объединялись только во временные союзы с оборонительной целью. Некоторые из племен уже имели постоянных вождей. Племенные вожди и старшины сельских общин обычно являлись и военачальниками, что давало им возможность получать большую долю трофеев и пленных.

3. ФОРМИРОВАНИЕ АДЫГСКОЙ НАРОДНОСТИ

В конце IV или в V в. часть Черноморского побережья между Таманью и р. Негепсыхо (южнее Геленджика) захватили переселившиеся сюда из Крыма готы-тетракситы, оттеснившие синдов и керкетов к востоку. По-видимому, готы воспользовались тем, что территория Синдики после гуннского нашествия пустовала. Однако вскоре после VI в. адыги снова завладели прибрежной полосой, захваченной у них тетракситами. Это нужно поставить в прямую зависимость от усиления адыгского племени зихов,

которые в начале I в. были небольшим племенем, обитавшим где-то между нынешними городами Туапсе и Гагра.

Во II в. племенной вождь зихов Стахемфак вошел в сношение с римлянами и номинально объявил себя подданным римского императора. Этот шаг, очевидно, в какой-то мере способствовал укреплению политического веса зихов среди соседних племен. К V в. территория зихов значительно расширилась и переместилась на северо-запад. Псевдо-Арриан, перечисляя различные пункты морского берега между нынешней Абхазией и землей тетракситов, говорит: «От Старой Ахэи (ныне Туапсе. — *Ред.*) до Старой Лазики (устье р. Негепсыхо. — *Ред.*) и затем до р. Ахеунта прежде жили народы, носившие имена: пиннохи, кораксы, колики, меланхлены, махалоны, колхи и лазы, а ныне живут зихи... От гавани Пагры (возможно, нынешний Новороссийск. — *Ред.*) до Старой Ахэи прежде жили так называемые ахэйцы, а ныне живут зихи».

Прокопий (сер. VI в. н. э.) говорит, что «в древности этим зехам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем не повинуются римлянам».

Переселение тетракситов из Крыма на Кавказ совпало с ростом территории и увеличением военной мощи зихов. Это дало им возможность вытеснить тетракситов с захваченной ими территории. Поэтому после VI в. тетракситы исчезают со страниц истории, а зихи, наоборот, становятся все более известными. Феофан, живший во второй половине VIII в. и в начале IX в., уже упоминает «Зикхию» как значительную страну на восточном берегу Черного моря. Таким образом, к X в. тетракситов на Западном Кавказе уже не могло быть, ибо земли их вошли в состав Зихии.

Позже, в XIII—XV вв., термин «зихи» стал употребляться итальянцами для обозначения всех адыгов. Раннегрузинские источники также называют «джихами» абазин и кабардинцев. По мнению Л. Лопатинского, слово *адыгэ* также восходит к корню *зих* (через несохранившуюся промежуточную форму *а-дзыгэ*).

Увеличение территории зихов в I тысячелетии н. э. объяснялось объединением вокруг них соседних мелких племен и образованием племенного союза, члены которого с течением времени сами стали называться зихами. Ядром этого союза было племя зихов. Помимо внутренних причин, вызвавших к жизни этот союз, были и внешние. Одной из них могла стать потребность в совместной вооруженной борьбе с тетракситами, уруграми и аланами.

В результате перемещения зихов с юго-востока на северо-запад в III—V вв. произошла ассимиляция одних племен другими. Из древних адыгских племен, которые ассимилировались с зихами, с достоверностью можно назвать ахеев.

Усиление зихов и ассимиляция ими ахеев (как, очевидно, и других племен) были проявлением совершившегося в I тысячелетии н. э. процесса консолидации племен Северо-Западного Кавказа в адыгскую и абхазскую народности. Еще в начале нашей эры на Северо-Западном Кавказе проживало большое число мелких племен, говоривших на своих языках. Среди части адыгских племен, обитавших в степях Прикубанья и более развитых в социально-экономическом отношении, чем население горной полосы, намечался процесс образования народности. У них, например, уже существовало сознание взаимного родства, и письменные источники, перечисляя эти племена, постоянно объединяют их под общим именем «меоты».

Складывание племен в народность, начавшееся в степях, было прервано нашествием гуннов в IV в. Центр процесса консолидации племен после этого переместился в горы. Не случайно теперь он оказался именно в той части горной полосы, которая прилегала к морскому побережью и где население имело более прочные экономические связи с внешним миром.

I тысячелетие н. э. на Северо-Западном Кавказе было временем, когда несколько мелких племенных языков превратились в более крупные языки народностей и вытеснили другие многочисленные мелкие языки. Этому способствовало родство племенных языков этой территории.

Касоги Зихский племенной союз не сумел объединить родственные племена Северо-Западного Кавказа. Этому помешало возникновение по соседству двух новых союзов: абхазского на юге и касожского на севере. Слово *касоз* с его вариантами (*касах*, *кашек*), очевидно, не адыгское и получило распространение у разных народов благодаря аланам. Осетины до сих пор называют кабардинцев «кешек».

Первое упоминание о касогах на Северо-Западном Кавказе относится к концу VIII — началу IX в. К X в. уже не различались мелкие группы адыгов, и источники называют их одним именем «кешак», т. е. касоги. По свидетельству Масуди, первые писавшего об адыгах как об одном народе, касоги занимали все пространство от р. Лабы («по соседству с аланами») до берегов Черного моря и говорили на одном языке. Отсутствие политического единства у касогов, очевидно, не помешало возникновению у них сознания этнического единства.

Единым народом считали адыгов и авторы русских летописей, которые, начиная с X в. и до середины XIII в., называют их «касогоми».

Таким образом, адыги как единая народность с единым языком в основном сложилась к X в. Складывание народности зависело в первую очередь от перехода к феодальным отношениям. Применительно к X в. можно говорить о завершении лишь пер-

вого этапа образования народности адыгов, когда появилось сознание этнической общности между племенами, сложился общий язык и, видимо, родились элементы психической общности. Для окончательного оформления адыгской народности нужна была замена племенного деления делением территориальным. Нужно было появиться литературному языку, который стер бы резкие диалектные различия. Кроме того, нужна была и некоторая взаимная экономическая связь между отдельными частями адыгской земли. Ничего этого еще не было в начале II тысячелетия.

4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АДЫГОВ С РУСЬЮ И СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ

Совместная борьба за независимость сплачивала адыгские племена. Гунны, готы-тетракситы, утургуры, прикубанские болгары вели активную военную политику по отношению к своим соседям, и жившие рядом адыги не могли избежать частых вооруженных столкновений с ними. Отношения адыгов с абхазами в разное время были и мирными и враждебными.

Отношения с Абхазией, Аланией, Хазарией, Византией

В X в. адыги вели войну с соседними аланами, которые жили на востоке (за р. Лабой) и частично на севере (на правом берегу р. Кубани). Аланы совершали набеги на адыгов (зихов), которые жили вблизи Таманского полуострова, и вынуждали их укрываться на одном из близлежащих островов, из которых тогда состоял нынешний Таманский полуостров. При этом аланы использовали политическую раздробленность адыгов. Последние для своей обороны пользовались укреплениями, построенными у моря. Само собой разумеется, что отношения адыгов с аланами, как и с другими соседями, были не только враждебными. Между ними существовал обмен и культурные связи. Так, в адыгских комплексах Закубанья найдены вещи аланского происхождения и, наоборот, в аланских могильниках и на поселениях обнаружены предметы адыгского типа.

В начале VI в. берега Керченского пролива оказались под властью Византии, которой в разное время подчинялось и население нынешней Абхазии. Поэтому адыгам приходилось часто соприкасаться с Византией, поддерживать с ней экономические и культурные связи, отразившиеся на многих памятниках их материальной и духовной культуры. Византия сыграла решающую роль в распространении христианства среди адыгов.

В VIII—X вв. северокавказские степи с Таманским полуостровом находились в руках Хазарского каганата. Хазарам платили дань соседние народы, в том числе аланы, адыги, вейнахи и др.

Русско-адыгские
связи в X—XII вв.

Связи адыгов с восточными славянами уходят своими корнями в глубокую древность. Об этом свидетельствуют археологические, этнографические и языковые памятники. Так, среди населения Прикубанья (как и у древних славян) в IV—IX вв. бытовал обычай сжигать своих покойников (Борисовский и Пашковский могильники). Лингвисты отмечают наличие русско-адыгских языковых параллелей, восходящих к глубокой древности.

Адыгско-абхазское плетеное и обмазанное глиной жилище (*унэ*) с четырехскатной соломенной крышей имеет много общего с украинской хатой. Этот тип жилища издревле существует и у славян, и у адыгов. Можно найти немало древних общих черт и в других сторонах материальной культуры адыгов и славян, а также в их фольклоре, в старых языческих верованиях и даже народных мелодиях. Не отрицая сходства старой материальной культуры, фольклора, мелодий и верований адыгов с этими же сторонами старого быта народов Восточного Кавказа и Закавказья, все же нужно признать, что из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими к восточным славянам являются адыги.

Между славянами и кавказскими народами поддерживались постоянные торговые связи. О частых посещениях Кавказа русскими купцами писали арабские авторы IX—XI вв.

Сам факт образования русского княжества на Таманском полуострове явился результатом древних экономических и военных связей славян с Кавказом. Центром княжества стал г. Тмутаракань (где ныне расположена станция Тамань), существовавший с античных времен. К X в. Тмутаракань стала наиболее важным центром на Таманском полуострове. К этому времени она приобрела большое значение как торговый центр на стыке водного пути из Византии к Дону и сухопутного от Тамани на Северный Кавказ и в Закавказье.

Образованию русского княжества в Тмутаракани предшествовала длительная борьба за этот город между русскими и хазарами. Она завершилась победоносным походом Святослава в 965 г. на Северный Кавказ на хазар и зависимых от них касогов. Тмутараканское княжество стало частью Киевского государства. Русская летопись под 988 г. отметила, что князь Владимир отдал Тмутаракань в удел своему сыну Мстиславу Храброму. В годы правления Мстислава тмутараканско-адыгские отношения развивались не все время одинаково. На первом этапе они, очевидно, не были дружескими. Так, в 1022 г. Мстислав совершил поход «на касоги», т. е. на адыгов. В результате одержанной тогда русскими победы адыги стали платить дань тмутараканскому князю. Летописный рассказ об этом событии сопровождается красочными подробностями о единоборстве Мсти-

слава с касожским князем Редедей. Эпизод этот упоминается и в «Слове о полку Игореве».

После 1022 г. отношения между Тмутараканью и адыгами улучшились. Адыги участвуют в походе Мстислава против его брата великого князя Ярослава Мудрого. Летопись говорит, что в 1023 г. Мстислав с хазарами «и с касоги» выступил в поход на Ярослава Мудрого. Часть адыгов платила дань Тмутаракани и в середине XI в. при князе Ростиславе. Во второй половине XII в. Тмутаракань уже была под властью Византии. Для адыгов Тмутаракань являлась ближайшим и самым крупным торговым городом. Значительная часть их внешнеторговых отношений осуществлялась в то время через нее. Пестрое по национальному составу население города состояло из русских, греков, хазар, евреев, адыгов, алан и половцев.

Русско-адыгские взаимоотношения в период Тмутараканского княжества не ограничивались политическими и торговыми связями. Они оставили отчетливые следы в культуре обоих народов. Например, в одежде украинского казачества и крестьянства недавнего прошлого и старинной одежде кабардинцев и адыгейцев есть общие элементы. Не исключено, что многие из них выработались в процессе общения адыгов со славянами в X—XII вв. и раньше.

В адыгских могильниках и на поселениях Закубанья, относящихся к X—XIII вв., найдены вещи славяно-русского происхождения — металлические поясные пряжки, серьги, ушные привески, кресты-тельники и др. Некоторые виды адыгской керамики напоминают славянскую.

Русско-адыгские культурные связи оставили некоторый след и в языке. Так, Владимир Мономах рекомендовал своим детям. «Куда же поидите, идеже станите, напоите, накормите унеина» («хозяина» от адыгского «унэ» — «дом»). Очевидно, адыгского же происхождения и современное украинское слово «джигун», означающее повесу, озорника, франта и игривого человека.

Тмутараканская Русь сыграла большую роль в распространении и поддержании христианства среди адыгов. А христианство в ту пору, являясь идеологией нарождавшегося феодализма, было более передовым, чем отсталые формы языческих верований адыгов.

БАЛКАРИЯ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Балкарцы и родственные им карачаевцы являются древними жителями Центрального Предкавказья. Формировались и развивались они в условиях взаимосвязей и взаимовлияния со своими соседями адыгами (кабардинцами) и осетинами. Этим объясняется то, что у названных народов много общего в физическом облике, быте, культуре, психологии и исторических судьбах. Однако говорят эти народы на разных, резко отличающихся языках. Балкарцы говорят на языке кипчакской группы, являющемся одним из древних тюркских языков.

Этногенез
балкарцев
и карачаевцев

Карачаевский и балкарский народы образовались в результате смешения древних северокавказских племен с пришлыми ираноязычными (аланами) и тюркоязычными (болгарами и кипчаками). Из последних наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, «черные болгары» и в особенности одно из западнокипчакских племен.

Наименования племен, создавших местную средневековую культуру на территории Балкарии и легших в основу формирования балкарского народа, пока неизвестны. Можно полагать, что ими были ашдигоры и асы, явившиеся исконными жителями края.

В новом списке «Армянской географии» VII в. говорится, что в Сарматии (в том числе и на территории Центрального Предкавказья) жили: на западе — агваны, на юге — ашдигоры, за дигорами в области Ардос Кавказских гор — аланы.

Агваны населяли Прикубанье, а ашдигоры — современную Балкарию и верховья Кубани. Незначительная часть ашдигоров,

обитавшая в ущелье р. Урух под именем «дигорцы», в начале I тысячелетия была ассимилирована ираноязычными племенами, этнически близкими скифо-сарматам.

Асы и аланы и их роль в формировании балкарцев и карачаевцев Другая часть местного населения, входившая в состав ашдигоров, вероятно, подвергалась ассимиляции пришлыми тюркоязычными племенами (болгарами, кипчаками). Она и является этническим субстратом предков современных балкарцев и карачаевцев. Долгое время предполагали, что термины «асы» и «алан» являются этнонимом осетин. Однако осетины называют себя «пронами», а своих западных соседей, т. е. балкарцев, «асами, осами». По сообщению римского историка Аммиана Марцеллина, имя «алан» обнимает много соседних народностей, покоренных ими и «объединенных в одном имени победителей». В этот аланский союз племен входили многие северокавказские племена от Кавказского хребта до «Каспийских ворот» (Дарьяльское ущелье). Южными соседями алан были «сваноты».

Таким образом, очевидно, что население верховьев Кубани, Кабарды и Балкарии было не только связано с аланами и асами, но и называлось их именами, в зависимости от того, кто из них господствовал на Северном Кавказе. Поэтому и этнонимы в разный период раннего средневековья имели то узкоэтническое, то широкое собирательное значение. Так, в первых веках нашей эры аланами назывались только некоторые сарматские племена, обитавшие на Северном Кавказе. В этот период они не имели ни военного, ни политического превосходства. Поэтому имя «алан» было узкоэтническим, т. е. этнонимом.

В период V—IX вв. аланы уже господствовали от Кубани до Дагестана. Их этноним приобрел широкое собирательное значение. Он распространился на покоренные и объединенные ими племена и скрыл их наименование, кроме этнонима «асы», которые так же, как и аланы, с первых веков нашей эры обитали на Северном Кавказе. Кстати, аланы и асы считаются этнически близкими племенами.

В начале X в. асы (или дахсасы) еще находились в составе аланского объединения как одно из четырех его племен, но им уже принадлежали «почет и власть». В конце же X в. асы теряют доминирующее положение среди местных племен Центрального Предкавказья. С этого времени аланы и асы упоминаются в источниках, особенно восточных авторов XIII—XIV вв., только параллельно с другими племенами и народами, как равнозначные с ними.

Однако в источниках X—XIII вв. об аланах и асах говорится, что они не только равнозначные, но и враждующие племена. Так, в письме неизвестного хазарского еврея сообщается,

что в X в. аланы сражались против асов. Арабский автор XIV в. Абу-л-фида различает алан и асов, но не противопоставляет их.

**Болгары — первый
тюркоязычный
компонент предков
балкарцев
и карачаевцев**

Первое проникновение тюркоязычных народов в среду кавказских племен связывается с приазовскими, или внутренними, или черными, болгарами, жившими на Северном Кавказе в первых веках нашей эры. Тюркоязычные болгары кочевали между Доном и Волгой. В IV в. п. э. гунны вытеснили их в прикавказские степи, где они продолжали кочевать между Кубанью и Доном, по соседству с сабирами и аланами. В новом списке «Армянской географии» в описании Азиатской Сарматии названо четыре болгарских племени: купи-болгар, дучи-булкар, огхондор-блкар и чдар-болкар. В этой связи обращает на себя внимание название селения Балкар в Балкарском ущелье и Балхар в Дагестане.

В VI в. прикавказские и приазовские болгары объединились в племенной союз «Великая Болгария», который в конце VII в. пал под ударами Тюркского каганата. После этого значительная часть болгар переместилась к Дунаю и Волге, где они слились с местными племенами и образовали новые объединения.

Другая часть болгар, теснимая хазарами, продвинулась к горам Кавказа и слилась с некоторыми местными кавказскими племенами, носителями кобанской культуры, и стала еще одним, но уже тюркоязычным этническим компонентом, принявшим участие в формировании балкарцев и карачаевцев. Аланы и асы ассимилировали болгар и на долгое время скрыли под своим наименованием их этнонимы. Поэтому в письменных источниках VII—XIV вв. прикавказские болгары, как и многие другие племена и народности, даже не упоминаются, тогда как аланы и асы встречаются часто. Однако существуют следы пребывания здесь болгар. Это поселения с земляными валами в районе Кисловодска и три могильника в Балкарии (Зилги, Кардан и Кешене-алы) с погребениями VII—IX вв. в простых земляных ямах (так называемые грунтовые погребения).

**Роль кипчаков
в формировании
балкарцев
и карачаевцев**

Известную роль в формировании балкарцев и карачаевцев сыграли кипчаки (половцы). В XII в. тюркоязычные кипчаки создали на Северном Кавказе раннефеодальное объединение Кипчаклия. Она фигурирует в источниках в качестве одной из важнейших политических единиц края. Кипчаки занимались полукочевым и кочевым скотоводством. Определенной их части не чужд был и оседлый быт. Социальные отношения у них характеризовались ранними формами феодального строя. По своему облику кипчаки являлись тюркоязычными европеоидами.

В 1222 г. татаро-монгольские орды, вторгнувшись на Северный Кавказ, встретили сопротивление могущественного объединен-

ного войска алан и кипчаков, которое монголы обманым путем раскололи, а затем и разбили.

Кипчаки частью бежали и рассеялись, а частью продвинулись в горы Кавказа, где и были ассимилированы местными племенами. Их пребывание в горах нынешней Кабардино-Балкарии подтверждается рядом погребений XIII—XIV вв. в районе сел. Верхний Чегем. Погребения совершались в деревянных ящиках, в одном из которых обнаружена женщина в одежде кипчакского покроя. Язык кипчаков оказался более устойчивым, чем местный, и стал господствующим.

Влияние кипчаков на формирование тюркского языка местных народов, в частности балкарцев, прослеживается особенно отчетливо. Важнейшим документом древнего кипчакского (половецкого) языка является «Кодекс куманикус», относящийся к началу XIV в. По этому документу установлено, что куманский язык является тем тюркским языком, на котором говорили кипчаки. Кипчакские слова и выражения полностью соответствуют покающему диалекту современного балкарского литературного языка. Таким образом, балкаро-карачаевский язык складывался на протяжении тысячелетий в результате принесения различных родственных языков тюркской группы.

Современные балкарцы и карачаевцы по антропологическим признакам принадлежат к так называемому кавкасионскому варианту большой европеоидной расы. Их физический облик имеет близкое сходство с физическим обликом кабардинцев, осетин и других коренных кавказских народов.

2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МЕСТНЫХ ПЛЕМЕН

Основным занятием предков балкарцев в раннем средневековье было скотоводство. В составе стад преобладал мелкий рогатый скот: козы, овцы; меньше было коров и свиней и еще меньше — лошадей. Скотоводство было отгонным. Скот, как и в недавнем прошлом, содержался круглый год на подножном корму. Стада паслись на пастбищах, расположенных вблизи поселений. Мелкий рогатый скот в условиях натурального хозяйства вполне удовлетворял потребности населения в мясе, молочных продуктах и сырье (шерсти и коже, необходимых для изготовления одежды и обуви).

Вблизи известных в настоящее время средневековых поселений в горах Балкарии местами и теперь прослеживаются уже оплывшие и поросшие травой и кустарником небольшие искусственные террасы, на которых местные жители возделывали в прошлом ячмень и просо. Зерно и остатки этих злаков были найдены в хозяйственных ямах исследованных жилищ. Среди

Скотоводство
и земледелие

домашней утвари имелись ручные мельницы, зернотерки, терочки, каменные ступы. В кладе железных предметов из Кызбурунского поселения в Баксанском ущелье была обнаружена часть железного сошника деревянной сохи.

Земледелие в горных районах Балкарии хотя и имело большое значение, но было развито слабее скотоводства. Урожай зерновых в горных районах всегда был небольшим.

Ремесла

В Балкарии в средневековый период, как и в Кабарде, были развиты различные ремесла, в частности местная металлургия меди и железа. Во многих местах Балкарии обнаружены древние рудники и остатки медноплавильных печей. Найдены разрушенные горны для

Глиняные сосуды аланского периода

выплавки железа, а около них — отвалы шлака. Горны примитивны, имеют круглую форму и сложены из полукотесанных камней. Железную руду размельчали в больших каменных ступах из валунов.

Металлодобывающая отрасль хозяйства способствовала развитию и местного металлообрабатывающего ремесла, в частности кузнечного. Балкарские кузнецы изготовляли все необходимые орудия труда и оружие, и, по-видимому, обеспечивали спрос населения.

Вполне развитыми в средневековый период были местное гончарное дело, ткачество, деревообделочное, костерезное, кожевенное и другие ремесла. Некоторые из них к VIII—XII вв. достигали уровня кузнечного и гончарного ремесел.

Другие отрасли хозяйства. Торговля Немалое значение в средневековую эпоху в жизни предков балкарцев имела и охота, дававшая населению дополнительные запасы мяса, шкуры, кожи. Из других подсобных отраслей хозяйства некоторое значение имело бортничество и рыболовство. В эту эпоху расширилась торговля с соседними странами. Из Византии, Закавказья, Ирана, Индии и других стран поступали главным образом предметы роскоши: дорогие ткани, ковры, украшения, ювелирные изделия из золота, серебра, драгоценных камней, стекла и т. п. Вывозились продукты животноводства, пчеловодства, охоты, в частности шерсть, кожи, меха. Прибыльную статью представляла торговля невольниками.

О широких торговых связях с внешним миром свидетельствуют не только изделия разных стран, но и сасанидские, византийские и арабские монеты, находимые на территории Кабардино-Балкарии, в частности в могильниках Былыма, Чегема, Баксана, Песчанки, близ Нальчика и в других местах. Многочисленные византийские монеты говорят о более тесных связях территории Кабардино-Балкарии с Византией, чем с сасанидским Ираном и арабским Востоком. Развитию этой связи способствовали удобные пути сообщения. Они начинались у берегов Черного моря и пересекали Кавказ в нескольких направлениях через горные переходы и перевалы. Торговые пути пролегли и по Грузии и по равнинам Северного Кавказа. Один из них проходил по Кубани, а затем по суше через Кабардино-Балкарию к берегам Каспийского моря.

Внешняя торговля обогатила некоторые слои местного населения и ускорила процесс его классового расслоения.

3. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ В БАЛКАРИИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В начале I тысячелетия процесс имущественного расслоения в среде местного населения усилился. Местная знать и некоторая часть дружинников в результате грабительских походов обогащались, войны стали основой их материального благополучия, власти и господства. Первыми угнетенными были пленные, захваченные при грабительских пабегах.

У населения Балкарии были две антагонистические группы: господствующие и бесправные — рабы. Однако рабство здесь,

как и на всем Северном Кавказе, не получило широкого развития. Этому препятствовали родо-племенные отношения, которые все еще были достаточно сильными. К тому же хозяйство местных племен было еще ограниченным и не требовало больших затрат труда. Поэтому рабство приняло здесь лишь форму, именуемую «патриархальным рабством», сочетающуюся с феодальными отношениями.

Для характеристики начавшегося классового расслоения и развития феодальных отношений большой интерес представляют обнаруженные в различных районах побережья рек Баксана и Чегема целые группы городищ. Найденные здесь богатые погребальные комплексы, в которых встречаются золотые монеты, золотые и серебряные украшения с цветными камнями и оружие аланского типа, свидетельствуют о том, что в этих районах в V—IX вв. были слои населения, выделявшиеся богатством.

Имущественная и общественная дифференциация населения отразилась также и на облике поселений, особенно городищ. Они имели центральные укрепления — цитадели, огражденные системой оборонительных сооружений и отделенные от других, неукрепленных поселений, расположенных группами вблизи них. Выделившаяся военная и племенная знать, дружинники, и, возможно, некоторые купцы и ремесленники жили за более или менее мощными укреплениями. Рядовые общинники обитали в неукрепленных поселениях.

Таким образом, уже в облике поселений предков балкарцев, а затем и самих балкарцев в период средневековья проявляются весьма существенные новые черты, отражавшие изменения в социально-экономической жизни: имущественное и социальное неравенство, дальнейший распад родо-племенных устоев и появление новых, феодальных отношений, основанных на зависимости общинников от военно-аристократической знати, которая уже к этому периоду владела не только богатствами, но и военной силой и властью; военно-демократический строй начал сменяться феодальным.

Но процесс социально-экономического развития в Балкарнии происходил замедленнее, чем на равнине.

Аланское
раннефеодальное
объединение

В процессе развития раннефеодальных отношений, начавшегося в VII—VIII вв. на территории Балкарнии, как и в других районах Центрального Предкавказья, возникло много сравнительно небольших полупатриархально-полуфеодальных владений. Они в X — начале XII в. находились в составе Алании, которая к этому времени уже приобрела черты государственного устройства.

В Центральном Предкавказье аланы продолжали жить в предгорьях и на равнинах, т. е. в районах своего расселения в

V—VI вв., сохраняя этническую и этнографическую обособленность.

В письменных источниках Алания X—XII вв. характеризуется как независимое и сравнительно сильное царство, которое неоднократно вступало в единоборство с достаточно могущественным в тот период Хазарским каганатом и представляло значительную угрозу для Византийской империи. Византия и Хазария добивались военного союза с Аланией, стремясь использовать ее в борьбе друг против друга. Алания могла парализовать Хазарскую державу, заняв пути к Черноморскому побережью, т. е. устранить опасность вторжения хазар в Византию. В Аланском царстве в то время уже были разные сословия: «цари», «знатные» (князья, вельможи), «простые» и пр. Главной же фигурой производства оставались крестьяне-общинники, но уже постепенно лишавшиеся общинных угодий, которые насильственным путем отчуждались и присваивались разбогатевшей военно-феодальной знатю.

Развитие производительных сил и межфеодалная борьба привели к распаду Аланского союза племен, завершившемуся к XIII в. После раскола Аланского союза племен возросло значение асского племенного объединения, т. е. западной части Алании. Это обстоятельство ускорило процесс формирования балкаро-карачаевского народа.

КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В XIII—XV вв.

1. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛИЗМА

Крупнейшим событием в истории Азии и Восточной Европы в XIII в. явилось нашествие монголов. Армия Чингис-хана опустошила в 1221 г. Закавказье и прорвалась через Дербент

на Северный Кавказ. Разгромив алан и половцев, монголы двинулись в южнорусские степи и в 1223 г. нанесли тяжелое поражение объединенным русско-половецким войскам на р. Калке.

Адыго-кабардинцы и балкарцы оказали войскам Чингис-хана упорное сопротивление. Но борьба была неравной, и они вынуждены были покориться завоевателям.

В 1238 г. по приказу хана Батые монголы приступили к систематическому завоеванию Северного Кавказа. Первый удар они нанесли адыгам. В 1239 г. монголы вторглись на территорию Центрального Кавказа и после полуторамесячной осады захватили и разрушили бывшую столицу кавказских алан г. Макас (Ма'ас), а затем выступили против Дагестана. Однако их военные действия в 1238—1240 гг. на Северном Кавказе не увенчались полной победой. Они захватили ряд ключевых позиций, но не сумели полностью покорить население. Используя горную местность и, очевидно, искусственные укрепления на равнинах, оно продолжало отстаивать независимость, а если и покорялось власти чужеземцев, то только временно. Об адыгах, например, известно, что в XIII в. они то платили дань ханам Золотой Орды, то совершали нападения на монголов.

Монгольское завоевание положило конец половецкому господству на Северном Кавказе. Многие народы попали под многовековое иго сперва Золотой Орды, а потом Крымского ханства. Нашествие монголов внесло коренные изменения в политическую и этническую карту Северного Кавказа. Широкие степные просторы, на которых кочевали половцы и аланы,

превратились в кочевья татар, спасшиеся от погрома половцы и аланы бежали в горы, а переселившиеся на восток адыги положили начало кабардинскому народу.

Переселение
кабардинцев
на нынешнюю
территорию

Кабардинцы и адыгейцы, как известно, составляли один народ — касогов. Жили они на Черноморском побережье и в Прикубанье. Развитие производительных сил, расширение феодального производства, возросшая потребность в пастбищах, нашествие монголов, междоусобная борьба явились причинами переселения части адыгов и кабардинцев на юго-восток, в район Пятигорья. Это произошло не позже XII—XIII вв. Формирование кабардинского народа началось до их перехода на нынешнюю территорию, в бытность на Северо-Западном Кавказе. Кабардинский язык был в то время диалектом общеадыгского языка.

Первым свидетельством появления кабардинцев на северо-западной границе нынешней Кабардино-Балкарской АССР является Этокский памятник 1130 г., на котором имеется греческая надпись, содержащая адыгский текст. Вопрос о датировке этого памятника окончательно не решен. Затем кабардинцы передвинулись в глубь современной территории Кабардино-Балкарской республики (вторая половина XIII в.). Примерно к началу XIV в. адыгское (кабардинское) население было хорошо известно в центральной части Северного Кавказа.

В связи с переселением на широкие просторы предгорий Центрального Кавказа кабардинская верхушка получила возможность расширить свое животноводческое и отчасти земледельческое хозяйство, что должно было ускорить прежде замедленные темпы развития феодальных отношений.

Становление феодализма в условиях территориального обособления кабардинцев от родственных им адыгских племен Прикубанья сопровождалось процессом складывания кабардинской народности. С обоснованием кабардинцев на нынешней территории значительно ускорился процесс формирования их как самостоятельного народа, с присущими ему особенностями.

Хозяйство
кабардинцев

Основным занятием кабардинцев в XIII—XV вв., как и прежде, являлось отгонное скотоводство. Наличие обширных пастбищ открывало большие возможности для его развития. Разводили овец, лошадей, крупный рогатый скот, свиней, коз. Занимались также птицеводством.

В противоположность адыгам Прикубанья, кабардинцы в XIV—XV вв. земледелию уделяли меньше внимания, чем скотоводству. Еще в начале раннего средневековья земледелие отступило из степной полосы в предгорную. Татарское нашествие затормозило рост производительности труда в сельском хозяйстве, хотя и не могло полностью уничтожить земледель-

ческую культуру местного населения. Хозяйству кабардинцев был нанесен значительный урон.

Одним из подсобных занятий, как и раньше, была охота. Имелись кузнечный, деревообрабатывающий, кожевенный и шерстеобрабатывающий промыслы. Несмотря на упадок адыгского гончарства в средние века, оно все же окончательно не исчезло. Существовало женское рукоделие.

Рост производства вызвал и оживление меновых отношений. Из Ирана, например, поступала парча, шелковые ткани и нитки.

Период, охватывающий XIII—XV вв., **Социальный строй** характеризовался ростом производительных сил в Кабарде и Балкарии. Неблагоприятные внешние обстоятельства тормозили развитие хозяйства, но не могли его остановить. Развитие производительных сил оказало влияние и на развитие производственных отношений. В социальном строе кабардинского общества XIV—XV вв. упрочились феодальные отношения. Население делилось на эксплуататоров и эксплуатируемых, имелись и свободные крестьяне-общинники. В руках знати были сосредоточены значительные материальные ценности — земля, скот, золотые и серебряные вещи и пр. Налицо была резкая имущественная дифференциация.

Представители знати презирали труд. Занимались они охотой, военными упражнениями и наездничеством. Угон скота, насильственный захват и продажа в неволю крестьян — своих и чужих — считались у них почетным занятием. Феодалы носили одежду из дорогих привозных тканей, украшения из серебра, иногда из золота. Их хоронили с особой торжественностью.

Феодальная иерархия у кабардинцев в то время была уже довольно многостепенной: по словам Интериано, имелись знатные, вассалы, сервы и невольники. Объединяющей власти у кабардинцев не было. Как отмечает Интериано, «знатные имеют вассалов и все живут независимо друг от друга, не признавая над собой никакой власти, кроме бога, без судей и писанных законов — сила, да сметка, да третейский суд решают споры».

Сохранялось деление на независимые племена, часть которых уже в этот период представляла собой феодальные княжества. И. Барбаро в середине XV в. перечисляет адыгские племена по их расселению с запада на восток в таком порядке: кремух, киппик, татакос, собой и кевертей, за которым живут осетины (ас или аланы). Название племени «кевертей» представляет собой довольно правильную передачу названия территории кабардинцев «Къэбэрдей». Это является первым достоверным упоминанием о кабардинцах под этим названием.

История Кабарды и Балкарии в этот (как и в более позд-

ний) период наполнена бесконечными феодальными междоусобицами. Малейшие попытки централизации власти вызывали упорное сопротивление со стороны мелких князей и правителей. Правда, уже тогда некоторым вождям и правителям удавалось на какое-то время объединить более или менее значительные адыгские группы под своей властью. К числу таких правителей адыгские предания относят Инала (жившего в начале XV в.) — легендарного родоначальника кабардинских бесленеевских и темиргоевских князей. Он считается прапрадедом Темрюка Идарова.

Инал старался ликвидировать княжеские междоусобицы. Как пишет Ш. Б. Ногмов, он «упрочил спокойствие», поставил над народом сорок судей, которые поддерживали порядок. Своих сподвижников он старался отличить. Особые милости Инал оказывал абазинским князьям Аше и Шаше. Непокорных он усмирлял силой. Так, когда абазинский князь Оздемир выступил на борьбу с Иналом, последний со своим войском разбил его.

В легенде об Инале говорится, что после покорения Абхазии, находясь на Дзибе (Бзыби) для заключения мира с абхазскими племенами, Инал скончался. Старики абазинцы помнят, что в XIX в. на территории абазинского общества Псху (в горах Абхазии) было почитаемое место, где, по преданию, похоронен Инал. Оно называлось Инал-к'уба, т. е. «Иналов мавзоль».

Предание гласит, что в народе Инала любили и почитали. Было у него три сына, которые не обладали будто бы его качествами, необходимыми для управления столь обширной землей. После смерти князя вновь начались княжеские междоусобицы.

В полной зависимости от феодалов находились крестьяне — сервы и невольники (по терминологии XVIII—XIX вв. — пшитли и унауты). Вместе с тем в XIII—XV вв. было еще значительное число свободных общинников — тлхукотлов. Крестьяне владели средствами производства — скотом, земледельческими орудиями, имели свое жилище и другое недвижимое имущество. Их эксплуатация феодалами основывалась на внеэкономическом принуждении. В отношении к своим подданным феодалы проявляли ничем не ограничиваемый произвол. Они могли, например, отнять у крестьянина жеребепка под тем предлогом, что разведение коней считалось привилегией «благородных» людей. Невольники — унауты — составляли незначительную часть населения и использовались главным образом в качестве домашней прислуги.

Таким образом, в XIV—XV вв. у кабардинцев феодальные отношения получили дальнейшее развитие, так как в Кабарде вследствие переселения на новые земли зная шагла новые

возможности для развития земледелия и скотоводства, а следовательно, и для увеличения своего экономического и социального веса в кабардинском обществе.

2. ОТНОШЕНИЯ КАБАРДЫ С ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ В XIV—XV вв. БАЛКАРИЯ В XIII—XV вв.

Отношения Кабарды с Золотой Ордой в XIV и XV вв. продолжали оставаться неустойчивыми. Золотоордынские ханы совершали частые набеги на кабардинцев. Между 1328 и 1340 г. они вели войну с черкесами. Кабардинцы, как и русские и аланы, в первой половине XIV в. не могли сопротивляться хану Золотой Орды и вынуждены были признать себя его подданными и платить дань. Особенно ощущали свою зависимость те адыгские племена, которые жили в степях, по соседству с татарами. Это прежде всего относится к кабардинцам. Однако при удобном случае кабардинцы восставали против своих угнетателей или же вели «малую» войну. Поэтому монголы для закрепления своего господства в различных местах держали крупные военные силы (в Татартупе, Нижнем Джулате и др.).

Несмотря на татарское иго, а также на большие опустошения, произведенные среди кабардинцев эпидемией в 1346 г., роль их в политической и экономической жизни юга территории современной Европейской части СССР в XIV и XV вв. была значительной. Одно из доказательств этого — популярность имени черкесов у разных народов тех времен. С XIII в. название «черкес» широко распространилось по Восточной Европе и Азии. Часть носителей этого имени была по происхождению адыгами.

Адыгские ополчения участвовали во многих войнах, которые вела Золотая Орда. «Черкесы» упоминаются в составе войск Токтай-хана и Узбек-хана. Некоторая часть адыгов постоянно жила в городах Золотой Орды. Так, в 1334 г. в столице ханства г. Сарай Берке был черкесский квартал.

Скудость источников не позволяет более подробно осветить судьбу кабардинцев в эпоху господства Золотой Орды. Приведенные выше факты относятся ко всем адыгам; кабардинцы как народ в источниках еще не выделены.

Во второй половине XIV в. на востоке появился новый грозный враг — Тимур, который, завоевав Среднюю и значительную часть Передней Азии, стал угрожать Северному Кавказу. Для кабардинцев и других народов наибольшую опасность представляли теперь не ослабленные распрями золотоордынские ханы, а полчища нового завоевателя. Поэтому в 1388 г.

Нашествие
Тимура в 1395 г.

кабардинцы, осетины и жители Крыма объединились с войсками Тохтамыша для борьбы против Тимура.

Ранней весной 1395 г. Тимур прошел из Закавказья в Дагестан. Мощная Дербентская крепость пала, не оказав сопротивления. Далее он двинулся к Тереку и остановился у Верхнего Джулата (у нынешнего сел. Эльхотово). Здесь 15 апреля 1395 г. на берегу Терека разыгралось историческое сражение между армиями Тимура и Тохтамыша. Победу одержал Тимур. Преследуя разбитого Тохтамыша, Тимур прошел до низовьев Волги, повернул на запад, разорил часть Рязанской земли и, выйдя к Дону, захватил и разорил г. Азов. От Азова Тимур двинулся на адыгейцев, поднявших освободительную борьбу против угнетателей.

Победа Тимура над золотоордынским ханом имела большое значение для освобождения Восточной Европы от татарских завоевателей. Но нашествие Тимура было новым бременем для народов Северного Кавказа. Его войска ограбили и опустошили всю область от Азовского моря и Кубани до Кавказского хребта, дошли даже до подножия Эльбруса.

Тимур со своим войском с боями прошел по ущельям «Эльбруза» и вышел к верховьям Кубани («в местности Абаса», т. е. во владения абазин. Затем он направился в местность Беш-Тага, или Бешдак (район Бештау, или Пятигорья). Далее повел свои орды в местность «Балкан» (район современной Верхней Балкарии?), затем во владения местного властителя Пулата, владения которого, по-видимому, находились в районе современной Малой Кабарды. Перезимовав в низовьях Кумы, Тимур вторично двинулся на Волгу.

Кровопролитный поход Тимура оставил глубокий след в памяти кабардинцев и балкарцев. Его войска только в Центральном Предкавказье разграбили и уничтожили десятки поселений, подорвали экономику и истребили значительную часть населения.

Бедствия населения усилились с распространением эпидемии чумы в 1428—1430 гг. Она началась в Дешт-и-Кипчаке, т. е. в кипчакских степях (на юго-востоке Европы), перекинулась на Кавказ, Крым, проникла в Западную Европу, неся всюду смерть и несчастье. После эпидемии численность населения Кабарды и Балкарии еще более сократилась. Оставшаяся сравнительно небольшая его часть ютилась главным образом в ущельях, в глубину которых население края было загнано еще в начале XIII в. татаро-монголами.

**Взаимоотношения
с татарами в XV в.**

В XV в. адыгейцы и кабардинцы продолжали находиться в формальном подчинении у татар. Территория Кабарды в начале XV в. составляла татарскую область Бестан (Бештау) с главным городом Жулат. Многие татары кочевали на равни-

нах Черкесии, притесняя адыгов и постоянно грабя их. В 1492 г. ногайцы, кочевавшие у р. Кумы, воевали с пятигорскими черкесами, и только голод заставил их уйти к Волге.

Воевал с кабардинцами и крымский хан Менгли-Гирей (1469—1515 гг.). Турецко-татарская хроника приписывает именно ему формальное подчинение адыгов Крымскому ханству. Можно полагать, что при султани Баязиде II (1481—1495 гг.) крымские ханы присвоили себе формальную власть над адыгами, время от времени требуя дани и совершая на них вооруженные нападения.

Балкария
в XIII—XV вв.

Прошлое Балкарии слабо отражено в исторических документах. Это особенно относится к периоду XIII—XV вв. Можно только предполагать, что балкарцы и карачаевцы были в ту пору еще единым народом, проживающим на территории современной Балкарии. Карачаевцы продолжали жить в Баксанском ущелье вплоть до середины XVII в.

Можно предполагать также, что балкарцы и карачаевцы обитали тогда не только в высокогорной, но и в предгорной зоне, позже заселенной кабардинцами. На это указывают балкарско-карачаевские географические названия в предгорьях Кабарды и частично Осетии: Гунделен, Кызбурун, Лечипкай, Налъчик, Кашкатау, Эльхотово, Татартуп и некоторые другие.

Единственным письменным документом о Балкарии указанного времени является грузинская надпись XIV—XV вв. на золотом кресте из церкви в сел. Цховати в верховьях р. Ксапи в Юго-Осетинской автономной области. Она сообщает, что грузинский феодал Ризия Квеншпневели находился в плену в Черекском ущелье в Балкарии и был выкуплен на средства церкви в сел. Цховати.

КУЛЬТУРА И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ ЗАКУБАНЬЯ И КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В IV—XV вв.

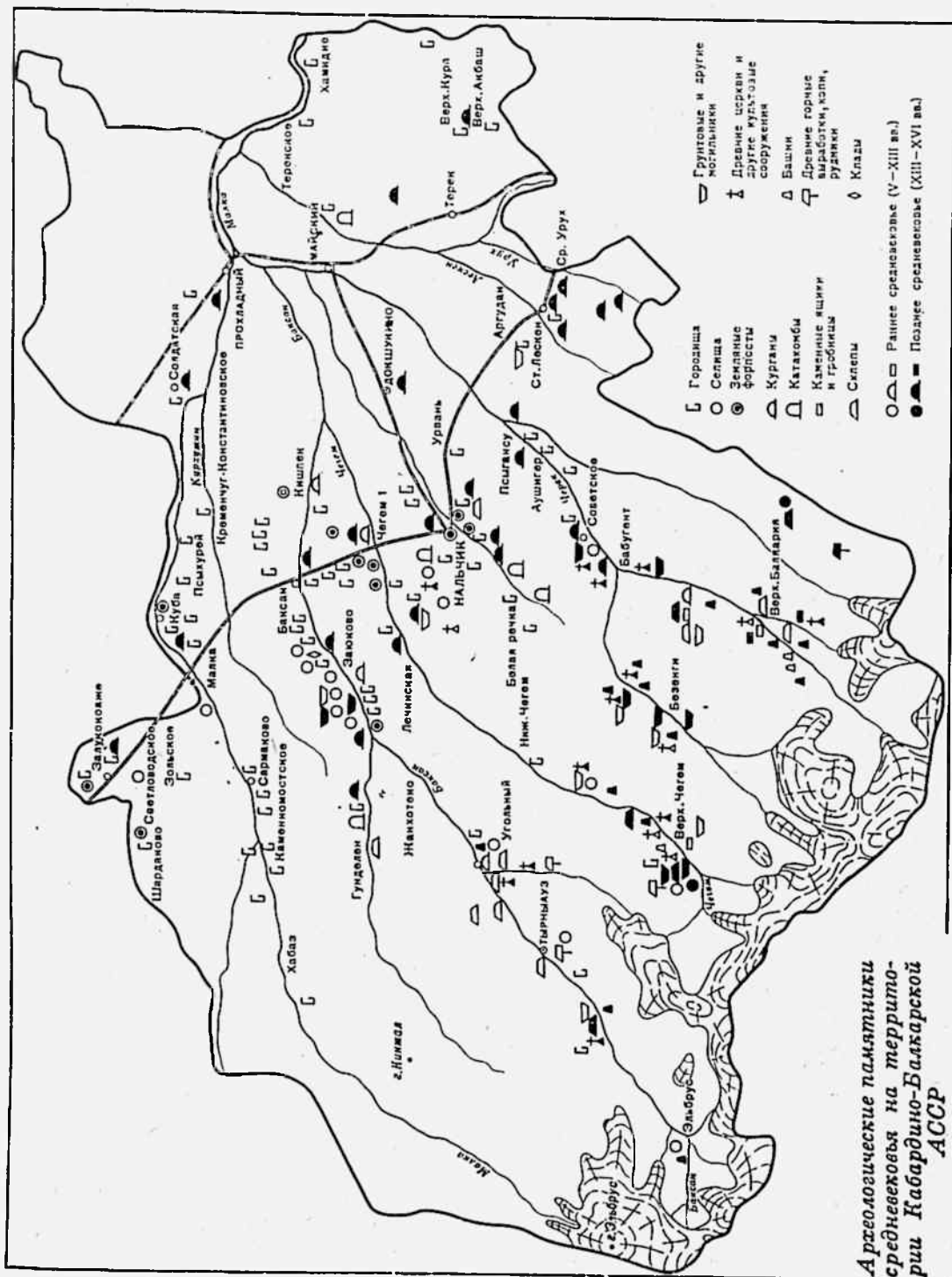
1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. ЯЗЫК

Адыги жили в неукрепленных селениях, расположенных на берегах рек и моря. Часть населения, по-видимому феодализирующаяся знать, жила в X—XIII вв. в городах, возникших еще в меотско-сарматское время и имев-
Поселения и жилища сих холмообразную часть, окруженную рвом.

Поселения были небольшие. Состояли они из турлучных домов, крытых камышом, соломой или (на побережье моря) морской травой. Дома строили с очажными ямами, а иногда с глинобитными печами на деревянном каркасе (X—XIII вв.). В одном из погребений Борисовского могильника найдена железная надочажная цепь с крючками для подвешивания котла. Во дворе жилищ имелись зерновые ямы, гончарные печи, жернова. В XV в. адыги, по сообщению Интериано, строили и отдельное помещение для гостей — кунацкую (*хъэццэц*).

В горных районах Балкарии средневековые поселения были расположены в глубоких ущельях, что делало их малодоступными для нападения. У входа в ущелья располагались сторожевые башни, целые системы защитных сооружений (укрепления Тотур-кала в Хуламо-Безенгиевском ущелье, у сел. Зылги в Балкарском ущелье и т. д.). Эти укрепления часто состояли из двух- и трехэтажных сооружений с башнями и водохранилищами. Жилища имели четырехугольную в плане форму и располагались на крутых склонах, на берегу горных речушек или недалеко от них фасадом на юг. Они строились из камня, без связывающего материала. Встречались и турлучные жилища.

В центре или в одном из углов жилища сооружались очажные ямы, выложенные каменными плитами. В каждом жилище вдоль одной или двух стен имелась каменные лежанки (*тырхъыкъ*), обмазанные глиной. Внутри жилища или с на-

Археологические памятники средневековья на территории Кабардино-Балкарской АССР

ружной стороны устраивались продуктовые ямы, выложенные камнем.

Одежда, по словам Масуди, изготавливалась из домотканного полотна. Мужчины носили, как это видно на рельефе

Одежда

каменного памятника так называемого Дука-бека, обнаруженного в районе Это-

ко, обтягивающую талию стеганую куртку или короткую рубашку со стоячим воротником и металлическими застежками на груди, перетянутую поясом. Эта одежда, напоминающая более поздние бешметы, бытовала у кабардинцев и балкарцев и в XV в. Шелковые петельки, заменяющие металлические крючки, придавали ей нарядный вид.

Украшения и принадлежности одежды адыгов в средние века были многочисленны и довольно разнообразны. Украшениями женщин были серьги, пряжки, пуговицы, перстни, браслеты, бляшки от пояса разнообразной формы из серебра, бронзы, золота. К числу женских туалетных принадлежностей относились погтечестки и зеркала из белого сплава.

Интернапо сообщает о «халате с широкими рукавами из холста». Адыгский халат XIII—XV вв. не похож на черкеску и *сай* (женское платье адыгских женщин в XIX в.). От них он отличается отсутствием талии, системы клиньев в нижней задней части и широкого выреза на груди.

Шаровары шили из двух половин. Материалом для них служила кожа или шелк. Носились они на очкуре и заправлялись в ноговицы. Сверху надевалась бурка из войлока, которую носили на одном плече, оставляя свободной правую руку. Под буркой кабардинцы носили кольчугу, спускающуюся от пояса складками на староримский лад.

Головные уборы мужчин были нескольких типов. В период раннего средневековья была распространена шляпа или шлем полукруглой формы с растительным орнаментом. В XIII—XV вв. одним из видов головных уборов была тубетейка. Носили также высокую войлочную шапку, заостренную кверху. Головной убор женщин известен двух видов: высокая остроконечная шапка и шапка с шишаком.

Адыги носили наряду с башмаками типа чувяк с поговницами очень красивые сапоги и штиблеты, надевавшиеся один на другой.

Пояса представляли собой шелковую ленту с металлическим набором (пряжка, обоймица, наконечник, украшения в виде бляшек, колец и т. п.). Набор изготовлялся из серебра, реже — золота и украшался ажурным орнаментом. Лента иногда состояла из нескольких кусков, соединенных кольцами. К поясу подвешивалось оружие и различные предметы, необходимые в походе. В редких случаях употреблялись пояса в виде сплошной бронзовой, а иногда и золотой цепи.

Как видно из приведенных материалов, в XIV—XV вв. уже существовали прототипы таких позднейших видов кабардинского костюма, как бешмет, бурка, поговицы и чуваки. Что касается пояса, то он напоминает выпешный лишь формой металлического набора. Черкеска, папаха, башлык, низкая войлочная шляпа с большими полями XIX в. не имеют прототипов среди известных фрагментов адыгской одежды XIV—XV вв. Появление их в быту кабардинцев относится к более позднему периоду.

Об одежде населения горной Балкарии дает представление женский костюм, обнаруженный в погребении в сел. Байрым. Он датируется примерно XIII—XIV вв. и имеет много общего с позднейшей женской одеждой жителей не только горных, но и равнинных районов. Костюм состоял из кафтана с меховой оторочкой, сшитого из плотного шерстяного материала и служившего верхней одеждой. Под кафтаном на покойной была шелковая рубашка с металлическими пуговицами и длинными рукавами. На правом боку рубашки на петле висел мешочек-сумочка из шелковой ткани на подкладке. Под рубашкой находились широкие шаровары, сшитые из четырех равных кусков. Они у талии держались на шнурке.

На ногах были надеты две пары кожаных сапог. Нижние сапоги, сделанные из более мягкой кожи, видимо, служили чулками. Верхние были украшены линейным и растительным орнаментом.

Хорошо сохранился войлочный головной убор пятигранной формы, переходящий в верхней части в конус. Сверху войлок был покрыт шерстяной тканью, а поверх нее — легкой шелковой тканью в виде газа. Шапочка была украшена спускающимися сбоку тюлевыми полосками.

В этом погребении богатой женщины были обнаружены также самшитовый двухсторонний гребешок с растительным орнаментом, две серебряные серьги и два кожаных ремешка.

Мужские погребения раннего средневековья, помимо мелких бронзовых гиреобразных пуговок и металлических бляшек, содержат железное оружие: мечи, сабли с крестовиной у эфеса, с VII—VIII вв. — наконечники копий и стрел, ножи, кольчуги и шлемы. Там же находят кожаные покрытия деревянных колчанов, металлические украшения пояса, к которому подвешивались оселок и сумочка с кресалом и кремнем.

Известны погребения покойников с копом, в которых найдены железные удила и металлические украшения сбруи, а также остатки деревянной части седла (так называемый «арчак» или «лавочка») и железные стремена. Это доказывает, что верховая езда являлась широко распространенным средством передвижения.

Памятники погребений

В мужских же погребениях XIII—XIV вв., кроме одежды и украшений, в отличие от предыдущего периода часто встречаются изогнутые сабли с крестовиной у эфеса, кинжалы, саадаки (луки со стрелами), полушарные и островерхие шлемы, кольчуги и круглые щиты. Копья попадаются редко. Имеется также кожаный мешочек с огнивом, кресалом и кремнем, бритва и оселок, которые мужчины носили с собой постоянно.

В женских погребениях раннего средневековья постоянно находят бусы (сердоликовые, пастовые, стеклянные), золотые, серебряные и бронзовые серьги, подвески и кольца, серебряные, бронзовые и стеклянные ручные браслеты. В захоронениях XIII—XV вв. обычно встречаются гребни, ножницы, костяные иглы и игольники, рога животных, костяное веретено и деревянные ларцы с предметами, необходимыми для вышивания, шитья и косметики.

Язык

В раннем средневековье на этнической территории адыгов помимо древнеадыгского языка существовали другие родственные ему мелкие племенные языки. Образование единого языка адыгской народности произошло путем вытеснения мелких племенных языков, оказавшихся менее устойчивыми, чем адыгский. То, что этот процесс завершился до X в., видно из следующих слов Масуди о политически разрозненных в то время адыгских племенах, или, как он выражается, «народов» кешак: «Известно, что если народы, говорящие их языком, сплотятся, то ни аланы, ни другой какой народ не будет в состоянии ничего предпринять против них». Уже с X в. у адыгских племен был общий язык. Адыгский язык раннего средневековья мало отличался от современного языка кабардинцев и адыгейцев.

Неоднократные находки в Закубанье камней с греческими надписями свидетельствуют, что верхушка адыгов пользовалась греческим письмом.

В течение XIII—XV вв. адыгейский и кабардинский языки восприняли много татарских терминов и слов, обозначающих понятия, связанные со скотоводством, торговлей, общественными отношениями, верованиями и пр.

Торговые связи адыгов с генуэзцами и венецианцами также оставили след в адыгейском и кабардинском языках.

2. ОБЫЧАИ, ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ

У адыгов и кабардинцев раннего средневековья допускалось многоженство. Распространено оно было и среди адыгов-христиан. По сообщению Интериано, у адыгских народов существовал обычай независимо от погоды купать новорожденного в реке. Ему давали имя того человека, который первым заходил в дом, где родился ребенок.

Обычай

Среди местной знати существовал обычай отдавать сыновей в семью подчиненного на воспитание, где дети обучались владению оружием. Мужчины из знати проводили время на охоте или в набегах. Торговля считалась презренным занятием. Укладываясь спать, клали рядом оружие. Постелью служил кожаный тюфяк, набитый травой и цветами. Муж и жена спали головами в разные стороны. Адыги обладали редким гостеприимством и щедростью, они очень ценили коней и оружие, а золото и серебро употребляли на изготовление кубков для вина, женских украшений и сбруи.

Покойников бальзамировали и в течение восьми дней совершали обряд оплакивания. После этого прах клали в медный, каменный или же деревянный гроб в виде колоды, сделанной из двух половинок выдолбленного ствола толстого дерева. Гроб в одних случаях помещали в могильную яму, в других располагали на поверхности земли и насыпали над ним курган. Чем знатнее был покойник, тем выше делали насыпь.

Если для V—VII вв. были характерны бескурганные погребения, то в VIII—IX вв. адыги хоронили своих покойников и под курганом, а в X—XIII вв. курганный обряд захоронения преобладал. Иногда гроб устанавливался на площадке, сделанной из песка, извести или мела. В некоторых погребениях обнаружена золотая, серебряная или глиняная посуда (блюдца, чашки, миски) под головой, плечами, локтями или пятками погребенного. Последний обычай как бы возрождает аналогичный обряд меотских погребений античного периода.

В редких случаях в XIV—XV вв. адыги хоронили покойников в сидячем положении. Очень редко в могилах кабардино-белореченского типа встречается по два костяка. Адыгские погребения в колодах и гробах относятся только к XIII—XV вв., в раннем средневековье их не знали, нет их и в более позднее время, когда население перешло к мусульманскому обряду погребения.

Языческие верования

Религиозные верования адыгов в раннем средневековье в основном продолжали оставаться такими же, как и в предшествующую эпоху. Многобожие, всевозможные магические запреты и обряды, поклонение «священным» местам, вера в загробную жизнь и т. д. — таковы отличительные черты адыгской религиозной идеологии того времени.

Покойник представлялся соплеменникам человеком, наделенным сверхъестественной силой, и его старались не только задобрить, оставив в могиле пищу и жертвенные предметы, но и всячески помешать ему «вступить в общение» с живыми. Даже предметы, которые клались с умершим, нередко подвергались искусственному «умерщвлению», что как бы отчуждало покойника от реального мира. С этой целью сгибали и даже ломали

оружие, пробивали дыры в посуде и пр. Магические представления тех времен отразились в обычае класть в руки покойника куски краски, покрывать его голову опрокинутой миской и подкладывать под локти различные сосуды.

Верования кабардинцев и адыгейцев были порождены дофеодальным бытом. Разложение родового строя и развитие феодальных отношений в раннем средневековье создали благоприятную почву для распространения религий классового общества. Как в общественной жизни феодальные отношения переплетались с дофеодальными, так и в области идеологии христианство (а позже и ислам) переплеталось с древними верованиями.

О языческих верованиях адыгов в XIII—XV вв. известно очень мало. В XV в. у адыгов убитые молнией признавались святыми и гроб с телом не закапывали в землю, а вешали на дереве. При этом в течение трех дней совершались обрядовые пляски и жертвоприношения, повторяемые ежегодно. Первобытные верования кабардинцев в то время были очень сильны, хотя официально адыги признавались православными христианами.

Проникновение христианства

Проникновение христианства в раннем средневековье сопровождалось установлением более тесных связей предков кабардинцев с культурными странами (Византия, Киевская Русь), распространением среди них письменности (на греческом языке), ознакомлением с техникой строительства каменных зданий — церквей, часовен. Вместе с тем христианство способствовало укреплению власти феодализирующейся знати.

Христианство проникало к адыгам из городов Таманского и Крымского полуостровов, где оно было известно с начала IV в. В Зихии христианство проповедовали ссыльные из Римской империи, а также специальные проповедники из Закавказья. На рубеже VII и VIII вв. центром одной из христианских епархий Константинопольского патриархата стал г. Никонсия (на морском побережье у устья р. Ныгенсыхо, на территории адыгов), находившийся в Зихии. Вместе с Боспорской и Херсонской эта епархия называлась Зихской.

На рубеже VIII—IX вв. христианство уже значительно распространилось среди закубанской части адыгов (касогов), в то время как приморское население адыгов (зихи) с трудом поддавалось проповеди новой для него религии. Христианство у адыгских племен появилось, очевидно, в VI в. Тмутараканская Русь сыграла значительную роль в дальнейшем распространении и поддержании христианства на Северном Кавказе, в том числе и у адыгов.

Большую роль в распространении христианства за Кубанью и на соседних территориях сыграла Византия, об этом говорят

средневековые греческие надписи христианского содержания, которые насчитываются здесь десятками. Вместе с христианством в кабардинский и адыгейский языки проникли греческие названия церкви, пятницы, круга и др. Вещественными памятниками христианства у адыгов являются сохранившиеся кресты и греческие христианские надгробные надписи на исторической территории адыгов в раннем средневековье.

В адыгских языках известны христианские термины грузинского происхождения (например, крест и др.), которые свидетельствуют об участии грузинского духовенства в распространении христианства среди адыгов (через Абхазию и землю алан).

Однако не все адыги исповедовали христианскую религию, несмотря на проникновение ее во многие места их обитания. Христианство в значительной мере сочеталось у них со старыми языческими верованиями и обрядами.

В погребениях кабардино-белореченских могильников преобладают христианские черты: покойников нередко хоронили в гробу на спине, головой к западу. Что же касается найденных в адыгских могилах вещей, а иногда и пищи, то это объясняется не отсутствием у адыгов христианства, а сочетанием его с местными древними верованиями. Признавая христианство православного толка своей официальной религией, адыги на самом деле плохо исполняли его предписания. Так, И. Шильтбергер называет адыгов язычниками, хотя они считались христианами.

В конце XIII в. Зихская епархия временно была соединена с Аланской и Сотириупольской (Абхазской). На рубеже XIII—XIV вв. снова была учреждена самостоятельная кафедра митрополита Зихии. Последнее упоминание о зихской кафедре относится к 1396 г., когда митрополитом матрахским и зихским был Иосиф. Очевидно, в середине или во второй половине XV в. Зихская митрополия окончательно прекратила существование.

Упадок православия объяснялся в значительной мере тем, что в это время ослабели связи адыгов с другими народами, исповедовавшими христианство. Русские земли были теперь отрезаны от адыгов широкой полосой татарских кочевий, а Византия доживала свои последние годы. Связь же с Грузией всегда была затруднительной, так как осуществлялась через Главный Кавказский хребет.

**Католическая
церковь. Начало
проникновения ислама**

В XIII—XV вв. итальянцы пытались проповедовать на Кавказе католичество. В Джулате в начале XV в. стояла католическая церковь и жили монахи кармелитского ордена, занимавшиеся миссионерской деятельностью среди местного населения и отправлявшие церковную службу на татарском языке. Там же находилась тогда и кафедра католического епископа.

Ослабление политических позиций Генуи на Черном море к середине XV в. свело на нет все усилия миссионеров приобщить адыгов к западной церкви.

Упадок православия сопровождался проникновением в среду адыгов ислама, который впервые был занесен на Северный Кавказ арабами в VIII—X вв. К XIV в. ислам уже проник на территорию нынешней Кабардино-Балкарии. Об этом свидетельствуют руины Нижне-Джулатской кирпичной мечети XIII—XIV вв. с остатками минарета и погребальным склепом под полом. Значительные размеры мечети позволяют считать ее соборной. О распространении ислама среди части кабардинцев уже в XIV—XV вв. свидетельствует тот факт, что в XIV в. кабардинские и адыгейские князья присягают русскому царю «по своей вере по мусульманскому закону».

Народное искусство

Сведения о народном искусстве кабардинцев в XIII—XV вв. весьма ограничены. Это скудные упоминания о плясках, вышивании, резьбе по дереву и металлу. Адыгские женщины-мастерицы красиво вышивали кисеты для огнива и кожаные пояса. В могилах кабардино-белореченских могильников XIII—XV вв. найдено большое количество вышитых тканей и изделий из кожи, а также принадлежностей для вышивания. Покрывались вышивкой одежда, шелковая обивка гробов, кожаные сумки, колчаны и другие предметы. Орнамент наносился главным образом шелковыми, золотыми и серебряными нитками. Для украшения кожаных вещей пользовались аппликацией.

Художественная резьба по дереву применялась для украшения ларцов, которые служили для хранения предметов рукоделия, косметики, различных ценностей и пр. В противоположность вышивкам и аппликациям, где применялся растительный орнамент, для резьбы по дереву употреблялся узор преимущественно из геометрических фигур (шестиконечные звезды и розетки из треугольников и кругов). Но иногда резчик изображал на ларцах растения и людей. Растительным орнаментом украшались и металлические изделия местных мастеров (поясные пряжки, наконечники, браслеты и т. д.).

Наиболее ранний образец адыгского орнаментального стиля представлен на каменном кресте из сел. Каменноостского (XIV—XV вв.). Крест этот имеет типичную средневековую форму. На одной из сторон изображен растительный орнамент того же стиля, который и в наше время используется на кабардинских вышивках. Украшения креста вместе с тем свидетельствуют о том, что было время, когда население Кабарды исповедовало религию, представляющую собой смесь языческих верований, христианства и ислама.

3. ФОЛЬКЛОР

Истоки кабардинского и балкарского фольклора уходят в глубь истории. В древнейшем пласте адыгского и балкарского устного народного творчества нетрудно обнаружить скифские, сарматские, греческие мотивы. Так, по-

Влияние соседних культур

явление скифов в VI в. до н. э. на Северном Кавказе, а позднее их близость к скифо-меотским племенам оставили заметный след и в фольклоре предков кабардинцев и балкарцев. Скифский обряд захоронения вождя или знатного воина с конем, женой и рабынями лег в основу традиционного мотива древнейших сказов и легенд.

Скифский обычай снимать скальп с убитого врага и подвешивать его к стремянн также известен во многих произведениях древности.

Более заметное влияние оказала на адыгский и балкар-карачаевский фольклор греческая культура, которая в свою очередь заимствовала некоторые кавказские сюжеты, например легенды о прикованном боге к скале богатыре Прометее, сказание о Полифеме. Влияние это проникало в местную среду непосредственно через религиозно-ритуальные церемониалы. Наблюдается абсолютное тождество некоторых греческих и адыгских празднеств, форм жертвоприношений, календарных сельскохозяйственных и животноводческих работ (культ козла, праздник, посвященный богу грома Шибле с традиционным танцем и хоровым припевом, знаменитый гимн о епископе Шехнике и др.).

Если судить по фольклорным источникам, во времена захватчиков к началу IV в. этническое ядро адыгов уже вполне оформилось, о чем свидетельствует возникновение общеадыгского ядра основных фольклорных сюжетов. К этому периоду относится мощный расцвет адыгской эпической культуры, формирование ее национальных самобытных художественных форм, отражавших общественные и исторические явления в жизни народа. С этого времени особенно широкое развитие получают у адыгов сказы и легенды исторического содержания. И это не случайно. Именно в тот период учащаются столкновения адыгов с иноземными захватчиками. В фольклоре появляются имена Алига, Кесариха, князя Дау, Аттилы, Араб-хана, хазар, аваров, антского (славянского) вождя Лавристана и др.

Формы эпической культуры кабардинцев и балкарцев

Надо полагать, что адыги еще в древнейший период развития своего фольклора выработали его своеобразные формы, такие, например, как сочетание сказа с песней. Например, в сказании о хане Байконе первая, повествовательная часть рассказывает, что «страх», вызванный жестокостью

аваров, был столь велик, что адыги, скрываясь от врагов, не смели проводить двух почей сряду в одном месте. И после такого прозаического вступления идет поэтический текст песни:

Спаситель и помощник паш,
Могущественный Илья!
Из огромных туч неотразимой дланью
Уничтожь коня Байконова,
Белзаною подобного
Нетающим снегам горных хребтов наших.

Печатью такого параллельного «сосуществования» сказа и песни отмечены все более или менее важные исторические произведения предков адыгов и древние пласты устного творчества балкаро-карачаевцев.

В фольклоре происходит совмещение сказов, легенд, песен рабовладельческого времени с произведениями раннефеодального периода. Причем здесь налицо одно общее этническое авторство: от имени всего племени уже говорится об унаутах, о *класырыхъ* — самой бесправной прослойке рабов и рабынь. Так продолжается приблизительно до X в.

В последующем периоде феодальные мотивы начинают занимать в адыгском устном творчестве значительное место, и с этого времени устное предание становится своеобразной летописью. С X в. фольклор разрабатывает в основном одну центральную тему — тему борьбы адыгов с иноземными захватчиками, организующей силой которой выступает вождь или князь племени.

Эта тема начинается с легендарного касожского богатыря Редады (Редеди), его единоборства с князем Мстиславом и находит свое традиционное продолжение в последующие столетия до второй половины XIX в.

И если в сказаниях и песнях более раннего периода, как, например, в сказаниях и песнях об Аттиле или Байконе, нет исторических лиц, противостоящих насильно пришельцев, а есть только безликая общеадыгская масса, то такие герои, как Редада, Инал, Темрюк, Андемиркан (которые появляются позже, с XIII в.), исторически конкретны, идейно-художественно ясны.

Мифологическая оболочка сказочных сюжетов продолжает сужаться, сказка начинает приобретать реалистические черты, человек становится в ней сквозным действующим лицом, даже в сказках и баснях о животных выступают элементы художественной персонификации. Основная тема сказок — борьба добра со злом. Это качество адыгских сказок заметил М. Горький: «Ценность адыгских сказок увеличивается еще и тем, что в них зло везде побеждено. Это хорошее свидетельство о здоровье народа».

К XIII в. следует отнести и создание больших поэтических произведений, а также басен, посвященных животным и растениям, появление художественно обобщенных типажей (строптивых и ленивых невесток, неудачливых женихов, наездников, скряг), шуточных речитативов, свадебных пиршеств и полевых увеселений.

Приблизительно с XIII в. из общего массива адыгского фольклора окончательно выделяется кабардинский пласт, который вскоре становится вполне самостоятельным.

РАЗДЕЛ
ТРЕТИЙ

Кабарда и Балкария

в период

феодалной

раздробленности.

Присоединение

Кабарды и Балкарии

к

России

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ
В XVI—XVII вв.**

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В рассматриваемый период поселения кабардинцев были разбросаны на равнине и в предгорьях по левым притокам Терека — Малке, Баксану, Череку, Чегему и др. — до входа в горные ущелья, а также на правом берегу Терека, севернее рек Камбилеевки и Сунжи.

Территория
и население

Во второй половине XVI и в XVII в. в связи с распространением кочевьев ногайских татар, а в XVII в. — и калмыков в степях севернее Терека район Пятигорья временно перестал быть местом постоянного жительства кабардинцев. Когда положение позволяло, кабардинцы пользовались пастбищами и пахотными землями севернее Малки и Терека.

Западная граница Кабарды не была вполне определенной. Бесленеевцы, отделившиеся от кабардинцев еще в XV в., жили в XVI—XVII вв. между Кубанью и Лабой, т. е. на значительном расстоянии от бассейна Терека. Но постоянные столкновения между кабардинскими князьями вели к тому, что по временам часть кабардинских поселений продвигалась ближе к бесленеевцам, в бассейн Кубани. Кабардинские поселения не заходили на востоке далее впадения р. Аргуни в Сунжу. В XVI в. в нижнем течении Терека находилось Тюменское ханство, которое прекратило свое существование после основания в устье Терека в 80-х годах XVI в. русской крепости — Терского города. В северной части Дагестана в конце XVI в. образовалось сильное Эндерейское владение. По правому берегу Терека во второй половине XVI в. появились поселения терских и гребенских казаков; в начале XVIII в. они были перенесены на левый берег.

Горные ущелья к югу от Кабарды по левому и правому берегу Терека занимали балкарцы и осетины, ингуши и чеченцы, предки которых еще в период татаро-монгольского нашествия

были оттеснены в горы. Балкарские поселения находились в ущельях Восточного Черека (общество Балкар), западных притоков Черека (общества Хулам и Безенги), по Чегему (общество Чегем) и позднее в ущелье Баксана (общество Урусби). Название «балкары» тогда относилось к жителям только Черекского ущелья. Поэтому известия русских источников XVII в. о «балкарах» (в отписке 1629 г. в Посольский приказ в Москву воеводы Терского города Дашкова) и о «болхарах» (в отчете русских послов Толочанова и Иевлева, которые в 1650 г. прошли в Имеретию по Череку) надо относить именно к жителям этого ущелья.

Ущелья к западу от Восточного Черека были заселены выходцами из собственно Балкарии. В документах 40-х годов XVIII в. уже упоминаются не только балкарцы, но и хуламцы, безенгивцы и чегемцы. Баксанское ущелье в XVI в. было еще занято поселениями родственных балкарцам карачаевцев. Карачаевские предания рассказывают, что на Кубань с Баксана карачаевцы ушли из-за притеснения кабардинского князя Кази, т. е. князя Казыя Пшеапиокова, жившего во второй половине XVI — начале XVII в. Балкарцами Баксанское ущелье было заселено лишь во второй половине XVIII в.

**Скотоводство,
земледелие и другие
занятия**

Главным занятием кабардинцев и балкарцев в XVI—XVII вв. было скотоводство. Кабардинцы разводили преимущественно овец и лошадей, крупного рогатого скота у них было мало. Княжеские отары исчислялись тысячами голов, табуны — сотнями. Шерсть кабардинских овец ценилась за хорошее качество. Но особенно славились кабардинские лошади. В Балкарии было развито овцеводство.

Скотоводство у кабардинцев и балкарцев было отгонным. Кабардинцы пользовались летними высокогорными пастбищами в Осетии и Балкарии. К осени скот перегонялся на равнины. На два-три зимних месяца заготавливали сено. В свою очередь балкарцы весной и осенью держали скот на предгорных пастбищах Кабарды, это ставило их в зависимость от кабардинских феодалов. На зиму заготавлилось сено.

Земледелие в XVI—XVII вв. было второй после скотоводства отраслью хозяйства кабардинцев и балкарцев. Основным пахотным орудием служила соха с железным сошником. Господствовала переложная система с преобладанием посевов проса. Пахали на волах, зерно хранили в ямах. В Балкарии, в условиях горного земледелия, сеялся главным образом ячмень.

Плодородные равнины Кабарды позволяли собирать хорошие урожаи хлеба. Но иногда несколько лет подряд посевы уничтожала саранча, которую по суеверному обычаю нельзя

было истреблять; случались засушливые годы. Тяжелым бременем для крестьян Кабарды были распри между князьями и нападения извне, когда выжигались поселения, вытаптывались пашни, сжигался хлеб, угонялся скот, а жителей тысячами уводили в неволю.

Подсобными занятиями были рыболовство, пчеловодство и охота. Пчел разводили в сапетках, а мед употребляли для изготовления напитков. Охотились на оленей, диких коз, пушных зверей.

**Домашняя
промышленность.
Обработка металлов**

Городов с ремесленным и торговым населением в Кабарде и Балкарии не было. Среди крестьянского населения Кабарды и Балкарии была распространена домашняя промышленность, удовлетворявшая потребности крестьянских хозяйств и (в форме феодальной ренты) хозяйства феодалов. Изготавливались шерстяные, войлочные и кожаные изделия, в том числе конская сбруя и седла, бурки, одежда, орудия труда и ювелирные изделия.

В Кабарде и Балкарии добывалось железо, медь, свинец, серебро. Как добыча металлов, так и металлообработка были специализированы. Особым искусством славилась кабардинские ружейники. Они изготавливали луки, стрелы, колчаны, книжалы, копыя, сабли, шлемы, панцири, наручи, известные далеко за пределами Кабарды.

Позже кабардинцы научились изготавливать и пищали. Кабардинские князья имели своих мастеров.

Торговля

В XVI—XVII вв. хозяйство кабардинцев и балкарцев оставалось в основном натуральным. Торговля носила меновой характер. Торговые связи постепенно расширялись, в Кабарду и Балкарию проникали иностранные монеты — русские, персидские и турецкие.

Кабарда находилась в непосредственной близости к основному северокавказскому пути, который шел из Крыма в Закавказье. В XVI—XVII вв. военная обстановка на Северном Кавказе сильно затрудняла торговые сношения, но обмен все же существовал. Из Крыма, Турции, Закавказья и Персии в Кабарду и Балкарию проникали шелковые и хлопчатобумажные ткани, ювелирные изделия, дорогое оружие, приобретающиеся главным образом феодальными слоями. В Турцию и Крым шли продукты сельского хозяйства и домашней промышленности Кабарды: овечья шерсть и овчины, кожи, изделия из шерсти; вывозились кабардинские лошади. В обмене Кабарды с Востоком большую роль играла работорговля: кабардинские князья продавали захваченных во время междоусобий пленников, своих крепостных крестьян, рабов и рабынь.

Иной характер носил обмен с соседними горскими народами. Осетинские и балкарские крестьяне выменивали в Кабарде

хлеб на скот. Кабардинцы-скотоводы ездили в Северный Дагестан за солью.

С середины XVI в., когда к Русскому государству были присоединены Казань и Астрахань, постепенно расширяется торговля кабардинцев с Россией. В XVI—XVII вв. кабардинские князья и уорки при посредничестве восточных купцов или со своими холопами отправляли в Россию товары преимущественно восточного или закавказского происхождения, иногда на очень крупные суммы. В русских городах товары кабардинских феодалов частично или полностью освобождались от таможенного обложения. Кабардинские князья приводили в Москву породистых коней в подарок царю или царевичам, что носило характер обмена, так как за коней обычно отдаривали соболями. Из Москвы князья увозили меха, шубы, шапки, предметы вооружения (панцири, шлемы, наручи, наколенники).

Рядовые кабардинцы торговали с гребенскими казаками и с населением русской крепости — Терского города. В Терском городе в XVII в. устраивался два раза в неделю конский базар; здесь, кроме лошадей и скота, продавались местные северокавказские, в том числе и кабардинские, продукты и изделия: прося, свиное сало, ковры, попоны, овчины, бараньи шубы.

Торговля была преимущественно меновая, поэтому штрафы феодалам выплачивались скотом — волами, быками, а также пленными рабами.

2. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Класс феодалов в Кабарде делился на несколько разрядов. Представители высшей знати назывались *пши* (в первоначальном значении — глава рода, старейший). Русские источники называют пши князьями и мурзами.

Пши и уорки. По имени того или иного князя назывались их владения (Казыева Кабарда, Шолохова Кабарда и т. д.). Стремясь возвысить себя над простым народом, князья приписывали себе инонациональное — арабское — происхождение.

Феодальная земельная собственность в Кабарде Кабардинские князья роднились с представителями феодальных домов Грузии, Дагестана, Крыма, ногайских татар. О высоком положении кабардинских пши в кавказской феодальной среде свидетельствует и брак Ивана Грозного и Марии Темрюковны.

Кабардинские князья окружали себя военными слугами — узденями (уорками). Уорки первой степени именовались *тлекотлеш*, второй — *деженуго*; за ними по феодальной лестнице следовали уорки низших степеней. Уорки обязаны были нести военную службу во время княжеских походов. Они имели пра-

во переходить от обиженного их князя к другому. Своих уорков имели тлекотлени и деженуго, а также княгини-вдовы.

Феодальная земельная собственность в Кабарде не достигла развитых, юридически определенных форм. Основным ее видом в XVI—XVII вв. были неразделенные фамильные владения княжеских семей, которые во главе со старшими в семье владели группой деревень. Здесь феодалы и члены их семей выступали верховными собственниками всей земли, на которой жили их уорки и зависимые крестьяне; князья распоряжались как пахотными землями, так и пастбищами.

Но уже в XVII в., а тем более в XVIII и XIX вв. появляется и индивидуальная феодальная земельная собственность. К этому вело и внутреннее развитие общественных отношений в Кабарде, и влияние развитого русского феодализма, которое шло через кабардинских князей, выехавших служить в Русское государство, через князей и мурз, служивших в Терском городе, живших около него в Черкасской слободе и усваивавших представления русских феодалов о земельной собственности.

Уорки высших степеней владели своими деревнями. Уорки низших степеней получали от князей вознаграждение за службу — *уорктыи*. В эту «узденскую дань» входил и участок земли.

Кабардинское крестьянство делилось на несколько разрядов, которые находились в разной степени зависимости от князей и уорков. Наиболее многочисленным разрядом были *тлхукотлы*, крестьяне-общинники, лично свободные, но находившиеся в зависимости от феодалов, платившие им оброк и выполнявшие ряд повинностей. Оброк был натуральным, а повинности прикрывались патриархальными формами помощи и обычаями гостеприимства. Так, по обычаю князь имел право брать для своих поездок лошадей из крестьянских табунов; крестьяне обязаны были кормить прислугу и волов прибывших к господину гостей.

Кабардинские адаты, записанные уже в XIX в., неключительно подробно определяли многочисленные барщинные и оброчные повинности кабардинских крепостных крестьян — *лагунапытов* и *огов*. Совершенно бесправными были рабы-пленники, *ясыри* (*унауты*).

От кабардинских князей зависели некоторые соседние племена и народы: осетины, ингуши, балкарцы, абазинны, платившие ясак — натуральный оброк. Причиной зависимости была необходимость для жителей гор пользоваться осенью, зимой и весной пастбищами на равнине и в предгорьях.

Присоединение Кабарды к России в середине XVI в. укрепило положение местных феодалов. Их поддерживало русское правительство и придворная знать, в числе представителей ко-

торой было немало кабардинских князей, выехавших на русскую службу в XVI—XVII вв.

Социальные отношения в Балкарии Феодальный строй Балкарии имел свои отличительные черты. Феодалы Балкарии именовались *аксюек* — «белая кость», а также *басиаты*, *секельт*; в середине XIX в. русское правительство признало за ними право называться *таубиями*, т. е. горскими князьями. Положение балкарских феодалов, их права на повинности зависимого населения закреплялись также обычным правом. Материальными памятниками господствующего положения таубиев являются сохранившиеся в ущельях Балкарии средневековые крепости и замки.

Балкарское крестьянство делилось на разряды, отличавшиеся по степени зависимости от таубиев (*каракиши*, *ясакчи*, *казаки*, *караваши*). Бесправными были казаки и караваша, их положение можно сравнить с положением унаутов в Кабарде. Повинности остальных разрядов крестьян определялись обычным правом. Денежная рента отсутствовала, виды натуральной отработочной ренты часто были прикрыты патриархально-родовыми пережитками.

Крестьяне жили сельскими общинами, внутри которых сохранялись большие семьи и патронимы. В силу условий горного земледелия пахотные участки рано стали собственностью отдельных семей.

Отрывочные сведения историков XVII в. указывают на то, что в это время в Балкарии уже имели место феодальные отношения, как и зависимость балкарских обществ от кабардинских князей, нередко закрепленная в форме аталычества и молочного родства между феодальными семьями. В 20-е годы XVII в. терский воевода Дашков сообщал в Посольский приказ, что местом «Балкары» владеют племянники по матери кабардинского князя Пшимахи Камбулатовича — Аппика «с братьею Тааримовы дети» (в другом случае он назван Аппи Тавзрек) и Абдаулла, которые «слушают» кабардинского мурзу Алегуку Шеганукова (Большой Кабарды), т. е. находятся в вассальной от него зависимости.

Сходные приемы отгонного скотоводства, развитые как в Балкарии, так и в Кабарде, вели к общению трудящихся слоев кабардинского и балкарского народов, к обмену опытом, установлению родственных связей, развитию общих интересов, что так ярко сказалось позже в открытых проявлениях классовой борьбы кабардинского и балкарского крестьянства.

Классовая борьба Кабардинское и балкарское крестьянство, отстаивая свои права, боролось против угнетения, за сохранение «старых обычаев». Одной из форм классового протеста было бегство унаутов и кабардинских крепостных крестьян от своих «господ» в русские пограничные посе-

ления (в донские казачьи городки, к терским и гребенским казакам и в Терский город). По казачьему обычаю беглых крестьян не выдавали. Угроза потери рабочих рук вела к тому, что князья вынуждены были наказывать холопов с оглядкой.

Классовая борьба отразилась и в кабардинском, и в балкарском фольклоре, материалы которого не всегда поддаются точной датировке. Однако упоминание в песнях и преданиях исторических личностей, действовавших в XVI—XVII вв., позволяет отнести возникновение некоторых из сохранившихся в народной памяти произведений фольклора именно к этому времени. Так, в одной народной песне кабардинский владетель Алегуко назван «вшиголовым», в другой — он и князь Карашай из рода Таусултановых — «лютыми пши», а князь Бесланей — «толстобрюхим». В то же время народ относился с большой любовью к герою Андемиркану, не признававшему ни пши, ни уорков и не оказывавшему им никакого почета.

По нормам обычного права князья считались неприкосновенными для лиц низших сословий. Между тем в песнях и преданиях нередко упоминается об убийстве того или иного пши уорком или даже тлхукотлом (предание об Андемиркане, песня о тлхукотле Гулее, балкарская песня о Бек-Болате).

Таким образом, в фольклоре этого времени отражены факты индивидуальных выступлений крестьян и рабов против ненавистных им пши и таубиев. Источники XVIII в. отражают уже новую форму классовой борьбы — форму массовых движений, крестьянских восстаний.

3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Уровень развития производительных сил и производственных отношений (натуральное хозяйство, феодальный строй, осложненный устойчивыми патриархально-родовыми пережитками —

Феодальная
раздробленность

неприкосновенность князя, аталычество, кровная месть) обусловил характер политических отношений в Кабарде XVI—

XVII вв.: здесь не сложилось сколько-нибудь сильного централизованного государства. Попытки объединения Кабарды в 60-х годах XVI в. при князе Темрюке Идарове или на общекабардинских съездах 80-х годов XVI в. не дали результатов. Кабарда оставалась разделенной на мелкие феодальные владения. К XVII в. сложилось разделение Кабарды на Большую и Малую. Около середины XVII в. наиболее крупным владением в Большой Кабарде были так называемые Алегукшны кабаки — группа поселений, которыми владели двоюродные братья Алегуко Шегануков и Хотождуко (Хатокшуко) Казыев из рода Кайтукиных со своими семьями. Алегукина Кабар-

да находилась к югу от Малки. В ней было около 50 деревень, в которых проживало более 1000 урков «да черных людей» свыше 2000 человек. В Малой Кабарде, которая занимала земли на левом берегу Терека между Урухом и Терекком и на его правом берегу, выделялось владение Ибаковых из рода Таусултана, имевших до 40 деревень, «а людей в них узденей конных с 700 да черных людей с 1000 и больше». Это владение обычно называлось Шолоховой Кабардой, по имени князя Шолоха Тапсарукова. Здесь же находились Мударова и Ахлова Кабарды — двух ветвей рода Гелехстана. Идарова Кабарда, владение потомков Темрюка Идарова, к 40-м годам XVIII в. потеряла прежнее значение.

Во главе Кабарды стоял бóльший (старший) князь. Бóльших князей выбирали на съездах «всей Кабардинской земли» по очереди из разных линий кабардинского княжеского дома. В середине XVI в. и до начала 70-х годов бóльшим князем был Темрюк Идаров; после него, по-видимому, представитель рода Кайтуковичей — Кануко; в 80-е годы — снова Идарова — Камбулат, брат Темрюка. После смерти Камбулата в 1588 г. пришел черед Асланбека Кайтукина, а когда он через год умер, посадили его брата Янсоха; позже бóльшим князем стал Шолох из рода Таусултана. Московское правительство в XVII в. пыталось оказывать свое влияние на выбор старших князей Кабарды, причем особенно покровительствовало Идаровым. Однако эти попытки не всегда удавались.

Порядок княжения по очереди постоянно нарушался, что вело к столкновениям. На главенство претендовали более сильные владельцы. Междоусобия ослабляли кабардинский народ, который должен был обороняться от набегов крымских и ногайских татар, бороться с крымско-турецкой агрессией, участвовать в войнах кабардинских феодалов с кумыкскими. Нередко тот или иной кабардинский князь сам обращался за посторонней помощью, вызывая опустошительные набеги. Постоянны были и челобитья кабардинских князей к терским воеводам с просьбой дать ратных людей «на недругов» из среды кабардинской же знати.

По словам Ш. Б. Ногмова, Кабарда в то время походила на «рассеянный воинский стан». Балкария делилась на ряд отдельных «обществ», занимавших труднодоступные ущелья.

Администрация,
суд и войско

В кабардинском и балкарском обществах верховная власть принадлежала князьям и таубиям. Административный аппарат не был развит. Поручения владельца выполнялись обычно урками-дружинниками. Нередко они были связаны со знатной семьей патриархальными узами аталычества или молочного родства. Посланцами от кабардинских князей к русскому правительству часто были княжеские аталыки. Урки-дружинники

составляли при князе дружинный совет. Со своей дружиной князь выезжал для сбора дани с крестьян, а также в поле во время пахоты или сбора хлеба, чтобы и охранять крестьян и наблюдать за их работой.

Для решения наиболее важных дел созывались съезды или народные собрания, в которых участвовали князья, мурзы, уорки и представители тлхукотлов, старшины крестьянских общин.

Письменности на кабардинском и балкарском языках в то время не существовало и письменного делопроизводства не велось. Но князья имели своих «абызов», т. е. писцов, обычно татар, услугами которых пользовались при составлении писем или отправки грамот в Москву и Крым. Прибегали также к услугам русских подьячих Терского города.

По преданию, при князе Берслане Кайтуковиче Джанкутове, жившем в XVI в., были установлены в аулах третейские суды и главный суд, разбиравший под председательством князя «уголовные и относившиеся до всего народа дела». Тогда же, по преданию, были установлены штрафы в пользу феодалов за нарушение норм обычного права. Штрафы уплачивались натурой, чаще всего скотом, их взимание сопровождалось насилием со стороны феодалов.

Главную военную силу кабардинских князей и мурз составляли конные хорошо вооруженные дружины уорков. В случаях большой опасности собирали народное пешее ополчение.

Таким образом, общественный строй Кабарды и Балкарии XVI—XVII вв. — это феодальный строй, осложненный патриархально-родовыми пережитками и отличавшийся застойностью. Однако в этот период кабардинское общество было на Северном Кавказе наиболее развитым. Уровень его социально-экономического развития был выше, чем в Адыгее, где сохранялось деление на племена, а у ряда племен задерживался и процесс феодализации. Отставали от кабардинцев и жившие в горных ущельях осетины, балкарцы и карачаевцы, а также чеченцы и ингуши, разделенные на мелкие общества и еще слабо затронутые в XVI—XVII вв. процессом развития классовых феодальных отношений.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАБАРДЫ К РОССИИ

1. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАБАРДЫ К РОССИИ

В XVI в. социально-экономическая и политическая обстановка в Кабарде и Балкарнии складывалась в пользу России. Отношения с Россией определялись внутренним и внешним

Причины
сближения
с Россией

положением обеих стран. В то время, когда в России сложилось централизованное государство, игравшее большую роль

в международной политике, в Кабарде и Балкарнии существовали обособленные феодальные владения, между которыми шли непрерывные войны. Феодальные междоусобицы тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся. Последние рассчитывали с помощью России положить конец распрям. Именно поэтому народные массы сочувственно отнеслись к политике представителей русской ориентации. Разумеется, кабардинские князья, тяготевшие к России, не ставили перед собой задачи ослабления или ограничения феодального гнета. Наоборот, они надеялись с помощью Русского государства еще более упрочить свое экономическое и политическое положение.

Русское государство в свою очередь стремилось расширить сферу своего влияния на юге и выйти к Каспийскому морю. Это диктовалось условиями экономического развития страны. Поэтому русское правительство не только поддерживало на местах русскую ориентацию, но и пыталось насильственно насаждать ее всюду, где это было возможно.

В 1552 г. к Русскому государству было присоединено Казанское ханство, а в 1556 г.— Астраханское. С этого времени Астрахань становится важнейшим опорным пунктом экономических и политических сношений России со Средней Азией и Кавказом.

Наконец сближение с Россией необходимо было Кабарде по соображениям внешней безопасности.

После установления в конце XV в. вассальной зависимости крымских ханов от Турции и постройки ряда турецких крепостей в Крыму, в устье Дона (Азов), на Таманском полуострове (Тамань и Темрюк) возникла опасность нападения турецко-крымских войск на Северный Кавказ и Закавказье.

Кабардинцы, черкесы и адыгейцы подвергались опустошительным набегам крымских феодалов. По словам Жана де Люка, монаха доминиканского ордена, «не проходило года, в котором бы татары не произвели на их страны какого-нибудь набега». Кабардино-черкесы давали им отпор и сами иногда переходили в наступление. Однако действовали они разрозненно и поэтому не всегда успешно. Совершая походы на Северный Кавказ, так же как на Украину и Россию, крымские ханы ставили перед собой цель захвата добычи, пленных, скота. Теперь по указанию турецких султанов крымские ханы преследовали при набеге на Кабарду и политические цели: подчинить себе черкесские народы, обложить их данью, установить прочные связи с дагестанскими владетелями и направить их против Ирана, обеспечив таким образом турецко-крымским войскам и гонцам беспрепятственный путь через Северный Кавказ в Закавказье и Среднюю Азию.

Осенью 1545 г. крымский хан Сагиб-Гирей совершил поход на кабардинцев, а в 1547 г. — большой поход на Астрахань. Город был разорен, ханом Астрахани стал ставленник Крыма. Тогда же Сагиб-Гирей совершил походы в Кабарду и в Дагестан. В 1552 г. Девлет-Гирей предпринял поход в район Пятигорья, чтобы наказать кабардино-черкесов за связь с Россией, и одержал победу. Турецко-крымские захватчики угоняли множество людей в рабство, разоряли селения, уничтожали памятники материальной культуры. Завоеватели духовно поработали народ, насаждая среди кабардинцев, черкесов и адыгейцев свою религию — ислам, служившую идеологическим оружием султанов.

Таким образом, и внутреннее, и внешнее положение Кабарды настоятельно требовало сближения с могущественным соседом — Русским государством.

Однако не все князья и уорки правильно понимали эту необходимость. Часть из них пыталась добиться власти в Кабарде и Балкарии с помощью Турции и крымского хана. Тем не менее феодалы, ориентировавшиеся на Русское государство, взяли верх. Крестьянские массы стихийно сочувствовали этому сближению, рассчитывая с помощью русских войск избавиться от междоусобной борьбы и от опустошительных набегов турецко-крымских завоевателей и шамхала тарковского.

Выдающуюся роль в сближении Кабарды и Черкессии с Россией сыграл известный военный и политический деятель Кабарды князь Темрюк Идаров. Он сумел правильно оценить

*Привед кабардинских послов в Москву в 1557 г. (миниатюра лицевого свода
Синодального собрания. ГИМ)*

сложную международную и внутреннюю обстановку и понял, что устранить угрозу порабощения своего народа, дать отпор турецко-крымской агрессии и положить конец набегам шамхала дагестанского можно лишь с помощью военной мощи России, при условии присоединения Кабарды к Русскому государству. Поэтому Темрюк и некоторые другие влиятельные князья ищут союза с Россией. Это стремление отвечало интересам России на Кавказе.

Обращение кабардино-черкесов, ногайцев и других народов Кавказа за помощью к Москве облегчало России распространение своего политического влияния на Кавказе.

Адыго-кабардинские послы в Москве

В ноябре 1552 г. в Москву прибыло первое, по летописным данным, посольство от адыго-кабардинцев, которое заявило о желании своих народов принять подданство России. В состав посольства входили князья Маашук Кануков, Иван Езбузлуев и Танашук. Посольство просило, чтобы «их государь пожаловал, вступился за них, а их с землями взял к себе в холопы, а от крымского царя оборонил». Царь Иван IV направил в Кабарду посольство во главе с боярским сыном Андреем Щепотьевым с целью выяснить на месте действительную обстановку, чтобы «правды их видети».

Андрей Щепотьев, вернувшийся из Кабарды в 1555 г., в присутствии членов царского двора и кабардино-черкесских послов, приехавших с ним, сообщил Ивану IV, что они «дали правду всею землею быти им неотступным от царя и великого князя и служить им во веки, как им государь велит». По словам русского летописца, Иван IV пожаловал послов «великим своим жалованьем» и объявил им, что они со своим «Пятигорским государством» приняты в вечное подданство России. Что касается просьбы послов оказать им военную помощь в борьбе против турецких крепостей, то Россия, видимо не желая нарушить мир с Турцией, не считала возможным пойти на это, но обещала оборонять их от крымского хана. Был učinен для адыго-кабардинцев «отъезд и приезд добровольной».

Окончательно вопрос о принятии Кабарды в вечное и неотступное подданство России был решен в 1557 г., когда в Москву от кабардинских князей Темрюка Идарова и Тазрюта прибыло посольство во главе с Канкльчем Кануковым. Нельзя считать, что процесс присоединения Кабарды к России закончился этим актом. Вассально-подданническая зависимость Кабарды от России еще не означала окончательного включения Кабарды в состав Российской империи.

На протяжении XVI—XVIII вв. в Кабарде продолжалась борьба между сторонниками турецкой и русской ориентации. Кабардинский вопрос стал занимать принципиально важное место в системе международных отношений. Турция была сильно

обеспокоена упрочением связей между Кабардой и Россией и прилагала все усилия к тому, чтобы парализовать влияние России на Кабарду и на весь Кавказ.

Присоединение Кабарды к России было крупным событием, имевшим «решающее значение в исторических судьбах кабардинского, балкарского и других народов. Оно обеспечило этим народам возможность дальнейшего национального развития, спасло их от порабощения и истребления со стороны иностранных захватчиков, создало благоприятные условия для экономического и культурного общения с русскими и другими народами нашей страны»¹.

2. РУССКО-КАБАРДИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1558—1570 гг.

Во второй половине XVI в. русско-кабардинские отношения развивались в напряженной международной обстановке. Мир между Турцией и Ираном, заключенный в 1555 г., не прекратил соперничества этих двух восточных

Внутренняя и внешняя политика Темрюка Идарова держав из-за обладания Кавказом. Уже в 1578 г. возобновились ирано-турецкие войны, растянувшиеся на несколько десятилетий.

Между тем с выходом России к Каспийскому морю в 1550-е годы перед ней встали задачи расширения экономических и политических связей с Северным Кавказом, Закавказьем и Ираном. Взаимоотношения с Кабардой играли важную роль в восточной политике русского правительства. Это противоречило стратегическим планам турецких султанов, стремившихся использовать северокавказский путь для облегчения военных действий турецких войск в Закавказье. Султаны направляли против Кабарды и России силы своих вассалов — крымских ханов. Это было тем более опасно для России, что Крым во время Ливонской войны был связан с Польшей военным союзом.

Крымско-турецкие войска на Северном Кавказе встречали упорное сопротивление со стороны кабардинского народа. Но феодальная раздробленность Кабарды и западноадыгских племен мешала объединению народных сил для борьбы с внешними врагами. Кабардинский князь Темрюк Идаров принял ряд мер, чтобы укрепить свое положение старшего князя, но это вызвало противодействие части кабардинских феодалов. Главным противником Темрюка был представитель другой княжеской линии — Пшеапшоко Кайтукин. И Темрюк, и Пшеапшоко искали поддержки вне Кабарды. Темрюк был последовательным сторонником сближения с Россией, Пшеапшоко придерживался турецко-крымской ориентации.

¹ «Правда», 6 июля 1957 г.

После принятия кабардинцами в 1557 г. русского подданства сношения Темрюка Идарова и его сторонников с Россией стали постоянными. В 1558 г. Темрюк отправил в Москву своего сына Салнука, который был крещен под именем Михаила, остался при дворе царя Ивана и впоследствии стал одним из его приближенных. На Русь выезжали и другие кабардинские князья со своими дружинами. Кабардинские конные отряды, как и отряды других адыгских племен, вливались в русские войска во время Ливонской войны: обычно они действовали в так называемых «передовых полках», которые начинали наступление.

Со своей стороны русское правительство оказывало Темрюку сильную военную поддержку. Так, по просьбе из Кабарды против дагестанского шамхала было послано в 1560 г. русское войско под начальством воеводы Черемиснинова. Черемисников взял г. Тарки и заставил дагестанского шамхала уйти в горы.

В 1561 г. Иван Грозный закрепил связи с Кабардой женитьбой на дочери Темрюка Идарова — Марии. Женитьба Ивана IV на кабардинской княжне имела большое политическое значение. Она укрепила связи России и Кабарды, упрочила положение Кабарды среди других областей Северного Кавказа.

Развитие русско-кабардинских связей вызвало недовольство как турецкого султана, так и крымского хана. По их указанию против Темрюка и его сторонников открыто выступили Пшеапшоко Кайтукин и шамхал тарковский. Не имея достаточных сил, чтобы отразить нападение противников, Темрюк обратился за помощью к Москве. Русское правительство отправило в Кабарду в 1562—1563 гг. войска во главе с воеводой Плещеевым, в 1565—1566 гг. — с воеводами Дашковым и Ржевским. Во время совместных походов были «повоеваны» владения Пшеапшоко, расположенные по Малке и Баксану. Поход шамхала на Кабарду в 1566—1567 гг. закончился его гибелью.

Первая русская крепость на Тереке. Усиление турецко-крымской агрессии

В 1566 г. в Москву прибыло кабардинское посольство с просьбой Темрюка о постройке русской крепости на Тереке, в устье Сунжи. Крепость была построена в 1567 г. и снабжена артиллерией. Постройка крепости укрепляла положение в Кабарде сторонников связей с Россией, контролировала основной северокавказский путь из Крыма в Закавказье, служила защитой Астрахани от возможных походов турецко-крымских войск, способствовала развитию русско-грузинских сношений.

Постройка русской крепости на Тереке вызвала обострение русско-турецких и русско-крымских отношений. Уже осенью 1567 г. крымский хан Девлет-Гирей послал против Кабарды трех своих сыновей с войском. Кабардинцы отразили этот набег.

Правительство султана Селима ответило на русско-кабардинское сближение организацией в 1569 г. большого похода на Астрахань под начальством паши Касима и хана Девлет-Гирея. Так как путь через Северный Кавказ был отрезан для турецко-крымских войск Терской крепостью, они отправились из Азова Доном до места наибольшего сближения его с Волгой, а затем спустились к Астрахани на ладьях и укрепились около города. С наступлением зимы в турецком войске начались волнения, янычары потребовали возвращения на родину. Паше и хану пришлось отступить. В Кабарде знали о походе. Во время отступления турок и крымцев от Астрахани по степям кабардинцы напали на них и нанесли им большой урон.

После неудачи астраханского похода турецкий султан направил Ивану Грозному грамоту с прямым требованием снести русскую крепость «в Кабардинской земле», чтобы открыть для турецко-крымских войск путь через Северный Кавказ. Одновременно Девлет-Гирей предпринял ряд набегов на Кабарду. Весной 1570 г. он послал на Темрюка своего сына с войском. В бою Темрюк был тяжело ранен, а два его сына взяты в плен.

Чтобы заставить русское правительство снести крепость на Тереке, Девлет-Гирей совершил опустошительный набег на Русь. В мае 1571 г. он дошел с крымско-турецким войском до Москвы и сжег не только посады вокруг Кремля, но и самый Кремль. Эта победа позволила хану предъявить Ивану IV тяжелые требования: отдать Казань и Астрахань и уйти из Кабарды. Положение царя было настолько трудным, что он согласился на снос Терской крепости и сдачу Астрахани. Выполнение последнего обещания, которое лишило бы Россию выхода по Волге на Восток, всячески откладывалось. Это вызвало новый набег Девлет-Гирея на Русь (1572), который, однако, закончился его разгромом на подступах к Москве. Девлет-Гирей перестал требовать сдачи Астрахани, но крепость на Тереке пришлось снести.

В начале 1570 г. Темрюк Идаров умер от раны, полученной в битве с крымцами. Смерть Темрюка и снос крепости на Тереке привели к временному ослаблению русского влияния на Северном Кавказе. Часть адыго-кабардинцев попала в зависимость от султанов и ханов, которым они должны были платить дань конями, скотом, панцирями, а также позорную дань девушками и юношами. В старинном русском документе сказано, что хан требовал от кабардинцев для султана «робят и девок чистых», т. е. выделявшихся здоровьем и красотой. Все это тяжелым бременем ложилось на плечи адыгского крестьянства.

Стремясь укрепить свое влияние на Северном Кавказе, султаны и ханы проводили политику исламизации адыгов. Мусульманство проникало главным образом в адыгскую феодальную среду.

3. РУССКО-КАБАРДИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

Возобновившаяся в 1578 г. между Турцией и Ираном война затронула и Кабарду. Проходившие через Северный Кавказ крымско-турецкие войска требовали поставки продовольствия,

**Кабардинское
посольство 1578 г.**

кормов, транспортных средств, нарушали мирный труд земледельцев и скотоводов. Поэтому уже весной 1578 г. в Москву прибыло кабардинское посольство, которое подтвердило подданство кабардинцев России, просило снова поставить русскую крепость у устья Суэжи, а также прислать воеводу и стрельцов, чтобы защитить Кабарду «от крымского царя и от иных недругов». В состав посольства входили брат Темрюка Камбулат, который в это время был в Кабарде старшим князем, сын Пшеапшоко Кайтукина Казый и Созоруко Тапсаруков из рода Таусултановых, т. е. представители трех наиболее крупных в то время кабардинских владений. Таким образом, опасность со стороны Крыма и Турции заставила объединиться феодалов, ранее враждовавших между собой.

Кабардинское посольство было встречено в Москве хорошо. Камбулату вручили жалованную грамоту с золотой печатью, утверждавшую его старшинство в Кабарде. На Терек был послан воевода Лука Новосильцев с отрядом стрельцов и плотниками, которые восстановили деревянную крепость у устья Суэжи.

Как и в 1560-е годы, постройка русской крепости на Тереке вызвала резкое недовольство и в Константинополе, и в Крыму. Хан Магомед-Гирей направил в Москву грамоту с угрозами, и крепость снова была снесена. Уступчивость русского правительства объяснялась тяжелым положением, создавшимся в связи с Ливонской войной.

**Первые казачьи
поселения.
Русско-кабардинские
связи в 1580-х годах**

В XVI в. на Тереке в Гребенских горах обосновались вольные русские казаки, главным образом беглые крестьяне, спасавшиеся на далекой окраине от крепостного гнета. Они нападали на турецко-крымские отряды, захватывали пленных, перехватывали гонцов. В дипломатической переписке с русским правительством султаны и ханы постоянно требовали прекратить нападения казаков, угрожая новым походом на Астрахань. В середине 1580-х годов в Константинополе возник план постройки турецких крепостей на Тереке, чтобы обеспечить турецко-крымским войскам свободный путь через Северный Кавказ.

Окончание в 1582 г. Ливонской войны позволило русскому правительству вести более активную восточную политику. В 1586 г. возобновились сношения русского правительства с

Грузней, в результате которых кахетинский царь Александр в 1587 г. присягнул на верность России. Установился постоянный обмен посольствами между Кахетней и Москвой; все они проходили через Кабарду и Дарьял. В те же годы в Астрахань пришло руское войско. Главной задачей этой военной экспедиции было предотвратить постройку турецких крепостей на Северном Кавказе и восстановить русскую крепость, о чем просили и грузинские послы, и кабардинцы, снова посланные в 1588 г. в Москву посольство.

Крепость на Тереке была построена заново в 1588—1589 гг., но теперь на новом месте, в устье Терека. Сначала ее называли Тюменским острогом, затем за него укрепилось название Терский город. Эта крепость, имевшая сильный гарнизон и артиллерию, просуществовала до 20-х годов XVIII в. и стала важнейшим центром русско-кавказских связей.

**Усиление
междоусобной борьбы.
Распад Кабарды
на Большую
и Малую**

Кабардинское посольство 1588 г. вело переговоры от имени старшего кабардинского князя Камбулата Идарова и «от всех кабардинских черкас». Но во время переговоров выяснилось, что в Кабарде не было единства. Если в 1578 г. Идаровы действовали вместе с Кайтукиными и Таусултановыми, то на этот раз Шолох Таусултанов прислал в 1589 г. свое особое посольство, а Кайтукины вообще уклонились от сношений с Россией. Поэтому Камбулат вынужден был просить военной помощи против Кайтукиных и Таусултановых, служивших, по словам послов, крымскому хану и шамхалу и, продолжая политику Темрюка, добивался подтверждения своего старшинства в Кабарде, которое, очевидно, не все феодальные владельцы признавали. Камбулату снова была пожалована грамота с золотой печатью — на этот раз от имени царя Федора Ивановича.

В 1589 г. умер Камбулат Идаров, получивший от имени царя Федора Ивановича грамоту, которая подтверждала его старшинство. В Кабарде началась острая борьба за звание старшего кабардинского князя. По кабардинскому обычаю старших князей избирали на съездах поочередно из разных феодальных семей. На этот раз очередь была за Кайтукиными. В 1589 г. выбрали старшего из них — Асламбека, но когда он через год умер, выбрали его брата Янсоха Кайтукина.

Янсох созвал в Кабарде съезд, на который съехались Кайтукины и Идаровы с их узденями и «вся земля», т. е. старшины крестьянских кабардинских общин. На съезде было подтверждено подданство России.

В 1590 г. на месте старой крепости близ впадения Суэжи в Терек был построен русский острог, получивший название Сунженского.

Шолох Таусултанов придерживался протурецкой ориентации и не участвовал в съезде 1589 г. Между тем русскому правительству крайне важно было установить связи с Шолохом, владения которого находились на пути к Дарьялу. Однако переговоры с ним не дали ощутимых результатов.

Кайтукины и Идаровы обратились в Терский город с просьбой послать русских ратных людей против Шолоха. В 1589 г. против него был послан казачий голова Полтев с отрядом стрельцов, к которому присоединились дружины Кайтукиных и Идаровых. Тридцать поселений в Шолоховой Кабарде были разорены. Шолох дал в Терский город заложников — аманатов. Но и это не привело к объединению Кабарды.

По-видимому, к этому времени относится разделение Кабарды на Большую и Малую, которое окончательно утвердилось в XVII в.

Междоусобная борьба в Кабарде не затихала и в 1590-е годы. Звание старшего князя у Янсоха отняли силой. С русской помощью старшим князем попытался стать Мамстриук Темрюков. Это и вызвало трагическую гибель Мамстриука и его брата. Казый Пшеапшок убил их и увел своих узденей, крестьян и все население владения Темрюковичей на Кубань. Старшим кабардинским князем в конце XVI в. и в начале XVII в. был Шолох Таусултанов, не получивший утверждения из Москвы.

Постоянная междоусобная борьба князей ослабляла Кабарду и разоряла крестьян.

Последняя четверть XVI в. была временем наибольших успехов турецких войск в ирано-турецкой войне. Шахи Ирана искали себе союзников. Продвижение турок к Каспийскому морю, занятие ими Дербента, Шемахи и Баку затрудняли торговые связи Руси с Закавказьем, Ираном и Средней Азией. Поэтому русское правительство отозвалось на предложения Ирана о совместных военных действиях против турок на Кавказе, на просьбы Кахетии оказать помощь в борьбе против дегестанского шамхала, придерживавшегося турецкой ориентации, и поставить в Дегестане русские крепости.

В 1590-е годы и в начале XVII в. был предпринят ряд походов русских войск в Дагестан со стороны Астрахани и Терского города. Каждый раз русские воеводы стремились привлечь к участию в походах кабардинские отряды, что частично удавалось. Так, Мамстриук Темрюков со своими уорками участвовал в походах воеводы Засекина против шамхала в 1591 г. и воеводы Хворостинина в 1593—1594 гг., результатом которых была постройка на Кавказе третьей русской крепости у устья р. Койсу-Сулака.

В 1603 г. шах Аббас I возобновил прерванную было войну против султана, двинувшись в Закавказье с юга. В связи с этим в 1604—1605 гг. русские предприняли поход на Дегестан с севера. В походе участвовали значительные силы под начальством воеводы Бутурлина. К русским примкнул отряд кабардинского мурзы Сунчалае Янглычевича и чечено-ингушский отряд мурзы Батае Шихмурзина. Бутурлин овладел Тарками и укрепился там. Однако в 1605 г. к Таркам подошло из Шемахи турецкое войско, к которому присоединились отряды некоторых дагестанских и кабардинских феодальных владельцев. Бутурлин договорился с турецким пашой об отступлении из Тарков без боя, но это условие не было выполнено, и русские понесли тяжелые потери. Следствием этой неудачи был снос Сунженского и Койсинского острогов. В 1605 г. турецкий паша не пошел на хорошо укрепленный Терский город.

В конце XVI в. или в первые годы XVII в. под стенами Терской крепости возникло кабардинское поселение. В результате междоусобной борьбы в Кабарде в Терский город выехал служить родственник Темрюковичей Сунчалае Янглычевич Черкасский со своими узденями и зависимыми от них людьми. Они поселились около города в особой слободе, получившей название Черкасской, т. е. кабардинской. В дальнейшем Черкасская слобода стала играть важную роль в сношениях с Терским городом и его русским населением не только кабардинских феодалов, но и рядовых кабардинцев.

РУССКО-КАБАРДИНСКИЕ И РУССКО-БАЛКАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII в.

1. РУССКО-КАБАРДИНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В XVII в.

В XVII в. русско-кабардинские связи расширяются и крепнут. К этому времени относится и первое знакомство русских людей с населением балкарских обществ, завязываются деловые взаимоотношения русского правительства и северокавказской русской администрации с феодальными владельцами Балкарии.

Русско-кабардинские
отношения
в 1603—1614 гг.

В первые десятилетия XVII в. Русское государство было ослаблено крестьянской войной под предводительством Болотникова и польско-шведской интервенцией. На ряд лет прервались сношения Москвы с окраинными городами, в том числе с Терским городом и с Астраханью. Однако связи кабардинцев с Терским городом оставались прочными. Гарнизон русской крепости, не получавший продовольствия из России, закупал хлеб и другие продукты в Кабарде и Дегестане. Кабардинские князья продолжали сноситься с терскими воеводами и давали им заложников — аманатов.

Не получая обычных инструкций из Москвы, терский воевода Головин должен был принимать решения на месте. Он постоянно пользовался советами жившего в Терском городе Сунчалей Янглычевича. В 1613 г. в Астрахани обосновался сторонник уже погибшего тогда Лжедмитрия II Заруцкий, действовавший от имени вдовы Лжедмитрия Марины Мишкек и ее сына. Заруцкий пытался привлечь на свою сторону не только гарнизон Терской крепости, но и кабардинцев. Однако посланный от Заруцкого в Кабарду казак Михаил Черный был перехвачен в пути. Посоветовавшись с Сунчалеем, терский воевода Головин направил против Заруцкого стрелецкого голову Василия Хохлова с отрядом. Заруцкий вынужден был оставить Астрахань, и сношения московского правительства с Кабардой через Астрахань и Терский город возобновились.

Выехавший в Терский город еще в конце XVI в. кабардинский князь Сунчалей Янглычевич деятельно посредничал

в 1614—1615 гг. в сношениях присланных из Москвы доверенных лиц и терских воевод с феодальными владельцами Северного Кавказа. В результате его усилий последние подтвердили свое

русское подданство. В Кабарде приняли присягу старший кабардинский князь Шолох (из рода Таусултановых), представители Келехстаповых, Идаровы и Казый Пшеапшоков. Заслуги Сунчалаея высоко оценило правительство царя Михаила Романова. В 1615 г. Сунчалаей получил в Москве царскую грамоту, жаловавшую его «князем» над «черкасами и окочанами», т. е. над жившими в слободах Терского города выходцами из Кабарды, Чечни и Ингушетии.

Такого же содержания грамоты в течение XVII в. получали и потомки Сунчалаея Янглычевича (его сыновья Шолох и Муцал и внук Каспулат Муцалович).

Грамоты на княжение и щедрые царские пожалования деньгами и подарками свидетельствуют о видном положении Сунчалаея и Сунчалеевичей в Терском городе. В течение всего XVII в. они были посредниками в сношениях русского правительства и местной администрации не только с кабардинцами, но и с другими народами Северного Кавказа.

Сунчалеевичи постоянно бывали в Москве, где находили поддержку у кабардинских князей, служивших на Руси, влившись в ряды русского феодального класса и нередко занимавших видное положение в русском правительстве и при царском дворе. Среди них были: Дмитрий (Каншов) Мамстриюкович, внук Темрюка Идарова, возглавлявший в 1620—1630-е годы приказ Казанского дворца, управлявший восточными областями Русского государства; два внука Камбулата Идарова — Яков (Урускал) Куденетович и Иван Борисович, которые управляли в XVII в. приказами Большой казны, Стрелецким и Поместным; Григорий (Сунчалаей), сын Сунчалаея Янглычевича, был в 1660-е годы первым воеводой в Астрахани; внук Сунчалаея Михаил Алегукович занимал пост казанского воеводы в конце XVII в., а затем и влиятельное положение в правительстве. Князья Черкасские стали на Руси крупнейшими землевладельцами. Местоположение их обширных дворов в Москве отмечено названиями двух переулков, существующих и сейчас, — Большого и Малого Черкасского.

Терский город
и его значение
в сношениях
Москвы

с Северным Кавказом

Связи русского правительства с кабардинцами и другими народами Северного Кавказа и Закавказья осуществлялись через Терский город. Московское правительство заботилось об укреплении города, имевшего важное стратегическое, политическое и экономическое значение. Крепость располагала значительным гарнизоном.

Кремль Терского города был укреплен сосновыми бревенчатыми стенами с шестью башнями, внутри находились воеводский двор, приказная изба, церковь, три избы для аманатов-заложников от северокавказских феодальных владельцев; второе, внешнее укрепление состояло из «земляного города» — вала с башнями на проезжих воротах. На стенах и на валу стояло 39 пушек.

Около крепости находились слободы: Черкасская (кабардинская), укрепленная особым острогом, Окоцкая (чечено-ингушская), Татарская и Новокрещенская, насчитывавшие значительное население. В Черкасской слободе свои дворы имели некоторые кабардинские владельцы, приезжавшие сюда из Кабарды по разным делам. Когда в 1669 г. крепость переносили на новое место, из слобод переселили более тысячи дворов кабардинцев, окочан и восточных купцов.

Жители Черкасской и других слобод общались с русским военным населением крепости, а также с временно или постоянно жившими в городе русскими торговыми работными людьми, обслуживавшими рыбные промыслы и приходившие с Волги и с моря суда, холопами и крепостными крестьянами воевод и дворян, присланных в Терскую крепость на службу. Трудящиеся кабардинцы работали рядом с русскими и на пашнях в окрестностях города и при совместной ловле рыбы в протоках Терека или у острова Чечен на Каспийском море.

Геологические разведки в Кабарде и Балкарии В XVII в. экономические связи Кабарды с Русью хотя и медленно, но продолжали развиваться, чему способствовало торговое значение Терского города, ставшего центром обмена русских товаров на северокавказские. Однако экономические сношения Кабарды с Россией не ограничивались сферой торговли.

Развитие производительных сил и нужды обороны вызвали особый интерес русского правительства к поискам новых месторождений руд, особенно драгоценных металлов.

Кабардинцам и балкарцам издавна были известны выходы руд в Кавказских горах и искусство выплавки металлов, которое составляло профессиональную тайну специалистов-мастеров. В 1627 г. один из кабардинских феодалов, Идарович Пшимаха Камбулатович, добился у терских и астраханских воевод разрешения послать в Москву своего родственника Каншова Битемрюкова «с государевым великим делом». В Посольском приказе Каншов рассказал о том, что в горах близ Малой Кабарды находят руду, содержащую серебро и свинец.

В 1627—1629 гг. на Северный Кавказ была направлена экспедиция для разведки месторождения серебра. Каншов привез на Терек некоторое количество руды. Ее испытывали в присутствии воевод иноземные «рудознатцы». По их заключению,

Терский город 30-х годов XVII в.

руда содержала большое количество свинца и небольшое — серебра. Судя по показаниям Каншова, он знал выходы руд в Осетии, по рекам Ардону и Уруху, и в Балкарии, по рекам Череку и Псыгапсу.

Несмотря на принятые Каншовым меры предосторожности, слухи о приезде на Терек мастеров рудного дела разнеслись по Кабарде и Балкарии и вызвали волнения. Пшимаха и Каншов предупредили об этом воевод и разъяснили, что добывать и плавить руду в Кабарде и Балкарии можно только под охраной сильного военного отряда. Эти сообщения и результаты «опыта» руды охладили московское правительство, и поиски были прекращены.

В 1648—1649 гг. в Посольский приказ поступило из Терского города новое известие о том, что в Большой Кабарде много «селитренной земли» (селитра была нужна для производства пороха). Терские воеводы, узнав от кабардинцев, приезжавших на Терек, о селитре, послали в Кабарду «селитренного дела мастера». Тот дал самую высокую оценку осмотренной им «селитряной земли», сказав, что ее в Кабарде «гораздо много».

**Кабардинские
оружейники
в России.
Торговля оружием**

Кабардинцы занимались не только выплавкой металлов, но и металлообработкой. Особенно славились своим искусством кабардинские мастера-оружейники. Об этом в России знали. В 1660-е годы, во время войны Русского государства с Польшей за Украину, в Москву через Астрахань выписывали «черкас пансырного дела самых добрых мастеров да булатного сабельного дела сварщиков самых добрых мастеров»; в Астрахани они обучали своему мастерству местных ремесленников. Русские торговые люди привозили через Астрахань на Русь «черкасские» (т. е. кабардинской выделки) сабли, луки и стрелы. Но своего оружия в Кабарде не хватало, поэтому в Москве кабардинские владельцы закупали сабли, панцири, шлемы, паручи, наколенники. В 1631 г. Муцал Сунчалеевич просил разрешения купить и пищали, но получил отказ: русское правительство хорошо понимало, что именно огнестрельное оружие обеспечивало русским стрелецким отрядам перевес в столкновениях с северокавказскими конными дружинами.

2. ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАБАРДЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Русско-кабардинские связи в XVII в. развивались в обстановке постоянной междоусобной борьбы кабардинских князей; для этого времени характерна вражда не только между отдельными княжескими фамилиями, но и внутри этих фамилий.

Столкновения разгорались из-за звания старшего князя, из-за владения кабаками, населенными феодально-зависимыми крестьянами, из-за узденей, составлявших военную силу князей и мурз. В междоусобной борьбе враждующие группировки искали помощи вне Кабарды, нередко меняя внешнеполитическую ориентацию в зависимости от тех или

**Внутреннее
положение Кабарды
и политика России**

иных событий внутренней или международной жизни.

Уже летом 1614 г. посланцы Казыя Пшеапшокова просили у терских воевод военной помощи в борьбе против кабардинских князей Таусултановых. В эту междоусобную борьбу кабардинских князей были втянуты не только терские воеводы, выступавшие на стороне Казыя и его потомков, но и дагестанские феодалы, частью поддерживавшие Казыя, а частью — Шолоха Таусултана, а также и Большие Ногаи. Семена раздора сеял «гордый и беспокойный» князь Шолох. После его смерти (видимо, около 1616 г.) один из Идаровичей — Куденек, сын Камбулата, получил в Москве жалованную грамоту на звание старшего кабардинского князя, каким он был сначала признан и в Кабарде. Русское правительство и в дальнейшем стремилось удержать старшинство за Идаровичами, считая их русскую ориентацию твердой со времен Темрюка. После Куденека при поддержке московского правительства звание старшего князя пытался получить в 1624 г. его брат Пшимаха, а в 1631 г. — Идарович Нарчов Езбузлуков. Однако ни тот, ни другой не были признаны старшими в Кабарде. Борьба с Идаровичами временно объединила Казыевых и Шолоховых. Однако вскоре этот союз был нарушен. В 1641 г. Шолоховы выступили против Казыевых с сыновьями Куденека, с Большими Ногаями и дагестанским шамхалом Айдемир; из Терского города на помощь Куденековичам был послан с отрядом стрелецкой голова Артемий Шишмарев. Казыевы в свою очередь призвали на помощь Малый Ногай.

Битва произошла в июне 1641 г. на берегу р. Малки, левого притока Терека, и для Шолоховых и их союзников окончилась поражением. Кельмамет Куденеков, шамхал Айдемир, Артемий Шишмарев, а также многие кабардинские мурзы были убиты.

После того как выдача Идаровичу Нарчову царской грамоты не помогла ему получить признание в Кабарде, в Москве перестали оказывать влияние на смену старших князей и поддерживать притязания Идаровичей на это звание. Такая позиция русского правительства объясняется тем, что по сравнению с XVI в. соотношение сил различных феодальных группировок в Кабарде изменилось. Наиболее значительным в Кабарде стало владение Хотождуки Казыева и его двоюродного брата Алегуко Шеганукова.

Изменилась и позиция Сунчалеевичей. Если Сунчалей Янглычевич поддерживал в Кабарде своих близких родственников Идаровичей, то его сыновья старались сблизиться с Казыевыми. В столкновениях потомков Куденека с Казыевыми в конце 1630-х — начале 1640-х годов Муцал Сунчалеевич и его брат оказались на стороне Казыевых. Усиление Казыевой Кабарды учитывалось и русским правительством, которое, особенно с 40-х годов XVII в., стремилось установить с ее владельцами постоянные связи и удержать их в русском подданстве.

Политика шахов
Ирана
на Северном Кавказе

Обстановка на Кавказе в первой половине XVII в., как и в XVI в., оставалась сложной. До 1639 г. продолжалась война между Ираном и Турцией, в которой в этот период перевес был на стороне шахских войск. И той, и другой стороне важно было распространить во время войны свое влияние на Северный Кавказ. Шах Аббас I и сменивший его в 1628 г. Сефи I стремились установить связи с владельцами не только Дагестана, но и Кабарды, чтобы преградить крымско-турецким войскам путь через Северный Кавказ в Закавказье.

В 1610-е годы, в период крупных успехов шаха Аббаса в войне с Турцией и его опустошительных походов на Грузию, к нему посылали своих посланцев Шолох Тапсаруков и Казый Пшеапшонов, а мурза Мудар Алкасов из Клехстановых, несмотря на протесты других владельцев, ездил к шаху сам, был им «пожалован» и вернулся в Кабарду с небольшим отрядом шахских ратных людей. Владение Мудара было расположено неподалеку от входа в Дарьяльское ущелье, и по приказу шаха его кабаки были укреплены «надолбами», чтобы обеспечить шахским людям свободное пользование Дарьялом. В 1621 г. шах Аббас, а в 1630—1631 гг. Сефи пытались использовать выезжавшего к ним на службу крымского царевича Шагин-Гирея для постройки на Северном Кавказе нескольких крепостей. Зная о влиятельном положении Сунчалеевичей, шах Аббас вступил в брак с дочерью Сунчалая, сестрой Шолоха и Муцала.

В течение XVII в. взаимоотношения русского правительства с шахами Ирана оставались мирными. В Москве были заинтересованы в развитии торговли с Востоком по волго-каспийскому пути, а также в получении от шахов денежной помощи, в которой так нуждалась опустошенная во время интервенции московская казна. Но распространение шахского влияния на Дагестан и Северный Кавказ противоречило целям русской политики на Кавказе. Сношения Москвы с Грузией продолжались, грузинские цари — и кахетинский, и карталинский, и имеретинский, и владельцы Мегрелии — обращались в Москву с просьбами о помощи в их освободительной борьбе против Ирана и Турции. Связи Москвы с Грузией чаще всего осущест-

влялись через территорию Кабарды и при поддержке кабардинцев. Вот почему русское правительство, не разрывая с шахами мирных взаимоотношений, не допустило постройки Шагин-Гиреем крепостей на Северном Кавказе.

Но когда в 1651 г. на Сунже, недалеко от места впадения ее в Терек, на старом городище был восстановлен русский острог, шах Сефи счел, что это наносит ущерб его интересам. Не объявляя войны, он осенью 1651 г. двинул к острогу отряды войск, к которым по его приказанию присоединились и некоторые кумыкские владельцы. Против этого объединенного войска выступил Муцал Сунчалеевич с отрядом. На помощь ему подошли отряды из Терского города. Сунженский острог удалось на этот раз отстоять. Но весной 1653 г. осада острога объединенным ирано-кумыкским войском возобновилась и острог пришлось оставить. Его укрепления частью были сожжены, и острог больше не восстанавливался.

Политика Турции и Крыма на Северном Кавказе

Для Турции в период ирано-турецкой войны (первые десятилетия XVII в.) вопрос о Кабарде сохранял свое важное значение. По-прежнему крымские ханы по приказаниям из Константинополя посылали отряды для участия в военных действиях турецких войск, переправляя их на транспортных судах через Черное море в Синоп. В 1610—1630-е годы не раз предпринимались попытки провести крымско-турецкие войска северокавказским путем, но в XVII в. они уже не удавались из-за прочного положения Терского города и усилившегося на Северном Кавказе русского влияния.

Крымские феодалы в своей политике в отношении адыгов преследовали и собственные интересы: набеги на запададыгские племена и на кабардинцев сулили татарам богатую добычу — пленных, дань людьми, панцирями, аргамаками. В борьбе с этими набегами кабардинцы искали помощи у терских и астраханских воевод, а через них — у русского правительства, заинтересованного в укреплении своих позиций на Кавказе. Особенно важно для Москвы было сохранение подданства владений Алегуюко и Хотождуко, т. е. Казыевой Кабарды, часто подвергавшейся нападениям со стороны Крыма.

В 1615—1616 гг. предполагался поход турецко-крымских войск против шаха Аббаса через Северный Кавказ. Султан послал грамоты и жалованье и в Шолохову, и в Казыеву Кабарду. Крымский хан в 1616 г. вышел из Крыма с войском и стоял в Прикубанье, дожидаясь присоединения адыгейских и кабардинских отрядов и ногайцев. В Казыеву Кабарду пришло трехтысячное крымское войско. Эти приготовления вызвали ответные мероприятия шаха: его войско и отряды зависимых от него кумыкских владельцев подошли к перевозу через Сунжу; терский воевода также послал к Сунже ратных людей

с приказом стоять отдельно от шахских войск. В результате этого поход хана так и не состоялся.

Неудачные попытки военных походов крымских сил через Северный Кавказ повторялись и в последующие годы, каждый раз так или иначе затрагивая Кабарду. Русское правительство было обеспокоено и сношениями Алегуко с крымским царевичем Шагин-Гиреем, который взял в жены сестру Алегуки. В 1638 г., когда казаки заняли Азов, крымский хан направил своих послов с жалованьем в Казыеву и Шолохову Кабарду, в Малый Ногай и к дагестанским владельцам с приказанием готовить ратных людей к походу. Во время осады Азова турками и крымцами в 1641 г. с ними были отряды из Адыгеи и Кабарды.

Битва на Малке в 1641 г. временно прервала связи Терского города с Казыевой Кабардой. Боясь возмездия за убийство Артемия Шпшмарева, русских людей и кабардинских мурз русской ориентации, Алегуко и Хотождука отошли со своими людьми на запад, к Кубани, где крымское влияние сказывалось сильнее. В Москве приняли меры к тому, чтобы вернуть кабаки Казыевых на прежние места, ближе к Терскому городу. Муцалу Сунчалеевичу было дано из Москвы поручение вернуть Казыевых из-за Кубани и убедить их принести в Терском городе присягу. После длительных переговоров, в которых Казыевы ссылались на опасность разорения их кабаков крымскими людьми, в 1644 г. они вернулись в Кабарду, несмотря на угрозы крымского хана.

Русско-кабардинские
отношения середины
и второй
половины 1640-х годов

В 1645 г., после смерти царя Михаила Федоровича, терские воеводы приводили к присяге новому царю Алексею Михайловичу население Терского города, а также дагестанских и кабардинских владений. В Малую Кабарду был послан стрелецкий голова Иван Кошкин, в Большую — Борис Малыгин. Им удалось склонить представителей всех кабардинских владений принять присягу. Муцал Сунчалеевич деятельно посредничал в сношениях о принятии присяги шамхалом Сурхаем и другими дагестанскими владельцами.

С 1640-х годов русское правительство начинает вести более активную политику в отношении Крыма и в связи с этим стремится упрочить взаимоотношения с Северным Кавказом.

В 1646 г. в ответ на опустошительные набеги крымцев на Русь был предпринят поход против Крыма крупными силами под начальством воеводы князя С. Р. Пожарского и московского дворянина Ждана Кондырева. Пожарский должен был двинуться на Дон со стороны Астрахани для соединения с донскими казаками и Кондыревым. Предполагалось, что к нему присоединятся под начальством князя Муцала Сунчалеевича терские ратные люди, гребенские казаки, кабардинцы и окоча-

не слобод Терского города, а также отряды кабардинских и дагестанских владельцев, которым были посланы царские грамоты. В июне 1646 г. Муцал привел к Пожарскому на Дон отряд численностью до 1200 человек. 6 июля отряд Муцала участвовал в жестоком «свальном» бою с крымским царевичем Ният-Гиреем, потерпевшим поражение, и в боях с крымцами в начале августа. В результате похода татарские набеги на русскую землю временно прекратились.

Получив царскую грамоту о походе Пожарского, кабардинские князья Алегуко Шегануков и Хотождуко Казыев не послали ему своих ратных людей, но решительно отказали в помощи и крымскому хану. В 1647 г. Казыевы прислали в Москву послов с подтверждением подданства и с просьбой дать им из Терского города ратных людей против нападавших на них кумыкского мурзы Казаналпа и мурз Малой Кабарды. В 1652 г. Алегука приезжал в Терский город, подтвердил присягу и получил богатое жалованье.

3. РУССКО-БАЛКАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII в.

В 1620-е годы, во время организации экспедиции на Северный Кавказ для поисков серебряной руды, в Посольский приказ поступили сведения о «Балкарах», т. е. о Черекском ущелье. От кабардинцев стало известно, что «местом Балкары» владеют мурзы Апши и Айдабулла, племянники кабардинского князя Пшимахи Камбулатовича. Жители Балкарского ущелья находились тогда в зависимости от мурзы Большой Кабарды Алегуки Шеганукова.

Непосредственные связи русских людей с Балкарней завязываются в 1650-е годы благодаря развитию русско-грузинских отношений и освоению перевального пути через горы Большого Кавказа в Имеретию.

В 1650 г. из Москвы в Имеретию было направлено русское посольство во главе со стольником Толочановым и дьяком Иевлевым. В 1651 г., находясь в Терском городе, послы получили известие от кахетинского царя Теймураза о наилучшем маршруте — через кабардинские владения и через «Болхары», т. е. через Черекское ущелье. В Балкарнии в мае 1651 г. послы приняли балкарские мурзы Алибек, Айдабулла и Чеполов. Там Толочанов и Иевлев дождались присланных от Теймураза грузинских людей, которые проводили их через горы в ущелье Рюна и в Имеретию. На обратном пути осенью того же года послы снова побывали в Балкарнии.

Следствием посольства Толочанова было посещение Москвы в конце 1650-х годов сыном балкарского владельца Айдабуллы — Артутаем Айдабулловым. Артутай был едва ли не первым балкарцем, побывавшим в Москве.

4. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАБАРДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В 1654 г. произошло воссоединение Украины с Россией. Это событие привело к длительной русско-польской войне, тянувшейся до 1667 г. В Москве понимали возможность вмешательства в эту войну крымского хана по соглашению с польским королем (что в ходе войны подтвердилось) и принимали меры к тому, чтобы направить против Крыма

**Кабарда в период
русско-польской
войны**

отряды кабардинцев и других северокавказских народов и калмыков, которые с 1655 г. кочевали на правом берегу Волги. Весной 1654 г. на Северный Кавказ были посланы царские грамоты с распоряжением о подготовке к походу против Крыма с терским воеводой Лазаревым. Подобную грамоту получили в Кабарде и мурзы Казыевы. Им предлагалось собрать 1000 ратных людей. Хотождуко и Алегуко ответили, что дать войска им «мочи нет», по вместе с тем обещали присылать вести о «туреском и о крымском» даже в том случае, если окажутся «у крымского царя в неволе». Их нерешительность объясняется тем, что в то время в Кабарде находилась сестра Хотождуки, жена крымского хана, приехавшая с отрядом для сбора ясака.

В течение всей войны на русской службе находился кабардинец Яков Куденетович Черкасский, один из виднейших военачальников, руководивших военными действиями.

В 1665 г. Каспулат Муцалович по поручению из Москвы ездил к калмыцким тайшам для договора, а затем ходил со своими людьми, с калмыками и русским отрядом против Крымского ханства и разорил «новый крымский город».

**Участие кабардинцев
в русско-турецкой
войне
1670—1680-х годов**

Уже в конце 1660-х годов выяснилась неизбежность русско-турецкой войны. В 1666—1669 гг. в Константинополе бывали русские послы Тяпкин и Нестеров, которым турецкое правительство передало свое требование отказа России от Украины. Готовясь к войне, русское правительство в начале 1670-х годов предприняло ряд походов против Крыма. Как в эти годы, так и во время русско-турецкой войны 1676—1681 гг. отряды кабардинских, окоцких, терских людей и гребенских казаков принимали самое активное участие в военных действиях; русское правительство систематически использовало посредничество влиятельного кабардинского князя Каспулата Муцаловича Черкасского в сношениях с северокавказскими владельцами, с калмыцкими тайшами и на последнем этапе войны — в переговорах с крымским ханом. В свою очередь крымский хан в 1670-е годы усилил антирусскую пропаганду и в Кабарде, и в Дагестане.

В 1672 г. крымский хан вторгся в Кабарду. Начавшаяся эпидемия и падеж лошадей заставили его вернуться в Крым, но в Большой Кабарде хан оставил «салтана с воинскими людьми» для сбора ясака. Ссора между Мусостом Казыевым и Тенгизбием Алегуковым, начавшаяся в Большой Кабарде после смерти Алегуки и Хотождуки, облегчала крымское вмешательство. Больше того, в 1674 г. Мусост Казыев со своими людьми пытался уйти в Крым. Вмешательство Каспулата Муцаловича его остановило.

В 1672—1673 гг. Каспулат со своим отрядом и 10-тысячным калмыцким войском, посланным тайшой Аюкой, выступил против крымских войск и отбил у них «русский полон». В 1674—1675 гг. кабардинский отряд снова принял деятельное участие в походах против Крыма и Азова под начальством русских воевод. Не раз вызывали Каспулата и в Москву для обсуждения в Посольском приказе планов военных действий.

В начале русско-турецкой войны главные военные действия развернулись вокруг крепости Чигирин, на правом берегу Днепра. Летом 1678 г. Каспулат Муцалович с отрядом в 4 тыс. человек подошел к Чигирину и принял участие в упорных боях с крымско-турецкими войсками на стороне русских, пришедших на помощь осажденному в крепости гарнизону. Чигирин удержать не удалось, но турецкое войско было настолько ослаблено в боях, что в свою очередь оставило его, разрушив укрепления. Русское правительство оценило помощь Каспулата, пожаловав его осенью того же года правом таможенного сбора в Терском городе.

В 1679—1680 гг. отряд Каспулата Муцаловича присоединился к русским войскам, которые несли сторожевую службу на Левобережной Украине, у Чугуева и Харькова, оберегая эти места от набегов крымских феодалов. В 1680 г. по просьбе гетмана Ивана Самойловича Каспулат был направлен к Киеву для охраны переправ через Днепр.

Каспулат Муцалович принимал участие в предварительных переговорах между Русским государством и Крымом по заключению мирного договора, который был подписан в Бахчисарае в январе 1681 г. и утвержден султаном в марте 1682 г. Он оставлял за Россией Левобережную Украину и Киев, что означало крушение широких завоевательных планов султана.

Таким образом, сношения России с Кабардой и Балкарцией в XVII в. развивались в сложной международной обстановке. Русско-кабардинские отношения, укрепившиеся в течение XVII в., имели большое значение для судьбы кабардинского и балкарского народов, для исхода войн за воссоединение Украины с Россией и для политики России на Кавказе и на Востоке.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В XVIII в.

1. ТЕРРИТОРИЯ, РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

В XVIII в. Кабарда, как и прежде, занимала обширные пространства в бассейне Терека — примерно от р. Кумы на западе до р. Сунжи на востоке. Хотя на протяжении большей части XVIII в. кабардинцы почти неограниченно пользовались землями к северу от Черных гор, однако в интересах своей безопасности они предпочитали селиться поближе к горам, а отчасти и в горных ущельях, где были укрепленные «дворы» кабардинских князей и балкарские поселения.

**Территория
и расселение**

В середине XVIII в. в Большой Кабарде находилась основная часть кабардинских поселений — 74 деревни и 8 замков, обнесенных каменными стенами; в Малой Кабарде было 45 деревень и 2 замка.

Наибольшее число поселений Большой Кабарды располагалось по рекам Баксану (20 деревень и 5 замков), Нальчику (24 деревни), Чегему (10 деревень), Куркужину (9 деревень и 2 замка), Шалушке (6 деревень и 2 замка). На р. Кпшпек было два поселения, на Урухе, Гунделене и Малке — по одному. Особенно густо был заселен центр Кабарды. Здесь по Чегему, Шалушке и Нальчику сконцентрировалось на сравнительно небольшом пространстве почти две трети ее поселений.

Поселения Малой Кабарды располагались главным образом в западной ее части, по течению Терека (до впадения в него р. Малки). Здесь находилось 34 деревни и замок князей Гелехстановых. Центром этой части Малой Кабарды был Татартуп. В восточной части Малой Кабарды, вплоть до Сунжи, располагалось 11 деревень и замок князей Таусултановых.

Кабардинские поселения в XVIII в. не переходили на север за линию, образуемую хребтом Джинал и далее течением р. Малки до впадения ее в Терек, а затем правобережьем Терека до впадения в него Сунжи. Кабардинцы избегали селить-

ся в Пятигорье, древнем центре Кабарды, потому что здесь до заключения Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.) им угрожали нашествия крымских ханов. При любом вторжении крымских войск с Кубани в Кабарду район Пятигорья прежде всего оказывался под ударом. Поэтому население ушло из этих районов в бассейн Малки и Баксана. А жители некоторых кабардинских деревень были насильно уведены крымцами за Кубань. Лишь в конце XVIII в. их поселения снова появляются у Бештау. В начале XIX в. район Пятигорья был уже густо заселен кабардинцами.

Но если кабардинские поселения в XVIII в. сосредоточивались на сравнительно небольшой территории внутри Кабарды, то их угодья — пашни, сенокосы, пастбища и леса — занимали огромные пространства, удаляясь на многие десятки и даже сотни верст от поселений. К 1764 г. кабардинские земли простирались от р. Кумы и развалин старинного города Маджар вниз по течению р. Терека до урочища Мекеня, а также «на одной реке Тереку, ниже урочища Моздоку, приблизительно на 60 верст».

Жители Большой Кабарды пасли свой скот не только на Куме, но и в верховьях Кубани. В районе Пятигорья держали скот, систематически сеяли хлеб. Широкое использование земель в западной части Кабарды было возможно лишь при условии мирных отношений с Крымом, так как крымский хан постоянно держал на Кубани войска, которые в любой момент могли вторгнуться в Кабарду.

**Численность
и плотность
населения**

Численность населения Кабарды и Балкарии в XVIII в. была значительно большей, чем в первой половине XIX в. Если к 1753 г. в Кабарде насчитывалось 129 поселений (119 деревень и 10 княжеских замков), то через сто лет было лишь 108 поселений. Объясняется это тем, что в первые два десятилетия XIX в. в Кабарде повысилась смертность в связи с эпидемиями чумы и холеры. Сыграло роль также массовое переселение кабардинцев за Кубань в 20-х годах XIX в. после карательных походов А. П. Ермолова.

В первой половине XVIII в. в Большой Кабарде насчитывалось 8500 дворов. Если полагать, что в Малой Кабарде дворов было вдвое меньше, то их общее число для всей Кабарды составляло около 13 тыс. Так как кабардинцы в XVIII в. жили обычно большими семьями в 10—12 человек, то можно считать, что общая их численность достигла 130—160 тыс. человек. К концу XVIII в. число это увеличилось примерно до 165—200 тыс. человек. Росту населения мешали феодальные междоусобицы и нашествия крымских ханов.

Кабарда в XVIII в., несмотря на обширную территорию, занимаемую ею, была сравнительно плотно населена, и никаких

земельных излишков здесь не было. В 1769 г. русский офицер Гастоти, посланный в Кабарду для выявления свободных земель, где можно было бы поселить другие народы, доносил, что «все лежащие около Кабарды способные к поселению места... заняты селениями Большой и Малой Кабарды, почему к поселению других народов удобных мест не отыскалось».

Что касается Балкарии, то сведения о ней очень скудны. В XVIII в. балкарцы, как и прежде, жили на северных склонах центральной части Главного Кавказского хребта. Соседями Балкарии были: с севера — Большая Кабарда, с востока — Осетия, с юга — Сванетия и с запада — Карачай. Балкарские селения располагались в труднодоступных ущельях рек Баксана, Чегема, Черема. Во второй половине XVIII в. балкарцы поселились и в Баксанском ущелье. В 70-х годах XVIII в. (по данным А. И. Гюльденштедта) в четырех балкарских обществах насчитывалось 1560 дворов (семейств), в том числе в Балкарском — 1000, в Безенгневском и Хуламском — по 100, в Чегемском — 360. Если иметь в виду, что каждая большая семья состояла из 10—12 человек, получим число от 15 до 18 тыс. человек.

2. СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Отсутствие в XVIII в. в Кабарде излишних земельных угодий свидетельствовало о сравнительно высоком уровне хозяйственного развития кабардинцев. Что касается Балкарии, то и здесь

Причины
преимущественного
развития
скотоводства

все удобные земли полностью использовались населением. Однако из-за недостатка земли в Балкарии своего хлеба не хватало. Преимущественным занятием населения было скотоводство. Преобладание же в хозяйстве кабардинцев скотоводства объяснялось тем, что земледелие в XVIII в. не имело достаточных стимулов для своего развития. Внутренняя потребность в его продуктах ограничивалась в основном продовольственными нуждами населения Кабарды и Балкарии. Что же касается вывоза хлеба за пределы Кабарды, то и там спрос на него был в то время сравнительно невелик. По соседству с Кабардой в XVIII в. не было крупных городов или важных хлебных рынков, а везти зерно на большое расстояние при тогдашнем состоянии транспортных средств было крайне невыгодно.

Совершенно иначе обстояло дело с развитием скотоводства. На продукты скотоводческого хозяйства был значительный спрос как внутри Кабарды и Балкарии, так и на внешнем рынке. Скотоводство обеспечивало население основными продуктами питания, тягловой силой, давало сырье для большей части отраслей обрабатывающей промышленности, для изго-

товления одежды, обуви и т. д. В то же время продукты скотоводческого хозяйства кабардинцев как в сыром, так и в обработанном виде находили почти неограниченный сбыт на внешнем рынке, ценились они гораздо выше, чем продукты земледельческого хозяйства, почему и перевозка их на большие расстояния была выгоднее.

Хозяйство кабардинцев было хорошо приспособлено к экономическим потребностям того времени; оно отвечало не только внутренним нуждам, но и большому спросу на продукты скотоводства, существовавшему на доступном для кабардинцев внешнем рынке.

О размерах вывоза продуктов скотоводческого хозяйства народов Северного Кавказа можем судить по данным М. Пейсселя, французского консула в Крыму. По его сообщению, в 1750—1762 гг. из Черкесии через порты Таманского полуострова ежегодно вывозили от 80 до 100 тыс. центнеров мытой шерсти, 500 тыс. овечьих шкур, 200 тыс. пар бычьих рогов, 5—6 тыс. штук «прекрасной соленой кожи» крупного рогатого скота, 200 тыс. бурок, 100 тыс. кусков сукна, 50—60 тыс. суконных штанов, 5—6 тыс. черкесок. Следовательно, для обеспечения только экспортных нужд Черкесии должна была содержать в XVIII в. ежегодно значительное количество крупного рогатого скота и свыше 11 млн. овец. На долю Кабарды и Балкарии из этого количества можно отнести около 1 млн. овец. Шерсть горских овец отличалась своими качествами и высоко ценилась на внешнем рынке.

Эти данные не исчерпывали всего объема кабардинского и балкарского экспорта продуктов скотоводства, которые вывозились также в немалом количестве в русские города Северного Кавказа, в Закавказье, в Астрахань и во внутренние области России.

В этой связи особо следует остановиться на вывозе кабардинских лошадей. В Кабарду часто приезжали из соседних русских городов и казачьих станиц специально для закупки верховых лошадей. Постоянно покупали кабардинских лошадей и представители аристократической верхушки соседних народов Северного Кавказа (калмыков, кумыков, осетин, чеченцев, аварцев, лезгин и других народов Дагестана). В большом количестве лошадей кабардинской породы вывозили в Грузию, Иран и Турцию. Очень высоко они ценились в Крыму, откуда их затем вывозили в Польшу, Литву, Молдавию и Венгрию.

**Система
скотоводческого
хозяйства**

Благоприятные природные условия, навыки по ведению скотоводства, выработанные на протяжении многих поколений, упорный и целеустремленный труд кабардинцев и балкарцев дали возможность им вывести замечательную породу овец и одну из самых лучших в мире породу ло-

шадей. В основе скотоводческого хозяйства кабардинцев и балкарцев лежала система, которая давала возможность наилучшим образом использовать кормовые ресурсы и климатические условия трех природных зон — степной, предгорной и горной. Годовой цикл скотоводческого хозяйства начинался весной, когда скот впервые выгоняли из зимних стоянок (хуторов и кошей) на пастбища и степь. Степи Предкавказья представляли собой ценные весенние, осенние и отчасти даже зимние пастбища, так как скот здесь особенно овцы, в малоснежные теплые зимы мог добывать подножный корм до декабря включительно. Степи по Куме и за Терекком, которыми в XVIII в. пользовались кабардинцы, имели соленые озера, а также на многие километры были покрыты налетами поваренной и глауберовой соли. Это обеспечивало потребности скота в соли.

На весенних пастбищах отощавший за зиму скот довольно быстро поправлялся. С наступлением жары кабардинцы и балкарцы начинали перегонять скот поближе к горам. Такой перегон обычно начинался в конце весны (май), и к началу лета (июнь) уже весь скот находился в предгорных районах.

Пробыв в альпийской зоне июль и август, стада начинали спускаться с гор и в конце октября снова появлялись в степях, где находились до тех пор, пока не выпадал снег и не наступали морозы. С наступлением зимы они возвращались в предгорья, где для них были приготовлены зимние стоянки и запасы сена. Произраставшие здесь в XVIII в. в обилии ореховые и буковые леса и кустарники не только защищали мелкий рогатый скот от ветров и буранов, но и давали питательный корм (буковые орешки и лещина), а при недостатке кормов скот мог поедать молодые ветви и побеги. В зимнее время на кабардинские земли выгоняли свой скот на несколько месяцев и балкарцы.

Хотя отгонная система позволяла значительную часть года (9—10 месяцев) держать скот на подножном корму, кабардинцы и балкарцы в XVIII в. в широких масштабах вели заготовку сена, благодаря чему скот зимой обычно не испытывал недостатка в кормах. Покосные угодья находились в основном в предгорной зоне. Здесь же устраивались и зимовки для скота, поблизости от запасов сена.

Тщательная подготовка к содержанию скота в зимних условиях, заготовка для него достаточных запасов сена постоянно были главной заботой населения. Чтобы получать более высокий урожай трав, кабардинцы и балкарцы устраивали специальные каналы для орошения лугов. Важнейшее хозяйственное значение заготовки сена на зиму отмечается и в кабардинских и в балкарских аятах, которые предусматривали в числе

основных обязанностей крепостных крестьян соответствующие работы.

В XVIII в. овцеводство являлось ведущей отраслью скотоводческого хозяйства кабардинцев и балкарцев, составляя основу их благосостояния. Поэтому разведению овец они уделяли большое внимание, ни в коей мере не полагаясь только на благоприятные условия.

Крупный рогатый скот у кабардинцев и балкарцев составлял меньшую часть стада и уступал по качеству овцам. Коровы давали сравнительно мало молока, хотя и отличавшегося большой жирностью. Удельный вес его в общем балансе молочных продуктов был невелик, так как сыр, широко употреблявшийся в пищу, выделяли из овечьего молока; из коровьего же молока изготавливали только небольшое количество масла. В пищу мясо крупного рогатого скота также употреблялось в значительно меньшей степени, чем баранина. Большое значение имела кожа крупного рогатого скота, из которой выделялась обувь, конская сбруя и пр.

Важное хозяйственное значение имели волы и ишаки в горах, являвшиеся в XVIII в. единственным рабочим скотом, так как лошадей в Кабарде и Балкарнии в то время использовали только для верховой езды. Крупный рогатый скот был хорошо приспособлен к горным условиям. Особой резвостью отличались горские быки, которые в упряжке ходили быстрым шагом или даже рысью, мало напоминая своих тяжелых и неповоротливых собратьев с равнин.

Особыми заботами у кабардинцев издавна пользовалось коневодство. В основе его лежало табуное содержание, при котором лошадь круглый год и во всякую погоду оставалась на открытом воздухе. Делалось это для того, чтобы закалить лошадь, приучить ее ко всем невзгодам будущей походной жизни.

Земледелие

Широкое развитие в Кабарде и Балкарнии XVIII в. скотоводства не означало, что земледелие в то время не имело там жизненно важного значения. Посевы зерновых являлись в XVIII в. неотъемлемой частью сельского хозяйства и были необходимым условием нормального существования населения. Следует, однако, подчеркнуть, что земледельческое хозяйство кабардинцев, снабжавшее хлебом и балкарцев, особенно страдало от набегов крымских ханов и феодальных междоусобиц. Хлеб сеялся главным образом на равнине и при вражеских нашествиях в первую очередь уничтожался. Скот можно было хоть отчасти спасти, угнав в горы, а посевы хлеба, естественно, оставались в полном распоряжении вторгавшихся вражеских войск. Крымские ханы хорошо знали это уязвимое место кабардинцев и производили набеги на Кабарду, пока хлеб был еще не сжат. Бывало и так,

что, уничтожив хлеб на корню, крымское войско на следующую весну снова появлялось в Кабарде, чтобы затруднить кабардинцам новые посевы.

Основной полеводческой культурой у кабардинцев в XVIII в. оставалось просо. Оно лучше всего было приспособлено к распространенной в то время переложной системе земледелия, давая высокие и устойчивые урожаи. Просо было излюбленным хлебным злаком кабардинцев. Оно же шло на корм для верховых лошадей.

Характеризуя хозяйственную деятельность балкарцев в XVIII в., кабардинские князья Магомет Атажукин, Адильгирей Гиляхстанов и кумыкский владетель Хамзип в Коллегии иностранных дел в 1743 г. сообщили, что у них «родится пшеница, ячмень и местами овес, а просо не родится». По словам С. Броневского, балкарцы «упражняются в хлебопашестве и по причине малого числа удобных земель обрабатывают оные с рачительностью».

Пшеница в Кабарде и Балкарии в XVIII в. не получила широкого распространения вследствие своей низкой урожайности. Но в Кабарде, видимо, имелись значительные посевы полбы (*гъаша*), дававшей высокий урожай и выдерживавшей весенние и даже осенние заморозки, от которых пшеница обычно погибала. Кабардинцам в то время была известна только яровая пшеница, а климат тогда в Кабарде был значительно суровее. Поэтому если посевы пшеницы проводились ранней весной, им нередко угрожали весенние заморозки, если же поздней весной, — зерно не успевало созреть до наступления осенних холодов. Что касается проса, то его сеяли обычно поздно, — в мае, а убирали в сентябре и даже иногда в начале октября. Эти сроки подходили также для полбы и ячменя, которые, как и просо, не боялись осенних холодов.

Ячмень шел преимущественно на корм лошадям, и посевы его были сравнительно незначительными. Однако зимой в каждом кабардинском селении в XVIII в. наряду с запасами сена имелись и запасы ячменя. В конце века стали сеять кукурузу.

В XVIII в. в Кабарде продолжала господствовать переложно-залежная система земледелия, которая хорошо сочеталась с преимущественным занятием скотоводством. Земли, находившиеся под перелогом, использовались в качестве пастбищ и сенокосных угодий, которые в свою очередь время от времени распахивались под посевы зерновых культур. Долголетние залежные земли, приближавшиеся по плотности почвы и травянистости покрова к целинным, были трудны для вспашки и требовали применения тяжелого пахотного орудия и значительной тягловой силы.

На равнине, где главным образом производили посевы, землю пахали большим деревянным плугом с железным леме-

хом и резаком. Применение этого плуга, имевшего приспособление для регулировки глубины и ширины борозды, показывает, что техника пашенного земледелия у кабардинцев в XVIII в. находилась на довольно высоком уровне. Наличие достаточного количества рабочего скота позволяло обычно впрягать в плуг четыре пары волов и, таким образом, производить глубокую вспашку.

В Балкарии же, где земли находились почти постоянно под посевами и их даже удобряли, население пользовалось более легким пахотным орудием типа рало, впрягая в него одну пару быков. Однако в XVIII в. посевы в горных районах Балкарии производились редко и в небольших размерах. Жали серпами, а обмолачивали, гоняя по разложенным на току снопам быков, припряженных к доске, на которую наваливали тяжесть.

В XVIII в. кабардинцы занимались в небольших размерах и огородничеством, выращивая лук, морковь, свеклу, капусту, тыкву и арбузы.

Пчеловодство и охота

Обилие в Кабарде и Балкарии различного рода медоносных растений способствовало развитию пчеловодства. По словам современников, кабардинцы имели «знатные пчельники». Мед и воск являлись важнейшими статьями черкесского экспорта. Избыток этих продуктов постоянно вывозился и в Россию. Пасеки у кабардинцев и балкарцев, подобно их стадам, тоже передвигались весной и летом по вертикали: когда в степях и в предгорьях отцветали травы и пчелы оставались без взятка, пасеки перемещали в горы, на альпийские луга. Пчел держали в плетеных ульях, которые легко было перевозить.

В XVIII в. немаловажное хозяйственное значение для кабардинцев и балкарцев имела и охота. Из Черкесии вывозили волчьи шкуры, мех лисиц, куниц и другую пушнину. Пушнина значится в числе важнейших статей кабардинского вывоза в Россию.

Обрабатывающая промышленность

Обрабатывающая промышленность у кабардинцев и балкарцев в XVIII в. существовала в форме домашней промышленности, ремесла и мелкого товарного производства.

Разнообразные и широко развитые домашние промыслы, включавшие обработку шерсти, кожи и дерева, продолжали обеспечивать подавляющую часть потребностей крестьян и их феодальных господ в одежде, обуви, орудиях труда, средствах передвижения, домашней утвари, мебели, конской сбруи и т. п. Наряду с домашними промыслами были высоко развиты кузнечное, оружейное, шорное, ювелирное и некоторые другие ремесла. Специалисты-ремесленники, работавшие в основном на заказ, обеспечивали главным образом внутренние нужды населения Кабарды и Балкарии.

Характеризуя степень развития крестьянских промыслов у кабардинцев, С. Броневский писал: «Какие ремесленники потребны... для ограниченного круга их надобностей, те у них и есть, а именно: кузнецы, оружейники, седельники, скорняки, ремесники и серебряного дела мастера. Они последние наводят чернью с золотой насечкой на серебре и стали для конских уборов и других оружейных украшений на такой же образец и едва с меньшим искусством в отделке, как работают в Великом Устюге».

В Балкарии была отчасти развита и горнодобывающая промышленность. В 1732 г. в Коллегии иностранных дел были получены сведения, что балкарцы «сами делают серу горячую, порох, свинец и железо из руд находящихся в горах». С. Броневский также отмечал, что в Балкарии «из горы Карюшин-Тау (свинцовая гора), лежащей на полдень в вершинах реки Чегема, жители добывают свинцовую руду, из коей делают пули; умеют готовить селитру и продают порох; есть также у них железная руда, которую они плавят».

В XVIII в. все большая и большая часть изделий кабардинских и балкарских крестьян стала поступать на внешний рынок. Балкарские сукна, кабардинские бурки, башлыки, черкески, холодное оружие, седла, уздечки, отличавшиеся высоким качеством и прекрасной отделкой, пользовались большим спросом за пределами Кабарды и Балкарии. В результате соответствующие отрасли ремесла и домашних крестьянских промыслов начали отчасти превращаться в мелкое товарное производство.

Как отмечает В. И. Ленин, производство крестьянами продуктов промышленности в виде товаров, сбываемых на рынке, «кладет первое основание» отделению промышленности от сельского хозяйства, хотя промышленник на этой стадии в большинстве случаев еще не отделяется от земледельца¹. Ленин указывал, что развитие мелкого товарного производства в крестьянских промыслах идет параллельно с расширением рынка для сбыта их изделий, который постепенно охватывает целую область, страну, «а иногда даже и другие страны»². Именно такой процесс происходил в Кабарде и Балкарии в XVIII в., когда промышленные изделия кабардинских и балкарских крестьян стали распространяться по всему Северному Кавказу, России и другим странам.

Среди ремесленников существовала довольно узкая специализация, что способствовало развитию их профессионального мастерства. Так, например, кабардинские седла изготовлялись обычно мастерами четырех специальностей. Деревянную часть

¹ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 332—333.

² Там же, стр. 332.

делал арчачник (*уэнацлэ*), кожевенные принадлежности седла — подушки, тебеньки, ремни — шорник (*фаццлэ*), металлические принадлежности — кузнец (*гъуклэ*), серебряные и позолоченные украшения — ювелир (*дыццэки*). Ювелиры принимали также участие в украшении оружия, конских уборов, мужских поясов, достигнув в этом искусстве совершенства.

Русские и иностранные авторы единодушно отмечали, что черкесские (кабардинские) мастера и мастерицы производили превосходные изделия, которые служили образцом для других народов Северного Кавказа. Черкесские и прежде всего кабардинские оружейники и ювелиры, седельники и шорники, ткачихи и портнихи заслуженно пользовались широкой известностью за пределами своего края. Прочность и красота, легкость и удобство создавали славу всем их изделиям, начиная от убранства коня и кончая костюмом всадника, костюмом, который получил распространение на всем Кавказе. «В Персии и Турции и в других местах Азии вы найдете оружие более богатое, нежели в Черкесии, но с таким прекрасным вкусом обработанных там не увидите, — писал Хан-Гирей. — ...Серебряные изделия достойны удивления по прочности и чистоте отделки. Чернь и позолота, с величайшим искусством на них наводимые, превосходны в полном смысле этого слова и, что важнее всего, эта чернь и эта позолота почти никогда не сходит». Замечательного искусства достигли кабардинские и балкарские мастерицы в производстве галунов, в золотошвейных работах.

В XVIII в. славились здесь также мастера по выделке стрел, которыми продолжали пользоваться на всем Северном Кавказе наряду с огнестрельным оружием. Главными покупателями черкесских стрел были татары и ногайцы.

Кабардинские ремесленники, в особенности оружейники, нередко выезжали группами в несколько человек на заработки в соседние области Северного Кавказа и русские города Кизляр, Моздок, Астрахань и Черкасск, а также на Кубань. Так, в октябре 1764 г. атаман войска Донского сообщил в Коллегию иностранных дел, что им получено письмо от князя Большой Кабарды «через приехавшего сюда (т. е. в город Черкасск. — *Ред.*) для отправки работаю здешним казакам орудий, сабель и прочей поделки Исмаил Аджи с товарищи...»

3. ТОРГОВЛЯ

В XVIII в. внутренняя торговля в Кабарде и Балкарнии была, как и прежде, развита крайне слабо. Обмен между Кабардой и Балкарней заключался главным образом в том, что балкарцы выменивали у кабардинцев значительную часть необходимого им хлеба и покупали у них соль. Однако наличие в каждой

крестьянской семье традиционных видов домашней промышленности, отсутствие городов и крупных ремесленных центров сводили к минимуму обмен, на основе которого только и могла развиваться внутренняя торговля. О незначительной роли внутренней торговли в хозяйственной жизни местного населения свидетельствует и отсутствие в Кабарде и

Соотношение
внутренней и внешней
торговли

Балкарии в тот период собственной денежной системы. Зато в XVIII в. кабардинцы и балкарцы сделали большой шаг в развитии своей внешней торговли, вывозя значительную часть продукции овцеводства, коневодства, пчеловодства, охоты и различных отраслей обрабатывающей промышленности.

Среди товаров, которые совсем не производились в Кабарде и Балкарии и составляли здесь в XVIII в. важнейшую часть импорта, следует прежде всего назвать различного рода хлопчатобумажные, полотняные и шелковые ткани, а также выделанные кожи типа сафьяна, юфты и опойки. К числу товаров, которые производились в Кабарде и Балкарии в недостаточном количестве и невысокого качества, следует отнести ружья и порох. Их привозили из России и Крыма. Порох покупали также у грузинских и дагестанских народов. В XVIII в. кабардинцы и балкарцы импортировали все необходимое им железо, свинец и серебро. Добыча этих материалов, производившаяся отчасти кабардинцами и балкарцами в XVII в., была в XVIII в. почти полностью прекращена. При расширившихся торговых связях их оказалось выгоднее покупать. Свинец кабардинцы покупали у российских и крымских купцов, а железо — «у таврических народов». Во второй половине XVIII в. железо стало ввозиться в Кабарду главным образом из России; поступало оно и через Тамань, вместе со свинцом и оловом.

В XVIII в. в Кабарду и Балкарию ввозили также чугунную, медную и жестяную посуду, сундуки, хлопчатобумажные и шелковые нитки, иголки, бритвы, зеркала, женские украшения и многие другие предметы. Ассортимент товаров, ввозившихся в Кабарду, включал не только предметы первой необходимости, но и предметы роскоши. В числе этих товаров находились сафьян, фабричные ткани, сукна, шелковые ткани, крученые шелковые нитки, кисея для женских покрывал, румяна и белила, самшитовые и роговые гребни, шерстяные одеяла, купальные простыни, а также кофе мокко, рис, сушеные вишневые ягоды, маслины, перец, инжир и другие восточные продукты и пряности. Шелковые и хлопчатобумажные ткани, кисея, сафьян, восточные пряности, инжир и другие сушеные фрукты ввозились в Кабарду и Балкарию и из Закавказья. Оттуда же поступала серебряная и медная посуда, ковры, бисер, драгоценные камни, золото и серебро. Многие товары,

привозившиеся из Закавказья, были персидского, турецкого и индийского производства. Предметы роскоши были доступны лишь небольшой группе феодалов.

Во второй половине XVIII в. наблюдается оживление старинной дороги из Грузии по Дарьяльскому ущелью на Северный Кавказ, которая приобретает все большее и большее значение как кратчайший путь, связывающий Грузию с Россией. Поскольку выход из Дарьяльского ущелья находился в руках кабардинцев и дорога вплоть до Моздока, ставшего главным перевалочным пунктом русско-грузинской торговли, шла по территории Кабарды, ее оживление имело немаловажное значение для кабардинцев и балкарцев, усилив экономические связи Кабарды и Балкарии с Грузией и Россией. Балкарцы часто отправлялись через перевалы хребта для участия в ярмарках, происходивших в городах Грузии.

Товары из Закавказья продолжали поступать в Кабарду и Балкарию и через Дагестан, который и сам вел с Кабардой довольно оживленный товарообмен. Вместе с тем Кабарда и Балкария до конца XVIII в. сохранили значение связующего звена между Западным и Восточным Кавказом, между портами Черного и Каспийского морей. Правда, торговая роль пути от Тамани до Дербента во второй половине XVIII в. стала быстро падать в связи с ослаблением Крыма и Ирана.

Постоянную и оживленную торговлю кабардинцы и балкарцы поддерживали с Закубаньем, где жили их соплеменники беслапеевцы, темиргоевцы, бжедуги, жанесевцы, карачаевцы и другие народы, через земли которых они отправляли свои товары к портам Черного моря (прежде всего Тамани) и откуда получали крымские, турецкие и западноевропейские товары.

Однако в XVIII в. значение причерноморской торговли для Кабарды и Балкарии по мере усиления экономических связей с Россией падает. Решающую роль в этом сыграло появление по соседству с Кабардой русских городов и поселений. Основание Кизляра (1736 г.) и затем Моздока (1763 г.), вскоре превратившихся в важнейшие центры русской торговли с народами Северного Кавказа, имело первостепенное значение для кабардинцев и балкарцев, которые не только стали частыми посетителями этих городов, но и составляли значительную часть их жителей.

Кизляр и Моздок с момента возникновения начали оказывать большое экономическое воздействие на Кабарду и Балкарию, сделавшись во второй половине XVIII в. основным рынком сбыта местных продуктов и изделий, откуда они затем распространялись и в другие города России. Вместе с тем кизлярские и моздокские купцы стали главными поставщиками русских промышленных товаров, являлись частыми гостями

Рост торговли
с Россией

пе только в Кабарде, но и в горах у горских жителей. В 1745 г. атаман Гребенского войска в письме астраханскому губернатору отмечал, что и казаки по торговым делам часто ездят «в Кабарду и в горские жилища». Об этом же свидетельствовало письмо жительницы Моздока к коменданту Моздокской крепости о том, что она с мужем в 1780 г. ездила в Балкарию для закупки скота.

Во второй половине XVIII в. кабардинцам и балкарцам все реже приходилось отправляться для продажи своих и покупки русских товаров в столь отдаленные русские города, как Астрахань и Черкасск, которые прежде играли значительную роль в их торговле. Это существенно повысило выгоды от торговли для кабардинцев и балкарцев, так как теперь приходилось затрачивать намного меньше времени и средств на транспортировку товаров.

Возрастающее значение торговли с Россией объяснялось не только приближением русских городов в границам Кабарды и Балкарии, но и самим характером этой торговли, которая в наибольшей степени отвечала потребностям обеих сторон. Россия нуждалась как раз в тех продуктах местного хозяйства, которых здесь было в избытке, а взамен могла снабжать Кабарду и Балкарию теми товарами, в которых больше всего нуждались широкое племя кабардинского и балкарского народов.

На установившиеся оживленные и прочные торговые связи Кабарды с Россией указывал кизлярский комендант Н. А. Потапов, который, в частности, подчеркивал, что кабардинцы широко сбывают в русские пределы свои изделия. В 1764 г. Потапов писал о кабардинцах, что «весь торг состоит из собственного их рукоделия, яко то бурки, сукны серые, шитые кафтаны, шаровары, чулки, шапки, овчинные шубы, мед, воск, арбы и колеса аробные, что все возят в Кизляр и в казачьи городки и меняют на рыбу, соль, чугунные котлы, иглы и протчую мелочь, а в случае недорода — на пшеницу и пшено».

В Кабарду и Балкарию из России поступали исключительно промышленные товары, а вывозились главным образом продукты скотоводческого хозяйства, пчеловодства и охоты. В результате усилившегося торгового обмена с Россией эти отрасли хозяйства получили к концу XVIII в. дальнейшее развитие.

В отличие от торговли с Турцией, Ираном и другими странами Востока торговля с Россией доставляла прежде всего товары широкого потребления, а не предметы роскоши. Из России, например, ввозились хлопчатобумажные ткани и холст, железо, чугунные котлы, жестяные кувшины, кружки, ковши, иголки и т. п., тогда как с Востока поступали шелк, золото, серебро и драгоценные камни, богато отделанные оружие и

посуда; из России в годы недорода поступал хлеб, а с Востока — пряности. В то же время товары, вывозившиеся в Россию, охватывали широкий круг продуктов сельского хозяйства и изделий домашней промышленности и ремесла, тогда как в торговле с Востоком, а особенно с Турцией, наиболее ходким и ценным товаром были рабы, что делало эту торговлю фактором резко отрицательным, стимулируя непрерывные феодальные набеги и войны с целью захвата рабов.

Снижение пошлин Большая заинтересованность кабардинцев и балкарцев в торговле с Россией обнаруживается уже в середине XVIII в., когда местные князья начинают настаивать на отмене пошлин на привозимые их подданными в Кизляр и вывозимые ими оттуда товары. Дело в том, что учреждение в Кизляре пограничной таможни в значительной мере препятствовало развитию торговли. Помимо установленного чрезвычайно высокого тарифа, таможенные чиновники своими придирками, обложением пошлинами даже съестных припасов, привозимых местными жителями для собственного потребления, вызывали постоянные жалобы, справедливость которых неоднократно подтверждали кизлярские коменданты и астраханские губернаторы.

Размер пошлины, которая взималась за привозимые в Кизляр товары, был весьма велик (25 копеек с рубля). Такую же пошлину платили и за все покупаемые в Кизляре товары. Таким образом, в общей сложности пошлины составляли 50% торгового оборота. Кабардинцы, которые считали себя подданными России, были удивлены, что их торговля с Кизляром рассматривается таможенными чиновниками как заграничная, и требовали их отмены. Это заставило Коллегию иностранных дел сделать соответствующее представление Коммерцколлегии, в ведении которой находилась кизлярская таможня.

В ноябре 1764 г. состоялось решение правительства «о дозволении торговать в Кизляре кабардинцам и кумыкам без пошлин собственными их продуктами». И все-таки отмена пошлины на привозимые кабардинцами, балкарцами и другими народами товары не была полной. Дело в том, что, согласно указу 1764 г., беспошлинной продаже в Кизляре подлежали только сельскохозяйственные продукты (зерно, шерсть, мед, воск, масло и т. п.), а также скот и шкуры диких зверей. Все же изделия домашней промышленности и ремесла по-прежнему облагались пошлиной с той только разницей, что эту пошлину должны были теперь платить не местные торговцы, а покупатели этих товаров. Сохранялись пошлины и на товары, которые кабардинцы и балкарцы покупали в Кизляре и вывозили к себе, опять лишь с той разницей, что вывозную пошлину должны были платить продавцы товаров.

Естественно, что новый порядок оплаты пошлины вызвал большое недовольство кизлярского купечества и внес на первых порах даже дезорганизацию в налаженную уже торговлю с местным населением.

Кизлярское купечество пыталось в связи с новым порядком оплаты снизить цены на привозимые товары, чтобы компенсировать свои затраты на уплату пошлин. Но местные жители предпочитали увозить свои товары домой, чем продавать их ниже установившихся цен. Тогда кизлярские купцы повысили цены на продаваемые ими товары и таким путем принудили местных жителей оплачивать те самые вывозные пошлины, от которых их освобождал указ 1764 г.

Оживление торговли
во второй
половине XVIII в.

При всех своих недостатках указ 1764 г. сыграл определенную роль в развитии торгово-экономических связей кабардинцев и балкарцев с русским населением Северного Кавказа.

Северного Кавказа.

На основании этого указа они могли беспошлинно продавать сельскохозяйственные продукты не только в Кизляре, но и во всех русских поселениях Северного Кавказа, включая и Моздок, который быстро приобрел важное торговое значение. Кизлярским и моздокским купцам разрешалось покупаемые у кабардинцев в Кизляре и в Моздоке, а также и в самой Кабарде продукты продавать беспошлинно по всем русским поселениям Северного Кавказа. Только в случае, если эти продукты вывозились в Астрахань и дальше в Центральную Россию, они облагались пошлиной. Поскольку во второй половине XVIII в. с усилением колонизации края русское население Северного Кавказа быстро увеличивалось, естественно, происходило и соответствующее расширение рынка сбыта для продуктов кабардинского и балкарского сельского хозяйства.

Несмотря на сохранение ввозных пошлин на кабардинские и балкарские изделия, их ввоз во второй половине XVIII в. продолжал также систематически увеличиваться, поскольку они не встречали в то время на Северном Кавказе конкуренции со стороны изделий русской промышленности и удовлетворяли насущные потребности местного русского населения и прежде всего казачества (составлявшего в XVIII в. основную массу русских поселенцев Северного Кавказа) в одежде, оружии и конской сбруе.

Вместе с увеличением вывоза товаров в русские города в XVIII в. шло и увеличение ввоза русских промышленных товаров в Кабарду и Балкарию. Объем этой торговли неуклонно возрастал, несмотря на препятствия, которые возникали в результате колониальной политики царского правительства.

Конечно, царское правительство понимало значение торговли для привлечения на сторону России кабардинцев, балкар-

цев и других народов Северного Кавказа. Однако, стремясь взять торговлю с местными жителями под свой контроль и извлечь из нее выгоду в виде пошлины, оно наносило серьезный ущерб развитию экономических связей кабардинцев, балкарцев и других народов Кавказа с Россией.

Казалось бы, что после того, как Кабарда в результате Кючук-Кайнарджийского мира была воссоединена с Россией, отпадало всякое официальное основание считать торговлю с кабардинцами «заграничной» и облагать ее пошлиной. Однако царское правительство сохранило тот самый порядок обложения, который был установлен в 1764 г. Более того, приступив в 1777 г. к расширению линий военных укреплений на Северном Кавказе, оно отрезало этой линией кабардинцев и балкарцев от соляных озер, которыми они издавна пользовались, и заставило их покупать соль у частных торговцев и в казенных соляных магазинах или вывозить ее из озер с уплатой соответствующих пошлин. Таким образом, соль, которая в большом количестве потреблялась в скотоводческом хозяйстве, была превращена в главный предмет русской отпускной торговли. Это, конечно, искусственно сокращало возможность сбыта в крае русских промышленных товаров.

Большой ущерб развитию торговли в Кабарде и Балкарии наносили также феодальные разбои и междоусобицы, не прекращавшиеся в течение всего XVIII в. Чтобы обезопасить себя от грабежей, насилий и убийств, приезжавшие в Кабарду и Балкарию торговцы должны были заручаться покровительством кабардинских князей и балкарских таубиев, требовавших за это значительную плату. Кроме того, местные феодалы взимали со всех приезжих купцов особые пошлины, размер которых устанавливался ими произвольно. Однако выгода, которую приносила русским купцам торговля в Кабарде и Балкарии, с лихвой оправдывала все расходы. Вот почему в XVIII в. сюда все больше и больше стало приезжать купцов из Кизляра, Моздока, Астрахани и других русских городов, а значит, увеличивался и объем торговли.

Ежегодный оборот русско-кабардинской и русско-балкарской торговли в конце XVIII в. достигал 75 тыс. руб. и был по крайней мере в два раза больше, чем в 1762—1763 гг., когда он колебался примерно в пределах 30—33 тыс. руб.

Хотя русско-кабардинская торговля в XVIII в. уже занимала первое место во всем торговом обороте Кабарды, в целом торговля в рассматриваемый период делала лишь свои первые серьезные шаги в Кабарде и Балкарии и только начинала нарушать их вековую хозяйственную замкнутость.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА
В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ В XVIII в.

1. ОСОБЕННОСТИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В XVIII в. в Кабарде и Балкарии верховными собственниками земли, согласно адату, считались князья и таубии. Вся территория Кабарды была разделена между шестью княжескими фамилиями, ведшими свое происхождение от общего родоначальника Ишала. Социальные отношения Земли Большой Кабарды в начале XVIII в. находились во владении трех княжеских фамилий — Атажукских, Мисостовых и Джамбулатовых. К середине XVIII в. Джамбулатовы разделились на Бекмурзиных и Кайтукиных и, таким образом, в Большой Кабарде стало уже четыре княжеские фамилии. В Малой Кабарде земля принадлежала двум княжеским родам — Таусултановым и Гелехстановым (Мударовым).

Наряду с княжеской земельной собственностью существовала земельная собственность первостепенных уорков — тлекотлешей. Эти представители феодальной знати по своим земельным правам напоминали русских бояр-вотчинников. Как и князья, они владели землями целыми фамилиями. Земли передавались по наследству. При этом земельные владения первостепенных уоркских фамилий Кабарды находились под контролем княжеских фамилий, поскольку сами тлекотлешки были вассалами кабардинских князей. Феодальная собственность распространялась не только на пахотные участки, но и на сенокосные и пастбищные угодья.

Дробление фамильного землевладения в середине XVIII в. настолько усилилось, что даже родные братья не хотели иметь общих участков. Так, между сыновьями старшего кабардинского князя Арсланбека Кайтукина велись непрерывные ссоры за раздел отцовского земельного владения.

Таким образом, фамильная феодальная земельная собственность в Кабарде в первой половине XVIII в. разлагается и начинает уступать место малосемейной или личной собственности феодалов на землю.

Земля, которой пользовались общинники, принадлежала князю и он имел право «наделять или отбирать землю от своих одноаульцев». В вассальной зависимости от князей и первостепенных уорков находились другие группы уорков.

Класс феодально-зависимых крестьян (*пшитли*) подразделялся на несколько категорий, наиболее значительной из которых были юридически свободные общинники (*тлхукотлы*), зависимые от князей и уорков. По свидетельству немецкого путешественника П. С. Палласа, служившего в России в XVIII в., тлхукотлы в течение года были «обязаны работать на князя или знатного по три дня, для косьбы и для уборки дров, с их доставкой на дом. Они должны были сверх того давать один раз воз или семь мешков проса для каждого быка, которого те (феодалы.— *Ред.*) имеют. Каждый жених этого класса обязан также давать своему господину двух коров и двух быков». Кроме того, тлхукотлы были обязаны отбывать воинскую повинность, поскольку «всякий человек, способный носить оружие, должен сопровождать князя во время войны».

В своем быту тлхукотлы сохранили много элементов патриархально-общинных отношений, в частности, устойчиво сохранилась у них большая семья, состоящая из нескольких поколений родственников по прямой линии. Повинности крепостных крестьян, делившихся на ряд категорий, были значительно более тяжелыми, чем тлхукотлов. Самую низшую категорию кабардинского общества составляли рабы (*унауты*), находившиеся в полной собственности у князей и дворян.

Между кабардинскими князьями происходила ожесточенная борьба за землю и крепостных крестьян, приведшая в самом начале XVIII в. к образованию двух враждующих феодальных группировок — «Баксанской» и «Кашкатавской». В эту борьбу были втянуты и балкарские феодалы.

В Балкарии господствовали таубин: в Черекском обществе — Абаевы, Айдебуловы, Жанхотовы, Мисаковы, в Хуламском — Шакмановы, в Безенгиевском — Суншевы, в Чегемском — Балкаруковы и Келеметовы, в Баксанском — Урусбиевы, находившиеся, в свою очередь, в вассальной зависимости от кабардинских князей. Как и в Кабарде, между балкарскими владельцами происходила ожесточенная междоусобная борьба, они боролись и с кабардинскими князьями. Для успеха этой борьбы таубин строили крепости, замки, а местами целую систему оборонительных укреплений (укрепление Тотур-кала, «Замок Джабоевых», башня Ак-кала в Хуламо-Безенгиевском ущелье, башня Балкаруковых в Верхнем Чегеме, башни

Карча-кала в Балкарском ущелье и др.). В глубоких и неприступных ущельях располагались резиденции феодалов.

Как и в Кабарде, зависимое население балкарских обществ подразделялось на несколько категорий.

В XVIII в. в Кабарде и Балкарии происходило дальнейшее развитие феодальных отношений. Князья и таубии постепенно увеличивали феодальные повинности, требуя от крепостных не только продовольствие, но и отнимая их жен, детей и даже продавая их самих в рабство. Постоянно возрастающая алчность князей вызывала большое недовольство и сопротивление крестьян, росла «взаимная злоба и ненависть» между подданными и их владельцами.

**Бегство крестьян
в русские города**

Усиление в XVIII в. феодальной эксплуатации кабардинского крестьянства встречало с его стороны растущее сопротивление, важнейшей формой которого сделалось бегство в пределы России. Как известно, бегство крестьян от господ было в период феодализма одной из самых распространенных и массовых форм крестьянской борьбы с гнетом и произволом. Убежищем беглых кабардинских крестьян становились пограничные русские города и укрепления, игравшие большую роль в социально-политической жизни Кабарды и Балкарии того времени. Открывшаяся для кабардинских крестьян возможность в случае недовольства своими господами уйти в русские пределы и таким образом получить свободу сделала их более решительными в борьбе с угнетателями, еще больше обострила классовую борьбу в кабардинской деревне.

Поэтому уже с самого начала XVIII в. кабардинские владельцы неоднократно просили царское правительство не принимать бежавших от них крепостных и рабов. Царское же правительство было заинтересовано в увеличении населения существовавших и вновь основывавшихся русских городов Северного Кавказа, потому оно охотно принимало выходцев из Кабарды и других горских областей, предоставляя им земли для поселения и зачисляя их на военную службу.

Отказ от выдачи беглых крепостных мотивировался обычно ссылкой на то, что они приняли христианство. Кабардинские князья резонно возражали, что принятие христианства крестьянами происходило отнюдь не по причинам религиозного характера, а лишь для того, чтобы избавиться от крепостной неволи. Владельцы просили, «чтобы наших рабов и слуг не крестить и крещеных нам возвратить». Характерно, что этой просьбе князья придавали больше значения, чем просьбе о посылке русского войска для защиты страны от набегов крымского хана. Дело в том, что побег в Россию не только непосредственно избавляли все более возрастающую часть зависимых сословий от власти их господ, но, что было еще более важным, вызыва-

ли массовое неповиновение всего кабардинского крестьянства, которое видело в возможности уйти в соседние с Кабардой владения России перспективу своего поголовного освобождения.

Получив в 1718 г. категорический отказ Петра I выдавать беглых кабардинцев, крестившихся в православную веру, если только беглецы по совершили в Кабарде уголовных преступлений, кабардинские князья в 1720 г. снова обратились к царю с настойчивой просьбой не принимать беглых людей, подчеркивая, что бегство крестьян из Кабарды в русские города увеличивается: «подданные наши нахотные люди многие для своей свободы от нас убегают в Турки и в Астрахань и крестятся». В ответ на это письмо Коллегия иностранных дел по распоряжению Петра I направила астраханскому губернатору А. П. Волынскому указ о возвращении кабардинским князьям пекрестившихся беглых крестьян.

**Борьба феодалов
против бегства
крестьян**

В 30—50-х годах XVIII в., с основанием Кизляра и Моздока, бегство кабардинских крестьян от своих феодалов увеличилось. Чем ближе находились русские города к границам Кабарды, тем легче было крестьянам добраться до них и укрыться от погони своих господ, которые в случае поимки подвергали беглецов мучительным истязаниям и даже убивали их. Моздок, находившийся на расстоянии всего нескольких часов пути от кабардинских поселений, сделался наиболее притягательным пунктом для изнывавшего от жесточайшей феодальной эксплуатации крестьянства.

Массовые побеги кабардинских крестьян в Моздок вызвали серьезное беспокойство среди феодальной знати и явились одной из важнейших причин настойчивых требований уничтожить эту крепость. Когда эти требования царским правительством были отвергнуты, многие кабардинские князья и дворяне, бывшие до этого верными вассалами царизма, заняли резко враждебную позицию и пытались уничтожить Моздок силой. Попытка эта не имела успеха.

Тогда, стремясь затруднить крестьянам путь к Моздоку, князья надумали прибегнуть к массовому переселению своих подданных с Баксана на Куму и даже на Кубань. Для обсуждения этого вопроса 12 марта 1767 г. было созвано собрание всех владельцев Кабарды. Большинство из них во главе со «старшим владельцем» Касаем Атажукиным, однако, не рискнуло идти на открытый конфликт с Россией и отказалось от переселения на Куму, опасаясь, что это приведет к всеобщему восстанию крестьянства. Поэтому вопрос о переселении временно отложили. Решено было отправить специальное посольство в Петербург «с просительными письмами». До получения ответа предполагалось установить «в трех местах заставы... для воспрепятствования побегам».

Несмотря на эти меры, побег крестьян продолжались; классовая борьба обострялась, временами выливаясь в открытые выступления крестьян против князей и урков. К крупным крестьянским выступлениям этого периода относятся восстание под руководством Машуко, происшедшее еще в начале XVIII в., и восстание Дамалея в середине XVIII в.

Восстание крестьян
под руководством
Машуко

Тяжелое положение кабардинских крестьян усугублялось набегами крымских татар, разорявших деревни, угонявших людей и скот, облагавших Кабарду непосильной данью. В начале XVIII в. крымский хан Каплан-Гирей вторгся на территорию Кабарды и потребовал высокой дани, которую феодалы решили уплатить за счет крестьян. Крестьяне отказались от уплаты. Попытка князей и дворян заставить их уплатить дань крымцам вызвала восстание крестьянских масс, выступивших против своих князей и крымских завоевателей.

Крестьянское восстание, как свидетельствует народное предание, возглавил кузнец Машуко. Его отряд, скрываясь в горах, совершал смелые нападения на крымское войско и местных феодалов. Это вызвало гнев крымского хана, приказавшего схватить жен и детей непокорных крестьян и отправить в рабство в Крым. Борьба крестьян продолжалась несколько месяцев, пока феодалам не удалось убить мужественного руководителя крестьян Машуко. Народ назвал гору, где скрывался предводитель крестьянского отряда, его именем — Машуко.

Восстание
под руководством
Дамалея

Об этом крестьянском движении мы можем судить только по данным устного народного творчества. Полагают, что восстание произошло в 1754 г. Оно началось в районе между нынешним Чегемом II и Лечинкаем. К восставшим стекались крестьяне со всей Кабарды. Во главе народных масс стал тлхукотл Мамсырыко Дамалея, который еще до восстания выступил против владельца, стремившегося закрепить его. За это у дерзкого тлхукотла отобрали все имущество, а членов его семьи сделали холопами. Тогда Дамалея дал клятву до конца жизни бороться против угнетателей.

Непавиность крестьян к князьям и дворянам была настолько велика, что решено было бороться до полного уничтожения всех князей. Основным требованием восставших было ограничение произвола феодалов, восстановление старых народных обычаев, выработанных в Каратеко (местность в Кабарде). Часть же восставших требовала бороться за полное уничтожение всякого рабства и эксплуатации. Соорудив земляные укрепления для своей защиты, восставшие не раз переходили в наступление. Перепуганные владельцы стали искать защиты у мусульманского духовенства, с помощью которого они начали перего-

воры с восставшими. Князя, уорки и их агенты — служители ислама вынуждены были дать обещание ограничить феодальную эксплуатацию. Среди повстанцев начались разногласия, и восстание было подавлено, а его вождь Дамалей схвачен и убит.

2. КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Подавив восстание Дамалей, феодалы и не думали выполнять свои обещания, они продолжали эксплуатировать крестьян с еще большей жестокостью, продавать их в рабство.

Восстание
крестьян 1767 г.

Это снова обострило классовую борьбу в деревне, накалило политическую обстановку в Кабарде. Опять учащаются побеги от господ, подданные все чаще выходят из повиновения князьям и дворянам. Князья жаловались, что им «...невозможно никакого слова в противность как узденю, так и подвластному своему сказать, и угрожают побег учинить и жительство перейти в российскую сторону».

Находясь в крайнем затруднении и не зная, что предпринять, кабардинские князья и знатные уорки 11 апреля 1767 г. собрались на совещание, которое продолжалось десять дней. Было решено передать письмо кизлярскому коменданту с просьбой князей о возвращении беглых крестьян. Заручившись его поддержкой, они намеревались отправить послов в Петербург. Вместе с тем было решено после сева хлебов готовиться к переселению в июле на р. Куму или Кубань.

Попытка кабардинских князей переселить подвластных им крестьян на Куму привела к крупному восстанию в июне 1767 г. Около 10 тыс. восставших крестьян перешли к Тереку напротив урочища Бештамак, и здесь, между реками Малка и Терек, расположились укрепленным лагерем, построив мост и тем обеспечив себе возможность в любую минуту уйти за Терек, в русские пределы. Одновременно руководители восставших Калабек Кепов, Муса Пшиготижев и Марем Бичоев обратились за помощью и защитой к русскому командованию, так как кабардинские феодалы срочно собирали в районе р. Чегем войска «для захвата их к себе силою». Кизлярский комендант решил использовать восстание крестьян, чтобы помешать переселению кабардинцев на Куму или Кубань, и немедленно послал к восставшим майора Петра Татарова (кабардинца по происхождению), передавшего им, чтобы они «своих владельцев... не слушали... а, оставаясь в нынешних местах, надеялись бы непременно на здешнее защищение».

Видя, что на помощь восставшим крестьянам готовы прийти русские войска, князья вступили с крестьянами в переговоры. 26 знатных и влиятельных кабардинских князей и уорков во

главе с Касаем Атажукиным отправились в лагерь к восставшим уговаривать их вернуться в свои селения. Крестьяне, в свою очередь, ссылаясь на то, что князья и уорки стали нарушать существовавшие до этого обычаи и чрезмерно увеличили подати и повинности, потребовали:

1. Сохранить старый порядок, по которому крестьянин, поссорившись с господином, имел право перейти к другому владельцу и находиться у него до тех пор, пока хозяин не удовлетворит требований обиженного.

2. Сохранить старый обычай, согласно которому крестьяне имели право разводиться по своему желанию с женами. Крестьяне указывали, что теперь князья «удерживают у себя в холопстве» их жен даже тогда, когда крестьяне, разводясь, хотят отправить их к родственникам.

3. Чтобы пшнуорки «подать брали б с них умеренную, какову и прежде они платили».

Серьезность положения заставила феодалов пойти на уступки. Представители от князей и уорков вынуждены были пообещать крестьянам выполнить все их требования, подтвердить это присягой и дать письменное обязательство, а также заверить, что и все остальные владельцы «при Чегеме» тоже принесут присягу и дадут подписку. Крестьяне поверили клятвенным обещаниям и покинули свой укрепленный лагерь. Тогда оставшаяся часть депутатов во главе с князем Джанхотом Сидаковым разрушила мост через Терек, построенный восставшими, отрезав им таким образом путь на Моздок. После этого Джанхот Сидаков заехал к представителю русских властей майору Татарову и не без прописи заявил ему, что хотя он «чагар¹ и подзывал... во здешнюю сторону, но не предупел».

Так кабардинским князьям и на этот раз удалось сорвать начавшееся было всеобщее восстание крестьян Большой Кабарды. Удалось им также добиться и переселения части кабардинских селений на р. Куму.

Политика заигрывания царизма с «черным» народом

В обстановке войны с Турцией, начавшейся в 1768 г., кабардинская знать в 1770 г. снова обратилась к царскому правительству с просьбой уничтожить Моздок и не принимать в русские пределы беглых крестьян. В Петербург было отправлено специальное посольство из 15 уорков во главе с князьями Кургокой Татархановым и Джанхотом Сидаковым. На этот раз просьба о возвращении беглых крестьян была удовлетворена.

В грамоте Екатерины II, полученной кабардинскими владельцами 17 августа 1771 г., указывалось, что крепостные крестьяне принадлежат своим хозяевам, «составляя их доход

¹ Зависимые крестьяне.

своею работою и податью», т. е. еще больше укреплялась зависимость крестьян от их угнетателей. Грамотой также запрещалось кому бы то ни было укрывать беглых крестьян, предписывалось возвращать их господам.

Получив поддержку царского правительства, кабардинские феодалы стали с еще большей жестокостью эксплуатировать крепостных. Многие владельцы не только разоряли своих крестьян многочисленными поборами, но отнимали у них жен и детей, продавая их крымским татарам, турецким работорговцам.

Все это заставило крестьян усиленно добиваться сохранения прежнего порядка, по которому кабардинцы, ушедшие к русским, получали свободу. Они тайно посылали своих старейшин с жалобами на владельцев к астраханскому губернатору И. В. Якоби. Чтобы освободиться от угнетения князей и уорков, «черный кабардинский народ» заявлял о своем общем желании вступить в русское подданство.

Доведенные до крайности жестоким угнетением, кабардинские крестьяне в 1777 г. заявили И. В. Якоби, что, «ежели от России к ним благоговения не будет, то всех князей своих истребят и укроются в горы». Обеспокоенный таким заявлением, Якоби писал в Коллегию иностранных дел: «Я опасаясь, дабы они и в самом деле сего не учинили, а более сего, дабы не произошло смятения и бунту». Вместе с тем он доносил в Петербург, что строительство линии русских укреплений от Моздока к Азову, в результате которого по соседству с Кабардой появились десять новых военных укреплений, вызывает недовольство кабардинских феодалов. Подвластные же им крестьяне приветствуют устройство новой линии, видя в ней защиту от произвола господ, и поэтому владельцы не могли склонить их к нападению на возводимые крепости.

Это побудило И. В. Якоби обещать «кабардинскому черному народу» императорскую милость и испросить по этому поводу точных указаний. Он считал, что имеется много оснований, по которым кабардинские крестьяне заслуживают «желаемого ими снисхождения». Такая политика соответствовала и позициям «главного командира новозаведенной Моздокской линии» князя Г. А. Потемкина, который не раз указывал на необходимость поддерживать «черный народ» против владельцев с целью внутреннего ослабления Кабарды. Однако царское правительство, опасаясь усугубления недовольства кабардинских феодалов и обострения классовой борьбы, предписало кавказским властям не вмешиваться в отношения между владельцами и народом, являющиеся внутренним делом кабардинского общества.

В период антиколониальной борьбы кабардинского народа против царизма в конце 70-х годов XVIII в. царские власти

умело пользовались классовым антагонизмом в кабардинском обществе. Это дало возможность карательным экспедициям генералов Якоби и Фабрициана в сентябре 1799 г. сначала расправиться с феодальным войском, а затем обрушиться и на народное ополчение, выступавшее отдельно от князей и уорков и располагавшееся отдельным лагерем. Классовая рознь в кабардинском обществе была использована царскими властями и при приеме присяги на верность. Генерал Якоби в декабре 1779 г. взял сверх общей присяги особую присягу от кабардинского «черного народа», в которой последний обязывался в случае, если владельцы уйдут в другое место, «за ними не следовать, не повиноваться, отрекшись от зависимости, и предаться российской защите и повелениям».

Чтобы держать кабардинских князей в повиновении, в общую присягу кабардинцев был внесен специальный пункт, согласно которому «черный народ» имел право отходить от владельцев и поселяться в пограничных районах, если владельцы будут притеснять его непомерным повышением повинностей и требованиями переселяться в другие места вместе с ними.

Таким образом, фактически было сведено на нет данное грамотой Екатерины II обещание кабардинским феодалам не принимать впредь убегающих от них «холопов», если даже они примут христианство.

Такую же политику запугивания с «черным» кабардинским народом продолжал и Фабрициан, заменивший Якоби. В апреле 1780 г., беря с князей и уорков Малой Кабарды дополнительную присягу, он внес в нее особый пункт, в котором было сказано: «Владельцам и уздеям подвластный им черный народ не притеснять, излишних податей не требовать, а содержать точно на основании обычаев и учреждений от предков и отцов их; паче же всего их самих, холопов, жен и детей и имеющихся при них обоего пола холопов же, не только куда в чужие руки отдавать, продавать и дарить, но и к себе в дома не брать; а что пред сим за 2 года у них отнято, ныне возвратить, и за принесенную ими справедливую жалобу отнюдь упреков и мщений не чинить. Если же кто вопреки всего вышеописанного поступит, то должен лишиться своих холопов вечно».

Необходимость такого добавления объяснялась новым антифеодальным выступлением крестьян Малой Кабарды против владельцев Таусултановых, стремившихся переселиться с подданными в горы. Крестьяне не только отказались от переселения, но и принесли царским властям на Кавказе жалобу на своих владельцев «за разные насилия». Тогда-то в присутствии «избранных из черного народа стариков» князя и уорки Малой Кабарды вынесли приведенное выше постановление, продиктованное им Фабрицианом, и подтвердили его присягой. По су-

ществу эта довольно серьезная уступка в пользу крестьянства, сделанная малокабардинскими феодалами, была вырвана у них под угрозой всеобщего восстания крепостных.

Особенно широко использовал обострение классовой борьбы в Кабарде в интересах политики царизма назначенный в 1782 г. командующим войсками на Северном Кавказе генерал П. С. Потемкин. Сразу же после приезда на Кавказскую линию он стал выступать в роли «защитника» кабардинского «черного народа», считая такую политику лучшим средством держать владельцев «в некотором обуздании», так как феодалы ничего так не боялись, как побегов своих «холопов» в русские укрепления.

Оставляя просьбы кабардинских владельцев о возвращении их беглых крестьян без удовлетворения, Потемкин обещал свое покровительство нескольким кабардинским семействам, поселившимся близ Георгиевской крепости.

Твердо усвоив директиву князя Г. А. Потемкина о том, что «не худо держать» кабардинских владельцев и «подлый народ» «в некоторой друг ко другу зависти», П. С. Потемкин, ознакомившись с «холопским вопросом» в Кабарде, со своей стороны доносил князю Г. А. Потемкину, что это средство «есть одно самое действительное», «ибо народ большею частью ненавидит своих владельцев и не желает лучшего, как только б им позволить переселиться за нашими крепостями; я уверен, что к будущей весне большая часть оных переселится, ибо после того обнадеживания, которое я дал поселенным близ Георгиевской крепости, многие уже старики (т. е. старшины кабардинского «черного народа». — *Ред.*) ко мне являлись и просили отвода земель».

П. С. Потемкин старался искусственно усилить антагонизм между князьями и угнетенной массой «черного народа». С этой целью он решил воспользоваться набегами кабардинских феодалов на русские укрепленные линии. При этом ответственность за их грабежи он вваливал на весь народ, хотя знал, что виновными являются владельцы. Стремясь внушить крестьянам, что они в первую очередь пострадают от грабительских набегов своих феодалов на русские укрепления, Потемкин приказал кабардинскому приставу князю Уракову провести соответствующую агитацию через своих людей.

Так в Кабарде была начата большая и сложная провокация. Ураков, выполняя указания Потемкина, старался еще более разжечь народное недовольство. Русским офицерам, ездившим по кабардинским селениям, Ураков приказывал внушать крестьянским массам, что они «терпят убыток», уплачивают штрафы за набеги и разбои своих же владельцев и уорков, «дабы через сие не приметное им внушение обратить ненависть против своих владельцев».

Подрывная работа, проводимая в Кабарде князем Ураковым по приказу П. С. Потемкина, скоро дала свои результаты. Доведенный до крайности кабардинский народ предъявил своим владельцам ультимативное требование удовлетворить его за все

**Классовая борьба
в конце XVIII в.**

причиненные ему обиды. В середине декабря 1782 г. П. С. Потемкин получил из Кабарды сведения, что 13 декабря на состоявшемся «на Нальчике за Баксаном» общекабардинском народном собрании представители «черного народа» «публично в собрании входили в претензии на владельцев... угрожая, [что] если не будут во всем удовлетворены, то они разойдутся отчасти под защиту российского начальства, а отчасти к тем владельцам, кои будут поступать с ними великодушнее», и якобы владельцы «присягою подтвердили их во всем удовлетворять...»

Кабардинские владельцы, напуганные угрозами крестьян, пошли на известные уступки и дали присягу, что удовлетворят все их требования. Такой исход не устроил П. С. Потемкина, так как он менее всего желал действительного удовлетворения народных требований. Для того чтобы ободрить павших духом феодалов, Потемкин через Уракова стал внушать им, что они слишком «распустили чернь». В частности, Потемкин обвинял «старшего владельца» Джанхота Татарханова в том, что он «не имеет власти держать народ в повиновении».

Весной 1783 г. в Кабарде начались сильные волнения. Стремясь избавиться от гнета, кабардинский «черный народ» с наступлением весны стал массами переселяться на линию. Это настолько переполошило феодалов, что многие из них, чтобы сохранить крепостных крестьян, задумали переселяться за Кубань и в Грузию.

Между тем в 1785 г. в Чечне вспыхнуло крупное восстание во главе с Ушурмой, известного под именем Шейх-Мансура, направленное против политики царизма. Шейх-Мансур призывал всех горцев Терека начать «священную войну» против России. Выступление Шейх-Мансура проходило под религиозными лозунгами исламизма. Движение, начавшееся в Чечне, вскоре охватило соседние районы Дагестана (Кумыкию) и Кабарду. Недовольные усилением феодальной эксплуатации и политикой царизма, малокабардинские крестьяне примкнули к восстанию. Восстание горских народов было подавлено русскими войсками.

В конце XVIII в. усилилось недовольство народных масс активизировавшейся колониальной политикой царизма на Северном Кавказе. Оно особенно обострилось в связи с проектом 1786 г. о привлечении кабардинцев к военной службе. На сформированные из кабардинцев девять сотен не только возлагалась ответственность за охрану русских дорог и поселений на Кавказской линии, но они могли быть использованы и для подавления:

выступлений народных масс как против царизма, так и против князей и дворян.

Кабардинские крестьяне в 1794 г. подняли восстание против организованных царскими властями родовых судов и расправ в Кабарде. Выступления против новых судебных органов повторились и в 1795 и 1799 гг., но были подавлены царскими войсками.

Таким образом, дальнейшее развитие феодальных отношений в Кабарде и политика царизма в XVIII в. обострили классовую борьбу в кабардинском обществе. Наиболее ярким проявлением последней было восстание 1767 г., которое по организованности и четкости антифеодальных требований не имеет равных в истории антифеодальной крестьянской борьбы народов Северного Кавказа в XVIII в.

**КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ XVIII в.**

**1. КАБАРДИНСКИЙ ВОПРОС КАК ЧАСТЬ КАВКАЗСКОЙ
ПРОБЛЕМЫ В 1700—1739 гг.**

На рубеже XVII и XVIII вв. Кавказ продолжал оставаться, с одной стороны, яблоком раздора между Ираном и Турцией, а с другой — ареной русско-турецкого соперничества. По-прежнему властители Ирана старались утвердить свое владычество на Восточном Кавказе, чтобы обеспечить себе безраздельное господство в районе Каспийского моря, а турецкие султаны стремились расширить сферы своего влияния к востоку в Западном Закавказье и Прикубанье.

**Политическая
обстановка
на Кавказе
к началу XVIII в.**

Наместники Сефевидов старались раздвинуть северные границы владений своего повелителя до Терека. Турецкие паша рассчитывали овладеть всем Закавказьем, а также распространить с помощью крымского хана и ногайских мура свое влияние на степные народы, жившие между Кубанью и Волгой.

Существенное значение имел при этом переход в руки России устья Дона. Как раз на пороге XVII в. Россия по Константинопольскому договору 1700 г. с Турцией приобрела Азов и получила тем самым доступ к Азовскому морю. Это приблизило владения России к Кавказу и повысило заинтересованность русской дипломатии в кавказских делах. Если раньше сношения России с народами и правителями Кавказа осуществлялись через Астрахань и терские казачьи станицы, то теперь стали использовать и другой путь, проходивший вверх по долине Кубани. Это способствовало распространению политического влияния России среди адыгейцев, черкесов и кабардинцев.

В свою очередь Турция усилила активность в Крыму и на Западном Кавказе, стремясь помешать выдвижению форпостов России на линию Кубани и закрыть для нее междуречье Кубани и Терека, через которое проходили пути, связывавшие Предкавказье с Закавказьем.

Поскольку же Кабарда и Балкарция находились в междуречье Кубани и Терека, они неминуемо становились одним из важных объектов дипломатической и вооруженной борьбы между соперничавшими на Кавказе державами.

Усиление крымско-турецкой агрессии

Первые десятилетия XVIII в. ознаменовались в истории Кавказа резким усилением крымско-турецкой агрессии. Это было связано с внутренними событиями в Турецкой империи, повлекшими за собой общую активизацию ее внешней политики. В 1703 г. в результате очередного переворота, учиненного в Константинополе янычарами, султаном стал Ахмед III. Для пополнения опустошенной казны новый султан встал на путь завоеваний.

В 1704 г. Ахмед III, пользуясь трудностями России в связи с Северной войной, предпринял дипломатическое наступление, предъявив Петру I требование разрушить только что построенный русскими морской порт Таганрог и уничтожить русскую флотилию на Дону. Такой поворот во внешней политике Турции пробудил активность крымских и ногайских мурз. Они в свою очередь стали готовиться к новым походам в пределы Украины и Северного Кавказа. Крымский хан Каплан-Гирей в течение нескольких лет посылал на Кубань отряды для сбора дани, размещал в адыгейских селениях вооруженных татар, насильно заставлял местное население принимать ислам и всячески терроризировал народ. Не раз крымцы вторгались и в пределы Кабарды.

В 1707 г. Каплан-Гирей с большим войском вторгся в Кабарду. Он потребовал от кабардинцев выдать в знак безусловной покорности три тысячи юношей и девушек. Кабардинцы, как и прежде, не желали покориться захватчикам. Они оставили свои селения на равнине, укрыли семьи и скот в лесистых горах, а сами заняли выгодные для обороны позиции в ущельях. Каплан-Гирей стал готовиться к штурму этих позиций, но кабардинцы опередили его, прибегнув к военной хитрости. Они собрали около 300 ослов, привязали к каждому по две вязанки сена, ночью зажгли его и погнали ослов на неприятельский лагерь. По словам кабардинского историка Ш. Б. Ногмова, «ослы ужасным криком своим до того перепугали неприятеля, что он в беспамятстве и смятении стал рубить друг друга; с рассветом же стремительно бросились на них кабардинцы и совершенно их разбили, взяв много пленных и большую добычу».

Ханское войско отступило к берегам Кумы. Получив подкрепление, оно вновь вторглось в Кабарду, но опять было отброшено, на этот раз до Кубани. Здесь среди расположившихся лагерем крымцев распространилась эпидемия и многие из них умерли от болезни и голода. Всего погибло во время этого похода свыше 30 тыс. крымцев.

Продолжая политику своего предшественника, новый хан Девлет-Гирей напал на русские поселения в Нижнем Подонье и терроризировал своими набегами прикубанских адыгов. Под угрозой нового нашествия ханских полчищ продолжала жить и Кабарда. Одновременно Девлет-Гирей стал поощрять ногайских мурз совершать набеги на соседние казачьи станицы.

Набеги и нашествия крымских ханов, несли Кабарде разорение, обрекали ее на хозяйственный застой, а главное — расчищали путь в глубь Северного Кавказа еще более грозным завоевателям — турецким султанам. Вот почему борьба против усиливавшейся крымско-турецкой агрессии имела для народов Кабарды и Балкарии жизненно важное значение. От исхода этой борьбы зависело все дальнейшее национальное развитие кабардинцев и балкарцев.

Укрепление русско-кабардинских отношений

Нараставшая угроза со стороны Крымского ханства и стоявшей за его спиной Турецкой империи заставляла кабардинских князей искать более действенной военной помощи у русского правительства, с которым они поддерживали дружественные сношения уже в течение полутора столетий. В свою очередь и правительство России по мере расширения юго-восточных границ империи более пристально приглядывалось к событиям, происходившим на Северном Кавказе, и более внимательно выслушивало заявления представителей кабардинской знати.

Овладев Азовом и получив доступ к южным морям, Петр I неизбежно должен был заботиться о политическом и стратегическом обеспечении устья Дона со стороны Кавказа. Поэтому Петр I запрашивал азовского губернатора о кавказских горцах, в первую очередь имея в виду, разумеется, адыгейцев и кабардинцев, «похотят ли они с нами заодно быть».

Когда же летом 1711 г. разрыв между Россией и Турцией стал фактом и в Кубанские степи из Азова по приказу Петра I двинулся 9-тысячный отряд генерала П. М. Апраксина, чтобы рассеять скопления татарских и ногайских кочевников, готовившихся к нападению на донские станицы, в Кабарду отправился со специальной миссией особый уполномоченный царя Александр Бекович-Черкасский. Он происходил из знатного кабардинского рода князей Джамбулатовых, был капитаном русской гвардии и личным советником Петра I по восточным делам.

Установив политический контакт с соплеменниками, Александр Бекович сумел убедить некоторых кабардинских князей принять участие в русско-турецкой войне. Сохранились сведения о походе кабардинцев на Кубань против крымских татар летом 1711 г. Кабардинцы атаковали противника с востока, в то

время как русские войска под командованием Апраксина громилы его с севера.

В 1712 г. в Москву вернулся Александр Бекович-Черкасский. Вместе с ним из Кабарды прибыло посольство в составе 17 человек. Им был оказан радушный прием, многие из них получили награды. Кроме того, посольству была вручена грамота Петра I, в которой говорилось, что за храбрость и верную службу «мы... вам зело благодарны и в милости нашей вас никогда не оставим».

Кабардинский вопрос становился для русской дипломатии важной составной частью кавказской проблемы, от решения которой во многом зависело обеспечение для России доступа к южным морям.

Турецкое правительство понимало, что Кабарда и Балкария, где скрещивались важные стратегические пути из Прикубанья в Прикаспье, а также из предкавказских степей в Закавказье, имеют первостепенное значение для его захватнических планов. Султан Ахмед III, обращаясь к кабардинским князьям, упрекал их в отступничестве от ислама и призывал к борьбе против «гяуров» — русских за торжество мусульманской религии. Особенно негодовал он по поводу того, что кабардинцы вместе с русскими войсками сражались против полчищ крымского хана на Кубани.

Ссылки на общность религии не производили особого впечатления на кабардинцев, не являвшихся ревностными мусульманами. Они не очень охотно следовали догматам ислама, а еще меньше горели желанием участвовать в «священной войне» за его распространение. Поэтому кабардинские князья отвергли домогательства султана и заявили, что издавна находятся в подданстве России.

Кабардинцы не замедлили сообщить о новых угрозах турецкого султана своему «сроднику» Александру Бековичу, прося его ходатайствовать перед царем о военной помощи со стороны России.

Александр Бекович неустанно убеждал Петра I в необходимости укрепления русского влияния на Северном Кавказе и организации там местных сил для сопротивления крымско-турецкой агрессии. Особо подчеркивал он стремление Турции привлечь на свою сторону кабардинцев и кумыков для того, чтобы создать сплошной антирусский фронт на всем протяжении Северного Кавказа «от Черного моря... до самой границы персидския» и «так особливо край тот в волю свою привести и подданными учинить». Для предотвращения распространения турецкой экспансии на Северном Кавказе Александр Бекович предлагал направить туда опытного дипломатического представителя — резидента, способного объединить и сплотить разноплеменных «горских владельцев». Кроме того, он рекомен-

довал ввести в Кабарду и Северный Дагестан русские регулярные и нерегулярные, т. е. казачьи, войска.

В именном указе сенату в мае 1714 г. Петр I одобрил эти предложения и предписал своим советникам продумать вопрос о том, «каким образом лучше при нашей стороне удержать» владельцев Северного Кавказа. Однако от размещения на Кавказе русских войск царь воздержался. Затянувшаяся борьба со Швецией не позволяла дробить военные силы для таких операций. К тому же появление русских войск на Кавказе могло послужить поводом для новых конфликтов с Турцией, а в условиях незавершенной Северной войны это было для русской дипломатии весьма нежелательно.

Между тем угроза крымско-турецкой агрессии нарастала. Весной 1720 г. крымский хан Саадет-Гирей с большим войском вторгся в пределы Кабарды, опустошил ряд селений и потребовал выдачи четырех тысяч «ясырей» (рабов) и возмещения убытков, понесенных татарами во время неудачного похода Каплан-Гирея в 1707 г. Хан провозгласил старшим из кабардинских князей Ислам-бека Мисостова, лидера протурецки настроенной части кабардинской знати.

Сторонники русской ориентации укрылись в труднодоступном горном районе Кашкатау и пытались отклонить притязания Саадет-Гирея ссылкой на покровительство русского царя и свои вассальные обязательства по отношению к нему. Но крымские послы не без сарказма заметили: «Ваш-де государь далеко от вас», т. е. указали на нереальность надежд кабардинцев на военную помощь России.

Нашествие крымцев заставило кабардинских князей снова обратиться к русскому правительству за помощью. В послании на имя Петра I они просили «прислать неколикое число донских и терских казаков», подчеркивая при этом, что «они, донские казаки, от нас не в дальнем расстоянии».

Тревожное положение, создавшееся на Северном Кавказе в связи с новой волной крымско-турецкой агрессии, обеспокоило Петра I настолько, что он, несмотря на продолжавшуюся войну на Балтике, решил оказать помощь кавказским владельцам. Астраханскому губернатору А. П. Волынскому было предписано «оборонять кабардинцев от посягательств крымского хана яко подданных его царского величества».

Волынский много сделал для укрепления политического влияния России на Восточном Кавказе. Он интересовался и политической обстановкой в Кабарде, считая необходимым князей «в некотором, хотя малом, награждении содержать».

Получив от Петра I директиву относительно военной помощи кабардинцам в случае новых актов крымско-турецкой агрессии, Волынский в 1721 г. двинулся с небольшим отрядом на Терек, а затем и в расположенные за ним казачьи Гребенские

городки. Здесь он начал переговоры с кабардинскими князьями, стараясь выяснить причины разгоравшейся между ними усобицы, а также искал возможности сплочения сторонников русской ориентации. В донесениях, отправляемых Петру I, Вольтынский в самых мрачных красках рисовал положение, в каком оказались кабардинцы в результате многократных нашествий и набегов крымцев и междоусобиц, разжигаемых турецкими агентами.

Появление русского сановника, да еще с отрядом войск на Тереке, разумеется, подняло престиж кабардинских князей, придерживавшихся русской ориентации. Сначала князья Малой Кабарды, более тесно связанные с русскими гребенскими казаками, а затем и владетели Большой Кабарды, за исключением Мехмета Кургокина, принесли в присутствии Вольтынского присягу на верность России.

Лидер протурецкой группировки Ислам-бек Мисостов был арестован, а старшим князем провозглашен его племянник Арслан-бек, сторонник сближения с Россией. Таким образом, дипломатическая миссия Вольтынского, казалось, увенчалась полным успехом. «И тако государь, — писал он царю, — вся Кабарда ныне видитца под рукою Вашего величества».

Однако Кабарда продолжала испытывать постоянную угрозу со стороны Крымского ханства. Поэтому кабардинцы просили русское правительство воздвигнуть крепость в Кабарде и разместить в ней русский гарнизон. Эту просьбу поддерживал и Вольтынский. Однако события, связанные с так называемым персидским походом, отвлекли внимание Петра I от Кабарды. На первое место в комплексе политических вопросов, составлявших тогда кавказскую проблему, выдвинулся в 20-х годах XVIII в. дагестанский вопрос.

После развала Сефевидской империи в Иране возникла опасность поглощения всех ее кавказских владений Турцией. Россия не хотела допустить этого. «Нам крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже... турок тут допустить нам невозможно...», — заявил Петр I.

Занятие русскими войсками Дербента и Баку, а также переход под власть России всей прибрежной полосы Дагестана и Азербайджана заметно усилили влияние сторонников русской ориентации на всем Северном Кавказе. Кабардинцы приветствовали успехи России в Прикаспии и по мере сил способствовали им. Кабардинские князья Эльмурза Черкасский (младший брат Александра Бековича) и Асланбек Келеметов явились во главе вооруженных отрядов в лагерь русских войск, высадившихся в Дагестане, и участвовали вместе с ними в прикаспийском походе Петра I.

Крепость же, о постройке которой ходатайствовали через Вольтынского кабардинцы, была сооружена по приказу Петра I на

р. Сулак в Дагестане. Границы Кабарды и Балкарши все еще оставались не защищенными от вражеских нашествий.

**Обострение борьбы
за Кабарду между
Россией и Турцией**

Прикаспийский поход Петра I предотвратил захват Турцией Восточного Закавказья и распространение ее экспансии до берегов Каспийского моря. По Константинопольскому договору 1724 г. Турция признала приобретения России в Прикаспии, а Россия — права Турции на Западном Закавказье. Это привело к новой расстановке сил на Кавказе и одновременно открыло новую фазу в развитии русско-турецких отношений.

Укрепив свои позиции в Дагестане, Россия получила возможность оказывать более действенное влияние на ход событий в центральной части Северного Кавказа, населенной осетинами, кабардинцами и балкарцами. Дипломатические представители России в Константинополе стали более настойчиво выступать в защиту интересов кабардинского народа против домогательств крымского хана. В 1731 г. русский резидент в Константинополе Н. И. Неплюев дважды обращал внимание турецкого султана на приготовление крымцев к новому нашествию на Кабарду и требовал обуздать захватчиков. Турция в это время вела тяжелую войну с Ираном, и султан, стремясь избежать нового конфликта с Россией, обещал удержать крымского хана от военного нападения на кабардинские земли.

После окончания войны с Ираном Турция активизировала свою политику в районе Черного моря. Подстрекаемый султаном, Каплан-Гирей, вновь занявший ханский престол, напал на Кабарду, опустошил ряд крупных селений и разорил тысячи крестьян. Свои действия он оправдывал ссылкой на то, что кабардинские князья якобы издавна являлись его вассалами.

Стараясь противодействовать домогательствам крымского хана и его турецких покровителей, Неплюев первоначально утверждал, что Большая Кабарда всегда была «вольною», т. е. независимой от Крымского ханства. Однако затем он стал доказывать, что кабардинские князья не только не являлись вассалами крымского хана, но издавна находились в подданстве России.

Тогда турецкие сановники стали в свою очередь развивать тезис о «вольности» Кабарды, предлагая объявить ее нейтральной территорией. Идея нейтрализации Кабарды нашла поддержку и у французского посла в Константинополе Вильнева, который всячески пытался осложнить русско-турецкие отношения.

Таким образом, дипломатическая борьба за Кабарду обострилась и вскоре привела к открытому конфликту между Турцией и Россией. Нападение крымцев и турок на Кабарду вызвало в 1735 г. ответные действия русских войск против Азова, что послужило поводом к новой русско-турецкой войне. Кабардинцы приняли в этой войне активное участие на стороне России. Свы-

ше 2 тыс. кабардинских воинов сражались в рядах русской армии против крымцев и турок в Прикубанье и на подступах к Азову. Кроме того, кабардинские конники несли изнурительную патрульную службу, охраняя основную коммуникацию русских войск на Кавказе, — степную дорогу Кизляр — Астрахань.

**Вопрос о Кабарде
на Белградской
мирной конференции**

Кавказ был одним из театров войны, которая велась одновременно в Крыму и на Дунае. Сфера военных действий еще более расширилась, когда в войну против Турции вступила Австрия. В 1737 г. по предложению турецкого правительства уполномоченные воюющих держав встретились в украинском местечке Немирове для выработки приемлемых условий мирного договора. При этом русская делегация во главе с П. П. Шафировым настаивала на проведении будущей русско-турецкой границы по р. Кубани с тем, чтобы Кабарда была признана владением Русского государства.

Но Немировский конгресс не привел к соглашению, а в дальнейшем военные поражения Австрии и заключенный ею сепаратный мир с Турцией изменили стратегическую обстановку не в пользу России. В результате на завершившей войну Белградской мирной конференции русские дипломаты вынуждены были отступить от своей первоначальной позиции в кабардинском вопросе и согласиться с принципом нейтрализации Кабарды, давно выдвигавшимся турками.

Согласно статье 6 Белградского мирного трактата, подписанного в 1739 г., Кабарда провозглашалась «вольной» и должна была служить как бы барьером между владениями России и Турции. Обе империи обязывались не вмешиваться во внутренние дела кабардинцев, но получали право «по древнему обыкновению» требовать у них аманатов.

Нейтрализация Кабарды не отвечала ни государственным интересам России, ни потребностям самого кабардинского народа. «Вольная» Кабарда по-прежнему оставалась беззащитной перед лицом крымско-турецкой агрессии. Только увлеченные междоусобными распрями князья могли быть довольны созданным положением. Они получили свободу безнаказанно совершать грабительские набеги друг на друга, разоряя ни в чем не повинных крестьян. Для трудового же народа свобода без гарантии мира и безопасности не имела никакого значения. Широкие массы населения Кабарды продолжали стремиться к тесному единению с Россией. Их мнение выражали люди, подобные Джабаги Казаного, мужественному борцу против феодального произвола. Когда соотечественники спрашивали его, какой ориентации лучше придерживаться — русской или турецкой, он отвечал: «Зачем нам искать дальних родственников, когда у нас рядом добрый и сильный старший брат?» Добрым и сильным старшим братом называл мудрец великий русский народ.

2. КРУШЕНИЕ ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫХ ПЛАНОВ ТУРЦИИ НА КАВКАЗЕ И ПРИЗНАНИЕ ЕЮ КАБАРДЫ ВЛАДЕНИЕМ РОССИИ

В 1735 г. Русское государство из-за дипломатических просчетов тогдашнего руководителя внешней политики А. И. Остермана лишилось прикаспийских районов, приобретенных Петром I, и согласилось с турецким предло-

Русско-кабардинские отношения в период нейтрализации Кабарды (1739—1768)

жением о нейтрализации Кабарды. Однако русское правительство не хотело отказываться от всех своих позиций на Северном Кавказе. После вывода русских войск из Азербайджана и Дагестана вместо оставленной крепости Святого Креста (на Сулаке) в 1736 г. была сооружена русская крепость Кизляр, на этот раз в дельте Терека. Кизляр стал плацдармом России на Северо-Восточном Кавказе.

Активность русской дипломатии в отношении Кавказа заметно возросла при императрице Елизавете. Она в интересах русских помещиков стремилась расширить сферу крепостнической эксплуатации за счет освоения своих южных и юго-восточных степных окраин.

Новая императрица поощряла тех кабардинских князей, которые искали покровительства России. В 1742 г. она благосклонно приняла в Петербурге кабардинскую депутацию во главе с Мухаммедом Сидаковым, поздравившую ее с «восшествием на престол». Как всегда, кабардинцев заверили, что они в случае нападения крымцев «без защищения оставлены не будут».

Вслед за тем в Кабарду был направлен с отрядом в 400 солдат и казаков бригадир Петр Кольцов с весьма деликатной миссией — примирить враждовавших сторонников русской и турецкой ориентации. Выполнить это поручение Кольцов не сумел. Елизавете пришлось посылать с этой целью в Кабарду еще несколько эмиссаров. В 1744 г. туда отправился находившийся на русской службе грузинский царевич Бакар Багратиони, в 1750 и в 1753 гг. — майоры Барковский и Татаров.

Помимо переговоров с кабардинскими князьями, представители русского военного командования внимательно изучали Кабарду как один из важнейших районов Кавказского театра военных действий. В 1744 г. опытный геодезист Степан Чичагов составил подробную карту Большой и Малой Кабарды.

В результате настойчивых внушений русских эмиссаров и при их посредничестве кабардинские князья 23 октября 1753 г. заключили соглашение о прекращении междоусобиц. Это было известным успехом русской дипломатии, заинтересованной в консолидации кабардинцев для отпора крымско-турецкой экспансии в такой же мере, в какой Бахчисарай и Стамбул были заинтересованы в их разобщении.

Однако спустя некоторое время русско-кабардинские отношения вступили в полосу серьезных затруднений. Причиной этого явилось расширение русской кордонной линии на Тереке и строительство новой крепости Моздок в 1763 г. на восточной окраине кабардинских земель. Строительство русской крепости на кабардинской земле, о которой местные феодалы неоднократно просили в прошлом, теперь вызвало недовольство местных владельцев. Это объяснялось не только тем, что новый русский форпост перехватывал старинные скотопрогонные пути из Кабарды на притеречную равнину, куда кабардинцы направляли издавна свои стада в зимнее время. Главная причина заключалась в том, что Моздок стал притягивать к себе их беглых крестьян.

Русское правительство не только поощряло переселение кабардинцев в Моздок. На основании указа от 9 декабря 1762 г. каждому переселившемуся в пределы линии и принявшему христианство кабардинцу стали выплачивать единовременное пособие в размере от 5 до 11 руб. Вслед за тем кабардинцам и кумыкам было разрешено беспроцентно провозить для продажи в русские крепости и станции «разные вещи собственного их продукта... также скот».

В результате приток беглых кабардинских крестьян настолько увеличился, что в районе Моздока возникли целые кабардинские поселения. Естественно, что князья Малой и даже более отдаленной от Моздока Большой Кабарды не могли радоваться тому, что бегство их подвластных, поощряемое русскими властями, принимает массовый характер.

Уже на следующий год после основания Моздокской крепости кабардинские князья снарядили в Петербург специальное посольство с просьбой срыть укрепления Моздока и вывести оттуда русский гарнизон. Просьба была решительно отклонена русским правительством.

Недовольством, охватившим кабардинскую знать, тотчас воспользовались протурецкие элементы. Муллы стали призывать к единению мусульман под зеленым знаменем ислама, иначе говоря — к переходу под покровительство падишаха — турецкого султана. Крымский хан не преминул обратиться к кабардинцам с новыми посланиями, обещая им свою поддержку в борьбе против русских на Тереке.

Однако чем больше знать склонялась на сторону Турции, тем сильнее крестьянские массы Кабарды тяготели к России. Когда князья стали переселяться за Кубань на запад, то большинство их крепостных отказалось следовать за ними и устремилось на восток, на Терек. Как отмечал астраханский губернатор, «черный народ о подданстве Крыму и слышать не хочет». Более того, на попытки владельцев переселиться крестьяне ответили восстанием 1767 г.

Таким образом, борьба между сторонниками России и Турции в «нейтральной» Кабарде приобретала социальную окраску. Начавшаяся осенью 1768 г. новая русско-турецкая война покончила с тем состоянием неустойчивого равновесия, в каком почти 30 лет пребывала Кабарда. Вскоре же после начала войны султан Мустафа обратился к кабардинским князьям с призывом «быть в повиновении» и всемерно помогать крымско-турецким войскам действовать против русской армии на Северном Кавказе.

Ключук-Кайнарджийский мир и его значение для Кабарды

Россия в свою очередь тоже была заинтересована в привлечении кабардинских феодалов на свою сторону. Большинство кабардинских владетелей во главе с Джанхотом Сндаковым и Касаем Атажуккиным не польстилось на обещания султана и встало на сторону России. Лишь некоторые из князей и уорков заняли протурецкую позицию.

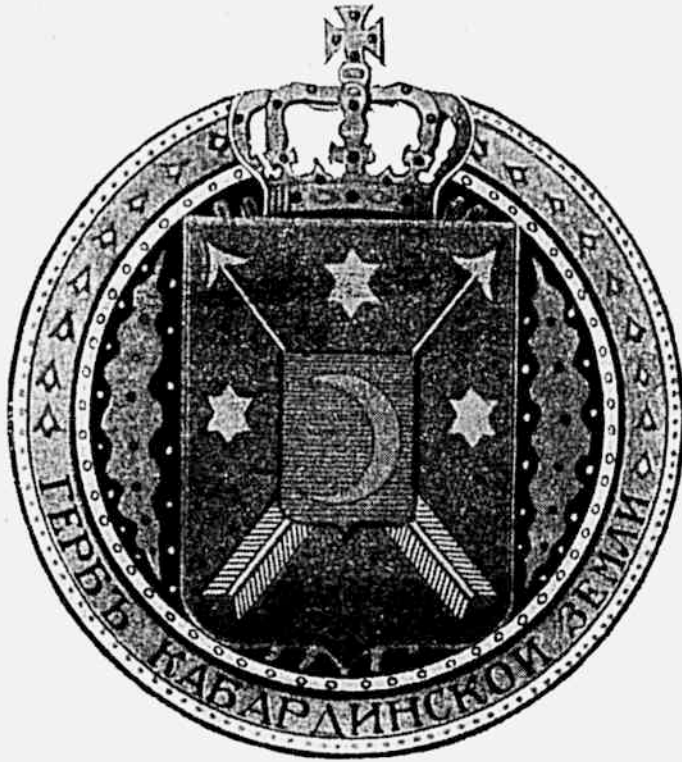
Что касается кабардинского крестьянства, то о его отношении к воюющим державам русские разведчики сообщали: «А народ явно говорит, если Кабарда отдастся под власть крымскую, они все напротив того передадутся к России».

Неудивительно, что все попытки клеветов крымского хана склонить кабардинцев к выступлению против России неизменно до самого конца войны терпели неудачу. Кабардинцы помогали малочисленным русским войскам, действовавшим в Прикубанье, доставляя необходимые сведения о противнике и предупреждая о движениях его отрядов. Это позволяло русским военачальникам своевременно подготовиться к отражению вражеских набегов.

После того как русские войска овладели Крымом и вынудили хана Селим-Гирея бежать в Турцию, один из очагов агрессии, угрожавшей Кабарде, был ликвидирован. По договору, заключенному русским правительством с новым крымским ханом Сахиб-Гиреем, Кабарда была признана состоящей «в подданстве Российской империи».

Однако уже в следующем году в Суджук-кале (ныне Новороссийск) высадился турецкий десант численностью до 8 тыс. человек, а на Таманском полуострове стал собирать свои полчища прибывший из Турции хан Девлет-Гирей. Летом 1744 г. объединенные силы турок и татар двинулись на восток и достигли р. Малки, создав непосредственную угрозу Кабарде. Один из отрядов татарской конницы, обойдя Моздок, даже напал на терскую станицу Наурскую, но был отбит населявшими ее казаками. После этого русские войска, вступив в Кабарду, разгромили вражеские полчища в Баксанском ущелье, избавив кабардинский народ от порабощения крымско-турецкими захватчиками.

Эти события произошли уже после того, как между Россией и Турцией был подписан 10 июля 1774 г. мирный договор в бол-

*Герб кабардинской земли (по книге В. Кудашева
«Исторические сведения о кабардинском народе»)*

гарской деревушке Кючук-Кайнарджи. Статья 21 Кючук-Кайнарджийского договора окончательное решение вопроса о политическом статусе Кабарды предоставляла крымскому хану, но, как было сказано выше, последний еще в 1772 г. по договору с русским правительством признал Кабарду владением России. Таким образом, признанный ранее ханом факт теперь лишь получил новое подтверждение в русско-турецком договоре. Иными словами — кабардинский вопрос был бесповоротно решен в пользу России.

В результате влияние России на Кавказе значительно усилилось. В подданство России поспешили перейти связанные с кабардинскими владетелями балкарские таубии и осетинские алдары. Следовательно, не только территория собственно Кабарды, но и соседние земли Балкарии и Осетии также оказались в составе России. Такой исход дела заметно укрепил позиции России в бассейне Терека, открыл ей прямой путь через перевалы Большого Кавказа в Грузию и сблизил ее с закубанскими адыгами.

Упрочив свое господство на Тереке, русский царизм мог приступить к заселению и освоению предкавказских степей путем

посаждения там дворянского землевладения и перемещения туда крепостных крестьян из внутренних губерний. Для охраны с юга новых обширных владений русского дворянства по предложению князя Г. А. Потемкина с

Вместе с русским народом против русского царизма

1777 г. началось сооружение сплошной кордонной линии от Моздока до Азова.

В 1783 г., с ликвидацией Крымского ханства, к России отошли его бывшие прикубанские владения, и р. Кубань была признана Турцией границей русских земель на Кавказе. В том же году в Георгиевске был подписан русско-грузинский трактат, согласно которому Восточная Грузия поступала под протекторат России. В связи с этим для обеспечения сообщений с Грузией русскими были построены крепости: в Осетии — Владикавказская (ныне г. Орджоникидзе), в Малой Кабарде — Григориполисская, а на окраине Большой Кабарды — Константиногорская (ныне г. Кисловодск).

После учреждения в 1785 г. Кавказского наместничества Предкавказье окончательно вошло в административную систему Российской империи. Центром наместничества стал сначала Екатериноград, а потом Георгиевск, расположенный на главном пути в Грузию, недалеко от северной границы кабардинских земель.

Переселение в Предкавказье русских и украинских крестьян, развитие рыночных связей способствовали оживлению хозяйственной деятельности и кавказских народов. Чеченцы, осетины, кабардинцы, балкарцы и другие народы охотно вступали в торговые сношения с русскими новоселами. Еще в 1780 г. по распоряжению царских властей были выделены три пункта для торговли — Екатериноград, Георгиевск и Ставрополь — в дополнение к известным ранее местному населению Моздокскому и Кизлярскому рынкам.

Однако продвижение к югу русских кордонных линий и расширение сферы военно-казачьей колонизации стесняло хозяйственную самостоятельность коренных обитателей края, лишая их зимних пастбищ в прикубанских и прикумских степях и пригодных для пашни земель в долинах рек. Кроме того, усилившийся военно-административный контроль со стороны царских военачальников и чиновников также отрицательно воспринимался вольнолюбивыми народами Северного Кавказа. Наконец, репрессии царской администрации против протурецки настроенных князей за их выступления вызывали большое недовольство даже среди сторонников сближения с Россией, так как ответственность за виновных, по принципу круговой поруки, несли и невинные.

Большое недовольство вызвали и меры генерала Медема, который после разгрома протурецки настроенных князей в долине р. Эшкакои в 1769 г. назначил для управления кабардинцами

пристава. Поэтому-то кабардинские князья, направляя своих депутатов в Петербург в 1769 г., настаивали не только на упразднении Моздокской крепости, возвращении беглых крестьян, но и на невмешательстве русской военной администрации (включая пристава Таганова) во внутренние дела Кабарды и Балкарии.

Но царское правительство и не думало отступить от Терека и вывести свой гарнизон из Моздока. Более того, в 1777 г. оно приступило к строительству новых кордонных укреплений между Моздоком и Азовом, что окончательно вывело кабардинских феодалов из терпения. Уже на следующий год они совершили ряд нападений на строившиеся укрепления Марьинское, Павловское, Георгиевское, Ставропольское. В ответ последовала новая карательная экспедиция в Кабарду, проведенная осенью 1779 г. генералом Якоби. На этот раз дело не ограничилось принесением повторной присяги. Якоби заставил кабардинцев уплатить в порядке контрибуции 10 тыс. руб., выдать более 2 тыс. лошадей, около 5 тыс. голов рогатого скота и свыше 4,5 тыс. овец. Такая контрибуция мало чем отличалась от военного грабежа. От поборов и постоев войск, разумеется, страдали не только и не столько князья и уорки, сколько трудовые массы.

Грубые военно-феодалыные методы, каких придерживались царские чиновники в ходе освоения вновь приобретенных территорий и в управлении подвластными народами, порождали недовольство и возмущение во всех слоях коренного населения. Поэтому на первых порах в выступлениях, направленных против царских властей, участвовали представители различных классов горского общества.

Стихийный протест кавказских народов, имевший тогда общенародную форму, пытались использовать в своих целях мусульманское духовенство, продолжавшее поддерживать связи с враждебными России зарубежными кругами. Оно стремилось сплотить народы Северного Кавказа под знаменем воинствующего исламизма во имя «священной войны» против «неверных» под руководством падишаха, т. е. турецкого султана. Именно такой характер пытался придать этому движению на Северном Кавказе связанный с турецкими пашами шейх Мансур Ушурма, провозгласивший себя имамом всех кавказских мусульман. В течение 1785—1787 гг. он активно действовал то в Чечне, то за Кубанью среди адыгов, организуя нападения на русские кордонные укрепления и проповедуя религиозную войну против России.

Участие кабардинцев в освободительной борьбе народов Северного Кавказа против царского колониализма не означало перемены в их отношении к международным проблемам того времени. Протестуя против насаждения царскими наместниками на Кавказе колониального режима и свойственных ему воен-

по-феодалным методам управления, кабардинский народ перед лицом новых международных конфликтов продолжал оставаться верным братскому союзу с русским народом, с которым он давно и навечно связал свою судьбу.

Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. девять кабардинских сотен сражались под командованием бригадира Горича в рядах русской армии против турок. Отряд кабардинских конников, возглавляемый Атажуко Хамурзиним, отличился при осаде и взятии Анапы. Кабардинцы не дрогнули и тогда, когда летом 1790 г. турецкий десантный корпус под начальством Батал-пашы двинулся вверх по Кубани к границам Кабарды в расчете на поддержку местных владельцев. Это помогло русским войскам разгромить корпус Батал-пашы на подступах к Кабарде. Таким образом, потерпела неудачу последняя попытка турецких пашей взять реванш на Кавказе и отторгнуть Кабарду от России.

По Ясскому миру 1791 г. Турция вновь подтвердила свое признание Кубани границей русских владений на Кавказе, а следовательно, и вхождение Кабарды и Балкаркии в состав России. С заключением же в 1798 г. русско-турецкого союза кабардинский вопрос вообще перестал существовать как международная проблема.

Такой исход вековой борьбы между Россией и Турцией за гегемонию на Северном Кавказе окончательно упрочил внешнею безопасность кабардинских и балкарских земель. Что же касается других, экономических и культурных последствий вхождения в состав России, то они сказались не сразу. Понадобилось также значительное время для того, чтобы кавказские народы смогли приобщиться к революционной борьбе русского народа.

Но в ту пору, когда они еще не имели тесного содружества с трудящимися России, их борьба против царизма способствовала подрыву его могущества и вливалась бурным потоком в общее русло освободительного движения народов нашей страны.

Любое мероприятие, усиливавшее власть царских чиновников, встречало сопротивление со стороны коренного населения Кавказа. Когда в Кабарде в 1793 г. были введены «родовые суды» и «расправы», поставленные под контроль моздокского коменданта, кабардинцы справедливо усмотрели в этом грубое вмешательство в установившийся на протяжении веков и освященный обычаями общественный порядок.

Князя Измаил и Адиль-Гирей Атажукины возглавили начавшееся в 1794 г. движение протеста против новой судебной системы, служившей интересам укрепления царского режима. Как свидетельствуют источники, в схватках с царскими войсками участвовало одновременно до 2 тыс. человек. Следовательно, это было массовое движение, сложное по социальному

составу участников, но единое по своей направленности против царизма.

Конечно, временное совпадение интересов различных классов не устраняло глубокой противоречивости этих интересов в отношении коренных вопросов социальной жизни, а потому не могло быть длительным. Князья и уорки понимали независимость как монопольное, ничем и никем не ограниченное право эксплуатировать подвластных им крестьян. Крестьянство же, напротив, борясь за свободу, имело в виду избавление не только от оков царизма, но прежде всего от феодального гнета. По мере нарастания антиколониального движения и обострения политической обстановки на Кавказе различия между устремлениями княжеско-уоркской верхушки и крестьянских масс выявлялись все с большей очевидностью. Все чаще случалось, что князья склонялись к примирению и сговору с царизмом, а крестьяне выступали не только против царских колонизаторов, но и против «своих» феодальных эксплуататоров. Но такие факты еще не были типичны для XVIII в. Они характерны для последующего периода истории Кабарды и Балкаркии, для первых десятилетий XIX в.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ В XVI—XVIII вв.

1. КАБАРДИНО-БАЛКАРО-ОСЕТИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Непосредственными соседями кабардинцев и балкарцев были осетины. Между ними с давних времен поддерживались экономические, политические и культурные связи. Решающую роль в укреплении этих связей играла земля. Осетины, жившие в горах, остро нуждались в земле и могли приобретать ее только у кабардинских феодалов, в руках которых находились северные предгорные равнины до самых входов в осетинские ущелья. Так, у входа в Дигорское ущелье находились владения кабардинских князей Мударовых, у входа в Куртатинское ущелье — Гиляхстановых и т. д.

Основы сближения
соседних народов

Поэтому, чтобы получить участок земли на равнине для пользования или поселения, необходимо было согласие кабардинских владельцев, которое оплачивалось натурой — скотом или рабами. Так в некоторых предгорных районах появились дигорские селения: Туганово — ныне Дур-Дур, Караджаево — ныне Хазнидон, Кет, Карагач и др. Прежде всего переселялись на равнину те осетинские феодалы, которые более прочно были связаны с кабардинскими (Тугановы, Кубатиевы, Караджаевы, Дударовы).

Такое, хотя бы и частичное, переселение осетин с гор имело для них исключительно важное экономическое значение, способствуя прежде всего развитию производительных сил. На равнине осетинские феодалы стали переходить к земледелию и затем расширять свои посевы с целью сбыта излишков продуктов на стороне.

Владельцев Кабарды и Осетии сближала и взаимная заинтересованность в пользовании горными пастбищами и степными просторами. Осетинские скотоводы нуждались в предгорных кабардинских зимних пастбищах, а кабардинские феодалы летом перегоняли свой скот в осетинские горные альпийские

луга. Это в свое время хорошо подметил путешественник Клапрот, который изучал Кабарду и Осетию в 1807—1808 гг. по заданию царского правительства. В те отдаленные времена сообща и мирно пользовались обширными горными пастбищами в ущелье Харес осетинско-дигорцы и балкарцы.

Значительную роль в укреплении связей между Осетией и Кабардой играла и торговля. Осетия XVI—XVIII вв., располагаясь в горах, оставалась сравнительно изолированной страной. Кабарда же поддерживала оживленные торговые связи с Россией, Турцией, Крымским ханством и другими странами. Поэтому Осетия, не имея непосредственных связей с Россией, приобретала через Кабарду необходимые товары и продукты. Она сбывала в Кабарде скот, шерсть, сукно и т. д., получая взамен ткани, железо, соль, хлеб, сушеную рыбу и т. п. Клапрот писал: «Дигорцы не могут обходиться без Кабарды, получая оттуда соль, а в неурожайные годы — просо, а неурожай в их возвышенной стране — обыкновенное явление».

Большую роль в сближении кабардинцев, балкарцев и осетин сыграл Моздок, в котором уже в 1792 г. проживало более 200 новокрещеных осетин и значительное число кабардинцев.

Экономическая зависимость части осетинских обществ от Кабарды привела к установлению вассальной зависимости части осетинских феодалов (*алдар* и *баделят*) от кабардинских князей. Эта зависимость установилась, очевидно, к XVI в. Так, в статейном списке московского посольства Михаила Татищева, направлявшегося в Грузию (1604—1605 гг.), говорится, что «осетинцы бывали за Айтек-Мурзою Черкасским, да от него отложились». Об этом свидетельствовало и посольство Никифора Толочанова и Алексея Иевлева в Грузию в 1650 г.

Этот вассалитет был прежде всего классовым союзом феодальных верхов Кабарды и Осетии, направленным против кабардинского и осетинского крестьянства. Зависимость отдельных осетинских обществ от князей Кабарды не была постоянной и устойчивой, нередко она носила чисто номинальный характер, а некоторые осетинские общества вовсе не испытывали этой зависимости (Наро-Мамисонское, Зарамагское, Стырдингорское и др.).

В основе установления вассальной зависимости части осетинских феодалов от кабардинских князей лежали и политические мотивы. Кабардинские владельцы, опираясь на осетинские верхи, получали подати с осетинских обществ. Что же касается алдаро-баделят, то они стремились укрепить свое положение с помощью кабардинских сеньоров.

Размеры повинностей, которые несли некоторые осетинские общества в пользу кабардинских князей, определялись степенью зависимости. В Дигорин, например, феодалы которой были бо-

лее тесно связаны с кабардинскими князьями, дань слагалась из поаульных и подворных повинностей. С каждого дигорского аула в XVII в. взымалось десять баранов или быков, раб и хорошая лошадь, а с каждого двора — овца с ягнёнком, по четвертику пшеницы и проса. Исправно получая дань, кабардинские феодалы не вмешивались во внутренние дела осетинских обществ.

Каждый из осетинских феодалов в подвластных ему селениях собирал установленные повинности для себя и для сюзерена и обязан был оказывать сюзерену военную помощь. Помогали своим вассалам и кабардинские князья. Такой тесный классовый союз феодалов обеспечивал и тем и другим максимальную эксплуатацию осетинских и кабардинских крестьянских масс. Нередко кабардинские князья посылали в то или иное осетинское общество одного из своих узденей. Его пребывание у осетин было выгодно обеим сторонам: осетинам гарантировало известную безопасность от нападений в период, когда они по хозяйственным делам выходили из ущелья на предгорную равнину, где хозяевами были кабардинские феодалы, а кабардинским владельцам облегчало сбор податей с осетин.

Союз кабардинских, балкарских и осетинских феодалов укреплялся через аталычество, а также путем заключения взаимных браков. Осетинские феодалы охотно женились или женили своих сыновей на дочерях кабардинских уорков первой степени или же выдавали за них собственных дочерей.

Общность классовой борьбы

В противоположность классовому союзу кабардино-осетинской верхушки постепенно сложился другой, более мощный союз — кабардинского, балкарского и осетинского крестьянства, которое совместно вело борьбу против своих угнетателей. Это наглядно проявлялось в период восстания дигорских крестьян в 1781 г.

Осетинские баделяты накануне и в ходе восстания искали поддержки не только у кабардинских князей, но и у балкарской знати. Но надежды баделят не оправдались. Вместо ожидаемой ими поддержки от балкарской знати пришел балкарский отряд во главе с Бекби на помощь восставшему дигорскому народу. Это изменило соотношение сил в пользу восставших, и баделяты капитулировали. Народные массы временно взяли верх.

Общность классовых интересов и классовой борьбы крестьянских масс Кабарды, Осетии и Балкарии проявлялась и в других формах. Многие беглые крестьяне, кабардинцы и балкарцы, скрывавшиеся от преследования феодалов, находили приют и убежище у осетинских крестьян, и наоборот.

Таким образом, несмотря на феодальный гнет и на вассальную зависимость отдельных осетинских обществ от кабардинских князей, отношения между этими соседними народами

развивались и укреплялись. Общность социальных интересов и классовой борьбы являлась основой дружественных отношений между осетинским, балкарским и кабардинским крестьянством.

Культурные связи В истории многовековых взаимоотношений братских кавказских народов весьма благотворными были результаты культурного взаимовлияния. В материальной и духовной культуре кабардинцев, балкарцев и осетин это прогрессивное взаимовлияние прослеживается довольно четко, и прежде всего в одежде, обычаях, застольном этикете, особенностях жилища, языке и т. д. В осетинском языке, например, много кабардинских слов, а в кабардинском — слов, заимствованных из осетинского языка. Не меньше общих слов в балкарском и осетинском языках.

Социально-экономические, политические и культурные связи осетинских и кабардинских феодалов повлекли за собой и религиозное влияние. Магометанская религия в Осетию проникла прежде всего из Кабарды, а затем из Дагестана. Мусульманство усваивали главным образом алдаро-бадеяты, что же касается крестьянских масс, то они в большинстве своем были и остались христианами.

Разносторонние связи между Кабардой, Балкарией и Осетией с конца XVIII в. и особенно с начала XIX в. стали значительно расширяться и укрепляться.

2. СВЯЗИ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ С ЧЕЧНЕЙ И ИНГУШЕТНЕЙ В XVI—XVIII вв.

Восточными соседями кабардинцев были чеченцы и ингуши. Связи их имеют глубокие исторические корни. Они установились, видимо, еще в XIV в., когда горные чеченцы и ингуши в поисках земли для пастбищ и земледелия стали переселяться ближе к Тереку и Суиже и основали там первые чеченские селения Парчхой и Юртаул.

Возникновение совместных поселений

Постепенно в течение веков в бассейне Терека образовались смешанные поселения из чеченцев, кабардинцев и ингушей. Надтеречные бильтоевцы (несколько чеченских сел) сами называли себя «гебертой» (Кабарда).

Ингушская народная песня «О князе Мусосте и Сурхо Адиевиче» повествует, что кабардинский князь Мисост, переселившись на правый берег Терека, «заложил аул на земле ингушей». Кабардинцы с чеченцами жили также в деревне Брагуны, основанной в XVI в., в Герменчуке, Шали. Наряду с кабардинцами и кумыками чеченцы и ингуши жили и в Давлет-Гиреевской деревне и в Новом Юрте, расположенных недалеко от станции Червленной. Особенно многочисленным кабардинское население было в сел. Шали, куда в результате феодаль-

пой междоусобицы вынуждены были переселиться некоторые малокабардинские владельцы со своими подданными.

В свою очередь значительное число чеченцев и ингушей жили в кабардинских селениях, на землях Бековича-Черкасского и Таусултановых, расположенных между Эльхотовым и реками Курном и Терекон. В одном сел. Псидахо проживало 664 чеченца (166 дворов), а в сел. Гайтнев и Эльджаруков — 416 человек (164 двора). Беглые крепостные крестьяне и кровники из Чечни и Ингушетии находили убежище в кабардинских и балкарских деревнях. Предки многих нынешних кабардинцев и балкарцев являются выходцами из Чечни и Ингушетии.

Кабардинское и балкарское крестьянство всегда видело в лице своих соседей — чеченцев и ингушей — надежных друзей, к которым они могут уйти в любое время. В начале XIX в. 160 дворов уорков и крепостных крестьян Кабарды ушли в Чечню. Спустя несколько лет крепостные крестьяне шести малокабардинских сел, подвластных князю Бековичу-Черкасскому, недовольные жестокой эксплуатацией, восстали и угрожали переселением в Чечню.

Кабардинцы, балкарцы, кумыки, аварцы, чеченцы и ингуши жили и в предместье Терского города, Сунженском остроге. В крупном поселении около крепости Святой Крест (заложеной в 1722 г. на северо-востоке Дагестана) насчитывалось от 200 до 300 фамилий кабардинцев, кумыков, чеченцев и других горцев. Много было их в Кизляре. В квартале Новокрещеных жили ногайцы, кумыки, кабардинцы, чеченцы, ингуши, в Окопирском — кумыки и выходцы из Чечни и Ингушетии, в Черкесском — кабардинцы и т. д. Совместная жизнь в одних и тех же деревнях, крепостях и городах способствовала укреплению их дружбы и разносторонних связей.

Экономические связи

Разнообразные связи Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией имели экономическую основу. Жители горной Чечни и Ингушетии с давних времен пользовались равниной в бассейнах Терека и Сунжи, где они весной и осенью пасли свой скот, заготавливали сено, распахивали участки под посевы. Острая нужда в пастбищах и пахотных угодьях и явилась важнейшей причиной переселения чеченцев и ингушей на равнину. Они освоили между Терекон и Сунжей значительную площадь удобных земель, которые прежде использовались только под пастбища. Освоение этих земель имело важные положительные последствия. У той части чеченцев и ингушей, которые переплыли на равнину и близко соприкасались с Кабардой, быстрее развивались производительные силы и феодальные отношения.

Чеченцы и ингуши, оставшиеся в горах, в какой-то мере были изолированы от жизненных центров. Это вело к развитию торговых связей. Кабардинцы и балкарцы сбывали в Чечне и

Ингушетию мед, воск, просо, ячмень, арбы, колеса к ним и другие деревянные изделия, бурки, седла и т. д., а чеченцы и ингуши поставляли кабардинцам и балкарцам фрукты, пшеницу, строевой лес и т. д. Кабардинцы выменивали у чеченцев и ингушей на хлеб порох и огнестрельное оружие. Оживленную торговлю кабардинцы, чеченцы, балкарцы и ингуши вели также на рынках Моздока и Кизляра.

Усиленно торговли и притоку народов Терека в Моздок и Кизляр способствовал и быстрый рост мануфактурной промышленности в этом районе с конца XVIII в. Экономическое сотрудничество и торговые связи народов Терека, имея жизненно важное значение для народных масс, укрепляли и вассальные отношения между кабардино-балкарскими и чечено-ингушскими владельцами.

Вассальные отношения

Кабардинские князья и уорки, пользуясь покровительством и поддержкой Русского государства, распространяли свое влияние и на некоторую часть жителей Чечни и Ингушетии. Одних они подчиняли силой, других наделяли землей и таким образом ставили в зависимое положение. Чеченцы и ингуши, поселившиеся на равнине между Терекон и Сунжей, вынуждены были заключить с владельцами земли особые соглашения «и подчиниться известным правам в отношении вознаграждения за землю, которой они пользовались». Так постепенно они оказались в вассальной зависимости от кабардинских князей. Это отвечало интересам нарождавшейся феодальной верхушки Чечни и Ингушетии, которая в свою очередь стремилась укрепить свое положение среди соплеменников и защититься от внешних врагов с помощью сильных в то время кабардинских князей и с этой целью искала их покровительства. Кабардинские землевладельцы, преследуя корыстные цели, охотно шли на это покровительство. Им выгодно было получать подати с чеченских и ингушских крестьян через своих вассалов — чеченских и ингушских владельцев. Зависимость части населения Чечни и Ингушетии от кабардинских князей была установлена в начале XVII в. К этому же времени относится и установление власти кабардинского князя Сунчалая Янглычевича Черкасского над окочанами (ингушами Терского города). В середине XVIII в. под властью кабардинского князя Давлет-Гирея Эльмурзовича Черкасского оказались и чеченские деревни Герменчук и Шали.

Вначале чеченцы и ингуши платили своим новым феодалам легкую дань — по мерке пшеницы с каждого дома. Но с течением времени кабардинские князья стали произвольно увеличивать эти повинности и требовать с каждого двора барана, а за неимением такового — железа на косу. Ингуши иногда платили по рублю с дома. Князь, получавший деньги,

должен был в течение года защищать ингушей от обид и врагов, давать им человека с лошадей, которого они содержали. За военную защиту от врагов они платили князю особую плату. Вассальная зависимость части чеченских и ингушских владельцев от князей Кабарды была непрочной, постепенно становилась чисто формальной и к концу XVIII в. перестала существовать. Тем не менее она способствовала ускорению процесса развития феодальных отношений в Чечне и Ингушетии, укреплению здесь гражданского быта и общественного порядка, во многом сходного с кабардинским и кумыкским.

**Совместная борьба
против внутренних
и внешних врагов**

Чеченские и ингушские крестьяне неоднократно выступали против своих и кабардинских угнетателей, требовавших «небывалых даней, чрезмерного ясака». Главной целью выступлений было освобождение от ясака и закрепление за собой земли, на которой они поселились. На кабардинских крестьян, переселившихся в сел. Шали, большое влияние оказывали чеченские крестьяне, находившиеся в более свободном положении и не знавшие такой жестокой эксплуатации. Многие из чеченских крестьян сроднились с кабардинскими, постепенно крепла их дружба и экономические взаимоотношения. Это привело к тому, что когда кабардинские крестьяне, доведенные до отчаяния, восстали против своих угнетателей и сбросили свои шапки покорности (из овчинной кожи шерстью вверх), их поддерживали чеченские братья. По свидетельству чеченского народного предания, они совместными силами прогнали ненавистных феодалов, решивших жестокими мерами расправиться с непокорными крепостными.

Борьбе чеченского и ингушского народов против кабардинских князей посвящены две чеченские героические песни: «Свержение княжения Мисоста Адневым Сурхо» и «Свержение княжения Кагермана вождем Балу».

В 1747 г. равнинные чеченцы подняли восстание против кабардинских и кумыкских феодалов. Царизм до поры до времени не вмешивался в движение народных масс. Но когда чеченский народ изгнал своих угнетателей и объявил в 1757 г. о своей независимости, царизм встал на сторону кабардинских князей, подавил восстание вооруженной силой и снова заставил принять кумыкских и кабардинских владельцев.

В 1760 г. поднялись против своего князя Давлет-Гирея и крестьяне Герменчукской деревни, недовольные его произволом. Князь едва спасся бегством. Попытки Давлет-Гирея и его сына Бамата восстановить свою власть над Герменчукской и Шалинской чеченскими деревнями с помощью русских властей не имели успеха.

В 70-х годах XVIII в. ингушский народ настойчиво добивался покровительства Русского государства, а вместе с тем и

освобождения от власти кабардинских и кумыкских владельцев. Царизм, желая ослабить антиколониальную борьбу горских народов, не прочь был оказать чеченцам и ингушам свое покровительство. Это вызвало недовольство кабардинских князей и дворян. Правительство Екатерины II, не желая обострения отношений с кабардинскими князьями, предписало военным властям на Кавказе не раздражать их «покровительством ингушского народа». Кабардинские владельцы продолжали получать дань от части ингушского населения до начала XIX в.

Кабардинские и балкарские крестьяне не только не поддерживали князей в их борьбе за сохранение власти над ингушским и чеченским народами, но и сами вели борьбу против своих угнетателей.

Ингушский и чеченский народы всегда оказывали братскую помощь своим соседям-кабардинцам в их борьбе с внешними врагами. Вместе с кабардинцами они защищали пограничные рубежи Русского государства от персидских и турецко-крымских вторжений, участвовали в дипломатических миссиях по улучшению взаимоотношений с Русским государством и другими горскими народами. В XVII в. ингуши и чеченцы многих обществ совместно с кабардинцами вели борьбу с ногайскими кочевниками, совершавшими частые набеги на Кабарду. В 1651 г. они успешно защитили Сунженский острог от персидских войск. В 1675 г. отряд из кабардинцев и окочан участвовал в успешном походе русских войск против крымских татар.

Но дружеские взаимоотношения между кабардинским, балкарским, чеченским и ингушским народами иногда нарушались и омрачались веледствие антинародной колониальной политики царизма, нередко прибегавшего к военной силе и разжигавшего национальную рознь, натравливая одни народы на другие. «Еще с отдаленного времени... принималось за правило для упрочения русской власти на Кавказе,— писал П. Г. Бутков,— ссорить между собой кавказские племена, дабы они, ослабляя свои силы, оставили бы нас больше в покое», т. е. не препятствовали бы колонизаторским планам царизма на Кавказе. Поэтому-то царские власти неоднократно пытались использовать «кабардинцев для борьбы с непокорной Чечней».

Задаче разъединения сил народов Терека отвечало и сооружение в 1783 г. новой укрепленной линии между Моздоком и подошвой Главного Кавказского хребта. Эта линия, «...обеспечивая сообщения с Грузией имела еще и другое не менее важное значение: она отделяла Большую Кабарду от Малой и затрудняла возможность совместного действия их против нас (царских войск. — *Ред.*) вместе с чеченцами и ингушами», — отмечал военный историк В. А. Потто.

Однако в решительный момент, когда речь шла о судьбе народов, кабардинцы, чеченцы, ингуши и другие народы недо-

вольные политикой царизма, объединялись для борьбы против колонизаторов. Так, совместными усилиями они заставили царизм на время уничтожить лишню, соединявшую Моздок с Грузией и искусственно разъединявшую горские народы. Это обстоятельство вызвало серьезное беспокойство царского правительства, стремившегося использовать в начале XIX в. кабардинских владельцев в борьбе против чеченцев. Дело в том, что часть феодалов Кабарды была недовольна побегам своих крестьян и даже уорков в Чечню, где они находили приют и помощь. Это и надеялся использовать царизм, чтобы склонить кабардинских владельцев к участию в готовящемся походе русских войск против чеченцев. Кабардинцы же стремились решить все спорные вопросы мирным путем. Но первые переговоры оказались безуспешными, и русскому командованию удалось убедить некоторых кабардинских князей и дворян принять участие в походе. Однако собранный ими отряд отказался участвовать в войне против своих соседей.

По этому поводу генерал Булгаков в феврале 1807 г. в своем письме графу Гудовичу с большим огорчением писал: «...сожалею крайне, что кабардинцы, которые по рапорту генерал-майора Дельпоццо были совсем готовы вместе с нашими войсками против чеченцев, не были в сем деле употреблены; вся цель моя была та, чтобы сии два народа поссорить между собою и привести во вражду друг против друга, тем самым со временем их ослабить». Эти слова ясно характеризуют колониальную политику царизма, прокладывавшего себе дорогу на Северный Кавказ под девизом «разделяй и властвуй».

Царское правительство принимало также все меры, чтобы затянувшийся спор из-за земли между кабардинцами и чеченцами был разрешен не путем переговоров между представителями этих народов, а через посредничество царских властей, с целью вмешательства в их внутренние дела. В 1809 г. генерал Тормасов предписал Булгакову стараться, «чтобы сии кабардинцы никаких дружественных связей и переговоров с чеченцами не имели, а напротив того, содержать сколько можно их во вражде между собой».

Однако попытки царизма поссорить и столкнуть два братских народа не имели успеха.

3. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ С ДАГЕСТАНОМ В XVI—XVIII вв.

На юго-востоке Кабарда граничила с многонациональным Дагестаном. С отдаленных времен поддерживались между ними экономические, политические и культурные связи, расширению и укреплению которых способствовали совместные поселения.

В конце XVI в. будущий эндерейский правитель Султан-Махмуд для борьбы со своими братьями привел из Кабарды большое количество уорков и простых воинов.

Совместные поселения

Многие из них остались жить в его владении, образовав первоначальное ядро его дружины. В конце XVII в. в центре кумыкской равнины кабардинцами был основан аул Баташ-Юрт, куда переселились и кумыки. Глава баташ-юртовских узденей Тахтабай Баташев (конец XIX в.) происходил из кабардинского рода Тамбиевых, с потомками которых он поддерживал связи, и в конце XIX в. кабардинцами считались и жители Байрам-аула. Их потомки (Анзоровы, Качаловы, Камбулатовы, Тутушевы и др.) жили и в других кумыкских аулах.

В дагестанских деревнях жили кабардинцы и балкарцы, бежавшие туда от своих угнетателей или захваченные дагестанскими владельцами в качестве пленников во время набегов на Кабарду. Были здесь и кровники, скрывавшиеся от своих преследователей, и купленные рабы.

В свою очередь многие кумыки и представители других народностей Дагестана жили в Кабарде и Балкарии. Так, среди рабов и рабынь балкарских таубов были кумыки и т. д. Здесь наряду с кровниками, беглыми крепостными крестьянами, пленниками и купленными рабами находились дагестанские мастера — ювелиры, медники, оружейники. Многие из них навсегда осели среди кабардинцев и балкарцев. Предки многих нынешних кабардинских фамилий были выходцами из Дагестана. Известно, что среди приближенных кабардинского князя Асламбека Кайтукина, жившего в первой половине XVIII в., были доверенные люди кумыкского происхождения.

Кабардинцы жили с кумыками также и во владениях князя Каспулата Муцаловича на правом берегу Терека, куда он вынужден был переселиться в 1674 г. из-за враждебного отношения некоторых кабардинских владельцев. В Давлет-Гиреевской деревне, основанной в 60-х годах XVIII в., тоже жили кумыки. Рядом с этой деревней располагались чеченские и кумыкские аулы, в которых поселились кабардинцы. В конце XVIII — начале XIX в. беглые крепостные крестьяне Кабарды и Кумыки основали около Татартупа небольшое поселение на 30 дворов.

Многонациональным было население малокабардинских селений, в которых бок о бок с кабардинцами жили и кумыки. Только в одном сел. Турлове насчитывалось 64 кумыкских двора с населением в 266 душ обоого пола. Возможно, что селение было основано аварскими владельцами Турловыми.

Торговые связи

Один из главных путей, по которому Кабарда связывалась с Дагестаном, проходил через Терский город в кумыкские земли до Таркова, а оттуда через Кайтагское владение в Дербент и Шемаху. Другой путь,

связывавший Кабарду и Балкарию с Дагестаном, и в первую очередь с Тарковским шамхальством и Эндерейским владением, шел через Суиженский перевоз (основан в 1590 г.), возле которого был построен Суиженский острог.

Кабарда и Балкария поддерживали экономические связи и с Кайтагским улусом. Правитель последнего Рустем-хан, ведя переговоры о принятии им русского подданства, обещал очистить шемахинскую дорогу и обеспечить безопасный проезд русских людей до Шемахи. За это он в 1627 г. просил русское правительство пропускать его торговых людей в Кабарду. Торговле с Кабардой придавалось тогда большое значение, поэтому Рустем-хан в 30-х годах XVII в. повторил свою просьбу.

Закрытие той или иной дороги, связывавшей Кабарду и Балкарию с Дагестаном, вызывало беспокойство горских народов. По их просьбе в 1635 г. был поднят вопрос о возобновлении Суиженского перевоза, закрытого ввиду антирусской политики некоторых дагестанских владельцев и разгоревшейся между ними междоусобной борьбы.

Терские воеводы считали целесообразным возобновление перевоза на Суиже и восстановление там русского укрепленного городка. Укрепление позволило бы контролировать значительную часть торговли между Кабардой и Дагестаном, а также обеспечивало бы сбор пошлин в пользу царской казны. Возобновление перевоза с удовлетворением встретили не только владельцы и уздени, но и трудовые массы Кабарды и Дагестана, так как «ездить им по той дороге будет не опасно».

Главными торговыми центрами в XVII — XVIII вв. были Терский город, Кизляр и Моздок. В них имелись гостиные дворы, торговые ряды и лавки, принадлежавшие как жившим в городе купцам, так и купцам, приезжавшим из Кабарды, Дагестана, Шемахи, Грузии и других мест.

Кумыки и другие дагестанцы обменивались своими товарами с кабардинцами и балкарцами на большой весенней ежегодной ярмарке, происходившей на границе Кабарды и продолжавшейся до 40 дней.

Другими центрами торговли были крепость Святой Крест, Татартуп и Эндери (центр Эндерейского владения.). Даже в XIX в. кумыки хорошо помнили «... то цветущее для Эндери время, — писал Н. Семенов, — когда он вел обширную торговлю с Персией, Дагестаном, Черкесией (Кабардой. — *Ред.*) и Крымом». Татартуп и Эндери, как и Дербент и Шемаха, являлись также крупными невольничьими рынками Северного Кавказа. В них велась оживленная работоторговля, приносявшая значительные доходы кабардинским, балкарским и дагестанским феодалам, выгодно перепродававшим рабов в городах Персии и Турции.

Важной статьёй в торговле между Дагестаном, Кабардой и Балкарней служила соль. Кабардинцы и балкарцы закупали ее в Тарковском шамхальстве и Эндерейском владении.

Для феодальной верхушки Кабарды и Балкарнии дагестанские купцы поставляли шелковые и бумажные ткани, сафьян, дорогое оружие и различные ювелирные изделия; по их заказу в Аварии изготовлялись панцири. Кабардинцы и балкарцы часть необходимого им железа покупали у лезгин, медная посуда также поступала из Дагестана.

Политические связи Отношения между Кабардой и Тарковским владением обострились после присоединения Кабарды к России в 1557 г. В этом историческом акте кумыкские владельцы усматривали нарушение равновесия сил на Северном Кавказе, нежелательное усиление Кабарды. На борьбу с Кабардой шамхала подстрекали крымские ханы и турецкие султаны, стремившиеся установить свою власть на всем Северном Кавказе. Но с конца 80-х годов XVI в. отношения начали улучшаться. Это подтверждается требованием терского воеводы И. А. Хворостинина, направленным 46 кабардинским князьям и владельцам, принявшим присягу русскому государству. И. А. Хворостинин пытался воздействовать на князей Асланбека и Шолоха, их братьев, детей и других кабардинцев, чтобы те отказались от дружбы и союза с непокорными кумыкскими феодалами и в первую очередь с тарковским шамхалом. Но это послание не имело успеха. Тогда русское правительство решило использовать кабардинских князей для налаживания отношений с дагестанскими владельцами. В своей грамоте к кабардинскому князю Шолоху в 1589 г. оно требовало, чтобы Шолох «стоял заодно» с терскими воеводами и помог бы им привести тарковского князя и других горских владельцев в подданство Русского государства. В 1589 г. Шолох и Алхас в переговорах с русскими послами выступили в защиту кумыкского князя, поручились за него в том, что и он примет русское подданство, и тем самым на время предотвратили поход терских воевод против шамхала.

Связь и дружба некоторых кабардинских и дагестанских владельцев вызывали беспокойство терских воевод, доносивших в Москву в начале XVII в., что кабардинские князья Шолох, Казый и другие живут в мире и союзе с кумыками. Более того, горские князья в подтверждение нерушимости своих отношений обменивались заложниками. Так, в 1601 г. тарковский правитель Сурхай в знак дружбы и преданности отправил к кабардинскому князю Шолоху одного из своих сыновей, а другого сына — Адеина — к князю Казью Пшеапشوкову.

Определенную роль в улучшении русско-дагестанских и кабардино-дагестанских отношений сыграл и энергичный деятель того времени Сунчалей Янглычевич. Он всячески способство-

вал сближению народов Терека и Дагестана с Россией, предпочитая сабле осторожную политику переговоров.

В течение XVII в. Сунчалей и его потомки, пользуясь покровительством кабардинских князей, вошедших в круг московской феодальной знати, и поддерживая непосредственную связь с Посольским приказом, оказывали значительное влияние на решение различных вопросов, касающихся народов Северного Кавказа.

В начале XVII в. улучшились отношения Кабарды и Балкарии и с Эндерейским и Кайтагским владениями. Изменились также взаимоотношения последних с Русским государством, с которым они начали переговоры, завершившиеся принятием их в 30-х годах XVII в. в русское подданство. В этом большую роль сыграли связи и дружба дагестанских владельцев с Кабардой. В частности, эндерейский правитель Султан-Махмуд, обращаясь в Москву с просьбой принять его в подданство, писал, что «Сунчалей великому князю и белому царю холоп, а паша он друг, а до каких мест Сунчалей будет, и мы до тех мест шертъ учиним». Кайтагский же правитель Рустем-хан, хорошо понимая, что Сунчалей имеет вес не только в Терском городе, но и в Москве и что многое зависит от его мнения, обратился с грамотами и к царю, и к Сунчалею.

Каспулат, как и его дед Сунчалей и отец Муцал, пользовался большим уважением в Дагестане. Ему удалось склонить к вступлению в русское подданство джегутайского владельца Ахметхана Махтеева (наследника престола тарковского шамхала), с которым велись многочисленные безуспешные переговоры через кабардинских владельцев и представителей терских воевод. Ахметхан Махтеев никому не доверял, пока к нему не приехали Каспулат и эндерейский правитель Казапалп, под давлением которых он и присягнул Русскому государству в 1658 г. В 1675 г. с помощью Каспулата Муцаловича русским подданным стал и другой кумыкский владелец — Батай.

О значительном влиянии Каспулата на горские народы Северного Кавказа свидетельствовала грамота Посольского приказа, предписывавшая ему прибыть в Терский город для приведения к присяге царям Ивану и Петру Алексеевичам горских владельцев, «которые тебе, подданному нашему, послушны...»

Таким образом, Кабарда сыграла определенную роль в присоединении целого ряда народов Дагестана к Русскому государству. В свою очередь и дагестанские владельцы содействовали приведению в подданство Русского государства некоторых кабардинских князей, менявших политическую ориентацию в зависимости от внешнеполитических событий. Дагестанские владельцы протурецкой ориентации поддерживали княжескую группировку в Кабарде, на которую распространялось влияние Турции и Крыма.

В междоусобной борьбе кабардинских князей особое место занимало Эндерейское владение. Его центр — сел. Эндери являлось убежищем кабардинских князей, скрывавшихся от преследования своих феодальных противников, и служило опорным пунктом в их межфеодальной борьбе. В 1648 г. эндерейский правитель Казанали приезжал в Кабарду, где на совещании с кабардинскими князьями Камбулатом Черкасским и Казыем Мударовым обсуждался вопрос о совместном походе против князя Нарчова Черкасского и завоевании его кабаков за его верность Русскому государству. Известно также, что кумыкские владельцы выступали посредниками в разрешении различных спорных вопросов между балкарскими обществами и Кабардой. Так, в начале XVIII в. для решения пограничного спора был создан третейский суд, «в котором, кроме избранных из своей среды представителей, участвовали приглашенные — сванетский князь Отар Отаров (Дадешкелнани) и кумыкский Агалар-хан».

Вмешательство кабардинских князей в междоусобную борьбу дагестанских владельцев и, наоборот, вмешательство последних в дела Кабарды наблюдалось и в последующие годы. Однако царское правительство запретило дагестанским владельцам вмешиваться в феодальные распри между Баксанской и Кашкатауской партиями, продолжавшиеся в Кабарде с 20-х годов XVIII в. и вспыхнувшие с новой силой в 1751 и 1760 гг.

**Совместная борьба
против внешних
врагов
и колонизаторской
политики царизма**

Несмотря на отдельные столкновения, взаимоотношения между Кабардой и народами Дагестана последовательно улучшаются, все большее место занимают дружеские связи и совместная борьба с внешними врагами. Дагестанские народы оказывали братскую помощь своему соседу — Кабарде в борьбе с внешними врагами. В русско-турецкой войне 1677—1681 гг. совместно с русскими войсками участвовали кабардинские и кумыкские ратные люди.

В период усиления турецкой и иранской агрессии на Северном Кавказе в 20—30-х годах XVIII в. кабардинцы и кумыки находили друг у друга поддержку и убежище, совместно боролись против иноземных захватчиков.

В начале XVIII в. Терский город утратил свое значение. Большая часть его населения была переведена в крепость Святой Крест. Во главе кабардинцев, кумыков, ингушей и чеченцев, поселившихся в крепости, был поставлен кабардинский князь подполковник Эльмуза Черкасский. Между кабардинскими князьями и шамхалом тарковским разгорелась борьба за власть над оставшимися в г. Терки жителями. Так, в 1720 г. шамхал Адиль-Гирей в качестве первого условия принятия русского подданства требовал, чтобы сын его имел команду и

власть над населением Терки, в том числе и над кабардинцами. Эту просьбу шамхал повторил и в 1721 и в 1722 гг.

Кабарда была обеспокоена притязаниями шамхала на Терки, его стремлением заселить город кумыками. В начале января 1723 г. кабардинский князь Асланбек писал Петру I, что с давних лет в Терках жили кабардинцы, «а кумыкам тут никогда жить позволено не было». Русское правительство не было заинтересовано в разрыве отношений с Кабардой. Поэтому Петр I послал шамхалу грамоту с отказом удовлетворить его просьбу.

В 30—50-х годах царское правительство проводит на Северном Кавказе более активную политику, строит ряд военных крепостей и укреплений. Строительство сопровождалось наделением казачества землей, принадлежавшей кабардинцам, чеченцам и кумыкам, что стесняло их свободу, нарушало уклад жизни, ограничивало торговые и соседские отношения. Поэтому постройка русскими крепостей, встреченная вначале с радостью, вызвала потом решительный протест кабардинцев. Недовольство последних находило поддержку со стороны чеченцев и кумыков. В 70—80-х годах XVIII в. на протяжении всей Кизлярской линии наблюдались совместные выступления кабардинцев, кумыков, чеченцев и ингушей, объединившихся вместе, «чтобы разорвать оковы, наложенные на них русской властью», писал П. Г. Бутков.

Таким образом, на Северном Кавказе в 70—80-х годах XVIII в. обстановка была напряженной, что еще более усугублялось жестокой феодальной эксплуатацией горских народов. «Весь Северный Кавказ,— отмечал В. А. Потто,— был похож на пороховой погреб, стоявший с открытыми настежь дверями, случайная искра могла произвести в нем страшный, потрясающий взрыв».

Родственные связи Широкое распространение получили и родственные связи между кабардинцами, балкарцами и народами Дагестана, заключавшими внутрисловенные брачные союзы. В конце XVI в., несмотря на гребзание отдельных кабардинских владельцев, князь Шолох отказался порвать отношения с кумыками, так как в Тарковском шамхальстве и других дагестанских владениях находились его дочери, родственницы и соплеменницы. На кабардинке из рода Анзоровых был женат тарковский шамхал Чополау (Андий, Чобан). От этого брака родился Султан-Махмуд. По преданию, народный герой Каншобий выдал свою младшую дочь Каз за владетельного кумыкского князя, что способствовало укреплению отношений с казикумухцами. Таубий Чегемского ущелья Балкаруков был женат на дочери тарковского шамхала.

Многие крепостные крестьянки кабардинских владельцев Мударовых вышли замуж за кумыкских крестьян. Эти связи

сыграли определенную роль в распространении ислама в Кабарде и Балкарии. Балкарцы Чегемского ущелья, по преданию, стали мусульманами после женитьбы их князя Ахтугана Балкарукова на кумыкской княжне.

Культурные связи Дагестан был своеобразным культурным центром, откуда арабская культура и литература распространялись в другие районы Северного Кавказа. В Балкарии известны были свадебные и любовные песни («Сагид Жамал Бузджигит», «Шамса и Джанша» и др.), частушки, календарь «Рознаме», заимствованные из Дагестана. С замечательным восточным произведением «Тахир и Зухра» балкарцы познакомились через кумыков.

Эта общность культуры наиболее ярко прослеживается в устном народном творчестве — в народных сказках, поговорках, пословицах и т. д. Так, чеченская сказка «О храбром Назнае» находится в ближайшем родстве с кабардинской сказкой «Жалкий бродяга одним махом побивает больше тысячи». А чеченская сказка «Путешествие парта» имеет очень много общего с кабардинской сказкой «Хагор».

Сходство географического положения, хозяйственной деятельности и разносторонние продолжительные связи между кабардинцами, балкарцами и народами Дагестана, в особенности кумыками, привели к возникновению многих общих черт в их материальной культуре, общественном и семейном быту.

4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГРУЗИИ С КАБАРДОЙ И БАЛКАРИЕЙ В XVI—XVIII вв.

В обстановке усиливающейся политической и экономической экспансии султанской Турции, шахской Персии и царской России на Кавказе Грузия, начиная с конца XVI в., придерживается твердой ориентации на союз с Россией. В связи с этим расширялись и принимали все более дружественный характер ее отношения с Кабардой и Балкарией, через территорию которых Грузия поддерживала постоянные связи и с Россией. Совпадение внешнеполитических интересов Кабарды и Грузии способствовало укреплению их взаимоотношений.

**Политические
отношения
в XVI—XVII вв.**

Когда летом 1557 г. в Москву прибыло посольство кабардинского князя Темрюка во главе с К. Кануковым, чтобы просить покровительства России и помощи в борьбе с тогдашним вассалом Ирана князем тарковским, то послы заявили царю, что «с кабардинскими черкасы в одной правде и в заговоре иверский князь и вся земля Иверска (Кахетия. — *Ред.*)». Видно, кабардинское посольство имело официальные полномо-

чия представлять перед русским двором интересы Кахетии. Этот факт свидетельствует о весьма тесных связях в то время между Кахетией и Кабардой.

В 80-х годах XVI в. русско-кахетинские взаимоотношения заметно активизируются. В этом большую роль по-прежнему играла Кабарда. Русское правительство знало, что между Кахетией и Кабардой существуют добрососедские отношения. Когда в 1587 г. русские послы по пути в Кахетию прибыли в Кабарду, они потребовали от местных князей всяческого содействия на том основании, что едут в Грузию по общему для всех делу.

Русское государство не только стремилось поддержать грузино-кабардинские добрососедские отношения, но и выступало в их защиту. Так, в 1589 г. в грамоте к тарковскому шамхалу русское правительство, указывая, что Кабарда и Кахетия находятся под покровительством России, требовало от шамхала, чтобы он отказался от враждебных намерений в отношении этих стран.

Успешному развитию грузино-кабардинских взаимоотношений мешало Арагвское эриставство, возникшее в конце XVI в. на границе между Кабардой и Кахетией. Оно постоянно враждовало с соседними кабардинскими князьями из-за земельных владений и господства над соседними осетинскими и ингушскими селениями. Это нередко затрудняло пользование «хевско-кабардинским путем» (Военно-Грузинской дорогой), т. е. основной дорогой, связывающей Восточную Грузию с Кабардой. Поэтому в 1598 г. послы кахетинского царя Александра в Москве, воспользовавшись пребыванием там и кабардинских послов, просили русских договориться с кабардинцами по вопросу о наиболее удобных путях сообщения через Кабарду. Они просили также построить русскую крепость на границе между Грузией и Кабардой.

Западную Грузию связывали с Кабардой две дороги: Кабарда — Карачай — Сванетия — Мегрелия и Кабарда — Балкария — Рача — Имеретия. Поскольку в тот период Балкария и Карачай составляли вассальные владения Кабарды, то можно говорить о наличии в то время непосредственной границы между Кабардой и Западной Грузией. Ближе всего к Западной Грузии была расположена так называемая Анзорова Кабарда, от которой дорога прямо вела в Имеретию.

Определенную роль в укреплении грузино-кабардинских отношений сыграли брачные союзы. Известно, например, что в 70-х годах XVI в. имеретинский царь Георгий, мегрельский и гурийский владетели были женаты на трех сестрах — кабардинских княжнах, а в 30-х годах XVII в. мегрельский владетель Левап II Даднапи женил своего сына на дочери кабардинского правителя Алегуко Шеганукова.

За большие заслуги, оказанные Грузии, многие кабардинские князья получали от грузинских царей крупные награды и имения в Грузии.

Грузино-кабардинские отношения в XVIII в.

В первой четверти XVIII в. в Картлии царствовал Вахтанг VI, поставивший своей задачей освободить страну от иранского господства. Большие надежды при этом он возлагал на Россию и стремился поддерживать самые тесные отношения с Кабардой. Этой цели должны были служить и его родственные связи: он был жепат на дочери кабардинского князя Таусултанова (по другим данным — Миссостова). В Грузии ее называли «солнцеподобно сияющей царицей Русудан».

Однако попытки Вахтанга VI освободить Грузию окончились полной неудачей — он был вынужден с многочисленной свитой эмигрировать в Россию. Вахушти сообщает, что когда Вахтанг в августе 1724 г. со своими приближенными вступил на территорию Кабарды, его встретили с почетом и проводили до русских владений.

В начале 40-х годов XVIII в. Россия готовилась к походу в Дагестан для борьбы с правителем Ирана Надир-шахом. Чтобы добиться привлечения на свою сторону колеблющейся части кабардинских князей или во всяком случае не допускать ее перехода на сторону персов, в Кабарду был направлен сын Вахтанга VI царевич Бакар. Выбор этот не был случайным, ибо с материнской стороны он был кабардинцем. Как и следовало ожидать, миссия Бакара Вахтанговича завершилась успешно: кабардинцы остались верными России.

В 1748—1750 гг. в борьбе против дагестанских феодалов, Эриванского, Ганджинского и Нахичеванского ханств кахетинский царь Ираклий II и картлийский царь Теймураз II широко привлекали вспомогательные отряды с Северного Кавказа и особенно из Кабарды.

Грузинские источники всегда отмечали храбрость и высокие боевые качества кабардинцев. По поводу одного сражения против ганджинского хана современник этих событий П. Орбелиани рассказывает: «Обратили в бегство сына Аджи-Челеби и хана ганджинского [...]; сын правителя Большой Черкесии (Кабарды. — *Ред.*) по имени Керуко [...] проявил такую львиную отвагу, что и перехвалить его нельзя. Так и все черкесское войско сражалось доблестно и хорошо поработали мечом».

Кабардинцы не только оказывали помощь Грузии в ее борьбе с различными врагами. Есть основание считать, что отдельные кабардинские отряды постоянно находились при дворе Ираклия.

Однако это не удовлетворяло грузинского царя, и он делал попытки переселить часть кабардинцев в Грузию. В 70—80-х

годах XVIII в., воспользовавшись тем, что в Кабарде зрело недовольство усилением колониальной политики царизма. Ираклий направил к кабардинцам посланцев с предложением переселиться в Грузию. Некоторые кабардинские князья согласились на это. Однако вмешательство русских властей помешало осуществлению их намерения.

Экономические
и культурные связи
в XVI—XVIII вв.

Грузия поддерживала с Кабардой постоянные экономические и культурные связи. Большую роль сыграло то обстоятельство, что через Кабарду или владения ее вассалов проходили почти все важнейшие пути, связывавшие Грузию с Северным Кавказом и Россией. С 1774 г. в связи с упразднением Арагвского и Ксанского эриставств дорога через Дарьяльское ущелье стала свободной. Это сыграло важную роль в развитии кабардино-грузинских отношений.

Кабардинские князья посылали своих детей (как юношей, так и девушек) для воспитания в Грузию, а некоторые кабардинские князья находились на постоянной службе в Грузии и даже получали в дар имения и крепостных.

Издавна между Кабардой, Балкарней и Грузией велась оживленная торговля. Из Грузии вывозилось зерно, продукты виноградарства, соль, рис, лен, ремесленные изделия, шелк, порох, оружие, железо и др. Из Кабарды и ее вассальных владений — преимущественно продукты скотоводства, особенно прославленные «черкесские» кони, искусные изделия домашнего ремесла (бурки и др.).

Велась между обеими странами и торговля людьми. Вахушти сообщает, что картлийский царь Симон (1556—1601 гг.) вынужден был обложить своих крестьян специальным налогом «для покупки осетин, кавказцев, черкесов и отправлял их шаху». В свою очередь, пленники из Грузии попадали в качестве рабов в Кабарду.

Грузия была заинтересована в торговых сношениях с Кабардой и другими народами Северного Кавказа настолько, что даже освобождала их товары от пошлинного обложения. Беспшлинная торговля велась во второй половине XVIII в., главным образом по Военно-Грузинской дороге. Наиболее важными торговыми местечками здесь были Душети, Жинвали (Жинвани) и Ананури.

Экономические связи между Кабардой и Грузией отразились в некоторых словах и терминах, вошедших в кабардинский язык из грузинского. Грузины же перенимали у кабардинцев, как и у других северокавказских народов, ряд элементов культуры. Вахушти, указывая на это обстоятельство, пишет, например, что имеретинцы носят кинжалы «по обычаю» черкесов.

Балкарские общества также поддерживали многосторонние связи с Грузией — с рачинцами, сванами, имеретинцами и др. Насе-

Грузино-балкарские взаимоотношения в XVI—XVII вв. ление Балкарии издавна испытывало культурное влияние феодальной Грузии. Об этом свидетельствуют хотя бы обнаруженные в Балкарии памятники грузинского средневекового зодчества — развалины церквей в Безенгиевском и Чегемском ущельях.

Сохранились сванские народные предания, что когда-то в верховьях р. Восточный Черек существовали сванские поселения. На это указывают и некоторые названия (Лашкуты, Бакх, Хеу и др.), имеющие параллели в сванском языке.

В позднем средневековье тесные связи с Балкарией поддерживало Имеретинское царство. В частности, через Балкарию осуществлялись русско-имеретинские политические связи.

Свидетельством хорошего знакомства передовой грузинской общественности с Балкарией является сочинение Вахушти Багратиони «Описание Грузинского царства». Рассказывая о сопредельных с Грузией землях, Вахушти описывает страну «Баспани» — под этим названием в грузинских источниках известна Балкария (точнее, ее восточная часть). По Вахушти, Баспани была расположена между Дигорией, Кабардой, Сванетией и Рачой. «Баспани страна благоустроенная, с поселениями и знатью, более влиятельной, чем у всех овсов».

Тесные экономические и культурные связи между Балкарией и Западной Грузией нашли некоторое отражение в письменных источниках того времени. Так, о торговых связях балкарцев с грузинами, в частности о посещениях ими ярмарки в Опи (Рача), пишут в начале XIX в. академик И. Гюльденштедт и генерал П. Зубов. Карачаевцы и балкарцы отвозили туда свои домашние изделия: сукна, войлоки, бурки, чекмени, пушной товар, на которые приобретали соль, бумажные изделия и мелочные вещи, необходимые для домашнего употребления.

Памятниками культурных связей между Балкарией и нагорной Грузией являются так называемые «сванские башни» (*ебзежъала*) в селениях Безенги, Чегем, а также в Черкском ущелье. Грузино-балкарские связи отразились и в языке. Устанавливается, в частности, наличие некоторых сванских элементов в хозяйственной терминологии балкарцев и, с другой стороны, наличие балкарских элементов — в сванской.

Особо следует отметить, что сванские и рачинские элементы сыграли определенную роль в этническом формировании балкарского народа. Об этом, к примеру, свидетельствуют многочисленные предания о грузинском происхождении некоторых балкарских фамилий — Курдлар (от Курдиани), Эриставлар (от Эристави) и др. С другой стороны, несомненно определенные балкарские этнические элементы проникали в состав горских племен грузинского народа.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОМЫСЛЫ

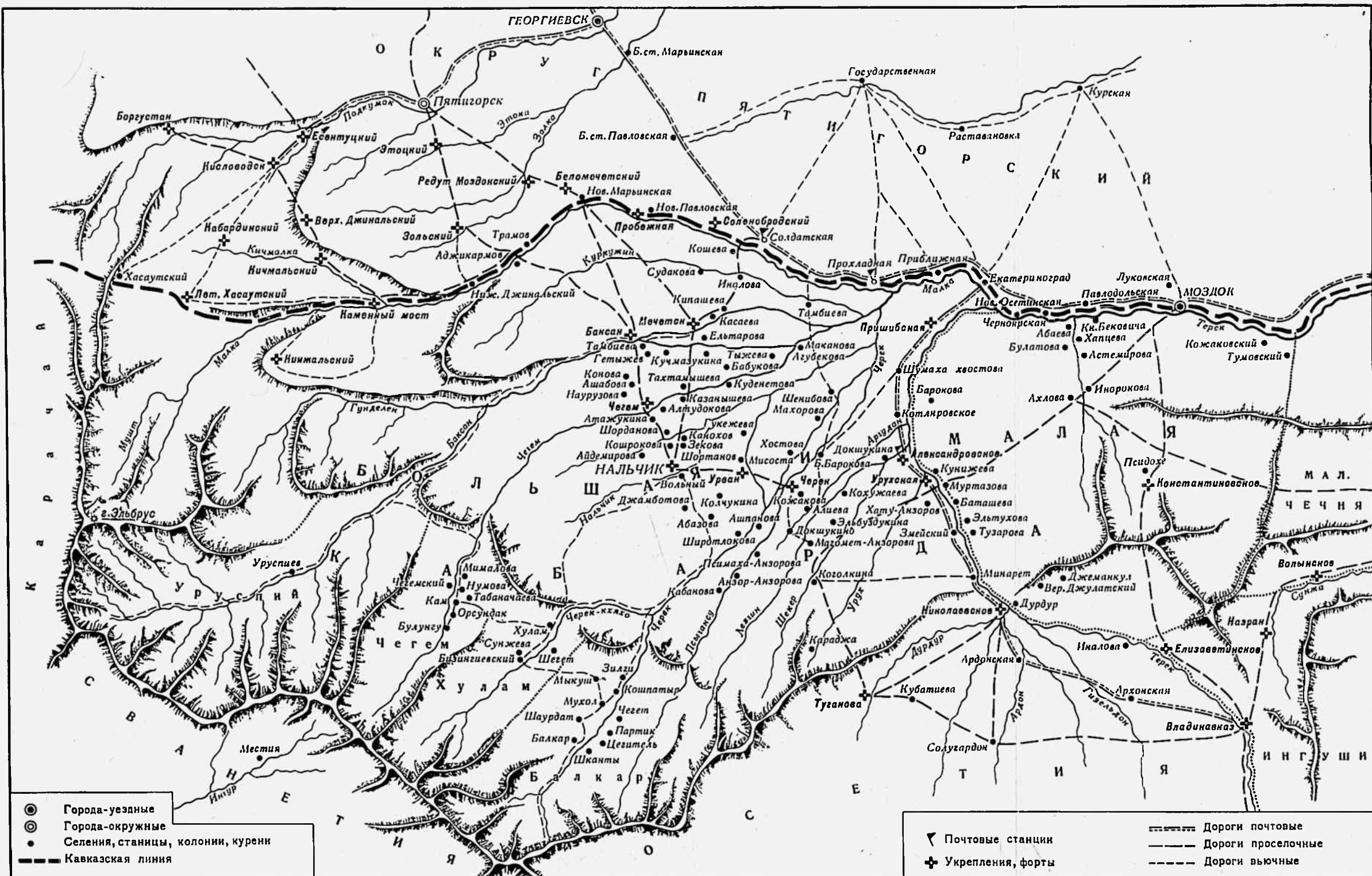
С продвижением в начале XIX в. русского царизма в глубь территории горских народов, сопровождавшимся строительством военных крепостей и укреплений, оставшиеся кабардинские поселения были оттеснены из районов Пятигорья. Так постепенно сужались границы Кабарды.

Территория
и население

В результате военных действий, карательных экспедиций Глазенапа в 1804 г. и Булгакова в 1810 г., эпидемии чумы, а также тяжелых условий существования под двойным гнетом от некогда многочисленного кабардинского народа осталось к 30—40-м годам XIX в. всего около 40 тыс. человек. Трагедия кабардинского народа отразилась в устном народнопоэтическом творчестве. Кабардинская пословица гласит: «Емынэм къелар хъумбалейм ехыж» («что осталось от чумы, унесла Камбилеевка»). В этой пословице обобщены два крупнейших события в жизни народа: эпидемия, унесшая девять десятых населения, и разрушительные последствия похода Булгакова в 1810 г. Речка Камбилеевка (юго-восточная граница Кабарды) была конечным пунктом этой карательной экспедиции, во время которой погибли десятки тысяч человек; поэтому она навсегда сохранилась в памяти народа.

По неполным сведениям, собранным бароном Вревским, в 1837 г. в Большой Кабарде было 76 деревень, 3693 двора, 10 243 души мужского пола; в Малой Кабарде — 17 деревень, 909 дворов, 4377 душ мужского пола. По тем же данным в пяти балкарских обществах насчитывалось 10 поселений, 1553 двора, 5020 душ мужского пола.

К 1867 г., по более точным статистическим данным, кабардинцев было до 44 тыс. (7384 двора), балкарцев — более 10 тыс. человек.

Карта расселения кабардинцев и балкарцев в первой половине XIX в.
 (с карты Кавказского края, составленной в штабе отдельного Кавказского корпуса
 в 1842 г. ЦГИАЛ, ф. 932, оп. 1, л. 42)

В первой половине XIX в. с развитием товарно-денежных отношений земледелие начинает развиваться быстрее и приобретает большое значение в экономике кабардинцев. В 1867 г. в

Развитие
земледелия в Кабарде
и Балкарии

Кабарде валовой сбор зерна составлял около 1 млн. 200 тыс. пудов. Удельный вес прося к общему итогу составлял 88%, кукурузы — 8, пшеницы — 4%.

Земледелие продолжало носить натурально-потребительский характер, с рутинной техникой, переложно-залежной системой. Главными орудиями обработки земли у кабардинцев по-прежнему оставались плуг, соха, борона. Хлеба убирали серпом и косой. Урожай были низкими, в среднем сам-четыре, сам-пять.

Крестьяне обрабатывали небольшие участки земли, урожая с которых едва хватало для уплаты феодальных повинностей и поддержания своего существования. Одним плугом нередко пахали четыре-пять дворов. Трудно было найти в селении несколько самостоятельных дворов, которые имели бы две пары быков. Князь Бекович-Черкасский в 1845 г. писал приставу Малой Кабарды: «Не более 40 семейств найдется таких (в его селении. — *Ред.*), которые могут иметь верховых лошадей, а прочие все вообще имеют пару быков и, соединяясь товарищески один с другим, обрабатывают под посев хлеба землю для того только, чтобы прокормить себя и семейство».

Земледелие в Балкарии в отличие от Кабарды играло незначительную роль. Суровые горные условия препятствовали его развитию.

Балкарцам, как и другим жителям гор, приходилось отвоевывать у природы каждый клочок земли, очищая его от леса, кустарников и камней. Несмотря на большие трудности, они орошали землю и удобряли ее навозом, строили каменные или плетневые ограды вокруг участков. В ущельях Балкарии было устроена целая сеть ирригационных каналов, искусно проведенных по гористой местности. Воду делили на пай по числу хозяев, считавшихся собственниками главных водных артерий, и каждый двор получал по очереди свой пай, независимо от того, нужна ли ему в данный момент вода или нет. Это породило торговлю водой: не имевшие пахотных и луговых участков продавали свои пай.

Участки пахотной земли по обычаю трудовой заимки считались неотъемлемой собственностью тех, кто их обрабатывал, и очень дорого ценились. Не случайно современники писали, что участок пахотной земли, на котором может поместиться бык, стоит быка.

Основным орудием земледельческого труда служили деревянный плуг (*собан-агъач*) с металлическим лемехом (*собан-темир*), в который впрягали пару быков; вспаханную землю разрыхляли примитивными боронами (*кыйытгы*, *сибиркки*).

Уборка производилась серпом; севооборотов не было. Сеяли главным образом ячмень, урожай которого были очень низки.

В 1867 г. в Балкарии было произведено всего 45 300 пудов хлеба, в том числе ячменя — 29 000, пшеницы — 2680 и овса — 13 620 пудов. Если учесть, что население Балкарии в ту пору составляло немногим более 10 тыс. человек, то видно, что собранного хлеба хватало всего на 3—4 месяца. Поэтому балкарцы вынуждены были покупать хлеб у соседних народов, в частности у кабардинцев, осетин и у русских. Со своей стороны они продавали последним в большом количестве скот и животноводческие продукты.

Садоводство и огородничество в Кабарде и Балкарии было развито слабо. Из огородных растений в Кабарде разводили лук, редьку, огурцы, тыкву. По сведениям 1867 г., в Кабарде насчитывалось 26 садов, из них 11 — в Баксанском участке, 14 — в Черекском и 1 — в Мало-Кабардинском. Особенно большим был сад князя Атажукина, насчитывавший более 29 десятин.

	В 1867 г. в Кабардинском округе было
Скотоводство.	102 180 голов крупного рогатого скота и
Пчеловодство	302 659 овец. Из них пяти балкарским

обществам принадлежало 16 676 голов крупного рогатого скота и 106 041 овца. На сто душ населения Кабарды приходилось 170 голов крупного рогатого скота и 640 овец, а в Балкарии — соответственно 139 и 883.

Стада, принадлежавшие крупным владельцам, достигали больших размеров. Так, у князя Касаева было 65 голов крупного рогатого скота, 720 овец, 135 коз, 16 буйволов. Уорк Али Тлибеков имел (1856 г.) 100 голов крупного рогатого скота, 500 овец, а Темрюко Ахлов — 600 овец старых и 200 годовалых, десять кобылиц, 700 голов крупного рогатого скота. По данным Н. Ф. Грабовского, накануне реформы 1867 г. крепостным крестьянам Кабарды принадлежало: крупного рогатого скота — 10 648 голов, овец — 5215, а всего — 16 303 головы. На 100 душ крепостных крестьян приходилось 4,4 лошади, 100 голов крупного рогатого скота и 50 овец.

Таким образом, из 310 тыс. голов несколько более 16 тыс. принадлежало крестьянам, а остальные 294 тыс. составляли собственность князей и уорков. Из 127 тыс. голов скота, имевшихся в Балкарии, крестьянам принадлежало более 47 тыс. голов, т. е. менее 40% всего поголовья скота.

Скотоводство по-прежнему носило отгонный характер. Несмотря на отдаленность пастбищных и покосных мест, коши, на которых содержался зимой скот, представляли большие возможности для развития этой отрасли хозяйства. Земля, отведенная для развития скотоводства в Балкарии, делилась на три разряда: летние пастбища (*джайлыкла*), зимние (*кишлыкла*), сенокосные (*чалынныккла*). Развивалось сенокосение.

В 1867 г. в пяти балкарских обществах было накошено 353 358 пудов сена, или по 2,7 пуда на одну голову скота. Поэтому в Балкарии скот содержали круглый год на кошах.

Кабарда же имела большее количество сенокосных угодий. По данным 1867 г., в Кабарде накошено было около 8,5 млн. пудов сена. На одну голову скота приходилось в среднем 27 пудов сена; но и этого было недостаточно для содержания скота в течение зимы.

По сведениям 1867 г., в Кабарде было около 30 тыс. сапеток пчел. Особенно славилось пчельниками и душистым медом Бабуковское село. Подавляющее большинство пчел принадлежало кабардинским князьям и дворянам. Некоторые из них имели по 500—1000 сапеток. Так, уорк второй степени Кара Кудавев получил в 1847 г. в наследство от отца 952 сапетки. Мед и воск шли не только для личного потребления, но и на обмен и в продажу.

В первой половине XIX в. коневодство оставалось одной из основных отраслей скотоводства. Его развитию способствовало наличие просторных пастбищ, находящихся в распоряжении кабардинских и балкарских феодалов. По отчету за 1867 г., в Кабарде имелось 27 957 лошадей, а в Балкарии — 3072 лошади, т. е. 90,1% их было сосредоточено в Кабарде. Здесь на 100 душ приходилось 53 лошади, а в Балкарии — лишь 25,6. Из 31 тыс. лошадей, имевшихся в Кабарде и Балкарии, крепостным крестьянам принадлежало всего 1225. Из 192 конных заводов 36 возникли в 40—50-х годах XIX в.

Весной косяк или табун пасли в районе того села, в котором жил коннозаводчик. В конце мая табуны и косяки отгоняли на пастбищные места. С конца августа они возвращались и продолжали пастись до глубокой осени, т. е. вплоть до устройства кутанов (зимовников).

Уход за лошадьми, за исключением тех, которые предназначались для продажи или верховой езды, сводился лишь к присмотру за ними табунщиков (*шыхъуэ*). Они пользовались некоторыми привилегиями по сравнению с другими крестьянами. Ветеринарная помощь почти отсутствовала, поэтому от разных болезней погибало много лошадей.

Промыслы Крестьянские промыслы у кабардинцев и балкарцев носили в основном натурально-потребительский характер. Домашний промысел был тесно связан с обработкой продуктов животноводства. «Главная промышленность сего народа (кабардинцев. — *Ред.*), — писал князь Шаховской в 1834 г., — состоит в выработке бурок, суков и полстей». На изготовление бурок шла в основном шерсть черных овец. Белые бурки делали только по заказам зажиточных людей. Выделкой сукна и бурок из овечьей шерсти занимались

исключительно женщины. Балкария славилась производством сукна.

В кабардинских и балкарских селениях существовали седельники, ремешники, серебряшники, кузнецы, оружейники и другие ремесленники. Были в селах и плотники, изготовлявшие колеса, ободья, двухколесные арбы, деревянные части плуга и т. д. Арбы делали без железных частей.

В 1867 г. в Кабарде и Балкарии было 119 мельниц, из них в Балкарии — 54, в Кабарде — 65. Обработкой молочных продуктов занимались женщины и мужчины.

2. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ

Социальный строй Кабарды в первой половине XIX в. носил феодально-крепостнический характер. Общественно-экономические отношения базировались на феодальной собственности на землю и неполной собственности на крестьянина. В 40-х годах в Кабарде насчитывалось около 200 феодальных владений. Из 600 тыс. с лишним десятин земли более половины находилось в руках князей, дворян, которые являлись по существу верховными «распорядителями» всей кабардинской земли. Князь жил в селении со своими крестьянами. На определенном расстоянии от княжеской «резиденции» располагались селения урков разных степеней, находящиеся в вассальной зависимости от князя.

Специфика
феодалного
землевладения
в Кабарде

Кабардинские князья дарили землю своим вассалам за службу наравне с движимым имуществом. «Узденн насильственно не служат князьям, а по собственному желанию и только тогда, когда от своего князя получают узденский подарок (*уэркътын*) сполна», — сказано в кабардинских адатах. На полученных от князя землях урки занимались хлебопашеством и скотоводством. Главной обязанностью урков было охранять князя и сопровождать его в походе.

Особенностью феодального землевладения в Кабарде в предреформенное время являлось то, что как пережиток продолжала сохраняться фамильная собственность. Это препятствовало широкому развитию купли-продажи земли. Тлекотлеши владели «родовыми землями» в границах одного или нескольких княжеских владений. В Большой Кабарде собственные фамильные земли имели дворяне первой степени Анзоровы, Куденетовы, Тамбиевы и др. Князья не могли распоряжаться их землями. После смерти владельца землю наследовали братья, сыновья, а также ближайшие родственники по мужской линии.

Таким образом, в первой половине XIX в. совершилось юридическое оформление права кабардинских феодалов на зем-

лю, создалось так называемое наследственное право, следовательно, и частная собственность на землю.

В. И. Ленин указывал, что «институт наследства предполагает уже частную собственность»¹, а экономической формой реализации земельной феодальной собственности является рента.

Для расширения своих владельческих прав кабардинские крепостники использовали также старые родовые формы пользования землей. Излишек общинных пахотных и покосных мест, остающийся после распределения всех угодий между жителями селений, предоставлялся в пользование владельцу селения. Орудием укрепления феодального землевладения являлся и обычай «покровительства». За охрану и защиту населения феодал имел право выделить себе лучшие участки земли на территории данного селения.

Царизм признавал вотчинные права местных князей и дворян, поддерживал их притязания на крестьянские земли, способствуя тем самым усилению феодальной эксплуатации. Иногда царское правительство выдавало наиболее преданным князьям грамоты, подтверждавшие их феодальное право. Князья Бекевич-Черкасские, например, получили в 1824 г. грамоту, узаконившую их наследственные права на землю в Малой Кабарде в количестве 100 тыс. десятин.

Но в 60-х годах XIX в. в политике царского правительства в земельном вопросе происходят существенные перемены. Оно решило не считаться с прерогативами кабардинской владельческой знати. Вотчинные права местных феодалов теперь решительно отрицаются. Такая перемена позиции царизма стала возможной только после окончания Кавказской войны.

Землепользование в Кабарде

Кабардинские крестьяне, сидевшие на феодальных землях, пользовались ею на общинном праве. С наступлением весны сельские общества выбирали двух или четырех доверенных лиц, которые совместно со старшинами определяли участок земли, подлежащий распашке, и назначали день пахоты. В назначенное время все сельские общества выезжали на поле, где старшина и доверенные лица делили участок на равные части в соответствии с количеством имеющихся в селении плугов. После этого владелец селения как член общины выбирал для себя один из крайних участков, остальные участки (пай) распределялись по жребию. Чтобы получить пай, крестьянам надо было составить «полный плуг», т. е. восемь пар быков с необходимой прислугой. Поэтому крестьяне объединялись в супряги. Одни давали пару быков, другие две пары и т. д. После пахоты плужные пай делились на части. Хозяева двух быков получали одну часть, хозяева четырех быков — две части и т. д.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 152.

Такой порядок землепользования служил интересам тех слоев населения, которые имели средства для обработки земли, и свидетельствовал о расслоении сельской (территориальной) общины. Участие владельца в переделе указывало лишь на то, что крепостники экономически еще не окончательно оторвались от общины. Сенокосные участки делились каждые 20—30 лет, причем их размеры зависели от количества скота в хозяйстве.

После наделения землей общины у князя или уорка оставались еще свободные земли, которые они сдавали в аренду казакам на один сенокосный год или предоставляли общинам, испытывавшим недостаток в земле для пастбищ, за это получали соответствующее вознаграждение натурой и в меньшей степени деньгами.

Наряду с феодальной собственностью продолжала существовать и общинная собственность на землю. В первой половине XIX в. в Кабарде сохранилась сельская община в стадии ее разложения, которая была осколком родового строя. В общину принимались посторонние лица. Формально для этого требовалось согласие членов общины, но в действительности это право осуществлял владелец селения. Новые члены общины вносили определенную плату владельцу за пользование землей.

В феодальных владениях существовало, с одной стороны, подворное владение, а с другой — имелись небольшие участки земли, принадлежавшие всей общине. В основном это были пастбища, частично сенокосные угодья и леса. Последние служили источником многочисленных споров, и несмотря на то, что входили в состав феодального владения, общины не желали уступать их феодалам. Община, говорит Ф. Энгельс, дала «угнетенному классу, крестьянам, даже в условиях жесточайших крепостнических порядков средневековья, локальную сплоченность и средство сопротивления»¹.

В Кабарде накануне реформы были и такие земли, которые формально считались принадлежащими всему кабардинскому народу. По сообщению секретаря Кабардинского временного суда майора Шарданова (1839 г.), земли, лежащие «по рекам Куме, Жицу и Нарзан, ...находились в общинном пользовании. Земли, лежащие по рекам Куркужину и по Апсаришу, до места, называемого Хикбезуко и до Баксана, принадлежат вообще всему народу...», где все могут заниматься хлебопашеством и сенокосением. Эти земли находились в коллективном пользовании крестьян и выделившейся феодальной верхушки и подвергались периодическим переделам до 50-х годов XIX в. Общенародными считались и земли, расположенные по берегам рек Женалка, Малка, Золка и Этоко.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 155.

Таким образом, в Кабарде накануне реформы существовали феодальная и общинная формы землевладения. Из них ведущую роль играла феодальная земельная собственность.

**Землевладение
в Балкарии**

Земельные отношения в Балкарии во многом были сходны с земельными отношениями в Кабарде, но имели и ряд отличительных черт. Малоземелье, низкое качество почвы и большие трудности в обработке земли способствовали раннему возникновению здесь частной собственности на пахотные земли. Пастбищные и сенокосные угодья составляли общественную собственность.

Балкарские таубии, как и кабардинские князья, являлись по существу верховными собственниками земли. Каракитши, чагары, казаки и отпущенные на волю рабы сидели на землях таубиев, неся в их пользу определенные повинности. Каракитши пользовались землей на правах неотъемлемой собственности, но продавать ее без разрешения таубиев не могли. При переселении в другое общество каракитши имели право продавать эту землю своему родственнику, если он соглашался отбывать все повинности, следуемые с переселяющегося. Если же последний не имел родственников, земля его поступала в полное владение таубия.

В балкарских обществах сохранилась сельская территориальная община, в которой практиковалась совместная работа при орошении земель, по заготовке леса, сева, коллективная пастьба и охрана стад и т. д.

Сельская община распоряжалась общинными землями — пастбищами, лесными участками. В семейно-индивидуальной собственности находились пахотные и орошаемые сенокосные земли. Эти участки владелец мог продать, подарить, отдать в счет калыма, т. е. распорядиться ими как своей собственностью. Но иногда община распространяла свою власть на некоторые пахотные и сенокосные участки, устанавливала ряд ограничений при продаже земли. Например, при продаже земельных участков преимущественное право на покупку имели члены рода, родственники, затем соседи и только после отказа тех и других — все желающие.

Если член сельской общины совершил преступление, то его по родовому обычаю выселяли за пределы Балкарии, а земля переходила в собственность общины. Община же давала согласие на вселение в поселок новых членов. Она нередко выступала в защиту односельчан от посягательств таубиев на их права. Феодальная верхушка, используя свое экономическое и политическое положение, стремилась путем захвата и насилия сосредоточить в своих руках пастбищные и сенокосные земли.

3. КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА КАБАРДИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Кабардинское общество делилось на два класса: господствующий класс феодалов и класс феодально-зависимого сельского населения. В Кабарде были следующие группы феодалов:

Феодальная иерархия: князя — *пши*, уорки первой степени — *тлекотлеши*, второй степени — *деженуго*, третьей степени — *беслан-уорки* и четвертой степени — *уорк-шаутлугусы*. По данным 1839 г., в Кабарде насчитывалось 50 князей, 185 тлекотлешей, 297 деженуго, 310 беслан-уорков, 1113 уорк-шаутлугусов.

До установления русской централизованной власти в Кабарде воля князя являлась законом. Личность *пши* охранялась обычным правом, которое сурово наказывало крестьян за покушение на феодальную собственность и личность *пши*. Крестьяне не смели стрелять даже по князьям, нападавшим на них с огнестрельным оружием с намерением ограбить или убить. Малейшее оскорбление *пши* влекло за собой тяжелое возмездие. Царизм тоже защищал интересы кабардинских князей и балкарских таубиев, хотя и отказывался признать их равными русским потомственным дворянам.

С введением царской администрации основы существования княжеского сословия как *сеньоров* были значительно подорваны. В первой половине XIX в. междусословные отношения в Кабарде сильно изменились. Титул *пши* с каждым годом утрачивал свое былое значение.

Феодалы делились на два основных разряда. К первому относились князья, тлекотлеши и деженуго; они владели землей на вотчинном праве, как князья и бояре в России в феодальное время. Второй разряд феодалов составляли беслан-уорки и уорк-шаутлугусы; они владели землей на поместном праве, с условием несения военной службы своим сеньорам.

Тлекотлеши и деженуго имели своих дворян — уорк-шаутлугусов. В 60-х годах XIX в. значение деженуго и тлекотлешей в основном уравнилось. Тлекотлеши по своему сословному значению равнялись осетинским алдарам и баделям, балкарским таубьям.

По кабардинскому обычаю беслан-уорки и уорки-шаутлугусы не могли родниться с князьями, они женились только на дочерях тлекотлешей, но зато уорки-шаутлугусы имели ту привилегию перед беслан-уорками, что в случае отсутствия тлекотлешей могли сидеть за столом вместе с князем.

Характерное отличие уорк-шаутлугуса от беслан-уорка, между прочим, состояло еще и в том, что для первого не считалось зазорным лично заниматься «черной» работой — пахать, косить, возить дрова и пр., а для второго подобные занятия считались неприличными.

В состав феодально-зависимого класса входило несколько категорий крестьян: *унау́ты, лагунапы́ты, оги, азаты и тлхукотлы*. На самой низшей ступени стояли унау́ты, которых к 1867 г. насчитывалось 2 тыс. человек. Они стояли

Крестьяне вне адата, поэтому назывались безобрядными, безадатными людьми. Владельцы могли продавать их, отделяя сына от матери и брата от сестры, и даже убить. Унау́ты исполняли все работы по домашнему хозяйству их владельцев, а также занимались сельскохозяйственными работами. Они не имели права на брак. Унауткам дозволялось с согласия владельца иметь временного мужа из унаутов, логанапытов и даже из уорков, но дети, рожденные от такой связи, обязательно становились унау́тами.

Форма эксплуатации и правовое положение унаутов свидетельствуют о том, что накануне реформы в Кабарде существовал рабовладельческий уклад в форме домашнего рабства, тесно переплетающийся с феодальными отношениями.

Более многочисленной была категория крестьян, носивших название лагунапыт, что означает «пристроенный к дому». Бывший свободный крестьянин — тлхукотл «пристраивался» ко двору князя или дворянина, становясь таким образом дворовым человеком. По неполным данным, накануне реформы их было около 10 тыс.

Лагунапыты в отличие от унаутов назывались обрядными. Оставаясь в личной зависимости от владельцев, они несли установленные обычаем повинности и в некоторой степени уже имели личные, семейные и имущественные права. Они жили особыми саклями. Непосредственный производитель — лагунапыт наделялся средствами производства. Он получал землю, рабочий скот, топор, косу, железо для плуга; арбу и деревянные снасти к плугу лагунапыт должен был сделать сам. За все это он выплачивал господину определенную ренту в виде отработки. Строго регламентировались обязанности лагунапыток.

Третья категория зависимых — оги (*lygy*) — составляла переходную группу между лагунапытами и свободными землевладельцами. Накануне реформы их было уже не более 20 дворов. Степень эксплуатации огов была меньшей, чем лагунапытов. Каждый мужчина-ог (с 16 лет) обязан был во время покоса три дня косить, а затем убрать и доставить скошенное сено в деревню или хутор владельца. За собственный посев семейства огов платили владельцу с каждой пары быков, впрягаемых в плуг, от 40 до 60 мер проса. Кроме того, семейства огов ежегодно доставляли владельцу, смотря по состоянию и урожаю, от 2 до 4 арб проса, от 7 до 10 возов дров.

Владелец обязан был за эти повинности предоставлять огу земли под пашню, покос и пастбище. Не мог быть огом тот, кто не в состоянии был «пахать землю в две пары волов». От имел

право выкупиться и перейти в категорию вольноотпущенных (*азат*). Последние были лично свободными, но экономически зависимыми от феодалов; они обязаны были жить в деревне с владельцем, следовать за ним, если тот переселялся в другое место. На новом месте господин отводил ему определенный участок земли для пахоты и сенокосов.

Документы упоминают «свободную чернь», которая состояла из двух разрядов: вольноотпущенников и вольных. Близко к вольноотпущенникам стояли тлхукотлы (*лъхукъуэл*). Они относились к «вольной» группе крестьян и считались юридически свободными общинниками, но фактически уже находились в феодальной зависимости от князей и дворян.

В далеком прошлом кабардинское общество первоначально распадалось на уржков и тлхукотлов. С развитием производительных сил тлхукотлы расслаивались, выделилась группа логананитов. В первой половине XIX в. тлхукотлов было уже немного. По данным 1839 г., в Кабарде проживало около 15 тыс. человек мужского пола. Из них 4650 человек, т. е. одна третья часть, принадлежала к категории «вольных» крестьян. Но в состав «вольных» включались, кроме тлхукотлов, и бывшие крепостные, которые были освобождены Ермоловым в период восстаний 1822—1825 гг. Из последних тогда же было образовано сел. Вольный Аул (200 дворов) на правом берегу р. Нальчик. «Вольными» крестьянами называли также и тех крепостных крестьян, чьи владельцы бежали за Кубань к «непокорным» горцам. Так постепенно образовалась крестьянская прослойка «вольных». Такие «свободные» крестьяне проживали во многих селениях. Тлхукотлов в Кабарде, вероятно, можно сравнить с каракишами в Балкарии.

Таким образом, накануне реформы в Кабарде имелись три категории «свободных» крестьян (вольноотпущенники, «вольные» и тлхукотлы), не вошедшие в общее количество освобожденных (12 тыс.) крестьян, но в той или иной степени испытывавшие на себе феодальный гнет. Все эти группы крестьян составляли один класс (*мэкъумэшыщлэ*) и находились в разной степени феодальной зависимости.

4. КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА В БАЛКАРИИ

В балкарских обществах феодалов называли таубиями, или горскими старшинами, как они именовались в официальных документах до 1852 г. По обычаю в брачные союзы таубии

Таубии

вступали только с женщинами из фамилий таубиев, осетинских алдар и баделят.

После смерти отца земельные участки делились по праву наследования (*кереке*) между наследниками-мужчинами. На основе феодальной собственности на землю развивались вас-

сальные отношения. Феодал-таубий определенный участок земли отдавал своим подвластным в наследственное или условное держание.

В развитии вассально-феодалных отношений большую роль играли *емчеклик-джер* (земли за кормление грудью) и *узденлик* (*ёзденлик*), что означает «узденский подарок». В виде узденлика таубни давали землю, скот, и т. д. Этот феодальный обычай, бытовавший в Балкарии, соответствует кабардинскому *уэркътын* (дворянский подарок). Сосредоточив в своих руках орудия и средства производства, феодальная верхушка беспощадно эксплуатировала крестьян.

Крестьяне Среди крестьян наиболее многочисленной была категория *каракиши*. Накануне отмены крепостного права их насчитывалось около 5 тыс. Эта категория была неоднородной. Некоторые из них (крестьянская верхушка) имели 200—300 голов скота и более, а также холопов, но в силу феодальной замкнутости они не могли переходить в сословие таубиев. Основную массу каракишей составляло эксплуатируемое крестьянство, обремененное многочисленными феодальными повинностями. Они были обязаны, например, давать с каждого двора в период сенокоса таубию человека с парюю быков на день для перевозки сена, а также барана. При разделе имущества каракиша таубни получали определенную долю.

Существовала категория зависимых крестьян под названием *чагары* или *кулы*. За пользование землей, принадлежащей старшинам, они обрабатывали поля, косили и свозили урожай и сепо в дом старшины, используя свою тягловую силу. По правам и обязанностям их положение можно сравнить с положением логанапытов в Кабарде.

Следующая группа зависимых крестьян именовалась *ясакчи* (*жасакъчи*). Они считались лично свободными, но фактически зависели от таубиев. За обрабатываемую землю ясакчи платили таубию в зависимости от ее количества от 2 до 9 мешков зерна в год. За покосную и пастбищную землю они платили скотом. С весны и до зимы ясакчи обязаны были давать владельцу корову для «доения или взамен ее двух баранов, или же 4 рубля серебром».

В исключительно тяжелых условиях находились *казаки* и *караваши*. Эту категорию крестьян документы называют безобрядными или безадатными. Господин имел право их продавать в любое время как рабов.

Для чагар и ясакчи выкупная сумма определялась владельцем. Если у крестьян недоставало денег для выкупа, они давали обязательство уплатить остаток в установленный владельцем срок. При выкупе крестьянин отдавал владельцу все свое имущество. Семейство при продаже не раздроблялось.

В Балкарии феодализм не получил такого развития, как в Кабарде, так как горная Балкария была слабо связана с экономическими центрами Кавказа и юга России. Общественные отношения не достигли уровня крепостничества.

Указание В. И. Ленина о том, что форма и степень внеэкономического принуждения «могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»¹, полностью относится к положению балкарских и кабардинских крестьян, которые по степени эксплуатации делились на несколько перечисленных выше групп.

Наряду с отработочными и натуральными повинностями крестьян стали возникать элементы денежной ренты. Деньги уже начали играть некоторую роль в экономической жизни кабардинцев и балкарцев.

Надежной опорой князей и таубиев в экономическом и идейном порабощении крестьянства являлся ислам. Кабардинские и балкарские крестьяне «по обычаю» несли повинности в пользу духовенства, которые составляли десятую часть от урожая и от продукции животноводства. Кроме того, крестьяне обязаны были вносить ежегодно 50 копеек серебром для главного кадия.

Феодалы продолжали использовать в целях увеличения различного рода поборов и повинностей, усиления гнета наличие в быту кабардинцев и балкарцев многих пережитков патриархально-родовых отношений (обычай крестьянской взаимопомощи, гостеприимства, кровной мести и т. д.).

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 185.

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВЛИ 1800—1845 гг.

Проводя жестокую колониальную политику на Кавказе, царизм вместе с тем в начале XIX в. стремился расширить торговлю с народами Северного Кавказа. Это диктовалось не только требованием нарождавшейся русской буржуазии. Царизм с помощью торговли надеялся приглушить атиколониальную борьбу горских народов, а также прочно подчинить их своему влиянию.

Учреждение
меновых дворов
на Кавказской линии

В целях расширения торговли в 1810 г. было принято решение «приступить к меновому торгу с горцами». А в 1811 г. за счет казны на Кавказской линии было открыто шесть меновых дворов (Прохладненский, Наурский, Лашуринский, Прочноокопский, Усть-Лабинский и Константиногорский) и четыре соляных магазина (Прохладненский, Прочноокопский, Усть-Лабинский и Константиногорский).

Торговцы освобождались от уплаты пошлины. Надзор за торговлей должен был осуществлять назначенный царской администрацией чиновник. Только после соответствующего карантина, доходившего иногда до 40 дней, кабардинцы и балкарцы могли продавать или обменивать свои товары.

Горским народам разрешалось вывозить продукты земледелия и животноводства, а также изделия крестьянской промышленности. Ввозили же к ним хлеб и товары русской обрабатывающей промышленности. Запрещался провоз к ним стали, железа, оружия, золотых монет, а также золота и серебра в слитках. На меновых дворах кабардинцы, балкарцы и другие северокавказские народы могли покупать товары и за деньги, но сбывать свою продукцию имели право только путем обмена товара на товар, что вызывало недовольство горских народов.

Правительство широко разрекламировало проводимые им мероприятия по развитию «свободной» торговли с народами

Северного Кавказа через меновые дворы. На деле же эта «свобода» была фикцией, что признавала сама кавказская администрация. По существу в первое время местные жители могли купить в меновых дворах только соль.

• **Организация
соляной торговли**

Царское правительство прекрасно понимало, что соль, играя большую роль в хозяйстве народов Северного Кавказа, будет важнейшей статьёй в развитии торговли. Поэтому оно пыталось монополизировать соляную торговлю. До учреждения меновых дворов кабардинцы и балкарцы привозили соль из соляных озер Кавказской области с уплатой в казну по 1 р. 50 к. серебром за арбу. С открытием же меновых пунктов они лишались этой возможности и обязаны были покупать соль на этих пунктах по цене 1 руб.— 1 р. 50 к. за пуд. Продажа соли кабардинцам шла главным образом через Прохладненский меновой двор, который занимал одно из ведущих мест в соляной торговле на Тереке.

Кабардинцам и балкарцам было невыгодно менять свою продукцию на соль при меновых дворах. Они предпочитали продавать свои продукты и изделия русским новоселам и в крайнем случае покупать на меновых дворах соль за наличные деньги.

За 12 лет, т. е. с 1811 по 1822 г., на Прохладненском меновом дворе преимущественно кабардинцами было закуплено за наличные деньги около 70 тыс. пудов соли на 106 тыс. рублей серебром. Начиная с 1818 г., количество проданной кабардинцам соли постепенно идет на убыль, и к 1822 г. сокращается до 1200 пудов.

С середины 1822 г. на меновых дворах цены на соль были повышены с 1 р. 50 коп. до 2 руб. за пуд, в то время как в русских районах Северного Кавказа пуд соли стоил от 1 р. 50 коп. до 1 р. 60 к. Это привело к почти полному прекращению деятельности отдельных меновых дворов по продаже соли. Тогда правительство в 1827 г. снизило цену пуда соли до 1 руб. Однако это не привело к существенному оживлению соляной торговли.

Развитию меновой торговли препятствовали также военное положение края, карантинные ограничения и чума, свирепствовавшая здесь в начале XIX в., злоупотребления смотрителей меновых дворов, которые обсчитывали и обвешивали местных торговцев. С другой стороны, со строительством новых крепостей на территории Кабарды (Нальчик, Баксан, Чегем и др.) увеличился приток казачьего населения, у которого местные жители покупали соль значительно дешевле, чем на меновых дворах. Были и другие причины, мешавшие развитию соляной торговли.

В Кабарду и Балкарню приезжали не только казаки, привозившие соль, но и грузинские и армянские купцы. Они привозили хлопчатобумажные ткани и другие товары. Многие из них знали кабардинский и балкарский языки и проникали в далекие горские деревни, где покупали и выменивали местные товары. Мелкий «красный» товар (ситец, бязь, шали, одеяла и т. п.) армян и грузин пользовался большим спросом среди кабардинцев и балкарцев.

**Торговые связи
с Закавказьем**

Через своих приказчиков или агентов закавказские и мздожские купцы обменивали кабардинцам и балкарцам товары первой необходимости на их изделия, в частности на мед, воск. Они имели в Кабарде своих кунаков, которым отдавали товары в кредит. Это обеспечивало им выгодную торговлю. Годовой оборот отдельных армянских купцов превышал 100 тыс. руб.

Рассматривая деятельность армянских купцов, как одну из серьезных причин, ослаблявших казенную меновую торговлю на Северном Кавказе, царская администрация неоднократно ставила вопрос о запрещении или ограничении проезда армянских купцов за черту Кавказской линии. Однако существенных мер предпринято не было.

Закавказское купечество, как и русское, старалось проникнуть в пределы территории кабардинцев и балкарцев и взять торговлю в свои руки. Это не отвечало интересам экономической политики царизма, который с помощью меновых дворов стремился завладеть торговлей. Кабардинцы же предпочитали обходиться как без посредничества частных торговцев, так и без меновых дворов и карантинных застав, ведя торговлю непосредственно с соседними народами.

**Вывоз местных
продуктов
и изделий**

Большим препятствием в развитии торговли служили всякие карантинные ограничения. Поэтому в октябре 1814 г. кабардинцы обратились к главнокомандующему войсками на Кавказе с просьбой предоставить право свободно ездить «по городам российских губерний для покупки всего им нужного и для продажи изделий и продуктов своей земли». Им было разрешено ездить в Астрахань, Кизляр и Кавказскую губернию для свободной продажи продуктов своего хозяйства и покупки необходимых товаров, исключая хлеб и соль, которые они должны были получать с меновых дворов.

Временное ослабление ограничительных мер способствовало некоторому оживлению торговли и хозяйственных связей между кабардинцами и русским населением Северного Кавказа. За 9 месяцев 1815 г. кабардинцами было вывезено через Прохладненский карантин и продано жителям нынешнего Ставропольского края 1277 пудов меда, 65 пудов воска, 77 пудов говяжьего жира и масла.

Важной статьей в торговле кабардинцев был деловой лес. Русские и украинские новоселы испытывали нужду в строительном материале, поэтому естественно, что торговля лесом росла из года в год. За три года, с 1843 по 1845 г., через Известнобродскую и Прохладненскую заставы провезли 6320 арб и повозок различных лесоматериалов.

Предметами торговли служили также изделия крестьянской промышленности. В большом количестве кабардинцы и балкарцы продавали бурки, полсти, черкески, сукна, арчаки и другие изделия. Кабардинские кустари изготовляли ружейные чехлы, шубы, выжигали древесный уголь, которые все чаще стали поступать на рынок. Специально для продажи выделывались пашки, кинжалы. В станице Прохладной в описи товаров, вывезенных из Кабарды с 6 по 28 июля 1815 г., указано было, что Даут Алибеков из сел. Иналова ехал «на одной арбе с кузнечным инструментом и с 70 продажными кинжалами». За 9 месяцев 1815 г. из Кабарды выехало «155 человек на 56 арбах с инструментами кузнечных и серебряных дел».

В начале 40-х годов значительно расширяется ассортимент местных изделий, идущих на рынок. Если в первой четверти в ведомостях, показывающих состав товаров, значится не более 40 названий, то теперь их стало более 80. Основной статьей вывоза по-прежнему оставались ремесленные изделия, продукты животноводства, лесоматериалы и пушнина. С этого времени кабардинцы и балкарцы стали чаще появляться в южных городах и селах России с местными товарами. В 1843—1845 гг. через Известный Брод, Прохладную и Моздок было вывезено 103 756 овечьих, воловьих и козьих шкур на 124 506 руб.

В это же время кабардинцы стали поставлять на рынок земледельческие продукты, в частности просо. В продажу шли также продукты огородничества (лук, чеснок).

Ввозимые товары и продукты В Кабарду, а оттуда в Балкарию ввозился хлеб и товары русской промышленности. Земледелие в Кабарде в начале XIX в. еще играло подчиненную роль и продуктов полеводства далеко не хватало для прокормления населения на протяжении всего года. Поэтому кабардинцы и балкарцы вынуждены были недостающий хлеб покупать или обменивать на свои товары у русского населения. За девять месяцев 1815 г. в Ставропольскую губернию отправилось (через Прохладную) 2145 арб для продажи местных товаров и закупки хлеба.

В донесении таможенного надзора на Кавказской линии на имя начальника Кавказской области от 21 июля 1845 г. указывалось: «Замечено мною, что с некоторого времени провозится через Екатериноградское заречное укрепление к кабардинцам постоянно и в большом количестве пшеница в зер-

не и мука». Главная кавказская администрация предписала местным властям «принять деятельные меры к ограничению ввоза хлеба в Кабарду».

Ввоз промышленных изделий в пределы Кабарды и Балкарии пока что был невелик. В горах отдавали предпочтение «красным» товарам из Грузии. Но русские промышленные товары с каждым годом находили среди кабардинцев и балкарцев все больше покупателей. Сбывались в основном дешевые хлопчатобумажные ткани, из которых изготовлялась крестьянская одежда. Ввозилась также обувь (сапожки, туфли, башмаки) и выделанные кожи (сафьян) для ее изготовления, металлическая и стеклянная посуда, сундуки, предметы домашней утвари и др. С 40-х годов XIX в. в число ввозимых товаров стало входить и железо.

Царское правительство, боясь производства оружия, пыталось ограничивать ввоз стали и железа. Кабардинцы и балкарцы неоднократно требовали, чтобы им было разрешено свободно покупать и эти товары, необходимые для изготовления железных частей плугов, повозок, арб и др. И только в 1843 г. было дано такое разрешение.

В конце 20-х годов наблюдается некоторое оживление ярмарочной торговли в Моздоке и Георгиевске, Екатериноградской и Наурской, которые часто посещались кабардинцами и балкарцами. Они, втягиваясь в рыночные связи и минуя меновые дворы, сами провозили свои товары в глубь русских районов, появлялись на различных базарах и ярмарках Северного Кавказа, закупали различные товары за деньги. Торговлей занимались не только торговцы, но и крестьяне. Так, за 1833 и 1834 гг. на Моздокских ярмарках побывало 20 880 человек, в том числе 6460 выходцев из крестьян.

2. НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ТОРГОВЛИ. РОСТ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1846—1860 гг.)

В 40—50-х годах в социально-экономической жизни России происходит ряд существенных изменений. Начавшийся в 30-х годах промышленный переворот ускорил разложение феодально-крепостнических отношений. Более быстрыми темпами развиваются буржуазные отношения. На 45% выросло купеческое сословие, которое было заинтересовано в торговле с народами Северного Кавказа, становившегося с каждым десятилетием все более емким рынком сбыта товаров русской промышленности и источником сырья. Русские промышленные товары шли через Северный Кавказ в Закавказье, Персию и Турцию. Народы Северного Кавказа, в частности Кабарды и Балкарии,

Разработка
нового положения
о меновой торговле
с народами
Северного Кавказа

вовлекались в систему экономических отношений Российской империи.

Развитие товарно-денежных отношений привело к тому, что меновая торговля через казенные меновые дворы с каждым годом хирела. Свободной торговли требовали не только кабардинцы и балкарцы, но и русские купцы. Учитывая запросы русской буржуазии, а также горских феодалов, царское правительство в феврале 1846 г. издало новое положение о меновой торговле с народами Северного Кавказа.

«По Кавказской линии,— сказано в первом параграфе,— учреждаются постоянные меновые сношения с горами. Главная цель сношений состоит в том, чтобы посредством оных приобрести доверие горцев». Вместо ранее существовавших шести меновых дворов было учреждено 11, в том числе при заставах Червленной, Солдатской (вместо Прохладненской), Известпобродской, Нальчике и др.

Ассортимент ввозимых и вывозимых товаров по сравнению с предыдущим периодом значительно расширился. В положении перечисляется около 120 названий товаров местного производства. Был разрешен ввоз стали, олова, чугуна. Продажа же местным жителям оружия и военного снаряжения по-прежнему запрещалась.

Принятие нового положения о меновой торговле, несмотря на уродливо-колониальный его характер, значительно оживило торговлю на местах. Так, за один 1847 г. в торговых операциях на Кавказской линии приняло участие около 54 тыс. человек, в том числе в г. Моздоке — 7873, на Пришибском меновом дворе и в Екатеринограде — 3519, в Прохладном — 334, на Нальчикском меновом дворе — 8450 и т. д. Заметно выросло число лиц, получивших «увольнительные билеты» на свободный проезд в русские города для торговли. Значительно возрос и объем торговли.

Основные предметы торговли

Продажа скота и животноводческих продуктов занимала по-прежнему важное место в экономической жизни кабардинцев и балкарцев и с каждым годом расширялась. Продавали главным образом овец, овчины, воловь и козьи шкуры, шерсть и жир. В торговом обороте известное место по-прежнему занимали и продукты пчеловодства.

Росла торговля изделиями крестьянских промыслов. Этому способствовало прежде всего расширение товарно-денежных отношений, углубление торговых и хозяйственных связей кабардинцев с соседними районами, городами и областями юга России.

Заметно повысилась производительность труда в бурочном производстве, шорном деле, кузнечном и аробном производствах и в других промыслах. С 1846 по 1849 г. через Прохлад-

пенскую заставу было провезено 556 бурок, 80 черкесок, 1053 аршина сукна, 1 арба седел, 1694 полсти, 102 арчака седельных, 236 колес, 1893 обода и 306 станок, 4218 осей и 55 арб. В 1847 г. через Известнобродскую заставу проехало с товарами 953 человека, в том числе 940 кабардинцев.

Только за четыре года в одном Моздоке было продано арб и частей к ним на 29 422 руб. серебром. Для того времени это была немалая сумма. Вывозились через Моздок также изделия из шерсти, в частности сукно местного производства, бурки, ноговицы. Торговля товарами местного производства велась и в Нальчике. Так, за 1849—1851 гг. здесь было продано 1715 черкесок, 3015 бурок, 1378 шаровар, 1250 аршин сукна, 2665 полстей, 200 башлыков, 200 ноговиц.

По сравнению с предыдущим периодом в 40—60-х годах значительно возрастает продажа лесоматериалов. Кабардинцы и балкарцы вывозили лес, как и раньше, преимущественно через Известный Брод, Прохладную и Екатериноград. Так, за 1847, 1848, 1850 и 1852 гг. через Екатериноградский карантин было провезено лесоматериалов 17 916 арб, в том числе 13 946 кабардинцами, 1255 осетинами, 2654 русскими и 119 арб армянами. Общая объявленная их стоимость достигала 100 тыс. руб.

Как и другие виды торговли, лесоторговля была затруднена рядом ограничений. За вывоз лесоматериалов уплачивалась пошлина. На заготовку и перевозку лесоматериалов затрачивалось много времени и труда, а реализовались они за бесценок. Большую часть леса вывозили «княжеские люди», использовавшие для его заготовки труд своих крепостных.

Начало развития Нальчика как экономического центра

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. возрастает роль Нальчика (основанного как военная крепость в 1818 г.) как торгового центра. Торговлей в Нальчике занимались временно проживавшие здесь русские и армянские купцы, а также мещане (русские, армяне, евреи) и русские крестьяне. Они доставляли сюда разного рода изделия российских фабрик и заводов, необходимые жителям и служащим, и вывозили на ближайшие ярмарки и в Россию меха, кожи, говяжье сало, мед, воск, бурки, полсти, шитье, черкески и т. п.

В укреплении Нальчик по торговым делам съезжались кабардинцы, балкарцы, осетины, ингуши и др. В 40-х годах здесь по понедельникам начали устраивать базары, где местные жители сбывали свои товары русским и армянским купцам и покупали у них промышленные товары (ситец, платки, колпак и т. д.). На торговой площади располагались девять лавок с «красным» товаром, три галантерейные, три бакалейные, семь мелочных лавок, 12 питейных заведений и один трактир. В Нальчике еще не было никаких предприятий, даже мельниц.

В условиях колониального режима Нальчик развивался очень медленно. Слабо росло его население, поэтому незначительным был и его торговый оборот. С 1849 по 1852 г. в Нальчике было продано 3780 различных шкур на общую сумму 6222 руб., что приблизительно равно среднему годовому обороту Нальчикского менового двора.

**Развитие
товарно-денежных
отношений**

8 января 1848 г. в станции Пришибской была впервые открыта ярмарка, на которую съехалось до 1050 человек. Переселившиеся в станцию русские мещане из соседних и центральных губерний поддерживали тесные связи с кабардинцами и балкарцами и даже давали им товары в кредит на значительную сумму. Смотритель Пришибского менового двора в своем рапорте главному попечителю кавказских меновых отношений от 28 мая 1850 г. отмечал, что «мещане Ивановы торгуют в станции Урухской более потому, что поблизости к горам и соседству с разными горскими жителями привлекают знанием их языка к торговле и, имея с ними дружеское знакомство и их властителями, верят им на кредит разные нужные им вещи и продукты и этим доказывают рачительность свою к торговле».

В 50-х годах усиливается проникновение купеческого капитала в Кабарду и Балкарню. Русские торговцы не одобряли некоторых мер царских властей, ограничивавших торговлю с народами Северного Кавказа. В адрес Главной кавказской администрации сыпались жалобы и протесты. В частности, купечество требовало свободного доступа в горские деревни. Местные власти вынуждены были ликвидировать ограничения и устраивать базарные дни в наиболее удобных местах.

В августе 1852 г. состоялось открытие базара при Солдатско-Малкинском меновом дворе. Пришибская ярмарка и солдатско-малкинские базары не могли заменить георгиевские, моздокские и пятигорские ярмарки, которые по-прежнему играли ведущую роль в торговых операциях местного населения; их торговый оборот систематически возрастал. За 1847, 1849 и 1852 гг. на георгиевских и пятигорских ярмарках, преимущественно кабардинцами, карачаевцами и балкарцами, было продано различных продуктов и изделий более чем на 120 тыс. руб.

В 40—60-х годах XIX в. меновая форма торговли стала терять былое значение. В экономику Кабарды и Балкарнии все глубже проникали денежные отношения. В этом смысле очень характерны данные георгиевских и пятигорских ярмарок, на которых местные товары частично продавались за наличные деньги, частично менялись на товары русской промышленности. За указанные годы кабардинцами, балкарцами, карачаевцами и другими народами было куплено на георгиевских яр-

марках товаров на 43 600 руб., а выменено — на 35 695 руб. и вывезено наличных денег 5554 руб.

Русские купцы, не удовлетворяясь ярмарочной торговлей, все более интенсивно проникали в пределы Кабарды и Балкарии. Большую роль в распространении товаров русской промышленности среди кабардинского и балкарского населения играл Нальчик. За четыре года (с 1849 по 1852 г.) в Нальчике было продано промышленных и других товаров на сумму около 30 тыс. руб.

Однако низкая покупательная способность горского населения и продолжавшаяся кавказская война не стимулировали развития торговли. Ввоз товаров русской промышленности на Северный Кавказ не увеличивался, а, наоборот, сокращался. Так, стоимость привезенных на Северный Кавказ товаров в 1849 г. достигала 508 тыс., а в 1853 г. — всего 230 тыс. руб.

**Передача
меновых дворов
в откупное
содержание**

Официальная торговля на меновых дворах шла на убыль. Свободная же торговля, несмотря на все препятствия, расширялась и росла. Теперь значительно легче стало доставать деньги, что до некоторой степени облегчило взаимоотношение кабардинцев и балкарцев с меновыми дворами. Они приобретали соль на этих дворах по-прежнему исключительно за деньги. За 1847—1849 гг. на Нальчикском меновом дворе куплено кабардинцами за наличные деньги 21 212 пудов соли на 5951 руб. По продаже соли этот двор занимал ведущее место.

Серьезное недовольство кабардинского и балкарского народов вызывали колониальный характер торговли на меновых дворах и злоупотребления местных властей. Исполняющий обязанности начальника центра Кавказской линии вынужден был писать главному попечителю в январе 1848 г., что «губернский секретарь Елкин неоднократно был замечен в неприличном обращении с горцами с нанесением обид и, наконец, в обмане их при отпуске соли».

Многочисленные жалобы от кабардинцев в адрес главного попечителя поступали и на смотрителя Солдатско-Малкинского менового двора за «неверный им отпуск соли». По требованию кабардинцев при этом меновом дворе для наблюдения за правильным отпуском соли был назначен кабардинец Харам Утаров.

Торговля солью на меновых дворах не приносила царизму желаемых результатов. С 1 июля 1853 г. меновые дворы были отданы на откуп.

Таким образом, в первой половине XIX в. торговые связи Кабарды и Балкарии значительно расширились, развиваются товарно-денежные отношения, торговля начинает приобретать денежный характер. В торговлю стали втягиваться более ин-

рокне слои местного населения. Но при всем этом товарное производство еще не выходило за рамки простейших форм обмена товаров, свойственных феодально-крепостническому строю. Торговля еще не могла выполнять роль разрушительной силы феодальной формации. Но тем не менее развитие торговли в предреформенный период создавало предпосылки для проникновения в экономику Кабарды и Балкарии буржуазных отношений. Как отмечает К. Маркс, «торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости»¹.

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, 1954, стр. 344.

АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА И СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КАБАРДЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

В начале XIX в. царизм продолжал расширять и укреплять свои позиции на Северном Кавказе. В этих целях в 1818 г. были построены крепости Грозный и Нальчик, заложены укрепления по линии предгорий на реках Черек, Чегем, Баксан, в верховьях Малки, а в 1838 г. сооружено Лескенское военное укрепление. В них содержались резервные военные гарнизоны. В то же время царской администрацией всячески поощрялась казачья колонизация. Под постройку крепостей и под русские и казачьи поселения царское правительство отбирало лучшие земли у кабардинцев. Такая политика приводила к оттеснению кабардинцев в горы, что в свою очередь обостряло национальную рознь. Это было традиционной политикой царизма на Северном Кавказе. В 1839 г. военный министр писал командиру отдельному Кавказскому корпусу, что для покорения народов Северного Кавказа император считал необходимым, «поддерживая политическое влияние, которое мы имеем над некоторыми горскими племенами, употребить одно поколение противу другого». Кабардинцев натравливали на балкарцев, пinguшей, чеченцев и наоборот. Разжигание межнациональной войны было одной из форм порабощения народов Северного Кавказа.

Царское правительство проводило эту политику через феодальную верхушку, являвшуюся надежным его оплотом. Правительство стремилось «приласкать» социальные верхи путем раздачи пожалований. Царская администрация, делая ставку на феодально-крепостнические элементы, содействовала укреплению позиций местной феодальной знати и тем самым

способствовала обезземеливанию и закрепощению горского крестьянства.

**Политика
иностраных держав
по отношению к Кавказу**

Обстановка обострялась еще и тем, что Турция, Иран, Франция и Англия протягивали свои руки к Кавказу. В первой половине XIX в. Северный Кавказ, в частности Кабарда и Балкарция, продолжал играть большую роль в системе международных отношений России. Турция, Иран и их партнеры Англия и Франция лелеяли надежду установить свой протекторат над народами Кавказа. Не случайно английский посланник в России выступил в 1815 г. с утверждением, что граница между Ираном и Россией должна проходить по Тереку. Иностранная дипломатия старалась использовать недовольство местного населения Кавказа, вызванного вмешательством царизма в его общественно-экономическую и политическую жизнь. Часть феодально-клерикальной верхушки, находившаяся в оппозиции к новому порядку на Кавказе, оказалась вовлеченной в подрывную деятельность внешней агентуры. С ее помощью Турция, Иран и европейские державы на протяжении первой половины XIX в. пытались направить национально-освободительную борьбу народов Северного Кавказа в антирусское русло. Обещаниями военной и материальной помощи они подогревали ненависть местного населения к царизму. На Кавказ засылались многочисленные агенты с турецкими прокламациями, в которых содержались призывы к открытой войне с Россией. Англо-французская политика на Северном Кавказе активизировалась в период Крымской войны (1853—1856 гг.). Английские корабли, как и раньше, причаливали к кавказским берегам Черного моря для поддержки Шамиля и Мухамед-Амгла в их борьбе против России. Даже был выработан мифический план создания «независимой Черкесии» под протекторатом западных держав. Но попытки создать союз черкесских народов для борьбы за англо-турецкие интересы потерпели неудачу.

**Учреждение в Кабарде
родовых судов
и расправ. Мехкеме**

Усиление колониального гнета было связано с распространением в Кабарде и Балкарции российских законов и порядков. До конца XVIII в. в Кабарде и Балкарции административная и судебная власть принадлежала местным князьям. Подобное положение не соответствовало интересам царизма. Поэтому с конца XVIII в. царское правительство начинает сосредоточивать управление Кабардой в руках царских чиновников. Прежде всего было введено приставство. Кабардинские князья и дворяне были обязаны отныне свои действия согласовывать с приставом, который осуществлял контроль за их деятельностью. Затем кавказская администрация решила преобразовать

судопроизводство, чтобы постепенно, получив в свои руки основные рычаги управления краем, ослабить влияние местной феодальной верхушки и прочно укрепить свои позиции.

В основу судебной реформы был положен классовый принцип. Решено было создать в Кабарде три родовых суда и три родовые расправы: один родовой суд (княжеский суд) и одна родовая расправа (дворянский суд) на две княжеские фамилии. Председатели и члены суда избирались из княжеской и дворянской среды. В компетенцию родовых судов и расправ входил разбор дел, касающихся семейных и холопских вопросов.

Родовые суды и расправы подчинялись верхнему пограничному суду, который был обязан рассматривать апелляции на их решения. Разбор политических и уголовных дел входил в обязанности верхнего пограничного суда. Важные преступления, как-то: измена, «убийство и разбой... должны быть рассматриваемы прямо в верхнем пограничном суде по законам империи», — говорится в положении о верхнем пограничном суде. Он подчинялся астраханскому генерал-губернатору. Заседатели, за исключением царских офицеров, должны были переизбираться через каждые три года, как и заседатели родовых судов и расправ.

Учреждение родовых судов и расправ было встречено духовенством и частью феодалов враждебно. В судебной реформе они усматривали ограничение своих политических прав. Духовенство при поддержке антирусски настроенных князей развернуло активную деятельность против введенного царскими властями судопроизводства. Оно добивалось полного сосредоточения судебной власти в своих руках и тем самым обеспечение себе в кабардинском обществе привилегированного положения. Духовенство стремилось, чтобы все судебные дела решались по мусульманскому закону, т. е. по шарпату, который не понимали ни народные массы, ни царские чиновники.

Трудящиеся массы боролись за то, чтобы сохранить народное, древнее судопроизводство, т. е. чтобы разбор тяжёбных дел происходил по народным обычаям, по адату.

К рассматриваемому периоду нормы обычного права подверглись глубокой трансформации. Народные обычаи были приспособлены к феодальным порядкам. Шарпат и обычное право в равной мере обслуживали интересы князей и дворян.

Таким образом, на почве судопроизводства, по сути дела, столкнулись два класса и две идеологии: крестьянско-демократическая и феодальная. Спекулируя на освободительных тенденциях народа, духовенство добилось ликвидации родовых судов и расправ.

Взамен родовых судов и расправ в 1807 г. был учрежден духовный суд (мехкеме) в составе председателя — валия,

двух-трех человек от княжеского сословия, восьми дворян, секретаря и кадия (главы духовенства Кабарды и Балкарини).

В Большой Кабарде создавались три мехкеме: по одному для каждой княжеской фамилии. Они судили по корану. При мехкеме действовало «собрание из нескольких князей», на котором председательствовал старший, или главный, князь и именовался уаллем (валлем). Судебные дела, касающиеся двух или трех лиц, принадлежащих разным княжеским фамилиям, рассматривались на совместных заседаниях мехкеме. По требованию «черного народа» некоторые дела были изъяты из ведения шарнатского суда и предоставлены разбирательству по древним обрядам.

Царская администрация отдавала предпочтение адату, который значительно лучше был ей знаком, чем шарнат. Но обстановка в Кабарде и Балкарини была сложная: то там, то здесь вспыхивали волны протеста против укрепляющегося колониального режима. Поэтому правительство вынуждено было временно признать суд мехкеме, который просуществовал до 1822 г.

Создание Временного кабардинского суда

29 августа 1822 г. командующий кавказскими войсками генерал Ермолов обратился к кабардинскому народу с прокламацией, в которой извещал об учреждении в крепости Нальчик Временного кабардинского суда в составе председателя, секретаря и шести членов. К прокламации было приложено «Наставление Временному суду» из 27 параграфов, дававшее возможность кабардинским и балкарским князьям и дворянам решать судебные дела в своих интересах.

Уголовные дела были изъяты из ведения Временного суда. Духовные власти не должны были вмешиваться в решение гражданских дел. По шарнату рассматривались лишь дела, касающиеся семейно-бытовых вопросов. Но на деле по шарнату разбирались самые различные тяжбы, в том числе и дела между владельцами и крестьянами, дела об убийстве, воровстве и т. д. В то же время дела, подлежащие разбирательству по шарнату, например бракоразводные, разбирались в Кабардинском временном суде по обычному праву. На заседаниях Кабардинского временного суда для разбирательства дел по шарнату присутствовал кадий, или «народный эфендий», который толковал статьи корана применительно к обычному праву, а главное — так, как это было выгодно кабардинским князьям и дворянам.

Кабардинский временный суд исполнял и административные функции. Действуя под непосредственным контролем царских офицеров, суд в их руках стал фактически важнейшим исполнительным органом внутреннего управления. Но вместе с тем он в известной мере стеснял свободу действий князей и дворян, ограничивая их произвол. Поэтому они не были до-

вольны реформой Ермолова и после учреждения Кабардинского временного суда неоднократно обращались к царскому правительству с просьбой упразднить административный контроль над судебными делами в Кабарде, предоставив решешие этих дел исключительно их собственному усмотрению.

Новая попытка
упразднить
Временный суд

Стремясь сохранить и закрепить свои права и привилегии, кабардинские князья и уорки подали в 1827 г. наместнику Кавказа ходатайство об упразднении Кабардинского временного суда и восстановления шариата, предоставлении им прав русского дворянства, разделении законов гражданских и духовных, восстановлении подати, которую платили им осетины, возвращении земель, занятых военными сооружениями на Кавказской линии, и т. д.

Судопроизводство затрагивало интересы всех слоев кабардинского общества. Царское правительство со своей стороны рассматривало суд как орудие укрепления своих позиций. Поэтому не удивительно, что вопрос о судопроизводстве и феодалы, и царская администрация старались решить в свою пользу, приводя для этого наиболее веские доводы.

Так, при упразднении в 1822 г. мехкеме Ермолов использовал «сильные жалобы простого кабардинского народа на угнетения, претерпеваемые оным от несправедливого разбирательства дел их шариатом».

Но реакционное духовенство вкупе с некоторыми влиятельными князьями и дворянами продолжали настаивать, чтобы правительство восстановило шариат. Эта просьба не была удовлетворена. А между тем требования кабардинских князей и дворян вызвали разные суждения.

Проект реформы
Бековича-
Черкасского

Среди них особого внимания заслуживает проект князя Бековича-Черкасского, представленный им в 1829 г. под названием «Замечания касательно просьбы кабардинского народа и средства улучшения благосостояния оного». Проект предусматривал ряд изменений в общественно-политической и экономической жизни кабардинцев.

Для ликвидации всех беспорядков (грабежей, феодальной неурядицы и т. д.) Бекович-Черкасский предлагал: 1) приступить к размежеванию феодальных владений и наделению крестьян участками; 2) произвести ревизию душ и выдать владельцам акты о принадлежности им крестьян; 3) определить размер подати, уплачиваемой крестьянами феодалам, и государственной повинности.

Бекович-Черкасский советовал организовать перевод мусульманских законодательств на русский язык. Он предлагал также расширить состав и функции Временного кабардинского суда и сформировать особый суд для Малой Кабарды, введя в

его состав представителей от княжеского, дворянского сословий и кадия. Общие вопросы, касающиеся всей Кабарды, по его мнению, надлежало рассматривать на совместных заседаниях.

Этот проект имел ярко выраженный классовый характер, но вместе с тем являлся шагом вперед по сравнению с другими, так как ставил вопрос о проведении некоторых экономических и политических преобразований.

Ряд положений, выдвинутых в проекте, был осуществлен лишь в период аграрно-крестьянской реформы в 60-х годах XIX в. До этого дело свелось к выделению Кабарды и Балкарии в самостоятельную административную единицу (Кабардинский округ), включающую четыре участка, во главе которых стояли участковые начальники. С образованием Кабардинского округа Временный кабардинский суд был преобразован (1858 г.) в Кабардинский окружной суд, который решал все дела на основе обычного права.

2. ВОССТАНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Усиление колониального режима вызвало ряд выступлений в первой четверти XIX в., носивших антиколониальный и антифеодальный характер. Основной причиной выступлений явля-

лась социально-экономическая и политическая обстановка, сложившаяся в Кабарде и Балкарии в то время. Движущими силами были крестьянские массы, недовольные жестоким колониальным режимом. Но в выступлениях принимали участие и представители феодальной верхушки. При этом крестьяне и феодалы преследовали совершенно различные цели. Первые боролись против колониальных порядков и одновременно против феодального произвола. Вторые стремились использовать недовольство трудящихся в своих узкоклассовых интересах.

Причиной недовольства части феодалов служило нарушение экономических и политических прав кабардинских князей царизмом. Этим обстоятельством воспользовались иностранные агенты, которые подстрекали местное население на вооруженную борьбу против России под флагом священной войны мусульманского мира против «гяуров» (русских). Призывы к борьбе подкреплялись обещаниями военной и материальной помощи. Беглый грузинский царевич Александр, за спиной которого стоял персидский шах, в 1803 г. в письме к осетинскому алдару Дударову сообщал, что персидский шах пожалует ему много денег и богатств, если он будет распространять шахские фирманы среди осетин и кабардинцев. Когда началась война России с Ираном (1804 г.), царевич Александр обратился к кабардинским, осетинским и другим феодалам с предложением закрыть проход в горах для русских войск и истребить их.

Турецко-персидская агентура, установив контакт с местными феодално-клерикальными элементами, стремилась направить выступления народных масс Кабарды и Балкарнии в русло своей агрессивной политики.

Восстание 1804 г. К наиболее крупным восстаниям относится выступление 1804 г. Поводом к нему послужили строительство Кисловодского военного укрепления и наступившие очередные выборы в родовые суды и расправы. Восставшие потребовали уничтожения Кисловодской крепости и ликвидации кордонной линии. Кабардинские князья поддерживали эти требования, так как это отвечало их интересам.

Восстание охватило почти все населенные пункты Кабарды и Балкарнии. Царская администрация лихорадочно стала готовить военную экспедицию в Кабарду и Балкарнию. Новый командующий войсками Кавказской линии генерал-лейтенант Глазенап немедленно связался с Тифлисом, где находился командующий войсками на Кавказе князь Цицианов.

2 апреля 1804 г. Цицианов предписал в течение 15 дней привести восставших «в полное послушание». Прежде чем направить войска, он обратился к кабардинцам с прокламацией о немедленном прекращении восстания. В противном случае князь угрожал жестокой расправой.

В мае 1804 г. против восставших были посланы восемь батальонов пехоты, четыре драгунских полка и 24 орудия под командованием генерал-лейтенанта Глазенапа. 9 мая 1804 г. отряд переправился через Баксан и расположился лагерем на равнине в 10 км от места дислокации повстанцев, которые насчитывали 1500 человек. На другой день произошло вооруженное столкновение между царскими войсками и восставшими. Вскоре восставшие вынуждены были отступить, так как генерал Лихачев со своими солдатами зашел им в тыл. Царские войска стали преследовать отступающих.

Начавшиеся переговоры с восставшими привели к временному прекращению военных действий. Кабардинские парламентарии заявили, что посланы «для испрошения себе милости и чтоб он, Глазенап, хотя еще на одни сутки удержал грозный меч России». Послы обещали русскому генералу «во всем открыться и на все подать свое согласие». Тем временем к восставшим присоединились свежие силы. На помощь пришли также отряды, состоящие из балкарцев, осетин и карачаевцев. Ободренные руководители восстания отказались от дальнейших переговоров.

Рано утром 14 мая Глазенап приказал войскам переправиться через Чегем и атаковать восставших. Сражение происходило в районе р. Шалушки. В бою участвовало с обеих сторон около 13 тыс. человек, в том числе 11 тыс. повстанцев. Прежде всего в бой ринулись пехота и конница, состоявшая

«из черни», т. е. из крестьян. В двенадцати селениях, расположенных вдоль рек Чегема, Шалушки и Оршани, были устроены засады, которые были ограждены «земляными перекопами и заставами из ароб, наваленных камнями». Лишь после семичасового боя царским войскам удалось взять оборонительную позицию повстанцев. Восставшие, разбившись на отдельные группы, продолжали защищаться в укрепленных селениях и башнях, но не смогли устоять против хорошо вооруженных царских войск. Восстание потерпело поражение. Царские войска уничтожили около 80 селений.

Но несмотря на то, что восстание 1804 г. было подавлено, царские войска не могли уничтожить освободительный дух горского населения. Антиколониальная борьба кабардинского, балкарского и других народов продолжалась.

**Выступление
1809—1810 гг.**

Следующее крупное выступление произошло в 1809—1810 гг. Как и прежде, иностранная агентура пыталась оказать влияние на восставших, тем более, что обстановка для этого сложилась благоприятная: продолжались русско-иранская (1804—1813 гг.) и русско-турецкая (1806—1812 гг.) войны.

В сентябре 1809 г. в Кабарду и Балкарию прибыли три агента с манифестами от царевича Александра и ахалцихского Салим-пашы. Им было поручено «приглашать» кабардинцев, балкарцев, осетин и чеченцев к совместному нападению на «российские границы» и содействовать царевичу Александру и ахалцихскому паше «в завладении Грузией».

В ноябре 1809 г. настроенные против России князья пригласили на свое собрание представителя командующего турецкими войсками за Кубанью. С помощью подкупов и различных обещаний он стремился склонить кабардинских князей помочь турецким войскам в войне с Россией. Одновременно распространялись слухи, что на фронте русские войска терпят одно поражение за другим и уже близок момент их полного разгрома, что лозунг всеобщего вооруженного выступления мусульманских народов против России «выставлен на султанском знамени».

Турецкие агенты распространяли среди кабардинцев и балкарцев провокационные слухи о том, что русские власти лишат их «веры и правды», насильно зачислят в казачество, что их будут ссылать в Сибирь и т. д. Колониальный режим царских властей на Северном Кавказе создавал благоприятную почву для веры в подобного рода измышления.

Все это и привело к новому восстанию.

В октябре 1809 г. на р. Малке появился кабардинский отряд из 1 тыс. вооруженных человек, который должен был напасть на Кавказскую линию, но нападение было отложено. В первых числах ноября на собрании, состоявшемся у р. Малки, был

разработан план действия восставших: 1) с наступлением весны 1810 г. все кабардинские селения, находящиеся на равнине, переселить в Баксанское, Чегемское и Черекское ущелье, т. е. в Балкарню; 2) в течение всей зимы и пока не кончится переселение и отгон скота в горы «военных действий против российских границ не начинать».

Однако в дальнейшем среди восставших произошел раскол. Трудящиеся массы отказались воевать за интересы князей и подчиняться решениям, принятым на р. Малке в ноябре 1809 г. В феврале 1810 г. представители 2 тыс. крестьянских семей обратились к управляющему Кабардой генералу Дельпоццо с заявлением, что «черный народ», будучи чрезвычайно от владельцев и узденей притесняем и разоряем, желает переселиться за линию. Сообщив далее, что их владельцы намерены в начале марта согнать их всех с равнины и начать военные действия, крестьяне просили немедленно ввести в Кабарду отряд войск для защиты их жилищ.

Царское правительство вовсе не хотело лишить князей и таубиев крепостных крестьян, поэтому разрешение поднятого крестьянами вопроса затянулось и в конечном счете он так и не был решен. Но тем не менее в Кабарду и Балкарню 14 апреля 1810 г. была отправлена карательная экспедиция во главе с генералом Булгаковым, которая без разбора уничтожала «мирные» и «немирные» селения, сжигала хлеб, истребляла и угоняла скот. Наиболее крупные сражения происходили в верховьях рек Баксана, Шалушки, Чегема, Нальчика. 25 апреля карательный отряд Булгакова соединился с отрядом генерал-майора Дельпоццо, следовавшим из Екатеринограда. В результате этой экспедиции было сожжено 200 селений, угнано 20 тыс. голов скота.

Жестокость, чинившаяся экспедицией Булгакова, вызвала недовольство даже у военного министра России Барклая де Толли, который писал генералу Тормасову: «Если верить известиям, то экспедиции против кабардинцев и закубанцев состояли в совершенном разграблении и сожжении их жилищ; жестокие сии действия, доводя тех народов до отчаяния, возбуждали только к нам ненависть их, и вообще обращение с соседственными сими народами более служит к отвращению их от нас, нежели к установлению в том краю спокойствия».

Исход восстаний 1809—1810 гг. свидетельствует о том, что со стороны крестьян было наивно надеяться освободиться от феодального произвола с помощью царизма, защищавшего интересы господствующего эксплуататорского класса.

Несмотря на жестокий колониальный гнет, кабардинский народ, когда речь шла о судьбе России, всегда выступал на стороне Русского государства. Так было и в период Отечественной войны 1812 г. Кабардинцы и другие адыгские народы

изъявили желание сформировать ополчение. Летом 1812 г. было создано «Черкесское войско», состоящее из нескольких тысяч конников. Военные специалисты придавали большое значение кабардинской коннице.

Черкесское ополчение
в Отечественной
войне 1812 г.

Формирование ополчения проходило с большим успехом. Первыми явились на сборные пункты известные своей преданностью Русскому государству князья Бековичи-Черкасские, султан Менгли-Гирей, князь Айтек Мисостов и др. Последние вербовали ополченцев среди закубанских черкесов. Как отмечалось позднее в печати, «успех дела превзошел самые смелые ожидания» и вместо одной сотни, о которой раньше могли только мечтать, теперь появилась возможность двинуть в действующую армию отборную кабардино-черкесскую конницу, состоящую из нескольких тысяч всадников. Однако сбор ополчения оказался напрасным. Размах патриотического движения породил страх и тревогу у правящих кругов России. Правительство боялось вооружить народ и считало опасным держать под ружьем многотысячную армию «туземцев». Поэтому готовые к походу воины были распущены.

А. П. Ермолов
на Кавказе.
Подавление восстаний
1822 и 1825 гг.

В 1816 г. войска, расположенные на Кавказе, были сведены в отдельный Кавказский корпус под командованием генерала Ермолова. А. П. Ермолов проводил на Кавказе жестокую колониальную политику, расправлялся не только с простым народом, но и с некоторыми представителями господствующего класса, придерживавшимися антирусской ориентации. Оккупационный режим, установленный Ермоловым, вызвал недовольство народных масс.

В 1822 и 1825 гг. в Кабарде снова начались крупные выступления. Непосредственным поводом к восстанию явилось строительство новой линии через Кабарду, создание Временного кабардинского суда. К движению примкнула часть князей, пытавшихся его возглавить. В результате неоднократных экспедиций царских войск выступления были подавлены, восставшие скрылись в горах.

Генерал Ермолов в 1822 г. «разорил и рассеял почти всю Кабарду», так что к 1834 г. осталось не более 35 тыс. кабардинцев. Многие владельцы сдавались на «милость начальства», другие со своими крестьянами бежали за Кубань. Переселившиеся за Кубань кабардинцы получали название «беглые кабардинцы».

В качестве наказания феодалам, участвовавшим в восстании, Ермолов объявил «свободу» их крестьянам. Это была лицемерная политика. Обещанием «свободы» Ермолов подогревал ненависть крестьян к князьям, создавал угрозу для кабардинской знати остаться без крепостных. В данном случае царизм бил по самому уязвимому месту феодалов, постоянно

просивших царскую администрацию возвратить им беглых крестьян. С другой стороны, за теми владельцами, которые были преданы России, оставлялись их права. В прокламации от 26 июня 1822 г. Ермолов гарантировал кабардинским князьям, вернувшимся с гор, неприкосновенность земель и собственности, достоинства и званий, сохранение за ними «прежних прав над подвластными», лишь с запрещением «лишать рабов жизни».

Многие крестьяне бежали от своих господ в надежде получить свободу. В 20-х годах XIX в. из таких беженцев на правом берегу р. Налчика образовалось сел. Вольный Аул в 200 дворов. Подобного рода беженцы в большом количестве селились также и в других кабардинских селениях, зачисляясь в разряд «свободных людей». Однако вскоре князья и дворяне стали восстанавливать свою власть над бывшими крепостными. Так происходило второе закрепощение крестьян.

3. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В 30—50-х ГОДАХ

Классовую борьбу в Кабарде и Балкарии нельзя рассматривать изолированно от общего положения в России. В 30—40-х годах XIX в. стихийное движение крестьянских масс России неуклонно нарастало. В антикрепостнической борьбе русского крестьянства участвовали многие народы России. Большой размах приняла и антифеодальная борьба кабардинского и балкарского крестьянства.

Крестьянское
движение 1837 г.

Одним из звеньев этой борьбы было волнение крестьян князя Бековича-Черкасского в 1837 г. в Малой Кабарде, вызванное, по словам крестьян, тем, что Бекович-Черкасский неправильно взыскивал с них подать. Когда князь Бекович-Черкасский с целью предупреждения бунта приказал связать одного холопа «за тайное сообщение с казаками через карантинную линию», это вызвало взрыв возмущения. Крестьяне выступили с оружием в руках против князя. Не желая подчиниться феодалам и нести в их пользу повинности, 400 крестьян покинули деревню и бежали в горы. «Почетные» кабардинские старики ездили к восставшим и в течение шести дней уговаривали их вернуться, но крестьяне не согласились ни на какие предложения. Видя, что волнения принимают серьезный характер, командующий войсками на Кавказской линии Вельяминов счел нужным «употребить против малокабардинцев оружие» и направил против них 300 солдат с артиллерией. Крестьяне отступили под натиском царских войск в глубь ущелья, но вскоре вынуждены были сдаться. Многие бунтовщики были арестованы и сосланы. Упорный характер носили волнения крестьян в Большой Ка-

барде в 1838 г. Их возглавил «вольный» кабардинец Карданов. Поводом к выступлениям послужило то, что царское правитель-

Волнения
кабардинских
крестьян в 1838 и 1854 гг.

тельство в 1838 г. начало строить Лескенское военное укрепление, рассчитывая возвести его руками кабардинцев. Для заготовки и доставки строительных материалов по требованию царской администрации в Лескен было направлено свыше 5 тыс. крестьян. Управляющий строительством заставлял их работать без отдыха, не давал продовольствия, чинил произвол и издевался над ними. Через несколько дней они отказались от работы. Когда начальство потребовало от крестьян немедленно приступить к заготовке леса, кабардинские крестьяне не подчинились и под предводительством Карданова «скрылись с оружием в руках».

Командующий Кабардинской линией подполковник Коротков потребовал от собранных им князей и дворян, чтобы они немедленно уговорили восставших приступить к работе, в противном случае он угрожал «силою оружия» подавить восстание. Но в течение девяти суток восставшие не соглашались ни на какие предложения владельцев, пытавшихся уговорить их выйти из леса и приступить к работе. Кабардинские князья, напуганные волнением, вынуждены были дать «присягу» восставшим. Лишь после этого крестьяне вышли из леса и приступили к работе.

Характерно, что в своей «присяге» князья оправдывали царское правительство, его жестокую колониальную политику. Но волнения не прекратились. Крестьяне решили отыскать заключенный сто лет назад между владельцами и «черным» народом так называемый Каратекский акт, согласно которому князья должны были управлять Кабардой по древним обычаям, а не по шариаду. Таким образом, одним из лозунгов крестьянского движения являлось восстановление судопроизводства по адату, так как нормы шариада в ряде случаев были тягостными для народных масс.

В 1854 г. во владениях Бековича-Черкасского на почве непосильных повинностей и притеснений снова взбунтовалось около 100 дворов. Крестьяне отказались выполнять повинности и платить подати. Несколько крестьян разъехались по селениям и вели агитацию против князя, убеждая народ «сложит с себя повинности, не платить подати и не отбывать никаких повинностей». Дело дошло до того, что взбунтовавшиеся крестьяне «вопреки обычаю,— как сообщалось в рапорте князя,— осмеливались наносить обиды... и с оружием в руках покушались на жизнь его».

Эти волнения и бунты были типичной формой борьбы крестьянских масс против феодальной эксплуатации и колониального режима. Одной из форм классовой борьбы в первой поло-

вине XIX в. являлось бегство крестьян от своих феодалов. Балкарня являлась своеобразным приютом для беглых крестьян из Осетии, Кабарды, Дагестана, Грузии и т. д. Крестьянские выступления в Балкарнии Балкарские же крестьяне, скрывавшиеся от преследования князей, дворян и царских чиновников, находили приют в среде крестьянских масс других народов Северного Кавказа. Так, в 1844 г. три крестьянские семьи, принадлежавшие прапорщику Темирханову, а именно: Маска Тандуев, Касай Шангуров и Заурбек Тамазаев со своими семьями бежали в Северную Осетию (в Дигорью). В том же году холоп Магомет Хашаев бежал в Большую Кабарду и скрывался в деревне Каголкина.

30 июня 1849 г. начальник центра Кавказской линии генерал Эрнстов сделал предписание о розыске и аресте грузинского крестьянина Кучука Лобжанидзе, скрывавшегося в «Балкарнии в деревне Магомста Баташева».

Несмотря на усиление административного надзора, неповиновение балкарских крестьян таубиям не прекращалось. Протест крестьян против феодальной эксплуатации достиг такого напряжения, что начальник центра Кавказской линии 13 декабря 1851 г. послал предписание приставу Балкарнии о запрещении балкарским крестьянам переселяться из селения в селение и о закреплении их за таубиями. Но эти меры только усилили классовую борьбу в Балкарнии. От глухого протеста крестьяне переходили к открытым выступлениям.

В 1855 г. восстали крестьяне в Чегемском и Хуламском обществах. Они требовали уменьшения феодальных поборов и других многочисленных повинностей, добивались права свободного пользования пастбищами. Но волнение это не приняло вооруженного характера, и таубиям удалось обманным путем «успокоить» их.

Протесты крестьян выражались и в многочисленных прошениях на имя начальника округа. В них содержались жалобы на чрезмерное притеснение со стороны таубиев.

В 1858 г. начались волнения в Кирхожанском поселке. Его жители подали жалобу на князя Атажукина начальнику Кабардинского округа Орбелиани, в которой обвиняли князя в том, что он «несправедливо считает их своими холопами», и требует уплаты податей за пользование землей. В 1862 г. они вторично подали жалобу, в которой говорилось: «Не будем нести никаких холопских повинностей». Дело дошло до вооруженного столкновения.

В начале 1864 г. крестьяне Балкарского общества обратились к начальнику Кабардинского округа с прошением о снятии с них зависимости от балкарских таубиев, ссылаясь на то, что когда-то они были свободными, «ни от кого не зависимыми», но с постройкой крепости Налчик таубии поработили их,

«угрожая им, в случае неповиновения, окончательным истреблением». Спор между «свободным» узденством и таубиями стал предметом обсуждения в канцеляриях кавказской администрации. Кабардинский окружной суд, рассмотрев этот вопрос, постановил: «...обязать... под опасением строгого наказания, всем подвластным балкарских таубий нести те повинности, какие каждому из них определены народными обычаями...» Обстановка была настолько накалена, что местная администрация вынуждена была предпринять меры к предотвращению открытого выступления каракишей против царских властей и местных феодалов. С этой целью 11 июня 1864 г. было созвано совещание, на котором присутствовали выборные от таубиев и подвластных им каракишей, начальники Кабардинского округа и Черкесского участка. Здесь были уточнены и зафиксированы те повинности, которые несли крестьяне-каракиши. Но эта «солидарность» двух противоположных общественных групп продолжалась недолго.

Классовые противоречия в Кабарде и Балкарии усилились накануне отмены крепостного права. Этому способствовали слухи об освобождении крестьян в центральных губерниях России. Все более учащались случаи неповиновения и «непослушания» крестьян владельцам. «Бунты» холопов и «самовольные» их отлучки стали частым явлением.

Классовая борьба, как заявляла администрация, настолько обострилась что «нужны были особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения» между крестьянами и феодалами. Несмотря на стихийность и неорганизованность, антифеодальное движение, охватившее крестьянские массы, расшатывало крепостнический строй и сплачивало эти массы на борьбу с общим врагом — царизмом.

Движение Шамиля и Кабардино-Балкария Кульминационной точкой в развитии национально-освободительной и антифеодальной борьбы народов Северного Кавказа в XIX в. явилось движение Шамиля, развернувшееся под флагом мюридизма, главным лозунгом которого был «газават» — священная война против «неверных». Мюридизм являлся наиболее реакционным учением ислама в XIX в. Еще в начале XIX в. известный политический деятель Исмаил Атажукин указывал, что духовенство «развращает» народные массы. Став господствующей религией, ислам прочно овладел всеми звеньями политической и духовной жизни населения. Часть мусульманского духовенства выступала в роли агентов Турции и Персии, подстрекала кавказские народы на борьбу с «неверными», тем самым осложняя взаимоотношения народов Кавказа с народами России. Характеризуя роль ислама в разжигании вражды между народами, Маркс и Энгельс писали: «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство

сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правых и неверных. Неверный — это «харби», враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»¹.

Несмотря на то, что в Кабарде и Балкарии, Осетии и Кумыкии, Черкесии и Адыгее идеология мюридизма не получила широкого распространения, движение Шамиля оказало влияние на развертывание антифеодальной и антиколониальной борьбы в этих районах.

В период движения горских народов под руководством Шамиля усилилось бегство кабардинских и балкарских крестьян в Чечню, Ингушетию, Осетию и Дагестан. Начальник центра Кавказской линии сообщал 10 августа 1847 г., что «более чем 60 человек кабардинцев... намерены с семействами своими бежать в Чечню». Для осуждения кабардинцев за связь с абреками и Шамилем была создана специальная военная судебная комиссия.

Шамиль имел непосредственную связь с главным эфенди Кабарды Умаром Шеретлоковым, влиятельным князем Мисостом Атажукиным и другими представителями феодальной знати. Установив контакт с Шамилем, они пытались использовать антиколониальное настроение кабардино-балкарского крестьянства в своих интересах, надеялись своей прошамильской ориентацией припугнуть царское правительство, выторговать у него политические уступки. К тому же слухи о вооруженном восстании в Чечне и Дагестане все больше и больше проникали в Кабарду и Балкарию, возбуждая массы.

Шамиль понимал, что симпатии кабардинского и балкарского крестьянства не на стороне царизма. Учитывая это обстоятельство, Шамиль в 1846 г. с 12-тысячным отрядом предпринял поход в Кабарду. Большая часть феодалов, тесно связанная с царизмом, считала, что присоединиться к Шамилю нельзя. Она при поддержке царских войск сумела взять верх и удержать народ от массового перехода на сторону Шамиля. В то же время царская администрация стала стягивать войска к Нальчику.

Видя это, Шамиль 25 апреля начал поспешное отступление. Вместе с ним бежало много кабардинцев. Специальный суд, организованный в 1847 г. для наказания лиц, бывших в связи с Шамилем, буквально не успевал разбирать дела. С каждым годом их становилось все больше и больше.

Терпя одно поражение за другим, Шамиль продолжал борьбу до 1859 г. На последнем этапе широкие массы начали отходить от движения, так как оно не принесло им освобождения от ига местных феодалов. В 1859 г. царские войска взяли послед-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, стр. 167.

ний оплот Шамиля — Гуниб. Однако в западной части Кавказа адыгские народы продолжали борьбу вплоть до 1864 г.

4. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ГОРЦЕВ В ТУРЦИЮ

Во время и после окончания Крымской войны 1853—1856 гг. на Северный Кавказ были посланы многочисленные агенты, распространявшие прокламации турецкого правительства и призывавшие население отказываться от подданства России, переселяться в Турцию, где их якобы ждет «райская жизнь». Иностранные державы рассчитывали использовать переселившихся горцев для борьбы против России. Благоприятная почва для этого создавалась и самим царизмом: отбирая земли у местных жителей, он вызывал у них резкое недовольство. Царское правительство было заинтересовано в уходе в Турцию части «непокорных» жителей. Это отвечало интересам колониальной политики царизма. Освободившиеся земли, оставленные переселенцами, предполагалось заселить колонизаторскими элементами, служившими надежной опорой царизма на местах. Именно с этой целью и при поддержке начальника Терской области Лорис-Меликова царский генерал Муса Кундухов спроводил в 1865 г. переселение небольшой группы осетин и 22 тыс. карабулаков в Турцию.

В 1860—1861 гг. из Кабарды выселилось около 10 тыс. человек, в 1865 г. — 3 тыс. Из Кубанской области в 1863—1864 гг. переселилось в Турцию около 500 тыс. человек. Это было трагедией адыгского народа. Десятки тысяч погибли от тифа и голода.

Дневная смертность переселенцев в одном Трапезунде в 1864 г. колебалась от 180 до 250 человек. Однако местные феодалы и мусульманское духовенство не останавливались ни перед чем, чтобы выторговать у царского правительства больше прав для себя. Угроза переселения в Турцию стала их излюбленным методом для достижения своих целей. Часть кабардинских феодалов, отрицательно относившихся к реформам 60-х годов, пыталась организовать новое массовое переселение в Турцию. Но народные массы не пошли за феодалами.

Народные антифеодальные и антиколониальные движения показали царизму невозможность управлять народами Кавказа при помощи одной только военной силы. В то же время развитие капитализма в России, стремление русской буржуазии к расширению рынков сбыта своих товаров, к использованию природных богатств Кавказа и захвату местного сырья толкало царское правительство на путь проведения на Кавказе некоторых социальных преобразований при сохранении военно-колониального режима.

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ КАБАРДЫ В XVIII —
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.****1. АЛЕКСАНДР БЕКОВИЧ-ЧЕРКАССКИЙ**

Видную роль в истории России XVII—XVIII вв. сыграли сподвижники Петра I, выходцы из Кабарды Михаил Яковлевич, Михаил Алегукевич, Алексей Михайлович и Александр Бекевич-Черкасские. В русском государстве они занимали высокое положение. Служба Черкасских в России способствовала укреплению кабардино-русских отношений. Особенно видную роль играл Александр Бекевич-Черкасский.

Алексей Бекевич (до крещения Давлет-Джер) воспитывался в доме дяди царя Петра — князя Бориса Алексеевича Голицына. Здесь же он получил «приличествующее его высокому происхождению» домашнее образование. Зная в ту пору Черкасского писали, что в нем «видна скромность... благородство и твердость духа, обличающая война по происхождению». В 1707 г. Петр I послал его в Голландию и Францию для изучения разных наук, особенно мореплавания. «Учитца в зимнее время, — писал в указе Петр Александру Черкасскому, — языку, арифметике, геометрии и навигации, а лета выходить на кораблях для изучения оного пути».

По возвращении из-за границы князь Бекевич-Черкасский был по воле царя женат на княжне Марии Борисовне Голицыной и зачислен в армию в чине капитана гвардии Преображенского полка. Он становится ближайшим сподвижником Петра I во многих его начинаниях, ревностным проводником «петровских государственных реформ».

Укрепившись на Балтике, Петр I решил обезопасить южные пределы Русского государства, для чего в первую очередь необходимо было создать флот на Каспийском и Черном морях, а также заручиться поддержкой народов Кавказа. Для выполнения столь серьезных задач Петр признал «годной особой» Черкасского, который в личных беседах с царем неоднократно высказывал мысль о необходимости привлечения гор-

ских народов на сторону России для «интереса государственного».

В 1711 г. Александр Бекович-Черкасский по поручению Петра I отправился в Кабарду и Дагестан для привлечения к царской службе «тамошних народов». Его миссия завершилась успешно. Кабардинские и другие горские владельцы торжественно подтвердили свою преданность России и выразили готовность в случае войны с Турцией собственными силами защитить побережья Каспийского и Черного морей от вторжения вражеских войск, а также обязались «чинить поиски» на Крым и Кубань, если последние — вассалы Оттоманской империи — вздумают поднять оружие против России. Так действиями Черкасского основательно были подорваны планы турецкой экспансии на Северном Кавказе.

В 1714 г. указом Петра I от 29 мая сенату было предложено подготовить посольство в Хиву для «сыскания настоящего торгового дела», караванных и водных путей на Хиву, Бухару и Индию. Послом назначили Александра Бековича-Черкасского. Он был облечен большими правами и полномочиями; воеводам предписывалось «чинить отправленне во всем, чего он будет требовать, без всякого задержания».

Летом 1715 г. посольство из Астрахани вышло в море. Оно первым проплыло по всему восточному берегу Каспийского моря. Во время этой экспедиции Бекович-Черкасский составил первую карту Каспийского моря, исполненную по всем правилам картографии того времени и отличавшуюся высоким качеством. Вернувшись вместе с посольством в Астрахань, Бекович-Черкасский отправился в Ливаву для доклада Петру I о результатах экспедиции. В начале февраля 1716 г. он встретился с Петром. Здесь Бекович-Черкасский был официально объявлен послом к хивинскому хану с чрезвычайными полномочиями.

В мае 1717 г. посольство отправилось в Хиву. Через два месяца, находясь в нескольких переходах от Хивы, оно было окружено 25-тысячным войском хивинцев. Хан Ширгазы пошел на хитрость. Он прислал к Бековичу-Черкасскому парламентаров с извинением, что-де если бы он, хан, раньше знал о мирных целях посольства, то никогда не напал бы на него. Бекович-Черкасский поверил им.

Он был приглашен к хану и в сопровождении 700 драгун и казаков явился в его ставку, где вручил ему «государевы подарки». Хан Ширгазы, сославшись на то, что не сможет прокормить русское войско в одном месте, предложил, разделив его на несколько отрядов, расквартировать в разных городах. Когда отряды были отведены на значительное расстояние от Хивы и друг от друга, ханские войска внезапно напали на них и истребили почти всех. Самого Бековича-Чер-

касского долго истязали, потом отрубили ему голову и, воткнув ее на кол, выставили на базарной площади. Два его брата также погибли.

Так, отстаивая интересы Русского государства, погиб Александр Бекович-Черкасский, начальник первой русской экспедиции в Хиву. Заслугой его является то, что он первым, как пишет Пушкин, проложил «русское русло в Среднюю Азию».

Предание гласит, что Петр на смертном одре жалел о двух вещах: «что не отомстил Турции за Прутскую неудачу, а Хиве — за убийство Бековича».

В память о Бековиче-Черкасском в русском народе сохранилась поговорка «Погиб, как Бекович», а у кабардинцев — «За Русь дадим начинить себя соломой, как наш Бекович». В его честь заливы у Мангышлакского полуострова и Красноводска названы Александр-Бай и Бухта Бековича, а в 1819 г. там поставлен ему памятник.

Таким образом, сподвижники Петра I — Черкасские внесли определенный вклад в развитие русской науки, укрепление мощи Российского государства, в дело защиты от иноземных захватчиков.

2. ДЖАБАГИ КАЗАНОКО

Выдающийся общественный деятель Кабарды Джабаги Казанок был широко известен как среди адыго-кабардино-черкесов, так и среди балкаро-карачаевцев, осетин и притеречных

Джабаги — противник
международной
розии

кумыков. Родился он в 1686 г. По преданию, был «незаконнорожденным от холопки», младенцем подброшен к чабанам, которые и воспитали его.

Джабаги Казанок вступил на общественное поприще в очень сложное и трудное для Кабарды время. Трудности эти исходили от внутреннего положения самой Кабарды, с одной стороны, и яростной борьбы России, Турции, Персии за сферы влияния на Северном Кавказе — с другой.

Джабаги Казанок принимал самое активное участие в общественной жизни Кабарды и Балкарки. Он занял пост советника старшего князя — правителя Кабарды Асланбека Кайтукина, широко известного в русской истории под именем Асланбека. Ш. Б. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа» указывает, что во время правления Асланбека последний всегда руководствовался советами Джабаги Казанок — «человека благоразумного».

Дальновидный политик и дипломат, Джабаги Казанок в области международных отношений постоянно ориентировался на Россию. Он неоднократно пытался сблизить в интересах Русского государства кабардинских феодалов, разделившихся

на баксанскую и кашкатаускую группы. Пока Джабаги был советником у князя Асланбека Кайтукина, последний твердо держался русской ориентации, о чем свидетельствуют многочисленные послания князя Кайтукина Петру I, подтверждающие верность и подданство подвластных ему кабардинцев и соседствующих с ними балкарских племен России. В декабре 1722 г. Джабаги Казаноко как доверенное лицо Асланбека Кайтукина был послан в Астрахань, где встречался с Петром I и вел с ним переговоры по кабардинским делам.

Обладая незаурядным умом и большими познаниями в области народных обычаев и традиций и являясь образованным для своего времени человеком (учился, как утверждают народные предания, в Крыму, ездил в Турцию и Аравию), Джабаги Казаноко проявил себя крупным организатором и общественным деятелем не только Кабарды и Балкарии, но и всего Северного Кавказа. Он призывал к организации «межнационального союза», к урегулированию мирным путем земельных споров, к отказу от набегов друг на друга. При его участии, например, был решен спор, возникший в 1709 г. между кабардинцами, крымцами и балкарцами по определению своих границ. На камне развалин фамильной башни Гиргоковых в Хуламском обществе найдена была арабская надпись, гласившая, что в разборе дел о границах Балкарии принимал участие в числе других и Джабаги Казаноко.

Критика шариатского суда

В то время в Кабарде существовала двухпалатная судебная система: верхняя — мехкеме и нижняя — хейжа. Джабаги Казаноко был избран народом главою хейжа. Если раньше функции хейжа ограничивались третейским разбором семейно-бытовых дел, то с приходом Джабаги хейжа превратился в политический орган, отстаивавший интересы крестьянства.

Джабаги Казаноко внимательно следил за постановлениями и решениями мехкеме и, находя в них мотивы несправедливости, публично разоблачал шариатское судопроизводство.

Авторитет и популярность Джабаги встревожили феодальную знать, и она пыталась привлечь его на свою сторону. Известен, например, рассказ о том, как глава мехкеме Уарий прибежал к разным уловкам, чтобы заставить Джабаги занять место заболевшего члена суда, на что Казаноко ответил: «Не могу занять его место, у нас головы разные».

Джабаги — поборник гуманизма

В фольклоре кабардино-черкесов и карачаево-балкарцев имеется цикл рассказов о борьбе Джабаги с крымцами. В одном из них повествуется о том, как Джабаги положил конец той позорной дани юношами и девушками, которую кабардинцы платили каждому вновь вступившему на престол крымскому хану.

Джабаги Казаноко выступил и против кровной мести. Разъезжая по селениям, он выискивал враждующие семьи и примирял их. Когда феодальные распри доходили до военного столкновения, Джабаги, не страшась княжеских угроз, поднимал массы против «гибельных для народа княжеских затей». Ему удалось, например, погасить на время феодальную распри, разгоревшуюся было в 1725 г. между князьями Кайтукинской и Мисостовской фамилий.

В своей общественно-политической деятельности Джабаги Казаноко всегда выступал в защиту обездоленного крестьянства и побуждал его к активной борьбе против феодально-крепостнического произвола. В то же время он призывал свой народ к дружбе и политическому союзу с крепнущей Россией.

Джабаги пытался демократизировать некоторые бытовые традиции кабардинцев, в частности призывал улучшить положение женщин, уменьшить калым, запретить многоженство. Многочисленные сказания о Джабаги Казаноко говорят о его демократических устремлениях, гуманизме, последовательности в защите интересов зависимых сословий.

В фольклоре кабардинцев и балкарцев имеется целый цикл пословиц и поговорок, авторство которых приписывается Джабаги Казаноко. Этот цикл известен под названием «Так сказал Джабаги». В него входят изречения, определяющие нормы поведения человека в семье, быту, на общественном поприще: «Жизнь — это цепь деяний», «Совет — мать ума», «Умный обходит глупого» и т. д.

Умер Джабаги Казаноко в 1750 г. и, по народной версии, похоронен в сел. Казанокей. Памятник, установленный на его могиле, в конце XIX в. был перевезен в Нальчик, в садик Свободы, где он стоит и поныне.

3. ИЗМАИЛ-БЕЙ АТАЖУКИН (60-е ГОДЫ XVIII в. — 1812 г.)

В конце XVIII — начале XIX в. Кабарда вновь стала ареной острой борьбы между Россией, Турцией и Персией, стремившихся укрепить свои позиции на Кавказе. Политическая обстановка была накалена до предела. В это время и выступил на историческую арену Измаил Атажукин.

**Измаил-Бей
Атажукин в России**

Измаил Атажукин долгое время жил в России. Он принимал участие в военных действиях против Турции и дослужился до чина подполковника. В ходе войны Измаил Атажукин не раз показывал пример храбрости и воинского искусства. В 1790 г. под командованием великого русского полководца А. В. Суворова он принял участие в штурме и взятии крепости Измаил, за что был награжден военным орденом Георгия 4-й степени.

В списке награжденных Атажукина именуется как «Измаил-Бей».

Измаил Атажукин принимал участие в переговорах по заключению Ясского мирного договора, установившего границу между Россией и Турцией по Днестру.

Правительство Екатерины II, намереваясь использовать Атажукина в северокавказских делах, разрешило ему в 1794 г. вернуться на родину. Обстановка здесь была в то время исключительно напряженной. Сразу же обнаружилось, что Атажукин не одобряет завоевательную политику, проводимую царизмом на Кавказе. Его симпатии были на стороне борющегося народа. Поэтому он был удален из Кабарды. Лишь спустя 10 лет, в 1804 г., ему разрешили вернуться на родину, где он активно включился в политическую жизнь.

Известный кавказовед П. Г. Бутков называет Атажукина «просвещеннейшим всех своих земляков». Он в совершенстве владел русским языком, знал французский язык.

Взгляды Измаил-Бея на общественную и политическую жизнь Кавказа и Кабарды

Взгляды Атажукина на кавказские дела нашли отражение в его письмах, записках и выступлениях. Одним из первых он определил общественно-экономический строй Кабарды как феодальный. В своей записке в министерство внутренних дел в 1804 г. об общественном строе кабардинцев он писал, что феодально-вассальное или «ленное правление существует между ними во всей своей силе... В случае каких-либо постановлений собираются сеймы, составленные из дворян и князей. Тут все предметы уважаются и решаются. Собираются же обыкновенно у старшего летами князя».

Несмотря на свою принадлежность к господствующей верхушке, Атажукин вскрыл угнетенное положение крестьянства, которое находилось, по его словам, «в совершенном унизительстве дворян и князей».

Большая заслуга Измаила Атажукина состоит в том, что он решительно выступил против традиционной политики царизма на Кавказе «разделяй и властвуй». Он писал: «Политика России с горскими жителями состояла до сей поры в том, чтобы содержать их между собою в некотором несогласии... Здесь не место исследовать, до какой степени такое правило с хорошей моралью может быть согласно». Он осуждал карательные экспедиции царских войск, произвол и насилие чиновников. С учреждением линии, замечает Атажукин, казаки стали притеснять горцев без разбора, виновных и невиновных. Атажукин безоговорочно стоял за укрепление экономических и политических связей Северного Кавказа с Россией. Но, по его мнению, это нужно было сделать не военно-феодальными методами, а путем «добровольного покорения». Он считал, что «усми-

рить силою сих горских жителей никогда возможности не будет».

Измаил Атажукин осуждал также протурецкую ориентацию части князей и дворян, отсутствие единства среди них, игнорирование интересов всего народа. Он призывал всей Кабардой сплотиться вокруг России. В 1805 г. Атажукин говорил: «Благоразумие наших предков, которых память нам любезна... советовала нам жить под защитою великого государства (России. — *Ред.*)».

Вину за отсутствие единства в народе Измаил Атажукин возлагал на мусульманское духовенство, которое, по его мнению, «развращает вообще всех оных обитателей», получая от «Порты важные награждения». Кабардинское мусульманское духовенство решило расправиться с Атажукиным и потребовало явки его на шаршатский суд. Однако он отказался исполнить это требование. Но мракобесы не простили его — предательская пуля трагически оборвала жизнь дерзновенного человека, видного общественного деятеля, страстно призывавшего свой народ к единству и союзу с Россией.

4. Ш. Б. НОГМОВ (1794—1844 гг.)

Шора Бекмурзович Ногмов родился в своем родовом селе-нии, стоявшем на р. Джуга близ Пятигорска. Получив духовное образование в Дагестанском сел. Эндери, он стал сельским муллой. Но молодого, энергичного и любознательного Ногмова не прельщала духовная деятельность. В 1818 г. он начал службу в русской армии. После 1822 г.

Краткие
биографические
сведения

Ш. Б. Ногмов возвратился в родное селение и некоторое время усиленно занимался изучением русского языка, собирал фольклорные материалы, пополнял свои знания в области арабского и других языков, интересовался проблемами родного языка.

В 1829 г. Ш. Б. Ногмов становится учителем Нальчикской аманатской школы, а 1 апреля 1830 г. зачисляется оруженосцем лейб-гвардии Кавказско-Горского полурэскадрона. Так сбылась его давняя мечта — попасть в центр культурной жизни России — Петербург.

Время пребывания Ногмова в Петербурге (1830—1835 гг.) было плодотворным. Он упорно работал над повышением своих знаний, изучал русский язык, читал произведения выдающихся русских историков, в частности Карамзина, занимался переводами с арабского и других языков.

«По приезде в Петербург на службу, — пишет Ногмов, — во мне с большой силой пробудилось давнишнее мое желание — написать грамматику, и я все часы, свободные от служ-

Ш. Б. Ногмов

Ш. Ногмов работал секретарем Кабардинского временного суда, а в мае 1844 г. вновь уехал в Петербург, где 10 (22) июня умер от паралича и похоронен там же. Жизнь замечательного человека и крупного ученого оборвалась на пятидесятом году, в расцвете творческих сил.

**Кабардинская
грамматика**

Ш. Б. Ногмов проявил себя как крупный и разносторонний ученый. Он и языковед, и историк, и фольклорист, и поэт, и общественный деятель. Научно-просветительская деятельность Ш. Ногмова началась сразу же после окончания учебы в Эндери. В этот период у него появилась мысль о создании букваря, а в 1825 г. он составил кабардинскую азбуку, которую намеревался представить правительству для напечатания. Но, взыскательный к себе и скромный, он решил, прежде чем опубликовать свой первый труд, углубить свои знания, укрепиться в правильности избранного пути. Пребывание в Петербурге, встречи и знакомства с крупными лингвистами Шармуа и Шёгреном вселили в Ногмова уверенность в пользе своей работы. Находясь в Петербурге, он познакомился с черкесским алфавитом, составленным Грацилевским для обучения военнопленных черкесов русскому и черкесскому языкам.

бы, начал посвящать изучению русского языка и его грамматики». Здесь же он познакомился с членом-корреспондентом Российской Академии наук, известным французским востоковедом проф. Ф. Шармуа, приглашенным в 1817 г. в Петербургский университет для заведования кафедрой персидского языка.

В мае 1835 г. Ногмов был произведен в поручики и переведен в Отдельный кавказский корпус в Тифлис. Здесь он встретился с академиком А. М. Шёгреном, сыгравшим в дальнейшем большую роль в его научной деятельности.

Возвратившись на родину, с 1839 по 1843 г.

Вернувшись на Кавказ, Ш. Б. Ногмов усиленно работает над совершенствованием азбуки и составлением грамматики кабардинского языка. При этом постоянным консультантом и научным руководителем его был академик Шёгрен, который впоследствии очень тепло отзывался о нем.

В 1840 г. Ногмов закончил свой большой научный труд «Начальные правила кабардинской грамматики», составленные на русской графической основе. Он надеялся, что его грамматика облегчит изучение кабардинцам не только своего родного, но и русского языка. Составляя этот труд, Ногмов смотрел далеко вперед. «Цель моя будет достигнута, — писал он, — если мои соотечественники начнут изучать адыгейский язык и русский по моей грамматике и если русские... обратят также внимание на наш язык, обильный, древний, европейцам неизвестный, представляющий богатую жатву для филологии и истории». В 1843 г. Ногмов составил второй вариант грамматики.

Ш. Б. Ногмов —
собирает
народных песен

Ш. Б. Ногмов известен и как страстный любитель и собиратель народных песен и сказаний, которые он записывал с помощью изобретенной им азбуки. На ка-

бардинском языке Ногмов записал двадцать одну историческую песню и сказание. Среди них «Песня о Темрюке, сыне Идара», «Куркужпнская битва», «Кызбурун», «Кашкатау», «Татартупская битва», «Канболат», «Андемиркан». Основными мотивами этих произведений являются любовь к родине и непамять к врагам, осуждение княжеских междоусобиц и стремление народа к объединению в единое государство, связь и дружба с Россией, борьба с внешними врагами и т. д.

Увлечение Ш. Б. Ногмова народным творчеством не случайно. Он был страстным поэтом. По свидетельству С. Д. Нечаева, встретившегося с ним еще в 1825 г., Ногмов «сочинял иногда небольшие поэмы, которые не мог распространить между соотечественниками иначе, как через устное предание и медленное изучение на память». Таким образом, Ногмов не только черпал материал для своих произведений из фольклора, но и сам обогащал устное народное творчество кабардинцев своими поэмами.

Свою любовь и уважение к науке Ш. Б. Ногмов выразил в поэтическом произведении «Хох (здравица) в честь русской науки и академика А. М. Шёгрена». В поэтической форме Ш. Ногмов излагает свою радость по поводу приезда русского ученого, прилагавшего много усилий к изучению кабардинского языка, выражает надежду, что их совместная работа принесет пользу народу.

Ш. Б. Ногмов является также автором «Кабардино-русского словаря», содержащего более четырех тысяч слов.

В 1843 г. Ш. Б. Ногмов завершил свою «Историю адыгейского народа», охватывающую историю кабардинцев с древнейших времен до начала XIX в. Исторические взгляды Ш. Б. Ногмова формировались под воздействием конкретной социально-экономической и политической обстановки

«История
адыгейского народа»
Ш. Б. Ногмова

того времени. Большое влияние на него оказали произведения русских историков, в особенности «История государства Российского» Н. М. Карамзина.

В «Истории адыгейского народа» раскрыта историческая связь Кабарды с Россией, показаны ее положительные последствия. «Память союза и дружества с русскими,— пишет Ш. Б. Ногмов,— сохранилась по настоящее время в нашем народе».

Присоединение Кабарды к России при Иване IV было важной вехой в истории кабардинского народа. Ногмов отдает должное этому факту: «...больше всего народ был обрадован союзом и покровительством России»,— указывает он.

Путем детального исследования конкретного материала Ногмов показал, что общественный строй кабардинцев носил феодальный характер. Кабардинские князья, отмечает он, «к общему вреду своего народа управляли каждый своим участком независимо». Ногмов бичевал самонадеянных князей, которые старались с помощью внешней силы установить свою власть в Кабарде. «Сами князья были причиной бедствий своей родины; спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам».

Ш. Б. Ногмов показывает героизм и самоотверженность кабардинского народа в борьбе за целостность своей земли, за ее свободу и независимость.

Большое место в «Истории» Ногмова отведено вопросам взаимоотношений Кабарды с дагестанскими народами, с осетинами и калмыками, чеченцами и ингушами, балкарцами и карачаевцами. Много интересных фактов приведено о хозяйстве, семейном и общественном быте, культуре и политическом строе Кабарды. Все эти обстоятельства делают «Историю адыгейского народа» ценным историческим источником.

Вместе с тем «История адыгейского народа» имеет недостатки. Без необходимого критического анализа Ногмов использует некоторые исторические песни и сказания, иногда произвольно устанавливает место и время того или иного исторического события. В некоторых переводах кабардинских сказаний допущены неточности и даже искажения. Нередко героями его повествований выступают «добрые князья», которые

всегда и вовремя приходят на помощь, своим «мужеством и благоразумием» обеспечивают победу над неприятелем.

Но при всем этом «История адыгейского народа» остается золотым фондом культурного наследия кабардинцев и всех адыгских народов.

Ш. Б. Ногмов был не только крупным ученым, но и выдающимся просветителем. Всю свою кипучую деятельность он посвятил делу просвещения родного народа. В предисловии к грамматике Ш. Б. Ногмов с горечью отмечал, что «соотечественники мои до сих пор не только не имеют никакой письменности, даже никакой грамоты». Твердое убеждение, что придет время, когда все кабардинцы «примутся за грамоту», дало Ногмову силу и решимость в 30 лет изучить русский язык, написать кабардинскую грамматику и историю адыгейского народа, чтобы «приохотить» кабардинцев «к умственным занятиям». Как просветитель Ш. Б. Ногмов считал, что наука даст народу «добро и познание».

Ш. Б. Ногмов писал, «что придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство, светильник жизни — любовь к знанию. Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги и письмо... что недолго осталось до сего счастливого времени. Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей просвещенных, когда обратится она к добру и познанию! О! Тогда так много душа моя почувствует сладостных ощущений!»

КУЛЬТУРА КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Населенные пункты кабардинцев (*къуажэ, жылэ, хьэблэ*) в русских источниках в XVI—XVII вв. назывались кабаками, в XVIII в. — деревнями, а в XIX в. — аулами. Они были расположены по берегам больших рек и их притоков и назывались по фамилии владельцев. Как видно из карты, составлен-

ной в 1744 г., владелец Магомет Атажукин имел восемь деревень, расположенных на р. Куркужине. Другой владелец, Касай Атажукин, имел деревни, находящиеся на реках Баксане, Кншпеке и Куркужине. Эти деревни состояли из усадеб князей, урков и крестьян. При этом дворы крупных феодалов-князей часто располагались отдельно.

Населенные пункты кабардинцев имели довольно большие размеры, находились недалеко друг от друга, отличались собранностью и сравнительно правильной планировкой. Они имели форму круга или квадрата, по периметру которых располагались жилища; в середине помещался обширный двор для скота.

Частые войны между князьями и необходимость защиты от внешних врагов заставляли кабардинцев укреплять свои поселения. Поселения были окружены высоким и прочным плетнем, иногда в несколько (до семи) рядов, расположенных близко один к другому. В некоторых случаях пространство между ними засыпалось землей. Они служили неплохой защитой от вражеской конницы и пехоты. Такие укрепленные поселения-крепости имели на противоположных концах сторожевые плетневые башни с постоянным караулом. В XVIII в. отдельные кабардинские деревни имели и каменные укрепления.

Населенные пункты время от времени переносились на новые места. Это вызывалось хозяйственной необходимостью (истощением земель при переложно-залежной системе, поисками богатых пастбищ, стихийными бедствиями) или политиче-

скими соображениями (феодалной междоусобицей, отходом уорка от князя, нападением врага и т. д.).

В 30—50-х годах XIX в. наступил период относительного спокойствия и безопасности. Это отразилось на планировке деревень, которая стала более свободной. В них дома были раскинуты поодиночке или группами по разным направлениям без всякой претензии и понятия об улицах.

В феодальном кабардинском селении пережиточно сохранилось поквартальное расселение. Квартал (*хьэблэ*) в прошлом соответствовал родовому поселку. Центром политической и общественной жизни селения был двор князя-владельца. Здесь чинился суд, обсуждались и разрешались ссоры и споры, устраивались различные игры, развлечения.

Кабардинские жилища

Кабардинские селения состояли из усадеб (*цлалнэ*). Усадьба богатого хозяина, обнесенная плетнем, включала в себя несколько просторных дворов различного назначения. Форма усадьбы зависела от характера местности. Основным двором в усадьбе считался тот, в котором находился жилой дом (*унэи-хуэ*) хозяина. Здесь же имелись кухня и другие хозяйственные постройки, число которых иногда превышало десять. Рабы жили во дворе хозяина, почуя в хлевах, на кухнях или в специальных пристройках. Крепостные крестьяне имели свои небольшие усадьбы, расположенные недалеко от владельческой или в отдельных поселках.

Усадьбы владельцев-уорков и даже крестьян-общинников отличались друг от друга главным образом размером двора жилого дома и количеством хозяйственных построек. Материал и характер постройки для всех сословий, по-видимому, были одинаковыми. Поэтому-то русский публицист Нечаев, посетивший Кабарду в начале XIX в., заметил, что в «жилищах ясырей (крепостных, рабов.— *Ред.*) не нашел я большой разницы от господских палат».

В усадьбе зажиточных кабардинцев строился и дом для приема гостей — кунацкая (*хьэцлэц*). Он иногда имел огороженный плетеной оградой двор с конюшней для лошади гостя и коновязью. В других случаях кунацкая помещалась в общем дворе, но у самого его входа. Недалеко от жилого дома находился хозяйственный двор с навесами, хранилищами для зерна, сапетками для кукурузы, пасекой, иногда с током для молотбы и участком для хrapения сена (*мэкъуэц*). Рядом строился скотный двор, тоже с навесами (*бэкхъ*), с телятниками, конюшнями, коровниками и т. д.

Все дворы отделялись один от другого плетеной оградой. Кабардинцы с большим мастерством делали различного вида плетни, отличавшиеся плотностью, легкостью и украшенные различным орнаментом (*бжыхъ, набжэ, чий* и т. д.). В отдель-

Кабардинские жилища и постройки

ных, более горных районах усадьбы и дворы меньших размеров, часто имевшие неправильную форму, огораживали не плетнем, а каменным забором сухой кладки или земляным валом с терновником.

Жилые постройки в селениях кабардинцы делали из плетня, который затем обмазывали с обеих сторон глиной и белили. Крыши крыли соломой или тростником. Плетеные жилища продолговатой формы строили вплоть до начала XX в. Пол в них был глиняный, потолком служила крыша. Двухстворчатые двери из толстых досок держались на «пятках», входивших в отверстия порога и верхней перекладины двери. Свет проникал в комнаты через дымарь и дверь, которую обычно держали открытой. Позднее начали делать маленькие окоща, закрывавшиеся изнутри деревянной ставенкой, а у бедняков — пучком сена.

Над крышей дома у передней стены возвышалась широкая плетеная обмазанная глиной труба — дымарь (*унэжакъ*) от пристенного камня, служившего для отопления, приготовления пищи и отчасти освещения. Зимой в таком жилище было холодно и темно. Только с начала XIX в. у зажиточных людей стали появляться более совершенные деревянные дома.

Дом обычно состоял из нескольких комнат. Помещение, в котором жили глава семьи с женой и детьми (*унэшхуэ*), было больше других; в нем находился большой очаг, в котором готовилась пища для всей семьи, в том числе и для женатых сыновей, живших в отдельных комнатах (*лэгьунэ*), примыкавших

к унашхуэ. Выходы из всех помещений вели прямо во двор. Комнаты между собой не сообщались. Это диктовалось семейными обычаями, согласно которым сноха не должна была встречаться со свекром. Очаги для отопления позднее стали делать и в комнатах для молодоженов.

Во дворе обязательно имелась деревянная или каменная конюшня.

Хозяйственные постройки — хлева, птичники, навесы — также делались из плетня, обмазанного глилой, и покрывались соломой. Все эти сооружения обычно имели овальную или круглую форму.

Балкарские селения

Селения балкарцев (*эль*) располагались по ущельям Черека и его притоков, Чегема и Баксана. В каждом из них находилось по несколько небольших селений, в прошлом имевших, видимо, характер родового поселка. Позднее сохранилось деление на кварталы, населенные членами одной и той же фамилии и носившие соответствующие названия. Каждый такой квартал имел свое кладбище, а иногда и мечеть.

Балкарские селения, за исключением очень немногих (например, Урусбиево), не назывались, подобно кабардинским, по фамилии владельца, что указывает на меньшую степень феодализации.

Недостаток земель, а также нужды обороны обуславливали размещение селений на крутых горных склонах, их скученность и террасообразное расположение домов. Наиболее ярко выражалась эта скученность в юго-западных ущельях Черека и его притока Хулама, т. е. в Балкарском, Хуламском и Безенгневском обществах. Чегемское и Баксанское общества находились в зоне более пологих склонов, и усадьбы здесь размещались свободнее.

Общественным центром селения служило место, где собирались старейшины, а с принятием мусульманства — площадь у мечети.

Балкарские жилища

Разнообразие природных условий в горах привело к выработке нескольких типов балкарских жилищ и способов их постройки. Основным материалом для строительства в южных районах был камень, в наиболее лесистом Баксанском ущелье — дерево, в Чегемском — камень в сочетании с деревом.

Плоские крыши, пригодные для сравнительно сухого климата юго-восточных районов и неизбежные при террасообразном расположении домов, были менее пригодны в более влажном Баксанском ущелье. Здесь наряду с плоскими делались двухскатные крыши, покрытые толстым слоем земли. Дома в Черекском ущелье складывали из нетесаных обломков камня на сухо или на глинистом, а позднее и известковом растворе.

Дома обычно строили с навесом, являвшимся продолжением плоской крыши и опиравшимся на столбы. Крыша покоилась на балках, положенных поперек помещения на стены или опорные столбы, расположенные у внутренних стен, а иногда и посредине помещения. На балки укладывали жерди, затем плетень, который засыпали землей, плотно утрамбовывая ее.

В таком жилище прежде жила вся семья, насчитывавшая даже несколько брачных пар. Характерные для семейной патриархальной общины балкарские однокамерные дома в течение рассматриваемого периода претерпели значительные изменения.

Уже к середине XIX в. основная масса балкарцев жила малыми семьями, поэтому их жилища приобрели иной вид. Единное помещение для всей семьи превратилось в комнату главы семьи (*уллую*). Для женатых сыновей к ней стали пристраивать отдельные помещения, а позже для них возводили отдельные дома (*оту*). Вместе с тем изменились функции, размеры, размещение и конструкция очага, бывшего когда-то центром жизни и домашней святыней семьи.

Очаг теперь строится у передней стены и превращается в пристенный камин. Внешний вид и конструкция каминного совпадают с подобным же не только у карачаевцев, но и у кабардинцев и черкесов. У всех этих народов эволюция очага шла от срединного, открытого — к пристенному камину. У кабардинцев изменение очага происходило значительно быстрее. В каменных постройках балкарцев и их соседей осетин вплоть до первой четверти XX в. можно было насчитать значительное количество домов со срединным очагом, иногда без всякого дымаря.

Деревянные дома, в прошлом составлявшие основной тип жилища в Баксанском, а возможно, и в Чегемском ущелье, по мере истощения лесов стали заменяться каменными. В ряде случаев имело место сочетание камня и дерева, применявшегося в верхней части постройки. Планировка и назначение помещений в основном были общими для всех балкарских жилищ.

Социальные различия в балкарских жилищах выступали ярко. Жилища таубиев отличались большими размерами, были более благоустроенными и имели больше хозяйственных помещений.

Хозяйственные постройки балкарцев во всех ущельях строились преимущественно из камня, иногда в сочетании с плетнем или деревом. Большие хлева встречались только у богатых людей. Большинство же строило небольшие каменные сараи и навесы для скота и сельскохозяйственных орудий.

Временные постройки на пастбищах — коши, где жили пастухи, у кабардинцев и балкарцев были в основном одинаково-

выми. Они имели небольшие размеры, очаги посредине и земляные пары.

Таким образом, самобытные и своеобразные жилища кабардинцев и балкарцев в XVI — первой половине XIX в. сохранили традиции, присущие более раннему периоду. Это нашло отражение в характере жилища, материале и технике строительства.

Поселения и жилища балкарцев сохранили больше черт ранних эпох, чем кабардинские. Это выражалось в более четком делении на кварталы, населенные членами одного рода или родового подразделения. В Балкарии вплоть до XX в. *ул-лулой* продолжал оставаться центром жизни семьи, почитаемой частью дома. Здесь не сложился характерный для Кабарды обычай постройки отдельных кухонь. Если в Кабарде усадьба князя стояла в стороне от жилища его подвластных, то в Балкарии она располагалась рядом с другими.

Убранство жилища На внутреннем убранстве основного жилого помещения отражалось деление на почетную и непочетную половину. Почетная половина (*жъантлэ, отбашы*), расположенная дальше от двери, за очагом, являлась местом главы семьи. Здесь для хозяина дома в более ранний период имелось земляное возвышение типа нар, позднее сменившееся досчатым топчаном (*тохтабан*) на глинобитных ножках. В более зажиточных домах на почетном месте стояла деревянная кровать, на которой спал глава семьи. Днем постель убиралась, и кровать, покрытая циновкой, войлоком или ковром, служила местом сидения хозяина. В этой же части усаживали уважаемых гостей, для которых напротив очага стоял деревянный диван.

Стена над кроватью завешивалась войлоком, циновкой, ковром или вышитым куском ткани. Иногда там же развешивали оружие. На стене против двери имелись длинные полки для сундуков, постели и т. п. Перед ними укрепляли шест или веревку, на которой развешивали лучшую одежду.

Непочетная половина была местом, где готовилась пища, находились и спали женщины, дети, младшие члены семьи. В этой части помещения имелась дверь, ведущая в кладовую, где хранились продукты. Здесь же на боковой стене были устроены полки для посуды, развешивались тазы, блюда, круглые столики, сита, внизу стояли кувшины для воды, большие котлы, а при отсутствии в доме кладовой — и кадушки с сыром, айраном и т. п.

Кабардинцы и балкарцы ели за маленькими круглыми столиками на трех ножках (*лэнэ, тенси*). Они как бы заменяли блюдо или поднос, так как непосредственно на них подавали мясо, хлеб, пасту и т. д. В богатых семьях столиков было много и по праздникам каждому подавали отдельный столик.

Основная утварь делалась из дерева местными мастерами или каждым для себя. Деревянные долбленые кадушки, ведра, подойники, а также блюда, чашки, черпаки, ложки, мутовки и т. п. были в обиходе каждой семьи. В ряде случаев, особенно в Балкарии, для хранения продуктов использовали бурдюки.

Железные вилки для вынимания мяса из котла, вертела для шашлыка, ножи, щипцы для очага, очажные цепи и своеобразные утюги с длинной ручкой бытовали у всех кабардинцев и балкарцев.

Медная посуда — котлы для варки пицци, кувшины для воды, кубганы для умывания — приобреталась у приезжих дагестанских мастеров и грузинских купцов. Она ценилась дорого и в большом количестве встречалась только у богачей. Глиняную посуду кабардинцы и балкарцы в описываемый период не делали и мало ею пользовались.

В убранстве жилища ярко выступали социальные различия. В домах кабардинских и балкарских владельцев имелись драгоценные кубки и чаши, дорогие покупные ткани, ковры, разнообразная медная посуда, сундуки, обитые тисненой кожей или украшенные инкрустацией из кости, наконец, ткани, шитые золотом кабардинскими мастерицами. Богатое оружие — изделия местных мастеров, а также крымской и русской работы — украшало стены дома и кунацкой.

О значительном русском влиянии на убранство жилищ кабардинских феодалов свидетельствовал богатый дом князя Муцала, жившего в первой половине XVII в. в Терках. Постели у него были убраны шелковыми или выбойковыми одеялами, сундуки покрыты богатыми коврами, глиняная и деревянная утварь была расписана красками. Имелись дорогое оружие, столы, стулья, посуда и т. д.

В крестьянских домах основными элементами убранства являлись деревянные изделия, циновки и войлоки. Последние в кабардинских жилищах отличались строгостью и простотой. Главным украшением богатого жилища в Балкарии были красивые узорные войлоки местных мастериц. Их вешали на стены, клали на кровать и на пол. Войлоками, украшенными аппликациями, завешивали полки, их натягивали на горизонтально подвешенный шест для одежды и т. п. Такими же горизонтальными полосами располагали куски покупной ткани.

Особенно тщательно украшалось отоу. В отличие от кабардинцев балкарцы старались по возможности завесить все стены этого помещения киизами (орнаментированными войлочными коврами).

При общей для обоих народов схеме пользования помещением, расположение мебели, внутреннее убранство и утварь кабардинских и балкарских жилищ оставались самобытными, традиционными и только со второй половины XIX в. стали изме-

няться в сторону улучшения и усовершенствоваться под влиянием соседнего русского населения.

Пища

Просо, являвшееся основной сельскохозяйственной культурой, играло большую роль в питании кабардинцев. Из пшена готовили суп (*хъэнтхъунс*) и пасту — крутую кашу без соли, которую ели с мясом и молочными блюдами, заменяя ею хлеб, а также чурек из пшеничной муки (*хумэжаджэ*) и сладкое кушанье (*хъэлыуэ*), сохранявшее очень продолжительное время свои питательные и вкусовые качества, и т. д.

У балкарцев основным хлебным злаком был ячмень. Из ячменной, а позднее кукурузной муки в золе очага пекли пресные лепешки — *гыржын*. Из ячменя и кукурузы готовили различные мучные блюда и пиво. Из пшеничной муки пекли хлеб, сдобные лепешки, лакумы, пироги с сыром или мясом, пышки и т. д.

Молочные продукты кабардинцев и балкарцев отличались значительным разнообразием (кислое молоко, айран, сметана, масло, сыр соленый и сушеный и т. д.). Большинство из них заготавливалось впрок. Молочные продукты, гыржын и паста служили основным питанием не только пастухов на кошах, но и трудового крестьянства в селениях.

Мясные блюда готовили из баранины, говядины, кониши, дичи, птицы и свинины (до принятия ислама). Большое распространение имели вареное мясо с чесночным соусом (*тузлукъ*) и мясной бульон (*лэпс*, *шурпа*), шашлык, известное кабардинское *гедлибже* (вареная курятина, поджаренная в сметанном соусе), различные виды колбасы (*тхъэмцъыгъуныбэ*, *жэрумэ*) и многие другие национальные блюда, отличавшиеся высокими вкусовыми качествами.

Недостаток растительной пищи пополнялся дикорастущими травами, особенно у балкарцев, а также плодами деревьев, ягодами, орехами.

Широко употреблялся и мед. Его добавляли в различные кушанья, например в халву (*халыуэ*), приготовленную из меда и поджаренной муки с орехами, из него делали и напитки. Основными напитками были брага из пшена (иногда с медом), пиво из ячменя.

Несмотря на большое разнообразие блюд, повседневное питание трудовой части населения было скудным и однообразным.

В XIX в. стали шире употребляться привозные продукты, в большей своей части доступные только богатым. Из России ввозили пшеничную муку, сахар, чай (преимущественно «калмыцкий» — плиточный), с востока и из Закавказья — рис.

Кабардинцы и балкарцы отличались умеренностью в еде. Неумеренное потребление пищи считалось в народе одним из серьезных пороков и подвергалось осуждению и высмеиванию.

В приеме пищи соблюдались строго охранявшиеся традицией обычаи. Сначала еда подавалась главе дома — старшему мужчине. Ему прислуживал кто-либо из молодых мужчин — членов семьи и лишь при их отсутствии — девушки. После старшего ели остальные мужчины семьи, затем женщины, также по возрасту и положению в семье. Детей кормили отдельно.

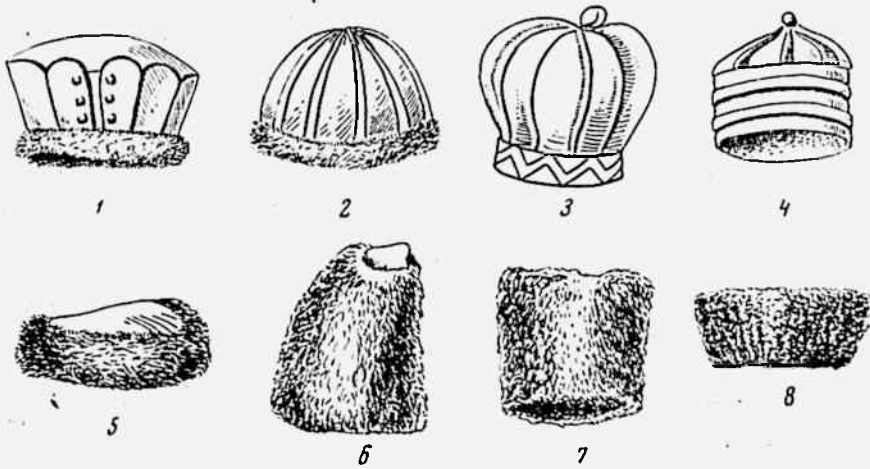
В знатных семьях соблюдался тот же порядок, но в роли прислуживающих выступали домашние рабы, а в походе — кто-либо из уорков низших ступеней. При коллективных работах, во время охоты приготовление и подача пищи возлагались на младших по возрасту и низших по социальному положению.

Мужская одежда В XVIII — начале XIX в. основными элементами мужской одежды были бурка, черкеска, бешмет, башлык, шаровары и ноговицы. Бурка (*шалкыэ, жамчы*) по-прежнему у кабардинцев и балкарцев была очень распространена. Она защищала всадника от непогоды, служила подстилкой и одеялом во время ночевки в пути. Пастухи, овчары, ходившие пешком, надевали одежду в виде длинной куртки с капюшоном из войлока (*гуэбэнэч, гебенек*). В холодное время, особенно на кошах, носили овчинные шубы. Зажиточные люди шили шубы из волчьего меха и меха ягнят.

В XVIII — начале XIX в. у знатных кабардинцев еще встречалась суконная одежда с разрезным откидным рукавом, исчезнувшая к середине XIX в. Основной формой верхней одежды у обоих народов уже стала черкеска (*цей, чепхен*) — суконная одежда несколько ниже колен, в талию, с вырезом на груди, застежкой у талии и длинными широкими рукавами. Характерной деталью черкески являются *газырницы* — нашитые по обеим сторонам груди карманы с несколькими отделениями для хранения газырей — деревянных трубочек с заготовленными в них зарядами. Позже, со второй половины XIX в., газырницы стали просто украшением черкески. Черкеска была очень удобной и красивой одеждой. Плотно охватывая стан, она придавала стройность фигуре. Для крестьян черкеска служила только праздничной одеждой, шилась более свободно, «на запас», и имелась не у всех.

Бешмет (*кэптал*) — кафтан, сшитый в талию, с высоким воротником, застегнутым на пуговицы-узелки. Богатые носили его под черкеской и шили из шелковых или покупных шерстяных тканей; крестьяне, у которых он служил повседневным костюмом, носили бешметы из домотканного сукна или дешевой бумажной ткани. Штаны (*гьуэшиэдэж, шалбар*) на вздержке, с ромбовидным клипом между штанинами, шились из домотканного сукна, а старики зимой носили штаны из овчины.

Суконные, кожаные или войлочные ноговицы, чулки (*мест*) из сафьяна и низкие сафьяновые башмаки на мягкой подошве сохраняли давно сложившиеся формы. Знатные шили обувь

Мужские головные уборы

1 — XVIII в.; 2 — конец XVIII — начало XX в.; 3, 4 — конец XVIII — начало XIX в.; 5, 6 — XIX в.; 7 — конец XIX в.; 8 — XX в.

из красного сафьяна, крестьяне — из сыромятной кожи. Сословные различия в обуви были настолько характерны, что в народном предании восстание крестьян против феодалов называли войной между сыромятными чувяками и сафьяновыми *вакъэ*. У балкарцев существовала обувь из сыромятной кожи с подошвой, переплетенной ремнями, — *чабуры*. Ее носили в основном пастухи и охотники на босу ногу, подкладывая сушеную траву. Такая же обувь имелась и у кабардинцев (*клэрэхъ*).

Необходимой частью мужской одежды кабардинцев и балкарцев был узкий ремешок с металлическими украшениями, на котором носили кинжал и разные мелочи.

Головным убором у кабардинцев и балкарцев служили войлочные шляпы в виде высоких колпаков без полей или с невысокими тульями и полями, а также меховые папахы.

В XVIII — начале XIX в. у знатных кабардинцев бытовали головные уборы, напоминавшие разделяющуюся на дольки тыкву, сделанные из материи и ваты и украшенные галуном; круглые шапки из сукна с узкой меховой опушкой, также отделанные галуном, и, наконец, невысокие обтянутые широким галуном с круглым верхом и кистью шапочки. Все эти виды кабардинских головных уборов в тот период носили и мужчины и женщины. К головным уборам относится и башлык, надевавшийся мужчинами в дорогу и при непогоде.

В быт проникала и одежда, присылавшаяся в качестве подарков влиятельным князьям. Московские цари жаловали шубы, кафтаны, шапки. Из Турции в это время, по-видимому, были заимствованы шелковые шарфы — пояса, деревянная обувь — скамеечки и др. Иноземную одежду, видимо, носили в особых

случаях, а преобладала у всех слоев населения одежда традиционного покроя из местных и привозных тканей.

Женская одежда Женщины носили туникообразную длинную рубаху из шелка или бумажной ткани, шаровары из холста, шелка или бумажной ткани, чаще всего красного или синего цветов; покрой мужской и женской одежды в основном был одинаковым. Когда девочка подрастала и начинала ходить на танцы, она надевала поверх рубахи кафтанчик, по покрою близкий к мужскому бешмету, но с металлическими застежками на груди, нашитыми параллельными рядами. Полы, ворот и подол кафтанчика обшивались галуном, низ рукавов и углы пол вышивались. У пожилых женщин кафтанчик не имел украшений и застегивался на узелки и мелкие серебряные пуговицы.

Платье (*босцей, жийрикъ*) — верхняя распашная одежда в талию, по покрою схожая с черкесской, — шилось из бархата, тяжелого шелка, а в более ранние периоды — и из сукна. Рукава были длинные и разрезанные от локтя. Позднее, к середине XIX в., рукава платья стали короче, но под них поддевались длинные, почти до подола, расширявшиеся книзу лопасти (нарукавные подвески), вышитые золотом и серебром и обшитые галуном. Платье также украшалось галуном по швам, вышивкой золотом по бортам, подолу и рукавам, а иногда и накладными серебряными бляхами.

В кабардинском фольклоре часто упоминаются нагрудники, вышитые золотом или с серебряными застежками, шелковые шаровары, красные чуваки как признаки знатности и богатства, воспевались также вышитые рукава.

Из-под рукавов нарядного платья были видны широкие и длинные рукава праздничной рубахи, скрывавшие руки. Наружные подвески и длинные рукава рубахи носили только девушки и молодые замужние женщины (*нысаццэ, келли*) из знатных фамилий. Поверх платья надевался пояс (*дыжьын бгырыпх, камар*). В XVII — XVIII вв. его делали из кожи или галуна с нашитыми на них серебряными бляхами различной формы и с серебряной пряжкой. Позднее появились пояса с большой серебряной пряжкой из двух половин, охватывающей половину пояса. Более бедные делали пояса из кожи или галуна с металлическими пряжками, а пожилые женщины подвязывались куском ткани или надевали широкие пояса, тканые из шерсти.

Костюм продумывался как единый ансамбль, согласованный по цвету и отделке. Самым нарядным считался темно-красный цвет, являвшийся привилегией женщин высших сословий. К темно-красному платью полагались близкие по тону кафтанчик и подвески, оранжевая, желтая или белая рубашка. Носили платье черного, коричневого, синего, темно-зеленого цвета.

Возрастные отличия, а также изменения семейного положения больше всего отражались на головном уборе. Девушки носили шапочки различного типа, подобные описанным ранее мужским. До более позднего периода из них дожила только цилиндрическая высокая шапочка (*дыцэ пылэ, окъа берк*), обтянутая галуном, с округлой или конусообразной верхушкой, украшенной вышивкой и серебряным шариком с лунницей или птичкой. На шапочки иногда надевали легкую шелковую шаль.

Балкарские девушки кроме подобных же шапочек носили другие — невысокие, с плоским верхом, из бархата или сукна, шитые золотом, позднее распространившиеся и в Кабарде. Шапочку носили и после замужества до первых родов. После родов отец женщины дарил ей повязку и покрывало — отличный головной убор замужней женщины. Повязку носили так, чтобы волосы были скрыты. Сверху накидывали покрывало — большую шаль, сложенную треугольником, с закинутыми на спину концами, без которой не разрешалось выходить из дома.

На ногах женщины носили сафьяновые красные короткие чулочки и мягкие туфли того же цвета, а при выходах надевали своеобразную деревянную обувь в виде скамеечки высотой в 20 см., обитую серебром или жемчужной нитью.

Кабардинка в национальном костюме

Описанные выше одежда и обувь типичны для знатных женщин. Высокие шапочки и обувь делали их выше других женщин, преувеличенно длинные рукава как бы подчеркивали возможность не работать. Красный цвет одежды выделял княгиню из толпы. Женщины всех сословий носили кожаный корсет с деревянными планками, прижимавшими грудь. Его надевали на девочку с 10—12 лет и снимали только после выхода замуж. Таким образом достигался идеал красоты — толкая талия и плоская грудь.

Одежда крестьянок отличалась по составу костюма, материалу, и отчасти покрою. В будние дни дома они ходили иногда просто в рубахе и шароварах из бумажной ткани. Платье шилось распашное, но без преувеличенно длинных рукавов и подвесок, из хлопчатобумажных тканей или домотканого сукна. Таким образом, в одежде значительно ярче, чем в жилище, выступали классовые и сословные различия, а также отражались политические и торговые связи и влияние соседних народов.

Оружие

Обязательной принадлежностью мужского костюма знатного человека и его украшением издавна было оружие. Оно высоко ценилось и передавалось по наследству из поколения в поколение. Оружие служило наряду с рабами, скотом единицей измерения при платежах за кровь, калым и т. п. Оно было неотъемлемой частью национального костюма всех народов Северного Кавказа. В первую очередь это относилось к кинжалу, носившемуся повседневно. В дорогу брали также пашку, пистолет и ружье. Ружье носили в чехле из барсучьей шкуры или войлока или прятали от сырости под буркой. С употреблением огнестрельного оружия появились патронташи, пороховницы, а впоследствии и нашитые на череску газырицы.

В XIX в. кинжалы, терявшие роль боевого оружия, стали меньше, ухудшалось качество клинков, богатая же, но часто непрочная отделка придавала некоторым из них вид игрушки, украшения, обязательной принадлежности костюма. На кожаных поясах появились подвески-украшения, имитирующие когда-то необходимые в обиходе воинские сальницы, отвертки и т. п.

Как известно, русское население Северного Кавказа, а именно казачество, переняло кавказскую одежду, вооружение и конское снаряжение, узаконенное впоследствии в качестве официальной формы казачьих войск на Северном Кавказе.

2. ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Народное искусство кабардинцев и балкарцев, как и других народов Северного Кавказа, имело в прошлом исключительно прикладной характер. Предметы искусства одновременно являлись предметами быта, что и определяло формы изделия, ком-

позицию, орнамент и т. п. Это искусство уходило своими корнями в далекое прошлое народов.

Резьба по дереву На прикладное искусство кабардинцев и балкарцев большое влияние оказали соседние народы, с которыми они поддерживали тесные экономические и политические связи.

Резьба по дереву относится к древнему искусству кабардинцев и балкарцев. Некоторые женские орудия труда (гребни для обработки шерсти, катушки для ниток), деревянная мебель (диваны и кровати), музыкальные инструменты и деревянная посуда (чашки, блюда, ведра и т. д.) украшались несложной резьбой, выполнявшейся ножом. Характер этой резьбы в основном геометрический — прямые и косые линии, зигзаги, изредка мотивы спирали.

На дверях кунацких и некоторых вещах вырезались родовые тамги, служившие не только знаком собственности, но и украшением, о чем свидетельствовало композиционное решение расположения тамги, ее сочетание с орнаментом.

Имелась и мелкая пластика, также неразрывно связанная с предметами быта. Здесь большой интерес представляют деревянные чаши, изготовленные известными мастерами-специалистами, работы которых особенно ценились. Чаши были округлой формы, с маленьким плоским доньшком, чаще всего без поддона, с кольцевидной ручкой сбоку и иногда с выступом напротив ручки. Их украшала резьба геометрического характера, которая располагалась довольно свободно.

Имелась также чаши более сложной формы с двумя ручками и иногда с высоким поддоном, предназначавшиеся для торжественных случаев. Ручки двуручных чаш балкарцев часто были сделаны в виде голов баранов или козлов, выполненных весьма искусно, с большой лаконичностью и выразительностью. В пластике имелись реалистические, но обобщенные и стилизованные изображения животных, а иногда и человека.

Украшение изделий из железа. Среди предметов домашней утвари имелись также искусно сделанные местными кузнецами изделия из железа — щипцы для очага, совки для угля, вертела, вилки для вынимания мяса из котла, отличавшиеся удобством и красотой. Высокого мастерства достигали кузнецы и в изготовлении сложных по рисунку тавр для таврения лошадей.

Резьба по камню Наиболее интересны подвесные светцы для лучины, украшенные коваными головками козлов, баранов, реже оленей. Выполнение такой работы требовало большого умения и времени, поэтому светцы ценились дорого и имелись главным образом в домах богатых балкарцев. Встречались они также у осетин, карачаевцев и их соседей за Кавказским хребтом, горцев Грузии — сванов и рачинцев.

Кабардинцы и балкарцы достигли значительного мастерства в резьбе по камню. На могильных памятниках мастера высекали надписи на арабском, а позже русском языках, различные орнаментальные мотивы, изображения принадлежностей женского или мужского костюма, четки и т. п. Все это делалось в виде рельефа и раскрашивалось в разные цвета. При этом изображения бытовых вещей, символизирующие передачу их умершему для пользования в загробной жизни, выполнялись примитивно, схематично.

Орнаментальное оформление плиты делалось с большим вкусом и мастерством. Преобладал растительный орнамент, различные переплетения линий или отдельные криволинейные фигуры, в которых прослеживается сходство с узорами золотого шитья и узорных войлоков. Часто встречались солярные мотивы — разнообразные круги, розетки и т. п.

Такой же техникой плоского рельефа украшались каменные четырехгранные столбы-коновязи, которые со всех сторон покрывались надписями и орнаментом.

Ювелирные
украшения.
Тиснение на коже

Высокого развития достигло ювелирное искусство. Богато украшенное оружие и прекрасные ювелирные изделия местных мастеров были известны не только в Кабарде и Балкарии, но и далеко за их пределами. Основным материалом адыгских мастеров было серебро, а излюбленной техникой — чернение и гравировка, дополняемые ложной или настоящей зернью. На женских поясах встречались сердолики в высокой оправе, изредка бирюза, но вообще драгоценные или полудрагоценные камни употреблялись очень ограниченно.

Для ювелирных украшений характерна тонкая линия орнамента на свободном от узоров фоне, особенно типичная для старинных женских поясов и украшений на сбруе, в ряде случаев сочетающаяся с более массивными пятнами узора, крупными выпуклыми деталями или сердоликами. Орнамент геометрический, в основном криволинейный, зооморфный (точнее рогообразный), реже растительный, очень стилизованный. Характерной чертой является членение украшаемой плоскости на крупные участки, иногда заполняемые более мелким узором, а также оставление непокрытого узором серебра. Этим кабардинский орнамент отличается от мелкоузорного, заполняющего все поле растительного орнамента дагестанских ювелиров, работавших часто в Кабарде и Балкарии, особенно в XIX в.

Особой самобытностью отличались женские украшения, часто повторяющие мотивы золотого шитья, что объясняется и тем, что женщины иногда сами давали рисунки мастерам.

Одним из видов народного творчества, имевшего давние традиции, было тиснение на коже, распространенное в большей степени у кабардинцев. Тиснением украшались кожаные колчаны

и палучья, парадная обувь, части седла, в особенности тебеньки, походные кожаные стаканы, кошельки и сумочки. Эту работу выполняли мужчины. Для тиснения характерно соотношение большого поля с отдельными линиями и пятнами орнамента. Тонкими линиями обрамлялись края, подчеркивая форму изделия; центр и углы отмечались фигурами в виде розетки, боба и т. п. Фигурные изображения наносились при помощи штампов. Их форма и узор сходны с серебряными бляшками на мужских поясах и конской сбруе.

Ряд изделий из кожи делался женщинами — мешочки, кистеты, обувь и др. Здесь обычно применялись украшения в виде аппликаций из кожи, пузыря или ткани.

Узорные войлоки Широкое распространение среди балкарцев имело изготовление узорных войлоков, достигшее очень высокого уровня как в техническом отношении, так и по выразительности и богатству узора. Очень широко были распространены войлоки с валившимся узором (*ала-кииз*). Для их изготовления использовалась шерсть нескольких цветов естественной расцветки или окрашенная растительными красками. Цветовая гамма более старых войлоков очень сдержанна — черный, белый, серый, бурый с включением оранжевого или красно-коричневого цвета.

В отличие от других народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана, выделявавших войлоки с односторонними узорами, балкарцы и карачаевцы изготавливали ала-киизы с двусторонним валившимся узором, отличавшиеся высоким качеством. Узоры на них получались очень мягкими, слегка расплывчатыми, как бы в дымке, с промежуточными тонами на стыке двух цветов. Такого типа войлоки делали и кабардинцы.

Орнаментация ала-киизов почти всегда отличалась геометричностью и прямолинейностью. Узоры состояли из ромбов, иногда вписанных один в другой, иногда расчлененных на 4—16 ромбиков меньшего размера и треугольников. Вокруг центрального поля шла кайма. Основной элемент орнамента — ромб с вписанным в него другим ромбом или квадратом или без них — носил название *кез* — «глаз».

Наряду с ала-киизами у балкарцев имелись аппликационные войлоки, отличавшиеся от первых не только по технике изготовления, но и по стилю.

Для всех аппликационных войлоков типичны три цвета: черный для фона и белый или красный, а иногда и оба вместе — для узоров.

Орнаментика этого типа войлоков более разнообразна, чем ала-киизов, но композиция узора очень устойчива. Вдоль полосы, идущей по краям войлока, размещались в ряд крупные орнаментальные мотивы — тамги, вписывавшиеся в ромб или круг. При ромбовидной форме тамг в образующихся между ними уг-

Балкарский войлок (тип Джийгъич кииз)

лах имелись сложные орнаменты, которые могли быть вписаны в треугольник.

Наконец, у балкарцев встречались и войлоки-мозаики (*бичкен кииз*), при изготовлении которых применялся следующий способ: из двух войлоков разного цвета вырезались одинаковые узоры, вшивавшиеся затем один на место другого. Получалось два войлока-близнеца с одинаковым узором, но с обратной расцветкой. Такие войлоки встречались довольно редко.

Аналогии этим войлокам по технике изготовления и орнаменту широко представлены у кумыков, их соседей аварцев и чеченцев.

В кабардинских жилищах широко применялись для покрытия кроватей и диванов, украшения стен, а также в качестве намазлыков очень изящные узорные циновки (*арджэн, чия*) из болотной травы. Узоры циновок геометрические — ромбы, зигзаги, треугольники, полосы, т. п. Многие из них сходны с орнаментикой золотого шитья и войлоков. Плетение циновок известно у многих народов Кавказа, но техника изготовления и орнамент кабардинских циновок являются оригинальными.

Золотошвейное искусство

Особое место в женском искусстве кабардинцев и балкарцев занимало вышивание золотом и серебром, тканье галунов и изготовление различных басонных изделий (кисти, бахрама, шнуры, цепочки, подвески и т. п.) из золотых и серебряных ниток, а также из шелка. Все это применялось для украшения предметов одежды, парадных одеял, занавесей, а также для различ-

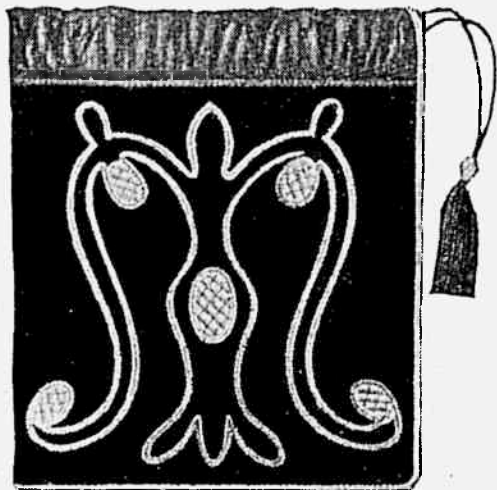
ных мелких предметов — кисетов, кошельков, мешочков для рукоделия, вешалок для полотенец и т. п.

Шитьем золотом и изготовлением басонных изделий занимались в основном женщины из знатных семей, и обучение этому искусству входило обязательной частью в их воспитание. Несомненно все же, что и значительное число женщин других сословий владело этим искусством. Обильно украшенная золотым шитьем одежда господствующих классов делалась не только и не столько руками кабардинских и балкарских знатных женщин, сколько под их руководством девушками зависимых сословий.

Кабардинцы и балкарцы знали несколько видов шитья. Наиболее древним и распространенным из них являлось шитье вприкреп. Вышивку делали на простой белой ткани, затем вырезали и нашивали на готовую вещь. При полной аналогии у кабардинцев и балкарцев техники шитья вприкреп в орнаментике наблюдаются известные особенности. У кабардинцев, так же как и других адыгов, преобладало сочетание тонких прямых и кривых линий, выложенных шнуром или галуном, с отдельными пятнами (ромбы, треугольники, круги, трилистники), исполненными шитьем вприкреп. Большое пространство свободного поля, легкость и топкость всего орнамента в целом — типичные черты для адыгов.

Узоры такого рода встречались и у балкарцев, но реже и преимущественно на мелких вещах — кисетах, сумочках и т. п. При этом составными элементами узора, шитого вприкреп, часто были не геометрические фигуры, а листочки, грубое подобие цветка лотоса и т. п. На крупных же вещах — платьях, капталлах, нарукавных подвесках и т. п. — у балкарцев преобладал более плотный, целиком аппликативный орнамент, с почти одинаковой толщиной линии по всей композиции, с иным соотношением фона и рисунка, чем у кабардинцев. Фон уменьшался за счет большей массивности узора. Узоры выглядели очень богато.

Второй вид золотого шитья — гладь (каб. *бэзэр идэ*, балк. *чий-гигиц*), получившая особое распространение в XIX в. Узор вышивался непосредственно на украшаемой ткани. Пред-

Кисет, вышитый золотом и серебром

варительно вырезали из бумаги или тонкого картона трафарет, нашивали его на ткань, а затем покрывали поперек золотыми или серебряными нитями, закрепляя их шелком по контуру узора. Иногда контуры обводились тонким шпуром. Шитье не ложили, и оно было более выпуклым за счет самого трафарета из картона или дополнительной прокладки.

Вышивка гладью применялась чаще всего на мелких вещах, а из предметов одежды — на шапочках и нагрудниках. Орнамент в этом виде шитья обычно имел растительный стилизованный характер, а на мелких вещах использовались и родовые тамги, дополненные часто растительными элементами. По мнению Е. М. Шиллинга, кабардинское золотое шитье оказало влияние на развитие золотошвейного искусства в Московском государстве в XVI—XVII вв. и на соседние северокавказские народы.

Орнамент Для прикладного искусства кабардинцев и балкарцев, отличавшегося богатством и разнообразием, характерна орнаментальность. Орнамент кабардинцев и балкарцев складывался в течение длительного времени, сохраняя многие древнейшие черты и обновляясь в процессе развития национальной культуры и расширения связей с другими народами.

Древнейшим, по всей видимости, является геометрический прямоугольный орнамент, использовавшийся на циновках, войлоках, галунах, внутреннем узоре золотого шитья, в резьбе по дереву. Значительная часть существовавших в XVI—XVIII вв. мотивов встречается в орнаментике сосудов и костяных изделий кобанской и раннеаланской культур.

Многие криволинейные, на первый взгляд чисто геометрические или условно зооморфные (рогообразные) формы в основе своей могут иметь реальные изображения человека, птиц, животных, змей или частей их тел (голова, рога, ноги и т. п.), подвергшихся в дальнейшем переработке и стилизации. Особенно ясно это выступает в золотом шитье и аппликационных войлоках, где сам характер изображения на плоскости требовал значительной переработки и стилизации.

Одним из орнаментальных мотивов являлось изображение родовых тамг, особенно развитое в золотом шитье, а у балкарцев — и в аппликационных войлоках.

Растительные узоры, очень схематизированные и стилизованные, получившие особое развитие во второй половине XIX в., наиболее типичны для шитья гладью и в некоторых вариантах являются результатом влияния извне. Введение растительных мотивов в геометрические или зооморфные формы в этот период наблюдается и в других видах искусства.

В искусстве кабардинцев, адыгейцев и черкесов ярко выступают черты сходства, объясняемые единством их происхождения. Вместе с тем в их орнаментике можно встретить и элемен-

ты, близкие к аланскому искусству. Через посредство аланских племен могли проникнуть и черты сходства с кобанской культурой, более типичные для балкарцев.

В искусстве балкарского народа, в ассортименте изделий, технике изготовления и особенно в орнаментике отмечается наличие двух основных линий: тюркско-кипчакской и кобанско-аланской. И для кабардинского, и для балкарского искусства характерны лаконичность решения, строгость и четкость линии. Но если для кабардинцев типично сочетание тонкой линии с круглым пятном, многослойность узора, большое свободное поле, то у балкарцев, особенно в войлоках и в значительной степени в золотом шитье, наблюдается большая насыщенность узором, большее равновесие фона и орнамента, равномерность линии, придающие известную тяжеловесность и пышность.

Прикладное искусство кабардинцев и балкарцев говорит о больших творческих способностях, одаренности и высоком эстетическом вкусе обоих народов.

3. ФОЛЬКЛОР

Служа всегда интересам народа, поднятию его национального самосознания, патриотического духа, кабардинский и балкарский фольклор XVI — первой половины XIX в. особое

<p>Героическая тематика. Осуждение междоусобицы феодалов</p>	<p>внимание уделяет мотивам героической тематики, борьбе кабардинского и балкарского народов против иноземных захватчиков. В сказаниях и песнях этого цикла вы-</p>
--	---

ступают представители обездоленной части народа, выходцы из низов, такие герои, как Андемиркан, Бек-Булат, Кербеч, Машуко и др. Народнопоэтическое творчество кабардинцев и балкарцев отдает дань и тем князьям и таубиям, которые «думали о судьбе народной» и сражались не за свои отары и табуны, а «за честь народную». К таким прогрессивным деятелям фольклор относит Темрюка Идарова, Сунчалая, Бековича-Черкасского и др. В героической песне о Темрюке говорится:

Семь месяцев трудных сидел ты в седле,
Доспехи надев боевые,
Ты благо принес кабардинской земле,
Открыл нам просторы России.

.....

В песках Саракамыша разил ты врагов,
Разил их с отвагой героической,
В ущелье Ахупс, у морских берегов,
Привел ты московское войско.

В XVI — первой половине XIX в. в кабардинском и балкарском устном народном творчестве ярко отразилась борьба с крымскими ханами и турецкими султанами, а также дегестанскими феодалами и ногайскими ордами. Сказания и песни «Бой на горе Капжал», «Кашкатауская битва», «Ночной налет», «Крымцы в Кабарде», «Куркужинское сражение», «Тембот» и другие посвящены героической борьбе кабардинцев и балкарцев против иноземных захватчиков. Знаменитая балкарская песня «Къырым чабыуул» повествует о совместной борьбе кабардинцев и балкарцев против крымских ханов.

Начало XIX в. ознаменовалось интенсивным продвижением царских войск на Кавказе. Уничтожались целые селения, отбиралась общественные пастбища и угодья, жестоко подавлялись малейшие попытки сопротивления солдатскому штыку, попирались национальные обычаи и чувства. Нарастала борьба горских народов против колониальной политики царского самодержавия. Кабардинский и балкарский народы создают на эти темы плачи (*гыбзы*), сказы, героические песни, пословицы и поговорки. Классическим образцом этого цикла является песня «В этот день Лаба окровавилась».

Вместе с тем в устном народном творчестве гневно осуждаются междоусобицы среди князей, межродовые раздоры и войны, налеты, грабежи, убийство, организаторами которых были сами князья и уорки. В балкарской песне «Чюелди» крепостные смело выступают против набега на соседние племена.

О подобных распрях, кровопролитных схватках, набегах повествует множество сказаний и песен — «Шужей», «Ночной налет» (налет Большой Кабарды на Малую), «Кызбурун», «Поход на абазов», «Антиноко и Кашиболат» и др. Среди них характерна повествовательная история «Поссорились Коголкины с родом Анзоровых», в которой рассказывается, как бугай первых поранил быка рода Анзоровых, и это послужило началом истребительной войны между двумя княжескими фамилиями, войны, длившейся несколько поколений. В этих сказаниях и песнях-плачах народ всегда решительно выступает с осуждением кровной мести, княжеской распри.

Появление многоплановых циклов о социальной борьбе В фольклоре кабардинцев и балкарцев XVI — первой половины XIX в. наблюдается новое качественное явление — появляются многоплановые циклы-сказы и песни о социальной борьбе. Вначале эта борьба еще не носит классового и ярко выраженного социального характера, классовые цели ее вполне еще не определены, выступают только герои-одиночки, классическим образом которых является Андемиркан. Но в последующие этапы в народном творчестве изображаются уже действия обездоленных масс, выступающих с определенной социальной программой.

Крестьянское выступление в Кабарде в XVIII в. фольклором связывается непосредственно с выступлением «Дамалеева войска», прозванного знатью «Джэдыгугъурыдзэ» (войско в изодранных шубах). В песне о предводителе крестьянской дружины Дамалее Широкоплечем поется:

О-ой, Дамалей, гей, Широкие Плечи,
Крестьянское войско ведет Дамалей,
Вожатый Пшикан, он готовится к сече,
Чувячное войско ведет Дамалей.
Живется нам плохо, нам трудно и больно,
Мы плачем под гнетом князей и дворян.
Живется нам плохо, терпеть нам довольно!

Народное творчество служило высоким целям — пробуждению классового самосознания трудового люда. Демократические мотивы, пафос борьбы угнетенных крестьян становились основной темой фольклора.

Много песен сохранилось у балкарцев о мрачной поре господства крепостников-таубиев, о бесправном и угнетенном положении горского крестьянства. Вот «Песня про Атабия», которого в молодости продали, как скот. А сейчас «он и бос, и гол; слаб старик Атабий, много видел он зол», — поется в песне.

Скучно небо на радость, на горе щедрей.
Плачет бедный старик: двух его дочерей
Продают, угоняют за десять морей.

Пользуясь правом сильного, таубии чинили произвол и издевались над человеческим достоинством подневольных крестьян. В сел. Хулам долгое время феодалы пользовались «правом первой ночи». Все это вызывало у трудящихся ненависть к поработителям, что нашло свое отражение в песнях.

В песне «Бек-Булат» герой Бек-Булат — лицо историческое. Он выступает как народный мститель. «Не быть тому, — говорит он, — чтобы мы делили ложе жены с биями». Бек-Булат со скалы сбросил владельца-эксплуататора Шакманова Омара.

В таких произведениях, как «Чегемский ров», «Княгиня Ельбиздуко», «Пшитл Пшиготыжев», «Корогот», «Князь и пахарь», «Коншиба», «Купса», «Песня умирающего чабана», рассказывается о тяжелой жизни самого угнетенного сословия — пшитлов и унаутов. В них выступает крестьянская масса. Например, в «Чегемском рве» восставшие тлхукотлы прогоняют «проклятых князей».

Несмотря на тяжелое положение трудового народа, его песни и сказы не теряют своего жизнеутверждающего начала. Веря в народные силы, в светлое будущее — основное их содержание. В пословицах и поговорках появляются изречения

социального звучания: «Да не станет тумана, волка и дворянина», «У одного десять шуб, а у десятерых ни одной», «Веревку бедного изнашивает богач», «Сытый голодного не разумеет» и др. Имеется большой цикл пословиц и поговорок о трудовой доблести хлебопашцев и скотоводов: «Все — от труда», «Не работающий не ест», «Лицо человека — в его работе», «Лентяй — живой труп»; о патриотизме: «Родина лучше, чем место, где ты сыт» и т. д.

Критика духовенства Борьба, начавшаяся с первых лет проникновения мусульманства в Кабарду и Балкарию между народными певцами и служителями ислама — муллами, приобретает ожесточенный характер. Муллы преследуют народных певцов, а последние в своих песнях, юмористических и сатирических рассказах беспощадно обличают пороки мулл и эфенди, их ложь и коварство, обжорство и лень.

В таких произведениях народного творчества, как «Старичок и мулла», «Вымпу», «Абу Жахиль», «Топор и мулла», атеистические мотивы являются преобладающими, в них мулла служит предметом издевки, его образ подается в сатирическом плане. Многие пословицы и поговорки кабардинцев и балкарцев также бичуют служителей ислама: «У муллы чалма белая, да душа черная», «Мулла любит только богатство» и т. д. В устном народном творчестве имеется и большой цикл сказок, былей, юморесок, в которых выводятся образы бедняков, своей житейской мудростью ставящих в неловкое положение знатных особ и представителей духовенства.

4. МУЗЫКА И ТАНЦЫ

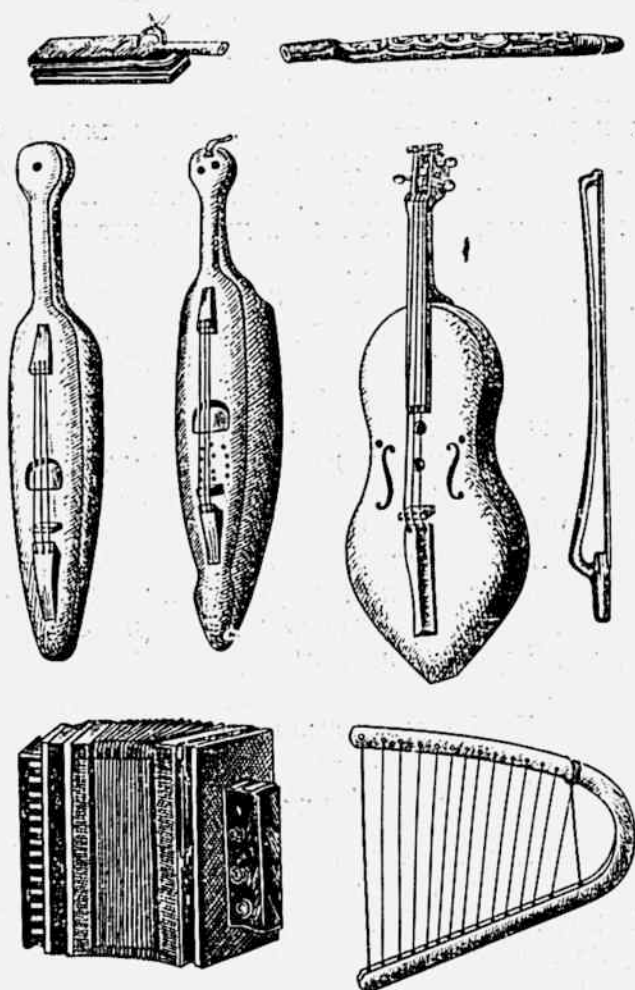
Кабардинцы и балкарцы имели большое количество обрядовых, свадебных, культовых песен и инструментальных произведений: «Псыхаго» (Плач над рекой), «Малегаже» («Выгон отары»), «Уаредада» (свадебный напев, инструментальный и вокальный) и др.

Музыка

Встречались напевы и инструментальные вариации символического значения типа «Шигаджегу» (джигитовка на коне), «Ниса ишэ» и «Шауа ишэж» (ввод невесты в дом и привод жениха) и т. д. Мелодический рисунок этих произведений прост, количество звуков в них ограничено. В музыке кабардинцев и балкарцев встречались и элементы звукоподражания птицам и животным. Звукоподражательный колорит создавался с помощью смычковых и духовых инструментов.

Все народные празднества, связанные с земледелием и животноводством, а также семейно-родовые торжества сопровождалась музыкой и танцами.

Издавна пользовались кабардинцы и балкарцы оригинальными музыкальными инструментами. Из духовых наибольшее

Народные музыкальные инструменты

распространение получили *бжъамий* у кабардинцев, *сыбызгы* у балкарцев — род флейты из тростника или (позднее) из ружейного ствола с тремя или четырьмя пальцевыми отверстиями. Бытовала скрипка с волосяными струнами (*шыкълэпшына*, *къыл къобуз*) и смычком в форме лука. Скрипка и флейта были главным образом сольными инструментами, но употреблялись и для аккомпанемента. Играли на них только мужчины. Древнейшим инструментом, дожившим до XIX в., была и двенадцатиструнная арфа). Ударным инструментом являлась деревянная колотушка из нескольких связанных вместе дощечек (*пхъэцъыч*).

В XIX в. распространение получила гармоника (*пшына*, *къобуз*). Она постепенно вытесняла остальные музыкальные инструменты. На гармонике играли только женщины.

В хореографии рассматриваемого периода известное место занимали танцы, относившиеся к религиозно-культурному циклу.

У адыго-кабардино-черкесов к таким танцам принадлежал *шибле-удж* (хороводный танец в честь божества грома), а у балкарцев и карачаевцев — *голлу тебсеу* (коллективный мужской танец), когда в кругу с чашей, наполненной бузой, стоит *гоппон* (запевала),

Танцы

а остальные мужчины, взяв за плечи друг друга, танцуют вокруг него.

В хореографии адыгов интересен и другой танец, посвященный Псатхэ (богу души). Псатха, сделанный из дерева, ставился на расстоянии сорока шестов от собравшихся. Мужчины брали женщин под руку, подходили к нему парами, выполняя танец *сандрак*, преклонялись перед ним и, не прекращая пляски, возвращались, а затем снова подходили к идолу и вновь преклонялись перед ним. Тут же закалывали коней, быков, баранов и другой скот, которых приносили «в жертву тха».

Эти танцы были преимущественно ритуальными и исполнялись, по всей вероятности, при жертвоприношениях. Об этом свидетельствует текст балкарского *голлу*, существовавшего до принятия ислама. В нем говорится:

Над огнем высокая корзина,
В ней свинина — задняя часть,
Скок вверх, скок вниз.

С проникновением ислама в Балкарию *голлу тебсеу* постепенно был сведен на нет. Но вместо него появился *Солман*, тоже круговой коллективный мужской танец, сопровождаемый песней, содержащий сатирические мотивы: указание в форме шутки на нарушения семейных уз, нравов и т. д.

Тюз тебсеу, *тёгерек тебсеу*, *абезех*, *шиндык оюн* — основные варианты балкарских танцев. Наиболее легкими для исполнения являлись *абезех* и *тюз тебсеу*. *Абезех* перед другими танцами имел то преимущество, что юноша и девушка могли вести беседу, часто интимную. Каждый танец имел свои особенности, ритмику, пластическую выразительность, яркую эмоциональную окраску. Если *абезеху* свойственна торжественность, то *тюз тебсеу* отличается исключительной гармонией движений, лиричностью.

В жанровом отношении хореографическое искусство адыго-кабардино-черкесов и балкаро-карачаевцев весьма разнообразно, но все же по пластике и ритмике все танцы делятся на две категории: на танцы грациозно-плавные и пляски огненно-стремительные.

Самым распространенным танцем у адыго-кабардино-черкесов была *кафа*. Ее исполняли и молодые, и старики, и девушки, и старухи. Возможно, что этот танец в глубокой древности имел и какое-то ритуальное значение, но уже давно приобрел

художественно-эстетические зрелищные формы народной хореографии. Танцуется кафа плавно, изящно. Этот танец перешел от кабардинцев к другим народам Северного Кавказа. Кафу танцевали непременно в паре — мужчина с женщиной. Парным танцем, вернее пляской, у кабардинцев и балкарцев являлся и *исламей*, в котором танцующие (мужчина и женщина) в головокружительном темпе выделяли всевозможные фигуры и разнообразные па. В этой пляске инициатива принадлежала мужчине. Исламей — танец удалства, смелости и ловкости.

К массовым видам танцев относился *удж* (*удж хешт*, *жанки-даш*, *удж тегуаж* и т. д.), в котором мужчины брали под руку женщин и, образуя большой плясовой круг, имели возможность разговаривать между собой. Этот танец особенно был любим молодежью.

Все балкарские и кабардинские танцы давали исполнителю возможность импровизации, показа своего таланта, темперамента и мастерства, но все они, имея традицией установившиеся определенные формы, ограничивали исполнителей (особенно мужчин) дозволенными рамками, выход за пределы которых всенародно порицался. Изыщество и грациозность, пластика и выразительность, эмоциональность и простота — основные качества кабардинских и балкарских народных танцев.

5. ЗАЧАТКИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Первая светская школа была открыта в крепости Нальчик лишь в 1820 г. и называлась аманатской. Система аманатских школ — пансионов для детей-заложников — была широко распространена в то время на Кавказе. Учеников этих школ обучали арифметике, русскому языку и другим предметам.

Первая светская школа
Аманатские школы владели жалкое существование. Несмотря на это, многие аманаты хорошо овладевали русской речью. Впоследствии они становились военными и гражданскими чиновниками. Но все это были дети из княжеской и дворянской среды.

Дети трудящихся кабардинцев и балкарцев оставались неграмотными.

В 1829 г. князь Бекович-Черкасский, выражая интересы местной верхушки, предложил около Нальчикской крепости основать город — центр всей Кабарды и в нем организовать трехгодичное училище для детей, которых следовало, по его мнению, учить писать и читать по-русски и по-арабски. Дети должны были содержаться на казенный счет. Но этот проект остался неосуществленным. Полученное же в 1836 г. разрешение на прием туземного юношества в полковые и батальонные школы при войсках Кавказского корпуса не нашло поддержки со стороны

местного населения. Но зато идея об учреждении специальной школы в Нальчике все больше волновала умы прогрессивных людей.

Первая
кабардинская
школа в Нальчике

В начале 40-х годов XIX в. по инициативе Ш. Б. Ногмова было подано кавказскому наместнику прошение об открытии школы в Нальчике. В 1843 г. разрешение было дано, но затем правительство, признав смету довольно высокой, в 1847 г. распорядилось «учреждение в Нальчике школы собственно для детей кабардинцев отменить» и предложило учредить школу «военных воспитанников» из двух отделений: одно — для детей солдат, другое — для детей русских офицеров, кабардинских князей и дворян.

В 1848 г. наместник на Кавказе князь Воронцов счел необходимым «школу открыть в Екатериноградской станице». В школу должны были принимать только детей княжеского и дворянского происхождения в возрасте от 8 до 14 лет. Число воспитанников на первое время устанавливалось в 25 человек. Школа должна была готовить детей для поступления в кадетские корпуса. Представители Кабарды и Балкарии выразили свое несогласие с этим проектом, продолжая просить об открытии школы именно в Нальчике. В результате 1 января 1851 г. здесь была открыта школа на 25 мест. Содержалась она за счет кабардинских общественных средств. Государство не отпускало на ее содержание денег. Поэтому эта первая кабардинская школа вскоре перестала существовать.

6. КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ С РУССКИМ НАРОДОМ

Экономическое, политическое и культурное общение русских и кабардинцев в XVI в. оставило свои следы в кабардинских песнях о Темрюке, поговорках и преданиях о дружбе с русским народом, а также в фольклоре и литературе русского народа. Глубоким взаимным уважением народов порождены и известные слова легендарного адыга того времени Ллоана Бжехатлова о том, что «русские будут жить на нашей земле, и наши жены станут брать друг у друга сита». Той же давней дружбой народов, испытанной в труде и боях, вызваны к жизни и такие жемчужины народной мысли, как «Басхан и Иван — друг другу братья» или «Не у турецкого султана, не у крымского хана, а у русского Ивана бурку проси» и им подобные.

В русском фольклоре определенное отражение получили события периода добровольного присоединения Кабарды к России и последующих русско-кабардинских экономических, политических и культурных связей. Например, в исторической песне

о Кострюке пашли своеобразное, подчас весьма далекое от подлинно исторических фактов, художественное отражение женитьба русского царя Прозного на кабардинке Марии Темрюковне, а также пребывание «на Москве» брата Марии и его эпическое единоборство.

Отзвуки кабардино-русских отношений явственны в часто упоминающихся в русском фольклоре «седлах черкасских», «черкасах пятигорских» и т. д.

Кабардино-балкарская тематика в творчестве русских писателей В силу роста международного значения Кавказа, усиливающегося интереса к нему России в конце XVIII — первой половине XIX в. кавказская тема занимает все

большее место в художественной литературе русского народа. Г. Р. Державин впервые дает поэтическое описание природы нашего края в известной оде «На возвращение из Персии через Кавказские горы графа В. А. Зубова». Затем «Эльбрус двуглавый» становится объектом поэтического восхваления В. А. Жуковского, который в поэтическом послании Воейкову напоминает своему герою, «как Терек в быстром беге меж виноградников шумел» и «гора вздымалась над горой», и впервые в истории мировой литературы называет балкарца, чеченца, черкеса и других представителей многонационального Кавказа.

Кавказ и его жители, особенно кабардино-черкесы, выводятся в поэтических произведениях А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, поэтов-декабристов. Они первыми поведали о замечательных народах, населяющих Кавказ, вольнолюбивых и смелых, мудрых и гостеприимных.

А. С. Грибоедов А. С. Грибоедов впервые приезжает на Кавказ в 1818 г. И с тех пор вся его последующая общественная деятельность оказалась связанной с этим краем. Поэт рассказывает о трагедии семьи кабардинца Кучука Джанхотова, который выше родственных чувств ставит интересы государственные. Старый почетный кабардинец был за дружбу с Россией и считал, что тот, кто выступает на стороне султанской Турции, — враг не только дружественной России, но и всего кабардинского народа.

Свои впечатления о Кабарде и Балкарии Грибоедов пытается выразить в литературных образах: «На Малке я начал что-то поэтическое, по крайней мере самому очень понравилось, обстоятельства прервали, остыл, но при первой благоприятной перемене снова завьюсь в эфир».

С большим уважением относится русский поэт к кавказцам, считая, что каждый народ имеет право на жизнь и счастье.

А. С. Пушкин А. С. Пушкин был на Кавказе в 1820 и 1829 гг. Первое знакомство с Кавказом длилось около двух месяцев. Видимо, поэт посетил тогда Кабарду. Предполагать это можно на основании его высказывания

по поводу несостоявшейся встречи с Якубовичем: «Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде, поэма моя была бы лучше».

В эти два месяца Пушкин создает эпилог к «Руслану и Людмиле» (здесь первое упоминание о Кавказе) и работает над поэмой «Кавказский пленник», имевшей непосредственное отношение к Кабарде и Балкарнии. В черновиках поэмы, например, несколько раз упоминается Кабарда: «В глухих долинах Кабарды», «В ущельях дикой Кабарды» и т. д.

Здесь был создан русским поэтом возвышенный и благородный романтический образ черкешенки, жертвующей самым дорогим, что есть у человека, — жизнью ради великой всепобеждающей светлой любви, ради свободы и счастья русского, ею любимого. «Черкесы, их обычай и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести», — писал Пушкин. Он считал, что «поэму приличнее было бы назвать „Черкешенкой“».

В поэме значительное место занимает изображение боевой удали черкесов, но не она является главным в их жизни. Черкесы, как и все другие народы Кавказа, для поэта прежде всего труженики, мирные, гостеприимные люди.

Уж меркнет солнце за горами;
Вдали раздался шумный гул;
С полей народ идет в аул,
Сверкая светлыми косами.

Пушкин знакомился с бытом и поэтическим творчеством терских казаков, кабардинцев, балкарцев. «Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находилась крепость. Кругом ее следы разоренного аула, называвшегося Татартупом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде», — рассказывает писатель в «Путешествии в Арзрум».

Далее он сообщает о «бегах мусульманских полков», которые собирались в палатке Раевского и вели дружескую беседу с поэтом через переводчиков. Упоминается в «Путешествии» и кабардинский князь «Бекович, взявший у турок их древнюю крепость Гасан-Кале».

Второй поездкой на Кавказ навеян и бессмертный образ Тазита. Сюжет поэмы связан с Кабардой, Балкарнией, Чечней. Имеются веские основания прообразом Тазита считать выдающегося деятеля адыго-кабардино-черкесской культуры того времени Ш. Б. Ногмова. В чеканных пушкинских стихах здесь нашел свое блестящее выражение и протест передовых людей того времени против жестоких обычаев старины, и осуждение уходящего в прошлое древнего уклада жизни народов Кавказа, и вера в светлое будущее.

О неослабевающем интересе Пушкина к горским народам свидетельствует и план ненаписанной поэмы «Русская девушка и черкес», и другие неосуществленные замыслы поэта.

Кавказ стал для М. Ю. Лермонтова своеобразной призмой, через которую преломлялись в его творчестве главнейшие социально-политические проблемы того времени. Это отлично понимал и сам поэт, который в 1830 г. писал:

Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.

Кавказом навеяны «Черкесы», «Кавказский пленник», «Каллы», «Аул Бастунджи», «Измаил-Бей», «Хаджи Абрек», «Беглец», «Мцыри», «Демон», «Герой нашего времени» и другие бессмертные лермонтовские творения.

С любовью и уважением поэт воспроизводит жизнь кабардино-черкесов во многих своих произведениях. «Кабардинцы, — писал Лермонтов, — просто молодцы; ну есть и между шапсугами народ изрядный, только все с кабардинцами им не равняться, ни одеться так не сумеют, ни верхом проехать...»

В художественных произведениях Лермонтова отражалась подлинная кавказская обстановка, фольклор, история. В поэме «Измаил-Бей», например, художественно воспроизведен один из эпизодов военной истории Кавказа. Образ лермонтовского Измаил-Бея во многом родствен жившему и действовавшему на рубеже XVIII и XIX вв. реальному лицу — кабардинцу Измаил-Бею Атажукину. Кабардино-черкесские предания легли в основу поэм «Аул Бастунджи», «Каллы» и других произведений писателя.

М. Ю. Лермонтов осуждал колонизаторскую политику царизма на Кавказе. Поэт был за сближение народов, за то, чтобы они взаимно уважали друг друга, и предсказывал, что не «дряхлый Восток», а молодая Россия «настроит дымных желтей по уступам гор», и ее «железная лопата» врежется в каменную грудь Кавказа, «добывая медь и золото», приобщит местных жителей к более высокому экономическому и культурному укладу жизни.

Поэты-декабристы Кабардинцам, балкарцам, терским казакам и другим жителям Северного Кавказа большое внимание уделяли поэты-декабристы А. А. Бестужев-Марлинский, А. И. Одоевский и другие, побывавшие в первой половине XIX в. на Кавказе. Многие из них навещали Пятигорск, Кабарду и Балкарию. В Екатеринограде, например, служил Якубович, в Кабардинском пехотном полку — А. С. Гантеблов, Горячие воды посещали Одоевский, Нарышкин, Голицын, Назимов, Соколовский и др. Декабристы общались с передовыми деятелями национальных культур Кавказа, в том числе

Кабарды и Балкарии. Некоторые из них отразили свою доброжелательность к горцам Кавказа в своих литературных произведениях.

Читатели «Аммалат-Бека» хорошо помнят, например, кабардинца, который поет старинную песню:

На Казбек слетелись тучи,
Словно горные орлы.

О «переводах» черкесских песен в «Аммалат-Беке» очень лестно отзывался великий русский критик В. Г. Белинский, который считал их самыми ценными в повести: «...в них так много чувства, так много оригинальности, что и Пушкин не постыдился бы назвать их своими».

Лучшие традиции в освещении Кавказа продолжали такие предшественники революционно-демократической русской литературы, как А. И. Полежаев и некоторые другие прогрессивные писатели того времени.

Кабардино-балкарская тема в классической русской литературе первой половины XIX в. заняла весьма значительное место. И это вполне закономерно, ибо Кавказ, как на это указывал еще В. Г. Белинский, явился неиссякаемым родником поэтического вдохновения для многих выдающихся русских писателей.

Деятели демократической русской литературы первой половины XIX в. не только художественно перерабатывали факты кавказской действительности, но и оказывали на нее благотворное воздействие и особенно на формирование нарождавшейся местной интеллигенции.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Общественная жизнь кабардинцев и балкарцев в XVI—XVIII вв. регламентировалась неписанным законом, так называемым обычным правом (*адыгэ хабзэ, тау адет*), которое изменялось и пополнялось новыми положениями на основе народных постановлений, передаваемых от одного поколения к другому.

Народные собрания По обычаю для решения различных вопросов созывались народные собрания (*хаса, зэлуцлэ* в Кабарде, *халкъны джыйылыуу* в Балкарии), которые устраивались в определенных местах в центре селения, часто на возвышенных площадках. На собраниях разбирались и решались конфликты между родами и селениями, земельные и имущественные вопросы, дела об убийствах, избирались судьи.

На собраниях решались также вопросы о войне и мире, принимались меры по обеспечению общей безопасности. Большой вес на собраниях имели воины, известные своей храбростью, знатоки народных обычаев и традиций, народные певцы — *гегуако*, а также ораторы, славившиеся красноречием и известные как «языки народа». Общекабардинские народные собрания нередко выступали против князей и уорков, стремясь ограничить их произвол.

Однако с развитием феодальных отношений права этого древнего законодательного органа кабардинцев и балкарцев сначала ограничивались, а затем и вовсе были узурпированы князьями. Последние стали произвольно решать все вопросы, не считаясь с народными обычаями и собраниями, которые постепенно теряли свое былое значение. Воля князя стала законом для всех его подвластных.

Вместе с тем подверглись значительному изменению древние обычаи народа, они насильственно были приспособлены к интересам феодальной верхушки. В противовес народному

праву возникло «дворянское право» — *уэрк хабзэ*, которое обеспечивало за «благородными» привилегированное положение в экономической и политической жизни.

Княжеские съезды-советы Для решения важнейших вопросов, касающихся всего народа, теперь стали собираться съезды-советы князей. В дальнейшем с укреплением экономических и политических позиций уорков князь был вынужден приглашать и их на свои советы. На княжеско-уоркских советах по «старшинству лет, по обычаю» избирались старшие князья, решались вопросы войны и мира, отношений с соседними государствами и народами, вопросы борьбы между феодальными группировками и т. д. В 1753 г., например, представители Баксанской и Кашкатауской партий на своих советах решили установить границу между собой по р. Чегем, а также договорились создать специальный уоркский суд из 40 человек (по 20 человек от каждой стороны) для решения спорных вопросов.

Некоторые съезды владельцев продолжались несколько дней. Так, общее собрание князей и уорков, созванное 12 марта 1767 г. для обсуждения вопроса о переселении кабардинцев с Баксана на Куму или на Кубань, продолжалось восемь дней. Собрание проходило очень бурно, так как большинство феодалов, боясь всеобщего народного восстания, возражало против переселения. Поэтому некоторые князья со своими уорками организовали особые советы и отдельно обсуждали вопрос.

Как видно из документов XVI в., на владельческие собрания с течением времени начали приглашать и народных старшин, имеющих большое влияние среди народа, что объяснялось стремлением феодальной верхушки использовать их для ослабления классовых противоречий в кабардинском и балкарском обществах. Вместе с тем участие «народных» представителей на княжеско-уоркских съездах должно было придать им вид общенародного представительного органа. В 1784 г. кавказский генерал-губернатор П. С. Потемкин в своем «Кратком историко-этнографическом описании кабардинского народа» отмечал, что на советы «начинали приглашать узденей, а случившиеся между народом неудовольствия, наконец, были причиною, что уже и народных старшин к важным советам приглашают».

Однако в большинстве случаев было так, что в народные старшины пролезали наиболее зажиточные тлхукотлы, связанные экономически с феодальными верхами, зависимые от них, удобные им, т. е. те лица, «которых и сами владельцы почитают».

«Народные» старшины, уорки и князья созывались на съезды-советы старшим владельцем. Свои заседания они проводили раздельно. Вопросы для обсуждения ставились князьями и тле-

котлешами, которые на своем заседании принимали определенное решение и предлагали его уоркам и старшинам. Последние рассматривали их и предлагали свое заключение народному собранию. Уорки и старшины, находясь в полной зависимости от князей, принимали угодные им решения и обязаны были добиваться принятия этих решений всем народом.

Принятые таким образом «народные» постановления князя проводили в жизнь с помощью и через тех же уорков и старшин. Немалую помощь им оказывало в этом и мусульманское духовенство.

Из сказанного видно, что князья и уорки не сумели окончательно ликвидировать народные собрания, которые, несмотря на ограниченность их прав и возможностей, в известной степени сдерживали тенденцию к единовластию князей, иногда даже принимали и самостоятельные решения. В 70-х годах XVIII в., например, когда кабардинские феодалы решили вместе с подвластными им крестьянами переселиться на другое место, «черный» народ выступил против этого плана и обязался взаимным поручительством в том, что если владельцы их уйдут в другое место, не следовать за ними, не повиноваться им, отречься от зависимости и передаться на волю и защиту русского правительства».

Сельские сходы Наряду с собраниями представителей всей Кабарды и Балкарии собирались также сельские сходы для выбора должностных лиц, поземельных депутатов, доверенных от сельского общества, для обсуждения хозяйственных и других вопросов. Общественные доверенные избирались на один год или же на период выполнения ими какого-нибудь конкретного поручения. В их обязанности входил наем общественных пастухов, табунщиков, сторожей, кузнецов, организация строительства, ведение от имени общества тяжёбных дел с соседними обществами, с односельчанами и т. д.

В небольших селениях Балкарии общие собрания жителей являлись родовыми, так как в них жили представители одного рода. Для решения вопросов всего общества (Балкарского, Чегемского и т. д.) такие селения избирали доверенных. В особенно важных случаях собиралось все взрослое население балкарских поселков, при этом каждый поселок располагался вместе со своим владельцем.

В кабардинских же селениях на собрания всего общества приглашалось все взрослое мужское население. Практиковались и поквартальные собрания, решавшие дела одного квартала (наем пастуха, строительство квартальной мечети и т. д.).

Суды, хенжа, тёре Кабардинцы не знали постоянных судов. Тяжёбные дела разрешались с помощью посредников, избираемых из тех же сословий, к которым относились стороны, обратившиеся в суд. Более определенные очер-

тания и устойчивые формы судебные органы приобрели в XVI в., в период правления князя Берслана Джанхотова, когда в крупных селениях были учреждены так называемые хепжа, т. е. третейские посреднические суды, в которых разбирались все дела, кроме уголовных и личных жалоб местных жителей.

Хепжа состоял из уорков и представителей народа, переизбиравшихся ежегодно и утверждавшихся князем. При решении тех или иных вопросов они руководствовались народными обычаями, а также предписаниями и указаниями князя. Апелляции разбирались под председательством князя в главном суде (*хе*), учреждавшемся в постоянном месте жительства князя. Кроме того, пишет Ш. Б. Ногмов, князь Берслан установил разные штрафы за неисполнение данных им узаконений и обрядов.

Народ избирал в третейский суд наиболее уважаемых стариков, хорошо знакомых с народными обычаями и традициями. Разбор дела они проводили под открытым небом, при большом стечении народа. Этим и объясняется сравнительная демократичность этого судебного органа, выносившего свои решения в соответствии с народными обычаями.

В Балкарии судебный орган назывался *тёре*; он состоял из представителей от таубиев, а при разборе крестьянских дел — и из чагаров. Все гражданские и уголовные дела в нем разбирались и решались словесно и утверждались валием («олнем»). В дальнейшем, с укреплением позиции мусульманской религии, в балкарских обществах, как и в Кабарде, в заседаниях суда стал участвовать духовный судья — кадий.

Тёре заседал в определенном, раз навсегда назначенном для этого месте, под открытым небом. Тёре имелся во всех пяти обществах, но в Балкарском обществе он пользовался наибольшим авторитетом и известностью. Поэтому для разрешения особо важных и спорных вопросов к этому тёре обращались и из других ущелий, а также из Чечни, Карачая и Дигории. Только этот суд имел право пересматривать принятые другими судами решения.

Разбор дел происходил на основании давно установившихся обычаев (адатов). «Если же возникали новые вопросы, не предусмотренные адатами,— писал М. Абаев,— то тёре устанавливал новый обычай, так что этот суд одновременно являлся и законодательным учреждением». Такую же законодательную функцию, заключающуюся в отмене старых обычаев и утверждении новых, играло мехкеме в Кабарде.

Развитие феодальных отношений в XVII—XVIII вв. вызвало усиление классовой борьбы в кабардинской и балкарской деревне. Участились тяжёлые дела между представителями народных масс и феодализирующей верхушкой. Последняя была недовольна существовавшими судебными учреждениями и до-

Введение
шариатского суда

бывалась создания такого органа, который защищал бы ее классовые интересы.

Таким органом и являлось мехкеме, т. е. суд по шарнату, который давал возможность «завуалировать классовый характер суда «законами Магомета», якобы беспристрастными правилами мусульманской религии». В ведение мехкеме были переданы все имущественные и личные дела, а также спорные вопросы, возникавшие между населенными пунктами из-за земли и пастбищ. При разборе последних в отдельных случаях создавались временные посреднические суды, для чего приглашались представители других селений. Конфликты же между князьями и уорками и последних с крестьянами решались по ранее существовавшим обычаям.

Меры наказания, определяемые шарнатскими судами, по сравнению с судом хейжа были чрезвычайно жестокими, вплоть до смертной казни. Особенно жестокому преследованию подвергалось воровство и прелюбодеяние (во многих случаях мнимое). Например, человека, обвиненного в краже мелких денег (до 1 руб.), лишали левой руки, а обвиняемого в краже более крупной суммы — правой руки и левой ноги. За развратное поведение полагалась смертная казнь.

Жестокие меры наказания, применяемые мехкеме, вызывали недовольство народных масс, и они со своими жалобами обращались преимущественно в хейжа. Поэтому между этими двумя судебными органами происходила постоянная борьба. Дело иногда доходило даже до того, что хейжа отменяли решения мехкеме. Если хейжа являлась более демократичным, то мехкеме было фактически судом феодальным, защищавшим интересы князей и уорков.

В отличие от хейжа, имевшихся во всех крупных населенных пунктах, мехкеме в Большой Кабарде было всего два, а в Малой — один. При этом, если члены суда хейжа эпизодически переизбирались, то члены суда мехкеме, являясь исполнителями воли феодальной верхушки и мусульманского духовенства, были фактически бессменными.

Народные певцы В формировании общественного мнения определенную роль играли народные певцы-поэты, называвшиеся у кабардинцев *гегуако* (*джэгэуакуэ*). Разъезжая по селениям Кабарды и Балкарки, гегуако присутствовали на народных собраниях, празднествах, участвовали в погребальных и иных процессиях и даже битвах, воспевали все важные события, прославляли героев. «Таким образом, — писал фольклорист С. Урусбиев, — гегуако были баянами (певцами) родного племени и заменяли в свое время письменную литературу».

Народные певцы поощряли похвалой молодых людей, особенно отличившихся мужеством, удальством и ловкостью, раз-

носили о них весть по селениям, прославляли их доблесть в песнях и сказах. От их внимания не ускользали и люди, прозносившие умные и мудрые речи на народных собраниях. Запятнавшие же себя злым делом или замыслившие причинить людям вред всенародно осуждались гегуако. Влияние и авторитет гегуако были настолько высокими, что даже князья боялись их.

Во время войн певцы отправлялись вместе с воинами в походы и, воспевая подвиги героев и события, свидетелями которых они были, воодушевляли воинов в битвах, запечатлевали в песнях имена мужественных людей. Народ любил и уважал своих певцов, обеспечивал их неприкосновенность и полную свободу.

Значение гегуако стало заметно падать после принятия кабардинцами и балкарцами мусульманской религии. Ислам преследовал гегуако, считая их деятельность несовместимой с мусульманской религией. По словам С. Урусбиева, последний из гегуако Таяир из Малой Кабарды умер в 50-х годах XIX в.

В общественной жизни кабардинцев и балкарцев бытовали различные формы взаимопомощи. Крестьянской взаимопомощи, соблюдаемые ими с отдаленных времен. К древнейшим обычаям, сохранившимся в XVI—первой половине XIX в., относились объединения крестьян в периоды наиболее напряженных сельскохозяйственных работ: обработки земли, уборки урожая и т. д. Повсеместное распространение получила в Кабарде и частично в Балкарии крестьянская взаимопомощь во время пахоты. Крестьяне, не имевшие возможности самостоятельно обработать свои земельные участки, объединялись в супряги (*дээй* у кабардинцев, *жыйын* у балкарцев). При этом одни вносили в это объединение тяговую силу, другие — плуг, третьи — рабочую силу. Обязанности между членами супряги были строго распределены: один выполнял обязанности повара (*пцафлэ, шапа*), другой — плугаря (*пхэцэцэжэ, сабан-агъачы*), третий — погонщика (*дакхэ вауэ*), четвертый ночью пас волов (*выхъуэ, егюзсюрючу*) и т. д.

Крестьяне оказывали друг другу помощь и в периоды заготовки сена, уборки урожая, стрижки овец, обработки шерсти, при изготовлении бурок, сукна, войлочных ковров, строительстве домов и т. д. Эту форму взаимопомощи (*шыхъэху, изеу*) зажиточные слои населения использовали для эксплуатации деревенской бедноты.

У кабардинцев и балкарцев в рассматриваемое время все еще сохранялась вера в сверхъестественные силы. Поэтому перед началом пахоты и после ее окончания устраивались ритуальные пиршества. Они сопровождались всенародным весельем,

танцами, играми, песнями, состязаниями в стрельбе, скачках, джигитовкой и жертвоприношениями в честь божества плодородия *Тхьэгъэлджэ*. Праздник окончания пахоты у кабардинцев назывался *ваклуэ ихъэж бэракъ*, у балкарцев — *сабантой*.

Окончание сельскохозяйственных работ, стрижки овец кабардинцы и балкарцы отмечали большим всенародным праздником урожая, устраиваемым поздней осенью. Он также сопровождался жертвоприношениями и молитвами. В XVI—XVII вв. последние проводились под руководством трех пожилых людей, которые как бы коллективно заменяли священника (или жреца). Характерной особенностью этих производственных праздников являлись не только сохранившиеся древние языческие обряды, но и их классовое содержание. Во всех случаях вслед за «священниками» угощались сельские правители, затем дворяне и т. д.

Гостеприимство

Кабардинцы и балкарцы, как и другие народы Северного Кавказа, издавна славилась гостеприимством. В начале XVII в. доминиканский монах Жан де Люк писал о черкесах, что «нет в мире народа, добрее этого, более радушно принимавшего иностранцев». В течение веков у кабардинцев и балкарцев сложились четко разработанные правила приема гостей, их прав, обязанностей хозяев и т. д., нарушение которых осуждалось обычаем.

Для гостей жилищные дома поселения строили специальные дома (*хъэццэц* у кабардинцев, *копакъ-юй* у балкарцев). Гостиница убиравалась лучшими войлочными коврами, циновками, постельными принадлежностями и обязательно в нем имелись народные музыкальные инструменты.

Гостеприимство распространялось на всякого путника, ищущего приюта. Это право совершенно незнакомого человека остановиться в качестве гостя в любом доме и безусловная обязанность хозяина дома оказать ему самый радушный прием и предоставить все необходимое — наиболее характерная сущность обычая гостеприимства у кабардинцев и балкарцев.

Гостю оказывались самые различные знаки уважения и внимания без всякого вознаграждения. В глазах кабардинца или балкарца не было «такой услуги, которая могла бы унижить хозяина перед гостем». По обычаю гость получал не только жилье, питание, но и экономическую и моральную помощь и даже защиту, если он в них нуждался. Обида гостя от кого-нибудь из присутствующих считалась обидой хозяина и могла вызвать кровавую схватку, месть и т. д.

Большое внимание уделялось питанию гостя, оно должно было быть разнообразным, обильным и вкусным. «Лучшая часть всего, что земледелец приобретает от трудов своих, — отмечал Хан-Гирей, — берегается бывает на случай приезда

гостей». Древним обычаем адыгов было засеять для гостей особое поле просом для их лошадей, а также выделить для их угощения часть домашнего скота.

Гость считался особой неприкосновенной. Обеспечение его личной безопасности и сохранение всего его имущества являлось важнейшей обязанностью хозяина. «Для нас всякий путешественник, переступивший через порог сакли, есть лицо священное»,— писал Ш. Б. Ногмов. Хозяин отвечал перед всем народом за безопасность гостя, и того, кто не сумел уберечь гостя от беды или даже от простой неприятности, сурово судили и наказывали.

Народный обычай не допускал выдачи гостя его врагам. Всеобщему преследованию подвергался тот, кто оскорблял, грабил или убивал гостя. Такие люди считались преступниками перед обществом, изгонялись из деревни, а чаще всего лишались жизни своими же собственными родственниками «за нанесение их роду неизгладимого посрамления», писал Хан-Гирей.

Гость находился под защитой хозяина только в период пребывания у него в доме. Однако нередкими были случаи, когда хозяин провожал своего гостя до безопасного места, т. е., как отмечал Ш. Б. Ногмов, гостя передавали «для безопасности друг другу на руки».

Куначество У кабардинцев и балкарцев с древнейших времен бытовало куначество, в результате которого два лица, принадлежавшие к различным родам, племенам или даже народностям, вступали в родственные отношения, которые сохранялись на всю жизнь. В более древний период куначество устанавливалось клятвой двух лиц, которые, бросив в чашу с брагой золотые монеты, по очереди нилиз из нее. Обычай куначества имел особое значение в период отсутствия централизованной власти и феодальных распрей. Характерен самый обряд установления отношений куначества: проситель, касаясь рукой полы одежды человека, под защитой которого хотел находиться, говорил: «Отдаюсь под твое покровительство». Позднее элемент покровительства и защиты в обычае куначества сгладился и уступил место взаимной дружеской поддержке кунаков. Изменился и обряд. Желавшие стать друзьями приносили на коране клятву в дружбе в присутствии матери одного из них.

Кунаки обязаны были защищать один другого и помогать друг другу при любых условиях, а в XVI—XVIII вв., в условиях постоянной феодальной раздробленности и усиления междоусобной борьбы между владельцами, куначество приобрело еще большую роль, превратившись в орудие борьбы с противниками, в средство примирения с кровниками и улаживания других спорных вопросов.

Обычай куначества широко использовался и приезжими торговцами. Покровительство известного князя или дворянина являлось достаточной гарантией для безопасности купца и для его радушного приема в любом населенном пункте.

С гостеприимством и куначеством связан обычай одаривания гостей-кунаков. В Кабарде и Балкарии была известна особая разновидность гостей, которые приезжали специально за подарками. Они назывались «гость с просьбой» (*хъэццэ лъэцукъуэ, тилеучю къонакъ*). Такой гость, пожив определенное время у князя или богатого уорка, просил хозяина подарить ему, например, «десять лошадей, двадцать быков, да сотню овец. По обычаю,— писал Н. Дубровин,— князь не мог отказать в подобной просьбе и должен был удовлетворить просителя».

Щедрые подарки, которые делались князьями, они получали со своих подвластных крестьян. Согласно обычному праву, князьям издавна принадлежало право брать произвольно у простого свободного парода покровительствуемых ими аулов понравившееся их гостям или им самим что-либо из оружия и вещей или лошадей, быков и баранов. Поэтому приезд к князю «гостей с просьбой» приводил часто подвластных ему крестьян к обнищанию, так как гость князя считался и их гостем, а его прислугу они обязаны были, кроме всего прочего, полностью содержать за свой счет.

С развитием феодальных отношений обычай гостеприимства и куначества постепенно теряли свои архаические черты.

Аталычество

Институт аталычества, известный всем народам Северного Кавказа, возник еще в эпоху родового строя как форма установления искусственного родства. В эпоху феодальных отношений аталычество приняло резко выраженный классовый характер, сохраняясь в основном в княжеских и дворянских фамилиях, отдававших своих сыновей и дочерей на воспитание другим владельцам, стоявшим ниже их на феодальной лестнице. Желающих взять на воспитание детей могущественных князей или известных дворян бывало много, так как это давало возможность сродниться с богатыми и сильными владельцами и пользоваться их покровительством и поддержкой, ибо, сказано в адыгских аятах, «связь по аталычеству считается... священной: все семейство аталыка есть родное своему воспитаннику».

В большинстве же случаев князья сами выбирали аталыков для детей из своих вассалов. Воспитатели должны были иметь хорошую репутацию, знать народные и военные обычаи, а хозяйка в доме воспитателя должна была быть хорошей, строгой и умной матерью, экономной домохозяйкой и т. д.

Князья отдавали своих детей на воспитание для того, чтобы с помощью аталыка и его родных еще больше укрепить

свое влияние, могущество, власть. Иногда «жители целого селения, общества и даже страны, по адыгским обычаям, считали себя аталыками воспитанного между ними ребенка знатной фамилии». Аталычество играло известную роль и для приобретения знатности и известного положения.

Аталыки брали детей на воспитание вскоре после их рождения. Воспитанник (*кан, емчек*) должен был получить хорошую военную подготовку, в совершенстве владеть конем и всеми видами оружия, усвоить обычаи и традиции своего народа. Воспитанием девочки занималась жена аталыка. Она должна была научить ее рукоделию, обычаям, умению готовить разнообразную и вкусную пищу, приему гостей и т. д. Большое внимание уделялось туалету, хорошему знанию танцев и песен.

Заключив воспитание молодого князя или уорка, аталык вооружал его, дарил ему коня и, соответственно нарядив, возвращал домой в сопровождении большой свиты. В честь этого родители устраивали большие празднества, сопровождаемые скачками, танцами и т. д., а аталыка щедро одаривали.

Безусловно, аталык стремился к тому, чтобы его воспитанник был под его влиянием; известны случаи, когда в спорах родителей и аталыка воспитанник принимал сторону последнего. Женщина, вскормившая своей грудью чужого ребенка, приобретала над ним такие права, которые не уступали родительским. «Воспитанник был обязан ничего не жалеть для своего аталыка и исполнять все его желания, вознаграждать своего воспитателя $\frac{9}{10}$ добычи, которую он добыл, пока обучался у него», — отмечал П. С. Паллас. Если выходила замуж воспитанница, то аталык получал большой подарок от ее супруга. По словам же Ш. Б. Ногмова, «весь калым отдавался аталыкам». Нередкими были случаи, когда аталык женил своего кана или выдавал замуж свою воспитанницу, беря все связанные с этим расходы на себя. Аталык настолько привязывался к своему воспитаннику, что в случае его смерти в знак глубочайшей печали обрезал концы своих ушей (XVI—XVII вв.). В XVIII и начале XIX в., как отмечал Хан-Гирей, это обрезание было заменено годичным трауром.

По обычаю, аталык мог иметь только одного воспитанника, а знатный князь или дворянин — несколько аталыков. В их число входил и тот, кто первый раз брил ему голову и хранил его волосы.

С укреплением позиций царизма на Кавказе аталычество теряет свое былое значение, чему в немалой степени способствовал приказ от 1822 г., запрещавший «всем кабардинским владельцам и узденям отдавать детей своих на воспитание к чужим народам, т. е. к закубанцам, карачаевцам и вообще горским народам, но воспитывать их в Кабарде. Тех, кои отданы прежде, тотчас возвратить». Но это не означало, что аталычест-

во перестало бытовать среди кабардинцев, оно имело место и в последующее время, но уже постепенно исчезало.

Другие формы родства

К кровному родству приравнявалось и усыновление. «Усыновление делается очень редко, как видно из адатов, оно считается священной связью и налагает на приемыша те же обязанности, какие имеет сын к отцу». Членами рода могли стать и беглецы, скрывавшиеся от преследования. Бывало и так, что члены кровно враждебных родов для прекращения вражды стремились быть усыновленными обиженным родом. Для этого добивались прикосновения к груди знатной женщины данного рода. Тогда человек, совершивший преступление, получал, по словам П. С. Палласа, «защиту как брат, будь он даже врагом и убийцей одного из близких друзей». Организовывалось и открытое усыновление, которому предшествовали длительные переговоры. После такого усыновления, писали В. Миллер и М. Ковалевский, «обидчик становится «эмчеком» (в Балкарии.— *Ред.*)... молочным братом членов враждебного ему рода и получает от старейшин участок земли под условием платежа той же «эмчекской подати», которую несут настоящие молочные братья».

В жизни кабардинцев и балкарцев был известен и институт побратимства. Он заключался двумя представителями разных родов путем смешения крови, после которого они считались «кровными» братьями. Братство устанавливалось и путем прикосновения губами к груди матери товарища. После этого они считались родственниками и пользовались покровительством не только этой семьи, но и их родственников.

По народному обычаю эти формы искусственного родства обязывали стороны оказывать друг другу не только материальную и моральную поддержку, но и налагали на них также права и обязанности по кровной мести.

Кровная месть

По древнему обычаю всякая пролитая кровь должна быть отомщена, причем обязанность эта падала на всех родственников, которые должны были убить рано или поздно виновника преступления, а в случае его смерти — кого-нибудь из его ближайших родственников. «Члены рода, — писал Ф. Энгельс, — обязаны были оказывать друг другу помощь, защиту и особенно содействие при мщении за ущерб, нанесенный чужими. В деле защиты своей безопасности отдельный человек полагался на покровительство рода и мог рассчитывать на это; тот, кто причинял зло ему, причинял зло всему роду. Отсюда, из кровных уз рода, возникла обязанность кровной мести...»¹ Тот же, кто отказывался исполнять эту обязанность, изгонялся из рода и общины. Раз совер-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 89.

шенное преступление вело за собой ряд кровомщений, длившихся несколько поколений и даже несколько веков.

Кровная месть могла возникнуть по самым различным поводам, но главными из них являлись убийство, нанесение оскорбления религиозным верованиям рода и т. п. Народный обычай требовал, чтобы убийца немедленно бросал свой дом и искал убежища и покровительства в другом селении, иначе ответственность за убийство распространялась на его близких родственников, других членов рода и даже на всех членов общины.

Наиболее широко кровная месть была распространена среди феодальной верхушки. Князья и дворяне «никогда не соглашались на тлиуса (плату за кровь.— *Ред.*) и требуют кровь за кровь», отмечал один из иностранных путешественников. Обычай кровной мести был тяжелым бременем для народа, так как приводил к уничтожению и разорению населенных пунктов, истреблению целых родов. Поэтому трудящиеся массы всегда настойчиво выступали против этого обычая.

В XVIII — начале XIX в. кровомщение (*лъыцлэжын, каналгъан*) постепенно заменялось платой за кровь (*лъыуасэ*), вместе с тем значительно сузился круг лиц, подвергавшихся мести; теперь она все чаще относилась лишь к непосредственному виновнику. Но плата за кровь, определяемая адатом, бывала очень значительной, поэтому целому роду приходилось выплачивать ее по частям в течение длительного времени. При этом за кровь убитого крестьянина полагалась плата в размере 200 коров, за убийство дворянина — 400 коров, кровь же князя не имела цены, так как личность его считалась неприкосновенной. В случае же убийства князем представителя нижестоящих социальных групп кровная месть со стороны родственников убитого по нормам обычного права исключалась.

Кровная месть прекращалась, если преследуемому удавалось выкрасть мальчика из семьи обиженного, воспитать его как сына и, наградив по обычаю лошадью, оружием и одеждой, вернуть его в ту же семью. Такого мальчика называли *лъыцлэжыпхъэкъан* (за кровь воспитанный). Родство, установленное таким путем, по адыгским адатам «являлось одним из главных способов примирения враждующих родов и прекращения кровомщения».

2. СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Одним из пережитков патриархально-родовых отношений являлась большая семья. Ее устойчивость объяснялась рядом причин:

Семейная община натуральным характером хозяйства, необходимостью сохранения мощной экономической единицы в виде большой семьи для совместных занятий земледелием, скотоводством, ремеслами, выполнения феодаль-

ных повинностей и т. д. Большая семья объединяла несколько поколений кровных родственников в одну семейную общину (*унээш зэхэс* или *унагъуэ зэхэс, уллу юйпор*). Число членов большой семьи в XIX в. доходило до 40 человек и более, объединяя представителей трех поколений.

Семейная община являлась хозяйственной единицей, имеющей единое хозяйство и общий котел, в который поступали все доходы семьи. Общим, а отчасти уравнительным, было потребление. В 1784 г. П. С. Потемкин писал, что в Кабарде «каждое семейство от прадеда и до позднего поколения живет нераздельно и пищу употребляют из одного котла, и по сему самому здесь народ не говорит „сколько семей или дворов“, но „сколько котлов“».

Все члены большой семьи жили в одном дворе, сообща обрабатывали земельные участки, ухаживали за скотом. Труд в такой семье разделен «прежде всего по признаку пола и возраста, затем уже складывалось разделение труда между отдельными мужчинами или женщинами». Одни мужчины постоянно обрабатывали поля, другие ухаживали за скотом, третьи занимались каким-либо ремеслом. Точно таким же был принцип распределения обязанностей среди женщин.

Во главе большой семьи стоял старший в семейной ячейке — *тхамата* (*тхъэматэ*) — дедушка, отец или старший сын. Главой женской половины дома была *гуаша* (*гуащэ*) — мать или жена старшего брата. Тхамата руководил всей хозяйственной и внутренней жизнью семьи, распоряжался землей, скотом и домашним имуществом по своему усмотрению. Он представлял семью, в роде и сельской общине, участвовал в решении всех тяжёлых дел членов семьи.

Домашним хозяйством и воспитанием детей — мальчиков до 7—8-летнего возраста и девочек до выхода замуж — руководила гуаша. Она распределяла всю работу в женской половине дома, во многих вопросах семейной жизни являлась советчицей тхаматы.

Семейные разделы в XVI—XVIII вв. были редким явлением. Сын мог отделиться только с разрешения отца, а в случае его смерти, братья могли разделиться лишь при общем согласии. В XIX в. семейная община начала разлагаться, уступая место малой семье. Однако во внутреннем семейном укладе почти полностью сохранились черты традиционного патриархального быта.

Формы брака

Брак у кабардинцев и балкарцев по-прежнему оставался строго экзогамным. В феодальном обществе необходимым условием брака было сословное равенство бракосочетающихся. Особенно строго оно соблюдалось князьями, для которых неравный брак был равносильен бесчестью. В то же время бракосочетание являлось для феода-

лов имущественной и политической сделкой, из которой каждая из сторон стремилась извлечь выгоду.

Существовало несколько форм заключения брака. Брак по системе «нареченных» известен и у кабардинцев (*гуцэжъуанэ ибзэ*) и у балкарцев (*туугъандан сора сэзтауусуу*). Эта форма брака своими корнями уходит в глубокую древность, она была главным образом среди господствующих слоев населения, а также среди кунаков и близких друзей.

Одной из форм брака было похищение невесты. Оно имело место в том случае, если не было согласия ни со стороны женщины, ни со стороны родственников. Похищение девушки считалось оскорблением для ее родных, поэтому преследовалось и часто кончалось кровавой схваткой, иногда переходившей в кровную месть.

Основной же формой создания семьи являлись браки, заключаемые по соглашению между родителями невесты и жениха на определенных условиях, основанных на обычном праве кабардинцев и балкарцев. В XVI — первой половине XVIII в. брачные обряды среди крестьянских масс были довольно простыми. По сообщению доминиканского монаха Жан де Люка (1625 г.), весь брачный обряд черкесов состоял в том, что муж и жена в присутствии какого-нибудь свидетеля давали слово блости союз. При этом жених преподносил подарки отцу своей невесты. По другому сообщению, в первой половине XVIII в. брак представлял собой простое соглашение между родителями и опекунами детей. В последующее время брачные обряды стали постепенно усложняться. Брачный возраст для мужчин определялся в 18 лет, для девушек — в 14—16 лет. В большинстве же случаев мужчины женились в возрасте старше 30 лет, так как только к этому периоду они могли собрать необходимый выкуп за невесту (*уасэ, къалым*).

Сватовство и калым

Избрав невесту для сына, родители приступали к сватанью, продолжавшемуся иногда несколько дней. Условия брака закреплялись брачным актом, оформлявшимся в доме невесты. При этом присутствовали доверенные жениха и невесты, свидетели, которые вместе с муллой подписывали документ. Оформление последнего отмечалось большими торжествами.

Важным пунктом брачного акта являлся калым, размер которого для всех сословий был определен обычным правом. Плата калыма за невесту уходит своими корнями в глубокую древность. В ту эпоху это было простое материальное вознаграждение семье за потерю рабочей силы. В феодальную же эпоху калым превратился в акт купли-продажи невесты, в доходный источник для семьи девушки и в разорительную статью для семьи жениха. С конца XVIII в. часть калыма стали возвращать жениху в виде приданого невесты.

В начале XIX в. за княжну платили калым в 2 тыс. руб., а за крестьянскую дочь — не свыше 300 руб. Высокий размер калыма был особенно обременителен для крестьян. Необходимость уплаты большого калыма толкала многих из них на воровство и разбой. Все это заставило кабардинцев и балкарцев специально обсудить вопрос о калыме и хищении девушек и в «народных условиях» 1807 г. записать пункт о значительном уменьшении размера калыма, запрещении насильственного увоза (кражи) девушек и т. д.

Свадьба

Свадьба начиналась с переезда невесты из ее дома к родителям жениха. Эта часть праздника была обставлена исключительно торжественно, она сопровождалась обильным угощением, танцами, музыкой, играми, скачками, джигитовкой, стрельбой в цель и т. д. Невесту везли или прямо в дом жениха, или же вначале в дом его родственников или приятеля. Если жених имел аталыка, то невесту везли к нему в дом, где она оставалась несколько дней.

Свадьба длилась около двух недель. Она по обычаю сопровождалась своеобразными театрализованными представлениями: свое искусство демонстрировали канатоходцы (*кларсэрыкхуэ*), джигиты, певцы, музыканты, танцоры, борцы (борьба между всадниками и пешими — *шурэлъэс*) и др. Большое место на празднествах отводилось народным певцам, которые пели старинные народные песни, пропозносили хохи — тосты, рассказывали о выдающихся деятелях и героических эпизодах из жизни народа. Такие богатые свадьбы могли устраивать только богатые слои населения.

В ходе свадьбы выполнялся обряд «введения невесты в большой дом» (*юйгекирген унэишэшхуэ*), ее представление родственникам, соседям, снятие с новобрачной покрывала (*шхъэгепхъуэ, баш жабуу*). После этого невеста получала право свободно входить во все комнаты дома, приобщалась к семье, хотя еще не принимала на себя хозяйственных обязанностей.

Существовали также различные обряды, связанные с возвращением жениха в родной дом. Их возникновение связано с тем, что все время, пока продолжалась свадьба, и даже некоторое время после нее жених жил не в доме своих родителей, а у кого-нибудь из близких друзей или родственников.

Первое возвращение невесты домой.
Обычай избегания

По истечении года после свадьбы родные невесты забирали ее домой, где она оставалась несколько месяцев. В это время родственники делали ей различные подарки. Если новобрачная принадлежала к дворянскому сословию, то каждый двор селения дарил ей по одной голове рогатого скота. Родители готовили приданое, в которое входил и дарственный скот. С помощью родни готовились подарки. Часть из них (скот, постель и т. д.) составляла личную собственность невесты.

сты, которой она распоряжалась по своему усмотрению, а часть предназначалась для родителей мужа и его родственников.

Внутренний быт семьи, в которой появилась невеста, определялся рядом обычаев. Новобрачные в первые месяцы совместной жизни вели своеобразную отшельническую жизнь. Муж и жена фактически днем не виделись, не разговаривали и не показывались вместе. До появления первого ребенка, а иногда и в течение нескольких лет невестка не разговаривала с отцом и старшими родственниками мужа и почти не встречалась с ними. Со свекровью же она начинала разговаривать через несколько месяцев после свадьбы, но и тогда она должна была быть немногословной и во всем исполнительской.

Обычное право кабардинцев и балкарцев запрещало молодой снохе произносить имя мужа, его родителей, ближайших родственников, давая им различные ласкательные прозвища, например, «Светлый всадник», «Солнце», «Старший» и т. д.

У кабардинцев и балкарцев многоженство и развод являлись редчайшим явлением. При жизни первой жены, как отмечали современники, черкес никогда не женился на второй, если он не был принужден к этому особыми причинами. Такими причинами могли быть отсутствие потомства, прелюбодеяние, неизлечимая болезнь жены и т. д. Развод без достаточных оснований вызывал со стороны родственников женщины кровную вражду. Прочности брачных уз способствовало также и то, что муж, разводясь со своей женой, терял право на возвращение калыма, а жена, уходя от мужа, должна была вернуть его, а детей оставить с отцом.

Развод крепостного крестьянина полностью зависел от воли его владельца. В случае ссоры с женой он должен был обратиться к своему господину, который мог по своему усмотрению не только развести их, но и, продав жену в рабство, дать мужу другую жену. Точно так же он поступал с мужем, если с жалобой к нему обращалась жена.

Пережиточной формой брака, зародившейся еще в период матриархата, являлся левират. В феодальном обществе левират проявлялся в том, что вдова оставалась в семье умершего или убитого мужа, поскольку за нее был заплачен калым, и была обязана выйти замуж за брата умершего. При этом семья не несла никаких новых расходов на свадьбу или на калым, так как «купленная на общие средства жена и по смерти мужа, — писал М. Ковалевский, — продолжает составлять общее состояние рода и братства».

Сохранялся также не менее древний институт сорорат, согласно которому вдовец после смерти первой жены мог жениться на младшей сестре жены или на ее двоюродной сестре. Первоосновой левирата и сорората являлись, безусловно, экономиче-

ческие интересы семьи, но немаловажное значение имел также учет родственных интересов.

Воспитание детей Воспитание подрастающего поколения у кабардинцев и балкарцев включало в себя трудовую, военную, нравственно-этическую и религиозную подготовку. Народная педагогика исходила из того, что эти качества следует заложить в детях с малых лет, что именно с этого времени их следует воспитывать трудолюбивыми, скромными, ловкими, находчивыми, аккуратными и терпеливыми, любознательными и готовыми услужить любому старшему.

Разумеется, воспитание всегда носило классовый характер. В девушке и юноше из феодальной среды воспитывалось сознание своего превосходства, презрение к «низшим», умение повелевать и т. п.

В семье точно были определены обязанности детей, формы их участия в общем труде. В период весенне-летних сельскохозяйственных работ подростки и юноши находились со старшими в поле, жили в шалашах, работали, учились переносить трудности. Уже с малых лет они пасли телят, ягнят, постепенно становились подпасками. В период отгона скота родители забирали сыновей на коши, вместе перегоняли скот на Зольские и Нагорные пастбища, где находились несколько месяцев. Особенно гордились юноши и подростки своим участием в ночном выпасе скота (*хэпу*), сопряженном с опасностями и трудностями и поэтому рассматривавшемся как важная школа воспитания выносливости, бесстрашия.

С раннего возраста девочек учили разнообразным домашним работам, готовя к тому, чтобы с выходом замуж они могли самостоятельно вести домашнее хозяйство. Воспитание обеспечивало строгое знание обычаев, скромность в манерах, сдержанность в выражении чувств, послушание и уважение к старшим, знание золотшвейного искусства и т. д.

Нравственному воспитанию молодого поколения уделялось большое внимание. По обычаю мальчики еще в раннем возрасте допускались в кунацкую, где они прислушивались к рассказам старших, песням и сказаниям певцов об истории народа, его героической борьбе с иноземными захватчиками. Воспитательные цели преследовали и рассказы старших в период пребывания юношей на кошах. Они способствовали формированию сознания подростков, воспитанию у них чувства долга, патриотизма, любви к родине и народу, ненависти к их врагам, уважения к старшим и скромности.

Много внимания уделялось воспитанию у кабардинских и балкарских юношей уважения к женщинам. Молодых людей наставляли с детства, что их отношения к женщинам должны быть чисто рыцарскими, они не только обязаны были почтительно относиться к ним, быть сдержанными, оказывать помощь в

трудные минуты, но и, не задумываясь, жертвовать жизнью для защиты их чести и достоинства.

Непреложным и строго соблюдаемым законом для каждого кабардинца и балкарца было уважение к старшим. П. С. Потемкин, хорошо знавший кабардинцев, в конце XVIII в. писал: «Всякий черкес согласится лучше умереть, нежели обличие потерять... Старость лет между ними в крайнем почтении, и никакой молодой человек перед стариком ни малейшей невежливости сделать не дерзает».

По адыгэ хабзэ, каждый молодой человек был обязан вставать, увидев старика, уступить ему место и не садиться без его позволения; в присутствии старших, в особенности стариков, проявлять почтительность, услужливость, быть немногословным. Считалось неприличным разговаривать или смеяться громко в присутствии старших и женщин. Младшие обязаны были не только уступать дорогу старшим, но и оказывать им всяческую помощь, если они в ней нуждались.

3. ВОЕННЫЙ БЫТ

Кабардинцы и балкарцы издавна были известны воинственностью и высокими боевыми качествами. Еще в конце XVI в. польский дипломат Мартин Броневский отмечал, что кабар-

динцы «весьма ловки, крепки, храбры и воинственны». Вместе с тем даже самые смелые воины, писал военный историк Н. Дубровин, отличались необыкновенной скромностью, не хвалились своими подвигами, на поле брани показывали «удивительную храбрость и необыкновенные подвиги самопожертвования; обладали характером энергичным и многосторонним, в котором скрывались твердая настойчивость и необыкновенное терпение».

Высокие боевые качества были обусловлены конкретными историческими условиями: непрерывающейся столетиями борьбой с иноземными захватчиками — греками и римлянами, хазарами и татаро-монголами, турками и их вассалом крымским ханом, а также с царизмом. Постоянная забота о своей безопасности обязывала кабардинцев и балкарцев уделять большое внимание воспитанию у ребенка воинского духа. Мальчика приучали быть смелым, бодрым, проворным. С семи лет учили владеть конем, стрелять из лука и ружья.

Военным воспитанием княжеских и дворянских детей занимались аталыки, которые обучали их верховой езде, владению пашкой, княжалом, меткости стрельбы в цель, безропотному перенесению холода, голода, опасностей, правилам ведения боя. Воспитанник возвращался домой не прежде, чем учитель засвидетельствует, что его храбрость, проворство и бодрость доведены до совершенства. По возвращении домой ему обривали

голову, вручали оружие, и этим он как бы посвящался в рыцари и становился полноправным членом общества.

Военные игры Школой проверки воинской подготовленности подрастающего поколения являлись многочисленные военные игры. Так, например, игра *шурэлъэс* воспитывала смелость, находчивость и ловкость. Игра эта заключалась в том, что часть молодежи в пешем строю, вооружившись длинными жердями, преграждала путь верховым, стремившимся ворваться в дом жениха и получить предусмотренный обычаем приз. Пешие иногда даже выбивали верховых из седла, а те отбивались плетью, прыгали через плетни, заборы, каналы, ограды. Игра эта считалась очень опасной и являлась по существу настоящим сражением, поэтому в народе бытовала поговорка: «Кому не страшно в день такой игры, тот не утрашится и в бою».

Древнейшей популярной военизированной игрой была и *хараматоко*. Эта игра сводилась к следующему. Селение делилось на две-три части, каждая из которых выставляла отряд молодежи, вооруженной длинными палками. Игра начиналась с наступлением темноты. Отряды с горящими факелами нападали друг на друга. Победителями считались захватившие большее число «пленных».

Большой интерес представляло состязание между уорками и крестьянами, которые составляли две враждебные группы — пеших и конных, нападавших друг на друга с применением всех приемов ведения настоящего боя.

Популярным был и традиционный всенародный весенний праздник *къэбакъ*, во время которого показывали свое мастерство не только наездники, но и акробаты, канатоходцы, певцы-импровизаторы, музыканты. Однако главным развлечением здесь была стрельба в цель, для которой, собственно, и воздвигался сам къэбак — высокая мачта с множеством подвешенных на ней вещей.

Широкое распространение имела и игра в *хъэрэмола, букхуч*, организуемая вечерами сельской молодежью. Разделившись на две группы и избрав предводителей, одна из групп пряталась, а другая искала ее. Игра иногда продолжалась несколько часов. В отдельных случаях в ней участвовала вся сельская молодежь, делившаяся на части по кварталам или джамаатам.

Большое значение в военном воспитании имела призовая стрельба из лука, винтовки или пистолета в подвижную или неподвижную цель, а также призовые состязания. Состязания состояли из скачек, преодоления препятствий, выполнения различных акробатических упражнений на скаку и т. д. Они приучали молодежь к приемам кавалерийской езды, развивали у нее ловкость и отвагу. Физическая подготовка подрастающего поколения обеспечивалась и легкоатлетическими упражнениями

(метание и толкание камня, состязание в беге, прыжках в длину и высоту, перетягивание каната и другие силовые упражнения). Самой же распространенной игрой являлась парная национальная борьба.

Таким образом, военное воспитание кабардинцев и балкарцев включало в себя сложный комплекс различных упражнений и игр, обеспечивающих всестороннюю подготовку юношей.

Войско.
Вооружение

Постоянного войска в Кабарде и Балкарии не было. В случае войны собиралось всеобщее ополчение, численность которого иногда доходила до 30 тыс. человек. Каждый первостепенный уорк по числу подвластных ему дворов выставлял определенное число воинов, которые выступали под командованием князя. Для командования всем ополчением избирался из князей полководец, известный своей храбростью и воинским мастерством.

Большую часть войска составляла конница. Местом для сбора назначались глухие урочища, где проверялась подготовленность ополченцев, производился раздел войска на подразделения. Представители одной деревни числом от 10 до 100 человек составляли «отдельный огонь». Каждый «огонь» состоял из панцирников, простой конницы и пехоты. Князья и богатые люди со своими приближенными составляли отборную панцирную конницу. Более бедные уорки и свободные крестьяне формировали простую конницу, а пехота состояла только из одних крестьян.

Вооружение кабардинцев и балкарцев в XVI—XVII вв. состояло из лука, копья, дротика, кольчуги, железного шлема, панциря, наручника, налокотника, железного щита, сабли, кинжала и ножа, изготовлявшихся местными мастерами и отличавшихся высоким качеством. С первой половины XVIII в. кабардинские и балкарские мастера начали изготавливать и кремневые ружья. Но вооружение кабардинского и балкарского воина видоизменялось очень медленно. Так, к середине XVIII в. оно все еще состояло из лука, панциря, сабли, пашки и «винтопальной» пицали, а к началу XIX в. — из кинжала, пашки, пистолета и ружья.

Все необходимое в походе находилось при воине и было хорошо подогнано. В походе воины могли свободно определять направление движения по звездам, а если их не было, то с помощью *киблама* (буссоля), который они постоянно носили в кармане.

К военной жизни был приготовлен и конь, который в совершенстве повиновался уздечке, отличался исключительной выносливостью и мог совершать в день стоклометровые переходы. Походной жизни отвечало и кабардинское седло, удобное и для коня и для всадника.

С постоянной походной жизнью связано и появление соответствующей дорожной пищи: сухие лепешки или мука из поджаренных ячменя, пшеница, а позже и из кукурузы (*хьэжурт*), которая разводилась водою и заменяла хлеб; вяленое сухое мясо (*лы гьэгьуа*), копченый сыр (*кхъуэй плъыжь*), которые не портились месяцами и не имели большого веса.

Тактические приемы ведения войны Борьба кабардинцев и балкарцев с иноземными захватчиками, длившаяся столетиями, выработала у них своеобразные методы ведения войны. Первой в бой вступала лучшая часть войска, а менее боеспособная составляла резерв. Атаковывали противника рядами в две шеренги, имея авангард и арьергард. Во время сражения удары наносились по флангам неприятеля, затем окружали его и подавляли яростными атаками.

Особенно успешно действовали кабардинцы и балкарцы небольшими отрядами. На своих стремительных конях они неожиданно появлялись в тылу противника и также неожиданно исчезали. Чтобы отвлечь внимание неприятеля от основных сил, они организовывали ложные отступления и перестрелки на другом участке и, совершив стремительное нападение, быстро ускользали от преследования. Еще Ф. Энгельс отмечал, что «сила сопротивления горцев заключалась в их непрерывных вылазках со своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские гарнизоны и аванпосты, в быстрых набегах на глубокий тыл русских передовых линий, в засадах, которые они устраивали на пути русских колонн»¹.

Воины отличались в бою упорством и храбростью. Своими быстрыми наездами, отчаянностью, беззаветной храбростью кабардинцы не только не отставали от линейных казаков, но в ночных или неожиданных нападениях всегда превосходили их, как отмечали современники. Если кабардинцы терпели поражение, то они обладали «удивительной способностью быстро приходить в себя... и почти сразу же вслед за этим могли начинать новое нападение».

Наступательные действия планировались тщательно и одновременно проводились на нескольких направлениях. Войска в походе делились на несколько колонн. Одна разведывала путь, другая охраняла с флангов главное войско, третья находилась в арьергарде, прикрывая войско от неожиданного нападения с тыла. Сражаясь в открытом поле, они использовали подвижные ограды в виде большого барабана, укрепленного между колесами повозок и сделанного из хвороста, шерсти и других мягких предметов, покрытых кожей, которые защищали от пуль.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 119.

Кабардинцам и балкарцам были известны и различные сооружения для укрытия в полевых сражениях от огня артиллерии. Большое умение демонстрировали они и при нападении на крепости.

С большим успехом кабардинцы и балкарцы вели позиционную войну. Для этого они превращали свои селения в военные укрепления, огородив их высоким плетнем, с наружной стороны которого делали земляной накат в рост человека. Вокруг же больших населенных пунктов выкапывали глубокий ров, на насыпи которого с внутренней стороны устраивали массивные деревянные туры.

Готовясь к обороне родного края, портили дороги, разрушали мосты, создавали многочисленные завалы и засеки. При этом семьи, имущество и скот укрывали в горах. За движением врага наблюдали дозоры, расставленные на возвышенностях. Они сообщали о надвигающейся опасности с помощью костров.

4. РЕЛИГИЯ

В XVI—XVII вв. кабардинцы считались полухристианами — полумусульманами. Ислам, который начал проникать к ним, вероятно, с XIV в., стал интенсивно распространяться с усилением крымского влияния. Крымские ханы насаждали ислам огнем и мечом.

Как отмечает Ш. Б. Ногмов, многие шогены (священники) были убиты, книги сожжены, а пастырские жезлы расхищены и брошены с презрением. Память об этом событии до сих пор сохранилась в народе: «Чтобы твое имущество было расхищено, как были расхищены шогейские жезлы». В XVIII в. ислам стал господствующей религией кабардинцев.

Что касается балкарцев, то к ним ислам стал проникать значительно позже. По этнографическим данным, начало его распространения в Балкарии относится к первой половине XVIII в. Массовое же обращение балкарцев в ислам происходило в конце XVIII в. Этот процесс завершился, видимо, в первой половине XIX в.

Однако среди народных масс продолжали бытовать остатки языческих и христианских верований, переплетавшихся с мусульманскими.

В XVI — первой половине XVII в. кабардинцы и балкарцы продолжали исполнять многие языческие обряды и почитать различные божества. Богом хлебопашества у кабардинцев считался *Тхъэгъэлэдж*, у балкарцев — Даулет и Эрирей. После уборки хлебов ежегодно в декабре в их честь в каждом доме и всем обществом устраивали празднества, сопровождаемые молитвами и танцами.

«Покровителем» рогатого скота был Ахин, Долай, овцеводства — Емиш, Аймуш, наездничества — Зеклуатхэ, речных вод — Психогуаша, Суу-Анасы, пчеловодства — Марнем и т. д. В их честь в различные времена года тоже устраивались празднества с жертвоприношениями, песнями и танцами. Богом железа, оружия и кузнечного мастерства был Тлепш, Даулет. Его имя пользовалось в народе большим уважением и произносилось как клятва. В его честь весной устраивались народные празднества, сопровождаемые молением и возлиянием па лемехе и топоре. По завершении обрядов собравшиеся пили, ели и устраивали состязания в стрельбе в цель. К богу железа, оружия и кузнечного ремесла Тлепшу обращались и при лечении раненых.

Создателем всего, всемогущим творцом считался Тхашхо, Тейри. В его честь осенью устраивались моления у священных деревьев. До осенней молитвы после снятия урожая хозяева воздерживались распорядиться новым хлебом. Большим почетом у кабардинцев и балкарцев пользовался бог грома и молнии Щыблэ (Илья). Обычно место, куда ударила молния, выбиралось как почитаемое урочище.

Местом общественных молений служили рощи на берегах рек или курганы, на которых устраивались религиозные празднества и приносились жертвы. Обязанности жрецов исполнялись старшими в роде, иногда кузнецами или знахарями.

Вместе с тем сохранились и многочисленные остатки христианства. «Следы христианства, — писал Ш. Б. Ногмов, — еще очень свежи в памяти народной: теперь еще говорят о том, что предки почитали за пророка Аус Герга, т. е. «греческого Иисуса», пророка Илью называют Яллия, Моисея — Аймыс или Аймыт, царя Давида — Тляпш; всевышнее существо — Псатха и Тха».

Вплоть до середины XIX в. в Кабарде и Балкарии можно было обнаружить евангелия. До конца XIX в. перед садом, домом, хлебом ставилось крестообразное изображение (*пыпхэ, бодуркэу*), которое, по народному представлению, делало их неприкосновенными. Если отец или мать, умирая, делали завещание и при этом складывали свои указательные пальцы крестнакрест, их воля исполнялась в точности.

До середины XIX в. сохранились и другие христианские обряды: если населенному пункту угрожала эпидемия, то на границе, смежной с местом, где свирепствовала болезнь, торжественно, всем обществом вкапывали крест. Кабардинцы и балкарцы верили, что всякая вещь, оставленная в поле без присмотра, но над которой поставлен крест, остается священной и неприкосновенной.

Название отдельных дней недели у кабардинцев и балкарцев также свидетельствуют об остатках христианства. Вплоть до

конца XIX в. особое уважение оказывалось христианскому святому Георгию, именем которого балкарцы называли вторник.

Именем Марии — христианской богородицы — назван не только день недели (*мэрем*), но и многие места, где были установлены каменные столбы или сложены груды валунов, почитаемые как священные. Как и у православных, у кабардинцев и балкарцев мэрем (день Марии) считали праздничным, нерабочим днем, а имя Марии почиталось особо, так как она признавалась покровительницей женщин, плодородия и посевов. Летом ей посвящали даже специальный праздник.

Таким образом, в XVI—XIX вв. религия кабардинцев и балкарцев была многослойной. Отсталым формам патриархально-родового быта и феодально-крепостнической эпохи соответствовали и ограниченные представления этих народов об окружающем мире. При помощи религиозных верований правящая верхушка и духовенство насаждали невежество и суеверия в народных массах. Как христианство, так и в особенности мусульманство способствовали укреплению власти феодалов, закреплению трудящихся масс кабардинцев и балкарцев, поддержанию среди них духа покорности и повиновения власти имущим.

РАЗДЕЛ
ЧЕТВЕРТЫЙ

•

Кабарда и Балкария

В

период

капитализма

и в эпоху

империализма

•

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА И ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ

1. ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМЫ

Падение крепостного права в России в 1861 г. ускорило проведение земельной и крестьянской реформы на Северном Кавказе, в частности в Кабарде и Балкарии. Предпосылки реформы здесь определялись прежде всего не внутренним развитием края, а экономическими и политическими потребностями России.

Предпосылки реформы

Царское правительство добивалось того, чтобы Северный Кавказ превратился из страны, обременяющей Россию, в страну, обогащающую ее. Ему отводилась роль плацдарма и в решении так называемого «восточного вопроса».

В Кабарде и Балкарии, как и у соседних народов, феодализм еще не вступил в стадию своего разложения, т. е. здесь не было тех условий, в силу которых на смену феодально-крепостническим отношениям должны были прийти буржуазные. Но русский капитализм, создавая новый рынок для своих товаров, уже втягивал Кавказ, в том числе и Кабарду и Балкарию, в товарное хозяйство. Этот процесс содействовал разрушению старых феодальных устоев.

Важной причиной, настоятельно диктовавшей проведение крестьянской и земельной реформы, была классовая борьба, которую угнетенное кабардинское и балкарское крестьянство вело против усиливавшейся феодальной эксплуатации и колониальной политики царизма. Классовая борьба настолько обострилась, что, по признанию царских властей, «нужны были особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения» между крестьянами и феодалами.

Частичное ограничение крепостного права

Еще до того как приступить к реформе, царскими властями на Северном Кавказе был принят ряд мер по частичному ограничению крепостного права. По предписанию фельдмаршала Барятинского от 5 января 1859 г., с горских крестьян снималась феодально-крепостническая зависимость от

тех владельцев, которые, не желая расстаться со своими феодальными правами, отрицательно отнеслись к введению русского управления и переселялись в Турцию. Царская администрация, освобождая крестьян от «непокорных» владельцев, в значительной степени подрывала экономическую основу феодалов и тем самым добивалась их «покорности».

Как известно, манифест от 19 февраля 1861 г. не распространялся на кабардинцев, балкарцев, осетин, чеченцев и на некоторые другие народы Северного Кавказа. Но когда его применили к крепостным-ясырям из числа ногайцев и туркмен (трухменов и едишкульцев), кабардинские и балкарские крестьяне стали добиваться, чтобы положение о крестьянской реформе 1861 г. распространялось и на них.

Эти требования становились все настойчивее, поэтому даже в условиях войны администрации наместничества и местным властям приходилось с ними считаться и готовить различные проекты по освобождению крестьян. Именно для этой цели в июне 1864 г. канцелярия Горского управления запросила у местных властей сведения «о горских сословиях вообще и несвободных преимущественно».

В этом же году произошло освобождение от феодальной зависимости «крестьян азиатского происхождения, находящихся во владении у разных лиц, приписанных к Терскому войску», которое распространялось и на «холопов» кабардинских и балкарских князей и таубиев, служивших в царской армии. Это создавало очень сложную обстановку внутри Кабарды и Балкарии, оказывало революционизирующее влияние на крепостных горских крестьян и послужило одной из причин, ускоривших решение вопроса об их освобождении. 31 июля 1866 г. была запрещена продажа крепостных крестьян и переход крестьян из одной общины в другую.

Особенности крестьянской реформы

Важной особенностью реформы в Кабарде было то, что здесь, в отличие от Центральной России, она проводилась по этапам. Царское правительство преследовало цель сохранить классовую солидарность с местной феодальной верхушкой, в особенности с теми пшиуорками и таубиями, которые поддерживали Россию, и одновременно с этим притупить остроту назревающего социального конфликта, не доводить дело до открытых антифеодальных выступлений угнетенного горского крестьянства. Проведение земельной реформы началось в 1863 г. и длилось вплоть до 1869 г. Освобождение крепостных крестьян было осуществлено лишь в 1867 г. Крестьяне освобождались от личной крепостной зависимости за выкуп. Наделение же их землей проводилось сверху, так что их наделы выкупу не подлежали. За князьями и первостепенными дворянами закреплялись особые земельные участки.

2. ПРОВЕДЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В КАБАРДЕ

Местные князья и дворяне постоянно требовали от правительства, чтобы их приравнивали к русскому дворянству, поэтому еще в 50-х годах был создан ряд комитетов и комиссий для определения их земельных и сословных **Земельные комитеты** прав.

В Кабардинском округе такой комитет начал свою работу в ноябре 1861 г. Его задача состояла в том, чтобы подсчитать количество земли в округе, выяснить формы землевладения и установить поземельные права населения. Комитет составил списки всех землевладельцев, в том числе переселившихся в Турцию.

В результате изучения сословного вопроса и разбора около 3 тыс. различных заявлений полностью подтвердилось наличие в Кабарде установившегося сословного деления и феодального землевладения. Но за время работы комитета изменилась сама позиция царизма в земельном вопросе, и деятельность комитета зашла в тупик.

До конца 50-х годов царское правительство, связанное национально-освободительным движением под руководством Шамиля, признавало вотчинные права кабардинских князей и дворян и поддерживало сложившиеся в Кабарде земельные отношения, обещая впоследствии закрепить их юридически. Но после поражения Шамиля участились отступления от этого правила. Колебания правительства объяснялись и тем, что оно не знало, какую форму землевладения выгоднее поддерживать в Кабарде: частную или еще сохранившуюся общинную.

Проект Орбеллани В 1861 г. главнокомандующий на Кавказе князь Орбеллани разработал новый проект земельной реформы, который он изложил в своем письме на имя военного министра. Автор проекта отметил, что нередко власти отнимали у горцев исконные земли для передачи новым поселенцам, горские селения часто смещались с насиженных мест. «Этот порядок дела поселял к правительству недоверие со стороны населения, заставляя каждого быть в постоянном опасении за будущее». По мнению Орбеллани, община имела то преимущество, что она более соответствовала народному духу и препятствовала росту пролетариата; частная же собственность могла содействовать «более совершенному» развитию сельского хозяйства.

Орбеллани предлагал закрепить за князьями и дворянами определенные земли на правах частной собственности, но с условием, чтобы они не предъявляли никаких претензий на другие земли, а равным образом и на земли лиц, которых они считали своими вассалами-крепостными. Он предлагал дать землю тем лицам, которые по происхождению не принадлежа-

ли к высшему сословию, но «своим усердием и преданностью принесли царскому правительству огромную пользу». В целом его проект предусматривал сочетать общинную форму землевладения с частной.

Акт от 20 августа 1863 г. Проект Орбелиани получил одобрение в Петербурге, в связи с чем все окружные комитеты и комиссии, учрежденные в разное время, были упразднены. В мае 1863 г. была создана общая для Терской области комиссия по разбору личных и поземельных прав под председательством известного общественного деятеля Д. С. Кодзокова. Комиссия взяла за основу своей работы положение о том, что «земля, занимаемая жителями на плоскости, есть казенная». При таком подходе правительство имело основание считать все занятые кабардинцами земли государственным достоянием и распоряжаться ими по своему усмотрению.

Первый шаг к реформе в Кабардинском округе ознаменовался актом от 20 августа 1863 г. о введении в Кабарде общинного права владения землей, составленным депутатами от кабардинских князей и дворян. В акте феодалы соглашались пользоваться землей на основе общинного права — «по нашим народным обычаям». Заявив об этом, они рассчитывали по-прежнему получать феодальные повинности с крестьян и оставаться распорядителями земель. Кроме того, кабардинские князья и дворяне просили закрепить за ними земли, лежащие между реками Золкой и Этоко, и выдать им план и акт на владение этими землями.

Для царского правительства акт от 20 августа 1863 г. был удачным маневром, имевшим целью отвлечь трудящихся от классовой борьбы: оно знало, что старая идея общинного пользования землей найдет поддержку у кабардинского крестьянства. Акт позволял правительству ускорить введение государственных податей и освобождение крепостных с наделением их землей; одновременно он давал возможность награждать землями представителей кабардинской знати, находившихся на государственной службе. Наконец, акт был выгоден царизму еще и тем, что инициатива его составления принадлежала кабардинским феодалам; это избавляло правительство от каких бы то ни было претензий со стороны кабардинских князей и дворян. Кодзоков принимал активное участие в составлении этого акта. Он надеялся, используя его, решить земельный вопрос с более демократических позиций и добиться ликвидации преимуществ кабардинских феодалов в землевладении. Но этим надеждам Кодзокова не суждено было осуществиться.

Правительство намеревалось объявить казенными балкарские и осетинские земли, однако феодалы Балкарии и Осетии решительно отказались от этого.

Вторым этапом в проведении земельной реформы было укрупнение кабардинских сел. Население Кабарды, ранее составлявшее 116 мелких селений, было объединено в 1865 г. в 39 селений,

Укрупнение
кабардинских сел
и наделение крестьян
землей в 1865 г.

которым отводилось в надел более 300 тыс. дес. земли. Для селений, которым доставались более удобные земли, норма подворного надела установлена была в 36 дес., для получавших неудобные земли — до 41 дес. Но фактически 70% крестьянского надела составляли совершенно неудобные земли. Порой сельские участки отводились за десятки километров от села, а в предгорных районах наделы состояли из одних только гор и кустарников. В официальных документах громко рекламировались «высокие» крестьянские наделы в Кабарде. В действительности же на душу приходилось от 1,25 до 2,5 дес. пахотной земли, что было недостаточно даже для того, чтобы как-нибудь свести концы с концами.

Малоземелье вызывало многочисленные жалобы сельских обществ. Так, например, в прошении доверенных от общества сел. Мисостово говорилось: «В нашем селении 200 дворов с населением 1976 душ обоего пола, так что пахотной земли приходится на душу менее чем по одной с четвертью десятины. На таком количестве обеспечить семейство довольно трудно...» Жители сел. Докшукино указывали в своем прошении от 21 ноября 1870 г., что «под усадьбою и для угодий наших земля нашего аула почти вся каменистая... так что нет на ней настоящего урожая жизненных припасов, и мы через это терпим крайность пужды в содержании семейств своих».

О тяжелом положении с землей у крестьян с горечью повествует и один из родоначальников кабардинской литературы Бекмурза Пачев в стихотворении «Переселенцы»:

С доброй земли, где трудились предки,
Нас выгопjali, плетью грозя.
Были мы пасынками отчизны,
Лучшей землей владели князья.
Поля на клочья резали межи;
Камень под плугом всюду хрустел;
Вспаханный за день, как говорится,
Буркой прикроешь скудный надел.
Здесь, вдоль дороги, именья князьи,
Сакли крестьян — вдали от полей.
Обречена была на бесправье
Жизнь земледельца волей князей.

Селения получали землю на правах общинного владения. Пахотные и сенокосные участки ежегодно подвергались пере-

делам по дымам. Как и в русской земельной общине, за свои участки общинники должны были нести государственную поземельную повинность и другие тяготы.

Лесные массивы также считались общинными. По новому положению, наравне с местными жителями могли пользоваться ими войска, расположенные в Нальчикском укреплении, а также казаки близлежащих станиц. Но не все кабардинцы имели одинаковое право пользоваться лесами. Так, например, крестьяне-азаты могли вывозить лес для продажи четыре раза в год, в «наиболее удобное для них время», а крестьяне-логанопыты — только два раза и то «не в рабочее время». Это было сделано, по признанию самой комиссии, для того, чтобы «больше привлечь рабочих рук к земледелию».

К концу 1865 г. в Кабарде паделение селенной земель, основанное на принципе общинного пользования, получило окончательное решение.

**Проект Кодзокова
о выделении
балкарцам
дополнительных
земельных участков**

Малоземелье душило и балкарских крестьян. Попытку решить земельный вопрос в Балкарии предприняла сословно-поземельная комиссия, возглавляемая Кодзоковым. Она предложила отрезать 30—40 тыс. десятин от кабардинских земель и прирезать их к балкарским, а кабардинцам возвратить земли, лежащие за р. Кич-Малкой и занятые кордонами и войсками. Однако этот проект был отвергнут властями. После этого сословная комиссия предложила закрепить за балкарцами все земли, которыми они раньше пользовались. Но и этот вопрос не был окончательно решен. В порядке временной меры им было разрешено бесплатное пользование общественными кабардинскими пастбищами, не вошедшими в район сельских наделов. Появившиеся в результате реформы 400 безземельных балкарских семейств решено было переселить в Кабарду с выделением им особых участков.

**Наделение
земельными
участками князей
и дворян**

Наделив сельские общины землей, царская администрация приступила к рассмотрению вопроса о компенсации феодалов за частичное ущемление их земельладельческих прав. Было решено закрепить за князьями и первостепенными дворянами определенные земельные владения, мотивируя это тем, что при общинном порядке «высшее сословие являлось бы весьма малообеспеченным».

С этой целью в 1866 г. был создан кабардинский отдел комиссии под председательством начальника округа. Отдел составил списки князей и дворян, заслуживавших, по его мнению, закрепления за ними земельных поместий, и установил максимальные (1500 дес.) и минимальные (100 дес.) нормы надела. Сословно-поземельная комиссия выступила против этого.

Д. С. Кодзоков представил властям специальную записку, в которой решительно осудил принцип землепользования по степени родовитости.

Но вопреки мнению Кодзокова и его комиссии решение наделить феодалов участками было все же принято. За дворянскими сословиями было закреплено 76 тыс. десятин. Из 199 семейств 136 получили наделы от 100 до 300 дес., 23 — от 500 до 1000, 6 семейств — свыше тысячи десятин. Кроме того, каждому селению была прирезана земельная площадь, равная десятой части общего надела — около 30 тыс. дес. пахотных и сенокосных земель, «сверх причитающейся по числу живущих в нем дворов для предоставления ее в пользование представителю (феодалному владельцу. — *Ред.*) аула».

Всего за 199 семействами из привилегированных сословий было закреплено более 100 тыс. дес. лучших земель, что равнялось трети сельских наделов.

23 декабря 1869 г. Кавказский комитет утвердил все мероприятия, связанные с земельной реформой в Кабарде. Однако в период размежевания (1870—1879 гг.) проект сословно-земельной комиссии подвергся некоторым изменениям. В список будущих помещиков-землевладельцев были включены еще 60 кабардинских князей и уорков, состоявших на военной службе. Для них выделялось 15 тыс. десятин, отрезанных от общинных владений.

Всего, следовательно, в результате земельной реформы за кабардинскими князьями и дворянами (259 семейств) была закреплена 121 тыс. дес. лучшей земли, что составило уже почти половину сельских наделов. Кроме того, 315 384 дес. пастбищных, так называемых «запасных» кабардинских земель были экспропрированы самим государством. И лишь из-за боязни вызвать недовольство среди населения правительство вынуждено было оставить их во временное пользование кабардинским обществам.

Таким образом, хотя при проведении земельной реформы царское правительство демагогически заявляло о своем намерении действовать в соответствии с «интересами и нуждами кабардинцев», на деле же земельный вопрос был разрешен лишь в интересах кабардинских князей и дворян.

Введение государственной поземельной повинности	Непосредственным результатом земельной реформы было введение государственной повинности. С 1866 г. население Кабарды и Балкарии было обложено государственной поземельной податью — по 5 рублей с каждого двора. За два года (1867-1868) с кабардинцев и балкарцев взыскано 67 тыс. руб. поземельной подати. При этом состояние двора не принималось во внимание. Так как платежи разверстывались подымно, феодалы, владевшие тысячами голов
--	--

скота и сотнями десятин посева, нередко платили столько же, сколько и беднейшие крестьяне. Вся тяжесть налоговой системы ложилась, таким образом, на плечи трудящихся. Дополнением к этому были многочисленные трудовые и мирские повинности: содержание в исправности дорог, мостов, переправ и плотин, содержание лошадей для разъездов земской полиции, этапная повинность и т. д. В то же время кабардинское и балкарское крестьянство продолжало нести феодальные повинности. Крестьяне настоятельно требовали отмены феодальных податей и повинностей, усугублявших налоговый гнет царизма.

3. ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН ОТ ЛИЧНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Учитывая, что «неблагоразумно и неосторожно» откладывать освобождение крестьян от личной зависимости, царская администрация на Кавказе сразу же после наделения земель и введения государственной поземельной повинности поставила вопрос об отмене здесь крепостного права «без потрясений и расстройств интересов владельческого класса».

Особый комитет
по крестьянским
делам Кавказа

Для подготовки реформы еще в 1866 г. был создан Особый комитет по крестьянским делам Кавказа, наделенный большими полномочиями. Разрешение жгучего крестьянского вопроса, таким образом, было передано на усмотрение царских колонизаторов и местных феодалов.

Первое заседание Особого комитета открылось в Тифлисе 4 июня 1866 г. под председательством генерал-адъютанта Карцева. Рассмотрев представленные материалы о сословиях, комитет выработал «общие принципы» по освобождению крестьян на Кавказе. Однако комитет счел невозможным высказать «подробные соображения о способах и средствах» освобождения крестьян в Кабарде и Балкарии ввиду отсутствия подробных сведений о сословном строе кабардинцев и балкарцев. Поэтому решено было дополнительно собрать данные о повинностях по всем крестьянским категориям.

Намерение правительства освободить зависимые сословия вызвало недовольство со стороны некоторой части кабардинских и балкарских князей и дворян. Дело доходило даже до открытых выступлений феодалов против реформы.

Однако после того как царская администрация заявила, что «как река Баксан не может обратиться течением своим назад в горы, так и дело освобождения рабов не может остановиться», кабардинские князья и балкарские таубии решили «проя-

вить инициативу», взять дело в свои руки и провести реформу «с возможно меньшими для них невыгодами».

Обсуждение
проектов
по освобождению
крестьян

Кабардинские и балкарские феодалы подготовили и представили 8 августа 1866 г. властям записку, в которой излагались «те начала, на которых должно состояться освобождение». «...Лишить нас внезапно услуг холопов, а в особенности домашних прислужниц, — говорилось в записке, — значит повергнуть нас в крайнее положение и неприменную нищету». Но «в целях сохранения общего спокойствия и владельческих интересов» они соглашались на эту ломку старых устоев. За это «согласие» они тут же просили предоставить им «время от одного до двух лет» для освобождения зависимых сословий по взаимному соглашению владельцев и крестьян. Владельцы были согласны освободить крепостных с уплатой выкупа. Поскольку не все крепостные крестьяне могли выкупиться сразу, они надеялись оставить их на длительный срок на положении временнообязанных.

Князья и таубии стремились заключить соглашения с крестьянами поодиночке и всю операцию по составлению «условий» произвести без посторонних лиц. С этой целью они не скупались на обещания освободить холопов по уплате ими выкупа, «по возможности уменьшенного» против существовавшего прежде. На самом же деле князья и дворяне отнюдь не стремились к снижению выкупной суммы, они знали, что если добровольное соглашение между ними и их крестьянами в указанный срок не состоится, устанавливалось обязательное соглашение. Что касается унаутов и казаков, то в докладной записке для них устанавливался 6—8-летний срок для отработки выкупной суммы.

Докладная записка кабардинских и балкарских феодалов от 8 августа 1866 г. явилась основой для освобождения кабардинских и балкарских крестьян от крепостной зависимости. Начальник Терской области признал условия, изложенные в указанной записке, «удобноисполнимыми». Наместник Кавказа великий князь Михаил на другой же день в своей телеграмме выразил князьям и уоркам благодарность «за содействие» правительству в проведении реформы.

Началось обсуждение выдвинутого владельцами и начальником Кабардинского округа проекта освобождения крестьян в крае.

Местные крепостники предложили настолько тяжелые условия освобождения крестьян, что вызвали возражения даже со стороны некоторых чиновников. Член особого комитета полковник Черкесов прямо отметил, что проект, представленный местными владельцами, составлен без всякого учета интересов крестьян. Он предлагал определить для всех обрядных «холопов» четыре года как предельный срок «обязательных

отношений» и в соответствии с этим уменьшить выкупную сумму до 120 рублей на душу (для варослых), оставив оценку годичной платы в 30 рублей, или же сохранить выкупную сумму в 200 рублей, при этом повысив оценку годичного труда до 50 рублей.

Полковник Нурид, возражая Черкесову, заявил, что указанная в проекте владельцев выкупная сумма в 200 рублей «крайне низкая», что, мол, и здесь владельцы подошли к вопросу «гуманно». По его мнению, верхушка сделала «все, чего только по справедливости можно было от нее требовать, и дальнейшие требования уступчивости с их стороны будут похожи на пристрастные действия начальства в пользу холопов».

Но, несмотря на разногласия, и Нурид и Черкесов стояли за сохранение феодальных привилегий. Дискуссия, развернувшаяся между ними, так же как другие разногласия среди чиновников и феодалов, являлась лишь «...борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы уступок»¹.

Правила
об освобождении
крестьян

В конечном счете был выработан проект правил для освобождения зависимых сословий, который состоял из 15 параграфов.

Размер выкупной суммы для взрослого и трудоспособного крестьянина (от 15 до 45 лет) устанавливался в сумме 200 рублей. За выкуп освобождали также «слабых, больных, дряхлых и калек», выкупная плата которых устанавливалась посредническим судом «сообразно способностей означенных крепостных к работе». Несовершеннолетние (до 15 лет) освобождались с уплатой предельного выкупа — 150 рублей, из расчета по 10 рублей за каждый год возраста. При «освобождении» владелец обычно получал либо половину, либо даже две трети крестьянского имущества; сакли и домашняя утварь оставались за крестьянами.

Так как «освобождаемые» крестьяне не могли сразу выкупить себя, то они оставались временнообязанными на протяжении 6 лет. За это время они должны были отработать свой выкуп в хозяйстве бывшего владельца. «Временнообязанные работники, — говорится в 9-м параграфе Положения, — должны исполнять своему владельцу все обычные работы, соответствующие нуждам и потребностям хозяина, как полевые, так и домашние». Годовой труд здорового совершеннолетнего временнообязанного крестьянина оценивался: мужчин от 35 до 70, а женщин от 25 до 40 рублей.

Положение обязывало владельца «доставлять своему работнику и работнице, а равно и всем несовершеннолетним членам крепостного семейства продовольствие и одежду».

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 174.

В правилах была специальная статья о безобрядных холопах, т. е. о казаках и каравашах (в Балкарин), об унаутах и унаутках (в Кабарде), которые получали свободу «по внесению своему владельцу какими-либо средствами определенной посредниками выкупной платы... в противном случае они обязаны отработать выкупную плату в доме своего владельца в продолжении 6 лет».

**Реализация
Положения
об освобождении
крестьян**

Отмена крепостных порядков в Кабарде и Балкарин была объявлена 18 ноября 1866 г. Для проведения реформы в каждом участке, на которые был разделен Кабардинский округ, создавались мировые посреднические суды. Последние на основании Положения об освобождении крестьян должны были заключать письменные договоры между освобожденными и их бывшими владельцами с подробным изложением условий освобождения.

Освобождение могло производиться также по добровольным соглашениям, в основе которых лежало обычное право.

То, что Положение об освобождении зависимых сословий защищало интересы пшиуорков, откровенно признавала кавказская администрация. Так, например, полковник Черкесов писал, что выработанные правила «выгодны для владельцев и невыгодны для холопов». Сравнивая потери кабардинских и балкарских помещиков с теми потерями, которые понесли при отмене крепостного права русские помещики, Черкесов отмечал, что горские феодалы потерпели значительно меньший ущерб.

**Классовая борьба
вокруг реформы**

Кабардинские и балкарские крестьяне, недовольные выработанным Положением, требовали своего полного и немедленного освобождения. В донесении начальника Терской области от 8 сентября 1866 г. помощнику главнокомандующего Кавказской армией указывалось о «существующем брожении в среде холопей» и выражались опасения, что «при настоящем настроении холопей добровольное соглашение последовать не может».

Дело доходило до открытого выступления крестьян. Из селений в Нальчик потянулись представители крестьян, и, как сообщала местная власть, «толпы холопов» требовали немедленного безвыкупного освобождения. Среди крестьян распространился слух, что свобода, мол, «давно дарована холопам государем, но не объявляется начальством по просьбе владельцев, которые желают выиграть время и заставить их откупиться, прежде чем последует объявление». Начальник Терской области в телеграмме на имя помощника главнокомандующего Кавказской армией от 16 сентября 1866 г. писал, что холопский вопрос в Кабарде и Балкарин зашел так далеко, что отложить его или даже промедлить с его решением невозможно. Крестьяне на

протяжении ряда дней толпами стояли у здания окружного начальника, требуя объявления предписания командующего об их якобы безвозмездном освобождении. Положение было настолько обострено, что начальник Кабардинского округа потребовал ввести в округ войсковые части.

Кабардинские и балкарские крестьяне, по признанию местной власти, выражали сильное «недовольствие» к своим владельцам, которые обирали их при выкупе донуга, «нисколько не заботясь об их выгодах». Недовольные условиями отмены крепостного права крестьяне отказывались подписывать акты о своем освобождении. При объявлении проекта об освобождении крепостные балкарского поселка Кирхожан, принадлежавшего князю Атажукину, отказавшись «входить... в добровольное соглашение с князем Атажукиным, ...заявили, что они свободны от князя Атажукина не принимают, ибо они считают себя издревле свободными».

В ноябре 1866 г. началось волнение крестьян Балкарского общества, направленное против грабительских условий отмены крепостного права.

Еще до того, как был объявлен проект об освобождении, 120 крестьянских дворов Балкарского общества, минуя местную власть, обратились с прошением к главнокомандующему Кавказской армией, в котором просили избавить их от незаконных требований владельцев. В прошении указывалось, что «таубни... требуют, чтобы мы все свое достояние отдавали им, а местное начальство, из уважения к помещикам, не обращает никакого внимания на ежедневные наши жалобы и просьбы и даже подвергает нас телесному наказанию, заключению и пр. Наконец, местное начальство... требует, что для окончательного избавления от помещиков мы должны отдать им из всего нашего имущества две части, а при себе оставить только одну часть». За то, что полковник Нурид не принял всех мер к предупреждению «самовольных отлучек» подведомственных ему крестьян, начальник Терской области объявил ему выговор и потребовал недопущения впредь подобных случаев. В свою очередь начальник округа полковник Нурид признал доверенных от 120 дворов крестьян Балкарского общества «злонамеренными людьми» и подверг их аресту.

Грабительский характер реформы

В прошении 120 дворов Балкарского общества, направленном 24 марта 1867 г. начальнику Терской области Лорис-Меликову, приводится множество фактов о «стеснительных для крестьян требованиях и действиях» владельцев. Дело доходило до того, что владельцы заставляли крестьян «под присягою объяснять о количестве имевшихся у них денег» и делить их с ними. Даже медные большие пивоваренные котлы разделялись на две равные части: одну брал себе владелец, другая оставлялась

крестьянину. От крестьян требовался выкуп в размере 150 рублей серебром. Но когда у последних «денег не оказалось, то помещики отобрали за каждый дым по выбору своему по два участка пахотного и сенокосного мест, самых лучших, стоящих приблизительно от 1000 до 2000 рублей... а у кого было совсем мало, у таковых отобрали все... и таким образом совершилось разорительное для крестьян домогательство противу воли и желания крестьян».

О грабительском характере реформы говорят акты, выданные крестьянам при их освобождении. Из имевшихся у зажиточного крестьянина Чачаева 74 голов скота он вынужден был отдать своему владельцу 51 голову, из семи загонов земли — четыре. Владелец отобрал у этого крестьянина и второй котел.

Классовая борьба, развернувшаяся вокруг реформы, вынудила, однако, местные власти сделать при реализации Положения некоторые уступки. Так, например, если в Урусбиевском обществе крестьянам оставляли одну треть земли, то в Балкарском — половину. Феодалы Балкарского общества сочли такое решение местной администрации «ущемлением» своих интересов и подали жалобу. Но кавказские власти предпочли в данном случае поступиться правами таубиев, нежели обострить и без того напряженное положение.

Категория крепостных крестьян, называвшихся «ясакчи», освобождалась от крепостной зависимости с уплатой выкупной суммы в размере от 90 до 450 рублей. Однако на практике выкуп всегда превышал эту сумму, так как Положение об освобождении крестьян не противостояло произволу и махинациям феодалов при совершении выкупной операции.

Кабардинские и балкарские крестьяне заключали выкупные акты на самых тяжелых условиях, лишь бы выйти из-под власти ненавистных господ. Однако надежды крестьян и здесь не оправдались: полной экономической и личной свободы они не получили.

Говоря об «освобождении» крестьян в России, В. И. Ленин указывал, что это «было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»¹.

Эти слова В. И. Ленина вполне применимы к кабардинским и балкарским крестьянам. В Балкарнии до реформы крестьянам принадлежало: 786 лошадей, 6053 головы крупного рогатого скота, 40 228 овец и 409 ослов. Кроме того, балкарские крестьяне имели около 3 тыс. загонов пахотной и покосной земли. При «освобождении» крестьян таубии получили: 443 лошади, 3979 голов крупного рогатого скота, 26 414 овец, 155 ослов, 875 пахотных загонов и 569 участков покосной земли. Таким образом, львиная доля имущества балкарских крестьян перешла в соб-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 173.

ственность феодалов. Имущество каракишей при этом не учитывалось, так как оно не подлежало дележу. Сумма выкупа, полученная владельцами Кабарды и Балкарии, составила более 2,5 млн. рублей.

В результате реформы в Кабарде и Балкарии было освобождено более 21 тыс. человек, в том числе: обрядных — 14 228, безобрядных — 2527 и каракишей — 4722. Кроме того, около 12 тыс. крестьян-азат, так называемых «вольных» и тлхукотлов, считавшихся до реформы юридически свободными, но находившихся в экономической зависимости от князей и уорков, получили свободу без уплаты какого-либо вознаграждения бывшим своим владельцам, поэтому они и не вошли в соответствующие списки «освобожденных».

Значение реформ Земельная и крестьянская реформы в Кабарде и Балкарии в 1863—1869 гг. были переломным этапом в истории кабардинцев и балкарцев. Несмотря на грабительский характер, они имели положительное значение. В. И. Ленин характеризовал реформу 1861 г. как «первое массовое насилие над крестьянством в интересах рождающегося капитализма в земледелии. Это — помещичья «чистка земель» для капитализма»¹.

Точно так же и реформы 1863—1869 гг. были «чисткой землей» для развивающегося вширь русского капитализма. Реформы подорвали основы патриархально-феодалных отношений, хотя остаток последних еще долго продолжал сохраняться, способствовали втягиванию Кабарды и Балкарии в систему всеобщего рынка. После отмены крепостного права сельское хозяйство этого края начинает приобретать товарное направление, экономические связи народов Северного Кавказа с Центральной Россией усиливаются, расширяются их культурные и революционные связи с русским и другими народами России.

4. АДМИНИСТРАТИВНАЯ, ВОЕННАЯ И СУДЕБНАЯ РЕФОРМЫ

После окончания Кавказской войны царизм приступил к перестройке системы колониального господства на Северном Кавказе. Главнокомандующий Кавказской армией князь Барятинский своим приказом от 3 мая 1860 г. упразднил Кавказскую линию. Все пространство от Главного Кавказского хребта предписывалось впредь именовать Северным Кавказом. Этот обширный край был разделен на три административные единицы: Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губернию. Области в свою очередь разделялись на округа. Терская

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 254.

область, например, объединяла 8 округов: Кабардинский, Осетинский, Ингушский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский, Нагорный и Кумыкский. Устанавливалось раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения.

После проведения земельной и крестьянской реформ было осуществлено новое административное преобразование. 30 декабря 1869 г. в соответствии с новым положением Терская область была разделена на 7 округов. Кабардинский округ был переименован в Георгиевский. Существовавшее ранее раздельное управление для горского, гражданского и казачьего населения упразднялось. Формально все население области подчинялось общим административным и судебным органам. Должность казачьего атамана и начальника области объединялась в одном лице — начальника области.

1 августа 1870 г. было опубликовано «Положение о воинской повинности и о содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск». Оно ограничивало бессрочную службу казаков 22 годами. Действительная же служба длилась 5 лет. От службы освобождались лица, работавшие в государственных учреждениях и постоянно занимавшиеся торговлей, а также учащиеся средних и высших учебных заведений.

Подвергая изменениям военный быт казачества и предоставляя ему некоторые льготы, царизм стремился иметь в лице казаков, как и прежде, надежный щит колониального гнета на Северном Кавказе.

Военная реформа не была распространена на коренное население Кабарды и Балкарии. Действительная служба для него временно заменялась взиманием особого денежного сбора. К отбыванию воинской повинности кабардинцы и балкарцы были привлечены лишь в 1887 г. До этого дело сводилось к попыткам создать отдельные воинские отряды из местного населения. Правительство рассчитывало использовать «нерегулярные войска» из среды коренных жителей при подавлении национально-освободительной борьбы народов Северного Кавказа.

Судебная реформа Буржуазный характер носила и судебная реформа, проведенная на Северном Кавказе в декабре 1870 г. Годом раньше, 30 декабря 1869 г., было обнародовано постановление о введении в Терской и Кубанской областях «Временных правил горских словесных судов». В соответствии с этим судебные уставы от 20 ноября 1864 г. были распространены на русское население Терской и Кубанской областей. Что касается горского населения, то на него это положение не распространялось. «Правила» предусматривали временное сохранение народных судов, учрежденных еще в 1858 г. Но они были преобразованы в соответствии с новой обстановкой. Судебная власть была отделена от гражданской и военной.

В Кабарде и Балкарии, как и в других округах, был введен окружной словесный суд под председательством начальника округа или его помощника, члены которого назначались из представителей господствующей верхушки. Начальник Терской области утверждал состав этих судов и все их решения по уголовным и гражданским делам. Кроме того, в Кабарде и Балкарии, Осетии и для плоскостных районов Грозненского и Хасав-Юртовского округов были учреждены аульные суды. Они рассматривали уголовные дела по маловажным преступлениям, совершенным в пределах территории сельского общества.

Более важные уголовные дела (нанесение ран, увечья, случайные убийства, растление и изнасилование, кража со взломом, с применением оружия и т. д.) разбирались окружным словесным судом. При разбирательстве дела суд должен был руководствоваться статьями обычного права (адата). Адат стал, таким образом, отправной точкой в организации системы нового судопроизводства. Вместе с тем при решении ограниченного круга вопросов, таких, например, как заключение и расторжение брака, вопрос о личных и имущественных правах и т. д., все еще применялся шариат.

Новая система судопроизводства, таким образом, была неотъемлемой частью колониального аппарата угнетения и подавления.

Административная, военная и судебная реформы, как и крестьянская реформа, конечно, имели и положительное значение. Они способствовали ликвидации патриархально-феодальной замкнутости и вступлению Кабарды и Балкарии на путь буржуазного развития.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

1. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ. РАЗВИТИЕ ТОВАРНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Реформы 60-х годов внесли коренные изменения в землевладение и землепользование кабардинцев и балкарцев. Однако многие вопросы оставались нерешенными. Одним из них был вопрос о пастбищах. Зольские и Нагорные пастбища играли важную роль в жизни местного населения, в развитии скотоводства. Но существующий порядок пользования не отвечал интересам основной массы скотоводов-крестьян. Стали раздаваться голоса с требованиями нового передела.

Новое положение
о пастбищах

Эти требования явились результатом развития новых хозяйственных отношений. Местные дельцы развернули спекуляцию общественными землями, участился их захват «влиятельными лицами». С 1888 по 1897 г. в одном только Балкарском обществе ими было отторгнуто 26 участков общественной земли, составляющих около 9 тыс. десятин. Терское областное правление вынуждено было признать, что существующий порядок пользования землями не отвечал интересам народа, что «более влиятельные и сильные лица захватывали огромные площади земли и за удовлетворением своих нужд остаток земли отдавали от себя в аренду разным лицам, а большинство действительных хозяев всегда нуждалось в пастбищных местах».

Развитие товаро-денежных отношений настолько обострило обстановку, что кавказская администрация вынуждена была вновь рассмотреть вопрос о землевладении в Кабарде и Балкарии. Особенно остро встал вопрос о пастбищных землях, расположенных в нагорных и зольских районах. Эти угодья в период размежевания сельских земель были оставлены временно в «общем пользовании» всего населения. Документально они не были закреплены за кабардинцами, и царская администрация распорядилась этими участками по своему усмотрению.

Кабардинцы и балкарцы неоднократно ходатайствовали (в 1878, 1880 и 1887 гг.) о закреплении за ними Зольских и Нагорных пастбищ. 21 мая 1889 г. последовал ответ правительства о том, что до тех пор, пока они «будут вести себя, как приличествует верноподданным его императорского величества», запасные пастбищные земли и леса в количестве 315 383 дес. останутся «в постоянном и неотъемлемом» их пользовании.

В ноябре 1889 г. уполномоченные Кабарды и Балкарии, собравшись в Нальчике, обсудили вопрос о пользовании пастбищными землями и выработали «Правила», состоящие из 8 пунктов. Эти «Правила» были утверждены командующим войсками Кавказского военного округа князем Дондук-Зымы-Кэрсакковым 6 января 1890 г. В соответствии с ними земля распределялась между десятью группами селений (в Кабарде — по фамилиям, в Балкарии — по обществам) пропорционально количеству числящихся в каждой группе дворов. Жители селений в каждой группе должны были пользоваться отведенными пастбищными землями на общинном праве, с уплатой десятикопеечного сбора за десятину. Лес в количестве 63 592 дес. был оставлен «в общем нераздельном пользовании всех жителей» и находился в ведении кабардинского общественного лесничества.

Новое положение о Зольских и Нагорных пастбищных землях отвечало интересам крупных скотоводов и коннозаводчиков. Это признавала и сама царская администрация, которая вынуждена была отметить, что «значительная часть... беднейших жителей Кабарды не имеет своих табунов лошадей и овец, а потому и не будет пользоваться пастбищными землями нагорной полосы, и они принесут пользу лишь только более зажиточным». Но несмотря на это, проект был одобрен и вступил в силу.

Князья и дворяне по своему усмотрению, как и раньше, сдавали в аренду общественные земли, присваивали арендную плату. В адрес местной администрации опять стали поступать многочисленные жалобы по поводу их злоупотреблений. Ввиду этого начальник Нальчикского округа счел необходимым в 1894 г. образовать специальную комиссию для обсуждения вопроса о Зольских и Нагорных пастбищах. Комиссия признала, что существующий порядок пользования запасными общественными землями не отвечает духу и требованиям времени, и разработала новый проект, который предусматривал распределение пастбищных земель пропорционально количеству голов скота. Но и этот половинчатый и далеко не совершенный проект был отклонен 15 мая 1899 г. Терским областным правлением. В это время произошли некоторые изменения и в порядке пользования пахотными (сельскими) землями.

Пахотные земли периодически подвергались переделу в соответствии с количеством домохозяев в общине. В первые годы после отмены крепостного права осуществлялся их ежегодный

передел. Затем, с 80-х годов XIX в., переделы начали производить реже, в 3—5 лет, а иногда и в более продолжительные сроки. Передел осуществлялся доверенными лицами в количестве 8—12 человек, избранными обществом. Они разбивали пахотные угодья на несколько одинаковых крупных участков—

Порядок пользования пахотными землями паев (*цлылыхъэ*) по количеству кварталов или отдельных групп в обществе. Каждый квартал или группа в свою очередь делили полученный участок на пай по числу платежных (т. е. платящих подать) домохозяев.

Это была та же русская земельная община с присущими ей отрицательными чертами (круговая порука, замкнутость и т. д.). Патриархально-феодалные устои, сохранившиеся в быту, не давали возможности крестьянам свободно выйти из общины или вступить в нее. Общество отвечало за проступки своих членов, за своевременную уплату ими государственных податей. Если новый член общества (общины) оказывался неплатежеспособным хозяином, то «тягота» подымной и других податей переходила на общество, которое в силу этого с большой осторожностью относилось к выделению усадеб. С другой стороны, общество не было заинтересовано отпущать платежеспособных хозяев. Если они задумывали уйти из общины на отход или на другую работу, то теряли земельный пай. Таким образом, земельная община прочно держала крестьянина в руках, препятствовала развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Изменение структуры посевных площадей Несмотря на серьезные изменения, происшедшие в сельском хозяйстве Кабарды и Балкарнии, земледелие в первое десятилетие после освобождения крестьян развивалось еще очень слабо. Помещики, лишённые даровых крепостных рук, не сумели быстро перестроить свои хозяйства. Но уже с 80-х годов подъем земледелия, сосредоточенного главным образом в руках крестьян, вырисовывается более отчетливо.

С 1867 по 1890 г. производство кукурузы выросло с 80 тыс. до 800 тыс. пудов, с 1892 по 1896 г. валовой сбор зерна увеличился в Нальчикском округе (без Малой Кабарды) с 1410 тыс. до 3070 тыс. пудов. Основными районами производства хлеба были районы, населенные кабардинцами. В одной Большой Кабарде в конце XIX в. под посевами было уже занято примерно 50 тыс. дес. (в Балкарнии всего около 3 тыс. дес.).

К концу XIX в. удельный вес отдельных сельскохозяйственных культур в Кабарде характеризуется следующими данными: просо — 38,5%, кукуруза — 27,8%, пшеница — 15,2%, ячмень — 10,9% и подсолнечник — 0,4%.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве, таким образом, приводило к специализации сельского хозяйства, которая способствовала расширению обмена между Центральной Россией,

с одной стороны, и Кабардой и Балкарней — с другой. Газета «Новое обозрение» в 1896 г. отмечала, что «увеличение запасек, замечаемое (у горцев. — *Ред.*), объясняется чисто торговыми интересами, в особенности спросом на кукурузу».

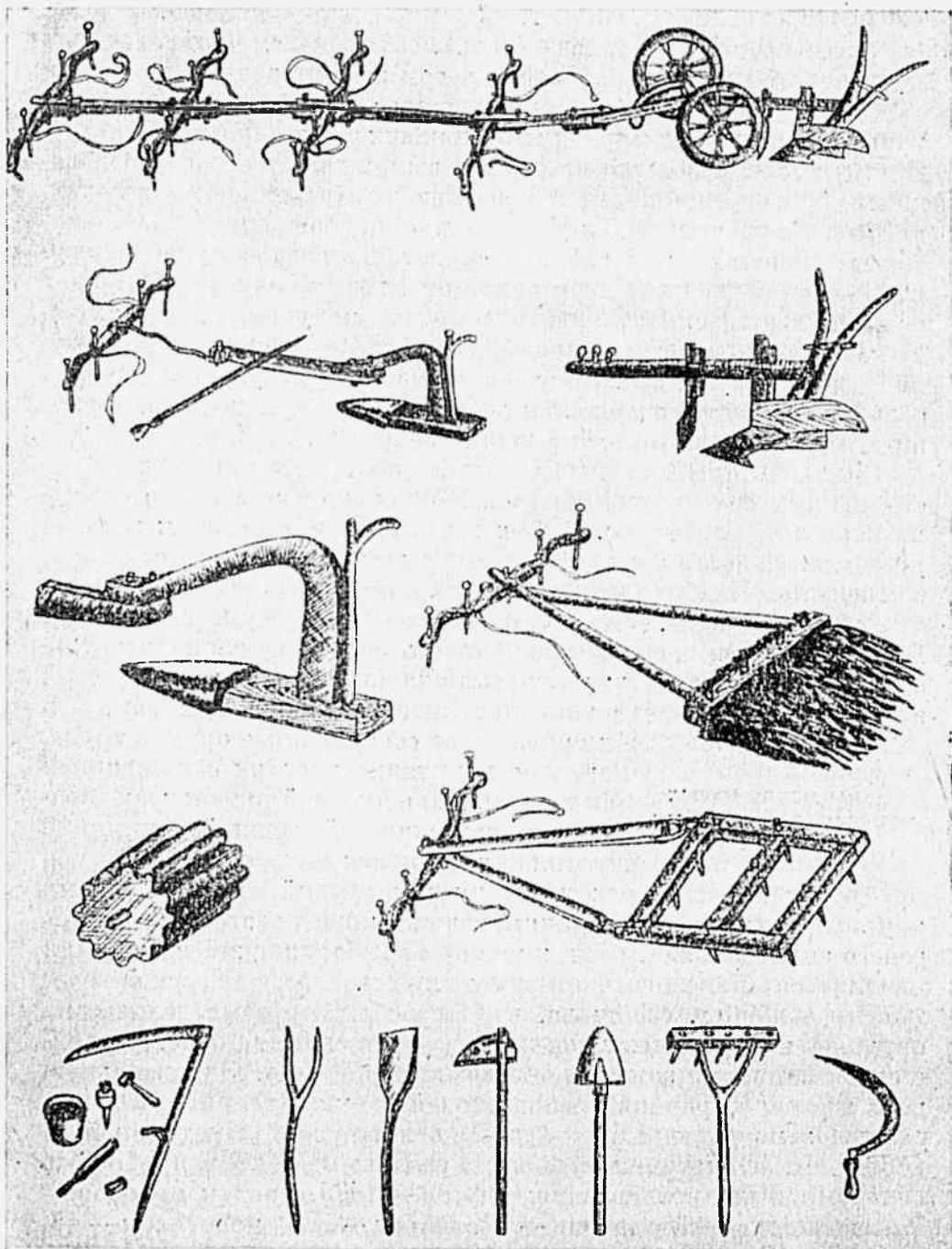
С каждым годом возрастал интерес к возделыванию кукурузы и других пользующихся наибольшим спросом культур. Желание сбыть больше продуктов вынуждало мелкого производителя вкладывать капитал в сельскохозяйственное производство. Делались попытки к улучшению обработки почвы. О некоторых успехах земледелия свидетельствовала уже первая сельскохозяйственная выставка, организованная в 1898 г. в г. Владикавказе. Похвальные отзывы получили Абдурахман Искандеров за овес и ячмень, Аслаябек Эркенов (из сел. Аргудан) за кукурузу, сел. Хату Анзорова за кукурузу, Балкарское сельское общество за просо и др. Выставка до некоторой степени стимулировала развитие растениеводства.

Однако отсутствие необходимой агротехники и усовершенствованных сельскохозяйственных орудий отрицательно сказывалось на урожайности. В 90-х годах XIX в. в среднем годовая урожайность всех зерновых культур составляла всего сам-семь, сам-восемь. Наиболее урожайной была кукуруза (сам-десять, сам-четырнадцать), чем и объясняется расширение ее посевов. В конце XIX в. средняя урожайность зерновых равнялась уже сам-восемь, сам-девять; у земледельца (*мэжумэшыцлэ*) с отменной крепостного права появился интерес к обработке земли, в земледелии начали применять более совершенные орудия труда.

Применение новых сельскохозяйственных орудий

Развитие капиталистических отношений в земледелии дало большой толчок к преобразованию сельскохозяйственной техники и повышению производительности труда, ибо при помощи старинных крестьянских орудий «ни мелкий, ни крупный сельский предприниматель не может вести нового, торгового земледелия»¹. Соха и тяжелый кабардинский плуг стали заменяться привозным железным плугом. Газета «Терские ведомости» в 1896 г. сообщала, что первобытные земледельческие орудия у кабардинцев мало-помалу «вытесняются более усовершенствованными земледельческими орудиями». Значительную роль в распространении сельскохозяйственной техники сыграли склады земледельческих орудий, открытые в Прохладной в 1886 г. П. Юхневичем и позже Резановым. С 1886 по 1896 г. складами было реализовано: плугов — 1475, бричек и ходов — 792, косилок — 41, грабель — 67, жаток — 305, молотилок — 16, веялок — 171. Из них горцами, преимущественно кабардинцами, было куплено: плугов — 554, пароконных бричек и ходов — 436, косилок — 13, грабель — 15, жаток — 14, молотилок — 6, вея-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 309.

Сельскохозяйственные орудия XVIII — XIX вв.

лок — 35. Определенную роль в распространении сельскохозяйственных орудий сыграло созданное во Владикавказе «Общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности».

Однако патриархально-феодалыные пережитки продолжали оказывать сильное противодействие развитию хозяйства на новых началах. Речь пока не могла идти о настоящей «капиталистической обработке земли». «В качественном отношении,— писала газета «Новое обозрение»,— обработка почвы несколько не изменилась, хотя многие обзавелись даже плугами». Мало еще здесь знали агрономических приемов ведения хозяйства, не было в полном смысле слова рынка сельскохозяйственных рабочих; крестьянин все еще был привязан к своему клочку земли и связан общиной. Таким образом, в экономике Кабарды и Балкарки имелось много противоречий, свойственных неразвитому капитализму.

Развитие транспорта

Большое значение в развитии экономики края имело и строительство железных и колесных дорог, а также изменение транспортных средств. Интересы колонизации края и «экономического завоевания» Кавказа настоятельно требовали устройства удобных путей, которые должны были не только отвечать стратегическим задачам царизма, но и служить проводником цивилизации, содействовать развитию торговли и промышленности. Большую роль в этом деле сыграло строительство Владикавказской железной дороги (1875 г.), которая проходила через территорию Кабарды (станции Котляревская, Муртазово, Бороково). Она ускорила процесс развития капитализма в крае, привела застойную экономику в движение.

Важную роль сыграло и строительство колесных дорог. В 1880 г. крестьяне Хуламского и Безенгиевского обществ построили колесную дорогу в Черекском ущелье. В 1883—1893 гг. была построена такая же дорога от сел. Балкар до сел. Кашкатау, а в 1894 г. началось строительство колесной дороги в Чегемское ущелье.

Изменяется и использование тягловой силы для транспортных и хозяйственных нужд. Если в начале XIX в. кабардинцы и балкарцы использовали лошадей преимущественно для верховой езды, то теперь, с развитием товарно-денежных отношений, лошадей все чаще стали употреблять и в качестве тягловой силы. Необходимость перевозки большого количества зерна требовала значительного улучшения транспортных средств. В 1899 г. в Нальчикском округе насчитывалось бричек: дышло-вых четырехколесных на железной оси — 853, четырехколесных, оглобленных на железной оси — 95.

Но, несмотря на противоречия, отмеченные выше, мелкие производители неуклонно втягивались в рыночные связи. В отличие

от предшествующего периода после реформы основной статьей в торговле кабардинцев становятся продукты полеводства, в частности кукуруза и пшеница, которые шли на спирто-водочные заводы России, а также на продовольственные нужды городского населения центральных губерний.

**Связь полеводства
с рынком**

Вывоз хлеба особенно быстро увеличивался в конце XIX в. Так, если через станции Муртазово и Котляревская было провезено хлеба в 1898 г. 635 тыс. пудов, то в 1900 г. эта цифра увеличилась в 2,7 раза и достигла 1605 тыс. пудов. Кукуруза скупалась преимущественно крупными русскими торговцами, которые экспортировали ее через Ростов, Новороссийск и другие порты.

Постоянными поставщиками товарного хлеба на рынок были мелкие производители, кулаки, а также князья и крупные дворяне. Правда, последние уже не имели больших плантаций сельскохозяйственных культур. Многие из них, не сумев приспособиться к новым условиям, распродали свои земельные участки. В Нальчикском округе в 1893 г. из 40—50 тыс. дес. лишь 2412 дес. было засеяно на частновладельческих землях. Но тем не менее князья и дворяне поставляли на рынок большое количество товарного хлеба. Крупные землевладельцы сосредоточивали в своих руках крестьянский хлеб с помощью арендной системы. Лишенные рабочих рук, они сдавали свои земельные участки в аренду из доли урожая (*ортак, ныкьюэхь*), получая за это натуральный оброк. В руках владельцев, таким образом, оказывалось большое количество хлеба. Часть его употреблялась в хозяйстве помещика, а значительная часть шла на рынок.

Главными же поставщиками товарного хлеба на рынок были крестьяне, мелкие производители, которые вынуждены были отвозить туда хлеб, чтобы уплатить за наделный участок земли государственную повинность, а также многочисленные земские и другие налоги.

Что касается среднего крестьянства, то оно продавало те излишки хлеба, которые у него оставались после удовлетворения своих нужд. Неуклонно возрастала роль кулацких хозяйств на хлебном рынке, постепенно росла их заинтересованность в увеличении производства хлеба с целью продажи. Для этого они начали все чаще применять наемный труд.

Таким образом, регулятором производства товарного хлеба становится рынок, посредством которого товар превращается в деньги. Именно поэтому горское крестьянское хозяйство, будучи связано с рынком, мало-помалу теряет черты натурального хозяйства и все больше становится хозяйством денежным, находящимся в зависимости от капитала.

Влиянию рынка подвергались также садоводство, огородничество и пчеловодство. По данным 1889 г., в Нальчикском округе под садами было занято всего 128 дес., в том числе 77 дес.

в кабардинских селениях, 31 — в русских и 20 дес. — в Александровской немецкой колонии. В двадцати селениях Кабарды имелось от 1 до 10 дес. садов.

**Другие отрасли
сельского хозяйства**

К концу 1889 г. в Большой Кабарде и Балкарни под огородами было занято 577 дес., в том числе в Балкарни — 20, в русских поселках и хуторах — 64, в Александровской немецкой колонии — 65. «Вместе с начинающимся введением более рациональных приемов обработки земли, — сообщала газета «Терские ведомости» в 1896 г., — в большинстве селений занимаются огородничеством, сея не один только лук, но и другие огородные овощи — картофель, капусту, редьку, а также заметно развивается бахчеводство». В одном только сел. Старая Крепость в том же году под огородами находилось 128 дес., в сел. Кенже — 71.

Скупщики и другие представители торгового капитала большими партиями отправляли чеснок и лук по железной дороге в другие области Российской империи.

Некоторые сдвиги наблюдались и в развитии пчеловодства. Если в 1867 г. в Малой и Большой Кабарде имелось 29 569 сапеток, то в 1896 г. их стало 40 248. Ежегодно собиралось около 10 тыс. пудов меда, часть которого шла на рынок.

Товарный характер приобретало и луговое хозяйство. Из 822 315 стогов, заготовленных в 1896 г. по всей Терской области, более 515 тыс. приходилось на Нальчикский округ. Из 1279 тыс. стогов сена, собранных в округе за три года (с 1894 по 1896 г.), на рынок поступило 6655. Развитие сенокосения было связано с ростом предпринимательского характера скотоводства, с повышением его продуктивности.

2. РЫНОЧНЫЙ ХАРАКТЕР СКОТОВОДСТВА

Скотоводство по-прежнему играло большую роль в экономике кабардинцев и балкарцев. Но в отличие от Балкарни, где преимущественно развивалось овцеводство, в Кабарде ведущее место в развитии животноводства занимал

**Товарное
направление
в скотоводстве**

крупный рогатый скот. По данным 1895 г., на 100 человек приходилось крупного рогатого скота: в Кабарде — 196 голов, в Кумыкии — 115, Чечне — 137, Осетии — 75 голов. Однако развитие товарного земледелия привело к тому, что в Кабарде в пореформенный период внимание к скотоводству несколько ослабло. Князья и дворяне распродавали свои земли, а новые владельцы, распахивая сенокосные и пастбищные угодья в целях расширения посевной площади, сокращали кормовую базу скотоводства. Все же с начала 90-х годов наблюдается некоторый рост поголовья скота. Так, например, поголовье крупного рогатого скота в Нальчикском округе выросло с 166 тыс. в 1893 г. до 195 тыс.

в 1897 г., а число овец и коз — с 433 тыс. до 500 тыс. Подавляющее большинство скота находилось в руках князей, дворян, таубиев и кулаков. Они ежегодно сбывали на рынках Северного Кавказа большое количество скота. За один 1890 г. было продано 4102 лошади, 2859 волов, 3105 коров, 1620 телят и 29 982 овцы. Главными покупателями скота у балкарцев являлись пмеретины, свапы и другие жители Закавказья.

Годовой сбыт в Балкарии достиг 2 тыс. голов крупного и 14 тыс. голов мелкого скота. Кабардинцы и балкарцы продавали скот на рынках Георгиевска, Пятигорска, Моздока, Владикавказ, Ростова, Тбилиси и т. д. Таким образом, скотоводство все больше приобретало товарный характер.

В послереформенные годы появляется интерес и к развитию молочного хозяйства. Балкарский таубий Хамзат Урусбиев некоторое время находился в Швейцарии, где, работая на ферме, познакомился с производством сыра. Вернувшись в конце 70-х годов на родину, он в Баксанском ущелье в местечке Хаюка открыл сыроваренный завод. Но из-за отсутствия «выгодного рынка» и вследствие эпидемии чумы, от которой погибло двести коров, производство сыра прекратилось.

В июле 1887 г. один из братьев Урусбиевых восстановил сыроварню, но выпуск продукции уменьшился и она не пользовалась спросом. Предприимчивые дельцы из Баксанского общества в 90-х годах добивались разрешения открыть в слободе Нальчик «кумысное заведение», предлагалось также устроить передвижные маслодельни-сыроварни. Но и эти попытки не увенчались успехом.

Коневодство

Наиболее ярко развитие капитализма проявилось в коневодстве. В 1870 г. был учрежден кабардинский конный рассадник. Но он просуществовал недолго. Кабардинское коневодство продолжало терять былую славу. Причины упадка состояли в том, что после отмены крепостного права у местных коневодов не стало дешевой рабочей силы и большинство из них, покоряясь давлению экономической необходимости, быстро распродали свои земельные участки пришлым овцеводам — тавричанам.

Царская администрация, однако, была заинтересована в том, чтобы разводить кабардинскую породу лошадей для пополнения кавалерийских частей. Учитывая это обстоятельство, а также требования отдельных коневодов, главное управление государственного коннозаводства учредило на Северном Кавказе Майкопскую заводскую конюшню. В 1892 г. она была переведена в Терскую область, на левый берег р. Малки, против сел. Малка (Ашабово), и переименована в Терскую заводскую конюшню. С 1890 по 1900 г. число лошадей увеличилось с 48 212 до 124 412; выросло и число коннозаводчиков. Если в 1890 г. на всю Кабарду их было 27 человек, то в 1900 г. стало 40.

Лучшие породы лошадей, коров и мелкого рогатого скота экспонировались на первой сельскохозяйственной выставке Терской области (1898 г.). Малой серебряной медалью были награждены Хакияша Шалборов и Бекмурза Атажукни за лошадей кабардинской породы. Бронзовую медаль получил Касым Искандеров за туров и овец. Еще больше медалей досталось представителям Кабарды и Балкарии на второй сельскохозяйственной выставке, состоявшейся в станице Прохладной в 1900 г. Было награждено 74 человека.

3. РАЗВИТИЕ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА. ЗАЧАТКИ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Развивавшийся вширь русский капитализм властно требовал устранения всяких ограничительных мер, установленных царизмом на Северном Кавказе еще в первой половине XIX в.

Рост торговой
буржуазии

Вот почему царское правительство еще в 1858 г. вынуждено было ликвидировать Кавказскую карантинную линию и упразднить карантинные заставы. Местные торговцы на короткое время получили возможность вести свободные операции за пределами края. Но в 1871 г. вновь была введена пошлина и более строгая регистрация торговых свидетельств. Все это, конечно, тормозило рост купеческого сословия. Тем не менее с каждым годом купцов становилось все больше и больше. Разложение деревни привело к росту торгово-ростовщической прослойки.

По данным Ставропольской казенной палаты, к концу 1891 г. в Нальчикском округе числилось 57 гильдейских купцов, среди которых было 22 кабардинца. К июлю 1892 г. число гильдейских купцов возросло до 64 человек, в том числе кабардинцев — почти до 30. В самом Нальчике было 20 человек, торговавших по негильдейским документам, и 20 — по гильдейским.

К концу XIX в. ведущей формой торговли становится лавочная торговля. Почти в каждом селе имелось небольшое торговое предприятие, где можно было купить предметы первой необходимости, сельского быта, хлопчатобумажные ткани и т. д. Владельцами многих лавок были горские евреи, «которые при отличном знакомстве их с кабардинским языком, правами, обычаями вообще ведут свои торговые дела с большой выгодой». В кабардинских и балкарских селениях наряду с местными, русскими и еврейскими купцами торговые операции вели грузинские и армянские купцы. Они проникали в самые отдаленные места и сбывали «красные товары» по выгодной цене.

С 1890 по 1896 г. число торговых заведений в Нальчикском округе выросло с 137 до 362, т. е. почти в 2,5 раза. Годовой оборот всех лавок составлял в 1896 г. около 400 тыс. рублей.

Развитие товарного хозяйства неизбежно приводило к выделению из среды мелких производителей не только более зажиточных хозяев, но и представителей торгово-ростовщического капитала, т. е. скупщиков. В руках последних уже были свободные денежные средства. Это давало им возможность выпол-

Формы торгового капитала

нить функции посредничества между мелким производителем и рынком. Скупая сельскохозяйственные продукты в большом количестве, скупщики превращали сбыт из мелкого и случайного в крупный и регулярный. Преимущества крупного сбыта неизбежно приводили к тому, что мелкий производитель оказывался отрезанным от рынка и беззащитным перед властью торгового капитала.

Торговый капитал выступал в различных формах. Первой и наиболее простой формой являлась покупка продуктов скупщиками непосредственно у производителей. Скупщики открывали в наиболее «хлебородных и бойких местах» конторы для приемки хлеба.

Особенно широко был распространен товарный кредит. Крестьяне брали у торговцев вперед за большие проценты хлопчатобумажные ткани, сельскохозяйственные орудия и другие товары, в которых они остро нуждались. Например, крестьянин — балкарец или кабардинец — получал в кредит косы стоимостью 40—50 коп., с тем чтобы за каждую косу отдавать заимодавцу по осени одного барана стоимостью 3 руб. Таким образом, торговец продавал косу в 6 раз дороже.

Существовала и такая форма торгового капитала, когда скупщик выступал как ростовщик: торговец отдавал деньги в кредит постоянно нуждающимся крестьянам, а последние должны были уплатить долг и определенный процент по кредиту из будущего урожая. В этом случае сбыт продуктов мелкого производителя всегда происходил по искусственно заниженным ценам. К тому же дебитор (заемщик) неизбежно попадал в кабальную зависимость от местных купцов.

Деревенская буржуазия ловко использовала отсталость и нескрупулезность крестьян в торговых операциях. По этому поводу газета «Терские ведомости» в 1894 г. писала, что «если слободские ростовщики орудуют очень успешно ... то еще более разительны для туземного населения Нальчикского округа «операции» туземных ростовщиков, которых в кабардинских аулах и пяти горских обществах (Балкарии. — *Ред.*) довольно много». Здесь они «широко раскинули свои сети и орудуют безбоязненно».

Эксплуатация бедного люда ростовщиками принимала все большие размеры, разоряя мелкого производителя. Выкачивая капитал из деревни, ростовщичество консервировало хозяйство края, мешало развитию в нем капиталистических отношений.

Но задержать его развитие оно было уже не в состоянии. Деревенские кулаки, заинтересованные в сбыте сельскохозяйственных продуктов, начали вкладывать капитал в производство. Это выражалось в замене старых деревянных орудий железными плугами, в применении наемной силы, улучшении посевной площади, разработке природных богатств и т. д.

Зачатки промышленного капитализма

Процесс развития промышленного капитализма в России, особенно в послереформенное время, затронул Кабарду и Балкарию. Пришлые и местные дельцы начали проявлять интерес к освоению природных богатств края, развивать бурную предпринимательскую деятельность. Они строили кирпично-черепичные заводы, пытались палатить разработки горнорудных месторождений. В 1896 г. некий Муллаев «вместе с каким-то русским» без всякого разрешения на то со стороны жителей Чегемского общества провел разведку в районе Джигишты «с целью открыть залежи руды». В связи с этим доверенный Чегемского общества Кучуков 13 августа 1896 г. обратился к начальнику Нальчикского округа с просьбой «запретить Муллаеву самовольно являться для открытия залежей руды, давно известной».

В том же 1896 г. доверенные от Кабарды и Балкарии передали властям «приговор» о том, «чтобы для разработки каменного угля, алебастра и других минеральных богатств, находящихся в пределах горных и Зольских пастбищ... было предоставлено им право отводить места желающим лицам с торгов». Такого же духа «приговоры» составлены были доверенными Чегемского общества. 24 октября 1900 г. Терское областное правление предписало начальнику Нальчикского округа разрешить учредителю «Русско-кавказского горнозаводского общества» коллежскому советнику В. И. Вендровскому «войти в соглашение с жителями обществ селений Балкарского и Безенгневского» об условиях разработки горнорудных месторождений.

Но подобные попытки частных предпринимателей и сельских обществ Кабарды и Балкарии не имели существенного успеха. За 30 послереформенных лет в Нальчикском округе возникло всего 13 кирпично-черепичных заводов, три маслобойни и четыре известковых предприятия с общей валовой продукцией в 36 тыс. рублей. В каждом из них работало по несколько наемных рабочих, а на самых крупных — 10—15 человек.

Развитие капиталистических отношений в Кабарде и Балкарии, происходившее в пореформенный период, сопровождалось разорением и обнищанием народных масс, что в свою очередь привело к обострению классовых противоречий в деревне.

РАССЛОЕНИЕ ДЕРЕВНИ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

1. РАССЛОЕНИЕ ДЕРЕВНИ

Классовое расслоение послереформенной деревни В. И. Ленин назвал процессом «раскрестьянивания». Крестьянство Кабарды и Балкарии расслаивалось на разные экономические группы (зажиточное, среднее и беднейшее крестьянство), выделялась сельская буржуазия и сельскохозяйственный пролетариат. Старый порядок общинного пользования землей явно противоречил новым условиям. К концу XIX в. число дворов выросло в два с лишним раза, а земельный фонд деревни оставался неизменным. Это привело к тому, что подворные наделы по сравнению с 1860 г. сократились вдвое. На душу населения приходилось теперь менее одной десятины. В то же время в руках отдельных владельцев находились большие земельные массивы.

**Экономическая
дифференциация
и классовое
расслоение деревни**

Официальная пресса признавала, что одним из самых больших зол жизни кабардинцев, от которого особенно страдает беднейшее население, является неправильное, неравномерное распределение общественных земельных наделов. Особенно сильно ощущалось малоземелье в Балкарии. Так, в 1884 г. пахотные участки распределялись здесь следующим образом: не имеющих вовсе земельных участков было 125 семейств (8,2%), имеющих по одному участку¹ — 411 (7,3%), по два участка — 146 (9,5%), по три-пять участков — 379 (24,8%), по шесть-десять участков — 432 (28,2%) и свыше десяти — 336 (22%).

С каждым годом росло число хозяйств, не имеющих скота. По данным 1889 г., в Балкарии из 2307 хозяйств 404 не имели мелкого скота, 259 были безлошадными, 92 не имели крупного рогатого скота. А в Кабарде к началу 90-х годов 2775 семейств

¹ Один участок часто не превышал 0,2—0,5 дес.

(или 26% всех хозяйств) были безлошадными, а число хозяйств, не имевших овец, достигало 5223 (или 48,4%). В сел. Лафшишево, например, из 147 хозяйств 55% не имели овец и коз, в то время как 4 хозяйства имели по 500 голов, 20% имели по 100 и более овец и коз. В сел. Урвань безлошадных хозяйств было 90%. Поэтому небезосновательно писала газета «Терские ведомости» в 1899 г., что «среди аульского населения наблюдается страшная хозяйственная дифференциация. С одной стороны, мы видим буржуазию, сельских богачей, имеющих иногда довольно солидные средства, с другой — аульную голытьбу, в лучшем случае имеющую одну лошадинку или пару еле-еле двигающих ноги быков».

Продажа и аренда земли

Проникновение капиталистических отношений внесло существенные изменения и в частное землевладение. До крестьянской реформы землевладение в Кабарде и Балкарии носило сословный характер. В пореформенный же период развитие, с одной стороны, шло по линии формирования буржуазной частной собственности на землю, росла «бессословность» землевладения. С другой стороны, сокращалось княжеское и уоржское землевладение. Земля все больше и больше втягивалась в торговый оборот. Из 121 тыс. десятин земли, закрепленной за кабардинскими князьями и дворянами в результате земельной реформы, было продано в пореформенное время около 86 670 десятин.

Покупали землю преимущественно представители пришлого населения и зажиточной местной верхушки. С 1870 по 1880 г. было совершено 669 сделок на покупку земли. Князья и уорки закладывали свои участки в поземельные банки. Число заложенных имений выросло в 1900 г. в два раза по сравнению с 1894 г. В 1900 г. было заложено 96 имений, что составляло 27,5 тыс. десятин, причем залог земли в банке несколько не мешал сдаче ее в аренду. Во всех селениях аренда получила широкое распространение. Жители сел. Хасаут, например, ежегодно уплачивали арендную плату в размере 2150 руб.

Аренда имела двойкий смысл: капиталистический и крепостнический. Обуржуазившаяся часть верхушки скупала и арендовала земли разорившихся феодалов и крестьян с целью наживы. Хозяйство подобных владельцев строилось с учетом потребности рынка, развивающихся товарно-денежных отношений. Это была аренда буржуазно-капиталистическая.

Аренда земли крестьянам являлась, по существу, отработочной системой, одним из крепостнических способов приобретения рабочей силы для помещика. Она выражалась в различных формах. Широко была распространена *бегенда*. Крестьянин, не имея ни скота, ни инвентаря для обработки земли, брал у владельца кредит под залог своей земли. В бегенду

брали также землю, скот, сельскохозяйственные орудия. Это кончалось тем, что земля переходила в руки землевладельца. Так постепенно безземельные отношения приводили к разорению и обнищанию крестьянства. «Обычай «калыма» и «бегенда», — писала газета «Казбек» в 1889 г., — в экономической жизни доброй половины горцев — это кошмар, душающий ее почти с колыбели и до могилы».

Обработка земли с половины (*ныкъуэхъ*) была широко распространена в Кабарде. Не менее распространенной формой эксплуатации и закабаления был *цыхъэху* (помощь). В Балкарнии существовало три вида испольщины (*ортака*). Кабардинские и балкарские крестьяне должны были выполнять ряд обязательств по отношению к владельцам в соответствии с родовыми обычаями. Сохранившиеся в быту пережитки феодализма и родового строя сдерживали развитие хозяйства по пути капитализма.

**Применение
наемной силы
в сельском хозяйстве**

Крестьяне, не имеющие земли и скота, уходили на заработки или вынуждены были наниматься к местным богачам. Так постепенно бедняки становились объектом кабальной эксплуатации со стороны помещиков и сельской буржуазии. Эта новая социальная категория, возникшая с развитием капитализма в крае, получила название *лыщлэ* (у кабардинцев), *жалчы* (у балкарцев) — батрак. Появление этой группы наемных людей свидетельствует о капиталистическом направлении в развитии хозяйства Кабарды и Балкарнии. Ибо формирование сельской буржуазии и развитие торгового земледелия и скотоводства предполагают образование контингента сельскохозяйственных батраков и поденщиков.

Новая прослойка общества — сельская буржуазия, а также князья и помещики, которые лишились крепостных рук, не могли обходиться без найма людей, лишенных средств производства. Твердой платы за работу не существовало. В отдельных случаях за повал одной десятины травы без уборки рабочему платили от 2 р. 50 коп. до 3 руб., а с уборкой — 6 руб. При этом хозяин не обеспечивал рабочих питанием. Уборка одной десятины пшеницы или ячменя стоила 8—9 руб. «на хозяйских харчах».

Но в Кабарде и Балкарнии пока было мало хозяйств, которые основывались исключительно на наемном труде. К концу XIX в. в Нальчикском округе насчитывалось 647 хозяйств, в которых постоянно применялся наемный труд, в том числе в 69 имелось по 2 или 3 работника, в 13 — по 4—5, в 8 — по 6—10 и более работников. Остальные хозяева имели по одному работнику. По неполным данным в это время в Большой Кабарде и Балкарнии имелось около тысячи батраков (*лыщлэ*), которые были окончательно высвобождены от крепостнических

оков и вовлечены в орбиту капиталистической эксплуатации. Если к этой цифре прибавить сезонных рабочих, уходящих на заработки за пределы Кабарды и Балкарии, число сельских пролетариев окажется значительно большим. За один только 1898 г. получили отпускные свидетельства 290 человек. Из них в Кубанскую область — 52 человека. Ставропольскую губернию — 38, Терскую область — 114 и в более отдаленные города — 86 человек. Отходничество играло важную роль в деле развития самосознания масс. По словам В. И. Ленина, отход вырывал население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и вовлекал его в водоворот общественной жизни. Отход значительно повышал сознательность, культурный и политический уровень масс.

Кроме того, в хозяйствах кулаков применялся труд приходящих работников из соседних областей и районов. В период уборки урожая и заготовки сена в селениях Кабарды и Балкарии нередко можно было встретить наемных рабочих из Сванетии, Осетии, Ингушетии, а также Моздока, Пятигорска и других населенных пунктов Ставропольской губернии.

2. КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Отмена крепостного права не принесла освобождения кабардинским и балкарским крестьянам. Они остались низшим, податным, черным сословием, в зависимости у тех же князей и дворян. И крестьяне продолжали борьбу за свои права. Власти на Кавказе вынуждены были констатировать «затруднительное положение освобожденных крестьян» и поставить вопрос о временном снятии с них государственных повинностей. Начальник Кабардинского округа, например, вынужден был просить начальника Терской области об освобождении временнообязанных крестьян, «понесших с освобождением большие потери в своих хозяйствах», на 6 лет от всех государственных повинностей. В свою очередь начальник Терской области, присоединяясь к мнениям местных начальников, ходатайствовал перед наместником Кавказа об освобождении временнообязанных крестьян «от взноса государственных податей и повинностей в продолжение восьми лет». Наместник Кавказа удовлетворил это ходатайство. Этот либеральный жест был вызван «крайне напряженным настроением» крестьян, которое не могла не учитывать царская администрация. А напряженность доходила до того, что крестьяне большими группами, целыми селами «выходили из повиновения». В Балкарском обществе 100 дворов чагаров заявили, что они не будут повиноваться до тех пор, пока не отправят прошение государю.

Положение
крестьян после
«освобождения»

Однако администрация не спешила с претворением в жизнь предписания главнокомандующего о льготах крестьянам. Взимание государственных податей по-прежнему продолжалось. Крестьяне, жалуясь на «свое крайне бедное положение», просили о снижении выкупной суммы. 27 марта 1873 г. временнообязанные сел. Коново обратились к начальнику Терской области с прошением об освобождении их от уплаты выкупа, в крайнем случае об его уменьшении. Они писали: «...на нас наложили как на мужской, так и на женский пол по 250 рублей выкупа... мы по крайней бедности лишены всякой возможности уплатить эту сумму...» Однако их прошения оставались без последствий.

К временнообязанным крестьянам применялись принудительные меры, их направляли на казенные работы. В этом отношении характерен рапорт начальника Кабардинского округа начальнику Терской области от 26 сентября 1870 г., в котором сказано: «...в течение трех лет не уплатили выкуп 641 мужчина средних лет и с каждым годом число неуплативших увеличивается, а потому я полагал бы для внушения временнообязанным о необходимости уплачивать за себя выкуп... до 50 человек или более отправить на казенные работы...» Таким образом, несмотря на отмену феодальной зависимости, правовое положение крестьян оставалось по сути без изменений, оно регулировалось старыми обычаями и порядками. Крестьяне по-прежнему оставались зависимыми от бывших владельцев или попадали в кабалу к нарождавшейся сельской буржуазии.

Налоговая политика царизма

Расслоение деревни, развитие товарно-денежных отношений привели к обострению классовых противоречий. Колониально-угнетательская политика царизма подливала масло в огонь. Царизм по-прежнему продолжал политику гнета и насилия. Особенно тягостной была для трудящихся налоговая политика. Налоги распределялись крайне неравномерно. Богач, имеющий несколько сот десятин земли и много скота, использующий наемную рабочую силу, платил подымную подать в таком же размере, как и однолошадный крестьянин. Помимо подымной подати крестьяне платили и земские налоги: сборы на земскую почту, на организацию медицинской помощи и т. п. Чтобы платить налоги, крестьянин должен был или лезть в долги или лишиться последней лошади и надела. Постоянно росли недоимки. За жителями Нальчикского округа к 1884 г. числилось недоимок за прошлые годы около 12 тыс. рублей.

С 1 января 1901 г. были отменены подымная и поземельная подати, а также двухкопеечный подесятинный сбор с земель частного владения Терской и Кубанской областей. Взамен их введена была государственная оброчная подать со всех казен-

ных земель, состоявших в постоянном пользовании поселен (кроме казаков), и государственный поземельный налог со всех прочих земель, кроме состоявших в непосредственном распоряжении царской администрации.

Расслоение крестьянства, рост товарно-денежных отношений и налоговая политика царизма привели к ухудшению экономического и политического положения крестьянства, к обострению классовой борьбы.

Формы классовой борьбы Под влиянием освободительной борьбы русского и других соседних народов росло самосознание трудящихся кабардинцев и балкарцев. Это стало особенно заметно с 90-х годов XIX в. — времени, когда Россия вступила в новый период революционного движения.

Классовая борьба в Кабарде и Балкарнии имела свои особенности. Здесь не было промышленного пролетариата, и это наложило серьезный отпечаток на ее развитие. Формы проявления классовой борьбы были самые разнообразные: уклонение от государственных и иных повинностей, протесты против налоговой политики, неповиновение властям, наконец, крестьянские волнения и бунты.

Так, в 1882 г. крестьяне Хабичаевы решительно отказались отбывать в дальнейшем какие бы то ни было повинности таубию Батаю Урусбиеву. Крестьяне уклонялись также и от уплаты государственных налогов. В 1888 г. начальнику 2-го участка пришлось предпринять «внутренние меры к взысканию всех денежных недоимок в семидневный срок». В 1891 г. при сборе земской повинности житель Чегемского общества крестьянин Ибуев нанес помощнику старшины Кудеаеву «оскорбление с ругательством скверными словами» в присутствии односельчан и заявил, что «если кто позволит себе спрашивать с него подать или обарантовывать, тому он губы, зубы, глаза выбьет и голову сорвет».

В апреле 1897 г. старшина сел. Кудепетово II (ныне Чегем II) составил протокол на Гилыхстана Алоева, заступившегося за тех, которые несправедливо подвергались штрафу. Как сказано в документе, Алоев «толкал старшину в грудь, кричал, ругался и говорил, что... взыскать штраф никто не имеет права...» и требовал как доверенному от общества дать отчет об использовании общественных денежных сумм сел. Кудепетово.

Местные власти, напуганные волнениями среди крестьян, добивались ограничения местного самоуправления. Каждый сельский сход или собрание строго учитывались и брались под особый контроль. Иногда дело доходило до того, что сельскому населению или его представителям запрещалось собираться в сельском правлении без «особого повеления начальства».

В апреле 1897 г. жители сел. Тохтамышевское (ныне сел. Лечинкай) Бекмурза Кибшиев, Пат Дышекков, Кул Кануков и Асхад Хагожеев подали жалобу начальнику Нальчикского округа о том, что их старшина Жамбот Тохтамышев «не позволяет обществу собраться в сельское правление для обсуждения некоторых вопросов, касающихся общества».

В 1896 г. крестьянин Сагид Гошюков (из сел. Тыжева, ныне Кишпек) ходил по дворам и уговаривал жителей «сделать опять бунт». Из донесения старшины Балкарова выясняется, что Сагид Гошюков сидел на гауптвахте в Нальчике за распространение «противоправительственных» слухов. Выйдя на волю, он продолжал «подговаривать народ» к выступлению против властей. Начальник области приказал старшине арестовать Гошюкова и доставить в участковый центр, но последний, как доносил старшина начальнику первого участка, «ослушался приказа и воспротивился отправиться в сел. Баксан, не признавая над собой ничьей власти». Лишь после вмешательства полицейских властей Гошюков «за строгим караулом» был доставлен в Баксан и подвергнут наказанию. В сопроводительном письме старшины говорилось: «При этом докладываю, что Гошюков несколько не удерживается от своего неблагопристойного поведения, а, напротив, еще более возбуждает темные страсти в народе и производит волнение в обществе против порядка и спокойствия, распространяя при всяком удобном случае ложные слухи».

**Волнения
в Урусбиевском
и Балкарском
обществах**

Классовые выступления крестьян не ограничивались действиями одиночек, нередко они принимали массовый характер. Поводом к выступлению крестьян в Урусбиевском обществе явился захват таубием Урусбиевым в 1889 г. Баксанской общественной лесной дачи. Это поставило крестьян в затруднительное положение, и они ответили на это незаконное действие Урусбиева решительным протестом.

Начальник Нальчикского округа вынужден был признать, что «...Баксанское общество находится в крайне стесненном положении в отношении пользования лесом по неимению в ущелье других лесов, кроме двух, которые находятся ныне в исключительном пользовании Урусбиевых, что ставит жителей в совершенную зависимость от настоящих владельцев Баксанской лесной дачи и несомненно будет служить причиной вечных недоразумений и столкновений...»

Крестьяне Урусбиевского общества, будучи убеждены, что «леса эти неправильно присвоены сыновьями Мурзакула Урусбиева Александром, Хамзатом и Изманлом и их потомками», 1 января 1890 г. составили «приговор», в котором подтверждалась их решимость вести с таубием Хамзатом Урусбиевым борьбу за восстановление своих исконных прав на дачу. После

этого они приступили к пользованию лесом как общинной собственностью. Но царская администрация настойчиво защищала интересы владельцев. 8 апреля 1897 г. последовало «разъяснение», что от Урусбиевых «зависит разрешать и воспрещать сельскому населению пользование лесом». Зачинщиков волнений подвергли арестам и штрафам. Но сломить сопротивление крестьян царские власти так и не смогли. Крестьяне Урусбиевского общества продолжали борьбу и в последующие годы.

Острый характер носили народные волнения и в Балкарском обществе в 1897 г. Поводом к ним явились злоупотребления старшины Балкарского общества таубия Айдеболова. За захват общинных земель, присвоение 23 107 руб. общественных денег и передачу «влиятельным лицам» более 26 участков общественных земель в количестве 9 тыс. десятин он был проклят всем обществом и на него был составлен «приговор» для передачи в суд.

Обстановка была настолько накалена, что крестьяне «не допускали бывшего старшину Айдеболова в сельское правление с мая месяца по день его смены, последовавшей в октябре месяце». В течение всего этого времени никто не платил податей. Почти все жители Балкарского общества с гневом называли Айдеболова «кровопийцей», говоря, что он снял с бедняков «всю кожу». Но царская администрация ограничилась только тем, что сместила Айдеболова с должности старшины и заменила таубием Тауканом Шахановым.

Однако волнения продолжались. Вскоре после вступления Шаханова на должность «темной ночью привалила многочисленная толпа народа во двор сельского правления». Как свидетельствуют документы, «многие из толпы были при оружии». От имени народа вошли в правление Яхья Жапгуразов и Огурлу Хачинаев и выгнали писаря из канцелярии. Затем пригласили старшину Шаханова к народу. Его окружили «и настоятельно, с угрозами требовали, чтобы он не смел составлять протокола, потому что они не признают его старшиной, не допустят ни до каких дел и никто его не будет слушаться, а если он засим осмелится явиться в сельское правление, то они расправятся с ним по-своему». После этого десять крестьянских вожakov были отправлены в тюрьму. Но жестокая расправа с «зачинщиками беспорядков» не могла заставить крестьян отказаться от социальной борьбы.

Крестьянские протесты, стихийные волнения продолжались. Они были направлены против гнета нарождавшейся местной буржуазии, помещиков и колониальной политики самодержавия.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

1. ШЕРСТЯНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Наряду с земледелием и скотоводством большую роль в жизни кабардинского и балкарского крестьянства играли различные промыслы. Они обеспечивали крестьян сельскохозяйственными орудиями, средствами передвижения, различными предметами домашнего обихода и частично одеждой.

**Бурочное
производство**

Отдаленность Кабарды и Балкарии от промышленных центров России, еще недостаточный завоз необходимых товаров и слабая связь крестьянских хозяйств с рынком способствовали сохранению в пореформенный период домашней промышленности и ремесла. Не встречая конкуренции со стороны промышленного производства, отдельные виды крестьянских промыслов продолжали в форме мелкого товарного производства обслуживать запросы большинства сельского населения и северокавказских рынков.

Проникновение капиталистических отношений в крестьянское хозяйство, укрепление экономических связей кабардинцев и балкарцев с соседним русским и другими народами Северного Кавказа способствовали усовершенствованию отдельных видов производства (изготовление бричек, шинованных колес, бурок, сукна и т. д.), появлению новых, более совершенных орудий труда (станков для сучения ниток, для производства ободьев, для изготовления плетей, обточки ступиц, чесальных машин и т. д.).

Наибольшее распространение и развитие по-прежнему имело бурочное производство. Кабардинские и балкарские бурки (*цлаклуэ, жамчы*) продолжали пользоваться широкой известностью, высоко ценились их прочность, плотность, легкость и красота выделки. Это обеспечивало им широкий рынок на всем Северном Кавказе, частично в Закавказье, а также среди кубанского и терского казачества.

На Всероссийской художественной промышленной выставке в Москве в 1882 г. с успехом экспонировались «кабардинские крашеные и пекрашенные и замечательно плотные бурки», за которые Магомет Гукетлов был награжден серебряной медалью. Как отмечала газета «Тифлиссский листок», из кустарных изделий, представленных на сельскохозяйственной выставке Терской области в Прохладной в 1900 г., наибольшее внимание обращали на себя кабардинские бурки.

Высокое качество кабардинских и балкарских бурок достигалось тщательной сортировкой и обработкой шерсти, продолжительным уваливанием и большим мастерством самих мастериц, хорошо усвоивших многовековую традицию своего народа в изготовлении совершенных изделий.

По данным Тифлиссской торговой биржи, кабардинский бурочный район, охватывающий Кабарду, Балкарню, Карачай и Черкессию, в начале XX в. поставлял на рынок 30 тыс. бурок в год.

Широкое распространение имело производство ковров (*уццлэ, кишэ*) различных размеров и различного назначения (для украшения стен, покрытия полов и кроватей). В каждом крестьянском дворе изготовлялось по несколько штук войлочных ковров, так как они являлись в большинстве случаев единственным матрасом-подстилкой. Они нужны были в большом количестве и на кошах (*уэтэрах*). Из войлока шились ноговицы и паголенки, делались потники, подседельники и другие необходимые хозяйственные предметы.

Повсеместное распространение имело и производство войлочных шляп (*уццлэпылэ, к'алпакъ*), очень удобных в летний период и изготовляемых из высококачественной шерсти серого, а позже белого цвета.

Суконное производство

Сохранялось и суконное производство. Особенно широкое распространение оно имело в Балкарии. Современники называли балкарские селения «фабриками сукна», и действительно, в них трудно было найти женщину, которая бы постоянно не занималась выделкой сукна.

Из сукна (*цей* у кабардинцев, *чепкен* у балкарцев) шились черкески, башлыки, ноговицы, им покрывали теплую верхнюю одежду, а в период мануфактурных кризисов из него изготавливались платья, рубашки, брюки для взрослых и детей. В отличие от Кабарды, где сукно изготовлялось небольшими кусками, достаточными для пошива одной черкески и башлыка, в Балкарии сукна делались в 100 и более аршин, что подтверждает его производство преимущественно для продажи. По подсчетам большого знатока жизни балкарцев Н. П. Тульчинского, в конце XIX—начале XX в. одна Балкария производила 391 тыс. аршин сукна, находившего большой спрос в Грузии,

Домашнее изготовление сукна

у соседних народов Северного Кавказа, в различных городах России и среди терского и кубанского казачества.

Орудия труда, которыми пользовались для производства сукна и бурок кабардинские и балкарские мастерицы (чесалка, лучок для разбивки шерсти, циновка для укладки, плетень для уваливания и ткацкий станок, состоявший из кресла, навоя, бердо, ремизов, челнока), оставались в общем такими же примитивными, какими они были сотни лет назад, а поэтому не изменились и приемы обработки шерсти. Однако в начале XX в. в некоторых кабардинских селениях появились высокие досчатые столы, используемые для уваливания бурок стоя, чесальные машины, самопрялки, заимствованные у соседнего русского населения. Все это значительно облегчало труд мастериц, увеличивало производительность труда. Но новые орудия производства не получили большого распространения.

В отличие от русских крестьян и закавказских народов в Кабарде и Балкарии производство шерстяных изделий находилось исключительно в руках женщин. Чрезвычайно тяжелым и малопродуктивным был труд мастериц, за который они получали нищенскую плату — 15—25 коп. в день.

В бумажном и суконном производстве в отличие от других видов промыслов широкое применение получила крестьянская взаимопомощь. Трудоемкость и продолжительность отдельных процессов подготовки шерсти (ручная сортировка, расческа) и некоторых процессов изготовления сукна (пряжение ниток, уваливание) и бурок (уваливание и мойка) делали эти виды шерстяного производства коллективными.

В производстве шерстяных изделий большое распространение получила выделка бурок, сукна и войлочных изделий исполу. К исполу прибегали чаще всего мастерицы из бедных крестьянских семейств. Обработка шерсти за половину приобретает широкие размеры в конце XIX — начале XX в., когда усиливается процесс расслоения крестьянства. В 1916 г. только в одной Балкарии на 3819 крестьянских дворов насчитывалось около 3000 женщин-издольщиц.

2. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА И СЕДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Производство изделий из дерева имело большое значение в хозяйстве кабардинского и балкарского крестьянства. Оно обеспечивало потребности хозяйства в сельскохозяйственных ору-

дьях (плуги, бороны, лопаты, грабли, Изделия из дерева вилы), в средствах передвижения (арбы, сани, арчаки для седел) и в предметах домашнего обихода (кровати, столы, посуда и т. д.).

К началу XX в. многие местные деревянные изделия, особенно сельскохозяйственные орудия, начали вытесняться промышленными изделиями, ввозимыми из Центральной России. Производство же арб, ободьев, колес, арчаков сохранялось, так как не встречало сильной конкуренции со стороны промышленного производства. При этом изделия кабардинских и балкарских мастеров по своей прочности не уступали привозным. Кабардинские арбы до 70—80 годов XIX в. делались без железных частей, даже ось арб и бречек была деревянной, только в начале XX в. железная ось и шинельные колеса получили повсеместное распространение.

Наиболее крупными центрами производства изделий из дерева были селения Кошерово (Кенже), Жанхотово (Псыгансу), Докшоково (Старый Черек), Кайсын Анзорово (Старый Лескен), Абаево (Урожайное), Муртазово (Дейское), в которых отдельные крестьянские хозяйства изготавливали их для продажи. Число крестьянских дворов, занимавшихся изготовлением арб, колес и ободьев для продажи, к концу XIX в. возросло, что объяснялось, с одной стороны, доступностью орудий труда и лесоматериала, а с другой — разорением крестьян, вынужденных заняться тем или иным производством для прокормления своей семьи. Как указывал В. И. Ленин, «...разложение земледельче-

ского крестьянства необходимо должно было дополняться ростом мелких крестьянских промыслов»¹.

Техника производства, как и раньше, оставалась примитивной. Господствовали ручной труд и простейшие орудия труда. Но в конце XIX в. в некоторых селениях Кабарды появились примитивные станки для изготовления ободьев (*джэп*), заимствованные у соседнего русского населения. Лишь немногие мастера стали пользоваться специальными станками для обточки ступиц (*лъэрыгу*).

В начале XX в. в некоторых селениях Кабарды и Балкарии было налажено с помощью русских мастеров В. Бондаренко (сел. Н. Куркужня), Чернышева (сел. Чегем I), Корина (сел. Чегем II) и других производство бричек и усовершенствованных арб. Работая несколько лет в кабардинских селах, эти мастера передавали свой опыт и знания местным ремесленникам. Из мастеров по дереву выделились плотники, строившие дома русского типа с деревянными полами, с составными дверями, ставнями, рамами, крыльцами, которые украшались красивой резьбой. В конце 60-х годов XIX в. таких домов во всем Нальчикском округе насчитывалось всего одиннадцать. Но их число постоянно увеличивалось. Первоначально их строили приглашаемые русские и грузинские мастера, у которых учились кабардинцы и балкарцы. В конце XIX — начале XX в. уже было значительное число местных мастеров.

Во второй половине XIX — начале XX в. наблюдалось дальнейшее развитие мебельного производства. Изготавливались круглые красивые столики на одной или трех ножках, жесткие диваны, деревянные кровати, а также заимствованные у русского населения квадратные столы, шкафы, буфеты, комоды, различные стулья. Мебель украшалась красивой узорной резьбой, фигурными накладками, стойками, перекладинами самых разнообразных форм.

Седелное производство

Седелное производство продолжало оставаться самым развитым видом ремесла в Кабарде. В конце XIX — начале XX в. продолжается дальнейшее углубление разделения труда в этом промысле. С укреплением связи седелного производства с рынком самостоятельной работой специальных мастеров становились изготовление подушек для седла и оклейка арчака.

Наиболее крупными центрами арчацкого производства являлись селения Докшоково, Аргудан, Жанхотово, В. Кожоково (Жемтала), Догужоково (Аушигер) и др. Только в одном селении Старый Черек изготовлением арчаков (*уанэ пхъафэ*) постоянно занимались более 30 дворов, а изделия мастеров этого селения М. Ашинова, Б. Дзуганова, М. Озрокова и других

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 341.

пользовались большой славой и с успехом демонстрировались на выставке в Тифлисе, в 1898 г.

В Кабарде и Балкарии не было мастеров, занимавшихся только изготовлением металлических принадлежностей седла; они делались самыми искусными мастерами-кузнецами. Замечательным мастером по изготовлению великолепных удил и стремян был кузнец К. Хежев из сел. Кызбурун III, известный далеко за пределами Кабарды и Балкарии. Кабардинские мастера Бабгоев Жамбек (сел. В. Куркужин), Хашев Мирзабек (сел. Урвань) в 1900 г. на сельскохозяйственной выставке Терской области за свои изделия — металлические принадлежности к седлу — были награждены похвальными листами, а мастер Шоров Шухаб (сел. Куба) — малой серебряной медалью. Малочисленность таких искусных кузнецов делала их изделия дорогими. Кожаные принадлежности кабардинского седла изготовлялись мастерами-шорниками, которые, в отличие от арчачников и кузнецов, имелись почти в каждом селении. Кожаные части седла (подушка, боковые тебеньки, путлица) украшались тиснением, наносились на них различные рисунки с помощью костяных штампов. Эти рисунки представляли собой сочетание растительного и геометрического орнаментов.

В седельном производстве, которое считалось чисто мужским делом, с конца XIX в. стали принимать значительное участие и женщины. Они изготовляли потники и подседельники, кожу для обшивки последних, оклеивали арчак, участвовали в обработке ременных частей. В отличие от мастеров-арчачников, изготовлявших свои изделия в основном на рынок, для неизвестного потребителя, шорники и кузнецы-седельники работали на заказчиков.

Седельным производством в Кабарде и Балкарии занималось значительное число мастеров, однако они не были организованы в цеховые объединения ремесленников. Впрочем, шорники и арчачники, которые постоянно жили во Владикавказе, входили в шорно-седельный цех города. Первое объединение мастеров в одной мастерской появилось лишь в годы первой мировой империалистической войны в Нальчике, где в большой мастерской под руководством предпринимателя, поставлявшего казне большие партии седел, плетей, уздечек и т. д., работали наемные рабочие — шорники, арчачники и кузнецы-седельники, собранные из разных селений Кабарды. Над изготовлением одного арчака здесь работали 3 — 4 мастера.

Как правило, арчачники и шорники не имели специальных мастерских, они работали в сарае или жилой комнате. Орудия труда почти у всех мастеров были одинаковыми, многие из них изготовлялись местными кузнецами.

Большинство мастеров пользовалось самодельными орудиями и приспособлениями. Только в начале XX в. у отдельных из-

вестных мастеров-шорников селений Псыгансу, Аргудан и т. д. появились специальные станки, значительно облегчившие труд мастеров и увеличившие производительность труда.

3. МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО. ПЛЕТЕНИЕ

После окончания Кавказской войны оружейное производство, прежде широко развитое в Кабарде и Балкарии, начинает быстро сокращаться. Местное производство огнестрельного оружия вытесняется изделиями тульских и бельгийских оружейных заводов или заменяется изготовлением холодного оружия. Сокращению местного производства оружия способствовали и различного рода ограничения колониальных властей, запрещавших подчас не только производство этого оружия, но и его ношение. К концу XIX в. в Кабарде и Балкарии оставалось всего лишь 14 оружейников.

Со второй половины XIX в. широкое распространение получает украшение холодного оружия черненым серебром или золотом, в чем кабардинские мастера достигли большого совершенства. Поэтому оружейники и ювелиры часто выполняли один и тот же заказ, работая над одним кинжалом или шашкой. Среди мастеров-оружейников большой славой пользовались Б. Тлемтхачев из сел. Нартан, Х. Дабагов из сел. Чегем I, А. Темиржанов из сел. В. Балкария и др. В начале XX в. в Кабарде и Балкарии уже не было профессионалов, занимавшихся только изготовлением холодного или огнестрельного оружия. Это производство потеряло характер специального промысла.

Оружейное производство

Более значительную роль в пореформенное время играло кузнечное производство. Оно, как и прежде, обеспечивало потребности крестьян в сельскохозяйственных орудиях, в различных предметах домашнего обихода, удовлетворяло потребности седельного производства и производства бричек и двухколесных арб.

Кузнечное производство

Во второй половине XIX — начале XX в. число кузнецов быстро увеличивается. Так, если в 1874 г. в Пятигорском округе (куда входили Кабарда и Балкария) насчитывалось 34 кузнеца, то в 1894 г. в одной Большой Кабарде их стало 129, а к 1917 г. в Нальчикском округе насчитывалось их уже более 200 человек. Такой рост числа кузнецов прежде всего объяснялся растущими потребностями крестьянского хозяйства в металлических изделиях, которые еще недостаточно завозились из городов и промышленных центров. Увеличение числа кузнецов и спроса на их изделия способствовало специализации среди мастеров. Одни из них были известны производством металлических принадлежностей к седлу, другие — ножниц для стрижки овец, третьи —

чесалок шерсти, четвертые славились своими высококачественными ножами, топорами, серпами и т. д.

Особое место среди кузнецов занимали мастера по производству железных частей бричек и арб. Появление этого производства связано с усовершенствованием средств передвижения, вызванным проникновением капиталистических отношений в экономику края, укреплением связи крестьянского хозяйства с рынком.

Эти кузнецы считались наиболее зажиточными, они имели связь с кредитными товариществами, обеспечивавшими их железом и лесоматериалом. В 1914 г. газета «Терек» писала, что Куденетовское кредитное товарищество «ведет посредничество по поставке кустарям железа и леса для выделки крестьянских ходов. Товарищество вошло в соглашение с местными кустарями, от которых принимает на комиссию хода. Цены умеренные, и операция эта идет успешно». Кредитные товарищества помогали наиболее зажиточным кузнецам и другим зажиточным ремесленникам денежными ссудами, «за что брали в залог их ремесленные изделия, главным образом крестьянские ходы и арбы».

Значительного мастерства требовал и ремонт сельскохозяйственных машин и орудий, число которых все более увеличивалось.

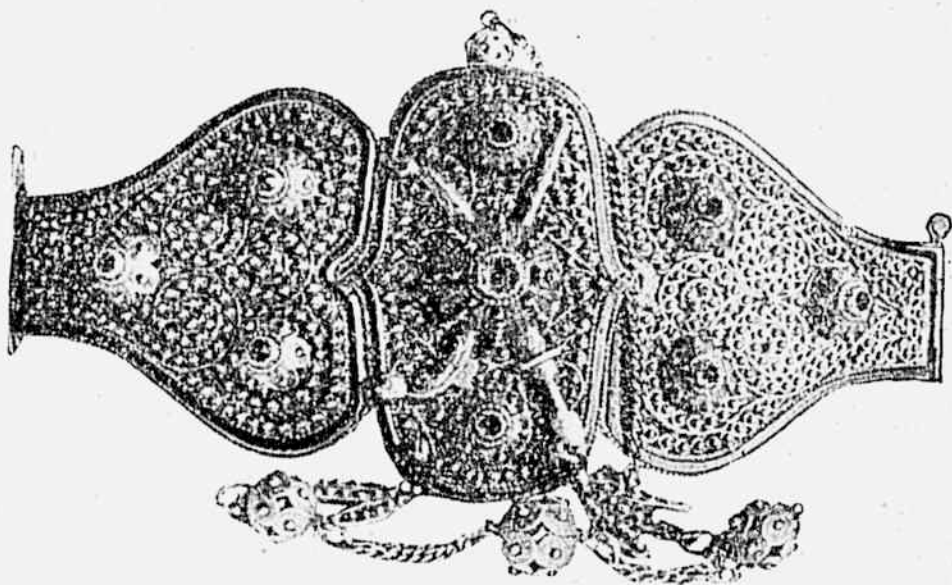
В Кабарде и Балкарнии существовала категория общинных кузнецов, обслуживавших небольшой населенный пункт или часть большого села. «Близость ремесла к натуральному хозяйству крестьян,— указывал В. И. Ленин,— вызывает иногда с их стороны попытки организовать ремесленный труд для всего селения: крестьяне дают ремесленнику содержание, обязывая его работать на всех жителей данного селения»¹.

Общественные кузнецы нанимались на целый год или на один-два сезона. В период пахоты они были обязаны со своими инструментами находиться в поле, ремонтировать плуги, отбивать лемехи и чересла. За это крестьяне сообща пахали участок земли кузнеца и отбывали за него необходимые повинности.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 331.

Кинжал

Пряжка серебряного пояса

В отдельных селениях Балкаррии общественными кузнецами были приглашенные кабардинские мастера, с которыми расплачивались скотом. Наряду с разнообразной работой, выполняемой ими в пользу общества, они обязаны были подготовить кузнеца из числа местных жителей.

Мастерские и инструменты кабардинских и балкарских кузнецов были примитивными. Некоторое улучшение наблюдается лишь в начале XX в. у наиболее зажиточных кузнецов, которые начали строить большие мастерские, крытые черепицей, самодельный кузнечный мех начал сменяться фабричным, увеличивается набор инструментов, среди которых наряду с самодельными появились и инструменты фабричного производства.

Ювелирное производство кабардинцев и балкарцев развилось самобытно и достигло высокой степени совершенства. Мастера-ювелиры (*дыщэкл, кюмошчю*) отличались высоким мастерством в чернении изделий, выделявшихся прочностью работы, чистотой отделки, красотой, необычайным характером рисунка и блеском черни.

Не случайно, что именно у пятигорских черкесов казахские златокузнецы переняли технику чернения серебряных изделий, дагестанские ювелиры под влиянием кабардинских мастеров усовершенствовали орнамент своих изделий и чернение серебра, а кубачинцы пользовались для украшения своих изделий так называемым «чергас накыш» (черкесский узор). В свою очередь кабардинские мастера испытали большое влия-

ние дагестанских ювелиров, у которых они переняли многие технические приемы и орнаментальные композиции.

В отличие от дагестанского, кабардинское ювелирное производство имело более ограниченный ассортимент. Мастера изготавливали различные женские украшения (пояса, нагрудники, серьги, ожерелья, украшения к головным уборам), мужские пояса, покрывали чернью ножны кинжалов и пашек, делали бляхи и другие украшения для конской сбруи и мелкие предметы. Работа кабардинских и балкарских мастеров отличалась строгим вкусом, гармонировала с одеждой, они не любили никаких излишеств при золочении и нанесении черни.

Среди других округов и отделов Терской области по числу мастеров-ювелиров (47 человек) в конце XIX — начале XX в. Кабарда (без Малой Кабарды) занимала первое место. Большинство из них не было связано с сельским хозяйством и занимались круглый год своим ремеслом. Изделия их находили большой спрос у зажиточных слоев, давая мастерам высокий заработок. Они составляли привилегированную группу среди ремесленников, некоторые из них использовали в своем хозяйстве труд наемных рабочих.

С конца XIX — начала XX в. местное ювелирное производство начало испытывать серьезную конкуренцию со стороны дагестанских мастеров. Последние поселялись в различных селениях Кабарды и Балкарии на постоянное жительство или приезжали периодически на несколько месяцев. Их изделия были из более дешевых металлов, изготавливались в большом количестве и постепенно вытесняли изделия местных ювелиров.

Плетение

Из других видов промыслов следует отметить производство плетеных изделий из мелких прутьев, соломы и куги. Производством изделий из мелкого хвороста занимались только мужчины, изготавливавшие корзины цилиндрической формы (*чыматэ*) или низкие удлиненные с ручкой (*матэкъуаниэ*) — хранилища для зерна, муки (*гуэн*), кукурузы (*ду*), специальные плетни, используемые для изготовления бурок и в строительстве домов (*чий*).

Изготовление же плетеных изделий из соломы и куги — циновок (*арджэн*), корзины (*матэ*), вееров (*жыьлу*) и других предметов — находилось преимущественно в руках женщин, обладавших необходимыми навыками и имевших для этого специальные (примитивные) станки. Циновка заменяла ковер в убранстве дома, служила защитой от сырости, на нее стелили постель и т. д. Циновки и корзины украшались геометрическим орнаментом. Различные плетеные изделия изготавливались в большом количестве. Они нужны были в каждом крестьянском хозяйстве и пользовались спросом на местных рынках и в русских станицах.

4. ПРОНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОМЫСЛЫ

В пореформенный период под влиянием быстро развивающегося капитализма, проникновения капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии укреплялись связи крестьянских хозяйств с рынком. В связи

Связь промыслов с рынком с этим серьезные изменения претерпели промыслов с рынком и крестьянские промыслы. С одной стороны, шло вытеснение туземных вековых кустарных промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских товаров. Так, к концу XIX в. в Кабарде и Балкарии значительно сократилось местное оружейное производство, кустарная обработка меди, золота, серебра, прекратилось производство светильников, кос, серпов, изготовление некоторых сельскохозяйственных орудий и т. д. Все эти изделия производились на фабриках и заводах России в значительно большем количестве и дешевле.

С другой стороны, отдельные виды промыслов Кабарды и Балкарии, не встречая конкуренции со стороны промышленного производства, сохраняли относительную устойчивость и продолжали удовлетворять запросы кавказского и всероссийского рынков. Бурки, седла, колеса, арбы, плети, чесалки шерсти в Кабарде и сукна в Балкарии изготовлялись в значительной степени для продажи, их производство было подчинено интересам рынка.

Отдельные виды промыслов были связаны с рынком не в одинаковой степени, неодинаковой была и сама форма этой связи. Она осуществлялась в виде меновой торговли, продажи изделий самими производителями на ближайших рынках, а также через скупщиков, являвшихся представителями торгового капитала. Кроме того, имел место сбыт отдельных изделий большими партиями (бурки, сукна, седла) казне для царских войск на Кавказе и в других местах.

Бурки, сукна, киззы кабардинских и балкарских мастеров обменивались в местных лавочках на ситец, шали, дешевый шелк, яркоцветные платки. Шерстяные изделия обменивались и продавались на близких и дальних базарах и ярмарках. Значительным потребителем бурок, сукна, киззов являлось Закавказье, терское и кубанское казачество.

Определенным спросом на рынках Северного Кавказа пользовались также седла и плети, некоторые деревянные, кузнечные и кожевенные изделия. Что касается ювелирных, золотых и серебряных изделий, а также производства бричек и отдельных ходов, то они изготовлялись в основном по заказу потребителей. При этом расчет производился деньгами или натурой. Потребители часто за те или иные изделия выполняли в хозяй-

стве мастера разнообразные работы: пахали его земельный пай, косили сено, заготавливали на зиму дрова, убирали урожай и т. д.

Со второй половины XIX в. меновая торговля постепенно вытесняется денежной. Кабардинцы и балкарцы со своими товарами стали появляться на местных и северокавказских рынках и сами продавали свои изделия. Одно Урусбиевское общество в конце 60-х годов XIX в. сбывало шерстяных изделий на 3 тыс. руб., а к концу века сбыт шерстяных изделий возрос более чем в два раза.

Наряду с грузинами, армянами, еврейми, скупавшими и сбывавшими изделия мастеров большими партиями, в конце XIX — начале XX в. появилось значительное число кабардинских и балкарских скупщиков. Они не только покупали готовые изделия мастеров, но и делали им заказы. Некоторые даже обеспечивали мастеров-бурочников сырьем. При этом производители превращались в зависимых работников, получавших от скупщика за свою работу определенную плату. Торговцы-посредники расплачивались с мастерами по-разному: одни сразу наличными деньгами, другие — после продажи, третьи — частью деньгами, частью мануфактурой. Отрезав производителя от рынков сбыта, они диктовали свои цены и свои условия ремесленникам и постепенно закабалили их.

Применение наемного труда

Под влиянием развивающихся капиталистических отношений и роста товарного производства происходило расслоение не только среди крестьянства вообще, но и среди ремесленников. Из кузнецов, арчачников, шорников, ювелиров и мастеров шерстяных и деревянных изделий выделялась зажиточная верхушка, для которой занятие промыслами являлось не столько средством существования, сколько источником обогащения.

Среднегодовой заработок кабардинских и балкарских кузнецов составлял 44 руб., а отдельные зажиточные кузнецы получали доход до 200 руб. Такие же высокие заработки имели зажиточные арчачники, шорники и ювелиры. Это было довольно значительной суммой по тому времени. Она возрастала еще в связи с тем, что все сельскохозяйственные работы этих мастеров выполнялись заказчиками. К зажиточной верхушке сельского населения относились и мастера по производству бричек, отдельных ходов и шинных колес.

Такие мастера отличались от основной массы ремесленников тем, что являлись членами кредитных товариществ, пользовались их ссудами, имели просторные мастерские, значительное количество скота и т. д. Большинство же мелких производителей ютилось в турлучных подслеповатых домах с соломенными крышами, мастерскими им служили сараи. Они с большим трудом сводили концы с концами.

Со временем более зажиточные ремесленники стали применять наемный труд, а сами занимались только обеспечением рабочих сырьем и сбытом готовых изделий.

В бурочном и суконном производстве наемный труд применялся и раньше. У отдельных мастеров работали в качестве поденных рабочих женщины, которые за разборку и расческу шерсти в течение дня получали 20 коп. Число таких рабочих у отдельных зажиточных мастеров доходило до 5—6 человек. В качестве наемных рабочих работали и мастерицы по укладке и выделке бурок, тканью сукна. Наемный труд использовался зажиточными арчабчиками, шорниками, ювелирами и кузнецами не только в промыслах, но и в самом хозяйстве.

Для многих мастеров занятие промыслами являлось основным источником существования, оно давало им основной заработок, земледелие же служило только дополнительным занятием. Среди них были и такие, которые окончательно оторвались от земледелия и жили полностью за счет ремесла.

Формы соединения земледелия и скотоводства с промыслом, которые наблюдались в экономике горского крестьянства, были разнообразными. В Кабарде и Балкарии имело место соединение патриархального (натурального) земледелия с домашними промыслами, особенно в горных ущельях Балкарии, куда реже проникали промышленные товары. Более широкое распространение имело соединение патриархального земледелия с промыслами в виде ремесла, возникшее в Кабарде и Балкарии задолго до рассматриваемого периода в ювелирном, кузнечном и других производствах.

Перерастание бурочного, суконного, колесного, ободного, седельного и частично кузнечного производств в мелкотоварные сделало господствующими в них соединение патриархального земледелия с мелким производством продуктов на рынок. Другие более развитые формы соединения земледелия с промыслами в Кабарде и Балкарии не получили сколько-нибудь значительного распространения.

Специализация и разделение труда Изменения в крестьянских промыслах, происшедшие под влиянием рынка, способствовали развитию специализации и разделению труда. Так, среди мастеров по изготовлению шерстяных изделий выделились мастерицы, которые славились своими высококачественными бурками. Другие были известны как специалисты по изготовлению войлочных шляп, третьи — своими войлочными коврами, четвертые — как опытные суконщики, пятые — как лучшие мастерицы по пошиву одежды из сукна (черкесок, башлыков, бешметов) и т. д.

Специализация наблюдалась и среди кузнецов, мастеров по дереву и даже среди ювелиров. Из последних выделились опытные мастера по изготовлению мужских поясов и кинжалов,

женских поясов, нагрудников, украшений к шапочкам. Из мастеров по дереву — выделились мебельщики, которых в Кабарде и Балкарии насчитывались единицы, плотники, арчачники и т. д. Конечно, специалисты по тому или иному виду производства делали и другие предметы, но они славились как мастера по отдельным видам ремесла, именно эти их изделия пользовались большим спросом на рынках, оплачивались дороже.

Специализация наблюдалась и между селениями Кабарды и Балкарии. Если Балкария являлась крупным центром производства сукна и войлочных ковров, то Кабарда была известным центром бурочного производства. Что касается ювелирного и седельного производств, то они, имея свои известные центры среди кабардинских селений, почти отсутствовали в балкарских и т. д.

Наиболее отчетливо разделение труда наблюдалось в седельном, кузнечном и арбно-колесном, а также в бурочном и суконном производствах. Изготовлением одного обода, например, были заняты 3—4 человека, а всей арбы 5—6 человек. В бурочном и суконном производствах ручной сортировкой шерсти занимались пожилые женщины и девочки с 10 лет, расческой шерсти — опытные женщины, укладыванием на бурку и тканьем — специальные известные мастера, уваливанием — более молодые и сильные женщины и т. д.

Такая специализация, такое разделение труда способствовали совершенствованию промыслов, повышали производительность труда, создавали новые отношения в кустарном производстве.

**Отходничество.
Обучение ремеслу**

Во второй половине XIX — начале XX в. увеличивается отход ремесленников на заработки. Так, кабардинские кузнецы, арчачники, шорники, ювелиры, мастера по укладке бурок работали в других селениях Кабарды, уходили на работу в Карачай, Балкарию, Ставропольскую губернию, а также во Владикавказ, Моздок, Екатеринодар и даже Тифлис.

Наибольшее число отходников было среди кузнецов, шорников и арчачников. Плотники и особенно арчачники уезжали на работу целыми группами в 5 — 6 человек и более. Часто арчачники и шорники составляли одну группу. Большие их группы работали у крупных предпринимателей Владикавказа и Екатеринодара (ныне Краснодар), поставлявших седла, уздечки, плети крупными партиями казне и казачьим частям. Продолжительность отхода в разных промыслах была неодинаковой. Она колебалась от нескольких дней до нескольких месяцев.

Ремесло передавалось из поколения в поколение. В Кабарде и Балкарии жили потомственные кузнецы, шорники, ювелиры и т. д. Известные мастера имели своих учеников. Обучение кузнечному делу длилось от 6 месяцев (в Балкарии) до одного года,

ювелирному — от года до двух лет, седельному — до одного года. После истечения срока обучения часто ученики на 1—2 года оставались работать у своих учителей в качестве подмастерьев, получая за свой труд примерно $\frac{1}{3}$ заработка мастеров.

Отношения между учителями и учениками ничем не определялись, плата за обучение существовала только в ювелирном производстве. Мастера использовали труд учеников по своему усмотрению, заставляя их выполнять в своем хозяйстве самые разнообразные работы. Более известные мастера имели по 2—3 ученика, которые мало чем отличались от наемных рабочих.

Таким образом, промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в. продолжали играть большую роль в хозяйственной жизни крестьян. Отдельные изделия местных мастеров нередко поднимались до уровня подлинных произведений искусства, становясь культурным достоянием кабардинского и балкарского народов, составляя их национальную славу и гордость.

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ (КОНЕЦ XVIII — XIX в.)

1. РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Первые русские поселенцы появились на Северном Кавказе еще в середине XVI в. Это были беглые русские крестьяне, скрывавшиеся от тяжелого крепостнического гнета и надеявшиеся обрести здесь свободу. Но лишь со второй половины XVIII в., когда этот край вошел в сферу административного управления Российской империи, Северный Кавказ стал заселяться более быстрыми темпами.

Заселение
степного
Предкавказья

В 1765 г. была основана станица Прохладная, возникшая как село «государственных крестьян-малороссиян».

Укрепляя свои позиции на Кавказе, царское правительство еще в 1777 г. начало тянуть цепь старой Кавказской укрепленной линии (Кизляр — Моздок) дальше к Азовскому морю и с этой целью переселило для ее сооружения и несения кордонной службы в районе Большой и Малой Кабарды Волжский казачий полк, переброшенный сюда вместе с семьями в наказание за участие в крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева. В 1786 г. до нового места жительства добралась и первые переселенцы (государственные крестьяне и отставные солдаты), основавшие деревню Приближную и село Солдатская Малка.

Жизнь первых русских и украинских поселенцев была полна невзгод. Большая часть из них попала сюда, скрываясь от властей и самочинно селясь на «пустопорожних» участках или на уже освоенных местах. Предгорья Северного Кавказа заселялись в значительной степени вольными поселенцами, которые состояли почти исключительно из беглых помещичьих крестьян, из преследуемых церковью лиц, бродяг и т. п.

Самодержавное государство, разумеется, не могло опереться в своих колонизаторских планах на беглых крепостных крестьян. Поэтому не успевали еще новоселы осесть, обжиться

и обзавестись хозяйством, как все они обращались властями в «тяглых людей» — государственных крестьян. Их вносили в ревизские списки и облагали «общероссийскими тягостями».

В то же время царское правительство с целью расширить базу крепостнической эксплуатации, ускорить подчинение этого края своей власти и закрепиться на Кавказе пыталось создать себе опору путем превращения казачества в замкнутое военное сословие и раздачи земель русской и местной феодальной знати. Всего до 1804 г. в предкавказских степях было отдано помещикам 623 306 десятин.

Крепостническая политика царизма

В условиях наступившего кризиса крепостнической системы царское правительство пыталось заменить на Кавказе часть своих войск линейными казаками, которые обязаны были сами содержать себя на службе. Поэтому значительная часть крестьян-переселенцев, образовавших в XVIII в. Прохладную, дер. Приближную, с. Солдатская Малка и др., в которых они занимались мирным трудом, в дальнейшем была обращена в казаков и наделена земельными угодьями на условиях средневекового пользования землей за службу.

Казаки освобождались от налогов, но зато на них распространялась обязательная военная служба. Так создавались условия для расчленения трудового русского населения на казаков и «пшгородних» мужиков, для превращения казачества в привилегированное военное сословие. Характерно, что кабардинцы не делали различия между простыми русскими и украинскими крестьянами, но очень отчетливо представляли себе отличия, которые имели между собою *къззак* — казак и *мыжьык* — мужик.

Занятия новых поселенцев

Основным занятием русского населения Кабарды и Балкарии было земледелие. Поначалу новоселам было выгодно вести переложную систему полеводства, обеспечивавшую им лучший урожай. Поэтому, получив сряду три урожая, они оставляли это поле в бездействии до десяти лет и более. В дальнейшем они перешли к более совершенной для того времени трехпольной системе земледелия с плодосменным севооборотом. Русские поселенцы сеяли не только «серые хлеба» — рожь, овес, ячмень, но и пшеницу, просо, а также горох, лен, коноплю; они разводили также сады, огороды, виноградники, бахчи. В меньшей степени было развито у них скотоводство. Кроме того, переселенцы в небольших размерах занимались пчеловодством, покупая для этого плетенные из прутьев хворостяные улья — сапетки у местных жителей.

Среди новоселов развиты были и мелкие крестьянские промыслы, которыми они занимались в свободное от полевых работ время. Например, выжигом угля, извозом и др.

2. СВЯЗИ РУССКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ С КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Хозяйственная деятельность первых русских новоселов, их образ жизни и упорный труд по освоению плодородных степей Предкавказья оказали глубокое воздействие на весь уклад жизни

Хозяйственные
связи

кабардинского и балкарского народов, усилив, в частности, их тягу к земледелию. Как сообщал командующий войсками Кавказской линии военному министру в 1842 г., под влиянием русских поселенцев «кабардинцы начали приметно более заниматься хлебопашеством», и поэтому с того времени в Кабарде впервые «встречается действительный земельный недостаток». Укрепление экономических связей между русскими и кабардинцами имело большое значение не только для подъема производительных сил края, но и для развития дружбы между ними. Когда в начале XIX в. моровая язва истребила в Кабарде почти половину жителей, то ее представители заявили, что «ежели бы Россия не помогала... хлебом, то бы... и последние померли голодною смертию».

Благодаря тому, что местные жители перенимали у русских крестьян их приемы земледелия, стали сеять пшеницу, рожь, научились выращивать капусту, помидоры и другие культуры, разводить бахчи, «свиристествовавший в 1833 г. голод [уже] не имел больших последствий» в их селениях. Недостающий им хлеб кабардинцы и балкарцы выменивали в русских селах и казачьих станицах на скот, продукты своего труда и на лес, вывоз которого стал для них обычным занятием.

По мере укрепления хозяйственных связей местных жителей с окрестным русским населением «равномерно и русский язык делается необходимым». Отражением этого явились новые слова, заимствованные кабардинцами из русского языка, чтобы точнее и полнее выразить новые понятия и явления: *дестына* — десятина; *цепр* — цепь; *кэнауэ* — канава; *кэртлоф* — картофель; *кэбыстэ* — капуста; *шей* — чай и многие другие.

Важным звеном в расширении взаимосвязей русских и кабардинцев являлось отходничество. По свидетельству газеты «Кавказ», из русских сел и станиц «казаки, оставшие солдаты, мещане ездят в Кабарду к князьям и богатым узденям на работы, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания». Кабардинцы и балкарцы учились у русских мастеров строить русские дома и печи, обрабатывать железо методом горячейковки и т. д.

Русское трудовое население явилось носителем прогрессивного влияния на весь уклад жизни народов Северного Кавказа. Установление близких экономических связей между ними вело

также к усилению взаимовлияния в культуре и быте. В свою очередь и русские повоселы многое восприняли от кабардинцев, балкарцев, осетин и других народов Северного Кавказа: переняли одежду и другие элементы материальной культуры, способ содержания скота, ряд полезных сведений по пчеловодству и выращиванию винограда, многие обычаи, научились готовить их национальные блюда и т. п.

Общность классовых интересов По мере того как обживались новоселы, в их среде все яснее вырисовывалось имущественное неравенство и углублялась социальная рознь. Все больше становилось в русских селах и казачьих станицах хозяев «без хозяйства». Одновременно с этим из года в год возрастало число богатых дворов, хозяева которых содержали много скота, имели большие доходы от посевов хлеба и виноградников. Эти резкие имущественные различия, приведшие и к социальному неравенству, уже вполне обнаружили к началу пореформенного периода.

Крестьянское движение в русских селах и станицах, где социальные противоречия были обнажены острее, оказывало непосредственное воздействие на кабардинскую и балкарскую бедноту, на пробуждение классового самосознания среди горских крестьян, опутанных старыми патриархальными отношениями. Не случайно поэтому «значение холопского вопроса наиболее проявляется в тех местностях, которые смежны с русским населением и казаками из туземцев, а именно: по Малке и Тереку...»

Большое сочувствие у кабардинской и балкарской бедноты вызвало восстание русских крестьян в Масловом Куте (1853 г.), жестоко подавленное царизмом. Многие его участники (Василий Гуляев и др.) бежали в Нальчик и другие горные местности, где скрывались от преследований.

Особенно заметно увеличилось влияние русских крестьян на пробуждение антифеодальной борьбы кабардинцев и балкарцев в эпоху падения крепостного права в России. Именно под влиянием слухов «о крестьянской воле», распространяемых русскими крестьянами, резко обострились классовые противоречия и в горской деревне. Под непосредственным впечатлением от встреч с простыми русскими людьми — крестьянами, солдатами, мелкими служащими — кабардинские и балкарские крестьяне отвергали все попытки «мирно уладить» их отношения с феодалами, «примирить» их с владельцами и т. д. Русские люди по-своему, с позиций крестьянских интересов, объясняли горским крестьянам законы, их права и т. д.

В результате влияния «русских агитаторов», которые «возмущают холопов против владельцев, растолковывая им о... манифесте» 19 февраля 1861 г., крестьяне сел. Бабуковского наотрез отказались от разбора своих взаимоотношений с владельцами

в кабардинском суде. «Мы должны разбираться,— писали они,— по правам российских законов, а не стариками, избранными от общества, которые из уважения к владельцам делают все то, что им заблагорассудится, а наши справедливые жалобы в резон не принимают».

Так начала складываться общность интересов русских и горских низов в их революционно-освободительной борьбе против своих общих угнетателей.

3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В результате падения крепостного права в Центральной России численность русского населения Кабарды и Балкарии заметно увеличилась, изменился его социальный состав, а его роль в хозяйственной и общественной жизни края значительно возросла. Дело в том, что после реформы 1861 г. многие крестьяне густонаселенных центральных губерний по существу остались без наделов и бежали куда глаза глядят, лишь бы обзавестись своим клочком земли.

Рост русского населения

В это время наблюдается быстрый рост населения в русских станицах и хуторах, а также появление новых населенных пунктов. Так, например, число дворов с 1865 по 1889 г. в станице Екатериноградской увеличилось с 336 до 599, в станице Прохладной — с 228 до 736, в станице Солдатской — с 208 до 375 и т. д. А в 80—90-х годах в Нальчикский округ переселилось еще более тысячи семейств.

Как писал В. И. Ленин, наличие на Кавказе еще не занятых, свободных земель и легкая доступность этого края для переселенцев привели к тому, что «в пореформенную эпоху происходила... сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России»¹.

Причем в заселявшихся степях Северного Кавказа развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре России и тем более, чем в соседних с ними Кабарде и Балкарии.

Рост спроса на землю

В 80-е годы и особенно в 90-е годы XIX в. в некоторых станицах посевы озимых хлебов почти целиком были перенесены с юртовых казачьих земель на арендованные участки. В связи с этим наблюдается рост цен на землю; если в 70-х годах земель-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 594.

ные участки (удобные и плодородные) продавались по цене от 3 руб. 50 коп. до 7 руб. за десятину, то в 90-е годы цены возросли до 75 руб., а к 1913 г. уже равнялись 300—350 руб.

Арендная цена в 1874 г. была менее 1 руб. за десятину, а 10 лет спустя за нее уже приходилось платить от 5 до 10 руб. под посев и от 4 до 5 руб. под сенокос. Даже казакам, находившимся в более выгодных условиях, приходилось брать в аренду земли далеко на стороне и с 80—90-х годов ездить из Прохладной уже «за 50 верст в Кабарду, для аренды чужой земли за такую годовую плату, за половину которой 10—12 лет назад ту же землю можно было купить; между тем,— как утверждала газета «Терские ведомости» 16 августа 1896 г.,— это столько же несомненный факт, сколько и грустный».

Что же касается русских и украинских крестьян-переселенцев, то почти все они оседали на участках, арендуемых втроедорога у казаков и крупных кабардинских землевладельцев. Их обзаведению землей препятствовало «Положение о поземельном устройстве станиц», принятое Государственным советом в 1869 г., по которому наделы, отведенные станицам, состояли в общинном владении общества каждой станицы и потому никакие угодья в черте станичного юрта не могли переходить в личную собственность.

До какой степени была сильна власть средневекового землевладения, видно из данных о сл. Нальчик, где население разделялось на «коренных» и «пристяжных». Первоначально все жители слободы (и старые служилые солдаты, и новоселы из разных концов страны) пользовались угодьями на равных основаниях. Но затем «коренными жителями» слободы Терское областное правление утвердило только 201 семью, успевшую до 1871 г. обзавестись в Нальчике своими дворами, остальные 209 семей должны были покинуть свои обжитые за десятки лет места и искать новое место жительства.

Но старая система землевладения уже глубоко противоречила потребностям капиталистического развития и ее ломка становилась экономической необходимостью.

Социальное расслоение в русских селах и станицах

Важным показателем социального расслоения казачества и русских поселенцев является наличие тягловой силы в их хозяйствах. Подворные подсчеты показывают, что в конце 80-х годов последняя распределялась между отдельными хозяйствами крайне неравномерно. В станице Прохладной более 10 волов имели 28 хозяйств, от 6 до 9 волов — 124 хозяйства, от 2 до 5 — 240 хозяйств, 58 дворов, или 13% от общего числа хозяйств, не имели тягловой силы вообще. Такое же положение наблюдалось и в станице Екатериноградской, в которой, по данным 1874 г., 24 богатые семьи, составлявшие $\frac{1}{10}$ общего числа дворов, держали в своих руках почти третью

часть всех волов, а 16 семейств вовсе не имели рабочего скота. Даже по официальным данным в 1889 г. в станицах и русских селах Нальчикского округа значительная часть крестьян и казаков не имела ни лошадей, ни рабочего, ни даже мелкого скота. Из 2484 хозяйств станиц и сел округа, 321 хозяйство не имело лошадей, 163 — рабочего скота и 639 хозяйств не имели мелкого скота.

Одни хозяйства расширяли запашку, приспособляясь к потребностям капиталистического рынка, и, не управляясь уже своими силами, были вынуждены прибегать к наемному труду.

Другие же, напротив, разорялись, становились безземельными и безлошадными. Разорившимся крестьянам приходилось наниматься в работники к своим богатым одностаничникам, перебиваться посторонними заработками, «пускаться в отхожий промысел».

Наемный труд в земледелии и применение машин Распространение наемного труда в пореформенную эпоху и рост применения машин прослеживаются с 80-х годов XIX в. во всех русских поселениях и казачьих станицах Кабарды и Балкарии. Прежде всего число наемных работников пополняли бедные и разорившиеся односельчане и одностаничники. Вместе с тем широко практиковался наем поденных рабочих, приходивших на заработки из Центральной России, Кабарды, Балкарии, Осетии и т. д.

Приток сезонных рабочих в Терскую область, в частности в Нальчикский округ, ежегодно увеличивался, но он не удовлетворял возрастающие потребности отдельных предпринимателей. В Прохладной, например, в 90-е годы XIX в. стало крайне трудно «добыть» рабочих, так как все пришлые на заработки крестьяне «перехватывались» тавричанами. Поэтому хлеб отдавали жать даже исполу, а поденная плата доходила до 1 руб. 50 коп. на хозяйских харчах. Нужны были более совершенные орудия, с помощью которых можно было бы повысить производительность труда и обходиться меньшим количеством наемных рабочих.

В русских селах и станицах постепенно происходит процесс вытеснения примитивных сельскохозяйственных орудий более усовершенствованными. Еще в 1883 г. на долю Нальчикского округа приходилось: 3 паровые молотилки из 4 имевшихся на всю Терскую область, 3 жатки (из 49), 3 конные молотилки (из 59), 2 веялки (из 61) и ни одного усовершенствованного плуга из 153 бывших в области. В этом отношении Нальчикский округ сильно отставал от соседних Пятигорского и Владикавказского округов.

Но уже в 1896 г. газета «Терские ведомости» отмечала заметное стремление к перемене земледельческого инвентаря

у казачьего населения стапц. В некоторых из них с приобретением усовершенствованных орудий запашки увеличились чуть ли не втрое. Резкое увеличение запашек, расширение посевов на арендованной земле с целью «нажить деньги» указывают на процесс перехода от натурального земледелия к торговому, капиталистическому.

**Процесс
капитализации
сельского хозяйства**

В сельском хозяйстве русского населения Нальчикского округа в пореформенный период, как и у кабардинского населения, преобладало мелкотоварное производство.

Зажиточное же крестьянство и казачество и отчасти середняки, развивавшие торгово-капиталистическое земледелие, редко обходились без найма поденщиков в разгар уборки хлебов, а также без аренды новых земельных угодий на стороне. Достаточно сказать, что прохладненские казаки, имея около 28 тыс. десятин юртовского земельного надела, в конце прошлого века ежегодно распахивали не более 3 тыс. десятин станичных земель под посевы льна, проса и овса, а под пшеницу арендовали большие массивы у крупных кабардинских владельцев. В этом сказывалось стремление зажиточных хозяев высвободиться из средневекового ярма войскового землевладения.

Местная пресса указывала на прямую зависимость казачьего земледелия и всего уклада жизни казаков от рынка. «Лен, овес и просо станичники... сеяли исключительно для продажи (собственная потребность на них невелика), чтобы на вырученные деньги заплатить долги, покрыть необходимые нужды по хозяйству и снарядиться на службу», — писала газета «Терские ведомости» в 1895 г.

Что же касается хозяйства русских и украинских крестьян-новоселов, то оно находилось в еще большей зависимости от развития товарного земледелия. Большинству новоселов в первый период жизни на новом месте приходилось батрачить, и только части из них удавалось обзавестись хозяйством на арендованных землях.

Развитию капитализма в сельском хозяйстве Нальчикского округа содействовали шесть различных кредитно-банковских учреждений, открытых к исходу XIX в. на Терекe. Несомненно, это был прогресс, по прогресс именно капиталистический, со всеми его противоречиями: конкуренцией, борьбой за хозяйственную самостоятельность, перебиванием земли (покупаемой и арендуемой), сосредоточением производства в руках меньшинства, выталкиванием большинства в ряды пролетариата и его эксплуатацией. Этот прогресс был во многом достигнут ценой усиления капиталистической эксплуатации массы крестьян-переселенцев, устремившихся на окраины Российской империи.

Развитие товарного земледелия в степной полосе Кабарды, происходившее в пореформенную эпоху, привело к появлению

новых центров торговли — сл. Нальчик и станции Прохладной. В Нальчик из Москвы, Нижнего Новгорода, Иваново-Вознесенска и других городов Центральной России завозились мануфактурные, галантерейные, бакалейные, кожаные и другие изделия. В 80-х годах XIX в. общая сумма ввоза достигла

Появление новых центров торговли

800 тыс. руб., а в начале XIX в. перевалила за миллион.

Еще большее значение приобрел прохладненский базар, расположенный на перекрестке железной и старых гужевых дорог. Здесь не только наблюдался громадный привоз товаров как из окрестных, так и из отдаленных мест, но и образовался даже рабочий рынок, куда съезжались наниматели.

4. УЧАСТИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОСВОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

Острое малоземелье русских крестьян-переселенцев вызвало их недовольство, открытый протест и столкновения с крупными землевладельцами, нараставшие на протяжении

Обострение классовых противоречий

всего пореформенного времени. Недовольство малоземельем перекликалось с возмущением непосильными налогами, произволом сельских властей и всей царской администрации. Капиталистический гнет породил здесь и новую форму

классовой борьбы между крестьянином-батраком и сельской буржуазией: стачки наемных работников, отказ работать за низкую плату, уход с работы из-за «плохих харчей» и т. п., которые ежегодно повторялись почти во всех поселениях и станциях.

В жандармских политических обзорах терских станиц царские чиновники писали, что «казачество и немцы-колонисты настолько благоустроены и так мало восприимчивы... что... волнений в этой среде предположить невозможно». И царизм делал все возможное, чтобы превратить казачество в свою надежную опору. В 1888 г. с этой целью было проведено административное преобразование, следствием которого тяготевшие к Кабарде станицы Прохладная, Солдатская и другие включались в Пятигорский (казачий) отдел, а Малая Кабарда подчинялась Сунженскому отделу. Но, вопреки прогнозам жандармов и усилиям царизма, с развитием капитализма и в среде казачества неудержимо происходил процесс расслоения, приведший к обострению классовой борьбы. Сильное сопротивление низового казачества вызвал произвол царской администрации в период чумных заболеваний скота в 90-е годы XIX в., установившей «разорительные карантинные меры», вследствие чего «многим хозяевам не удалось произвести распахки и посеять... хлеба».

Земельный паи казака, который мог бы с избытком удовлетворять непосредственные потребности казачьей семьи, становился уже недостаточным для того, чтобы рядовой казак отбывал свою служебную повинность, приобрел снаряжение и строевую лошадь. В результате казачество Прохладной, Котляревской, Екатериноградской и других станиц постоянно жаловалось на малоземелье, «нехватку пастбищ», «скудость в доходных источниках». Несмотря на сдержанность казачьих прошений, в них прорывалось чувство недовольства своим положением, протеста против обременительной казачьей службы. Так постепенно под воздействием ломки старых устоев жизни возникали условия для изменений в мировоззрении и социальной психологии казачества.

**Революционные
разночинцы
в Кабарде и Балкарии**

Выразителями социальных интересов и идей мелкого производителя были революционеры-разночинцы, представлявшие идеологию народничества. Документы позволяют обнаружить следы их деятельности в Нальчикском округе на протяжении почти всей пореформенной эпохи. Одной из первых была учительница Охрименко, которая в начале 70-х годов XIX в. поселилась «с пропагандистскими целями» в станице Екатериноградской и вела «крамольные разговоры» со станичниками, вследствие чего подверглась преследованию властей.

В конце 70-х и в 80-е годы в Нальчик неоднократно приезжали из Ставрополя и по несколько месяцев задерживались здесь известный жандармским властям организатор «сходок лиц противоположительственного направления» Я. Абрамов и участница этих «сборищ» Л. Благоданова, мать которой жила в Нальчике. Они хранили у себя запрещенные книги. За каждым их шагом в слободе власти вели секретный надзор.

В станицу Прохладную, «на родину» — по месту службы отца — по высочайшему повелению в 1881 г. был сослан и подчинен гласному надзору полиции на 5 лет К. Роскиков, изобличенный властями в печатании на гектографе «значительного числа экземпляров программы революционного содержания» и распространении нелегальных изданий, а также в общении с такими выдающимися революционерами, как С. Перовская, В. Фигнер и др. Участь ссылки с ним разделила и его жена А. Ефимова, тесно связанная с подпольем Тифлиса. Уже в период ссылки Роскикову срок надзора был увеличен еще на два года.

В 80-е годы в сл. Нальчик и в округе проживали: Ливанова, подвергнутая по высочайшему повелению гласному надзору полиции; участники студенческих беспорядков в Москве Тесленко и Рябов; бывший студент Московского университета Преселков, высланный в станицу Екатериноградскую; Коробьин,

состоявший под надзором в Куркужише; Баранов, отданный «под особый надзор полиции по месту жительства отца его в сл. Нальчик», а также Радченко, известный на весь Северный Кавказ распространитель подпольных революционных изданий.

**«Проповедники
социализма» среди
местных жителей**

Заслуга русских разночинцев заключается, в частности, в том, что они явились первыми «проповедниками социализма», первыми революционерами, которые стали вести работу в Кабарде и Балкарии. Революционеры-разночинцы искали себе единомышленников среди русского населения сл. Нальчик и в казачьих станицах округа, поддерживали нелегальную связь с Москвой, Петербургом и другими городами, а также пытались оказывать воздействие на горскую молодежь. В письме Г. Здановича (1875 г.), которое как материал обвинения было оглашено на суде во время «процесса 50», говорилось: «Приехал Мут (рук.) сюда и рассказал много утешительного насчет Кабарды. Сильное возбуждение в местной молодежи, борьба партий (политиканов и социалистов), социалисты берут верх. Вообще страшная оживленность и жизнь»¹.

О влиянии русских революционеров на горскую молодежь свидетельствует и тот факт, что даже в захолустной слободе Нальчик жандармскому управлению пришлось в 1877 г. установить за учителем И. Веру негласное наблюдение с целью принятия мер «к устранению вредного со стороны г. Веру влияния на учащееся в Нальчикской школе юношество» из горской среды. Веру был связан с «Южнороссийским союзом рабочих» (1875 г.) и «привлекался к дознанию по делу об устройстве в Одессе дворянином Евгением Заславским среди рабочих революционного кружка», но после разгрома этой организации ему пришлось уехать из Одессы в Нальчик. Но и отсюда он продолжал поддерживать нелегальные связи и заниматься на месте пропагандистской работой.

Таким образом, первыми, кто занес в Кабарду и Балкарию искру революционно-освободительного движения, были русские революционеры-разночинцы и первые рабочие, попавшие сюда в ссылку в пореформенную эпоху.

КАБАРДА И БАЛКАРИЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ

На рубеже XIX и XX вв. Россия вступила в эпоху империализма. Развитие капитализма «вширь и вглубь» в начале XX в. происходит очень интенсивно. В результате националь-
ные окраины, в том числе Кабарда и Балкария, еще более втягиваются в общероссийский экономический рынок.

Рост товарности
земледелия

Капитализация сельскохозяйственного производства в Кабарде в эти годы приобретает уже повсеместный характер и проявляется в значительном росте товарности земледелия. Из года в год происходит расширение посевных площадей, изменение структуры полевых культур. Наблюдается тенденция к применению рациональной агротехники и использованию новых орудий производства. По неполным данным, посевная площадь в Кабарде накануне революции возросла с 36 791 дес. в 1900 г. до 61 086 дес. в 1905 г. Под воздействием рынка традиционная культура — просо — продолжает вытесняться кукурузой, пшеницей, ячменем, избыток которых идет на внутренний рынок России, на водочные и крахмальные заводы.

Что касается горной Балкарии, то посевные площади здесь оставались незначительными (в 1900 г. — 1942 дес. в 1906 г. — 1864).

По мере втягивания земледелия в русло капиталистического развития средневековая техника продолжала заменяться новыми сельскохозяйственными орудиями, появился интерес важиточных крестьян к агрономии. В результате в полеводстве Кабарды наблюдаются некоторые успехи. Об этом свидетельствовала и Терская областная сельскохозяйственная выставка в станице Прохладной в 1900 г. На ней за лучшие

сорта проса сельские общества Кошерово (ныне Кеже), Докшоково (Старый Черек), Клишбиевское (Нарган) получили похвальные листы.

Вместе с тем Кабарда становилась вывозящим районом. С начала XX в. вывоз хлеба из Кабарды систематически возрастал и в 1907 г. увеличился в 3 раза, достигнув тем самым рекордной цифры. Первое место по вывозу сельскохозяйственных продуктов занимали русские станицы, прилегающие к железнодорожным станциям, затем кабардинские селения.

Конечно, товарность сельского хозяйства росла главным образом за счет помещичьих и кулацких хозяйств, остальная же масса крестьянства, живя впроголодь, продавала продукты сельского хозяйства по необходимости, для уплаты различных налогов, податей, мирских сборов и других нужд.

Продолжало развиваться огородничество и садоводство. В 1900 г. в Кабарде и Балкарии насчитывалось 42 сада с общей площадью в 136 дес., под огородами же находилось 1123 дес. Возрастала и доходность пчеловодства.

Развитие скотоводства

Все более товарно-капиталистический характер принимало в начале XX в. в Кабарде и Балкарии и скотоводческое хозяйство. Однако поголовье скота росло медленно. Так, за период с 1900 по 1904 г. количество лошадей увеличилось с 50 794 до 63 424 голов, крупного рогатого скота — с 186 124 до 223 737, а число овец и коз даже несколько сократилось.

Скотоводство в Кабарде и Балкарии по-прежнему носило экстенсивный характер, молочная продуктивность его была весьма незначительной. Новый сыроваренный завод, открытый в Баксанском ущелье в 1903 г., из-за недостатка средств был вскоре закрыт.

Царское правительство, будучи заинтересовано в кабардинском коневодстве для военных целей, всячески поддерживало его и открывало здесь племенные рассадники, государственные конюшни с породистыми производителями. Кабардинские лошади по-прежнему пользовались признанием и спросом. На выставке 1900 г. в Прохладной по отделу коневодства шесть человек из Кабарды и Балкарии были награждены серебряными медалями и восемь — бронзовыми.

Крупные скотоводы Кабарды и Балкарии ежегодно поставляли огромные количества лошадей и овец для царской армии, продавали скот на ярмарках Моздока, Пятигорска, Тифлиса и в других местах. В 1901 г., например, было продано 44 324 головы различного скота на сумму 295 624 руб., в 1905 г. — 56 887 голов на 666 916 руб. Главными поставщиками скота на рынок были крупные коннозаводчики. Только в 1900—1904 гг. кабардинские коннозаводчики Атажукины и Мисосто-

вы продали в казачьи части около 6 тыс. лошадей по цене от 120 до 250 руб., т. е. более чем на 1 млн. руб.

Мелкая промышленность

Исходным пунктом развития капитализма в промышленности, по определению В. И. Ленина, является мелкотоварное производство. Наряду с бурочным, суконным, седельным, кузнечным промыслами в начале XX в. в Кабарде и Балкарии развивался и лесной промысел, являвшийся важной статьёй дохода в крестьянском хозяйстве. Им занималось главным образом беднейшее крестьянство, которое из-за нужды в деньгах для расплаты с налогами вынуждено было в ущерб своему хозяйству за несколько десятков километров возить лес на ярмарки в Пятигорск, Моздок и продавать его там за бесценок.

Что касается зажиточной части населения, то, располагая капиталом, она брала на откуп у местных властей выдачу квитанций и ордеров на порубку и вывоз леса или арендовала лесные разработки.

Другие же природные богатства Кабарды и Балкарии использовались плохо, промышленность — как обрабатывающая, так и добывающая — не получила развития. К началу XX в. вся промышленность Нальчикского округа состояла главным образом из водяных мельниц на один-два постава да полдесятка черепично-кирпичных заводов кустарного типа.

В 1900 г. в Кабарде и Балкарии насчитывалось 342 мелких предприятия с 423 рабочими; валовая продукция их составляла 41 565 руб. В 1906 г. было 395 предприятий, на которых работало 475 человек; валовая продукция равнялась уже 106 432 руб. Таким образом, количество предприятий за указанный период возросло всего на 8,8%, число рабочих в них осталось почти неизменным, а валовая продукция увеличилась более чем в два с половиной раза. Это достигалось главным образом за счет роста производительности труда и непомерной эксплуатации рабочих.

Некоторого развития достигли и торговые предприятия Кабарды и Балкарии. Число торговых заведений в округе с 1900 по 1906 г. возросло с 310 до 559, а сумма их оборота — с 290 тыс. до 430 тыс. руб.

В целом же Кабарда и Балкария накануне и в период первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. представляли собой отсталую аграрную окраину царской России. Однако проникновение капиталистических отношений в экономику края и на этой стадии заметно привело к усилению социальной дифференциации кабардинской и балкарской деревни и обострению классовых противоречий.

2. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И РОСТ КЛАССОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ДЕРЕВНЕ

Одной из особенностей землевладения в Кабарде и Балкарии в конце XIX — начале XX в. было то, что значительная часть прежней феодальной знати, не сумев на первых порах приспособиться к новым капиталистическим условиям, стала закладывать или продавать свои земли. Только в одном 1900 г. по Нальчикскому округу было заложено около 30 тыс. дес. земли. Арендаторами и скупщиками этих земель были кулаки-переселенцы и нарождавшаяся местная сельская буржуазия. Те князья и дворяне, которые сумели организовать свое хозяйство на новых началах, расширение его стали производить путем купли и аренды, а также захватов общинных земель.

**Развитие
частного
землевладения**

Так, кабардинские князья Наурузовы и Атажукши захватили огромные участки земли, до 5 тыс. дес., в нагорной полосе, часть которых сдавали затем в аренду балкарским и кабардинским крестьянам. В целом частное землевладение в то время представляло следующую картину:

	Количество десятин земли					
	до 50	от 50 до 100	от 100 до 200	от 200 до 500	от 500 до 1000	свыше 1000
Число хозяйств	44	20	54	120	11	4

Несомненно, что хозяйства, имевшие от 50 до 100 дес., принадлежали к кулацким. По данным Ставропольской казенной палаты, в Кабарде и Балкарии в 1905 г. все частные землевладельцы имели 60 923 дес. земли, что составляло примерно 25% того, чем владело все кабардинское и балкарское крестьянство, т. е. частное землевладение увеличилось по сравнению с 90-ми годами XIX в. примерно в три раза. Землевладение развивалось главным образом за счет роста кулацких хозяйств.

**Разложение
крестьянской общины**

В начале XX в. земля в кабардинских селениях делилась подворно, что выгодно было зажиточным крестьянам, имевшим много волов и лошадей. Многие хозяйства, не располагая достаточным тяглом для полной плужной запряжки, хотя и получали земельный надел, но самостоятельно своими силами обрабатывать его не могли и должны были соединяться по нескольку хозяйств вместе и, конечно, обрабатывали свои наделы далеко не полностью.

Особенно острым был земельный вопрос в Балкарии, где 428 дворов (30% всех хозяйств) не имели пахотных земель, а более половины крестьянских хозяйств имело ничтожные клочки от 0,25 до 0,5 дес. В то же время в руках таубнев, составлявших 6% населения, было сосредоточено 20% пахотной земли, 43% покосной и 30% пастбищ.

Ко времени революции 1905—1907 гг. в Кабарде и Балкарии отчетливо определились две основные социальные группы крестьянства: с одной стороны, сельская буржуазия — кулачество, ростовщики, с другой — деревенская беднота, у которой, как отмечалось в инвентарных описях, кроме «сакли с ружьядью» ничего не было. Промежуточное положение между ними занимали середняки, экономическое положение которых было неустойчивым.

Расслоение среди русских крестьян и казачества

Еще более тяжелым было положение «пногородник» русских крестьян, среди которых малоземелье ощущалось острее. Как правило, они не имели прав на земельное довольствие и вынуждены были арендовать землю на самых кабальных условиях. Так, по далеко не полным данным, пногородние слободы Налъчик ежегодно арендовали у кабардинских князей и кулаков 230 дес. земли и платили около 2,5 тыс. руб. арендной платы, т. е. в среднем около 11 руб. за десятину, тогда как средняя цена за аренду пахотной земли равнялась 5—6 руб.

Казачество также не было однородным. Под влиянием быстро развивающихся капиталистических отношений оно расслаивалось на зажиточную часть и казачью бедноту. Из-за малоземелья станичная беднота вынуждена была прибегать к аренде земли у богатых казаков. Развивалась субаренда, на которой кулаки наживали себе невиданные барыши. В станице Прохладной, например, зажиточные казаки арендовали участки у казны по 30 коп. за десятину, а сдавали ее малоземельным крестьянам и казакам по 20 руб.

Кредитные учреждения, банки

Проникновение капитализма в экономику народов Северного Кавказа привело также и к возникновению в этом крае кредитно-ссудных и банковских учреждений. Еще в конце XIX в. в Моздоке был учрежден общественный банк с основным капиталом в 10 005 руб., в выборах правления которого участвовали доверенные и от Кабарды. В 1904 г. в станице Прохладной было открыто отделение «Агентства Русско-Китайского банка».

Продолжало существовать и развивало свою деятельность «Управление кабардинской общественной суммы». Основной капитал его и ссудные операции ежегодно возрастали.

В 1900 г. на его текущем счету было 130 143 руб., а в 1905 г. — уже 173 462 руб.

В 1907 г. на жителей Терской области, в том числе и на население Нальчикского округа, была распространена деятельность Крестьянского поземельного банка. Через свои отделения на Северном Кавказе он предоставлял кредит местным помещикам, кулакам и зажиточным крестьянам для организации хозяйства на капиталистической основе.

Соблазняясь обманчивой перспективой восстановить свою хозяйственную состоятельность, многие горцы стали приобретать через этот банк земельные участки. В 1903 г., например, в Нальчикском округе возникло 39 крестьянских товариществ, которые на кооперативных началах приобретали земли через поземельный банк. Но условия кредита были настолько тяжелыми, что крестьяне попадали на долгие годы в кабалу. Деятельность Крестьянского банка приводила к еще большей дифференциации и обострению классовых противоречий в кабардинской и балкарской деревне.

Формы и методы эксплуатации

Формы и методы эксплуатации горского крестьянства были самыми разнообразными. К средневековой кабале помещиков теперь прибавлялся капиталистический гнет. Самой кабальной формой эксплуатации по-прежнему оставалась «бегенда», представлявшая собой своеобразное ростовщичество, но в наиболее хищнической его форме.

Дело в том, что земля, отданная под залог ростовщику на правах бегенды, не только находилась в фактической собственности займодавца, пока не будет уплачен весь долг, но, кроме того, крестьянин, сдавший свою землю под бегенду, продолжал полностью нести все связанные с ней налоги и повинности.

Другой формой эксплуатации, широко практиковавшейся в Балкарии, являлся «ортак», который приобрел в новых условиях капиталистические черты. Безземельные и не имеющие скота крестьяне прибегали к аренде земли и скота у кулаков на самых кабальных условиях. Характерной особенностью ортака на скот было то, что по истечении срока, обусловленного договором, арендатор должен был возвратить хозяину арендованный скот с приплодом и только часть последнего по усмотрению хозяина давалась в виде вознаграждения за труд арендатору.

Существовали и другие формы эксплуатации. Одной из таких форм, практиковавшейся в эпоху капитализма, была аренда. Она носила различный характер. Кулацко-помещичья аренда преследовала цель наживы. Кулаки скупали и арендовали земли у помещиков для расширения своего хозяйства и спекулятивных целей. Малоземельное же крестьянство прибе-

гало к этой форме по нужде, арендуя пахотные земли и пастбища для скота за высокую цену. Так, жители с. Гунделен в 1906 г. только одному князю Атажукину за аренду пастбищных земель уплатили 5 тыс. руб.

Наряду с денежной платой за аренду существовала и натуральная в виде определенной части урожая. Эта форма аренды была еще более кабальной и нередко составляла половину, а то и две трети урожая. Для обозначения ее в Кабарде употреблялся термин *нынъузъ*, в Балкарии — *ортак*. Существовали и скрытые формы эксплуатации, как, например, работа «за харчи» (*къарын жалчи*), практиковавшаяся на кошах.

Крестьянское население жестоко эксплуатировали и ростовщики, барышники, разного рода спекулянты, наживавшие на ссудных операциях невиданно высокие проценты. Давая в кредит деньги, они брали проценты натурой. Появление скупщиков, ростовщиков, рост кулачества свидетельствовали о том, что в кабардинской и балкарской деревне шел процесс расслоения крестьянства, происходивший на базе складывающихся капиталистических отношений.

**Усиление
налогового бремени** Крестьянство Кабарды и Балкарии находилось под гнетом не только местных кулаков и помещиков, но и царского самодержавия. Одной из форм колониального угнетения была налоговая политика царизма. Из казенных налогов самым тяжелым была подъемная подать, замененная затем оброчным налогом. Последний распределялся внутри крестьянской общины путем уравнительной раскладки по принципу подворного землепользования. Такой порядок был выгоден для зажиточных элементов деревни, которые вели свое хозяйство в широких размерах, имели много земли и скота, а платили наравне с малоземельными бедняками.

Помимо казенных налогов, существовали, как и прежде, разного рода мирские сборы. Увеличение административного аппарата колониальной власти приводило к тому, что платежи на «мирские» нужды все более возрастали. Если в 1901 г. было уплачено 105 тыс. руб. мирских сборов, то в 1905 г. они возросли почти в полтора раза и достигли 154 тыс. руб. Кроме денежных налогов, существовали также многочисленные натуральные повинности: подводная, дорожная и пр. Накануне революции натуральная подводная повинность была заменена денежным налогом, который выразился в сумме 4106 руб. ежегодно.

В среднем кабардинское и балкарское крестьянство должно было выплачивать всякого рода казенных и местных платежей около 30 руб. со двора и не вылезало из недоимок, которые из года в год увеличивались. В 1901 г. недоимки по всему округу составляли 23 719 руб., а в 1906 г. — уже 87 747 руб.

Казенные налоги и подати, натуральные и денежные повинности, всякого рода поборы, связанные с родовыми и религиозными обычаями в пользу князей, кулаков и мусульманского духовенства, доводили и без того скудное хозяйство кабардинцев и балкарцев до полного разорения. В результате малоземелья и нищеты в кабардинской и балкарской деревне стал формироваться слой батрачества, росло отходничество.

Чтобы кое-как свести концы с концами в своем хозяйстве, разорившийся крестьянин, не находя работы на месте, вынужден был уходить на заработки в помещичьи и кулацкие хозяйства Терской и Кубанской областей, другие районы Российской империи и даже за границу. По свидетельству газеты «Терские ведомости» (в 1906 г.), отходники из Кабарды и Балкарии работали на грозненских нефтепромыслах, на строительстве железнодорожных участков Прохладная — Нальчик, Прохладная — Беслан и т. д.

3. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

С развитием капиталистических отношений более явственно стали обнажаться классовые противоречия в кабардинской и балкарской деревне. Усиливается аграрное движение среди

крестьян. Они боролись не только за землю, захваченную у них помещиками и кулаками, но и против тяжелого налогового бремени и произвола властей.

В 1903 г. ряд селений Кабарды отказался производить раскладку оброчной подати подымно (по числу дворов), требуя это сделать исходя из доходности земли. Все это в 1904 г. привело к аграрным «беспорядкам» в Чегемском обществе Балкарии. Балкарская беднота требовала, чтобы оброчная подать взималась по числу копен собранного хлеба и накопленного сена. Но налогообложение явилось лишь поводом. Настоящей причиной недовольства была, по признанию самого начальника округа, «давняя вражда между простым народом и таубиями». Вожаком этих «беспорядков» выступил только что вернувшийся из ссылки местный житель Тебо Кудуаев, который призывал народ к неповиновению властям и захвату помещичьих земель.

Начальник Терского жандармского управления, характеризуя политическую обстановку в Терской области накануне революции, писал: «Общее настроение многоязыкового населения Терской области сильно приподнялось, в особенности к концу отчетного 1904 года, когда революционная пропаганда стала распространяться среди туземного населения, проникая даже в отдаленные от местных центров горные аулы». Далее

в докладе подчеркивалось, что «в сфере аграрных отношений возможны восстания».

Волнение
в кабардинской сотне
на Дальнем Востоке

В обстановке назревавшего революционного кризиса началась война на Дальнем Востоке с Японией. Война велась за чуждые народу интересы и не была популярна в России. Царизм старался восполнить большие потери, понесенные на фронте, новыми мобилизациями, а также путем набора добровольцев из среды кавказского населения. С этой целью местным начальством было объявлено о наборе добровольцев среди осетин, черкесов, кабардинцев, балкарцев, чеченцев, ингушей в Терско-Кубанский полк.

Простой горский народ в противоположность горской феодальной знати высказывал отрицательное отношение к службе в царской армии. Так, например, незадолго до революции был привлечен к ответственности житель сел. Нартан Пята Пазов за то, что, будучи в Нальчике, в публичном месте оскорбительно отозвался о царской особе и вел антиправительственную пропаганду. В кругу своих односельчан Пазов во всеуслышание заявил: «А все-таки кабардинцы служить царю не будут».

Кавказский союзный комитет РСДРП, руководимый большевиками, обратился с воззванием «К осетинам и всем горцам Кавказа», в котором разоблачал империалистические замыслы царизма на Дальнем Востоке, призывал горцев не поддаваться новому обману и готовиться к решительной схватке с царизмом. Это находило благодатную почву в обстановке, когда, несмотря на строгие предписания о наборе добровольцев в Терско-Кубанский полк, большинство селений Кабарды и Балкарии выносило приговоры о решительном отказе крестьян служить в царской армии. Красноречивее всего об этом говорят донесения начальников участков и сельских старшин. Так, старшина с. Бабуково (ныне Сармаково) доносил начальнику округа, что «несмотря на неоднократные призывы о записи добровольцев и даже после того, как сход выразил свое желание выдать из собственных средств пособие каждому по сто рублей... и тогда желающих ни одного не нашлось». Старшина Урусбиевского общества писал: «Во исполнение предписания от 17 декабря 1904 г. доношу, что из вверенного мне общества пойти добровольцем в сотню Терско-Кубанского конного полка, находящегося на военных действиях, никто не пожелал». Аналогичные донесения поступали и от других кабардинских и балкарских обществ.

С большими трудностями, путем обмана и разных ухищрений, царскому правительству удалось кое-как набрать добровольцев из среды кабардинцев и балкарцев и сформировать из них кавалерийскую сотню, которая вошла в состав Терско-Кубанского полка. Командиром этой 1-й сотни был назначен

кабардинский князь Бекович-Черкасский. Эшелон со всадниками Терско-Кубанского полка вскоре был отправлен на Дальний Восток. Пробыв на фронте, полк с ходу был брошен в бой и принял участие во многих сражениях в Маньчжурии, неся огромные потери.

Тем временем вследствие жестоких поражений на фронте и под влиянием революционной агитации, которую вели большевики, среди солдат росло недовольство затянувшейся войной, приводившей к таким бессмысленным жертвам.

В 1-й сотне недовольство стало еще большим из-за издевательств и притеснений со стороны офицеров, набранных из числа местной знати.

Организатором солдат в сотне был Залимгери Керефов, уроженец сел. Вольный Аул. Окончив окружную школу в Нальчике, он работал сельским учителем сперва в сел. Муртазово, а затем в сел. Нартан, откуда и ушел на фронт вместе с другими своими земляками. Еще до ухода в армию он был на плохом счету у местных властей: ему было запрещено как политически неблагонадежному человеку иметь при себе холодное и огнестрельное оружие. Есть основания предполагать, что на фронте Керефов находился в связях с подпольными революционными организациями, действовавшими в Дальневосточной армии.

В сотне Залимгери повел агитацию среди своих земляков за прекращение войны, затеянной царским правительством. «Зачем нам, беднякам, сражаться и завоевывать земли для царского правительства,— говорил Керефов.— Из-за жадности и завистливости царя нам приходится зря кровь проливать. Не хотим этой войны. Давайте объединимся, русские солдаты, казаки, кабардинские джигиты, и бросим войну»,— призывал Керефов.

В результате солдаты стали отказываться выполнять приказы своих начальников, которые посылали их в самые опасные места, а сами отсиживались в тылу. Недовольство среди всадников кабардинской сотни росло с каждым днем и вылилось в открытый бунт. Солдаты, отказавшись подчиниться своему начальству, заявили, что они вообще не желают слу-

Залимгери Керефов

жить, и потребовали роспуска по домам. Уговоры командира графа Шувалова не привели ни к чему. В ночь на 13 октября рота всадников, стоявшая в прифронтовой полосе, взбунтовалась и в числе 120 человек двинулась по направлению к Мукдену. Но на третий день она была окружена казаками и обездорожена. Главные зачинщики бунта — 13 человек, в том числе и Залимгер Керефов, — были преданы военно-полевому суду. Последний приговорил З. Керефова «к смертной казни через расстреливание», а двенадцать других участников восстания — Орасева, Кудасева, Кармова и др. — к 12 годам каторжных работ.

Керефов мужественно держался во время суда и казни. Перед расстрелом, когда ему хотели завязать глаза, он сорвал повязку и заявил: «Я смерти не боюсь... Теперь князья и дворяне удовлетворены. ...но расправа с ними еще будет. Умираю, чтобы карахалку проложить дорогу». Желая скрыть от народа факт восстания кабардинской сотни и героическую смерть Керефова, царское правительство объявило его «пропавшим без вести».

В Кабарде, Адыгее и Черкесии народ сложил немало сказов и песен о героическом поступке Залимгери. В них воспеваются мужественный подвиг героя — борца против произвола царя, князей и помещиков, угнетавших кабардинский народ.

4. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ В 1905—1907 гг.

После событий 9 января 1905 г. в поддержку пролетариата Центральной России выступили и рабочие национальных окраин. В январе 1905 г. забастовали рабочие на Грозненских нефтепромыслах, весной вспыхнула забастовка горняков Садонских рудников в Северной Осетии, а летом произошла всеобщая стачка на Владикавказской железной дороге. Это было самым крупным политическим выступлением северокавказского пролетариата того периода. Все эти события оказали революционизирующее влияние и на крестьянство Кабарды и Балкарии.

Революционное движение в Кабарде и Балкарии 1905—1907 гг. носило разнообразные формы: митинги, самовольные захваты помещичьих и казенных земель, порубка лесов, разгром полицейских постов и помещичьих усадеб, вооруженные выступления и изгнание местных властей. Так, в ночь на 28 марта 1905 г. крестьяне напали на хутор крупного землевладельца вблизи станции Пришибской. 5 апреля была разгромлена экономия землевладельца Якова Виста в районе сел. Ахлово (ныне Нижний Курп).

Лесничий Нальчикского округа специальным рапортом доносил своему начальству, что «жители всех селений... производят самовольные порубки леса», и объяснял это «постоянным влиянием злонамеренных лиц, действующих в настоящее смутное время». Летом 1905 г. жители сел. Лескен захватили казенную лесную поляну, прогнали арендатора и произвели самовольный покос трав.

Большую роль в революционном движении на Кавказе в годы революции 1905—1907 гг. сыграл Кавказский союзный комитет, руководимый большевиками. Отсюда поступала революционная литература, на места посылались большевистские агитаторы.

Вооруженное восстание в Нальчике

Центром революционных событий в Кабарде и Балкарнии являлся Нальчик. В нем вплоть до 1917 г. не было социал-демократической организации, однако проживало немало политических ссыльных, находившихся под надзором полиции. Среди кабардинцев и балкарцев также было немало революционно настроенных лиц.

Начальник области генерал Колюбакин в письме от 22 марта 1906 г. на имя заместителя Кавказа графа Воронцова-Дашкова отмечал, что «конец прошлого года показал, что и слобода Нальчик не чужда революционного движения и что там... революционеры нашли для себя укромное местечко, начав пропаганду на целом ряде митингов».

Нити революционных связей из Нальчика шли не только к ближайшим революционным центрам на Северном Кавказе, но и к крупным революционным очагам Закавказья: Тифлису и Баку. В начале 1905 г. в Нальчике была задержана революционерка Савина за распространение прокламаций «преступного содержания», привезенных из Баку. В это же время был арестован один грузин из Тифлиса за антиправительственное выступление на митинге. Революционную пропаганду среди кабардинского и балкарского крестьянства вели и учителя школ. Архивные материалы свидетельствуют о том, что в Кабарде в конце 1905 г. в сел. Средний Урух был арестован учитель местной школы М. Тулатов, так как в результате его «преступной пропаганды среди кабардинского крестьянства произошли беспорядки, выразившиеся в захвате земель, порубке лесов и т. д.».

В октябре 1905 г. в Нальчике был устроен многолюдный митинг, на который съехалось до тысячи крестьян из окрестных селений. Начальник округа полковник Страхов пытался было разогнать собравшихся. С этой целью им были вызваны солдаты местного гарнизона. Однако последние под влиянием агитаторов, разъяснивших им сущность происходивших событий, отказались выполнять приказ полковника и выделили от себя пред-

ставителей для участия в митинге. Генерал-губернатор Терской области доносил наместнику Кавказа графу Воронцову-Дашкову, что темой для выступления на митинге в Нальчике служил манифест 17 октября и что «возвещенные им свободы «разъяснялись» в самом извращенном виде, с конечным призывом о необходимости испровержения правительства и уничтожения монархии».

В разгар митинга на площади появились солдаты Осетинского дивизиона и тесным кольцом окружили собравшихся, однако разогнать его не посмели и под влиянием революционной агитации вскоре тоже присоединились к его участникам. Один из солдат этого дивизиона в своем выступлении сказал: «Мы хотим того же, что и вы. Мы все вместе пойдем к одной цели». На митинге разбрасывались литографированные прокламации, привезенные сюда из Пятигорска, выступавшие ораторы призывали к неповиновению властям.

Кульминационным пунктом первой русской революции было декабрьское вооруженное восстание в Москве и других городах. В этот период в Нальчике происходили один за другим многочисленные политические митинги, на которых народ призывался к конфискации частновладельческих земель и вооруженному восстанию против своих угнетателей.

26 декабря жители сл. Нальчик и крестьяне окрестных селений собрались на митинг, после чего захватили склад с боеприпасами местного гарнизона и, вооружившись винтовками, подступили к зданию правления округа, чтобы арестовать начальника округа полковника Страхова и всю местную администрацию. Положение создалось настолько серьезное, что, не дождавшись помощи из Владикавказа, начальник округа вынужден был «тайно скрыться из Нальчика». Местная администрация, как писал в своем донесении об этом жандармский полковник, «жителями слободы Нальчик под влиянием революционеров была низложена».

На помощь местным властям была вызвана из Владикавказа 1-я сотня Терской милиции, которой после применения оружия 28 декабря удалось подавить восстание. Главные зачинщики были арестованы и посажены в тюрьму. Наиболее активные участники были высланы за пределы округа.

Почти одновременно с восстанием в Нальчике в конце декабря произошло волнение в сел. Докшоково. Огромная толпа местных жителей в несколько сот человек, собравшись в праздничный день на базарной площади, устроила митинг, после чего стала громить магазины местных купцов, дома кулаков. Волнение удалось подавить с помощью казаков и полиции, вызванных из Нальчика.

Поражение царизма на Дальнем Востоке, мощный подъем революционного движения в стране оказали революционизирую-

щее влияние и на армию. Революционная пропаганда среди солдат велась и в Нальчикском гарнизоне. В Нальчикской тюрьме содержалось более 10 человек местных жителей за революцион-

**Революционные
выступления
в армии**

ную работу среди населения, двое из них — Петр Рубинок и Павел Карпинский — за революционную агитацию «среди нижних чинов местного гарнизона».

В декабре 1905 г. произошло вооруженное восстание солдат Осетинского дивизиона, часть которого стояла в Нальчике, а другая — в г. Владикавказе, и Ахульгинского батальона в Моздоке. В декабре вспыхнуло волнение солдат дисциплинарного батальона в станице Екатериноградской Нальчикского округа. В связи с этим положение в батальоне, как сообщал начальник жандармского управления, приняло «опасный характер». Только с помощью обмана удалось ликвидировать солдатский бунт. Ведя переговоры с солдатами, начальство тайным путем сняло с винтовок штыки в казармах и вынесло боевые патроны из цейхгаузов, чем и заставило смириться взбунтовавшихся солдат.

**Участие местного
населения
в революционных
дружинах**

Трудящиеся Северного Кавказа принимали активное участие в революционных дружинах, возникавших в боевые декабрьские дни. На Северном Кавказе было несколько таких дружин: в Пятигорске, Минводах и других местах. Сюда разными путями и пробирались группами крестьяне из Осетии и Кабарды, вступали в боевые дружины, получали оружие и наравне с русскими пролетариями принимали участие в боевых операциях.

В протоколе допроса одной такой группы, задержанной сельским старостой с. Коново, один из задержанных, житель с. Урух Нальчикского округа, Фидаров, показал, что он вместе с другими товарищами приезжал в Минводы послушать, что говорят ораторы на митингах. Из Минвод их привезли в Пятигорск, где в «Комитете» им выдали оружие и патроны.

Самой многочисленной была Минводская дружина. В ней насчитывалось около двух тысяч вооруженных дружинников, из которых свыше половины были представителями местного населения: осетины, кабардинцы и др.

В декабре 1905 г. Минводская социал-демократическая организация поручила революционной дружине провести боевую операцию, целью которой был захват Георгиевской крепости, где хранилось огромное количество разного оружия, пороха, патронов и пр. В ходе операции «много народу, — как сообщалось в журнале «Освободительное движение», — пришло из Осетии и Кабарды брат Георгиевский оружейный правительственный склад». Хотя штурм Георгиевской крепости оказался неудачным, но сам факт участия горцев в революционных дружи-

нах свидетельствует о братской солидарности горского народа с русским пролетариатом и крестьянством в борьбе против царизма.

**Терская область
на военном
положении**

В связи с массовыми революционными выступлениями 23 декабря 1905 г. Терская область, в том числе Кабарда и Балкарня, была объявлена на военном положении и были приняты чрезвычайные меры к охране «государственного спокойствия». За передвижением местного населения из одного района в другой, и особенно за пределы Кабарды, устанавливался строгий надзор. Секретное распоряжение терской администрации предлагало сельским властям всячески препятствовать выезду жителей из своих селений, не выдавать им паспорта и т. д. Всем начальникам участков было дано указание установить строгие караульные посты.

Однако эти мероприятия не смогли помешать общению кабардинского и балкарского крестьянства с соседними русскими районами, где революционное движение с каждым днем принимало все более организованный и боевой характер.

В ряде селений Нальчикского округа происходили митинги, на которых выступали местные, а также приезжие ораторы из Тифлиса, Пятигорска, Минеральных Вод и других революционных центров Кавказа. Распространялась революционная пропагандистская литература, в которой население призывалось к неповиновению начальству и свержению самодержавия. По улицам Нальчика были разбросаны многочисленные литографированные прокламации, издававшиеся организацией РСДРП в Минеральных Водах.

**Революционное
движение в Кабарде
и Балкарни в 1906 г.**

После поражения декабрьского вооруженного восстания революция пошла на убыль. Силы реакции повели свое наступление на революционные массы. Но революция еще продолжалась. В 1906 г. поднялась мощная волна крестьянских волнений, охвативших широкие массы крестьянства не только центра России, но и ее окраин. Большого размаха крестьянское движение достигло также в Кабарде и Балкарни.

В разгар революции царское правительство обещало созвать Государственную думу, надеясь этим отвлечь массы от революционной борьбы. Кампания по выборам в Государственную думу в Кабарде и Балкарни началась с выдвижения выборщиков на сельских сходах. Князья, таубини и кулаки старались протасовать своих кандидатов. Однако это им не всегда удавалось. Так, в сел. Кармове крестьяне забаллотировали кандидатуру владельца Анзорова и выдвинули в качестве выборщика на окружной съезд учителя Талиба Кашежева, пользовавшегося уважением своих односельчан. Местная знать заявила энергичный протест и добилась отмены сельского приговора.

Кавказская администрация была напугана связью балкарских обществ со Сванетией, где развернулось народное движение против феодально-крепостнической зависимости. Местные власти боялись, что движение может перекинуться в соседнюю Кабарду и тогда «Нальчикский округ, — как доносил генерал-губернатор Терской области наместнику Кавказа, — снова мог стать ареной погромов и новых осложнений».

Революционное брожение в кабардинских селениях не прекращалось. 30 июля 1906 г. в сел. Баксан крестьяне, собравшиеся около сельского правления под предлогом решения общественных дел, организованно вышли в степь, где устроили митинг, на котором по случаю базара присутствовало много горцев и из других кабардинских селений. На митинге в числе других выступил приезжий агитатор из Кутаисской губернии Сидганидзе, который разъяснил смысл революционных событий в России и призвал к свержению самодержавия.

В тот же день в другом кабардинском селении, Коново (ныне Куркужин), на многолюдный митинг собралось более тысячи человек. На нем с революционными речами выступали дружинники из Пятигорска и Минеральных Вод, читались революционные прокламации, раздавались призывы к захвату помещичьих земель. Через несколько дней здесь опять состоялся митинг, на котором присутствовало много крестьян из русских сел Ставропольской губернии.

Крупные аграрные волнения произошли в Малой Кабарде. Организатором крестьянских выступлений в сел. Хапцево (ныне Хамидие) был местный житель Хамид Жамурзов. По его призыву крестьяне, вооруженные топорами и вилами, на многочисленных подводах двинулись в горы, прорвали заградительный отряд стражи и начали рубить лес. Узнав об этом, владелец Хапцев вызвал срочно отряд казаков и солдат. По дороге, когда крестьяне возвращались с нарубленным лесом, их встретила вооруженная лесная стража и отряд полиции. Произошла стычка, во время которой несколько крестьян было ранено.

Вслед за выступлением в сел. Хапцево начались волнения и в соседних селениях. Например, крестьяне сел. Нижний Курп, узнав, что хапцевцы восстали, решили последовать их примеру. Вожаком их был Данил Фашмухов. Он горячо призывал своих односельчан к решительным действиям против помещиков и царя. В результате энергичной агитации Фашмухова и его товарищей крестьяне Нижнего Курпа захватили помещичью землю и начали делить ее между собой. Князь и помещики пробовали было помешать этому силой оружия, но получили решительный отпор. Тогда князь обратился за помощью к местной власти.

Для усмирения восставших из Владикавказа была вызвана рота Апшеронского полка, из Пятигорска — артиллерийская

батарея и 2-я сотня Суиженского полка, из Моздока — карательный отряд с артиллерией. Весь район был занят войсками. В корреспонденции из Пятигорска «Поход против кабардинцев», помещенной в петербургской газете «Речь», описывались подробности этой карательной экспедиции. Даже столь реакционная газета вынуждена была признать жестокость расправы над взбунтовавшимися кабардинскими крестьянами.

Руководители и наиболее активные участники восстания малокабардинских крестьян были арестованы и сосланы в отдаленные губернии России, свыше ста человек брошены в моздокскую тюрьму, а на остальных жителей наложена денежная контрибуция. Во многих селениях были поставлены на постой царские войска.

Революционные события в Кабарде и Балкарии развивались в тесной связи и под воздействием крупных центров революционного движения на Кавказе (Ростов, Грозный, Владикавказ, Тифлис, Пятигорск). Оттуда приезжали в Кабарду и Балкарию агитаторы и пропагандисты для ведения революционной работы среди населения. Да и местные русские, кабардинские и балкарские крестьяне, несмотря на строгие запрещения начальства, часто выезжали в соседние районы Ставрополя, Пятигорск, Воронцовку, чтобы послушать речи о земле и свободе, а заодно и получить революционную литературу.

В «Письмах из Пятигорска», помещенных в журнале «Освободительное движение», описывается один из таких митингов, на котором присутствовало 10 тыс. человек, в том числе и делегация Кабарды. На нем выступил представитель кабардинского крестьянства, с красным знаменем в руках, который обратился к народу с взволнованной речью: «Я приехал из Кабарды, до которой дошли слухи, что русский народ поднялся за землю и волю народную, что он хочет с себя сбросить тяжелое ярмо гнета и произвола. Мы, дети природы и свободной жизни, не можем жить скованными». Свое выступление делегат от Кабарды закончил словами: «Меня прислали мои собратья выразить вам свое искреннее пожелание скорейшего осуществления ваших идеалов и предложить вам свою помощь».

Революционные
выступления
казачества
и русского
крестьянства

Под влиянием революционного движения пробуждались и низы казачества. 11 декабря в станице Прохладной состоялся митинг казаков, на котором было вынесено постановление о поддержке всеобщей политической забастовки рабочих. Казаки станиц Прохладной и Котляревской установили связь с Минводами, где в это время развивались бурные революционные события и готовилось вооруженное восстание. В письме старого казака Прохладной, адресованном собранию минводских дружинников, говорилось: «Весь народ на стороне освободительного движения, и только

темная масса по своему невежеству идет на убийства и безобразия. На нее, на эту массу, нужно действовать словом, говорить ей о свержении власти...»

В эти же дни в Минводах почти ежедневно происходили митинги и собрания. Обсуждался вопрос о посылке вооруженных дружин в Ростов-на-Дону для оказания помощи восставшим рабочим и в г. Георгиевск для захвата артиллерийского склада. На одном из митингов, на котором присутствовали представители кабардинцев, осетин и казаков, выступил казак станицы Прохладной. «Мы, казаки, нигде не бываем, — говорил оратор, — мы неграмотны и, кроме кабака, никуда не знаем дороги... Второй раз я здесь, где я многое понял... Я слышал здесь о варварском правительстве, я слышал про гнет. Все это меня взволновало». В заключение, обращаясь к собравшимся, он заявил: «Настало время, когда все проснулись... Мы все должны восстать за правду».

Летом 1906 г. массовые митинги и аграрные волнения происходили и в русских сельских населенных пунктах Нальчикского округа. 20 июля 1906 г. в с. Ново-Полтавском на многочисленном сельском сходе подробно обсуждались прокламации, доставленные сюда из Минвод беглым политическим ссыльным Емельяном Мовчаном. В прокламации содержался призыв «не давать ни копейки в казну и ни одного солдата в армию». Емельян Мовчан был арестован, но крестьяне Ново-Полтавского, собравшись на митинге, потребовали удаления старшины и освобождения арестованного. По дороге в Нальчик крестьяне помогли ему бежать из-под ареста.

28 июля в лесу около с. Ново-Николаевского состоялся большой митинг, на котором собралось более 300 человек. На митинге выступал специально привезенный из станицы Прохладной агитатор, который призывал «стать крестьянству вооруженной силой против существующего правительства».

Уроки
революционных
выступлений
1905—1907 гг.

Революционное движение 1905—1907 гг. в Кабарде и Балкарии было жестоко подавлено царскими карательными отрядами в союзе с местными князьями, таубиями и кулаками. Началась полоса массовых арестов и военно-полевых судов. Все тюрьмы Терской области были переполнены политическими заключенными. Наиболее видные вожаки крестьянского движения были сосланы в Сибирь, среди них Ахохов Тембот, Бесланев Хабала и др.

Революционные выступления 1905—1907 гг. в Кабарде и Балкарии вскрыли непримиримость классовых интересов трудящихся крестьян, с одной стороны, помещиков и кулаков — с другой. Вместе с тем подавление этих выступлений обнаружило слабость движения: стихийность большинства выступлений, отсутствие руководства со стороны рабочего класса и его аван-

гарда — партии большевиков. В этом состояла главная трудность в развертывании революционного движения в Кабарде и Балкарнии. Вот почему, даже когда народ поднимался с оружием в руках, как это имело место в Нальчике, Солдатской, в Малой Кабарде и т. д., эти выступления носили неорганизованный характер, ограничивались разгромом полицейских участков, изгнанием местных властей и легко подавлялись царской администрацией.

И все же революционное движение в Кабарде и Балкарнии в эти годы имело большое значение. Оно состояло прежде всего в том, что горские трудящиеся массы впервые приобщились к активной политической борьбе русского народа с царским самодержавием. Эта историческая борьба способствовала росту политического самосознания трудящихся масс.

КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В ПЕРИОД РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (1907—1914 гг.)

1. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

После подавления революции наступили годы мрачной столыпинской реакции. 3 июня 1907 г. манифестом царя II Государственная дума была распущена и на основе нового избирательного закона было объявлено о выборах в III Думу. Эти действия царского правительства равносильны были государственному перевороту и означали усиление самодержавной власти и военно-полицейского режима в стране.

**Наступление
реакции**

Новый избирательный закон, прозванный «бесстыжим», еще более ограничивал права рабочих и крестьян. Только 15% населения было допущено к участию в выборах. Урезывались по новому избирательному закону и права угнетенных народов царской России. Так, от населения Кавказа вместо 29 депутатов, избранных во II Государственную думу, теперь избиралось только 10 депутатов, от народов Терека, Кубани и Черноморья — 4 депутата.

Царизм, оправившись от ударов революции, предпринял новое наступление на рабочий класс и крестьянство. Вся Россия покрылась виселицами. «Столыпинский галстук» стал обычным орудием расправы с революционными массами. Реакция перешла в наступление и на национальных окраинах.

В начале 1908 г. в Моздоке начальником Терской области был созван съезд местных землевладельцев «для выработки мер по охране их от разбоев». Напуганная выступлением крестьян в 1905—1907 гг., кабардинская и балкарская знать во главе с начальником округа Килишбиевым готовила кровавую расправу над трудовым крестьянством. Под видом борьбы с абречеством в кабардинских и балкарских селениях были созданы «летучие команды» стражников в составе 8—10 человек. Во многих селениях были расквартированы войска, содержание которых легло тяжелым бременем на трудовое крестьянство.

Революционное выступление кабардинских и балкарских крестьян было подавлено, многие вожаки брошены в тюрьмы или сосланы.

В области экономической 1907—1909 гг. были годами тяжелой промышленной депрессии, граничащей, по выражению В. И. Ленина, с кризисом. Только в 1910 г. началось оживление, постепенно перешедшее затем в подъем. Промышленный подъем заметно отразился и на экономике национальных окраин царской России.

**Развитие
товарного земледелия** Хозяйственное развитие Кабарды и Балкарии и в этот период происходило под воздействием факторов, действовавших в экономике центральной России. «Развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах, — писал В. И. Ленин, — стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого»¹.

Если в 1906 г. площадь под посевами всех культур в Кабарде и Балкарии составляла более 76 тыс. дес., то в 1910 г. уже 107 128 дес. Посевы пшеницы и кукурузы продолжали увеличиваться, вытесняя традиционное просо. В конце XIX в. первое место (48%) в посевах занимало просо, второе — пшеница (27%), на третьем месте стояла кукуруза (16,5%). В 1914 г. на первое место выдвигается кукуруза (26,6%), на второе — пшеница (24,5%), на третье — ячмень (21,1%) и лишь на четвертое — просо (17%). Значительно увеличились также посевы озимых культур, в 1910 г. они составляли 10% посевных площадей, а в 1913 г. — уже около 30%. С 1909 по 1914 г. валовой сбор кукурузы вырос с 1785 тыс. до 4247 тыс. пудов, а пшеницы — с 555 тыс. до 1790 тыс. пудов.

В то же время в силу весьма ограниченных возможностей расширения пахотных угодий и рост посевных площадей у балкарцев происходили медленно. В 1909 г. во всех балкарских обществах под посевами находилось более 2 тыс. дес., в 1910 г. — 2741 дес., что составляло всего лишь 2,5% всей посевной площади округа.

В Балкарии в 1910 г. было собрано 123 880 пудов зерновых культур, что обеспечивало потребность населения всего на 2—3 месяца, а остальное время балкарский крестьянин вынужден был жить впроголодь и покупать хлеб у населения, жившего на равнине.

Хотя техника земледелия значительно улучшилась, однако сельскохозяйственных орудий (машин, плугов и т. д.) в Кабарде и Балкарии было еще недостаточно. Вследствие этого урожайность хлебов оставалась почти на одном уровне. По отчетным данным, средний годовой урожай озимой пшеницы на равнине

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 253.

за период с 1909 по 1913 г. имел колебания от 29 до 60 пудов с десятины, а средний урожай кукурузы составлял 80—85 пудов.

По мере втягивания экономики в русло капиталистического развития старые устои натурального хозяйства кабардинцев и балкарцев все больше и больше разрушались, сельское хозяйство становилось товарно-капиталистическим. Производство зерна приобрело рыночный характер. Если в 1908 г. вывоз хлеба равнялся 2259 тыс. пудов, то в 1913 г. — уже 3590 тыс. пудов. Кукуруза стала самой товарной культурой и в продаже зерновых занимала первое место.

Дальнейшее развитие получило и огородничество, принимавшее все более и более рыночное направление. Посевы огородных культур расширились и в 1909 г. составили 1779 дес. Более или менее систематически огородничеством в Кабарде занималось около 30 селений. Самыми распространенными огородными культурами у кабардинцев были лук и чеснок. Они в большом количестве сбывались в Нальчике, Пятигорске и Георгиевске, а также вывозились за пределы Кабарды.

Развивалось и садоводство. К 1912 г. в Кабарде и Балкарии насчитывалось 556 садов, продукция которых стала поступать на рынки Северного Кавказа.

**Рост скотоводства
и его
продуктивность**

Наряду с земледелием важнейшей отраслью хозяйства кабардинцев и балкарцев, как уже отмечалось, было скотоводство.

За пятилетие после революции 1905—1907 гг. общее поголовье скота значительно возросло. В 1907 г. в Нальчикском округе числилось 802 076 голов скота, а к 1914 г. поголовье выросло до 907 556 голов. Скотоводство по-прежнему было примитивным. Продуктивность его была невелика. Дневной удой молока от одной коровы не превышал 3—6 литров.

На рынок шел главным образом скот (лошади и овцы) и продукты скотоводства. В 1909 г., например, было продано 46 118 голов скота, в 1910 г. — 58 526.

Дельцы-скотоводы открывали конские заводы, племенные рассадники, а в некоторых местах и молочные фермы. Так, житель Безенгиевского общества Суншев Баксанук и Муллаев Исхак из Хуламского общества имели молочную ферму и хуторские участки.

**Углубление
капиталистического
расслоения деревни**

Основная масса скота, многочисленные табуны лошадей и огромные отары овец, находились в руках князей, помещиков и кулаков. По неполным данным, кабардинским и балкарским помещикам и кулакам принадлежало 40—

45% лошадей, более 60% всех овец. Наряду с крупными ското-

промышленниками Атажукиным, Тамбиевым, Хаджели Этезовым и др., имевшими по несколько сот породистых лошадей, продолжало развиваться мелкотабунное коневодство зажиточных крестьян. Из 250 коневодов, числившихся в Нальчикском округе накануне первой мировой войны, 130 хозяйств имело табуны от 10 до 30 лошадей.

Продолжался и углублялся раскол деревни на различные хозяйственные группы. В сел. Атажукино I (Заюково) из 92 дворов, например, 7 хозяйств были бескоровными, 30 хозяйств имели по одной-две коровы и 20 хозяйств — по 4—5. Что касается распределения волов, то 22 хозяйства (24,5%) не имело их совсем или имело по 1 волу, по 2 вола имели 14 хозяйств, по 3 вола — 7 хозяйств. В сел. Наурузово (Кызбурун II) из 357 хозяйств однолошадных было 96 (27%), с двумя лошадьми — 46, с тремя — 21; в сел. Хасаут однолошадные составляли 48% всех хозяйств.

Примерно такие же процессы происходили и в области землевладения. Ко времени первой мировой войны в Кабарде число хозяйств, владевших большими земельными участками, сократилось более чем в 2 раза. Одновременно увеличилось число хозяйств, имевших небольшие наделы. Так, к 1914 г. 225 крестьянских дворов имели от 5 до 10 дес. земли. В Ново-Полтавском обществе 320 дворов имели 785 дес. земли, или по 2,5 дес. на двор. В целом в Кабарде и Балкарии насчитывалось не менее 3 тыс. дворов, остро нуждающихся в земельных наделах.

В условиях усилившегося разорения крестьянская беднота вынуждена была перебиваться разного рода промыслами. В связи с этим увеличивается отходничество в различные губернии. В 1909 г. из сел. Старый Урух ушли на отходнические промыслы и заработки 10 человек, из сел. Лескен — 35 человек.

Как правило, отходник постепенно терял связь со своим хозяйством и землю свою сдавал за бесценок в аренду кулакам. В 1910 г. было сдано в аренду 4364 дес., а в 1913 г. — 11 206 дес. земли. Увеличился также уход на заработки в другие страны. Так, в 1911 г. было выдано 26 паспортов, в 1913 г. — 11 паспортов для выезда на заработки в Северную Америку.

В период столыпинской реакции и нового революционного подъема еще более усилился налоговый гнет царизма. Если в 1905 г. налоги по Нальчикскому округу составляли 154 000 руб., то в 1912 г. — 260 188 руб. Кабардинское и балкарское крестьянство по-прежнему не вылезало из недоимок, которые из года в год росли. В 1908 г. недоимки прошлых лет в Кабарде по всем видам налогов составляли 90 689 руб., а в 1912 г. — 105 278 руб. В Балкарии недоимки по

Усиление
налогового
бремени

казенным платежам в 1910 г. составляли 11 751 руб., в 1911 г. — 14 142 руб.

Экономика Кабарды и Балкарии в рассматриваемый период была многоукладной и по-прежнему носила аграрный характер, фабрично-заводская промышленность находилась в зачаточном состоянии. Здесь сохранялись остатки натурального крестьянского хозяйства, развивалось мелкотоварное производство в лице середняцких хозяйств, которые были в той или иной степени втянуты в сферу рыночных отношений, существовало кустарное и ремесленное производство, не применявшее наемного труда, и, наконец, пробивал себе дорогу частнохозяйственный капитализм — это кулацкие и помещичьи хозяйства, мелкие промышленные предприятия в виде кирпично-черепичных заводов и т. д., на которых применялась наемная рабочая сила. Господствующее положение занимало мелкотоварное производство.

2. СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ

Учтя уроки первой русской революции, царское правительство и крепостники-помещики сделали поворот в области аграрной политики и стали на путь некоторых аграрных преобразований в стране, направленных на укрепление союза с буржуазией города и деревни.

Передача
Зольских пастбищ
копюзаводчикам

В основу этих преобразований была положена столыпинская аграрная политика, закрепленная указом от 9 ноября 1906 г. и законом от 14 июня 1910 г. Сущность этой политики состояла в разрушении общины, в создании опоры царизма в деревне в лице кулачества. Каждый крестьянин получал право выйти из общины и закрепить свой надел в личную собственность. Крестьянам, выделившимся из общины, земля предоставлялась в одном месте (хутор или отруб). Как указывал В. И. Ленин, этот поворот в аграрной политике царского правительства был *«классовой необходимостью»*. Правительству некуда было иначе податься... Правительству ничего иного не оставалось, как *попытаться* путем судорожных усилий, путем какого угодно разорения деревни, *расколоть* крестьянство, отдать деревню «на поток и разграбление» кулаков и зажиточных мужиков, чтобы опереться на союз крепостников-дворян с «новыми помещиками», т. е. с богатыми — крестьянами-собственниками, с крестьянской буржуазией»¹.

Столыпинская аграрная политика не распространялась на Кабарду и Балкарию, так же как и на всю Терскую область. В 1908 г. наместник Кавказа возбудил ходатайство о примене-

¹ В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 264.

нии указа от 9 ноября 1906 г. и в отношении жителей Терской области, однако правительство не согласилось с этим.

Но, несмотря на это, предпринимались шаги по вовлечению отдельных районов этого края в сферу действия столыпинской аграрной реформы. Опираясь на аграрную политику царизма, кабардинские и балкарские князья, таубин и коннозаводчики добивались изменения порядка пользования Нагорными и Зольскими пастбищами. Зажиточная же часть крестьянства выдвигала кулацкий принцип распределения пастбищных угодий по числу рабочего скота, так как в этом случае она получила бы большие участки пастбищной и покосной земли.

Прежде всего были удовлетворены ходатайства коннозаводчиков, которые под предлогом улучшения коневодства (в развитии которого было заинтересовано и царское правительство) при поддержке начальника округа обратились к правительству с просьбой о выделении им отдельных участков для содержания на них конских табунов. В 1907 г. им была выделена лучшая часть пастбищ с хорошими водопоями и другими удобствами с целью, как сказано в правительственном постановлении, «поддерживать прежде всего крупное коневодство».

Зольские пастбища, составлявшие значительную часть всего пастбищного фонда Кабарды и Балкарии, были разделены на 329 участков по 40 дес. в каждом и сданы в долгосрочную аренду под «кутаны» (хутора) кабардинским кулакам и помещикам, с правом возведения на этих участках хуторских построек. Но многие кабардинские помещики и кулаки фактически не использовали эти земли для развития коневодства, а сдавали их мелкими участками в аренду на кабальных условиях. Впоследствии выяснилось, что 50% коневодческих хозяйств на Зольских пастбищах были фиктивными, так как «ни лошадей, ни хуторских построек, — как отметила специальная комиссия, — на участках не оказалось, а у некоторых коневодов... даже не скошено сено. Засеянное же просо продано на корню вместе с соломой».

Но несмотря на это кабардинские и балкарские князья, таубин, дворяне и деревенская буржуазия стали добиваться захвата всех горных пастбищ. С этой целью они разработали новый проект распределения пастбищ, согласно которому значительная и лучшая часть их должна была быть передана в частное пользование князьям, коннозаводчикам и кулакам.

Чтобы придать видимость общенародного решения этого вопроса, в 1912 г. местные власти собрали в Нальчике съезд доверенных от сельских обществ Кабарды и Балкарии, которые в действительности были доверенными лицами князей, коннозаводчиков и кулаков. Княжеско-кулацкому большинству съезда легко удалось добиться решения этого вопроса в свою пользу и сфабриковать прошение якобы от имени всего кабардинского

и балкарского народа об установлении новых правил пользования Зольскими пастбищами. Эти «Правила» полностью отвечали принципам столыпинской аграрной политики, поэтому они быстро и безоговорочно были утверждены кавказской администрацией. Согласно этим «Правилам», Зольские пастбища разбивались на отдельные участки по 40 дес, в каждом, выделяемые в долгосрочную аренду на каждые десять копемяток.

Распределенные таким образом пастбищные участки отдавались кабардинским князьям и кулакам в долгосрочную аренду по цене 2 руб. в год за десятину. Фактически же Зольские пастбища были переданы в полную собственность помещикам и кулакам, так как в 46-м пункте «Правил» было оговорено, что «арендные права на коневодческие участки переходят по наследству».

Аграрные движения
в 1907—1910 гг.

В результате мероприятий, проведенных царским правительством в духе столыпинской аграрной реформы, разрушалось веками сложившееся в Кабарде общинное пользование пастбищами. Для кабардинских помещиков и кулаков создавались широкие возможности более интенсивного развития своего хозяйства на отведенных им участках.

Ограбленное помещиками и кулаками кабардинское крестьянство решительно выступало против новых порядков в пользовании пагорными землями. На сельских сходах (сел. Бабуково и др.) выносились приговоры крестьян, протестующих против раздачи пастбищных участков в собственность коннозаводчикам. Крестьяне требовали возвратить земли, отрезанные коннозаводчикам под кутаны, в пользование всего народа, как это было раньше.

Аграрная политика царизма не только не устранила противоречия в деревне между капитализмом и остатками крепостничества, но еще больше обострила его и привела к ряду крестьянских выступлений.

Весной 1908 г. крестьяне сел. Кошерово (ныне Кенже) избили своего старшину за отказ выделить земельный паи малоземельным крестьянам. В том же году произошло волнение крестьян на хуторе Валаева, Ново-Полтавского сельского правления. Усилились поджоги кулацких и помещичьих хозяйств. Коннозаводчик сел. Шипшево (ныне Кахун) Адильгирей Шипшев, например, жаловался, что крестьяне разорили его вконец и сожгли весь хутор.

Весной 1910 г. в Чегемском обществе Балкарки произошло волнение крестьян, арестовавших в течение нескольких лет у князя Наурузова земельные участки Кийк-Чи и Адай. Земле-владелец без ведома крестьян сдал свои участки новым арендаторам, поставив чегемцев в трудное положение. В ответ на это чегемцы заняли земельные участки и пригнали туда свой скот.

Лишь прибывшая по жалобе Наурузова сотня терской охранной милиции силой оружия согнала их оттуда. Многие крестьяне были арестованы и подвергнуты наказаниям, что еще более обострило положение.

В сентябре 1910 г. около 100 крестьян вновь заняли арендованные ими ранее участки. Против них снова были брошены военные силы. На требование разойтись чегемцы заявили, что они «покаялись умереть и ни в коем случае не уйдут», что они никого из административных лиц «знать не хотят и не будут слушать». Но силой оружия волнение крестьян было подавлено, а 42 участника арестованы.

Волнение крестьян Чегемского общества вызвало тревогу администрации Терской области, отмечавшей в своем отчете за 1910 г., что «общая земельная необеспеченность является основной причиной всех могущих разразиться аграрных беспорядков вроде бывших между чегемцами и князем Наурузовым в Нальчикском округе по участку Кийк-Чи и Адай, когда потребовались военные меры».

В начале 1912 г. произошло новое волнение балкарских крестьян, на этот раз Хуламского общества, на почве произвола сельских властей во время выборов уполномоченных от десяти дворов.

Несмотря на тяжелые условия реакции, крестьянство продолжало борьбу с помещиками и кулаками за землю, устанавливало революционные связи. Крестьяне многих селений создавали свою организацию «Карахалк» («Черный народ»). В качестве основного требования «Карахалк» выдвигал возвращение народу земель, отнятых у крестьян помещиками и кулаками. Эта организация сыграла значительную роль в подготовке восстаний кабардинского и балкарского крестьянства в 1913 г.

В этот период нелегальную работу на Тереке вел С. М. Киров, являвшийся корреспондентом местной газеты «Терек», издаваемой в г. Владикавказе. По поручению большевистской партии С. М. Киров вел пропагандистскую работу среди рабочих Владикавказа, поддерживал связи с большевистскими организациями ближайших рабочих центров (Грозный, Минводы и др.), налаживал связи с горцами, изучал их быт, вникал в тяжелые условия их жизни.

Накануне Зольского восстания Сергей Миронович Киров находился на территории Кабарды, где развернул большую революционную работу среди горской бедноты. По воспоминаниям участников Зольского восстания, в мае 1913 г. С. М. Киров был в сел. Каменномостском и выступил на подпольном совещании, на котором присутствовало более 40 крестьян. На этом совещании он говорил о равенстве, о земле, о том, что земля для всех должна быть равной, как воздух и вода, но что этого можно добиться лишь путем революционной борьбы.

3. ЗОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ КАБАРДИНСКИХ КРЕСТЬЯН В 1913 г.

Захватив Зольские пастбища, коннозаводчики запретили крестьянам держать свой скот на Золке и поставили стражу. Это вызвало возмущение крестьянства всей Кабарды и Балкарии. Пастухи, видя, что их пастбища уже заняты, немедленно дали знать об этом по всем селениям. Первыми выступили крестьяне сел. Наурузово. За ними последовали крестьяне других селений.

Начало и ход
восстания

рши. Пастухи, видя, что их пастбища уже заняты, немедленно дали знать об этом по всем селениям. Первыми выступили крестьяне сел. Наурузово. За ними последовали крестьяне других селений.

Основную массу восставших составляла крестьянская беднота. Недаром кабардинская знать презрительно называла Зольское восстание «восстанием чувячников».

Зажиточная часть крестьянства и князья, стремясь предотвратить восстание, предлагали уладить все путем переговоров с местными властями. Но после длительной борьбы верх одержала беднота, решено было выступить на Золку организованно, совместно с крестьянами соседних селений.

Центром движения было сел. Наурузово, откуда агитаторы ушли в соседние кабардинские селения с призывом поддержать наурузовцев и присоединиться к начавшемуся движению. В частности, агитаторы-наурузовцы побывали в селениях Кучмазукино, Тамбиево I, Тыжево, Коново, Атажукино I, Атажукино II и др.

По старинному кабардинскому обычаю *зэпэбаш*, восставшие дали клятву не изменять друг другу и быть твердыми до конца. Выступление было назначено на 31 мая 1913 г. Тем жителям, которые проявляли нерешительность или не хотели присоединиться к восставшим, решено было объявить общественный бойкот.

Вспокоившаяся администрация округа хотела подавить движение в самом начале, чтобы не дать ему распространиться на другие кабардинские селения. К сел. Наурузово был выслан отряд солдат во главе с помощником начальника 1-го участка, который приказал собравшимся разойтись по домам. Однако этот приказ не возымел никакого действия, и восставшие двинулись на Золку.

Тем временем к наурузовцам присоединялись все новые и новые толпы крестьян из окрестных селений. Стремясь устраним «бунтовщиков», царские власти арестовали несколько человек, но это вызвало лишь новый взрыв возмущения. Крестьяне освободили арестованных сплоти, а царских чиновников со своим отрядом вынудили позорно бежать. После этого огромная толпа, воодушевленная своей первой удачей, вооружившись, кто чем мог, двинулась дальше.

Пиржеев Пшимачо

тела расправиться и с самим Клишбиевым, но тому вместе с отрядом стражников удалось скрыться.

На другой день волнения продолжались. По пути движения к восставшим присоединялись многочисленные группы крестьян из окрестных селений — Ашабово, Тамбиево I, Тыжево и др., которые также приняли присягу.

Старшина сел. Ашабово пытался было отговорить крестьян от «беспорядков». Тогда народ осадил сельское правление, чтобы расправиться со старшиной, и только вмешательство муллы спасло княжеского прислужника от народного гнева.

Таким образом, аграрное движение кабардинских крестьян, начавшееся в сел. Наурузово, скоро вовлекло в борьбу крестьян других селений, приняло характер общенародного движения. По значительно заниженным официальным данным начальника Терской области, в нем приняло участие свыше 3 тыс. кабардинских и балкарских крестьян. По другим же, более полным сведениям, число участников восстания достигало 12 тыс. человек. Восставших кабардинских крестьян поддерживали и балкарцы Урусбиевского общества.

2 июня многотысячная масса восставших прибыла на Золку, прогнала оттуда пасшихся там княжеские табуны и заняла пастбища своим скотом.

Известие о волнении в Кабарде сильно встревожило областную администрацию. Дело приняло настолько серьезный характер, что по распоряжению начальника области сюда немедленно была снаряжена карательная экспедиция для подавления вос-

В этот же день восставшие достигли Ашабово. След за ними туда прибыл начальник округа подполковник Клишбиев с отрядом стражников. Он пытался уговорить крестьян разойтись по своим селениям и домам, но в ответ на это они заявили: «Вы отдали нашу землю коопзаводчикам, дворянам, оттого мы бунтуем. Сами себе выроем могилы и умрем, но обратно не пойдём».

Тогда Клишбиев стал угрожать народу расправой, но возбужденная толпа прорвала цепь стражников, на глазах начальника округа разбила некоторых чинов администрации и двинулась дальше к Зольским пастбищам. Разъяренная толпа хо-

станции. Во главе карательных войск был помощник начальника области генерал Степанов, который получил приказание применить к восставшим «в случае надобности вооруженную силу».

2 июня царские войска с артиллерией вступили в Кабарду. К месту событий прибыл и начальник штаба войск Терской области генерал Чернозубов. Несмотря на присутствие хорошо вооруженных царских войск, волнения на Золке продолжались. Генерал Степанов пригласил к себе уполномоченных от восставших крестьян и предъявил им требование освободить Зольские пастбища и разойтись по домам. Крестьяне ответили решительным отказом. Тогда Степанов пригрозил расправой и в подтверждение своей угрозы приказал дать несколько предупредительных артиллерийских залпов по собравшимся. В воздухе засвистели снаряды, посыпалась шрапнель. Только силой оружия восставших вынудили покинуть Зольские пастбища.

Подавление восстания

3 июня 1913 г. волнение крестьян Кабарды, длившееся несколько дней, было подавлено. Начались жестокие расправы над его

участниками. Пошли бесконечные следствия, аресты и ссылки. Только в сел. Наурузово были арестованы десятки человек. Как самые главные зачинщики и подстрекатели «беспорядков» были арестованы Пшемахо Ирижев, Бота Мазанов, Локман Шомахов, Тату Гукетлов, Асхад Шогенцуков и др., которые затем были сосланы в Сибирь. Массовые аресты были произведены и в других селениях, где происходили волнения (Ашабово, Кучмазукино, Бабуково и т. д.).

Карательные войска и после подавления восстания еще долго были оставлены на территории Кабарды для охраны безопасности помещиков и кулаков, для вылавливания «бунтовщиков», скрывавшихся в лесах, в горах и в других местах. Войска, оставленные «на постой», должны были содержаться за счет жителей восставших селений.

Царское правительство было сильно напугано Зольским восстанием 1913 г. и видело в нем серьезную угрозу «порядку», который с таким трудом был восстановлен после революции 1905—1907 гг.

Глубокая память о зольских событиях живет в кабардинском народе до сих пор. Народ сложил много песен и стихов, рисующих героическую борьбу кабардинского народа со своими угнетателями. На восстание откликнулся и кабардинский поэт Бекмурза Пачев своим стихотворением «Золка»:

Забрали цветущую Золку они .
Под пастбище коннозаводское...
Мы не смолчали. Наш праведный гнев
Почувствовали палачи!

Воспламенились в борьбу сердца,
Рабы обнажили мечи.
Мечей не хватило, тогда топоры,
Вилы пустили в ход.
Все пригодилось... против князей
Бедный восстал народ.

4. ЧЕРЕКСКОЕ ВОССТАНИЕ БАЛКАРСКИХ КРЕСТЬЯН В 1913 г.

Упорный характер носило и восстание крестьян Балкарского общества в июле 1913 г. Оно было вызвано захватом таубнями Жанхотовыми общественных земель и лесных участков: Карасуйского, Бабугентского, Тапшы-Талинского и др. Эти пастбищные и лесные участки общей площадью в 42 тыс. дес.

Причины восстания были переданы в 1865 г. балкарским обществам. Балкарские таубни постепенно прибирали их к своим рукам, а затем поспешно начали закреплять за собой ранее захваченные общественные леса и продавать их разным дельцам, которые организовывали промышленную их разработку.

С 1912 г., в связи со строительством железнодорожной ветки Котляревская — Налчик и строительством лесопильных заводов в слободе Налчик, в селениях Кашкатау, Жемтале и Аргудане, еще более возросло значение этих лесов. Таубни Жанхоты и Женоковы решили окончательно захватить и продать их лесопромышленникам. Для этого Жанхоты начали возводить заборы, рыть каналы, огораживающие поляну и лесные участки. Крестьяне увидели в этом прямое стремление Жанхотовых захватить Карасуйский лес с полянами. Действия Жанхотовых и других таубнев вызвали сильное возмущение балкарских крестьян.

Пока уполномоченные Балкарского общества ездили со своими жалобами и обращались в разные ведомства и учреждения царской администрации на Кавказе, Жанхоты и Женоковы продали Карасуйский и Бабугентский лесные участки лесопромышленникам и купцам Бондаренко и Саферову и получили задатки. Как признавала царская администрация, это усилило несправедливость крестьян к Жанхотовым и Женоковым, обострило их отношения и «достаточно было самого пустого повода для того, чтобы между балкарцами и Жанхотовыми произошло столкновение».

Начало и ход
восстания

Незаконно продав общественные леса, таубни поставили трудящиеся массы крестьян Черекского ущелья в очень тяжелое положение. Крестьяне вынуждены были отныне покупать на топливо и другие нужды свой же лес, причем платить за него таубням по самым высоким ценам.

В середине июля 1913 г. жанхотовские стражники в местности Карасу, возле хутора, задержали несколько арб с дровами. Под угрозой применения оружия крестьяне вынуждены были подчиниться стражникам, сбросить дрова и с пустыми арбами вернуться домой. Весть эта сразу же облетела все поселки Черекского ущелья. 17 июля крестьяне решили специально послать из разных поселков пять арб за дровами в Карасуйский лес. При этом аробщиков строго предупредили, чтобы в случае задержки не поддавались угрозам и не сбрасывали дрова, а ждали помощи.

Вечером 19 июля аробщики были вновь задержаны жанхотовскими стражниками в Карасу, возле хутора. На категорическое требование сбросить дрова и ехать домой крестьяне ответили отказом. Упорство аробщиков привело Жанхотовых в бешенство, и они вместе со стражниками, охраняющими Карасуйский лес, безжалостно избили ни в чем не повинных людей. Избитые аробщики в тяжелом состоянии были брошены в подвал одного из домов хутора, а волы заперты в сарай.

О жестокой расправе Жанхотовых с крестьянами-аробщиками стало известно поздно вечером того же дня всему населению Черекского ущелья. Ночью 20 июля одному из задержанных удалось бежать и рассказать о случившемся. При этом он добавил, «что один из порубщиков даже убит». Это еще более обозлило крестьян и подняло их боевой дух и решимость. 20 и 21 июля состоялись сходки во всех двадцати населенных пунктах общества. В своих выступлениях крестьяне требовали положить конец насилию.

Восстание началось рано утром 22 июля 1913 г. Первой вышла колонна из поселков Верхний и Нижний Шканты численностью 250—300 человек, возглавляемая Шаваем Иттиевым. Следом вышли колонны из Турахабла (около 200 человек) и Верхнего и Нижнего Кунюма (около 250 человек). Затем выступили колонны и из остальных поселков. Восставшие были вооружены кольями, топорами, берданками, некоторые из них держали в руках красные флажки.

Напуганные гневом народа, Жанхотовы еще утром 21 июля послали верхового гонца в Нальчик с сообщением о готовящемся 22 июля нападении на их хутор. Одновременно они вывезли имущество с хутора и спрятали его в лесу.

Первой подошла к покинутому хутору общая колонна из Верхнего и Нижнего Шканты. Повстанцы освободили из подвала голодных и измученных аробщиков и выпустили волов. Вооруженная группа колонны сразу же была направлена к скальной дороге Артуд-Дорбун (пещера Артуда) для охраны от внезапного нападения на повстанцев полицейских отрядов или войск, которые могли прибыть из Нальчика.

Остальные восставшие, не ожидая прихода следующих за ними колонн, за два часа разрушили двухэтажный дом, каменный забор вдоль дороги, отгораживающий жанхотовский хутор, засыпали канаву, прорытую для закрытия въезда в Карасуйский лес. Весь каменный материал был сброшен в русло р. Черека.

После разгрома хутора восставшие крестьяне разъехались по своим селениям. 24 июля с небольшим отрядом в сельское правление Балкарского общества прибыл начальник второго участка Бекмурза Карачаев. По его приказанию был созван сход всего общества. Явилось около тысячи человек. Но Карачаеву не удалось заставить крестьян выдать руководителей и активных участников восстания. Они заявили, что «нападение на жанхотовский хутор совершено всем обществом». Бекмурза Карачаев доносил начальнику округа, что «подстрекателей и агитаторов в данном деле, несмотря на все принятые меры, не мог обнаружить и выявить их через жителей общества ввиду солидарности их действия».

В Балкарское ущелье 25—26 июля прибыл кавалерийский карательный отряд из 500 всадников с артиллерией и пулеметами.

30 июля 1913 г. по приказанию начальника Терской области руководителя Черекского восстания Мирза Цораев, Хаджимурза Мокаев и Магомед Ораков, «...как самые главные агитаторы в подстрекательстве к разрушению хутора Жанхотовых», были арестованы и посажены в тюрьму. К уголовной ответственности было привлечено 58 человек.

Уроки восстаний Решительное выступление народа против таубиев и кулаков, против правительственной политики грабежа и угнетения заставило господствующие классы пойти на некоторые уступки трудящимся крестьянам. Этим актом оно пыталось ослабить нарастающую классовую борьбу в Кабарде и Балкарии.

Так, согласно «Уложению о наказании», крестьянам, обвиненным по делу, грозила каторга на длительный срок. Действия участников восстания квалифицировались обвинительным заключением как результат экономической и сословной розни крестьян с таубиями. «Следовательно, неизбежно признать,— сказано в апелляционном отзыве,— что дело 22 июля 1913 г. случилось на почве экономических отношений и сословной вражды». Однако, начиная с 1915 г., действия крестьян стали рассматриваться как частные выступления против Жанхотовых. Даже такие свидетели, как начальник Нальчикского округа подполковник Клишбиев и начальник второго участка Карачаев, по существу отказались от своих первых показаний, данных в 1913 г. на предварительном следствии.

Господствующие классы, припертые к стене народными волнениями и открытыми революционными выступлениями кабар-

днских и балкарских крестьян, были вынуждены маневрировать и разыгрывать перед народными массами роль защитника их интересов. Но, несмотря на эти заигрывания и маневры, революционное брожение на Тереке, вызванное все усиливающимся экономическим и политическим бесправием народных масс, а также новым революционным подъемом в стране, нарастало с каждым днем и угрожало слиться с выступлениями по всей Российской империи против прогнившего самодержавного строя, против власти помещиков и капиталистов.

Таким образом, Зольское и Черекское восстания кабардинских и балкарских крестьян были направлены против колониального гнета царизма, против все усиливающейся эксплуатации помещиков и деревенской буржуазии.

Зольское и Черекское выступления потерпели поражение потому, что восставшие не имели ясной политической цели, действовали слишком неорганизованно и недостаточно наступательно. В то время в Кабарде и Балкарии не было еще промышленного пролетариата и большевистской организации, которые могли бы возглавить революционную борьбу. Тормозящее воздействие на развитие классового самосознания крестьянских масс оказывали и многочисленные патриархально-феодалные пережитки. Вместе с тем эти аграрные выступления имели большое политическое значение. Они знаменовали собой новый подъем революционного движения и стали школой революционного воспитания трудящихся масс Кабарды и Балкарии.

КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(1914 г.— февраль 1917 г.)

1. ВОЙНА И УГЛУБЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ДЕРЕВНЕ

Первая мировая война 1914—1918 гг. явилась результатом неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран и нарушения равновесия между глав-

Начало войны
и отношение
к ней местного
населения

ными империалистическими державами из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний и сфер влияния. Она была войной захватнической, грабительской¹

Истребительная мировая война явилась, как определил В. И. Ленин, эпохой кризиса для всего империализма. Она оказала пагубное влияние на экономику государств, привела к обострению классовых отношений, вызвала величайший перелом в жизни и судьбе народов. Война затронула и население Нальчикского округа. Ужасы кровавой империалистической бойни, хозяйственная разруха в стране, рост недовольства народных масс и углубление классовых противоречий давали о себе знать во всех селениях Кабарды и Балкарии и в казачьих станицах.

В первые же дни войны кабардинская знать вместе с балкарскими таубиями живо откликнулись на призыв царского правительства вести войну до победного конца, добились разрешения «сформировать конный полк четырехсотенного состава и отправить его на театр военных действий».

Лицемерно прикрываясь «пламенным желанием стать на защиту... родины», местные верхи прежде всего преследовали свои эгоистические интересы. Действуя заодно с царскими чиновниками, они рассчитывали путем крупных поставок скота и лошадей для нужд войны укрепить и расширить свои хозяйства, на бедствиях и разорении масс увеличить прибыль и барыши, а вместе с тем снискать к себе милость царской администрации.

Вся же тяжесть войны падала на плечи трудящихся масс. С объявлением 12 августа 1914 г. Терской области на военном положении Кабарда и Балкария в кратчайший срок обязаны были выставить снаряженный кавалерийский полк. Его снаряжение, обмундирование и пособие обходилось «по 500 рублей на всадника». Из скомплектованных на Северном Кавказе шести полков была сформирована так называемая «туземная дивизия». В самый разгар уборки хлеба, прямо с поля, крестьян стали сгонять на сборные пункты.

Уже в октябре 1914 г. ввиду потерь на войне верховный главнокомандующий признал «совершенно необходимым сформировать запасные сотни для всех шести полков туземной конной дивизии», и с 5 ноября 1914 г. в Кабарде и Балкарии начался новый набор «добровольцев» в запасные сотни. Новые призывы последовали и в казачьих станицах.

Империалистическая война была чужда народным массам, поэтому новые призывы и поборы порождали стремление уклониться от участия в ней, избавиться от повинностей. Достаточно сказать, что в Балкарском обществе изъявило желание поступить в запасную сотню только три человека, а на обмундирование новых всадников собрали всего сто рублей. Еще более отрицательное отношение кабардинские и балкарские крестьяне проявили при формировании второй Кавказской дивизии и Кавказского туземного конного корпуса. Под влиянием агитации горцы неохотно вступали в ряды кабардинского конного полка. Власти постоянно сталкивались также с фактами уклонения «от явки к исполнению воинской повинности» русских крестьян и ремесленников.

Война принесла лишения и испытания не только семьям, члены которых были мобилизованы в армию, но и всему населению, она вызвала серьезные перемены во всем укладе их жизни.

Изменения в сельском хозяйстве Война отразилась прежде всего на ведущих отраслях хозяйства Кабарды и Балкарии, втянутых русским капитализмом в товарное обращение (скотоводство у балкарцев, земледелие и коневодство у кабардинцев, хлебопашество у казаков и русских крестьян). Если в 1914 г. под посевами в Нальчикском округе было занято около 127 тыс. дес., то уже к 1916 г. посевная площадь сократилась до 94 тыс. Более чем в два раза сократилась посевная площадь в горных ущельях Балкарии (с 1884 до 984 дес.). Острый недостаток хлеба чувствовался в округе повсеместно.

Не лучшим было и положение в коневодстве, которое в годы войны быстро пошло на убыль. Крестьянам Нальчикского округа приходилось неоднократно поставлять лошадей по армейской повинности. А к исходу войны, когда ввиду значительных потерь в Кавказской туземной конной дивизии стало необходи-

мым непрерывное пополнение действующих полков людским составом, а также лошадьми, главное управление генерального штаба внесло в военный совет представление о том, что Кавказскую дивизию в дальнейшем необходимо пополнить «лошадьми исключительно кабардинскими».

В военные годы значительно пострадало и овцеводство. Число овец в Нальчикском округе сократилось с 584 тыс. в 1913 г. до 437 тыс. к 1916 г., в том числе в Балкарии, где находилась основная их масса, — с 330 тыс. голов до 240 тыс.

**Положение
«промышленных
заведений»**

Кабарда и Балкария и в годы первой мировой войны продолжали оставаться районом, в котором почти не было промышленности. В Нальчикском округе существовало лишь 69 мелких кустарных предприятий (известковых — 22, кирпично-черепичных — 35, лесопильных — 12) и 299 водяных мельниц; на них было занято всего 700 рабочих. Годовая стоимость всей продукции равнялась 302 292 руб. Но даже и эти предприятия работали с большими перебоями, то из-за нехватки топлива, то из-за отсутствия частей для ремонта и т. д.

Среди предприятий Кабарды и Балкарии, продолжавших работать в период войны, были: фабрика товарищества «Фанера» в слободе Нальчик, имевшая 1 локомобиль и 10 рабочих; кожевенный завод товарищества «Дружба» в станции Прохладной (1 локомобиль и 6 рабочих); пивоваренный завод Томаса и Бондаренко (1 паровой котел и 10 рабочих); маслобойный завод Гречушников в станции Прохладной (8 рабочих). Продолжали работать также сыроваренный завод в сел. Кармово (12 рабочих), мукомольная вальцевая мельница Суздальцева близ станции Прохладной (12 рабочих), такая же мельница Белоусова в станции Екатериноградской с 4 рабочими и некоторые другие заведения.

**Торговое
земледелие
и скотоводство**

Даже при общем упадке хозяйства в период войны доля товарных посевов в Нальчикском округе не только удержалась в прежних размерах, но и значительно возросла в хозяйствах кулаков, состоятельных казаков и князей. В ряду других злаков, засеваемых на продажу, по занимаемой площади на первом месте стояла кукуруза (почти 38% в 1916 г.). Неуклонно расширялись посевы пшеницы, картофеля и подсолнечника, вытесняя старую традиционную культуру — просо, доля которого уже не превышала 1/5 общей посевной площади.

Земледелие стало приобретать все более предпринимательское, товарное направление, многие коннозаводчики, получившие коневодческие участки на Зольских пастбищах, стали заниматься теперь не улучшением и развитием коневодческого дела, а извлечением «себе выгод» посевом воспрещенных растений,

сдачей в аренду участков посторонним лицам, сдачей пахоты их и уборки посевов и сена другим лицам на половинных началах и т. д.».

Особенно заметно в Нальчикском округе увеличились товарные посевы подсолнечника. По неполным данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., в округе засеялось для продажи более 6 тыс. дес. подсолнечника, в то время как в соседнем Владикавказском округе масличные культуры занимали лишь 34,3 дес.

С развитием торгового земледелия в кабардинских и русских селениях вырос спрос на усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. Между тем производство сельскохозяйственных машин в годы войны значительно сократилось и вследствие этого цены на уборочные сельхозмашины возросли в 2—3 раза. «Терский союз учреждений мелкого кредита» продавал плуги «Сакка», «Эккера» и сельскохозяйственные машины нарасхват.

Явно выраженный предпринимательский характер приобрело в период войны также скотоводство и в особенности коневодство. Только за первые два года войны коннозаводчики Терской области, по преимуществу крупные кабардинские князья и кулаки, выгодно продали 47 939 строевых и нестроевых лошадей на общую сумму 7 112 840 руб. Стоимость одной строевой лошади за год увеличилась со 140 до 256 руб.

В связи с ростом спроса на лошадей, вызванного войной, коннозаводчики на своем съезде еще в ноябре 1914 г. учредили «Общество кабардинских коннозаводчиков» и, опираясь на поддержку властей, не только прибрали к своим рукам земли в Нальчикском округе, но и заарендовали новые пастбища в соседней Ставропольской губернии.

Социально-экономические противоречия в деревне

Война еще больше углубила расслоение кабардино-балкарской деревни, увеличила социальное и имущественное неравенство, донельзя обострила классовые противоречия. Так, например, в конце 1914 г. жители сел. Бабуково, жалуясь на недостаток земли, писали, что «зачастую несколько тысяч десятин неведомо по какому праву находятся в обладании нескольких лиц, тогда как целые общества пуждаются в земле». То же самое наблюдалось и в балкарских обществах. Один таубий А. М. Айдеболов имел, например, 4500 дес. земли в Балкарском обществе и 100 дес. в Баталпашинском отделе Кубанской области, которые сдавал в аренду жителям аула Учкулан.

Подобное наблюдалось и в скотоводстве. За годы империалистической войны князья, таубии и кулаки не только сохранили поголовье скота, но и значительно увеличили, сосредоточивая в своих руках большое количество овец и другого скота. В то же время основная масса крестьян совсем не имела скота, обеспеченность им в отдельных обществах (например, в Урус-

биевском) не превышала 30%. Многие крестьяне лишились последней коровы, что, по свидетельству современников, в тех условиях было «равносильно экономической смерти горца». Из 21 871 хозяйства округа не имел лошадей 9161 двор, т. е. 41,9%, 3383 двора имели только по одной лошади. Следовательно, 12 544 безлошадных и однолошадных хозяйства, составлявших около 60% всех дворов, относились к сельской бедноте.

Под влиянием новых экономических условий крестьянство постепенно теряло свои земельные наделы, сдавая в аренду или бросая их. Вследствие этого исчезала былая уравнительность наделов и происходила концентрация земли в руках богатеев. Только в одном Атажукинском 3-м сельском обществе в 1917 г. почти четвертая часть всех крестьянских дворов лишилась своего земельного пая (из 452 дворов земельным паем пользовались лишь 337 дворов).

В связи с приспособлением хозяйства Кабарды и Балкарии к условиям войны и ростом предпринимательства со стороны князей, таубиев и кулаков, возрос спрос на рабочие руки, на сезонных и поденных работников. Безземельные крестьяне сами вынуждены были из нужды либо брать в аренду у богатых односельчан небольшие клочки земли и просить на кабальных условиях в пользование скот, либо наниматься к ним в батраки.

Значительная часть сельской буржуазии, князей и помещиков, являясь крупными земле- и скотовладельцами, широко прибегала к найму батраков и поденщиков и значительно увеличивала свои доходы. Наибольшее число наемных работников падает именно на те селения, где более всего было развито торговое земледелие: Коново — 23 наемных работника, Ашабово и Атажукино — 33, Шалушкинское — 41, Хапцево — 65, Иналово — 67. В этих селениях производились особенно большие товарные посевы (пшеницы, кукурузы).

Всероссийской переписью 1916 г. в Нальчикском округе было учтено 877 наемных работников (из них 631 на плоскости и 246, т. е. $\frac{1}{4}$ часть, в Балкарии) и 174 наемные работницы (из них 169 на плоскости). Но куда большее число наемных работников не попало в перепись, так как их наем скрывался обычным правом.

Если принять во внимание, что земледелие носит характер сезонного производства, то, кроме 1051 постоянного наемного работника, зафиксированного в Нальчикском округе Всероссийской переписью, необходимо учитывать еще и поденщиков.

В период войны спрос на наемных рабочих так возрос, что на плоскости, в русских селах и казачьих станицах за отсутствием рабочих рук часто приходилось «жать уже спелый хлеб и собирать сено, скошенное целые месяцы тому назад». Уже в 1915 г. на Северный Кавказ на заработки из Центральной

России пришло в три раза меньше, чем приходило в мирное время. В связи с этим особенно острою нехватку пришлых наемных рабочих испытывали казачьи станицы, откуда все взрослое мужское население было отправлено на фронт. Некоторый рост спроса на наемных рабочих ощущался также в кабардинских и балкарских селениях, что стояло в прямой связи с развитием в них капиталистического предпринимательства.

Однако вместо свободного найма там гораздо шире была распространена кабала в сочетании с многообразными проявлениями патриархального быта. В селениях Кабарды и Балкарии в годы войны наряду со старинными формами натуральных расчетов развивается наем за деньги сезонных и годовых работников и даже с уплатою «наперед». Князь, таубий, местный лавочник, да и кулак часто выступали здесь не как предприниматели, владеющие деньгами и орудиями труда, а как ростовщики, пользующиеся нуждой крестьянина, приобретающие его труд и продукты его труда значительно ниже их стоимости.

Деревня по власти
торгово-
ростовщического
капитала

Капитал выступал в кабардинской и балкарской деревне в очень неразвитой, первичной торговой и ростовщической форме. Носителем его была местная торговая буржуазия. К 1914 г. по Нальчикскому подат-

ному участку числилось 36 торгово-промышленных заведений с годовым оборотом каждого не менее 20 тыс. руб.

825 торговых точек Нальчикского округа в период войны давали ежегодный оборот значительно более полутора миллионов рублей. Каждая новая лавка в деревне, каждый кооператив, ведущий закупку и т. д., втягивали крестьянское хозяйство Кабарды и Балкарии в торговый оборот, углубляя расслоение крестьян на пролетариев и кулаков.

По материалам кредитных товариществ видно, что во многих селениях Нальчикского округа (Куденетово, Кошерово, Тахтомышево, Муртазово, Шалушка и др.) каждый нуждающийся крестьянин оказался в самом начале войны в зависимости от сельской буржуазии. Она, пользуясь тяжелым положением народных масс, жестоко эксплуатировала их, покупая чуть ли не даром продукт сельского труда.

Попав в кабалу, крестьянин-бедняк вынужден был, как писала газета «Терек» о селении Куденетово, из нового урожая «сбывать кукурузу за бесценок скупщикам, которые покупают на 50 процентов дешевле цены продукта». В период войны многие крестьяне оказались в таком безвыходном положении, что представители царской администрации стали даже выдавать им специальные удостоверения, в которых указывалось, что крестьянин такой-то «не имеет никаких средств к жизни».

Возросли и арендные цены на землю. Если перед войной все общества Балкарии ежегодно уплачивали за аренду земель

65 570 руб., то в 1917 г. сумма арендной платы, вносимой только одним из балкарских обществ, Урусбиевским, достигла 300 тыс. руб. Вздорожанию арендных цен способствовали и местные спекулянты и наплыв овцеводов с крупным капиталом и волчьим аппетитом. Два предприимчивых спекулянта из кабардинского селения Бабуково, «уже давно», как значится в документах, набившие руку на перекупке скота, «скупали скот для продажи» не только у односельцев, но и в станицах за пределами Нальчикского округа. Они располагали уже таким капиталом, что в состоянии были не только брать у крестьян и казаков скот за полный расчет, но и раздавали даже, пользуясь их нуждой, «многим... под скот задатки». Никакие предписания администрации Нальчикского округа старшинам сел «строго следить за торговцами», не разрешать «произвольного поднятия цен», «окончательно воспретить жителям... продажу рогатого скота частным лицам для спекуляции» и т. п. не страшили спекулянтов. Трудности военного времени широко использовались ими для обогащения.

За время войны хозяйству Кабарды и Балкарки был нанесен большой ущерб. Небольшая кустарная промышленность совсем зачахла. Исчезли соль, сахар, керосин и другие товары первой необходимости. Не хватало сена для скота, хлеба для людей. В особенно тяжелом положении оказалось мелкотоварное крестьянское хозяйство горцев. Как и русская беднота, горские крестьяне выбились из сил и уже не могли нести на себе тяжесть военных повинностей.

**Многоукладный
характер хозяйства**

Ход войны вел народное хозяйство к развалу, обнажая все сильнее и глубже противоположность классовых интересов князей, таубиев, кулаков, казачьих верхов, с одной стороны, и крестьянских масс, с другой. Импералистическая война, таким образом, явилась «ускорителем» социальных противоречий, и к ее исходу в горской деревне мы уже отчетливо наблюдаем явления, которые В. И. Ленин охарактеризовал как «узкие формы средневекового, деревенского капитализма»¹. В казачьих же станицах и русских селах Нальчикского округа, с их значительными массивами торгового земледелия и широким применением труда наемных сельскохозяйственных рабочих, капитализм успел проявить себя уже и в более современных формах. Поэтому в канун социалистической революции в России экономическая и классовая структура Кабарды и Балкарки отличалась своеобразным переплетением нескольких типов общественно-экономических укладов.

Натуральное крестьянское хозяйство даже к исходу мировой импералистической войны играло еще сравнительно большую

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 333.

роль. Значительная масса кабардинских и балкарских крестьян была задавлена патриархальщиной и еще слабо связана с рынком. Правда, они продавали уже кое-что из продуктов своего хозяйства, но это делалось из нужды, чтобы расплатиться с долгами и повинностями, а самим потом идти в кабалу, выполнять разные отработки. Так что масса крестьянских хозяйств сохраняла свой натуральный характер. Об этом свидетельствуют существовавшие вплоть до советской эпохи такие тягостные формы эксплуатации кабардинского и балкарского крестьянства, как *ныкъуэжь* (испольщина), *бегенда*, *ортак* и т. д.

В период войны роль мелкотоварного производства значительно возросла. В связи с этим усиливается процесс дальнейшего расслоения крестьянства, т. е. происходит «коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание *новых типов* сельского населения»¹ — сельской буржуазии (преимущественно мелкой) и сельского пролетариата, эксплуататорского класса товаропроизводителей в земледелии и эксплуатируемого класса сельскохозяйственных наемных рабочих.

Продолжал существовать феодально-крепостнический уклад, представленный крупными владельцами — кабардинскими князьями и балкарскими таубиями, которые, хотя и прибегали к наемному труду, держались еще в целом за счет крестьянских отработок и кабалы. Частнокапиталистический уклад завоевывал себе позиции прежде всего в сельском хозяйстве на плоскости, а также в полукустарной промышленности Кабарды и Балкарии. Широкие распахки земли, замена старого инвентаря, применение наемного труда, приспособление скотоводства к новым условиям убедительно показывают капиталистическое направление развития сельского хозяйства края.

Таким образом, экономика Кабарды и Балкарии носила многоукладный характер. Отражением и выражением такой экономической и классовой структуры, сложившейся здесь к исходу первой мировой империалистической войны, явилось усилившееся недовольство масс и обострение классовых противоречий.

2. НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА

Исходя из того, что неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран при империализме ведет к одновременности созревания в них революции, В. И. Ленин развил в новых исторических условиях теорию социалистической революции и разработал учение о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 165.

Ленинская теория социалистической революции дала пролетариату всего мира ясную перспективу борьбы, развязала его инициативу и энергию для патиска на свою национальную буржуазию, укрепила веру в победу пролетарской революции.

Выдвинутые В. И. Лениным положения о возможном некапиталистическом пути перехода отдельных народов к социализму стали одним из важнейших элементов политики большевистской партии по национальному вопросу и составной частью разработанной им новой теории социалистической революции. Они сыграли определяющую роль в мобилизации революционных сил всех народов царской России, в том числе и народов Северного Кавказа, дали план конкретных действий большевикам на местах. Руководствуясь ленинскими указаниями, большевики Терека, несмотря на преследования и аресты, собирали силы.

Во Владикавказе действовал «кружок убежденных социал-демократов» во главе с С. М. Кировым. Хотя эта большевистская группа была малочисленной, но она сыграла важную роль в пробуждении политического самосознания масс, проводя работу через различные общественные организации: больничные страховые кассы, кооперативы и сельские товарищества, а также используя для пропаганды газету «Терек». Терская администрация была серьезно встревожена деятельностью социал-демократических организаций и ее влиянием на массы. Еще в 1915 г. начальник Терской области сообщал в секретном письме начальникам округов о том, что «революционные организации уже мобилизуют свои силы для использования крестьянских масс тотчас по окончании войны в целях развития в них недовольства правительством и возбуждения их на почве земельного их неустройства и неустройства их быта».

Революционная агитация терских большевиков оказывала большое воздействие и на солдат.

**Борьба рабочего
класса
и крестьянское
движение**

На Северном Кавказе очагами революционных выступлений пролетариата были Грозный, Владикавказ, Пятигорск, Минеральные Воды. Грозненский пролетариат, по признанию «Совета съезда терских нефтепромышленников», к лету 1916 г. не только завоевал себе 8-часовой рабочий день, но сумел за один год «уже в 4-й раз» добиться от нефтепромышленников дополнительной прибавки к заработной плате на общую сумму в 1 068 302 руб., что составляло увеличение зарплат на 30%, хотя отчасти ее увеличение объясняется также катастрофическим падением ценности рубля.

Самоотверженная борьба рабочих на Тереке не только пробуждала своим примером задавленную гнетом крестьянскую массу, но и, что особенно важно, сковывала самодержавие, соз-

давая тем самым благоприятную обстановку для подготовки революции. В самой Кабарде и Балкарнии рабочие несмотря на их малочисленность смело проводили революционную агитацию. Состоящий под гласным надзором полиции Игнат Завершинский «агитирует среди рабочих ст. Муртазово Владикавказской жел. дороги не производить погрузки в вагоны зерна впредь до надбавки платы...»

Агитация находила широкий отклик в рабочей среде, и власти опасались, что Завершинский может возмутить и крестьянскую массу окрестных сел. Чтобы пресечь его действия, его арестовали и заключили в тюрьму.

Борьба рабочего класса находила отклик в сердцах местных жителей — русских крестьян, горской и казачьей бедноты.

Крестьянский вопрос являлся почвой, на которой зрел протест масс против князей, таубиев, кулаков и колониальной политики царизма. Выражая свое возмущение, балкарский крестьянин Гудуев, которому не выделили земли в Чегемском обществе, говорил: «Я отбываю денежные повинности по двум обществам, а ведь по русской пословице „с одного вола две шкуры не дерут“».

Острые столкновения между беднотой и богачами происходили почти во всех селах. В рапорте главнокомандующего Кавказской армией в декабре 1916 г. царю было доложено, что во время войны крестьяне всех балкарских обществ «игнорируют местную власть, оказывая во многих случаях противодействие распоряжениям последней либо активными выступлениями, либо уклонениями от исполнения ее требований». В апреле 1915 г. помощнику начальника 2-го участка князю Докшукину было оказано на сходе Балкарского общества открытое сопротивление и нанесено оскорбление «с целью унижить в глазах односельчан авторитет власти»; кабардинского крестьянина Ф. Апинова за сопротивление помощнику старшины и «покушение на убийство чинов сельской полиции в местности, состоящей на военном положении», царский суд приговорил к смертной казни.

«Игнорирование местной власти», а также открытое «противодействие ей» целыми сходами вызывались также захватом крестьянских земель князьями, таубиями и кулаками, защитой последних колониальной администрацией царизма. Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы целых обществ на захваты их земель феодалами и местной буржуазией, которые, как писала газета «Терек», производились в Нальчикском округе ежегодно, а в некоторых селениях (Куденетово I и др.) «приняли грандиозные размеры».

Русская, кабардинская и балкарская беднота пыталась отстаивать свои права на землю, которой она лишалась под напором предпринимательства, поддерживаемого местными властями.

«Более 60 лет... живем в сел. Мисостово, пользуясь общественным наделом и имея свое хозяйство, — жаловались крестьяне, — по в период войны сельские богачи стали считать нас временно проживающими и перестали наделять землей». Крестьянству уже ничего не оставалось, как искать какого-то выхода самому, пытаться самовольно разрешить земельный вопрос, отстаивать свои права, выступать против богатеющих скотопромышленников и коннозаводчиков.

Противоположные интересы столкнулись и при проведении в жизнь «новых правил» пользования пастбищными землями. В то время как крупные скотоводы и коневоды стремились к разделу пастбищных земель согласно количеству голов скота, основная масса мелких скотоводов выступала за раздел земли между селениями пропорционально числу дворов. Вполне понятно, что царские власти выступили в защиту интересов крупных скотоводов, а главнокомандующий войсками Кавказского военного округа приказал «настоятельно потребовать от горских обществ» выполнения правил о наделении богатых скотоводов и коневодов лучшими землями, угрожая, «что в случае отказа их... вопрос о праве их на эти земли будет решаться не в соответствии с их пожеланиями и, может быть, в совершенном лишении их прав на пользование землями».

Под давлением властей выделить участки для предпринимателей — скотоводов и коневодов — согласились только Балкарское и Хуламское общества, а Безенгиевское и Чегемское, даже невзирая на угрозу со стороны главнокомандующего Кавказским округом, постановили «не выполнять указанного параграфа» и смело представили об этом свои приговоры.

В этих документах, отражавших классовую борьбу между коневодами-скотопромышленниками и крестьянами-общинниками, отмечено упорство балкарских крестьян в борьбе за свои интересы. Поэтому «...единственным выходом из создавшегося положения» коннозаводчики считали насильственную экспроприацию у горских обществ земли и передачу ее богатым предпринимателям «помимо сельских сходов».

Балкарским скотоводам так и не удалось получить пастбищные участки, которыми владели сельские общины.

Подъем революционного движения в Кабарде и Балкарии напугал местных феодалов, буржуазию и духовенство. Они видели, что царизм не способен подавить революционный протест народных масс и часть из них стала ориентироваться на Турцию. В связи с этим оживляется протурецкая агитация, усиливается пропаганда идей панисламизма и пантюркизма. Но народные массы, отвергая призывы проповедников панисламизма, с радостью и глубокой надеждой ловили отзвуки революции в России.

3. ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ПОДЪЕМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ

Хозяйственная разруха, голод, поражения на фронте еще больше усиливали недовольство рабочих, крестьян и солдат царским самодержавием. По всей стране ширилось революционное движение, назрел революционный кризис, приведший к революции. 27 февраля 1917 г. рабочие и крестьяне, солдаты и матросы под руководством большевистской партии совершили буржуазно-демократическую революцию в России. Царское самодержавие было свергнуто. Вооруженное восстание в Петрограде было поддержано революционными выступлениями по всей стране.

Свержение
царизма

Мужественная и самоотверженная деятельность большевиков во главе с В. И. Лениным, многие годы бесстрашно боровшихся против царизма, принесла свои плоды. Российский пролетариат под руководством партии большевиков первым в мире с успехом использовал ослабление мирового капитализма в ходе мировой войны, прорвал фронт империализма и сверг царя. Были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов.

Россия, в несколько дней превратилась в демократическую буржуазную республику, более свободную в обстановке империалистической войны, чем любая страна в мире.

Подъем
освободительного
движения в Кабарде
и Балкарии

Весть о Февральской буржуазно-демократической революции в России с быстротой молнии облетела Кабарду и Балкарию. Крестьянство сразу же стихийно поднялось против князей, таубиев, кулаков, против крупных субарендаторов, за возвращение отобранных у обществ земель. Революционно-демократическое направление национального движения в Кабарде и Балкарии представлял «Карахалк» — объединение крестьянской бедноты. Состав «Карахалка» был довольно разнородным. Союз не имел ясной революционной программы, агитация, которую вели его члены, была направлена против землевладельческой знати. Организация ставила своей задачей возвращение, не только земли, захваченной на Зольских настибцах в 1913 г., но и всех земель, расхищенных князьями и уорками. Вожаки крестьянской бедноты Б. Калмыков, Т. Кашежев и другие имели связи с селениями, добивались ограничения в правах князей и кулаков, выдвигали членов союза «Карахалк» на административную работу. В марте 1917 г. в Нальчик прибыл большевик И. П. Осокин, старый подпольщик, выполнявший поручения партии в заводских центрах Урала, в мастерских Среднеазиатской железной дороги и в Поволжье. Здесь он также включился в активную революционную борьбу,

ведя большую пропагандистскую и организационную работу. В конце марта 1917 г. в Нальчике впервые была создана организация Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), к которой примкнули участники «Карахалка». Революционеры Нальчикского округа вели борьбу за полный разрыв «Карахалка» с местной знатью, кулаками, муллами, проповедовавшими в своих классовых и националистических целях «единство всех магометан».

Попытки сохранить старые порядки Свержение царя произвело на трудящихся такое сильное впечатление, что уже 3 марта «в силу циркулировавших на Тереке разнообразных слухов» командование Кавказской армии вынуждено было через газету «Терек» оповестить население о том, что «в Петербурге произошли события, вызвавшие перемену высших правительственных лиц». В извещении утверждалось, что в столице будто бы уже «наступило успокоение», а населению Терека предписывалось «соблюдать полное спокойствие для обеспечения победы» в ...империалистической войне. 5 марта 1917 г. временный генерал-губернатор Терской области генерал Флейшер, «всецело подчиняясь» власти Временного буржуазного правительства, предложил всем должностным лицам и учреждениям «продолжать свою работу в строгом соблюдении существующих законов и предубаждений Временного правительства Госдумы».

Высшая власть в Терской области была передана Гражданскому исполнительному комитету, состоявшему исключительно из местной буржуазии, верхов казачества, чиновников и духовенства. Комитет проявил себя как ярый враг трудового люда. Опираясь на казачью верхушку, он ввел смертную казнь, жестоко расправлялся с революционно-демократически настроенными людьми. Гражданский исполнительный комитет Терской области стал штабом реакции и контрреволюционных сил. Эту функцию в Кабарде и Балкарии выполнял Нальчикский гражданский комитет во главе с Чижоковым — представителем местной буржуазии.

Население Кабарды и Балкарии вскоре поняло антинародную сущность новой власти. Буржуазное Временное правительство не могло дать населению ни мира, ни земли, ни свободы. А комиссар Нальчикского округа Карачаев пытался собрать с населения Кабарды и Балкарии даже все «недоимки прежних лет», требуя от старшин селений и комиссаров участков продолжить взывание сборов «с особою энергией и настойчивостью». В ответ на это крестьяне на своих сходках бурно выражали возмущение попытками взвалить на шею бедняков все повинности, а в сел. Тыжево они добились даже постановления «выделить бедный класс поселения» из общей раскладки повинностей, освободив их от поставки лошадей и части обложений.

Крестьяне Кабарды и Балкарии выступили за возвращение своих земель с такой настойчивостью, что вновь организованный в Нальчике Окружной исполнительный гражданский комитет вынужден был 30 марта 1917 г. обратиться к кабардинцам и балкарцам со специальным воззванием по поводу аграрных «беспорядков». Пытаясь сдержать напор крестьянской бедноты и оградить интересы крупных скотопромышленников, Нальчикский окружной исполнительный гражданский комитет призывал «...не допускать в отношении бывших арендаторов Зольских участков никаких насилий, не разорять и не ломать построек... не причинять... вреда их скоту, табунам и пр. имуществу...»

Однако гнев крестьянских масс Кабарды и Балкарии достиг такой силы, что гражданский комитет не мог не считаться с их требованиями. Поэтому, обращаясь к скотоводам, коневодам, бывшим арендаторам Зольских пастбищ, комитет, чтобы избежать дальнейшего обострения классово-борьбы, призвал их «свято и безотлагательно выполнить волю народа, выраженную в приговоре съезда представителей кабардинского народа и пяти горских обществ от 26 марта (1917 г.), и очистить занимаемые участки, не стесняя своим дальнейшим пребыванием права пользования... обществ Зольскими пастбищами».

Появление первых Советов

Своеобразие Февральской буржуазно-демократической революции в России заключалось в том, что она создала двоевластие.

Оно состояло в том, «что рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство*: Советы рабочих и солдатских депутатов»¹.

Представители казачьих и горских верхов делали все, чтобы сохранить старый строй, старые порядки и удержать «свои» народы в кабале и зависимости. Поэтому, ссылаясь на «единство расы, религии и обычаев», они стремились оторвать кабардинцев и балкарцев от революционной России и с помощью империалистических сил, прежде всего турецких захватчиков, удержать трудящихся в рабстве.

Единственным путем спасения трудящихся от гнета и кабалы был путь борьбы за свое социальное и национальное освобождение совместно с великим русским, украинским и другими братскими народами нашей страны. Уже весной 1917 г. во Владикавказе, Грозном, Пятигорске и других городах Терек появились Советы рабочих и солдатских депутатов. В противовес Гражданскому исполнительному комитету Нальчикского округа и Центральному комитету Союза объединенных горцев, организованных богачами, стали зарождаться первые Советы

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 145.

рабочих и солдатских депутатов и непосредственно на территории Кабарды и Балкарии: первоначально, в апреле 1917 г., в Нальчике и на железнодорожном узле в Прохладной. В состав Нальчикского Совета вошло два социал-демократа (в их числе И. П. Осокин), два эсера (в том числе старый организатор революционных выступлений в Нальчике в первой русской революции Н. Ф. Карпинский), один анархист и т. д. — всего 20 человек. В Прохладной Совет рабочих депутатов возглавил большевик, осмотрщик вагонов Д. П. Буланов. В Нальчике возник и Совет солдатских депутатов. Возникновение Советов, несмотря на то, что большевики были в них пока в меньшинстве, было результатом революционизирования масс в крае. Это была власть, опиравшаяся на революционный почин народа. Поэтому вскоре они стали завоевывать симпатии самых широких масс округа.

Горские и русские крестьяне и трудовое казачество Кабарды и Балкарии избрали правильный путь борьбы за свое освобождение — они становились под знамя великого российского пролетариата во главе с ленинской партией большевиков.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

1. ШКОЛЫ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Изменения в политической и экономической обстановке на Северном Кавказе вынудили царское правительство провести школьную реформу, отвечающую колониальным интересам царизма. В 1859 г. был принят устав о горских школах на Северном Кавказе. В соответствии с ним 15 августа 1860 г. была открыта Нальчикская окружная горская школа с тремя классами и двумя подготовительными отделениями. Она приравнивалась к уездному училищу. При школе имелся пансион, содержавшийся на казенный счет. В школе обучались и так называемые своекоштные (платные) ученики, родители которых обязаны были вносить ежегодно 80 руб.

Нальчикская
окружная школа

Нальчикская окружная школа носила сословный характер. Доступ в нее детям крестьянского происхождения по существу был закрыт. Позже в окружную школу стали принимать детей местной буржуазии, число которых постепенно увеличивалось.

С 1860 г. наряду с горской школой в Нальчике функционировала бесплатная женская школа, рассчитанная на 23 человека. Она относилась к разряду начальных школ. Здесь учились исключительно дети русских поселян.

Среди учительского состава горской школы был лишь один кабардинец — Исхак Кармов, который имел пятиклассное гимназическое образование. Но окружная школа не могла удовлетворить растущие потребности кабардинского и балкарского населения в знаниях. В 1891/92 учебном году она могла принять только 70 пансионеров и 42 проходящих ученика. Как отмечала газета «Терские ведомости», «многим желающим было отказано в приеме».

В связи с развитием буржуазных отношений хозяйство края начало испытывать все большую нужду в грамотных людях и

особенно в специалистах. Это послужило причиной того, что в 1879 г. при Нальчикской горской школе было открыто технико-агрономическое отделение.

Нальчикская окружная школа была первым в Кабарде и Балкарии учебным заведением повышенного типа. Но ввиду ограниченности приема и скудости материальной базы она не могла оказать существенного влияния на развитие культуры Кабарды и Балкарии. За 49 лет существования ее окончил всего 427 человек. Среди выпускников кабардинцы и балкарцы составляли ничтожную цифру.

Подготовка учительских кадров

По инициативе К. Х. Атажукина и других передовых людей Кабарды и Балкарии в 1866 г. в Нальчике были организованы педагогические курсы для подготовки сельских учителей с контингентом учащихся в 10—20 человек. Учителем этой школы был назначен Кази Атажукин. Выдержавшим выпускной экзамен присваивалось звание сельского учителя и выдавалось свидетельство.

Курсы начали работу 15 марта 1866 г., но получить свидетельство об их окончании смогли всего 6 человек, так как в следующем году они были закрыты. Начальник Кабардинского округа полковник Нурид лицемерно объяснил причину прекращения деятельности курсов ленью и совершенным равнодушием кабардинцев к образованию. Это клеветническое утверждение отвечало интересам великодержавной политики царизма, но не имело ничего общего с настоящим положением вещей. Даже официальная пресса не могла скрыть стремления местного населения к знаниям. Газета «Терские ведомости» сообщала, что у горского населения «стремление к просвещению очень большое, но, к сожалению, многие причины тормозят это благое дело».

Мусульманское духовенство и наиболее реакционная часть князей и дворян, не видя в развитии школьного образования выгод для себя, оказывало противодействие начинанию Атажукина.

Но передовые люди продолжали борьбу за развитие народного просвещения. В своих прошениях и заявлениях они писали о необходимости новых школ, об отправке кабардинских и балкарских детей в учебные заведения Владикавказа, Ставрополя, Петербурга и т. д.

Известную роль в подготовке учительских кадров из местного населения сыграла Ставропольская гимназия. При ней имелось специальное отделение для обучения детей горских князей и дворян. В 1867 г. в этой гимназии обучался 51 выходец из Кабарды, Балкарии, Осетии, Чечено-Ингушетии и т. д. Здесь получили образование впоследствии известные деятели культуры: Кази Атажукин, Исхак Кармов (Кабарда), Султанбек

Абаев (Балкария), Чах Ахриев (Чечено-Ингушетия), Коста Хетагуров (Северная Осетия) и др. Учителя готовились и в учебных заведениях Владикавказ, Пятигорска, в русских станицах.

В 1878 г. во всех школах Терской области обучалось 7384 человека, в том числе 89 кабардинцев и 32 балкарца.

Более быстрыми темпами развивалось школьное образование в казачьих станицах. Одноклассные училища были открыты в станицах Прохладной (1866 г.), Солдатской (1871 г.), Пришибской (1872 г.), Екатериноградской (1873 г.), Котляревской (1876 г.), К концу XIX в. в Прохладной функционировало три школы: станичная одноклассная (более 100 детей), церковно-приходская (около 50) и женская (около 50).

Сельские начальные школы

Первые сельские школы в Кабарде возникли в 70-х годах XIX в. В 1875 г. по инициативе местного населения начали работать сельские школы с преподаванием в них русского языка в селениях Кучмазукينو (ныне Старая Крепость), Куденетово I (ныне Чегем I) и Шарданово (ныне Шалушка). В 1877 г. в этих школах обучался 61 человек. Однако крайняя нехватка учительских кадров тормозила развитие школьного дела. После многочисленных требований доверенных Кабарды и Балкарии областное начальство вынуждено было дать согласие вновь открыть в 1873 г. педагогические курсы. При Нальчикской окружной школе был создан специальный класс из 10 человек для подготовки сельских учителей. Но вскоре и специальный класс и сами сельские школы оказались перед неизбежностью неминуемого закрытия, так как царские чиновники отнеслись к ним крайне неблагоприятно.

В отчете попечителя Кавказского учебного округа за 1877 г. отмечается, что «этому весьма полезному и необходимому для области учреждению, а также и трем аульным школам суждено, кажется, в будущем, 1878 г., быть закрытыми благодаря несочувствию и крайне странному взгляду на эти учреждения местного окружного начальства». Начальник округа «употреблял в дело... всевозможные средства для закрытия специального класса. На протяжении 4 месяцев учащимся не выдавали стипендии, не отпускались деньги на содержание учителя и т. д.».

Не получая материальной поддержки, к середине 90-х годов XIX в. перестали существовать и все сельские школы.

Но, несмотря на это, интерес кабардинцев и балкарцев к просвещению с каждым годом возрастал. В 1896 г. газета «Терские ведомости» писала, что сильное стремление простого темного люда к грамоте, просвещению «в Нальчикском округе приходится наблюдать почти на каждом шагу». Кроме министерских школ, в 1896 г. была открыта так называемая воскресная шко-

ла для взрослых в слободе Налчик. В ней обучались более 40 человек в возрасте от 18 до 35—40 лет.

Мусульманские школы Интересам царских властей и местных эксплуататоров более отвечали мусульманские школы-медресе, имевшиеся почти в каждом населенном пункте. В них обучались мальчики и девочки. Попечителями медресе были сельские муллы, которым родители учеников давали определенное вознаграждение натурой или деньгами.

В мусульманских школах воспитание и обучение детей стояло на низком уровне. Здесь не было квалифицированных преподавателей, подавляющее большинство «учителей» были отсталыми, безграмотными, толком не знали арабского языка, не говоря уже о других отраслях науки. Обучение в медресе велось путем механического заучивания непонятных им текстов из корана. Поэтому мало кто из учеников выучивался читать, хотя на это уходило много лет. «Сколько сил при этом тратится напрасно,— писал Казим Атажукш,— можно судить уже по одному тому, что сохсты (так называли учеников) не могут после десятилетнего срока обучения научиться писать и читать свободно, не говоря уже о переводе». Ориентируясь на отсталую султанскую Турцию, медресе тормозили духовное развитие народа, играли реакционную роль.

Передовые люди Кабарды и Балкарии выступали за развитие светского образования. Однако их попытки в этом направлении встречали решительное сопротивление со стороны мусульманского духовенства, стремившегося сохранить монопольное положение медресе. Но влияние мусульманских школ постепенно ослаблялось.

Культурно-просветительные организации и кружки В распространении грамотности и культуры среди населения некоторую роль играли различные просветительные организации. В 1883 г. во Владикавказе возникло «Общество распространения образования и технических знаний среди горцев Терской области». Оно выдавало пособия отдельным студентам, обучавшимся в вузах, училищах и других учебных заведениях. За 12 лет своего существования (с 1883 по 1895 г.) общество израсходовало на эти цели 11 500 руб. Его услугами пользовалась в основном местная верхушка.

Определенную просветительную работу проводила Налчикская окружная школа, передовые учителя которой организовывали вечера, устраивали любительские спектакли, читки и т. д. Так, 2 февраля 1883 г. в школе состоялся юбилейный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения В. А. Жуковского. Программа включала в себя чтение и декламацию стихов поэта и исполнение национальных танцев кабардинцев и балкарцев. Юбилейный вечер прошел с большим успехом.

Силами учеников и преподавателей ежегодно два-три раза ставились пьесы русских классиков-драматургов. В 1884 г. ими была поставлена пьеса Островского «Бедность не порок», а в 1888 г. — «В чужом пиру похмелье». Инициатором подобных представлений был клуб интеллигентов. Он привлекал к своей работе кабардинцев, находившихся на русской службе, и других более или менее грамотных людей.

В июле 1894 г. в Нальчик приехала капелла Славянского. В здании Нальчикского клуба были даны два концерта. Несмотря на высокие цены, желающих послушать выступление капеллы оказалось больше, чем предполагалось. Помещение клуба было до отказа заполнено, и «громкая толпа народа, — писала областная газета, — столпилась еще на улице под окнами здания».

В Нальчикской окружной школе в 1899 г. отмечалось столетие со дня рождения А. С. Пушкина. Программа юбилейного вечера состояла из 30 номеров. Как отмечала газета «Казбек», «все юные исполнители, иные в костюмах, провели свои роли прекрасно». По окончании торжества ученикам окружной школы были преподнесены подарки: сборники избранных стихотворений А. С. Пушкина, тетради с его портретом и т. д.

Нальчик — культурный центр Кабарды и Балкарии Первые очаги культуры в Нальчике возникли в середине XIX в. С 1860-х годов здесь начали функционировать окружная школа, педагогические курсы и женская бесплатная школа. Ученические вечера и другие «увеселительные» концерты были единственными культурно-просветительными мероприятиями. Нальчикское общество прилагало усилия к тому, чтобы расшприть культурные очаги. В 1894 г. население слободы собрало по подписке деньги, чтобы на лето пригласить «оркестр военной музыки». В конце XIX в. в Нальчике имелось три школы, благотворительное общество, аптека, почта, телеграф, общественный клуб.

В подъеме культурного уровня местного населения известную роль играли различные периодические издания, поступавшие в Нальчик. В 1891 г. население Нальчика (2503 чел.) получало 42 названия журналов и газет в количестве 238 экземпляров.

Несмотря на свою тенденциозность, периодическая печать сыграла немалую роль в распространении среди местного населения исторических и этнографических сведений о народах Северного Кавказа, о политической, экономической и культурной жизни Российской империи. В газетах «Терские ведомости», «Северный Кавказ», «Кавказ» печатались в большом количестве материалы об общественной и культурной жизни кабардинцев и балкарцев. Через местные газеты к горцам просачивались и некоторые сведения о марксизме.

Среди жителей Нальчикского округа получили распространение произведения А. С. Пушкина, Льва Толстого и других классиков русской литературы.

2. ПРОСВЕЩЕНИЕ В НАЧАЛЕ XX в.

В начале XX в. борьба за развитие народного образования в России вступила в новый этап. Эту борьбу возглавила Российская социал-демократическая рабочая партия, принявшая в 1903 г. на II съезде разработанную В. И. Лениным программу, в которой были сформулированы следующие требования: право населения получать образование на родном языке; светскость школы; бесплатное и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоюго пола до 16 лет; запрещенне предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет); ограниченне рабочего времени подростков (16—18 лет) шестью часами.

В годы первой русской революции борьба за демократическую светскую школу с обучением на родном языке захватила также Кабарду и Балкарню. Здесь предпринимаются новые попытки создания национальной письменности и кабардинского букваря, предназначенного для обучения детей родному языку, ведется кампания за расширение сети школ.

Рост классового и национального самосознания трудящихся кабардинцев и балкарцев обострил борьбу за свободный доступ их детей в школу. По словам Б. Э. Калмыкова, эта борьба велась не только в общекабардинском масштабе, но и в каждом селении. Некоторую роль в приобщении кабардинцев и балкарцев к просвещению сыграли станичные школы.

К началу XX в. школы имелись уже во всех русских селах и станицах. Всего в 1901 г. в них насчитывалось 22 министерских училища и 7 церковноприходских школ. Учащиеся министерских училищ, предназначенных для детей «русских простолудинов», получали небольшой объем знаний. Они изучали закон божий, русский язык с чистописанием и арифметику. Обучение носило характер зубрежки и натаскивания детей в духе религиозности и воспитания верноподданнических чувств.

В церковноприходских школах большая часть учебного времени отводилась изучению закона божьего, церковнославянскому чтению и церковному пению. Ставя перед этими школами задачу подготовки из крестьян «ревностных христиан православной церкви и добрых слуг царю и отечеству», правительство всячески им покровительствовало, выделяя на их содержание значительные средства.

Кроме названных школ, в начале XX в. по линии военного ведомства в станице Прохладной была открыта школа для так называемых иногородних детей. В 1904 г. в ней числилось 130 учащихся, собранных из русских и кабардинских селений. Детей здесь обучали столярному, сапожному, кузнечно-слесарному и другим ремеслам.

Нищета и бедность не позволяли основной массе родителей посылать своих детей в школу. Не могли они рассчитывать и на материальную помощь от местной администрации и органов просвещения.

Волнения в Нальчикской горской школе

Борьба за демократизацию школы оказала известное влияние и на часть учащейся молодежи Нальчикской окружной горской школы, социальный состав которой в начале XX в. изменился. В школу стало больше поступать детей купцов, мещан, нижних чинов, казаков, сельской буржуазии. В Нальчикской горской школе, как и во всех школах Российской империи, господствовал тяжелый казарменный режим. Произвол школьного начальства, отсутствие какой-либо заботы о перестройке обучения, отставшего от новых требований жизни, вызывали недовольство не только со стороны передовой общественности Кабарды и Балкарии, но и части учащихся школы. В декабре 1905 г. учащиеся школы подали на имя преподавателей две петиции. В них они требовали немедленного увольнения смотрителя школы, отличавшегося грубостью и жестоким обращением, привлечения в педагогический совет родителей с правом решающего голоса, разрешения пользоваться книгами из общественной библиотеки, свободы собраний, реформы школы. Требования отражали рост самосознания учащихся школы, недовольство царившим в школе режимом.

События в Нальчикской горской школе вызвали серьезное беспокойство местных властей и школьной администрации Терской области и Кавказского учебного округа. Расследованием причин волнений в школе занималась комиссия во главе с жандармским полковником и дирекция народных училищ области.

Главным виновником возникших в школе волнений был признан учитель И. М. Кармов. Он был обвинен в том, что «состоял в тесных дружеских отношениях с вожаками революционного движения, из которых некоторые содержатся в тюрьме». Признав деятельность И. М. Кармова «особенно вредной», генерал-губернатор Терской области удалил его из школы. Расправа с учителем вызвала протест со стороны прогрессивно настроенных деятелей просвещения Кавказского учебного округа.

В его защиту выступил работавший в то время инспектором Л. Г. Лопатинский. Травле и преследованию со стороны ме-

стных царских властей подвергались и другие прогрессивно настроенные учителя.

Борьба за национальное равноправие в школьном образовании Развернувшаяся в 1905—1907 гг. борьба народов России за национальное равноправие во всех его формах показала, что царизму все труднее становилось проводить политику национальной дискриминации в области народного просвещения. Председатель созданного в августе 1905 г. министерством народного просвещения особого совещания по вопросам образования «восточных инородцев» А. С. Будилович признал, что революционное движение привело к ослаблению в национальных районах «устоев русской народности и образованности» и усилило их стремление «к полной национализации своей школы». К такому же выводу вынужден был прийти и царский наместник на Кавказе. Он признал, что обучение в начальных училищах края должно вестись на родном языке, а на учительские должности должны назначаться лица, владеющие родным языком учащихся.

В 1906 г. в Тифлисе издается новый кабардинский букварь, а при Нальчикской окружной горской школе открываются курсы по подготовке учителей для начальной кабардинской школы. Наступившая после поражения революции 1905—1907 гг. полоса черносотенной реакции показала, однако, что царизм в действительности не намеревался сделать родной язык «орудием первоначального обучения в училищах для инородцев». Утвержденные новые «Правила о начальных училищах для инородцев» требовали воспитания детей нерусских народов в духе верноподданничества.

И все же царизму не удалось ликвидировать влияние общественного подъема, вызванного революцией 1905—1907 гг., на развитие школьного дела в Кабарде и Балкарии. В 1909—1915 гг. в слободе Нальчик, в кабардинских селениях Атажукино II (ныне Кызбурун I), Атажукино I (ныне Заюково), Брамта (ныне Вольный Аул), Касасво (ныне Баксаненок), Иналово (ныне Карагач), Клишбиево-Нальчикское (ныне Нартан), Ашабово (ныне Малка), в балкарском селении Гунделен, в станицах Прохладной, Екатериноградской открываются новые школы. Нальчикские мужское и женское одноклассные и ряд станичных училищ преобразуются в двухклассные и четырехклассные училища.

Реальное училище Значительным событием в развитии просвещения в Кабарде и Балкарии явилось преобразование в 1909 г. Нальчикской окружной горской школы в реальное училище, которое было первым средним учебным заведением в Нальчикском округе. Училище состояло из одного пригготовительного (с трехлетним сроком обучения) и шести основных классов. В 1915 г. в училище насчитывалось 256 уча-

Нальчик. Воронцовская улица (1912 г.)

щихся. По социальной принадлежности учащиеся распределялись следующим образом: дети князей и дворян — 48, духовенства — 6, купцов — 6, мещан — 27, казаков и крестьян — 98, прочих — 71 человек.

Социальный состав учащихся училища ярко отражал происходивший в Кабарде и Балкарии процесс смены сословной школы классовой, который, однако, здесь не завершился до самого Октября.

Среди учащихся горской школы и реального училища находилось значительное число и прогрессивно настроенных элементов, пополнявших собою ряды учителей и других деятелей культуры Кабарды и Балкарии.

**Общество
распространения
образования**

Известную положительную роль в тех изменениях, которые произошли в развитии школьного образования в Кабарде и Балкарии, сыграли также возникшие здесь в 1907 г. «Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа», «Просветительный кружок кабардино-горской молодежи» и «Нальчикское благотворительное общество вспомоществования больным и бедным

учащимся высших учебных заведений и учащимся народных училищ». В организации «Общества распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа» видную роль сыграли такие прогрессивно настроенные деятели просвещения, как И. М. Кармов, Т. Блаев, П. Кешоков, И. Абаев и др.

Общество «имело право открывать в кабардинских и балкарских селениях начальные школы с параллельным обучением в них ремеслам, чтению и письму на родном и русском языках, набирать школьных блюстителей, призванных оказывать школам помощь в удовлетворении их нужд». При помощи Общества некоторая часть кабардинской и балкарской молодежи получила возможность продолжать образование в Кабардинском реальном училище, а также в средних и высших учебных заведениях Владикавказа, Ставрополя, Тифлиса, Москвы, Петербурга и других городов страны.

Все это способствовало тому, что народное образование в Кабарде и Балкарии в этот период достигло определенных успехов. Его состояние характеризуется следующими данными:

Год	Всего школ (вместе с русскими)	Из них		Учащихся	Учителей
		кабардинских	балкарских		
1901 . .	30	30	—	522	19
1907 . .	68	38	1	2420	74
1914 . .	112	47	3	6700	172

Но несмотря на эти очевидные сдвиги, школьное дело в Кабарде и Балкарии все еще находилось на низком уровне. В Нальчикском округе в 1914 г. числилось детей школьного возраста 18,8 тыс. человек, в том числе детей кабардинцев — 13,2 тыс., детей балкарцев — 3,6 тыс. Из них, по официальным данным, было охвачено обучением лишь 3,4 тыс. человек, или 18%, в том числе детей кабардинцев — 1,7 тыс. человек, или 12,8%, и детей балкарцев — 85 человек, или 2,3%. Крайне скудными были расходы на просвещение. По переписи 1911 г., они составляли всего 9 коп. на одного жителя, т. е. в 9 раз меньше, чем в целом по России.

По существу не велось школьного строительства. Из 44 учтенных школ округа 40 имели лишь по одной классной комнате. Серьезным препятствием, тормозившим вовлечение детей в школу, являлось и отсутствие подготовленных учителей,

особенно из кабардинцев и балкарцев. Из всех учителей, работавших в школах, только десять имели педагогическое образование.

Религиозные мусульманские школы

Развитие светского школьного образования в Кабарде и Балкарии в начале XX в. встречало сильное сопротивление со стороны мусульманского духовенства. В его руках находилась довольно широкая сеть религиозных школ-медресе. Сеть этих школ непрерывно росла. В 1914 г. в Нальчикском округе числилось 97 религиозных школ, в том числе 92 медресе. Их посещало около 1,5 тыс. сохт.

Царизм, запрещавший в Кабарде и Балкарии, как и во всех национальных окраинах России, обучение на родном языке, не препятствовал увеличению численности медресе и не вмешивался в их деятельность.

Медресе, а вместе с ними и мечети (в 1900 г. в Кабарде имелось 97 мечетей, в Балкарии — 40) служили орудием духовного угнетения трудовых масс кабардинцев и балкарцев, средством борьбы против светского образования. Из медресе выходили муллы — проповедники мусульманского учения, державшие в своих руках мечети, медресе, исполнение всех мусульманских религиозных обрядов. Каждый мулла был не только законоучителем, судьей, но и администратором, ведавшим регистрацией всех актов гражданского состояния.

Незадолго до Октябрьской революции в Нальчикском округе появилось несколько новометодных мусульманских школ. Наиболее крупной из них было Баксанское духовное училище. Его воспитанники наряду с мусульманским вероучением и шариатом изучали некоторые общеобразовательные предметы. Однако новометодные школы в Кабарде и Балкарии не получили сколько-нибудь широкого распространения.

3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕДОВЫХ УЧИТЕЛЕЙ

Одним из активных поборников распространения образования среди кабардинцев и балкарцев в начале XX в. являлся известный русский общественный деятель и ученый Л. Г. Лопатинский. С его именем связана одна из успешных попыток создания письменности кабардинского языка на русской графической основе. В 1891 г. в Тифлисе вышли в свет его «Краткая кабардинская грамматика» и «Русско-кабардинский словарь».

Одновременно с работой над грамматикой и словарем Лопатинский занимался собиранием кабардинского фольклора. Он был первым, кто познакомил русского читателя с наиболее интересными произведениями кабардинского устного творче-

ства. Будучи инспектором Кавказского учебного округа, Л. Г. Лопатинский горячо поддерживал требования передовых учителей Кабарды и Балкарии о введении родного языка в школах. Благодаря его стараниям в 1906 г. в Тифлисе был издан кабардинский букварь, составленный П. Тамбиевым.

В самой Кабарде и Балкарии борцами за просвещение своих народов выступали М. М. Фанзиев, Н. А. Цагов, М. Абаев и другие общественные деятели.

М. М. Фанзиев
(1880—1919)

Фанзиев происходил из крестьян. Получил духовное образование, затем окончил педагогические курсы в Уфе. Желая удовлетворить стремление молодежи к знаниям, М. М. Фанзиев создал в 1905 г. на арабской графической основе новый кабардинский букварь. Отпечатан он в Темир-хан-Шуре, он вместе со своим учеником Х. У. Эльбердовым распространял его среди населения.

М. М. Фанзиев выступал против царской политики в области просвещения, добивался открытия школ с преподаванием на родном языке, требовал, чтобы дети крестьян принимались в Нальчикскую окружную горскую школу.

Мусульманское духовенство и царская администрация резко враждебно отнеслись к просветительной деятельности М. М. Фанзиева. Его предложения об устройстве школ с преподаванием на родном языке царскими властями и мусульманским духовенством были отвергнуты, а букварь запрещен ввиду того, что он не отвечал интересам русификаторской политики царизма.

Н. А. Цагов
(1890—1935)

Особенно заметный след в истории народного образования в Кабарде и Балкарии в предреволюционный период оставила общественная и педагогическая деятельность Н. А. Цагова. Н. А. Цагов родился в Турции, куда переселились его родители. Окончив юридический факультет Стамбульского университета, работал секретарем комитета взаимопомощи кабардино-черкесов в Стамбуле, редактировал газету «Гъуазэ». Одновременно создал на арабской графической основе алфавит кабардинского языка и добивался издания книг на родном языке. Такая деятельность Н. А. Цагова не отвечала ассимиляторской политике турецких властей, поэтому в 1913 г. ему пришлось покинуть Турцию и возвратиться на родину. Здесь он полностью посвятил себя борьбе за просвещение своего народа.

В 1914 г. он становится учителем Бакасанского духовного училища. Это была первая в Кабарде новометодная мусульманская религиозная школа, в которой, кроме религии, изучались некоторые общеобразовательные предметы. Уроки Н. А. Цагова, преподававшего в училище родной язык, арифметику, естествознание, географию и краткую историю Кабар-

ды, означали полный разрыв с царившей здесь мертвящей схоластикой. Вокруг него объединились прогрессивно настроенные воспитанники, в числе которых находился А. А. Шогенцуков. Ближайшим сподвижником Цагова являлся Х. У. Эльбердов, обучавший воспитанников училища родному языку.

Педагогическая деятельность Цагова в Баксанском духовном училище продолжалась недолго. Фанатичные муллы объявили ее «еретической», развращавшей умы учеников. Преследуемый муллами, Н. А. Цагов вынужден был оставить училище. Но на этом его педагогическая деятельность не прекратилась. В сел. Кызбурун II он открывает свою школу и с еще большей энергией принимается за обучение детей и взрослых, начинает готовить учителей для кабардинских сельских школ. После победы Великой Октябрьской социалистической революции Н. А. Цагов и его воспитанники становятся организаторами первых советских школ в Кабарде.

**И. Абаев
и З. Керефов**

В предреволюционные годы разворачивается просветительская деятельность Измаила Абаева. Он энергично добивался устройства светских школ в Балкарнии, работал над созданием письменности балкарского языка, учебных книг. Горячим стремлением дать образование трудовым массам кабардинцев и балкарцев была проникнута деятельность и других учителей.

Среди них в первую очередь следует назвать З. Керефова. Выходец из бедной крестьянской семьи, З. Керефов после окончания Нальчикской окружной горской школы учительствовал в Нартановской и Муртазовской школах. Заподозренный в политической неблагонадежности, он в составе кабардинской сотни был отправлен на русско-японский фронт. За агитацию среди солдат против войны З. Керефов был предан суду и казнен.

**Т. П. Кашежев
(1866—1931)**

Кашежев был выходцем из семьи крепостного крестьянина. Сначала он получил духовное образование, потом учился в Пятигорской гимназии, а затем на юридическом факультете Петербургского университета. Возвратившись после его окончания в Кабарду, Т. П. Кашежев посвятил себя борьбе за развитие культуры и просвещения родного народа. Он начал хлопотать об устройстве начальных школ в селениях для обучения детей простого народа.

С его помощью Л. Г. Лопатинский создал «Краткую кабардинскую грамматику», опубликовал на русском языке кабардинские фольклорные тексты. Т. П. Кашежев написал ряд ценных этнографических трудов: «Свадебные обряды кабардинцев», «Ханцегуаше. Общественное моление об урожае у кабардинцев», — получивших высокую оценку в научных кругах. Ему принадлежат также записи песен о кабардинском народном

Талиб Кашежев

герое Андемиркане и об одном из центральных образов кабардинского нартекского эпоса — Сосруко.

В годы после первой русской революции Т. П. Кашежев работает учителем в Кахунской и Каменноостской школах. В 1914 г. по его инициативе Кармовское сельское общество постановило открыть школу для обучения девочек-горянок. На должность учителя общество просило назначить Т. П. Кашежева. Однако попечитель Кавказского учебного округа отклонил просьбу общества. Считая Т. П. Кашежева «политически неблагонадежным» за его сочувствие участникам Зольского восстания, попечитель округа не до-

пустил его к дальнейшей педагогической деятельности.

Трудному в условиях царизма делу просвещения кабардинского и балкарского народов посвятили себя учителя У. Блаев, Т. Шеретлоков, П. Шекихачев, П. Кешоков, Г. А. Кокнев, Х. У. Эльбердов.

Рука об руку с учителями кабардинцами и балкарцами работали русские учителя. В сел. Атажукпшо II обучал детей В. Г. Варлыгин. В 1906 г. из Вологодской губернии приехала в Кабарду Л. Н. Воробьева, которая до самой Октябрьской революции учительствовала в сел. Псыхурей. Л. Н. Воробьева была первой русской учительницей, которая вопреки реакционным адатам привлекла в школу девочек-горянок.

Кабардинский и балкарский народы высоко ценили работу русских учителей, помогавших им овладеть русским языком, ознакомиться с передовой русской культурой и оказывавших влияние на улучшение их быта.

**Борьба С. М. Кирова
за демократическую
и светскую школу**

Борьба за демократическую и светскую школу в Кабарде и Балкарии в начале XX в. была тесно связана с именем выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства С. М. Кирова. С 1909 по 1917 г. С. М. Киров вел партийную работу во Владикавказе. В эти годы он неоднократно выступал по вопросам народного образования на страницах либерально-прогрессивной газеты «Терек». В статьях, опубликованных газетой, С. М. Киров разоблачал антинародную просветительскую поли-

тику царизма, запрещавшего обучение на родном языке. С. М. Киров боролся за проведение в жизнь намеченных II съездом РСДРП требований в области народного просвещения. Он поддерживал предложения о развитии среднего специального образования на Северном Кавказе. Откликаясь на одно из таких предложений об открытии во Владикавказе политехникума, он писал: «Для Кавказа средняя техническая школа будет истинным благодеянием. Ее с нетерпением ждет весь край».

Выступления С. М. Кирова в газете «Терек» по вопросам народного образования оказывали большое влияние на передовую часть учительства Северного Кавказа, в том числе Кабарды и Балкарии. Они помогали ей правильно понимать свои задачи в борьбе за демократическую и светскую школу, которую вели большевики накануне социалистической революции в России.

**ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

Период капитализма явился для Кабарды и Балкарнии важной вехой в развитии передовой общественной мысли. В это время на базе социально-экономических сдвигов и под влиянием передовой русской культуры здесь возникает светское образование, растет просветительское движение, формируется национальная интеллигенция, деятельность которой играет важную роль в подъеме политического и культурного уровня народа.

Среди лучших представителей кабардинской и балкарской общественной мысли этого периода следует назвать известного экономиста-публициста Д. С. Кодзокова, редактора первой газеты на Тереке, филолога А. Кешева, замечательного педагога, поборника кабардинской письменности Казии Атажукина, фольклористов С. Урусбиева и М. Абаева.

В начале XX в. в развитии общественной мысли Кабарды и Балкарнии все ярственнее выступают демократические и революционные тенденции. Однако до Октябрьской революции здесь так и не сложилось ее революционно-демократическое направление как самостоятельная общественная сила. Деятельность большинства представителей передовой интеллигенции не выходила за рамки просветительства.

1. Д. С. КОДЗОКОВ (1818—1893 гг.)

Д. С. Кодзоков родился в сел. Абуково (ныне Первомайское, расположенное вблизи Кисловодска). Его отец принадлежал к кабардинскому сословию урков второй степени. Желая дать

**Детство и учеба
в Московском
университете**

своему сыну светское образование, он отдал мальчика в семью Хомяковых, принадлежавших к просвещенным слоям русского общества того времени. Закончив пансион, Кодзоков в 1834 г. поступил в Московский университет.

Учеба Кодзокова совпала с периодом, когда в России началась острая идейная борьба между «славянофилами» и «западниками». Общение с такими представителями славянофильства,

как А. В. Хомяков (крестный отец Кодзокова), Юрий Самарин, братья Константин и Иван Аксаковы, А. Кошелев, братья Иван и Петр Киреевские, оказало значительное влияние на формирование его мировоззрения и сказалось во многом на содержании его общественной деятельности.

Кодзоков получил в университете блестящее образование. Он в совершенстве знал русскую и западноевропейскую литературу и настолько хорошо владел русской речью, что, будучи студентом, принимал участие в переводе на русский язык одного французского исторического труда.

После окончания Московского университета Д. С. Кодзоков уезжает домой, но после недолгого пребывания в Кабарде возвращается в семью Хомяковых и работает в столице.

**Взгляды
Д. С. Кодзокова
на общественный
строй народов
Северного Кавказа**

С 1863 по 1888 г. Кодзоков был председателем сословно-поземельной комиссии на Тереке и Кубани. В период подготовки и проведения земельной реформы в этом крае он в самой решительной форме протестовал против проекта правительства о наделении князей и дворян земельными участками и подвергал резкой критике местную феодальную верхушку. Критикуя ермоловскую политику на Кавказе, Кодзоков в то же время осуждал переселение части народов Северного Кавказа в Турцию.

Кодзоков критиковал тех авторов, которые отрицали наличие феодальной эксплуатации в быту кабардинцев и балкарцев. В записке о сословиях в Кабарде, представленной им в 1866 г. начальнику Терской области, дается подробная характеристика крестьянских категорий, перечисляются феодальные повинности крестьян, говорится, что многие из балкарских таубиев «имеют большие стада овец и рогатого скота, для которых, кроме собственных участков, весьма обширных, арендуют в низовьях земли; большинство же населения из бедного класса находится в земельной зависимости от таубиев».

В статьях, посвященных вопросам экономического развития народов Северного Кавказа, Д. С. Кодзоков пропагандировал прогрессивные методы ведения сельского хозяйства. В частности, он рекомендовал улучшить структуру посевных площадей за счет посева высокоурожайных культур, высказывал мнение о необходимости проведения ирригационных сооружений в Терской области и Ставропольской губернии, устраивал опытно-показательные хозяйства.

**Кодзоков как
просветитель-
публицист**

Д. С. Кодзоков сыграл известную роль в просветительском движении 60—70-х годов XIX в. Он имел связи с К. Атажукиным и другими просветителями Кабарды и Балкарии, с которыми консультировался по вопросам культурного и экономического развития народов Северного Кавказа.

Кодзоков печатался в «Терских ведомостях», «Кавказе», «Ставропольских губернских ведомостях» и других периодических кавказских изданиях. Ему принадлежит большое количество записок и писем по различным вопросам общественно-экономической и культурной жизни народов Северного Кавказа. Он живо интересовался вопросами подготовки специалистов сельского хозяйства.

Открытие Владикавказского ремесленного училища он считал большим событием в жизни народов Терека и держал тесную связь с этим учебным заведением, с его воспитанниками, передав им «в вечное владение» свой опытный участок.

Кодзоков придавал большое значение изучению русского языка и понимал его великую роль в приобщении отсталых окраинных народов России к передовой русской культуре. Он указывал, что народы Северного Кавказа крайне нуждаются «в приобретении основательного знакомства с русским языком», а также «сведений в... полезных науках».

**Критика ошибочных
взглядов
Кодзокова**

Однако, характеризуя Кодзокова как прогрессивного деятеля, нельзя пройти мимо того факта, что по многим вопросам общественной и культурной жизни кабардинцев и других народов Терека он высказывал субъективистские суждения. В частности, он идеализировал крестьянскую общину и кабардинское скотоводство. Он писал: «Пастушеское хозяйство, на которое обречены кабардинцы еще на весьма отдаленное будущее, необходимо требует и общественного порядка пользования землей».

Если в некоторых вопросах Кодзоков и был близок к демократам, то в целом он оставался на позициях умеренного либерализма и, подобно своим идейным наставникам славянофилам, верил в возможность осуществления социальных преобразований «сверху», под знаком «единения царя с народом». Классовой ограниченностью воззрений Кодзокова был обусловлен и утопизм некоторых его предложений.

2. АДИЛЬ-ГИРЕЙ КЕШЕВ (1840—1872 гг.)

Первым редактором газеты «Терские ведомости» был Адиль-Гирей Кешев, широко известный в кругах интеллигенции Владикавказа и всей Терской области в 60-е — начале 70-х годов XIX в. А. Кешев родился в 1840 г., по на-

**Кешев — первый
редактор первой
газеты на Терек**

циональности абазин. Закончив Ставропольскую гимназию, он в 1860 г. поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков, который, однако, ему не пришлось окончить. Возвратившись на Северный Кавказ, он вначале работает

переводчиком в канцелярии начальника Ставропольской губернии, потом учителем татарского языка в Ставропольской гимназии, секретарем Ставропольской контрольной палаты. 31 августа 1867 г. Кешев переехал во Владикавказ и вскоре стал редактором первой на Тереке еженедельной газеты «Терские ведомости», являвшейся официальным органом Терской областной администрации. С малыми перерывами А. Кешев редактировал неофициальную часть этой газеты до 1871 г.

Создание газеты явилось важным событием в культурной жизни народов Терека. Вокруг нее начала группироваться передовая интеллигенция горских народов. В «Терских ведомостях» сотрудничали Д. С. Кодзоков, К. Атажукни, Ч. Ахриев и др.

Время работы А. Кешева в «Терских ведомостях» наложило отпечаток на их содержание. На страницах газеты часто печатались статьи и корреспонденции на злободневные темы из жизни народов Северного Кавказа, написанные представителями прогрессивной интеллигенции. Они сыграли положительную роль в пробуждении сознания местного населения, в подъеме его культурного уровня.

**Кешев —
историк и филолог**

Несмотря на чрезвычайную занятость, в период работы в газете Кешев упорно продолжал изучение литературы по истории народов Северного Кавказа, знакомился с трудами римских, греческих и византийских авторов, посвященных Кавказу. В 1869 г. А. Кешев опубликовал пространную рецензию на «Историю адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова, в которой тепло отозвался об этом труде. Убежденный в том, что к труду Ногмова «по необходимости станут обращаться будущие историки адыге, в особенности кабардинцы», А. Кешев в своей рецензии указывает и на некоторые недостатки в «Истории адыгейского народа». В частности, он высказывает свое несогласие с попыткой Ногмова вывести название «зихи» от кабардинского слова *цуг* (*цыху*) — «человек» и подвергает критике точку зрения Ш. Б. Ногмова об антском происхождении адыгов.

В 60-е — начале 70-х годов Кешев опубликовал в газете «Терские ведомости» несколько статей по адыгскому фольклору: «Характер адыгских песен», «Из адыгских преданий» и др. В них автор пытается выявить особенности устного народного творчества адыгов, ставит вопрос о необходимости собирания народных сказаний и исторических песен и т. д.

Адилъ-Гирей Кешев известен и как талантливый очеркист. В 1860 г. он опубликовал в центральных изданиях три очерка под псевдонимом «Каламбий»: «Записки черкеса», «Абреки» и «На холме». Они написаны человеком, глубоко знающим историю и особенности быта адыгских народов.

3. КАЗИ АТАЖУКИНИ (1841—1899 гг.)

Казим Атажукин родился в 1841 г. в сел. Атажукино III (ныне Куба). В 1850 г. он был послан в Ставропольскую гимназию. Здесь Атажукин знакомится с замечательными идеями великого

Формирование педагогических взглядов

русского педагога К. Д. Ушинского, увлекается его работами. После окончания гимназии Атажукин поступает на военную службу и в июле 1864 г. получает первый офицерский чин — прапорщика. В то время он служил в Тифлисе, большом культурном центре Кавказа. Здесь Атажукин усиленно занимается самообразованием, много читает, заводит знакомства с культурными деятелями Кавказа, страстно интересуется судьбой своего народа, осознает необходимость борьбы с его культурной отсталостью. В 1863 г. в одной из сельских школ во время отпуска он дает показательные уроки по изучению кабардинского языка, разрабатывает методiku его преподавания.

Педагогические взгляды Казим Атажукина нашли отражение в рукописной статье «Мнение о введении письменности в Кабарде», в полемических статьях, опубликованных в газете «Терские ведомости». В указанной рукописи Атажукин впервые выдвинул идею о необходимости преподавания кабардинского языка как средства для быстрого распространения грамотности.

Для изучения кабардинского языка и распространения кабардинской письменности Атажукин предложил использовать школы-медресе и их служителей — мулл. Выдвигая эту идею, Казим Атажукин исходил из того, что в Кабарде в то время мусульманское духовенство имело большое влияние. Он полагал, что если оно возглавит распространение кабардинской азбуки, дело пойдет быстрыми темпами и будет иметь хорошие результаты.

Но напрасно Казим Атажукин возлагал свои надежды на мусульманское духовенство. Ему самому пришлось в этом убедиться, когда реакционные служители ислама организовали против него, его книг и его просветительской деятельности бешеную кампанию. Глубоко заблуждался он, возлагая свои надежды и на царское правительство, не понимая реакционности его политики в области народного просвещения, как и во всех других областях. Но при всем том уже в первой своей работе Казим Атажукин подверг смелой критике мир духовенства, методiku преподавания в мусульманских школах, а также существующую школьную систему. Ей он противопоставил свою систему обучения, основанную на взглядах Ушинского.

Основным учебным пособием в школе была «Кабардинская азбука» («Къабардей алыфбей»), написанная Атажукиным и

изданная тиражом в 600 экземпляров. При составлении азбуки Атажукин пользовался алфавитом Услара, созданным на русской графической основе. «Кабардинская азбука», состоящая из трех частей, была разработана с таким расчетом, чтобы к концу курса обучения ученик свободно владел кабардинским письмом.

1864 г. им была выпущена также книжка на кабардинском языке «Несколько рассказов из „Гюлистана“ Саади».

Атажукин известен и как собиратель устного народного творчества. Он издал в виде отдельной книги отрывки из народных сказаний о нарте Сосруко, в которую включил «Апшик-Кериб» Лермонтова. Атажукин записал и опубликовал сказание об Ашемезе и Пшибадинокке. Он перевел и в 1867 г. издал несколько рассказов из «Детского мира» К. Д. Ушинского — «О воде», «О воздухе». Общий тираж всех изданных Атажукиным на кабардинском языке книг превышает 2 тыс. экземпляров.

Атажукин ратовал за укрепление экономических и культурных связей кабардинцев с русским народом, за тесное общение с передовыми представителями России.

«Потребность в знании русского языка, — говорил он, — не может исчезнуть в Кабарде; ее положение и отношение к русским таковы, что ей обходиться без русского языка невозможно. Это сознают и будут сознавать сами кабардинцы».

4. ИСМАИЛ И САФАР-АЛИ УРУСБИЕВЫ

Исмаил Урусбиев происходил из балкарского дворянского сословия таубиев. 11 января 1853 г. получил чин прапорщика милиции, а 8 октября 1868 г. был произведен в подпоручики, Композитор С. И. Танеев, в 1885 г. писал о нем: «...Это человек, знающий весь Кавказ, обычаи разных народов, музыку старинную и новейшую (понятно, кавказскую)... При всем этом грамоты не знает. Считается здесь первым знатоком кавказских преданий».

Исмаил Урусбиев и его сыновья — Науруз и Сафар-Али сопровождали М. А. Балакирева и С. И. Танеева в их поездках по Кабарде и Балкарии, помогали им в отборе и записи наиболее оригинальных танцев, мелодий и песен кабардинцев и балкарцев. Старший из его сыновей — Сафар-Али обучался в Петровской академии (ныне Сельскохозяйственная академия им. Тимирязева). Под влиянием крупных русских ученых того времени В. Миллера и М. Ковалевского Сафар-Али Урусбиев стал интересоваться этнографией, фольклором и языком своего народа. «В настоящее время, — писали В. Миллер и М. Ковалевский, — один из туземцев, Сафар-Али Урусбиев, занимается составлением грамматики родного языка, применив русскую азбуку к выражению его звуков». Но различные обстоятельства

помешали ему завершить начатую работу, и его грамматика так и не увидела света.

В 1881 г. Сафар-Али Урусбиев опубликовал интересную статью «Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области». Здесь собраны народные сказания «Урызбек», «Рачикау», «Сосуко», «Шауай». В предисловии — «Несколько слов от собирателя и переводчика» — Сафар-Али Урусбиев, указывая на историческую общность нартского эпоса ряда народов Северного Кавказа, пишет, что нартские сказания «сохранились у всех горских племен, живущих на Кавказе, составляя общее их наследство от времен самой глубокой древности».

Правильно понимая общественную роль народных певцов — гегуако и зная то большое уважение, которым они пользуются у населения, С.-А. Урусбиев гневно выступал против преследований их со стороны мусульманского духовенства — кадинов, эфендинов, мулл и т. д.

Вместе с тем у Сафар-Али Урусбиева, как и у некоторых других деятелей того времени, были ошибочные взгляды по вопросам истории своего народа, в частности о происхождении балкарцев. Он считал, что предками балкарцев являлись монголы. «В горах Пятигорского округа Терской области, — писал он, — живет племя татарского или монгольского происхождения, населяющее несколько аулов; оно говорит татарским языком».

Другой сын Исмаила Урусбиева — Науруз — в 1885 г. окончил Владикавказское реальное училище, для своего времени был образованным и культурным человеком, встречался с выдающимися русскими композиторами П. И. Чайковским и С. И. Танеевым. По совету последнего Науруз собирал и записывал народные песни и сказания, которые были опубликованы Н. П. Тульчинским в 1903 г.

Вместе с тем необходимо помнить, что несмотря на несомненные заслуги Урусбиевых как культурных деятелей своего народа они, принадлежа к господствующему классу, были защитниками интересов этого класса и прочно стояли на его позициях.

5. МИСОТ АБАЕВ

Балкарский общественный деятель М. Абаев, получив хорошее светское образование, долгие годы служил в русской армии, затем ушел в отставку в чине ротмистра. После этого некоторое время Абаев был начальником 2-го участка Нальчикского округа, затем начальником Хумаринского участка Баталпашинского отдела Кубанской области.

Результатом большого и кропотливого труда явилась его работа «Балкария», опубликованная в журнале «Мусульманин»

в 1911 г. в виде исторического очерка. Это первый в дореволюционной историографии обобщающий труд по истории балкарцев, где дана характеристика важнейших этапов истории балкарского народа.

Обозревая исторические этапы, пройденные балкарцами, М. Абаев уделяет большое внимание происхождению балкарцев, их социально-экономическому развитию, взаимоотношению с Россией и соседними народами, причем, характеризуя социальные отношения в Балкарии, он показал наличие в ней классового неравенства.

Говоря о земельных отношениях, Абаев отмечает, что здесь давно сложилось право собственности на землю. «В этом народе, — пишет он, — с незапамятных времен и поныне существуют обычные поземельные права под названием: „бегенда“, „ортак“, „эмчеклик“ и т. п. „Бегендное право“ переходило от поколения к поколению. Оно не имело никакого срока». В своей статье М. Абаев дает также описание эмчекского поземельного права и других институтов феодализма.

Отмечая своеобразие в общественно-экономическом развитии Балкарии, М. Абаев в то же время правильно указывал на те общие элементы, которые были свойственны общественному быту кабардинцев и балкарцев. Он уделил внимание освещению связи Балкарии с закавказскими и другими народами.

Работа М. Абаева содержит интересные сведения и о взаимоотношениях Балкарии и Кабарды. Он показал наличие древних дружественных связей между двумя народами. Нередки были случаи, когда кабардинцы брали на воспитание балкарских детей, становясь, таким образом, их аталыками, и наоборот. В то же время он подробно рассказал о попытке кабардинского князя Асланбека Кайтукина распространить свою власть над жителями Черекского ущелья.

Знание устного народного творчества соседних народов помогло М. Абаеву умело использовать в своей работе не только балкарские, но и кабардинские предания, о чем свидетельствуют приводимые им кабардинские крылатые слова и выражения.

В труде М. Абаева нашли отражение и другие его взгляды на историю своего народа. Сообщая ряд интересных сведений о земельных отношениях Кабарды и Балкарии, о земельной политике царизма, М. Абаев вместе с тем допускает ошибки в толковании некоторых фактов, связанных с землеустройством. В этом важном вопросе он оказался в плену взглядов царских чиновников, стремившихся представить дело так, что царизм якобы хотел улучшить земельное владение балкарцев, а ему мешали местные деятели. Идеализируя колониально-аграрную политику царизма, М. Абаев указывал, что царское правительство якобы строго учитывало потребности балкарских обществ в настижных землях.

В своих статьях и заметках М. Абаев уделил большое внимание положению женщины-горянки в обществе. Показав угнетенное и бесправное состояние балкарской женщины, он отмечал, что такое положение является одним из тормозов, задерживающих движение балкарцев к прогрессу. Поэтому он ставил вопрос о необходимости улучшения положения горянки, выступил с резким протестом против обычая хищения невест.

М. Абаев —
просветитель

«Исправить нравы — уничтожить кражи, разбои, увозы девушек и т. п. административными мерами и вообще репрессиями невозможно», — писал он. Абаев считал, что умножить край и «исправить нравы» может только образование и воспитание.

М. Абаев критиковал местную администрацию за то, что она, увлекаясь административными мерами, мало занималась школьными делами.

В статье «Горцам Северного Кавказа», опубликованной в 1910 г., он обращается к своим землякам — учителям, медицинским работникам и ко всем грамотным балкарцам с призывом повсеместно распространять грамотность путем обучения не только детей, но и взрослых и таким образом «поработать на пользу своих единоверцев и родителей».

КУЛЬТУРА КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Социально-экономические изменения, происшедшие в жизни кабардинского и балкарского народов, а также укрепление их связей с соседним русским населением привели к определенным изменениям в их материальной культуре и прикладном искусстве.

Поселения,
жилища

В 60-х годах XIX в. царская администрация провела укрупнение селений «в целях облегчения надзора». Связанное с этим переселение кабардинцев на новые места, а следовательно, и возведение новых жилищ и других построек придало новые черты облику селений.

К концу XIX в. в кабардинских селениях появляется центр — площадь, около которой располагались сельское правление, мечеть, лавки. Резче стали выявляться в жилище классовые различия. Помещики и кулаки, нанимая для постройки русских мастеров, строили дома нового типа из тесаного камня, кирпича, дерева или самана с железными или черепичными крышами. В отдельных помещениях домов делались деревянные полы и потолки.

В 1869 г. домов русской постройки во всем округе насчитывалось только 11, к началу XX в. число их намного возросло. Но основную массу по-прежнему составляли плетеные, обмазанные глиной дома, покрытые соломой.

К концу XIX в. и в домах старого типа, сделанных из плетня, а позднее и из самана, стали выкладывать фундаменты из булыжника па глиняном растворе с засыпкой землей. Традиционный навес вдоль дома, обращенный во двор, с появлением фундамента превратился в открытую галерею. На галерею выходили двери и окна, часто снабженные ставнями и наличниками, украшенными резьбой.

Наряду с сохранением отдельных выходов из каждого помещения в нарушение старого обычая начали делать внутренние двери между смежными комнатами. Под влиянием русских жилищ появляются дома, состоящие из трех помещений — *унэшхуэ*, *лэгъунэ* и *сени* (сени) посередине между ними. В сени вела дверь со двора, а в остальные помещения входили через сени. Позднее, особенно в нагорных районах Кабарды, очаг стал выноситься в сени, превратившиеся, таким образом, в подобие кухни.

Массовое распространение печей типа голландок, но с плитками, началось с 90-х годов. Печи постепенно стали делать во всех комнатах, кроме *унэшхуэ*, где стойко держался пристенный камин-очаг, даже при наличии отдельной кухни для приготовления пищи.

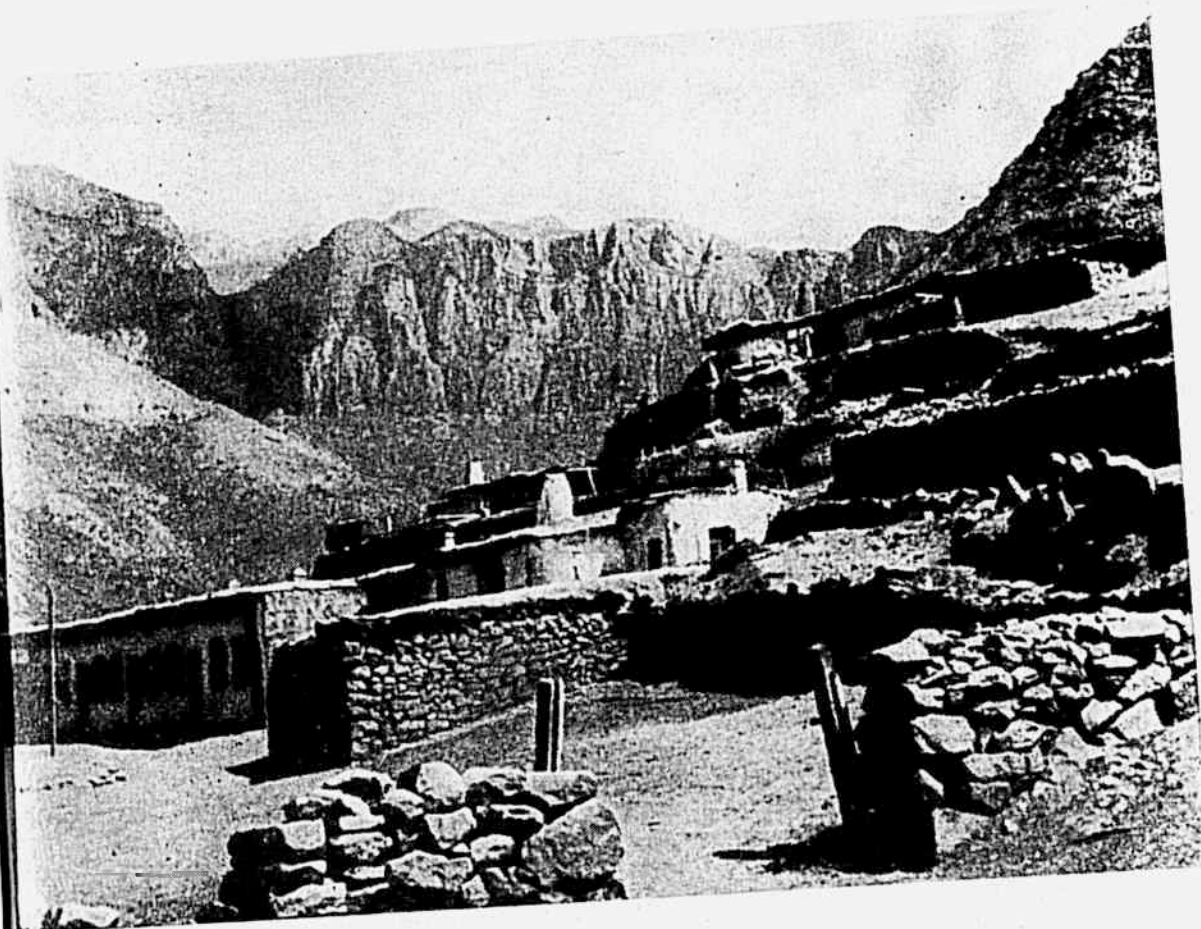
Все вышеописанные изменения внесли значительные улучшения в жилище кабардинцев и в условия их жизни. Дома стали светлее, теплее, уютнее, в них легче стало поддерживать чистоту. И хотя большинство населения за неимением средств жило в домах старого типа, влияние русской культуры чувствовалось все более.

Начал выработываться новый тип кабардинского дома, послуживший в годы Советской власти отправной точкой для постройки новых жилищ.

Процесс изменения селений и жилищ у балкарцев проходил несколько более замедленно. Даже в первой четверти XX в. в балкарских селениях можно было наблюдать одновременно три типа построек: а) большие старинные, но обитаемые постройки со средним очагом с дымарем и даже без дымаря; б) небольшие более новые постройки с пристенным очагом; в) дома нового типа, появившиеся в конце XIX и главным образом в начале XX в., принадлежавшие представителям социальной верхушки — таубиям, крупным кулакам.

Частичные изменения в жилищах старого типа сводились к появлению небольших окон со ставнями, досчатых потолков и изредка печей в помещении молодых — *отоу*. Среди новых домов преобладали двухэтажные постройки с балконом-галереей вдоль всего верхнего этажа, на который выходили двери всех помещений. В верхнем этаже таких домов были уже не только досчатые потолки, но и деревянные полы, а также печи. Окна со ставнями выходили на галерею. Нижний этаж служил хозяйственным целям. Большей частью рядом с таким домом имелся старый уллуой, в котором жили старики.

Появление двухэтажных домов характерно и для соседних горских народов. Это объясняется тем, что жилище часто строилось на склоне горы. Нижний этаж углублялся тремя стенами в землю, и, таким образом, с задней стороны дом казался одноэтажным. В Баксанском ущелье, где такого рода построек

Часть балкарского селения Думала

было больше, их часто делали с двухскатными тесовыми крышами. Здесь наряду с каменными и бревенчатыми домами появляется много досчатых. Новые дома русского образца в Балкарии, как и в Кабарде, строились только зажиточными слоями населения (Балкаровы, Урусбиевы, Барасбиевы и др.).

Внутреннее
убранство жилищ.
Пища

Национальный характер внутреннего убранства жилищ сохранялся у обоих народов вплоть до революции, но значительно возросло применение покупных привозных изделий. В быту большинства населения продолжала господствовать местная, национального типа мебель, но улучшилось ее качество. Токарной работы круглые столики с фигурными ножками, детские люльки, деревянные кровати русского образца, изготовлявшиеся как русскими, так и местными мастерами, украшали дома не только местных богачей, но и среднего крестьянства.

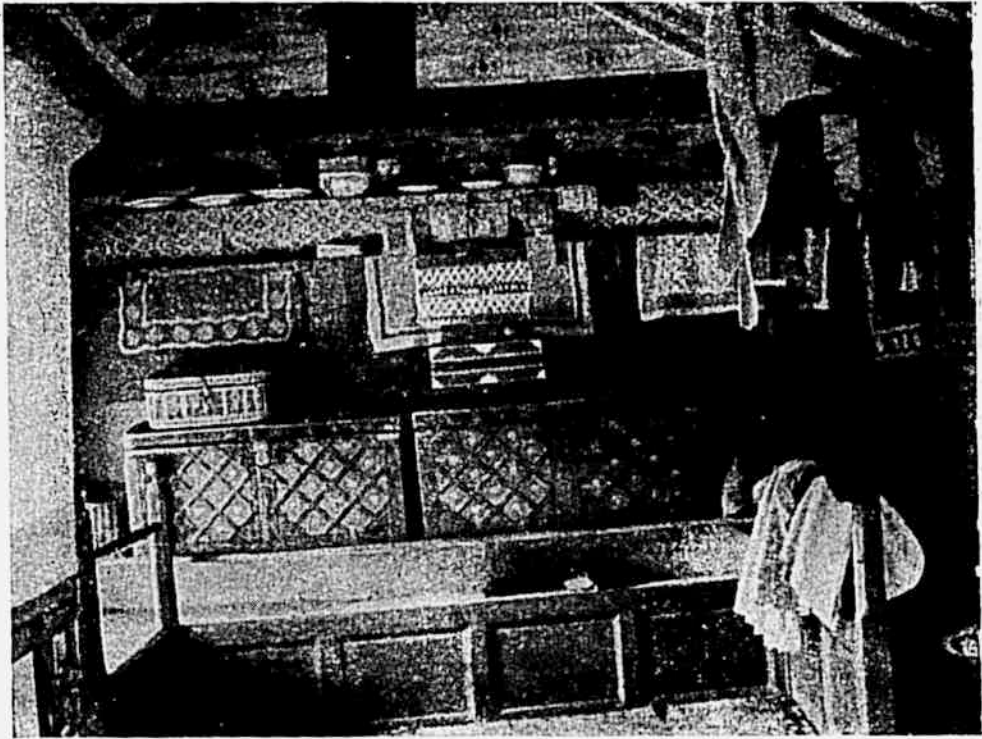
В более зажиточных кабардинских домах в конце XIX в. начинают бытовать длинные, во всю стену невысокие шкафы, высотою с магазинный прилавок, на которые складывали постели и ставили сундуки. В богатых жилищах можно было встретить иногда и европейскую мебель: стенные зеркала, столы, стулья, диваны.

В Балкарии, где в убранстве жилища особенно большую роль играли войлоки, последние в ряде случаев начали вытесняться тканями.

Все новшества скорее проникали в *отоу* или *лагъунэ* — жилища молодых супружеских пар, более современных по постройке. На стенах висели различные предметы, не распространенные раньше в обиходе горцев: подчасники, подвесные футляры для писем, подставки для лампы и т. п., сделанные из картона, обтянутые материей и украшенные вышивкой золотом, цветными нитками, шелком или шерстью с применением бисера или блесток.

Среди ковров, украшавших жилища богачей, появились изделия не только ручной, но и машинной работы. Значительные изменения произошли и в утвари, хотя в большинстве домов преобладала деревянная и медная посуда старого типа. Стали проникать в селения самовары, чайники, блюда и подносы, медные тазы, полоскательные чашки, стаканы, стеклянные вазочки и др. Завозилась сюда и кустарная деревянная посуда русской работы — хохломские расписанные чашки и ложки. Лучина стала вытесняться керосиновыми коптилками, а также дешевыми керосиновыми лампами.

В этот период на предприятиях Центральной России стали усиленно изготовляться товары «восточного типа», учитывавшие местные нужды и подражавшие местным формам. Из чугуна делались котлы для варки пищи, кубганы для умывания.

Внутреннее убранство богатого кабардинского дома (1883 г.)

Находили сбыт на Северном Кавказе и так называемые «калмыцкие чашки» из дешевого фаянса — большие, с ручкой, на поддоне, имитировавшие местные формы, и т. п.

Пища в большей степени, чем другие элементы материальной культуры, сохраняла национальный характер, хотя и здесь произошли некоторые изменения. С увеличением посевов кукурузы и пшеницы во второй половине XIX — начале XX в. расширился ассортимент блюд кабардинской и балкарской кухни. Значительно разнообразил меню балкарских крестьян картофель, который в горных условиях оказался высокоурожайной культурой. Посадки картофеля, начиная с 80-х годов XIX в., стали непрерывно увеличиваться. Расширилось и потребление привозных товаров — сахара и чая.

Одежда

Мужская одежда кабардинцев и балкарцев настолько хорошо была приспособлена к местным условиям и вместе с тем отличалась такой красотой и своеобразной элегантностью, что издавна завоевала признание соседних народов. Поэтому вплоть до 20-х годов XX в. она почти полностью сохраняла свой облик. Изменения произошли в основном в материале и лишь отчасти в форме и покрое.

Группа чеченских девушек (аул Урусбий. 1883 г.)

Домотканое сукно сохранилось в употреблении главным образом для шитья черкесок. При этом богатые люди начали шить черкески из покупных сукон, что еще больше разнообразило их расцветку. В начале XX в. стали носить очень длинные черкески, в чем, видимо, сказалось влияние казачества. Для шитья бешметов стали использоваться покупные ткани: сатин, кашемир, атлас, иногда ситец и т. п. Наряду с однотонными материалами употреблялись и ткани с несложным геометрическим рисунком, но преобладали бешметы черные и белые. Значительно шире вошло в обиход нательное белье из бязи, холста или ситца.

Среди зажиточных слоев населения обычная низкая папаха из овчины и курпея начала сменяться высокой узкой папахой казачьего образца. Значительное распространение получили и русские сапоги на твердой подошве, а также галоши, надевавшиеся поверх кожаных чулок — *мест.* Но эта мода на высокие папахи и длинные черкески не получила широкого распространения и вскоре вышла из употребления.

Женская одежда за тот же период изменилась в гораздо большей степени. Местное домотканое сукно почти совершенно вышло из употребления. Все предметы женской одежды шились из покупной ткани фабричного или кустарного производства.

Для рубах и платьев будничных выбирали ткани однотонные или с мелким неброским рисунком — клеточками, крапинками, мелкими цветочками и т. п. Для праздничных платьев, кроме гладких тканей, употреблялись плотные шелка, затканые цветами того же тона, что и фон ткани. В одежде балкарских женщин наблюдались бóльшая яркость расцветки и более резкие сочетания цветов.

Значительные изменения произошли в покрое женской одежды. Если раньше платья женщин по своему крою были сходны с черкесками, т. е. имели цельную спинку и передки, то в конце XIX в. их стали делать отрезными и закрытыми спереди, нижняя часть сзади и на боках закладывалась в складки. Под влиянием городской моды изменяется крой рукава. Вместо прямого рукава делается выкройной, длиной до кисти, в верхней части присобранный, а иногда даже с буфом. Изменяется и характер отделки. Вышивка дышенда постепенно вытесняется золотой гладью, большое значение приобретает галуи, встречается украшение покупным позументом, шелковой тесьмой, кружевом, блестками.

Перед первой мировой войной некоторые женщины даже начали носить модные кофты с юбками, но в сочетании с серебряными поясами и национальным головным убором. Кроме самых разнообразных платков — шелковых азербайджанских, набивных, шерстяных из кашемира или типа пледов и, наконец, шелковых, тканых цветами, так называемых купеческих шалей, — молодые девушки носили модные в тот период шарфики газовые, кружевные косынки, шарфы вологодской работы и т. п.

На смену высокой женской кабардинской шапке *дыцэтылэ* с круглым или конусообразным верхом широко распространилась цилиндрическая невысокая шапочка, украшенная длинной кистью и шитьем золотыми нитками гладью. Надевали ее, однако, только девочки и девушки. Невесты и молодые женщины носили старинные шапочки. На ногах, кроме местной обуви, начали носить русские ботинки на высоких каблуках со шнуровкой.

Изменяется и характер украшений. Преобладающей формой пояса молодых женщин и девушек становится сплошь серебряный, с гравировкой и чернью или с накладной филигранью, работы местных, а также армянских или дагестанских мастеров. Вошли в обиход женские часы на длинной цепочке, которая обвивалась вокруг шеи два-три раза (для часов делался на груди платья маленький карманчик), а также серьги, браслеты, кольца. Все эти изменения в одежде и украшениях характерны в первую очередь для закрытых слоев населения.

Проникновение в Кабарду и Балкарию швейных машин, распространявшихся главным образом разъездными агентами

фирмы «Зингер», а также обязательное для каждой кабардинки и балкарки умение шить облегчали восприятие новых форм одежды. Но нарядным праздничным и в особенности свадебным костюмом оставалась традиционная одежда.

Изменения в одежде коснулись больше кабардинцев, чем балкарцев. Это объясняется непосредственным соприкосновением первых с русскими районами, близостью к городам, железной дороге, более высокой степенью товарности их хозяйства.

Детская одежда изменялась так же, как и одежда взрослых. Следует отметить, что в ношении одежды и ее расцветке исчезли сословные запрещения. Запретный прежде для недворянок темно-красный бархат стал излюбленным для праздничной одежды девушек всех сословий. Количество одежды, особенно у более богатых, увеличивалось.

Изменения в прикладном искусстве

Пореформенный период, связанный с развитием капиталистических отношений и усиленным проникновением русского влияния и городских элементов быта, оказал свое воздействие и на прикладное искусство кабардинцев и балкарцев. В обработке дерева приобрело большое значение токарное дело. Токари выделывали деревянные чашки, блюда, а более всего столики на точеных фигурных ножках, люльки. Появились различные шкафы неплохой столярной работы с новыми элементами украшений.

В постройках конца XIX в. и особенно начала XX в. чаще замечается тенденция украсить наличники окон, ставни, балюстрады галерей, карнизы домов резьбой пропильного типа. Эти работы выполнялись не только пришлыми мастерами (русскими, иногда грузинами), но и плотниками из местных национальностей, и выполняемые ими орнаменты получали национальный характер. Это преимущественно криволинейные формы, рогообразные узоры, зигзаги, завитки и т. п., имеющие общие черты то с золотым шитьем, то с войлочными аппликациями.

В узорных войлоках балкарских женщин увеличилась многоцветность за счет применения фабричного сукна для аппликаций на джигыч-кизях и использования анилиновых красок для окрашивания шерсти при изготовлении войлоков с валичным или инкрустационным узором. Но характер узоров оставался прежним.

Наибольшие изменения претерпело искусство золотого шитья. Очень трудоемкая техника шитья вприкреп в значительной степени вытесняется более легким гладьевым швом, носящим выразительное название *бээр идэ* (т. е. базарная вышивка). Этим швом вышивали шапочки, нагрудники, кафтанчики и платья.

В богатых домах делали бархатные, шитые золотом одеяла, скатерти на стол русского типа или настенные вышитые золотом по бархату ковры.

Конец XIX и начало XX в. принесли также вышивку цветными нитками, шерстью и шелком с включением в узор блесок, бисера и стекла. Особенно охотно применялись блестки, напоминавшие металлические бляшки и хорошо сочетавшиеся с золотым шитьем. Вместе с новыми материалами произошли и изменения в сторону многоцветных вышивок. Характерное ранее строгое сочетание вышивки золотыми и серебряными нитками с одноцветными тканями дополнялось более пестрыми вышивками, выполненными не только гладью, но иногда и крестиком.

Распространившиеся в это время печатные образцы для вышивания, а также заимствование узоров с фабричных тканей, обоев и т. п. во многих случаях приводили к утрате национальной специфики. В ряде случаев, впрочем, новый материал для шитья и новый тип предметов сочетались с сохранением или творческой переработкой старых орнаментальных форм, что давало интересные результаты.

Таким образом, не только в хозяйстве и в социальных отношениях, но и в материальном быте и прикладном искусстве кабардинцев и балкарцев происходил сложный процесс развития, складывались новые формы, рождаемые как эволюцией внутри самого народа, так и значительным прогрессивным влиянием русской культуры.

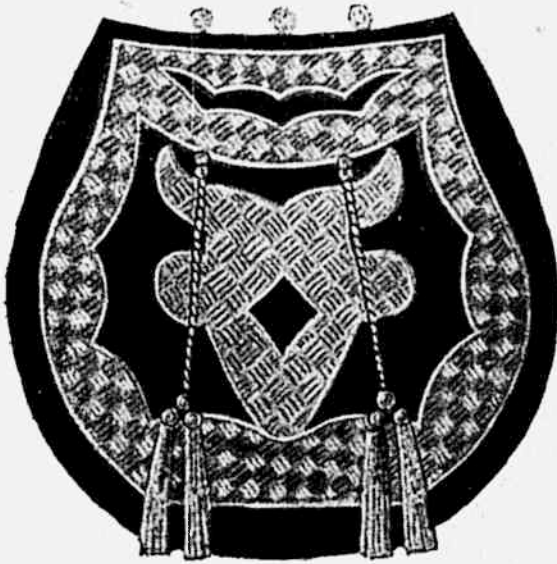
2. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

В устном народном творчестве второй половины XIX в. отражение событий, связанных с освобождением крестьян, занимает одно из центральных мест. Но в зависимости от классовой и словесной принадлежности,

политического уровня и умонастроений создателей и носителей фольклора произведения на эту тему имели самое разнообразное социальное звучание. В одних реформа воспринималась как радостное событие, олицетворяющее победу правды над крив-

*Серебряный
кинжал*

Женская сумочка, вышитая золотом

крепостных крестьян. «Дали нам право откупиться, — говорится в одном сказании, — болтают об освобождении. Царь приказал освободить нас, а князь сказал: откупитесь. Да разве это освобождение?» С другой стороны, фольклор отразил и недовольство феодалов освобождением крестьян. Так, например, в кабардинском сказании «Как освобождали пшитлов» говорится о том, что, не согласившись с условиями освобождения крестьян, князья и дворяне подняли мятеж и отказались отпускать крепостных: «Кто же на нас работать будет, печи нам топить, воду для нас носить?!»

В период освобождения широкое распространение получили своеобразные частушки — кабардинские *кебжеки* и балкарские *чамсёзле*, в которых осуждалось бесчеловечное угнетение феодалами своих крепостных, высмеивались чвапство и спесивость князей, считавших физический труд позорным делом, «княжескую честь унижающим».

Юмор и сатира — основное поэтическое оружие творцов пореформенного фольклора. Главной мишенью народных сатириков были феодалы, богачи, муллы, стяжатели. В иносказательной форме обличалась жестокость, жадность, алчность представителей господствующей феодальной и нарождающейся капиталистической верхушки, а также мусульманского духовенства. Следует отметить, что в пореформенном народном творчестве семейная, бытовая тематика принимает более широкое общественное звучание, в семейно-бытовых новеллах поднимаются проблемы большого общественного значения, проблемы морали, этики, шариятских судилищ, калыма. Усиление общественного и со-

дой, укрепляющее веру в «доброе царя» и благие намерения самодержавия. В других гневно осуждался фарс с «освобождением» крестьян. К последним относятся «Кушхов Жамбот», «Жалоба крестьянина», «Тюремная», «Пшinasильники» и другие песни-плачи, которые и сейчас поражают силой ненависти к поработителям, пафосом борьбы, эмоциональной выразительностью.

Фольклор сохранил нам детально те обстоятельства, при которых происходило освобождение кре-

пального мотивов в фольклоре пореформенного периода и значительное скрещивание семейно-бытовых тем с общественными объясняются широкой активизацией низов, политическим их пробуждением.

Значителен цикл народных повестей и рассказов о переселении адыгов в Турцию. Причем здесь фольклор точно вскрывает сущность того, почему за переселение ратовали князья: дабы, переселившись в другую сторону, в сторону, где «чалма не знается с чувяками из сыромятной кожи», сохранить свое владычество, господство над крепостными, освобождаемыми «русским законом».

В плаче «Гонят нас в Стамбул» говорится:

Черные вороны машут крылами,
Подлый Анзоров правит делами,
Родина, мы не увидимся снова.

.....

Всем паспорта нам всучили обманом,
Нас обдурили, а спорить нельзя нам,
Гонят нас, гонят из края родного...

Широкую известность в пореформенный период получает творчество выдающихся кабардинских и балкарских народных поэтов-сказителей, таких, как Лаша Аганоков (1834—1918), Бекмурза Пачев (1854—1936), Кязим Мечнев (1859—1945), Саид Мажоев и др., выступивших с произведениями большого общественного звучания, в которых подчеркивается мысль, что «освобождение» не принесло кабардинскому и балкарскому крестьянству желанной свободы и что за ее полное торжество, за освобождение от всяких форм эксплуатации предстоит длительная и жестокая борьба против князей, мулл и деревенских богатеев.

**Фольклор
в начале XX в.**

В начале XX в. происходит дальнейшая демократизация фольклора, нарастание в нем революционных мотивов, в которых все явственнее слышны призывы к борьбе против гнета и эксплуатации феодалов и царских чиновников. Фольклор возмечивает борцов за народную свободу, воспекает их подвиги, воздает должное их беззаветной храбрости, самопожертвованию во имя интересов трудящихся. Наиболее характерными и значительными в этом смысле являются народные повести-рассказы об известном малокабардинском восстании 1905—1906 гг., в котором приняло участие несколько тысяч крестьян и которое жестоко было подавлено царскими войсками.

Дальнейшее развитие в фольклоре получает также мотив абречества, выступлений отдельных личностей против произвола феодалов, богатеев и царских чиновников. В этом плане инте-

ресны песни-хроники «Одиночная камера», «Жалоба вдовы» и др.

В песнях и сказах гневно осуждалась русско-японская война, утверждалась мысль о ее антинародности, о том, что она затеяна царем «для расширения своих земель пределов». Фольклор оставил потомству имена тех кабардинцев, которые выступали против этой бессмысленной войны.

В кабардинском и балкарском устном народном творчестве начала XX в. возникают новые циклы произведений (сказок, песен, пословиц), отражающих процесс разорения крестьянства, тяжелое положение батраков, их столкновение с кулачеством. Во многих песнях и сказах говорится о крестьянских волнениях и восстаниях в период нового революционного подъема перед мировой войной.

Большой отклик в фольклоре получило и знаменитое Зольское восстание 1913 г. В произведениях, посвященных ему, уже громко звучит призыв к вооруженной борьбе против помещиков, конозаводчиков, царских сатрапов, незаконно захвативших общественные наместники:

Мы довольно терпели,
Исходили слезами,
Заряжайте же ружья,
Расправляйтесь с князьями!

В конце XIX — начале XX в. в Кабарде и Балкарии появляются первые пьесы, созданные на фольклорной основе. Так, в 1906 г. в Нальчике, а в 1908 г. в Екатеринограде силами местной интеллигенции были поставлены первые национальные спектакли «Кумук и его невеста» и «Казанко» (силами учащегося реального училища). Театральная и музыкальная жизнь в это время заметно оживляется. В Нальчик нередко приезжают труппы из Петербурга, Москвы, Ростова.

Значительная роль в развитии национальной музыкальной культуры принадлежит талантливому музыканту-исполнителю Султанбеку Абаеву. Он родился в семье мелкопоместного балкарского землевладельца Асланбека Абаева, который принадлежал к числу наиболее просвещенных людей своего народа, понимавших необходимость и значение образования. В 1854 г. он отправил своего старшего сына Султанбека в Нальчик для поступления в школу. После ее окончания в 1858 г. Султанбек Абаев учится в Ставропольской гимназии. С большим энтузиазмом он изучает русскую грамоту, живо интересуется музыкальной жизнью Ставрополя, читает множество книг о музыке.

В 1862 г. Султанбек сдал вступительные экзамены в Петербургскую консерваторию. Экзамены принимал известный му-

зыкант, композитор и педагог Генрик Венявский. Венявский увидел в Абаеве способного от природы человека, могущего при соответствующей теоретической подготовке «пойти очень далеко».

Но Абаеву не суждено было завершить учебу в консерватории. Материальные трудности вынудили его поступить на военную службу. 4 марта 1863 г. он был зачислен во 2-й взвод лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона, находившегося в Санкт-Петербурге.

После семилетнего пребывания в Петербурге (с 1862 по 1869 г.) Султанбек Абаев возвратился на родину. Он мечтал о том времени, когда будет иметь возможность принести пользу соотечественникам. Еще в 1866 г. Абаев писал отцу: «Находясь с малолетства между европейцами, образовал себя настолько, что могу быть полезным родным и соотечественникам». По приезде он дал концерт в Нальчике и в родном ауле Шканти. О первом его концерте в Нальчике газета «Кавказ» отозвалась положительно, называя Абаева талантливым музыкантом.

В марте 1870 г. С. Абаев был зачислен в войсковую концертную группу первой Волжской бригады Терского казачьего войска, а в 1872 г. причислен к Султанскому казачьему полку. Где бы ни был Султанбек, он не расставался с любимой скрипкой, часто выступал на солдатских вечерах. Службу в войсковом музыкальном хоре он сочетал с преподавательской деятельностью в гимназии и других учебных заведениях г. Владикавказа, в которых давал уроки музыки и пения. При гимназии он создал оркестр из учащихся. Все его публичные выступления проходили с большим успехом. По поводу первого концерта, данного Абаевым в г. Владикавказе, газета «Терские ведомости» 24 декабря 1869 г. писала: «Чтобы владеть так свободно смычком и делать без малейшей натяжки и фальши самые неуловимые переходы, как это удается г. Абаеву, нужно родиться истинным артистом, а не сделаться музыкантом вследствие учения и навыка».

По инициативе Абаева устраивались музыкальные вечера, сборы от которых шли в фонд помощи нуждающимся ученикам.

Даровитый музыкант прекрасно исполнял народные мелодии балкарцев, кабардинцев, осетин. На протяжении многих лет С. Абаев собирал и изучал народные песни, мелодии и танцы народов Северного Кавказа. Но начатый им труд по сбору музыкального фольклора остался незаконченным. Тяжелое материальное положение и болезнь подкосили его здоровье и стали причиной преждевременной смерти.

3. ЛИТЕРАТУРА

В 80-е годы XIX в. в Кабарде широко стала распеваться песня, в которой неизвестный юноша, сетуя на неудачный конец своей женитьбы, пламенно и чистосердечно признавался в постигшем его горе, с суровой прямоотой осуждал мир богатых и сильных. В этой песне говорилось:

Бекмурза Пачев
(1854—1936)

Боз взяток не ходите в суд,
Всю кровь из вас там высосут.
Будь трижды чист — в суде богатых
Нет, кроме бедных, виноватых.

Эта песня стала народной. Вскоре обнаружился и ее автор. Им оказался сын кабардинского бедняка Бекмурза Пачев. Его долгая и трудная жизнь могла бы служить олицетворением судьбы своего народа. Он был свидетелем освобождения от крепостной неволи, трех революций в России, активным участником социалистического строительства в Кабардино-Балкарии.

Бекмурза Жашевич Пачев родился 1854 г. в сел. Клишбневе (ныне Нартан). Ему рано пришлось познакомиться с нуждой и горем, испытать все беды подневольной крестьянской жизни. В одном из своих ранних стихотворений он пишет о себе:

Бедняк рождается на свет
Для неудач, нужды и бод.

В 28 лет Бекмурза Пачев решает жениться, но возлюбленная принадлежит к богатому роду, и ему отказывают. Тогда он устраивает похищение девушки, закончившееся неудачно. Поэта бросают за решетку. Здесь, в тюрьме, и рождается его первое знаменитое стихотворение «Как Бекмурза жениться собирался».

Вскоре после выхода из тюрьмы Бекмурза устраивается общественным объездчиком. В этот период начинается его увлечение историей родного народа, фольклорным наследием кабардинцев. Живые образы народных богатырей Андемиркана, Дамалея Широкоплечеого, Кербеча, выступавших с оружием против произвола и насилия князей и дворян, стали для поэта примером честного и беззаветного служения народу.

В 90-е годы начинается общественная деятельность Бекмурзы Пачева. В эту пору наиболее реакционная часть кабардинской знати вновь начала подстрекать трудящихся к переселению в Турцию. Особенно усердствовали муллы, распространявшие всякие небылицы о «райской жизни на обетованной мусульманами земле турецкой». Бекмурза Пачев вступает в борьбу с подстрекателями-муллами, разыскивает по селам письма обманутых кабардинцев, переселившихся в Турцию, организо-

вывает сходь с чтением этих писем, в которых горько оплакивалась участь тех, кто, поддавшись провокационным призывам слугителей ислама, променял свою родину на неблагодатный край, в котором много зла и мало счастья для адыгов.

Муллы обвинили поэта в подтасовке писем. В ответ на это Бекмурза Пачев уехал в Турцию и через несколько месяцев, в 1901 г., привез оттуда целый том завещания кабардинцев-переселенцев, в котором они писали о трагической их участи на чужбине, о лишениях и страданиях коварно обманутых людей.

Поэт разносил эти письма по селениям Кабарды и Балкарин, читал их крестьянам. В те дни поэтом был брошен призыв к народу: «Не сходить с насиженных мест! Не слушаться обманщиков — князей и мулл!»

В борьбе с угнетателями трудящихся, с апостолами ислама и шарната формировались художественно-поэтические и политические воззрения певца. Но лишь революционные события 1905—1907 гг. принесли народному поэту верное понимание происходящих социальных конфликтов, лишь эти события открыли перед певцом мир больших политических и поэтических мыслей. Именно в этот период появляется стихотворение Бекмурзы Пачева «Князь», в котором народный гнев и возмущение существующим строем показаны с большой эпической силой:

Без пощады душит
Горцев князь богатый,
Эх, пора разрушить
Старый мир проклятый!

С этого периода тема пламенного призыва масс к классовой борьбе становится доминирующей во всем дореволюционном творчестве Бекмурзы Пачева. Стихи этих лет насыщены пафосом революционного пробуждения, страстным стремлением к свободной жизни.

Бекмурза Пачев

Творчество Пачева — это дальнейшее развитие светлых демократических традиций и мотивов народной поэзии, качественно новое явление в поэзии кабардинцев. Социальные и классовые проблемы, пафос борьбы трудового народа — основная тема его дум и стихов, песен и гыбз. Своим мощным голосом он звал людей труда к свободному, светлому и радостному миру.

Поэтическое наследие Бекмурзы Пачева разнообразно по темам и жанрам. Тут встречаются и большие поэмы, и частушкообразные кебжеки, и драматической формы диалоги, и сатирические куплеты. Он был также прекрасным композитором-мелодистом, сочинявшим мелодии ко всем своим текстам. Свои произведения Пачев писал при помощи изобретенного им самим алфавита. Он приспособил к кабардинскому языку арабские знаки, обучал на этом алфавите односельчан, которые читали и разносили в копиях его стихи и песни.

Пачев составил также целый свод афористических глубоко философских народных изречений, пословиц и поговорок, крылатых слов:

Того, что в жизни сам постигаешь,
Тому и мудрый не научит.

Чего трудом ты не добудешь,
Того потомки не получат.

Кто в битве мужества не знает,
Тот доброй славы не достанет!

Свод пачевских «верных слов» служил этическим критерием, определявшим нравственные устои людей. Он имел большое воспитательное значение для кабардинцев в их общественной жизни и в быту. Определяя место человека в жизни, Бекмурза Пачев писал:

Кто знает цену жизни,
В сраженьях кто бывал
И много лет отважно
За правду воевал,
Кто предан ей до смерти,
Кто любит свой народ,
Кто ни за что на свете
Друзей не подведет.
И кто за всех на муки
Готов пойти один —
Тот верный сын народа,
Его прекрасный сын!

Зачинателем демократической балкарской литературы был Кязим Мечнев — поэт, ставший выразителем интересов своего народа, мужественно и гневно отразивший протест против произвола богатых, органически сочетающий в своей поэзии нежную лирику и суровый эпос, тонкий юмор и язвительную сатиру.

Кязим Мечнев
(1859—1945)

В поэзии Кязима ясно выражены характер балкарского народа, его думы и чаяния, мужество и задумчивость. Поэзия его живописна, как родное Хуламо-Безенгиевское ущелье, она мудра и лаконична.

Родился Кязим в Безенгиевском ущелье, в маленьком горном поселке Шики, в семье крепостного Бекки Мечнева.

«Слагать песни,— говорил поэт,— я начал давно... Но тогда я сочинял больше о горе, потому что в те времена сама жизнь горцев была сплошным горем». И действительно, горе народное, страстное бичевание несправедливости старого мира были основным содержанием дореволюционного творчества Кязима Мечнева.

Одним из известных нам первых произведений поэта является «Жалоба», написанная в 1898 г. В песне этой рассказывается о горькой доле горячки, которую «продают и покупают, к скотине тупой приравняв». Поэт вступает в конфликт со временем, восстает против носителей зла.

Кязим не понимал путей революции. Но он понимал, что мир устроен несправедливо. В трагической поэме «Раненый тур» (1907 г.) Кязим писал:

Не хлеб ты вкушаешь, а горе,
Мой раненый тур, мой народ,
Но где же среди наших пагорбий
Охотник, что жертву спасет?

«Раненый тур» — это бунт против мира зла и жестокости, защита угнетенного народа и человека, поэма, захватывающая своей глубокой правдивостью.

Трижды ездил Кязим Мечнев в ближневосточные страны. Повсюду он видел много горя: «и глаза араба так же полны печали, как и горца», — замечает поэт. Вот почему поэт клянется, что никогда не перестанет поражать гневным словом своим несправедливость, зло и насилие. «Разве можно молчать,— говорит он,— когда всюду волки рыщут!»

Для творчества Мечнева характерно большое тематическое разнообразие. Поэт не оставлял без внимания большие политические события, определившие судьбу народа. В стихотворении «1914 год» первую мировую войну Кязим называет «бойней».

В поэме «Бузжигит» Кязим поднимается до больших философских высот, когда размышляет о смысле жизни, о труде и

Кязим Мечиев

ко в труде, утверждает он, человек находит свое назначение. Для Кязима «лентяй — дурной человек, ходячий мертвец». Бессмертно творение человека, оно сильнее самой смерти. Смерть «берет только тело человека», а созданное им «остается на земле» для людей.

В лучших своих стихотворениях поэт вдохновенно воспевает правду. Стихотворение «Правда» — это страстный гимн правде народной, которая никогда «не заблудится в тумане... не умрет, не сгинет, ни один меч не перерубит ее, и кинжал не врежется в сердце ее».

Кязим — живой свидетель жизни балкарского народа почти за целое столетие. Он неразрывными узами связал свое творчество с родным народом. Стихи и поэмы его насыщены страстным стремлением к свободной жизни. Он служил своему народу с надеждой увидеть его прекрасное будущее. Он был с ним и в радости, и в беде. Ему он подарил «лыющего родника живого — звонкой песни пламенные слова». Народность — одно из главных идейно-художественных качеств творчества Мечиева. В его поэзии правда художественная смыкается с правдой жизни.

любви, о взаимоотношениях людей. Герой поэмы гордо заявляет о том, что он умеет строить, считает для себя счастьем, что построенные им дома украшают город, что никого в мире, в котором так много жестокости, не заставил он плакать, что на земле, где пролито столько крови, ни капли крови не пролил и к рукам его приставала известька, а не кровь. И сыну своему завещает он всегда оставаться честным и чистым, не соблазняться ложной славой. Труд во имя человека — вот лучшее счастье на земле.

В этом Кязим видит мудрость жизни, толь-

Как это было и раньше, во второй половине XIX — начале XX в. кабардинская и балкарская тематика продолжала интересовать многих русских писателей. В первую очередь это можно отнести к Л. Н. Толстому, который находился на Кавказе с мая 1851 г. по январь 1854 г., принимал непосредственное участие в Кавказской войне, изучал историю кавказских народов, их язык, быт и обычаи, их богатейший фольклор.

Уже в первых письмах с Кавказа говорится о впечатлениях, которые произвели на него горские мельницы, «... построенные совсем особенным образом и очень красиво», изящество и стройность «татарских женщин» и, конечно, «дикая красота» гор.

Находясь на Кавказе, Толстой сблизился с гребенскими казаками и местными жителями, узнал много нового, захватывающего, что нашло затем замечательное отражение в «Кавказском пленнике», «Хаджи-Мурате» и других произведениях. Пребывание на Кавказе Л. Н. Толстой считал одним из лучших периодов в своей жизни, оно оставило заметный след во всей последующей творческой деятельности писателя.

Кавказский фольклор органически вошел в произведения русского писателя. Уже в одном из наиболее ранних из них — в «Рубке леса» — мы находим отзвуки кавказских преданий о великанах с «колоду добрую».

Особенно широко и многообразно он использован в «Хаджи-Мурате». Работу над будущей повестью Л. Н. Толстой начал со сбора кавказских фольклорных и этнографических материалов. Эти «материалы» к «Хаджи-Мурату» состоят из 146 пунктов, из которых 10 содержат кабардинский материал. Им использованы, например, кабардинские сказания «Докшуко Багуншюков» и «Жанболат», об Андемиркане и о «Сосрыхо и сыне Коала», а также «Песни пленных кабардинцев» и др.

Кабарда и Балкарция, их величавая природа и люди нашли свое отражение и в творчестве Я. П. Полонского, Г. И. Успенского, А. Н. Островского, А. М. Горького и других русских писателей.

Представители дореволюционной передовой русской культуры не только отражали в своих произведениях действительность Кавказа, обогащаясь духовными богатствами его народов, но и оказывали прогрессивное влияние на деятелей культуры кабардинского и балкарского народов (Д. Кодзокова, К. Атажукина, С. Абаева, И. Урусбиева, П. Тамбиева и др.). Каждый из них в той или иной мере обязан прежде всего русской культуре, передовым идеям современного им русского общества.

ХРОНИКА ДАТ И СОБЫТИЙ *

10—12 тыс. лет тому назад	Памятники эпохи мезолита, обнаруженные в гроте Сосруко в Баксанском ущелье
IV—III тысячелетия до н. э.	Агубековское поселение близ Нальчика. Период матриархата
Вторая четверть — середина III тысячелетия до н. э.	Нальчикский могильник. Культура ранней бронзы
Середина III — конец II тысячелетия до н. э.	Период бронзового века. Зарождение и развитие патриархального рода. Майкопская культура
II тысячелетие до н. э.	Культура средней бронзы. Приручение овец и лошадей, складывание кошевого типа отгонного скотоводства
I тысячелетие до н. э.	Ранний железный век. Кобанская культура
I тысячелетие до н. э.	Заселение горных районов Балкарии
IX—VIII вв. до н. э.	Начало изготовления оружия и орудий труда из железа
Середина I тысячелетия до н. э.	Период военной демократии, появление имущественного неравенства
VI в. до н. э.	Колонизация Северного Причерноморья греками. Возникновение синдского города Семибратнего
V в. до н. э.	Сложение Синдского рабовладельческого государства. Основание синдского города Горгниция
480 г. до н. э.	Образование Боспорского государства
V—IV вв. до н. э.	Развитие плужного земледелия у синдов
Вторая четверть IV в. до н. э.	Присоединение Синдского государства к Боспору
III в. до н. э.	Продвижение сармат на юг в район Предкавказья
I в. до н. э.	Появление аланских поселений в Предкавказье
I в. н. э.	Первое известие о зихах как о небольшом адыгском племени

* Хроника дат и событий составлена Г. Х. Мамбетовым.

370 г	Разгром гуннами Боспорского царства.
IV в. н. э.	Заселение адыгами левого побережья Кубани
VI в.	Начало проникновения христианства к адыгам
VI в.	Объединение прикавказских и приазовских болгар в племенной союз «Великая Болгария»
VII в.	Падение «Великой Болгарии» под ударами Тюркского каганата
Конец VII — начало VIII в.	Создание Никопской (Зихской) епархии
VIII — начало IX в.	Первое упоминание о косогах
К X в.	Сложение адыгской народности с единым языком
965 г.	Поход Святослава на Северный Кавказ
1130 г.	Этокский памятник
XII—XIII вв.	Переселение кабардинцев на нынешнюю территорию
1223 г.	Битва на р. Калке
1238 г.	Начало систематического завоевания Северного Кавказа войсками Батые
1328—1340 гг.	Война черкесов с татарами
15 апреля 1395 г.	Битва Тимура с Тохтамышем на берегу Терека
1396 г.	Последнее упоминание о кафедре зихского митрополита
XIII—XV вв.	Попытки распространения католичества на Кавказе
К началу XVI в.	Установление феодальной зависимости части осетинских обществ от кабардинских князей
1545 г.	Поход крымского хана Сагиб-Гирея в Кабарду
1552 г.	Первое адыго-кабардинское посольство в Москву
1552 г.	Присоединение Казанского ханства к Русскому государству
1556 г.	Присоединение Астраханского ханства к Русскому государству
1557 г.	Добровольное присоединение Кабарды к России
1561 г.	Брак Ивана IV и дочери Темрюка Идарова Гошаней — Марии
1567 г.	Строительство первой русской крепости на Тереке
1570 г.	Поход крымских войск в Кабарду
1588—1589 гг.	Строительство крепости у устья Терека
1590 г.	Строительство Сунженского острога у впадения Сунжи в Терек
Начало XVII в.	Установление феодальной зависимости части Чечни и Ингушетии от кабардинских князей

Начало XVII в. 1627—1629 гг.	Разделение Кабарды на Большую и Малую Русская геологическая экспедиция в Балкарию
1650 г.	Русское посольство Толочанова и Иевлова в Грузию через Балкарию
1653 г.	Сожжение Сунженского острога
1670—1680 гг.	Русско-турецкая война
1672 г.	Вторжение крымского хана в Кабарду
1686—1750 гг.	Годы жизни кабардинского мыслителя Джабаги Казаноква
Начало XVIII в.	Образование в Кабарде двух враждующих феодальных группировок — Баксанской и Кашкатауской
Начало XVIII в.	Восстание кабардинских крестьян под руководством Машуко
1707 г.	Вторжение крымского хана Каплан-Гирей в Кабарду
1711 г.	Отправление Петром I Александра Бековича-Черкасского в Кабарду для убеждения кабардинцев принять участие в русско-турецкой войне
1712 г.	Кабардинское посольство к Петру I
1715 г.	Составление первой карты Каспийского моря Александром Бековичем-Черкасским
1716 г.	Русское посольство в Хиву под руководством Бековича-Черкасского
Весна 1720 г.	Вторжение в Кабарду крымского хана Саадат-Гирей
1721 г.	Персидский поход Петра I
1723 г.	Строительство новой укрепленной линии между Моздоком и подошвой Главного Кавказского хребта
1724 г.	Турция признала приобретения России в Прикаспии
1735 г.	Начало новой русско-турецкой войны, в которой кабардинцы приняли активное участие
1736 г.	Основание Кизляра
1739 г.	Белградский трактат, согласно которому Кабарда провозглашалась «вольной», т. е. независимой
1742 г.	Кабардинская депутация к Елизавете Петровне
1744 г.	Составление карты Большой и Малой Кабарды опытным геодезистом Степаном Чичаговым
1747 г.	Восстание чеченских крестьян против кабардинских и кумыкских феодалов
1753 г.	Заключение кабардинскими феодалами соглашения о прекращении междоусобиц
1754 г.	Восстание кабардинских крестьян под руководством Дамалея

1760 г.	Восстание крестьян Герменчукской деревни против кабардинского князя Давлет-Гирея
1763 г.	Основание Моздока
Ноябрь 1764 г.	Разрешение кабардинцам и кумыкам на беспоглибную торговлю в Кизляре
1765 г.	Основание Прохладной
1767 г.	Восстание крестьян Кабарды против феодальной эксплуатации и попытки князей переселить подвластных крестьян на Куму
1768—1774 гг.	Новая война с Турцией
60-е годы XVIII в.— 1812 г.	Даты жизни Иманл-бей Атажукина
1769 г.	Назначение пристава для управления Кабардой
17 августа 1771 г.	Грамота Екатерины II кабардинским князьям
10 июня 1774 г.	Кючук-Кайнарджийский мир, окончательное присоединение Кабарды к России
1777 г.	Строительство укрепленной линии Кизляр — Моздок
1779 г.	Карательная экспедиция генерала Якоби в Кабарду
1781 г.	Восстание дигорских крестьян
1782 г.	Назначение П. С. Потемкина командующим войсками на Северном Кавказе
13 декабря 1782 г.	Общекабардинское народное собрание, потребовавшее от феодалов удовлетворения всех их требований
1783 г.	Признание Турцией р. Кубани границей русских земель на Кавказе
1785 г.	Учреждение Кавказского наместничества
1785—1787 гг.	Восстание крестьян Северного Кавказа под руководством Ушурмы
1786 г.	Основание деревни Приближной и сел. Солдатского
1787—1791 гг.	Русско-турецкая война
1793 г.	Введение родовых судов и расправ в Кабарде
1794 г.	Восстание в Кабарде против новых судебных органов
1794—1844 гг.	Жизнь и деятельность Ш. Б. Ногмова
1804, 1809 гг.	Восстания в Кабарде против колониальной политики царизма
1804 г.	Карательная экспедиция генерала Глазенапа в Кабарду
1807 г.	Учреждение духовного суда Мехкеме
1810 г.	Карательная экспедиция генерала Булгакова в Кабарду
1810 г.	Решение царского правительства приступить к меновому торгу с горцами
1811 г.	Открытие меновых дворов на территории Кабарды и Балкарии
1818—1893 гг.	Жизнь и деятельность Д. С. Кодзокова

1818 г.	Постройка крепости Нальчик и ряда военных укреплений на территории Кабарды и Балкарии
1820 г.	Открытие первой светской (аманатской) школы в Нальчике
1822 г.	Создание Временного кабардинского суда
1825 г.	Восстание в Кабарде против строительства новой линии через Кабарду
1825 г.	Составление Ш. Ногмовым кабардинской азбуки
1837 г.	Восстание крестьян Бековича-Черкасского
1838 г.	Сооружение лескенского военного укрепления
1838 г.	Восстание крестьян Большой Кабарды под руководством вольного кабардинца Карданова
1841—1899 гг.	Жизнь и деятельность Казия Атажукина
1840—1872 гг.	Жизнь и деятельность Адиль-Гирея Кешева
1843 г.	Завершение работы Ш. Ногмовым над «Историей адыгейского народа»
1845—1888 гг.	Жизнь и деятельность Султанбека Абасва
Февраль 1846 г.	Новое положение о меновой торговле с народами Северного Кавказа
1846 г.	Появление Шамиля в Кабарде
8 января 1848 г.	Открытие первой ярмарки в ст. Пришибской
1848 г.	Открытие школы в ст. Екатериноградской
1 января 1851 г.	Открытие школы на 25 мест в Нальчике
1 июля 1853 г.	Передача меновых дворов на откуп
1854 г.	Новое восстание крестьян во владениях Бековича-Черкасского
1854—1936 гг.	Жизнь и деятельность Бекмураы Пачева
1855 г.	Восстание крестьян в Чегемском и Хуламском обществах
1858 г.	Волнение крестьян в Кирхожане
1858 г.	Образование Кабардинского округа
1858 г.	Ликвидация Кавказской карантинной линии
1859—1945 гг.	Жизнь и деятельность Клязима Мечева
3 мая 1860 г.	Упразднение Кавказской линии
1860 г.	Открытие Нальчикской окружной горской школы
19 февраля 1861 г.	Отмена крепостного права в России
1861 г.	Проект освобождения крестьян, предложенный командующим на Кавказе князем Орбелани
Май 1863 г.	Создание Терской областной комиссии по разбору личных и поземельных прав под председательством Д. С. Кодакова
20 августа 1863 г.	Земельная реформа в Кабарде, признание всей земли общинной
1865 г.	Укрупнение кабардинских сел
1866 г.	Введение государственной поземельной подати

1866 г.	Создание особого комитета по крестьянским делам Кавказа
31 июля 1866 г.	Запрещение продажи крепостных крестьян и их перехода из одной общины в другую
8 августа 1866 г.	Докладная записка кабардинских и балкарских феодалов об освобождении крестьян
Ноябрь 1866 г. 1866 г.	Волнение крестьян Балкарского общества Организация педагогических курсов в Нальчике для подготовки сельских учителей
1866 г. 1866—1931 гг. 1867 г.	Открытие школы в ст. Прохладной Жизнь и деятельность Т. П. Кашежева Отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии
1869 г. 30 декабря 1869 г.	Разделение Терской области на 7 округов Обнародование постановления о введении в Терской и Кубанской областях «Временных правил горских словесных судов».
1 августа 1870 г.	Опубликование Положения о воинской повинности и о содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьего войска
1871 г. 1873 г. 1875 г.	Открытие школы в ст. Солдатской Открытие школы в ст. Екатериноградской Строительство Владикавказской железной дороги
1875 г.	Открытие школ в кабардинских селениях: Кучмазукино, Куденетово I, Шарданово (Шалушка)
1876 г. 1878, 1880, 1887 гг.	Открытие школы в Котляровской Ходатайства кабардинцев и балкарцев о закреплении за ними пастбищ
1880 г.	Строительство колесной дороги крестьянами Хуламского и Безенгиевского обществ
1880—1919 гг. 1883—1893 гг.	Жизнь и деятельность М. М. Фанзиева Строительство дороги от сел. Балкар до сел. Кашкатау
1886 г.	Открытие в Прохладной склада земледельческих орудий
1887 г.	Привлечение кабардинцев и балкарцев к отбыванию воинской повинности
1887 г.	Первый сыроваренный завод в Баксанском ущелье
Ноябрь 1889 г.	Выработка уполномоченными Кабарды и Балкарии в Нальчике «Правил пользования пастбищами»
1890 г. 1890—1935 гг. 1891 г.	Волнение крестьян в Урусбиевском обществе Жизнь и деятельность Н. П. Цагова Издание в Тифлисе «Краткой кабардинской грамматики»
1894 г.	Создание специальной комиссии для обсуждения вопроса о Зольских и Нагорных пастбищах

1894 г.	Начало строительства дороги в Чегемском ущелье
1896 г.	Волнение крестьян сел. Тыжево Дело Гошкова
1897 г.	Волнения крестьян в Балкарском обществе
1898 г.	Сельскохозяйственная выставка во Владикавказе
1900 г.	Сельскохозяйственная выставка в Прохладной
1 января 1901 г.	Отмена подымной и поземельной подати и введение оброчной подати
1903 г.	Возникновение в Нальчикском округе 39 крестьянских товариществ
1903 г.	Отказ ряда селений Кабарды производить раскладку оброчной подачи подымно
1904 г.	Волнения крестьян в Чегемском обществе
1904 г.	Открытие в Прохладной отделения «Агентства Русско-Китайского банка»
13 октября 1904 г.	Волнение солдат в 1-й кавалерийской сотне Терско-Кубанского полка
9 января 1905 г.	Кровавая расправа царизма с мирной демонстрацией рабочих в Петрограде
28 марта 1905 г.	Волнения крестьян ст. Пришибской
Октябрь 1905 г.	Многолюдный митинг в Нальчике
26 ноября 1905 г.	Вооруженное восстание крестьян Нальчика и окрестных селений, волнения в сел. Докшоково
Декабрь 1905 г.	Вооруженное восстание солдат Осетинского дивизиона
29 декабря 1905 г.	Объявление Терской области на военном положении
1905 г.	Создание М. М. Фанзиевым кабардинского букваря на арабской основе
30 июня 1906 г.	Митинг крестьян селений Баксан и Конова
1906 г.	Крупные аграрные волнения крестьян сел. Хапцева под руководством Хамида Жамурзова
1906 г.	Волнения крестьян в сел. Нижний Курп под руководством Данила Фашмухова
20 июля 1906 г.	Митинг крестьян в сел. Ново-Полтавском
28 июля 1906 г.	Митинг крестьян в сел. Ново-Николаевском
9 ноября 1906 г.	Указ о порядке выхода крестьян из общин и закреплении в личную собственность наделенной земли, ставший законом 14 июня 1910 г.
1907 г.	Образование «Общества распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа»
3 июля 1907 г.	Роспуск II Государственной думы
1908 г.	Волнение в сел. Кошерово
1910 г.	Волнения крестьян Чегемского общества

- 1912 г. Съезд доверенных в Налъчике и выработка новых правил пользования Зольскими пастбищами
- 1912 г. Волнения крестьян Хуламского общества
- 31 мая — 3 июня 1913 г. Зольское восстание кабардинских крестьян
- 22 июля 1913 г. Черекское восстание балкарских крестьян
- 1914 г. Начало первой мировой войны
- 12 августа 1914 г. Объявление Терской области на военном положении
- Ноябрь 1914 г. Учреждение Общества кабардинских коннозаводчиков
- 27 февраля 1917 г. Февральская буржуазно-демократическая революция. Свержение царизма
- Март 1917 г. Создание в Налъчике организации РСДРП
- Март 1917 г. Образование Гражданского исполнительного комитета
- Апрель 1917 г. Создание первых Советов рабочих и солдатских депутатов в Кабарде и Балкарнии

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

- Абаево (Урожайное) 341
 Аборака 52
 Абуково (Первомайское) 428
 Абхазия 28, 35, 67, 69, 83, 94
 Авария 187
 Австрия 167
 Адагум, река 52
 Адыгя 24, 33, 108, 128, 233, 374
 Азербайджан 165, 168
 Азия 62, 80, 84, 141
 Азов 85, 110, 115, 128, 131, 155,
 160, 162, 166, 167, 172, 173
 Азовское море (Меотиды) 49, 62,
 85, 160, 353
 Алалия 67, 78, 79
 Александр-Бай, залив 237
 Алмалы-Кай, гора 37
 Анапурп 194
 Анапа 52, 174
 Анатолия 28
 Англия 220
 Ансариш, река 202
 Аравия 238
 Арагвское эриставство 192, 194
 Аргудан 342, 344, 394
 Аргунь, река 100
 Ардоз 72
 Ардон, река 124
 Астраханское ханство 109
 Астрахань 103, 109, 110, 115—117,
 120, 124, 128, 135, 141, 144,
 145, 147, 151, 160, 211, 236, 238
 Атажукино I (Заюково) 24, 29,
 35, 42, 46, 386, 391, 402, 420
 Атажукино II (Кызбурун I)
 391, 420, 426
 Атажукино III (Куба) 35, 343, 432
 Атика 51
 Афины 51, 53
- Ахеунта, река 67
 Ахлово (Нижний Кури) 374, 379
 Ашабово (Малка) 326, 392, 393,
 402, 420
- Бабуково 389, 393, 401, 404
 Бабуковское 199, 356
 Байрам-аул 185
 Байрым 90
 Бакинская 14
 Баксан 77, 101, 202, 210, 225,
 278, 336, 379
 Баксан, река 24, 29, 34, 42, 78, 100,
 114, 132—134, 151, 219, 227, 246,
 249, 309
 Баксанское ущелье 15, 19, 76,
 86, 101, 134, 170, 227, 249, 250,
 326, 365, 438
 Баку 118, 165, 375
 Бакх 195
 Балкар 323
 Балкарское ущелье 87, 150
 Батарейный 52
 Баташ-Юрт 185
 Бахчисарай 131, 168
 Безенги 195
 Безенгневское ущелье 195, 453
 Бекешевская 41
 Белая, река 28
 Белоруссия 28
 Беслан 371
 Бестап (Бештау) 85, 133
 Беш-Тар (Бешдак) 85
 Бештамак, урочище 153
 Библ 28
 Большая Кабарда 106, 118, 124,
 128, 129, 131—134, 141, 149,
 154, 165, 166, 168, 169, 172,
 183, 196, 200, 222, 230, 231,

¹ Указатели составил Г. В. Шелудько.

266, 274, 281, 320, 325, 332,
344, 353

Боргустапская 41

Бороково 29, 323

Боспор, Боспорское царство 47—
49, 51—54, 62, 63

Брагуны 179

Брамта (Вольный Аул) 42, 46,
206, 229, 373, 420

Бухара 236

Бухта Бековича 237

Бык, гора 41

Былым 77

Варташен 40

В. Балкария 344

Великий Устюг 140

Венгрия 135

Веремья 28

Верхнее Кожокое (Жемтала) 342,
394

Верхний Акбаш 24, 29

Верхний Баксан 35

Верхний Джулат (Эльхотово) 85

Верхний Кункюм 395

Верхний Куркужин 343, 363

Верхний Чегем 16, 75, 149

Верхний Шкапты 395

Византия, Византийская империя
64, 69—71, 77, 79, 93

Владикавказ (Орджоникидзе) 10,
14, 172, 321, 323, 326, 343, 351,
376, 377, 379, 380, 390, 406,
411, 414—416, 422, 426, 427,
430, 431, 449

Волга (Индил), река 59, 85, 86,
115, 123, 130, 160

Воронеж 40

Воронцовка 380

Восточная Европа 27, 80, 84, 85

Восточная Грузия 172, 192

Восточное Закавказье 166

Восточное Причерноморье 44

Восточное Средиземноморье 44

Восточный Кавказ 70, 143, 160,
164

Восточный Черек, река 101, 195

Гагра 67

Ганджинское ханство 193

Геленджик 63, 66

Генуя 95

Георгиевск 172, 213, 326, 381,
385

Геркалея 51

Герменчук 179, 181

Гермонасса 48

Герпегеж 35

Главный Кавказский хребет 49,
73, 85, 94, 134, 183, 315

Голландия 235

Горгишпия 52

Горлячоводск 28

Гребенские горы 116

Греция 7, 48, 52

Грозный 219, 380, 390, 406, 411

Грузия 21, 77, 94, 103, 117, 126,
135, 143, 158, 171, 172, 177,
183, 184, 186, 191—195, 213,
226, 231, 259, 339

Гунделен 24, 35, 42, 86, 370, 420

Гунделен, река 132

Гуниб 234

Давлет-Гиреевская 179, 185

Дегестан 7, 21, 25, 29, 35, 42, 46,
73, 80, 100, 103, 110, 118—120,
126, 130, 135, 158, 165, 166,
168, 179, 180, 184—191, 193,
231, 233

Дальний Восток 372, 373, 376

Дарьяльское ущелье 73, 117, 118,
126, 143, 194

Дербент 80, 118, 143, 165, 185,
186

Дешт-и-Кипчак 85

Джигишты 329

Джингал, хребет 132

Джулат 85, 94

Джуца (Жица), река 202, 241

Дигория 29, 40, 177, 195, 231, 280

Дигорское ущелье 176

Днепр, река 131

Догужоково (Аушигор) 42, 342

Докшоково (Старый Черек) 341,
342, 365

Докшукло 306, 376

Дон, река 62, 70, 85, 110, 115,
160—162

Донская область, Дон 128, 129

Дунай, река 167

Душети 194

Европа 85

Екатериноградская (Екатерино-
град) 172, 213—215, 227, 272,
275, 357, 358, 362, 377, 400,
415, 420, 448

Екатеринодар (Краснодар) 351

Жанхотово (Псыгансу) 341, 342,
344

Женалка, река 202

Живвали (Живванл) 194

Закавказье 14, 17, 19, 27, 31, 40,
41, 43, 44, 65, 70, 77, 80, 93,

102, 110, 113, 114, 118, 119,
121, 126, 135, 142, 143, 160,
163, 213, 253, 326, 338, 375,
Закубанье 62, 69, 71, 91, 143
Западная Грузия 35, 192, 195
Западная Европа 85
Западное Закавказье 160, 166
Западный Кавказ 9, 67, 143, 160
Зихия 67, 93, 94
Золка, река 202, 305, 391—393
Золотая Орда 80, 84
Зольские пастбища 293, 318, 319,
329, 389, 392, 393, 400, 409,
411
Зылга 87

Ираново-Вознесенск 361
Известный Брод 212, 215
Измаил 239
Ильская 14
Имеретия, Имеретинское царство
101, 129, 192, 195
Ипалово (Карагач) 176, 212, 402,
420
Ипгушетия 180—182, 233
Индия 77, 236
Иран (Персия) 28, 40, 64, 77, 82,
102, 110, 113, 116, 118, 126,
131, 135, 141, 143, 144, 165, 166,
186, 191, 193, 213, 220, 224,
232, 237, 239

Кавказ, 7, 10, 14—16, 19, 21, 25,
27, 28, 33, 34, 36, 40—42, 44, 45,
47, 67, 70, 75, 77, 85, 94, 109,
112, 113, 118, 126, 127, 131, 141,
147, 156, 160—162, 164, 166—168,
171—175, 183, 191, 208, 209, 211,
220, 228, 232, 234, 235, 239,
240, 242, 261, 262, 266, 271—
276, 286, 302, 309, 310, 323,
333, 348, 353, 354, 357, 372,
375, 376, 378—380, 383, 387,
420, 427, 429, 431—434, 455

Кавказокей 239
Кавказское ханство 109
Казань 103, 115
Кавказстан 261
Кавбеги 40
Кайсы Анзорово (Старый Лес-
кеп) 24, 341
Кайтагское удмурство 185, 186,
188
Кала-Тюбю, грот 16
Калка, река 80
Камбилевка, река 100, 196
Караджаево (Хазиндоп) 176
Карасу 395
Каратек 152

Карачай 134, 192, 280, 339, 351
Кармо-о (Камешномостское), 29,
35, 40, 42, 95, 378, 390, 400
Карс 65
Картлия 193
Карюшип-Тау гора 140
Касаево (Баксаненок) 420
Каспийское море 41, 59, 77, 109,
113, 118, 123, 143, 160, 165, 166,
235, 236
Кახетия 117, 118, 191, 192
Кашкатау 86, 164, 323, 394
Кашже, река 15
Керчь (Пантикапей, Боспор) 48,
63
Керченский п-ов 41
Керченский пролив (Боспор Ким-
мерийский) 48, 49, 63, 69
Кет 176
Киев 131
Киевская Русь 70, 93
Кизляр 141, 143—147, 151, 167,
168, 180, 181, 186, 211, 353
Кирхожан (Кирхожанский) 231,
313
Кисловодск 172, 428
Кишнок, река 132, 246
Клишбено-Нальчикское (Нар-
тан) 344, 365, 372, 373, 420, 450
Кобан 34
Койсу-Сулак, река 118
Копово (Куркужин) 334, 342, 377,
379, 391, 402
Константинополь (Стамбул) 116,
127, 130, 161, 166, 169, 424
Котляревская 323, 324, 362, 380,
394, 415
Кошерово (Кешже) 341, 365,
389, 403
Красно-Батарейный 49
Красноводск 237
Краснодарский край 14, 49, 55
Криволучье 19
Крым, Крымское ханство 40, 43,
48, 64, 66, 67, 80, 85, 86, 93,
102, 103, 108, 110, 113, 114,
116, 127, 128, 130, 131, 133,
135, 142, 143, 152, 160, 162,
165—167, 169, 170, 172, 177,
186, 188, 236, 238
Крымск 55
Ксанп, река 86
Ксанское ущелье 40
Ксанское эриставство 194
Кубань, Кубанская область 14,
28, 29, 65, 73, 77, 85, 94, 101,
118, 128, 133, 141, 151, 153,
158, 161—163, 169, 206, 226,
228, 234, 236, 278, 315, 316,

333, 334, 371, 383, 401, 429, 434
Кубань (Псыжь), река 25, 28,
29, 35, 52, 59, 62, 63, 69, 72, 73,
85, 100, 133, 160, 161, 167, 172—
174
Кудепетово 403
Кудепетово I (Чегем I) 43, 210,
342, 344, 407, 415
Куркужин, река 132, 202, 246
Кума, река 86, 132, 133, 136,
151, 153, 154, 161, 202, 278
Кумыкня 158, 185, 233, 325
Кумыкская равнина 185
Курп 41
Курп, река 180
Куртатинское ущелье 176
Кучмазукино (Старая Крепость)
391, 393, 415
Кызбурун 86
Кючук-Кайнарджн 171

Лаба, река 14, 28, 63, 68, 69,
100, 266
Лафншево (Псыхурей) 331, 426
Лашкуты 15, 195
Левобережная Украина 131
Лескен 230, 375, 386
Лечхуми 40
Либава 236
Литва 135
Лысая гора 14

Маджар 133
Майкоп 14, 28
Макас (Ма'ас) 80
Малая Азия 9, 27
Малая Кабарда 106, 107, 118,
123, 128, 129, 132—134, 148,
156, 165, 168, 169, 172, 183,
196, 197, 201, 223, 229, 266,
281, 282, 320, 325, 353, 361,
379, 382
Малка, река 29, 34, 100, 107,
114, 125, 132, 133, 153, 170,
202, 219, 226, 227, 326, 356
Мапгышлак, п-ов 237
Мальчжурня 373
Масловый Кут 356
Мегрелля 126, 192
Мерчанское 55
Мешоко 24
Миперальные Воды 377—381, 390
406
Мисостово (Урвань) 306, 331, 343,
408
Мисхако, река 52
Моздок 141, 143, 144, 146, 147,
151, 154, 155, 169, 170, 172,
173, 177, 181, 183, 184, 186,

212—215, 326, 333, 351, 353,
365, 366, 368, 377, 380, 383
Молдавия 135
Мордовская АССР 31
Москва 10, 11, 101, 103, 108,
112, 114—118, 120, 121, 124—
130, 163, 187, 188, 191, 192,
273, 339, 361—363, 376, 422, 448
Мукден 374
Муртазово (Дейское) 323, 324,
341, 403, 407
Мусснорп 40

Нагорные пастбища 293, 318, 319,
388
Нальчик 10, 15, 16, 29, 42, 46,
77, 86, 210, 214—217, 219, 222,
231, 233, 239, 271, 272, 312,
326, 327, 336, 343, 356, 358,
361—363, 368, 371, 372, 375—
378, 381, 382, 385, 388, 394,
395, 400, 409, 410—413, 416,
417, 420, 448, 449
Нальчик, река 132, 206, 227, 229
Нараан, река 202
Наурская 170, 213
Наурузово (Кызбурун II) 386,
391—393, 425
Нахичеванское ханство 193
Негепсыхо (Ныгенпсыхо), река 66,
67, 93
Немиров 167
Нижнее Подонье 162
Нижний Джулат 84
Нижний Кунюм 395
Нижний Новгород 361
Нижний Чегем 40
Нижний Шканты 395
Никопсия 93
Новокрещенская слобода 123
Ново-Николаевское 381
Ново-Полтавское 381, 389
Новороссийск (Пагры?, Суджук-
кале) 67, 170, 324
Новосвободная 25, 28
Новый Юрт 179

Одесса 363
Окоцкая слобода 123
Оршан, река 226
Осетия 86, 101, 124, 134, 171, 172,
176—179, 231, 233, 305, 317,
325, 333, 359, 377, 414

Парчхой 179
Передняя Азия 17, 19, 27, 28, 41,
84
Песчанка 77
Петербург 151, 153—155, 168,

- 169, 173, 241, 242, 305, 363, 409, 410, 414, 422, 448, 449
- Поволжье 19, 40, 43, 45
- Подонье 40, 43, 45
- Польша 113, 124, 125
- Предкавказье 26, 40, 45, 46, 62, 136, 160, 172, 355
- Приазовье 25, 41, 47, 62
- Приближная 353, 354
- Прднепровье 28
- Прикаспье 163, 165, 166
- Прикубанье 7, 21, 22, 24, 25, 29, 34, 35, 41, 45—47, 49, 51, 55, 56, 62, 68, 70, 72, 81, 127, 160, 163, 167, 170
- Причерноморье 41, 44
- Пришибская 29, 216, 415
- Прохладная (Прохладный) 29, 42, 212, 214, 215, 321, 327, 339, 353, 354, 357—359, 361, 362, 364, 365, 368, 371, 380, 381, 400, 412, 415, 419, 420
- Псыгансу, река 124
- Пятигорск 41, 241, 275, 326, 333, 365, 366, 376—380, 385, 406, 411, 415
- Пятигорье 21, 29, 35, 41, 81, 85, 100, 110, 133, 196
- Раевская 52
- Рача 192, 195
- Рим, Римская империя 7, 47, 93
- Рион, река 129
- Россия, Русь, Росийская империя 8, 10, 103, 104, 109, 110, 112—118, 120, 121, 123, 124, 128, 130, 131, 135, 139, 140, 142—145, 147, 149—151, 155, 160—174, 177, 181—183, 187—189, 191—194, 204, 208, 212, 214, 215, 220, 224—229, 232, 234—241, 243, 244, 253, 272, 275, 302, 314, 324, 325, 329, 335, 338, 340, 348, 353, 355—357, 360, 364, 366, 371, 372, 378, 380, 383, 397, 404, 406, 408, 409, 411, 417—420, 423, 427, 428, 430, 433, 435, 450
- Ростов-на-Дону 324, 326, 380, 381, 448
- Сарай Берке 84
- Саратовская 14
- Сарматия 72
- Сванетия 134, 192, 195, 333, 379
- Северная Америка 386
- Северная Осетия 14, 29, 34, 35, 42, 374, 415
- Северное Причерноморье 8, 40, 41, 48
- Северный Дагестан 103, 164
- Северный Кавказ 7—12, 14, 16—18, 21, 22, 25—28, 30—41, 44—47, 70, 73, 77, 78, 80, 81, 84, 85, 93, 95, 96, 102, 108, 110, 113—117, 121, 123, 126—130, 135, 140, 141, 143, 146, 147, 150, 157—159, 161—166, 168, 170, 172—174, 186—190, 193, 194, 209—211, 213, 214, 216, 217, 219, 220, 226, 231, 232, 234, 236—238, 240, 258, 271, 275, 283, 285, 302, 303, 315, 316, 326, 327, 338, 340, 348, 353, 355—357, 363, 368, 369, 375, 377, 385, 399, 402, 406, 413, 417, 427, 429—431, 434, 441, 449
- Северо-Восточное Причерноморье 41
- Северо-Восточный Кавказ 35, 168
- Северо-Западный Кавказ 7, 8, 27—29, 34, 35, 41, 45, 47—49, 68, 81
- Северо-Западное Прикаспье 19
- Сибирь 226, 381, 393
- Синдика, Синдское государство 48, 49, 51—55
- Синоп 51, 127
- Скифия 44
- Смоленская 14
- Советское 35, 43
- Солдатская Малка (Солдатская) 29, 353, 354, 357, 361, 382, 415
- Соломенка 28
- Сосруко, грот 15, 16
- Средиземноморье 27
- Средний Урух 375
- Средняя Азия 84, 109, 110, 118, 237, 261
- Ставрополь 172, 362, 414
- Ставропольщина, Ставрополье 42, 211, 212, 315, 333, 351, 379, 380, 401, 422, 429, 431
- Старая Лазика 67
- Старый Урух 24, 386
- Стремница 28
- Сулак, река 166, 168
- Сунжа, река 100, 114, 116, 117, 127, 132, 179—181, 186
- Таганрог 161
- Таманский п-ов (Томашыко) 41, 49, 54, 55, 59, 63, 64, 66, 69, 70, 93, 110, 135, 142, 170
- Тамань 70, 110, 143
- Тамбиево I (Кызабурун III) 343, 391, 392
- Тарки, 114, 119, 185

Тарковское шамхальство 186, 187, 190
Татарская слобода 123
Татартуп 84, 86, 132, 185, 186, 274
Темир-хан-Шура 424
Темрюк 110
Терек, Терская область 10, 124, 125, 151, 164, 165, 181, 183, 188, 210, 234, 305, 310, 312, 313, 315—317, 325—327, 333, 334, 339, 343, 347, 359, 360, 369, 371, 375, 376, 378, 379, 381, 383, 388, 390, 392, 393, 396, 397, 399, 401, 406, 410, 411, 415, 419, 428—431, 434
Терек, река 25, 29, 85, 100, 107, 114—117, 123, 125, 127, 132, 133, 136, 153, 154, 160, 161, 168, 169, 171, 173, 179, 181, 185, 220, 356
Терки 189, 190, 252
Тифлис 10, 225, 242, 309, 326, 343, 351, 362, 365, 375, 378, 380, 420, 422—424, 432
Тмутараканская Русь 71, 93
Тмутаракань (Матрика) 64, 65, 70, 71
Тохтомышев (Лечинкай) 86, 152, 336, 403
Трапезунд 64, 234
Туапсе (Старая Ахэл) 67
Туганово (Дур-дур) 176
Турахабл 395
Турлово 185
Турция, Турецкая империя 102, 110, 112, 113, 116, 126, 127, 135, 144, 145, 154, 160—167, 169, 170, 172, 174, 177, 186, 188, 191, 213, 220, 232, 234, 236—240, 255, 303, 304, 408, 416, 424, 429, 447, 450, 451
Тыжево (Кипшек) 336, 391, 392, 410
Тюменское ханство 100
Украина 16, 28, 43, 110, 124, 130, 161
Ур 28
Уратау 40
Урусбиево 249
Урух 29, 377
Урух, река 72, 107, 124, 132
Урухская 216
Уфа 424
Учкулан 401
Фанагория 48
Фасос 51

Фортепянка 14
Франция 220, 235
Хазария, Хазарский каганат 69, 79
Хамух 66
Хапцево (Хамидие) 379, 402
Харес, ущелье 177
Харьков 131
Хасаут 331, 386
Хаяюка 326
Херсонес 51
Хеу 195
Хива 236, 237
Хикбауко 202
Хнос 51
Ходосовичи 28
Хулам 67
Хулам, река 249
Хуламо-Безенгневское ущелье 29, 87, 149, 453
Центральная Россия 146, 303, 315, 320, 341, 357, 359, 361, 374, 384, 403, 440
Центральное Предкавказье 5, 7, 35, 72, 73, 78, 85
Центральный Кавказ 9, 29, 31, 42, 45, 80, 81
Цховати 86
Чегем (балкарский) 77, 195
Чегем II 152, 335, 342
Чегем, река 24, 29, 34, 42, 78, 100, 101, 132, 134, 140, 153, 219, 226, 227, 249, 278
Чегемское ущелье 190, 191, 195, 227, 249, 250, 323
Червленная 179
Черек, река 100, 101, 124, 134, 219, 249, 396
Черекское ущелье 86, 101, 129, 195, 227, 249, 323, 394, 395, 435
Черкасск 141, 144
Черкасская слобода 104, 119, 123
Черкесия 33, 35, 86, 110, 135, 139, 141, 186, 220, 233, 339, 374
Черное море 41, 48, 59, 67, 77, 95, 127, 143, 163, 166, 220, 235, 236
Черные, горы 132
Чечен, о-в 123
Чечено-Ингушетия 21, 24, 29, 35, 42, 121, 414, 415
Чочия 158, 173, 180—184, 233, 280, 325
Чигирин 131
Чугуев 131

Шали 179—182
Шалушка, река 132, 225—227
Шарданово (Шалушка) 43, 402,
403, 415
Швейцария 326
Швеция 164
Шемаха 118, 119, 185, 186
Шики 453
Шипшево (Кахун) 389
Шканы 449
Эбенецер 29
Эльбрус, гора 85
Эльхотово 86, 180

Эндерейское владение 186—189
Эндери 186, 189, 241, 242
Эриванское ханство 193
Этоко 46, 89
Этоко, река 202, 305

Юго-Восточная Европа 27, 31,
40, 44
Южно-Осетинская АО 86
Южный Кавказ 40
Юрт-аул 179

Япония 372

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев Асланбек 448
Абаев Исмаил 422, 425
Абаев Мисост 11, 280, 424, 428, 436
Абаев Султапбек 415, 448, 449, 455
Аббас I 119, 126, 127
Абрамов Я. 362
Абул-л-фида 74
Агалар 189
Аганокков Лаша 447
Аджи Исмаил 141
Адиль-Гирей 189
Айдабулла 129
Айдабуллов Артугай 129
Айдеболов А. М. 337, 401
Айдемир 125
Акритас П. Г. 12
Аксаков И. 429
Аксаков К. 429
Алегуков Тенгивбий 131
Александр, царевич грузинский 224, 226
Александр, царь кахетинский 117, 192
Алексеева Е. П. 12
Алексей Михайлович, русский царь 128
Алибек 129
Алибеков Даут 212
Алкасов Мудар 126
Ал-Масуди 9, 64, 68, 89, 91
Алюев Гпляхстан 335
Анзорон 378
Анфимов Н. В. 12
Анчабадзе Э. В. 12
Апраксин П. М. 162, 163
Апши 129
Ардасенев А. 11
Арслан-бек 165
Атажукки Адиль-Гирей 174
Атажукки Бекмурза 327
Атажукки Измаил-бей 174, 232, 239—241, 275
Атажукки Казн 414, 416, 428, 429, 431—433, 455
Атажукки Касай 151, 154, 170, 246
Атажукки Магомед 138, 246
Атажукки Мисост 233
Ахлов Темрюко 198
Ахмед III 161, 163
Ахохов Тембот 381
Ахрнев Чах 415, 431
Аше 83
Ашинов М. 342
Ашинов Ф. 407
Аюка 131
Бабгоев Жамбек 343
Багратюн Бакар 168
Бакар Вахтангович, царевич картлийский 193
Балакирев М. А. 433
Балкаров 336
Балкаруков Ахтуган 190, 191
Баранов 363
Барбаро И. 9, 82
Барковский 168
Барятинский, князь, фельдмаршал 302
Батай 188
Батал-паша 174
Баташев Магомед 231
Баташев Тахтабай 185
Батый 80
Баязид II 86
Бекович-Черкасский 197, 223, 229, 230, 271, 373
Белинский В. Г. 276
Белокуров С. А. 10
Бер 65

Беркетов Х. Г. 11
Бесланев Хабала 318
Бестужев-Марлинский А. А. 275
Бжехатлов Линоан 272
Битемрюков Капшов 123, 124
Бичаев Марем 153
Благоправова Л. 362
Блаев Т. 422
Блаев У. 426
Бозиев А. Ю. 12
Болотников И. 120
Бондаренко В. 342
Броневский М. 294
Броневский С. 10, 138, 140
Будилович А. С. 420
Булагов Д. П. 412
Булгаков 184, 196, 227
Бутков П. Г. 10, 183, 190, 240
Бутурлин 119
Бушугев С. К. 11

Варлыгин В. Г. 426
Вахтаг VI 193
Вахушти Багратиони 9, 193—195
Вельяминов 229
Вендровский В. И. 329
Венявский Генрик 448
Вертепов Г. А. 10
Веру И. 363
Вильнев 166
Вист Яков 374
Владимир Мономах 70, 71
Войков 273
Вольнский А. П. 151, 164, 165
Воробьев, Л. Н. 426
Воронцов 272
Воронцов-Дашков 375, 376
Вревский 196

Гаибов П. Л. 11
Гангелов А. С. 275
Гарданов В. К. 11, 12
Гекатей 53
Георгий 192
Гербер И. Г. 10
Геродот 9
Гиляхстанов Адильгирей 138
Главани К. 10
Глазенап 196, 225
Голицын Б. А. 235, 275
Голицына М. Б. 235
Головин 120
Горький А. М. 97, 455
Гошюков Сагид 336
Грабовский Н. Ф. 198
Грацилевский 242
Гречушников 400
Грибоедов А. С. 273
Гудович 184

Гудуев 407
Гукетлов Магомед 339
Гукетлов Тату 393
Гуляев Василий 356
Гюльденштедт И. А. 10, 134, 195

Дабагов Х. 344
Дамалей Мамсырыко 152, 153
Дашков 101, 105, 114
Дебу И. 10
Девлет-Гирей, хан крымский 110, 114, 115, 162, 170
Дельпоццо И. П. 10, 184, 227
Демосфен 49
Державин Г. Р. 273
Джаихотов Берслан 108, 280
Дзуганов Б. 342
Дмитрий (Капшов) Мамстрюкович 121

Докшукки 407
Дондуков-Корсаков 319
Дубровин Н. Ф. 10, 285, 294
Дударов 224
Дышеков Пат 336

Езбуалуев Иван 112
Езбулуков Нарчов 125
Екатерина II 154, 156, 183, 240
Елизавета 168
Ермолов А. П. 133, 206, 222, 223, 228, 229
Ефимова А. 362

Жамурзов Хамид 379
Жангуразов Яхья 337
Жуковский В. А. 273, 416

Завершинский И. 407
Замятин С. Н. 12
Заруцкий 120
Засекин 118
Заславский Е. 363
Зданович Г. 363
Зубов П. 195

Ибн-Русте 9
Ибуев 335
Иван Алексеевич, русский царь 188
Иван IV Грозный 10, 103, 112, 114, 115, 244, 273
Идаров Камбулат 107, 116, 117, 121
Идаров Темрюк 83, 97, 103, 107, 110, 112—115, 117, 121, 125, 191, 265, 272
Иевлев Алексей 101, 129, 177
Иссен А. А. 12
Инал 83, 97, 148
Интернано Г. 9, 82, 87, 91
Ионе Г. И. 12

Иосиф, митрополит 94
Ираклій II 93, 194
Ирижев Пшимахо 393
Искандеров Абдурахман 321
Искандеров Касым 327
Иттиев Шавай 395

Казаналп 129, 188, 189
Казаноко Джабаги 167, 237—239
Казиев Мусост 131
Казиев Хотождуко (Хотокшуко)
106, 125, 127—131
Кайтукин Асланбек 107, 117, 148,
185, 187, 237, 238, 435
Кайтукин Казый 116
Кайтукин Пшеанноко 113, 114
Кайтукин Япсох 107, 117, 118
Калмыков Б. Э. 11, 409, 418
Кануков Канклыч 112, 191
Кануков Машук 112
Кануков Кул 336
Каплап-Гирей 152, 161, 164, 166
Карамзин Н. М. 241, 244
Карачаев 410
Карачаев Бекмурза 396
Карданов Ч. Э. 11
Карлгоф Н. И. 10
Кармов 374
Кармов Исхак 413, 414, 419, 422
Карпинский Н. Ф. 412
Карпинский П. 377
Касаев 198
Касим 115
Кашежев Табил 378, 409, 425, 426
Квенциневели Ризия 86
Келеметов Асланбек 165, 190
Кепов Калабек 153
Керешов Залимгерп 373, 374, 425
Кешев Адиль-Гирей 428, 430, 431
Кешоков П. 422, 426
Кибитшев Бекмурза 336
Киреевский И. 429
Киреевский П. 429
Киров С. М. 390, 406, 426, 427
Клапрот 177
Клишбиев 383, 392, 396
Ковалевский М. М. 10, 287, 292,
433
Козоков Д. С. 10, 305, 307, 308,
428, 431, 455
Кокнев Г. А. 11, 426
Кольцов П. 168
Колюбакин 375
Кондырев Ждан 128
Константин Багрянородный 9, 66
Капачев И. П. 12
Корин 342
Коробьин 362
Коротков 230

Кошелев А. 429
Кошкин Иван 128
Крикунов В. П. 12
Крупнов Е. И. 11, 12
Кудаев 374
Кудаев Кара 199
Кулашев В. 11
Куденек Камбулатович 125, 126
Куденеков Кельмаммет 125
Кузнецов В. А. 12
Кузьмов Т. Х. 11, 12
Кундухов Муса 234
Кургокин Мехмет 165
Кучков 329
Кущева Е. Н. 11, 12

Лавров Л. И. 11, 12
Лазарев 130
Леван II Даднани 192
Левкои 54
Ленин В. И. 11, 140, 201, 208,
314, 315, 330, 333, 341, 345,
357, 366, 384, 387, 398, 404—406,
409, 418
Леоптович Ф. И. 10
Лермонтов М. Ю. 273, 275, 433
Лжедмитрий II 120
Лпфалова 362
Лихачев 225
Лобжанидзе Кучук 231
Лопатинский Л. Г. 67, 419, 423—
425
Лорис-Мелпков 234, 313
Люк Жан, де 110, 283, 290
Люлье Л. Я. 10

Магомед-Гирей 116
Мажоев Саид 447
Мазанов Бота 393
Максимов Е. 11
Малыгин Б. 128
Мамбетов Г. Х. 11, 12
Марграф О. В. 10
Мария Темрюковна 103, 114, 273
Маркс К. 218, 232
Марцеллин Амшан 73
Махтеев Ахметхан 188
Машуко 152
Медем 172
Менглы-Гирей 86, 228
Меншев Бекка 453
Меншев Кязим 447, 453, 454
Миллер В. Ф. 10, 287, 433
Мисостов 179, 193
Мисостов Айтек 228
Мисостов Ислам-бек 164, 165
Митридат IV Эвпатор 47
Михаил, великий князь 310

- Михаил Федорович, русский царь 121, 128
 Миншек Марья 120
 Мовчан Е. 381
 Моисей Хоренский 9
 Мокаев Хаджимурза 396
 Мстислав Храбрый 65, 70, 71
 Мударов Казый 189
Мужев И. Ф. 11, 12
 Муллаев 329
 Муллаев Исхак 385
 Мустафа, султан турецкий 170
 Мухамед-Амин 220
- Падир-шах 193
 Пазимов 275
 Нарчов Идарович 125
 Нарышкин 275
 Наурузов 389, 390
 Неплюев Н. И. 166
 Нестеров 130
 Нечаев С. Д. 243, 247
 Ният-Гирей 129
 Новосильцев Л. 116
 Ногмов Ш. Б. 10, 46, 83, 107, 161, 237, 241—245, 272, 274, 280, 284, 286, 298, 299, 431
 Нурид 311, 313, 414
- Одоевский А. И. 275
 Оздемир 83
 Озроков М. 342
 Олария А. 10
 Ораков Магомед 396
 Орбеллиани П. 193, 231, 304, 305
 Ораев 374
 Осокин П. П. 409, 412
 Остерман А. И. 168
 Островский А. Н. 417, 455
 Отаров Отар (Дадешкелнапи) 189
 Охрименко 362
- Назов Пшта 372
 Паллас П. С. 10, 149, 286, 287
 Пачев Бекмурза 306, 393, 447, 450—452
 Пейсонель М. 10, 135
 Перовская С. 362
 Петр I 151, 161—166, 168, 188, 190, 235—238
 Пиралов А. С. 10
 Плещеев 114
 Пожарский С. П. 128, 129
 Полежаев А. И. 276
 Поллон 53
 Полонский Я. П. 455
 Полтаев 118
 Потапов Н. А. 144
- Потемкин Г. А., князь 155, 157, 172
 Потемкин П. С. 10, 157, 158, 278, 289, 294
 Потто В. А. 183, 190
 Преселков 362
 Прокопий Кессарийский 9, 67
 Псевдо-Арриан 49, 67
 Птоломей 9
 Пугачев Емельян 353
 Пулат 85
 Пушкин А. С. 237, 273, 274—276, 417, 418
 Пшевицков Казый 101, 118, 121, 125, 126, 187
 Пшиготжев Муса 153
 Пшимаха Камбулатович 105, 123—125, 129
- Радченко 363
 Раевский 274
 Редедя 65, 71, 97
 Резаев 321
 Рейнегге Я. 10
 Ржевский 114
 Россиков 362
 Ростислав, князь 71
 Рубинок П. 377
 Руستم 186, 188
 Рябов 362
- Саадет-Гирей 164
 Сагит-Гирей 110, 170
 Салим-паша 226
 Саллук Темрюкович 114
 Самарин Ю. 429
 Самойлович Иван 131
 Сатир 51, 53
 Саферов 394
 Святослав 10, 70
 Селим, султан турецкий 115
 Селим-Гирей 170
 Семонов 186
 Сефи I 126, 127
 Сидаков Джанхот 154, 170
 Сидаков Мухаммед 168
 Сидганидзе 379
 Симон, царь картлийский 194
 Славянский 417
Смирнов Н. А. 11
 Соколовский 275
 Соней 51
 Сталь К. Ф. 10
 Стахемфак 67
 Степанов 393
 Страбон 9, 49, 52
 Страхов 375, 376
Студенецкая Е. Н. 11, 12

- Суворов А. В. 239
 Суздальцев 400
 Султан-Махмуд 185, 188, 190
 Суншев Баксапук 385
 Сурхай 128, 187
- Таварекон Абши (Апшик) 105
 Таганов 173
 Тазрют 112
 Тамазаев Заурбек 231
 Тамбиев П. 383, 424, 455
 Талашук 112
 Тандуев М. 231
 Ташеев С. И. 433, 434
 Тапсаруков Созоруко 116
 Тапсаруков Шолох 107, 126
 Татаров П. 153, 154, 168
 Татарханов Джанхот 158
 Татарханов Кургока 154
 Татищев М. 177
 Таусултанов Шолох 117, 118, 121, 125, 193
 Таяпр 282
 Теимураз, царь кахетинский 129
 Теимураз II, царь картлийский 193
 Темиржанов А. 344
 Темирханов 331
 Темрюков Мамстрюк 118
 Тесленко 362
 Тимур 84, 85
 Тиргатао 52, 53
 Тлемтхачев Б. 344
 Тлибеков Али 198
 Токтай 84
 Толли Барклай, де 227
 Толочапов Никифор 101, 129, 177
 Толстой Л. Н. 418, 455
 Тормасов 184, 227
Тотоев М. С. 12
 Тохтамыш 85
 Тохтамышев Хамбот 336
Тресков И. В. 11, 12
 Тулатов М. 375
 Тульчинский Н. И. 11, 339, 434
Тхамоков Н. Х. 11
 Тяпкин 130
- Уарий 238
 Узбек 84
 Ураков 157, 158
 Урусбиев Александр 336
 Урусбиев Бачай 335
 Урусбиев Исмаил 336, 433, 434, 455
 Урусбиев Мурзукул 336
 Урусбиев Науруз 433, 434
- Урусбиев Сафар-Али 281, 282, 428, 433, 434
 Урусбиев Хамзат 326, 336
 Успенский Г. И. 455
 Утаров Харам 217
 Ушинский К. Д. 432, 433
 Ушурма Мансур 173
- Фабрициан 156
Фадеев А. В. 11, 12
 Фанзиев М. М. 424
 Фашмухов Данил 379
 Федор Иванович, русский царь 117
 Феофан 63, 67
 Фигнер В. 362
 Фидаров 377
 Флейшер 410
- Хогожеев Асхал 336
 Хамани 138
 Хамураин Атажук 174
 Хап-Гирей 10, 141, 283, 284, 286.
 Хачинаев Огурлу 337
 Хашаев Магомед 231
 Хашев Мирзабек 343
 Хворостинин И. А. 118, 187
 Хежев К. 343
 Хетагуров Коста 415
 Хомяков А. С. 429
 Хохлов В. 120
- Цагов Н. А. 424, 425
 Циципанов 225
Цорав М. М. 11, 12
 Цорав Мирза 396
- Чайковский П. И. 434
 Чачаев 314
 Челеби Эвлии 9
 Чеполов 129
 Черемисников 114
 Черкасский Айтек-Мурза 177
 Черкасский Александр-Бекович 162, 163, 165, 180, 235—237, 265
 Черкасский Алексей Михайлович 235
 Черкасский Григорий Супчалеевич 121
 Черкасский Давлет-Гирей Эльмурзович 181, 182
 Черкасский Иван Борисович 121
 Черкасский Камбулат 189
 Черкасский Каспулат Муцалович 121, 130, 131, 185, 188
 Черкасский Михаил Алегукович 121, 235

Черкасский Михаил Яковлевич 235
Черкасский Муцал Сунчалеевич 121, 124, 126—129
Черкасский Нарчов 189
Черкасский Сунчалей Янглычевич 119—121, 126, 181, 187, 188, 265
Черкасский Шолох Сунчалеевич 121, 187
Черкасский Эльмурза Бекович 165, 189
Черкасский Яков (Урускап) Куденович 121, 130
Черкесов 310—312
Черпозубов 393
Черный М. 120
Чернышев 342
Чижиков 410
Чингис-хан 80
Чпчагов Степан 168
Чополау (Апднй, Чобан) 190

Шагни-Гпрей 126, 127, 128
Шалоборов Хақлыша 327
Шамиль 220, 232, 234, 304
Шангуров Касай 231
Шарданов 202
Шармуа Ф. 242
Шафиров П. П. 167
Шаханов Таукап 337
Шаше 83
Шаховский И. В. 10, 199

Шегануков Алегую 106, 125, 127—131, 192
Шейх-Мапсур 158
Шёгрел А. М. 242, 243
Шекихачев П. 426
Шеретлоков Т. 426
Шеретлоков Умар 233
Шикова Т. Т. 12
Шпльлинг Е. М. 264
Шпльтбергер И. 94
Шипшев Адильгирей 389
Шихмурзин Батай 119
Шинмарев Артемий 125, 128
Шогенцуков А. А. 425
Шогенцуков Асхад 393
Шомахов Локман 393
Шоров Шухаб 343
Шортанов А. Т. 11, 12
Шувалов 374

Щеголев А. И. 11
Щепотьев Андрей 112
Эльбердов Х. У. 424—426
Энгельс Ф. 33, 39, 202, 232, 287, 297
Эристов 231
Эркепов Асланбек 321
Этезов Хаджелл 386

Юхневич П. 321

Якоби И. В. 155, 156, 173
Якубович 274, 275
Ярослав Мудрый 71

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	7

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПЕРВОБЫТНООБЩИНСКИЙ СТРОЙ И ЗАРОЖДЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА И КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АССР

Глава первая

Возникновение и развитие первобытного строя (Е. И. Крупнов)	14
1. Каменный век и энеолит. (Дородовое общество. Матриархальная родовая община)	14
2. Бронзовый век. Зарождение и развитие патриархального рода (середина III — конец II тысячелетия до н. э.) . .	21

Глава вторая

Разложение первобытнообщинного строя и зарождение классового неравенства (Е. И. Крупнов)	33
1. Ранний железный век в истории Центрального Предкавказья и Кабардино-Балкарии (I тысячелетие до н. э.)	33
2. Период военной демократии на территории Кабардино-Балкарии	38
3. Сарматы и аланы в Центральном Предкавказье	45

Глава третья

Скидское раннерабовладельческое государство V—IV вв. до н. э. (В. А. Кузнецов)	48
1. Хозяйство	48
2. Социальный строй. Города	51
3. Культура и быт скидов и других древних адыгов (В. А. Кузнецов, А. Т. Шортанов)	54

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ (IV—XV вв.)

Глава четвертая

Зарождение и становление феодальных отношений у адыгов (IV—XII вв.) (Л. И. Лавров)	62
1. Хозяйство	62
2. Социальный строй	65
3. Формирование адыгской народности	66
4. Взаимоотношения адыгов с Русью и соседними народами	69

Глава пятая

Балкария в период средневековья (Г. И. Ионов)	72
1. Происхождение балкарцев и карачаевцев	72
2. Экономическое развитие местных племен	75
3. Социальный строй в Балкарии в период средневековья	77

Глава шестая

Кабарда и Балкария в XIII—XV вв. (Л. И. Лавров)	80
1. Дальнейшее развитие феодализма	80
2. Отношения Кабарды с Золотой Ордой в XIV—XV вв. Балкария в XIII—XV вв.	84

Глава седьмая

Культура и быт населения Закубанья и Кабардино-Балкарии в IV—XV вв. (Л. И. Лавров)	87
1. Материальная культура. Язык	87
2. Обычай, искусство и религия	91
3. Фольклор (А. Т. Шортанов)	96

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ К РОССИИ

Глава восьмая

Общественный строй Кабарды и Балкарии в XVI—XVII вв. (Е. Н. Кушева)	100
1. Экономическое развитие	100
2. Социальные отношения	103
3. Политический строй	106

Глава девятая

Присоединение Кабарды к России (Е. Н. Кушева)	109
1. Присоединение Кабарды к России (Т. Х. Кумыков)	109
2. Русско-кабардинские отношения в 1558—1570 гг.	113
3. Русско-кабардинские отношения в конце XVI—начале XVII в.	116

Глава десятая

Русско-кабардинские и русско-балкарские отношения в XVII в. (Е. Н. Кушева)	120
1. Русско-кабардинские экономические связи в XVII в.	120

2. Внутреннее и внешнеполитическое положение Кабарды в первой половине XVII в.	124
3. Русско-балкарские отношения в XVII в.	129
4. Внешнеполитическое положение Кабарды во второй половине XVII в.	130
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Экономическое развитие Кабарды и Балкарин в XVIII в. (В. К. Гардапов)	132
1. Территория, расселение и численность населения	132
2. Состояние сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности	134
3. Торговля	141
<i>Глава двенадцатая</i>	
Классовая борьба в Кабарде и Балкарин в XVIII в. (В. К. Гардапов)	148
1. Особенности классовой борьбы в первой половине XVIII в.	148
2. Классовая борьба во второй половине XVIII в.	153
<i>Глава тринадцатая</i>	
Кабарда и Балкарин в системе международных отношений XVIII в. (А. В. Фадеев)	160
1. Кабардинский вопрос как часть кавказской проблемы в 1700—1739 гг.	160
2. Крушение завоевательных планов Турции на Кавказе и признание ею Кабарды владением России	168
<i>Глава четырнадцатая</i>	
Взаимоотношения Кабарды и Балкарин с соседними народами в XVI—XVIII вв.	176
1. Кабардино-балкарско-осетинские отношения (М. С. Тотоев)	176
2. Связи Кабарды и Балкарин с Чечней и Ингушетной в XVI—XVIII вв. (Г. Х. Мамбетов)	179
3. Взаимоотношения Кабарды и Балкарин с Дагестаном в XVI—XVIII вв. (Г. Х. Мамбетов)	184
4. Взаимоотношения Грузии с Кабардой и Балкарней в XVI—XVIII вв. (З. В. Анчабадзе, Т. Д. Боцвадзе)	191
<i>Глава пятнадцатая</i>	
Социально-экономические отношения в Кабарде и Балкарин в первой половине XIX в. (Т. Х. Кумыков)	196
1. Сельское хозяйство. Промыслы	196
2. Земельные отношения в Кабарде и Балкарин	200
3. Классовая структура кабардинского общества	204
4. Классовая структура в Балкарин	206
<i>Глава шестнадцатая</i>	
Торговые связи Кабарды и Балкарин в первой половине XIX в. (Т. Х. Кумыков)	209
1. Особенности торговли 1800—1845 гг.	209
2. Новый этап в развитии торговли. Рост товарно-денежных отношений (1846—1860 гг.)	213
<i>Глава семнадцатая</i>	
Антиколониальные движения и классовая борьба в Кабарде и Балкарин в первой половине XIX в. (Т. Х. Кумыков)	219

1. Национально-колонпальная политика царизма и судебные преобразования в Кабарде в первой четверти XIX в.	219
2. Восстания в первой четверти XIX в.	224
3. Классовая борьба в 30—50-х годах	229
4. Переселение горцев в Турцию	234

✓ *Глава восемнадцатая*

Общественные деятели Кабарды в XVIII — первой половине XIX в. (Т. Х. Кумыков, А. Т. Шортанов)	235
1. Александр Бекович-Черкасский	235
2. Джабаги Казанко	237
3. Измаил-Бей Атажукни (60-е годы XVIII в.—1812 г.)	239
4. Ш. Б. Ногмов (1794—1844 гг.)	241

✓ *Глава девятнадцатая*

Культура кабардинцев и балкарцев в XVI — первой половине XIX в.	246
1. Матерьяльная культура (Е. Н. Студенецкая, Т. Т. Ширкова)	246
2. Прикладное искусство (Е. Н. Студенецкая)	258
3. Фольклор (А. Т. Шортанов, А. Ю. Бознев)	265
4. Музыка и танцы (А. Т. Шортанов, А. Ю. Бознев)	268
5. Зачатки народного образования (Т. Х. Кумыков)	272
6. Культурные связи с русским народом (И. В. Тресков)	271

✓ *Глава двадцатая*

Общественный и семейный быт кабардинцев и балкарцев в XVI — первой половине XIX в. (Г. Х. Мамбетов)	277
1. Общественный быт	277
2. Семейный быт	288
3. Военный быт	294
4. Религия	298

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА И В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

Глава двадцать первая

Земельная реформа и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (Т. Х. Кумыков)	302
1. Предпосылки и особенности реформы	302
2. Проведение земельной реформы в Кабарде	304
3. Освобождение крестьян от личной зависимости	309
4. Административная, военная и судебная реформы	315

Глава двадцать вторая

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Кабарды и Балкарии в пореформенный период (Т. Х. Кумыков)	318
1. Землевладение и землепользование. Развитие товарного земледелия	318
2. Рыночный характер скотоводства	325
3. Развитие торгового капитала. Зачатки промышленного капитализма	327

Глава двадцать третья

Расслоение деревни и классовая борьба в Кабарде и Балкарии в пореформенный период (Т. Х. Кумыков)	330
1. Расслоение деревни	330
2. Классовая борьба	333

Глава двадцать четвертая

Крестьянские промыслы Кабарды и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в. (Г. Х. Мамбетов)	338
1. Шерстяное производство	338
2. Изделия из дерева и седельное производство	341
3. Металлическое производство. Плетение	344
4. Проникновение капиталистических отношений в промыслы	348

Глава двадцать пятая

Русское население Кабарды и Балкарии (конец XVIII—XIX в.) (В. П. Крикунов)	353
1. Русские поселения на Северном Кавказе	353
2. Связи русских поселенцев с коренным населением	355
3. Социально-экономическое развитие в пореформенный период	357
4. Участие русского населения в освободительном движении	361

Глава двадцать шестая

Кабарда и Балкария накануне и в годы первой русской революции (И. Ф. Мужев)	364
1. Экономическое развитие Кабарды и Балкарии	364
2. Развитие капиталистических отношений и рост классовой дифференциации в деревне	367
3. Обострение классовых противоречий	371
4. Революционное движение в Кабарде и Балкарии в 1905—1907 гг.	374

Глава двадцать седьмая

Кабарда и Балкария в период реакции и нового революционного подъема (1907—1914 гг.) (И. Ф. Мужев)	383
1. Развитие капиталистических отношений	383
2. Столыпинская аграрная политика и ее отражение в Кабарде и Балкарии	387
3. Зольское восстание кабардинских крестьян в 1913 г.	391
4. Черекское восстание балкарских крестьян в 1913 г. (М. М. Цорев)	394

Глава двадцать восьмая

Кабарда и Балкария в период первой мировой войны и Февральской революции (1914 г.— февраль 1917 г.) (В. П. Крикунов)	398
1. Война и углубление социально-экономических противоречий в деревне	398
2. Назревание революционного кризиса	405
3. Февральская буржуазно-демократическая революция. Подъем освободительного движения в Кабарде и Балкарии	409

Глава двадцать девятая

Народное образование в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в. (И. П. Копачев)	413
1. Школы и культурно-просветительные организации во второй половине XIX в. (Т. Х. Кумыков)	413
2. Пресвещение в начале XX в.	418
3. Деятельность передовых учителей	423

Глава тридцатая

Общественная мысль в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в. (Т. Х. Кумыков)	428
1. Д. С. Кодзоков (1818—1893 гг.)	428
2. Адиль-Гирей Кошев (1840—1872 гг.)	430
3. Каан Атажукин (1841—1899 гг.)	432
4. Исмаил и Сафар-Али Урусбиевы	433
5. Мисост Абаев	434

Глава тридцать первая

Культура Кабарды и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в.	437
1. Материальная культура и прикладное искусство (Е. Н. Студенецкая)	437
2. Устное народное творчество и музыкальная культура (А. Ю. Бозиев, А. Т. Шортанов, Т. Х. Кумыков)	445
3. Литература (А. Ю. Бозиев, А. Т. Шортанов, И. В. Тресков)	450
Хроника дат и событий	456
Указатель географических названий	464
Указатель имен	471

**История
Кабардино-Балкарской АССР
т. I**

*Утверждено к печати
Кабардино-Балкарским научно-
исследовательским институтом*

Редакторы *Е. П. Прохоров* и *Г. В. Шелудько*
Художник *В. Г. Прохоров*
Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 19/IV 1967 г. Т-10812.
Подписано к печати 17/VII-1967 г. Формат
60×90^{1/16}. Бумага для глубокой печати № 1.
Усл. печ. л. 30,25+1 вкл.
Уч. изд. л. 28,9. Тираж 6300 экз. Тип. зак. 2521
Цена 2 р. 07 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!
МАГАЗИНЫ «АКАДЕМКНИГА»

предлагают Вашему вниманию следующие книги:

Из истории межславянских связей. Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 36. 1963. 111 стр. 56 к.

КУШЕВА Е. П. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVII — 30-е годы XVIII века). 1963. 370 стр. 1 р. 47 к.

СМИРНОВ Н. А. Мюридизм на Кавказе. 1963. 243 стр. 75 к.
Древности Чечено-Ингушетии. 1963. 277 стр. 1 р. 90 к.

ПОРШНЕВ Б. Ф. Феодализм и народные массы. 1964. 520 стр. 2 р. 25 к.

БАДЕР О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. 1964. 176 стр. 1 р. 44 к.

Народы Европейской части СССР (Серия «Народы мира»), т. I. 1964. 984 стр. 17 вкл. 5 р. 20 к.; т. II. 1964. 918 стр. 17 вкл. 5 р.

Памятники Кавказа и Средней Азии. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 98. 1964. 136 стр. 70 к.

ХАСАНОВ Х. Х. Революция 1905—1907 гг. в Татарии. 1965. 341 стр. 1 р. 40 к.

Древности Северо-Западного Причерноморья. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 105. 1965. 298 стр. 68 к.

ЛИБЕРОВ П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. Свод археологических источников. Вып. Д1—31. 1965. 112 стр. 63 к.

Если Вы хотите приобрести эти или другие книги издательства «Наука», направляйте заказы в магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига» (Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12) или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 139;

Баку, ул. Джапаридзе, 13;

Киев, ул. Ленина, 42;

Ленинград, Литейный пр., 57;

Москва, ул. Горького, 8;

Москва, ул. Вавилова, 55/5;

Новосибирск, Красный пр., 51;

Свердловск, ул. Беллинского, 71-в;

Ташкент, ул. К. Маркса, 29;

Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;

Уфа, пр. Октября, 129;

Уфа, Коммунистическая ул., 49;

Фрунзе, бульвар Дзержинского, 41;

Харьков, Уфимский пер., 4/6;

Душанбе, пр. Ленина, 95;

Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303.